

В. В. БАРТОЛЬДУ

MCMXXVII

ТАШКЕНТ

جماعت برای شناختن تاجکستان و خلایق ایرانیهٔ بیرون حدود آن

عقد الجمان

لتبجیل مؤرخ ترکستان
السید الاستاذ الفاضل
الشیخ برتولد الکامل
وهو منظم
بأیدی تلامیذه واصدقائه
علماء ترکستان
سنه ۱۳۴۵

تاشکند ۱۹۲۷

Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами

В. В. БАРТОЛЬДУ

ТАШКЕНТ
1927

Ташкент. Типо - литография № 2 Казгиза. Заказ № 673. Ташокрлит № 60.

Отпечатано в количестве 750 экземпляров, из коих 1 именной и 99 нумерованных.

Редакция: *А. Э. Шмидт* и *Е. К. Бетгер.*

Начато набором в феврале, окончено печатанием в октябре 1927 г.

XII + 556 стр. (35 1/2 листов).

Глубокоуважаемый

Василий Владимирович!

Защитив 25 лет тому назад—2 декабря 1900 г. свою диссертацию „Туркестан в эпоху монгольского нашествия", Вы заложили этим капитальным трудом прочный фундамент строго научного, основанного на первоисточниках, изучения Средней Азии. Вся Ваша дальнейшая ученая и научно-общественная деятельность способствовала укреплению и развитию этого изучения. Ваши работы, которые впервые для Туркестана выполнены во всеоружии европейского научного метода, составили целую эпоху в деле исследования прошлого Средней Азии, и к ним неизбежно должен обращаться всякий, кто приступает к научной разработке того или иного вопроса туркестановедения из области материальной или духовной культуры. Вообще самое представление об изучении Средней Азии и особенно Туркестана неразрывно связано с Вашим именем, как человека, не только отдавшего свои силы изучению этого края, но в процессе научной работы с ним сроднившегося и живущего его интересами. Поэтому, конечно, не случаен тот факт, что и давно жданная организация высшей школы в Ташкенте протекала при Вашем ближайшем участии.

Вот почему мы, участники настоящего Сборника, сгруппировавшись вокруг молодого очага научного востоковедения—Восточного Факультета САГУ, в создании которого пришлось столь плодотворно потрудиться и Вам, не могли не отозваться на Ваш юбилей и позволяем себе отметить знаменательный день двадцатипятилетия Вашего доктората поднесением Вам своих работ на близкие Вам темы.

Примите это скромное подношение таким, каким оно мыслится нам: посильной данью глубокого уважения к Вам, как к ученому и человеку.

Ташкент.

2 декабря 1925 г.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мысль об издании Сборника в честь акад. *В. В. Бартольда* зародилась в стенах профессорской комнаты Восточного Факультета Ср.-Аз. Университета осенью 1925 г., когда стало известно об исполняющемся в декабре того же года двадцатипятилетии со дня получения Василием Владимировичем докторской степени. Мысль эта нашла себе горячую поддержку не только у преподавателей Факультета: она вышла вскоре из узкого круга университетской среды и была встречена с единодушным сочувствием всеми деятелями Средней Азии, которые в той или иной мере посвятили себя изучению этой страны в областях знания, близких научным интересам юбиляра.

Тогда же состоялось заседание инициативной группы участников Сборника, во время которого была избрана редакционная коллегия в составе *А. Э. Шмидта* (ответственный редактор), *Е. К. Бетгера* (технический редактор) и *А. А. Гаррицкого*.

Ко дню юбилея Редакции удалось только собрать от авторов заглавия их предполагаемых работ и от их имени через особую делегацию поднести Василию Владимировичу приветственный адрес, в котором сообщалось о решении подписавших его лиц составить Сборник и указывалось предполагаемое содержание последнего.[1]

Предпринятые Редакцией шаги для осуществления задуманного издания нашли себе реальную почву только летом 1926 года, когда идеей Сборника заинтересовалось Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, Правлением которого уже в августе того же года было решено издать настоящую книгу в Ташкенте. Предварительные для этого меры потребовали нескольких месяцев, так что лишь в феврале текущего года было, наконец, приступлено к печати. В виду сложности и обширности материала, печатание Сборника затянулось более чем на полгода.

Выпуская в свет эту книгу, Редакция от имени всех участников Сборника приносит глубокую благодарность Обществу для изучения Таджикистана, в особенности же его Председателю *А. А. Знаменскому*, за просвещенное содействие делу издания Сборника.

---

[1] Ко дню сдачи книги в печать некоторые авторы заменили намеченные статьи другими.

Редакция не может не отметить также того живого участия, которое типография № 2 Казакского Гос. Издательства приняла в деле создания Сборника и придания ему достойной внешности: был приобретен новый академический шрифт, выписаны необходимые знаки для транскрипции восточных текстов, и в самом процессе печатания Редакция постоянно встречала со стороны всех сотрудников типографии самое внимательное и отзывчивое отношение. Редакция выражает свою признательность зам. заведующего типографией *Г. Т. Кобылковскому,* старшим наборного и печатного цехов *А. Г. Быкову* и *В. А. Прусову,* наборщику *Н. Т. Шутимову* и печатнику *А. Г. Кренделеву,* своей опытностью и знанием дела шедшим навстречу всем, даже самым мелочным пожеланиям Редакции.

Существенную помощь при подготовке к печати и корректировании некоторых статей оказали *М. Е. Массон*, *И. И. Умняков* и *К. К. Юдахин,* которым Редакция приносит сердечную благодарность за дружеское содействие.

Арабские надписи на обложке и титульном листе любезно исполнены ассистентом Восточного Факультета САГУ Мирза Мамед *Тагиевым.* Обложка *И. Миклашевского.*

Ташкент. Октябрь 1927 г.

История.

„Под влиянием трудов европейских ориенталистов „златой восток, страна чудес“, восток Тысячи и одной ночи постепенно отходит в область легенд; зато перед нами развертывается картина действительной жизни восточных народов и выясняются причины, определившие ход их истории и их роль в истории человечества“.

(В. В. Бартольд. Рецензия на „Заметки об этническом составе тюркских племен“ Н. А. Аристова. З. В. О. т. XI, стр. 355.)

В. Л. Вяткин.

Шейхи Джуибари.

I. Ходжа Ислам.

Как среднеазиатские правящие династии после Чингиз хана, в интересах авторитета рода, свои родословные доводили до этого великого завоевателя, так и фамилии шейхов в суфических орденах, в доказательство высокого авторитета и подлинности их учения заинтересованными лицами вливались в родословные таких фамилий, непреложность происхождения которых от первых халифов считается общепризнанной. Как в том, так и в другом случае связь эта устанавливалась введением в родословные промежуточных звеньев—вымышленных лиц. Кроме родословных физических, у шейхов были родословные духовные—цепь лиц, связанных последовательностью учения и благодати, переданных от известных суфических шейхов, авторитет которых непоколеблен, каковые родословные обязательно доводились до первых халифов, а через них до самого пророка Мухаммада.

Родословная бухарских шейхов Джуибари [1] как физическая, так и духовная в этом отношении не представляет исключения—шейхи эти по мужской и по женской линии, а также в отношении последовательности передачи духовной тайны и благодати доведены до высоких авторитетов. Однако, только с XVI века фамилия шейхов Джуибари приобретает широкую известность даже за пределами Средней Азии, и первыми лицами, сделавшими ее популярной, были отец и сын—ходжа Мухаммад Ислам и ходжа Саад.

Родословная говорит, что в десятом колене ходжа Ислам приходился потомком имама Абу Бакра Ахмада, выселившегося из Мекки в Нишапур, а затем переселившегося в Бухару. Предание говорит, что

---

[1] Источники: Джами-уль-Макамат, соч. Абул Бака, сына Бахавуддина, сына Махзуми Аазама, написанное в 1026 г. хиджры;

Матляб-уль-Талибин, соч. Абул Аббаса Мухаммад Талиба, сына Таджеддина Хасана аль Хусайни аль Сыддыки, написанное около 1056 г.;

Саадия, соч. Хусейна, сына Мир Хусейна аль Хусайни аль Серахси, написанное между 980 и 984 годами;

Абдулла-нама; Сеид-Ракым; Таарихи Мукым хани.

знатные и благородные люди Бухары видели грамоту на имя этого имама, данную Хулагу ханом, в которой имя имама Абу Бакра Ахмада предварялось званием „накыб-уль-нукабо". Затем указывается, что похороненный около Бухары в селении Сумитан ходжа имам Абу Бакр Саад [1] также происходит из этой фамилии. Он жил еще во времена саманидов. Впоследствии могила эта, одна из четырех могил весьма почитаемых в Бухаре святых Абу Бакров (чаар Бакр), играла весьма важную роль в жизни шейхов Джуибари, ставших единственными посредниками между народом и святым. Могила этого святого издавна привлекала богомольцев. Ходжи Джуибари учли значение этого святого места, которое с окружающими землями составляло их вакуфное достояние, и, как потомки имама Абу Бакра, хозяйничали здесь в качестве шейхов. Они стали широко популяризировать святого. Здесь раз в год стали устраивать в месяце шаабане общественные моления при огромном стечении народа.

Дед ходжа Ислама, ходжа Мухаммад Яхъя, поселился в местности Джуибар, которая находилась на запад от Бухары, вне городских стен, примыкая к ним с внешней стороны, у городских ворот Солори хадж, так называвшихся по имени похороненного здесь святого эпохи саманидов. По названию этой местности ходжа Яхъя стал именоваться шейхом Джуибари, как и другие его родственники, жившие с ним. Впоследствии этот пригородный квартал включен был по распоряжению Абдулла хана, в заботах о благополучии шейхов, в городскую черту путем устройства здесь новой городской стены и сохранил свое название до наших дней. Ходжа Ислам был ишаном, имел знания в мистических науках и располагал небольшим числом мюридов. Сын его, отец ходжа Ислама, известен лишь тем, что был очень богатым человеком и по какому-то поводу был убит толпой. В то время ходжа Ислам был малолетним, и забота о воспитании его всецело легла на деда.

Однако, более известны были родственники ходжа Ислама с материнской стороны. Дед его был человек осведомленный в мистических познаниях и просвещенный. Сын его, дядя ходжа Ислама, был хальфою шейха Мансура, и Шейбани хан ему покровительствовал. Имя его было Умар. У него было два сына, оба люди хорошо просвещенные в науках и мистических познаниях. Мюридом одного из них, которого звали мавляна Ахмад Джуибари, был Убайдулла хан, правитель Бухары (1533—1539 г.). Оба сына Умара были учениками известного суфия мавляна Ходжаги Касани, иначе именовавшегося Махзуми Аазам. У ходжа Ислама была полная связь с Ахмадом Джуибари, от которого он и получил первые познания в мистике еще в молодых годах. Брат Ахмада Джуибари—мавляна Алавуддин, известный более под именем мавляна Казы, занимал высокие должности в Бухаре и умер въ 980 (1572) году.

[1] По Мулла-зада, имам Абу Бакр Ахмад бин Саад умер в 360 (970—71) г. и похоронен в селении Сумитан.

Некоторые даты из жизни ходжа Ислама позволяют сделать заключение, что он родился около 900 (1494) г. в Джуибаре. Шести лет дед отвел его в школу. По корану его выучили читать и затем писать сначала на деревянной дощечке тушью, смываемой каждый раз для нового писания. Затем он обучался арабской грамматике и упражнялся в чистописании на бумаге. О дальнейшем его общем образовании биографы никаких сведений не сообщают. Ясно, что он получил только самое начальное образование. К детским играм он будто бы не был склонен сам по себе и затем его удерживали от них, как вредных для человека, призванного к высокой цели не только спасти себя, но спасать других. Биографы отмечают склонность его к уединению. Ребенком он просит дедушку увезти его „в степи, где нет ни заборов, ни деревьев". Потом ему подолгу удавалось проживать в Каршинских степях. Вообще он до старости чувствовал привязанность к степному простору и к природе. В зрелые годы он любил ездить в степи, чтобы побродить бесцельно, или поохотиться, в особенности в летнюю пору. Один из биографов рассказывает, что ходжа Ислам любил уезжать далеко в степь во время созревания пшеницы. Высоко в небе, описывая круги, парят орлы и оглашают воздух протяжным, тоскливым, стонущим клекотом. Ходжа Ислам стоит, упрется в небо глазами и следит за полетом орлов. Жалобный клекот птиц так действует на него, что он замирает на месте, ему трудно дышать, дыхание у него захватывается, и он часто доводит себя до обморочного состояния.

В юношеских годах, зимой проживая в Джуибаре, он любил ходить по ночам, когда все спали, на могилы святых, которых было достаточно около Джуибара, и на кладбища, где и просиживал в созерцании до рассвета. Часто по целой неделе, дней по десяти он постился, совершенно не принимая пищи. То он усиленно и подолгу молился, то на него накатывала тоска. Вообще он расстроил свою нервную систему настолько, что впоследствии жаловался, что вот уже лет двадцать как почти не спит ни днем, ни ночью. Приобретенные от дедушки познания в мистике он пополнял в юношеские годы, посещая то того, то другого шейха. Уже и тогда Мухаммад Парса, известный в то время шейх, считал ходжа Ислама „в путях сердца", т.-е. в мистике, наравне со взрослыми мистиками.

В зрелых годах ходжа Ислам, которого с раннего детства стали звать прозвищем Ишани Калян (старший ишан), производил впечатление человека всесторонне образованного. Он в своих речах ссылался на сочинения мистиков, цитировал разных авторов, указывал на неправильность учения других суфических орденов, спорил с людьми, окончившими высшую школу и учеными, к нему обращались за советом люди разного общественного положения по разнообразным поводам. Постоянное общение с людьми самых разнообразных профессий, общественного положения и степени образованности не только придало ему

видимость образованного человека, но и сделало то, что не дало недоконченное школьное образование—выдвинуло на степень действительно образованного по тому времени человека. Мало того, он по своему положению передового мистика, руководителя первенствующего мистического ордена, советчика государства, живя в эпоху бесправия, бесконечных войн между правителями многочисленных уделов, в обстановке, требовавшей большой ловкости, такта, знания быта и людей, должен был быть дипломатом и психологом. В действительности он был тем и другим. Многое из того, что относилось верующими к числу чудес, якобы совершенных им, обстоятельно передаваемых биографами, в сущности легко объясняется тонким пониманием человеческой натуры, способностью и опытом угадывать мысли человека по его душевному настроению. Ко всему тому Ишани Калян широко осведомлен был о событиях и лицах не только ближайших районов, но и соседних уделов, узнавая положение дел не только из правительственных источников, но и от многочисленных своих гостей и посетителей, прибывавших отовсюду в его широко открытый для гостеприимства двор. Кроме того, он, как пир, посвящался почитателями в такие тайны, которые были недоступны обыкновенным людям.

Когда в Бухару из Самарканда прибыл известный суфи, ученик ходжа Ахрара—мавляна Мухаммад Казы, ходжа Яхъя, его почитатель, поспешил представить ему для благословения своего 12-летнего внука. Суфи преподал мальчику первые уроки зикра, а умирая в 921 (1515-6) г., оставил его на попечение своего ученика, названного выше мавляна Ходжаги Касани. Двадцатилетний ходжа Ислам дал клятву и обет повиновения своему пиру, Ходжаги Касани. В последующее время ходжа Ислам проживал то в Джуибаре, то в селении Дахбиде, близ Самарканда, где была резиденция пира, умершего в 949 (1549) году, когда Ишани Каляну было 49 лет.

Еще в молодых годах ходжа Ислам должен был бежать из Бухары. В 918 (1512) г. Мирза Бабур, еще не потерявший надежды вновь водворить в Маураннахре власть тимуридов, в союзе с персами двинулся против узбеков и перешел на правый берег Аму-дарьи. Ходжа Ислам бежал в Казакстан, где правителем тогда был Касым хан. Узнав о приезде одного из потомков имама Абу Бакра Саада, хан выехал ему навстречу, привез к себе и не отказал в продолжительном гостеприимстве. Лишь после того, как стало известно, что Бабур понес поражение и ушел за Аму-дарью, а посланный на смену ему персидский полководец Наджми Сани жестоко разбит около Бухары, со многими начальниками убит в сражении, а остатки персов бежали из Маураннахра, когда уже самые слухи о персах стали затихать, ходжа Ислам собрался возвращаться в Бухару. Но в это время от победителя Бабура и персов Убайдуллы хана, племянника Шейбани хана, прибыли послы к Касым хану сватать его дочь за своего хана, тогда утвердившегося

правителем Бухары. Касым хан дал свое согласие, ввел ходжа Ислама к своим женам и поручил его попечению отправляемую в Бухару дочь. Он сказал ходжа Исламу: „Я отправляю свое дитя в вашу страну. Вы сын наших пиров. Будьте постоянно осведомлены об обстоятельствах моей дочери“. Ходжа Ислам и вернулся тогда на родину.

При Убайдулла хане из шейхов Джуибари никто выдающегося значения не имел, хотя один из них, Ахмад Джуибари, и был пиром хана. Точно также и при Абдул Азизе, сыне Убайдуллы хана, сменившем отца на бухарском престоле, человеке хотя и набожном, отличавшемся приверженностью к дервишам, но у которого был пир не из Джуибаров—шейх Джалиль, ученик мистика Шамседдина Рухи, никто из Джуибаров широкой духовной или политической известностью еще не пользовался, а имя ходжа Ислама только что начинало приобретать популярность. Тогда в Бухаре проживал суфи из ордена Кубаравия—Мир Абул Бака, привлекавший много мюридов; в районе Самарканда мюриды группировались около шейхов Азизан и прибывшего из Ферганы Ходжаги Касани. Вообще биографии шейхов этого времени отмечают обилие искателей суфической истины, часто и подолгу ходивших от одного руководителя к другому, не стесняясь расстояниями, пока не находили такого, который в состоянии был бы удовлетворить их запросы, или пока они не разочаровывались в мистике. Повидимому, к этому времени относится особенно сильное увлечение охотой ходжа Ислама, вообще говоря, всю жизнь предававшегося этой страсти, из-за которой он нередко забывал своих мюридов и почитателей. Они по временам излавливали его и приступали с требованием, чтобы он занялся с ними беседами и поучениями. Они иногда даже к матери его обращались с жалобами на поведение сына.

При Абдул Азизе ташкентские правители с самаркандскими открыли ряд походов на Бухару. Через год после смерти Убайдулла хана они с многочисленным войском дошли до стен Бухары, осадили ее, но взять не могли. Ходжаги Касани со своими учениками заблагорассудил уйти от наступавшего неприятеля в Бухару, так как правитель Ташкента Барак хан (он же Науруз Ахмад хан) был во вражде к правителям Мианкаля, мюридам этого суфи. Здесь Абдул Азиз обратился к Ходжаги Касани с просьбою отправиться к Бараку и упросить его снять осаду. Ходжаги Касани с некоторыми из духовных лиц, в том числе и с ходжа Исламом, отправился из Бухары в лагерь Барак хана. Там его встретили насмешками. „Он думает, что между нами найдет покупателей его ладанок, как между сыновьями Убайдулла хана и Джанибек султана!“ смеялся султан Ибрагим. Ходжаги Касани с некоторыми из духовных, в том числе и с ходжа Исламом, был представлен Бараку. В речи своей, обращенной к хану, он, между прочим, сказал: „Не надо было отправляться из своей земли в поход, а если уж пошли, то надо было итти на Хоросан—и война против неверных и добыча богатая.

Для чего было утруждать и себя и мусульман. И теперь я советую направиться на Хоросан или возвратиться домой, чтобы в ваше правление мусульмане жили тихо и спокойно и молились за вас". Хан на это ничего не сказал. Ходжаги Касани продолжал в тоне выговора: „Убайдулла хан и Джанибек султан относились к вам милостиво, а вы пришли проливать кровь их детей, грабить и забирать в плен мусульман". Хан опять ничего не сказал. Тогда дерзким тоном заговорил султан Ибрагим: „Наш хан намерен завоевать все до Мекки. Пока не займет Бухару, не двинется на Хоросан". Ходжаги Касани рассерженный вскочил с места, сказал: „Да, все завоюет!" и вышел. Через несколько дней после этого пришло известие, что Кистень Кара султан, правитель Балха, идя на помощь Бухаре, пришел в Карши и укрепляет крепость. Союзники тотчас же сняли осаду и двинулись в Карши. Там они понесли неудачу и вернулись домой. Биограф ходжа Ислама утверждает, что беседу с Бараком вел не Ходжаги Касани, беседовавший в это время с Абдуллятифом, самаркандским правителем, а именно ходжа Ислам и так искусно, что Барак не смог отвечать и молчал. Учитель заметил затруднительное положение Барака и недипломатичность поведения ученика и сделал так, что Барак оправился от замешательства. Вообще же миссия не имела желательных результатов, а Ходжаги Касани был кровно оскорблен. Впрочем, добавляет биограф, султан Ибрагим вскоре понес возмездие, будучи убит одним из начальников Барака, нанесшим ему несколько ударов ножем.

На следующий год союзники вновь осадили Бухару, придя со свежим войском. Окрестности были разорены, жителей забирали в плен. Много народу было перебито. Положение Бухары было чрезвычайно тяжелое. Биограф ходжа Ислама рассказывает, что когда однажды ходжа проезжал мимо ворот Ходжа Хафзи Кабир, отряд всадников готов был выехать из ворот, чтобы сразиться с врагом. Ходжа Ислам благословил отряд, а сам влез на стену, сел и протянул ноги в сторону врагов (выражая этим противодействие неприятелю). Отряд гнал врагов до палаток султанов, перерубил веревки палаток и захватил в плен нескольких начальников, доставленных в Бухару. После этого союзники ушли, но правители из долины Зарафшана из семьи Джанибек султана были изгнаны. Близ Самарканда, в Афаринкентском тумане, был ряд селений, составлявших собственность Ходжаги Касани, которые Барак приказал отобрать, не считаясь с популярностью этого суфи. Последнему потом пришлось посылать людей в Ташкент, которые через влиятельных лиц, почитавших Ходжаги Касани, добились согласия Барака вернуть владельцу эти селения.

Приписывая отражение неприятеля не только физической силе, но и духовной, ходжа Ислам позволял себе говорить, что напрасно Абдул Азиз думает, что Бухарою управляет только он, это не так, и давал понять, что и ишаны имеют в этом силу.

В следующий раз, когда союзники дошли до Бухары, Абдул Азиз принужден был бежать в Балх, и Барак вошел в Бухару, где у него были сторонники. Через несколько дней Барак, считаясь с влиянием ходжа Ислама, послал спросить его, почему он не прибыл поздравить хана с победой. Ходжа Ислам отозвался незнанием светских обычаев, но напомнил, что Барак, когда еще выступал из Ташкента, дал обещание не делать ничего несогласного с шариатом. Однако, ходжа не торопился представиться хану.

Барак, поручив управление сыну, вернулся в Ташкент. Сын его был малолетен и никому не воспрещал говорить и делать что угодно. Ходжа Ислам сказал как-то окружавшим: „Бухара не потерпит таких дел, скоро вернется Абдул Азиз и войдет в город воротами Солори хадж". Это были ворота со стороны Джуибара и, называя их, ходжа намекал, что Абдул Азиз явится в Бухару с помощью шейхов Джуибари. Действительно, скоро это случилось. Враги ушли в Ташкент. Однако добрых отношений между Абдул Азизом и ходжа Исламом не установилось. В конце концов окружавшие Абдул Азиза недоброжелатели его своими речами и делами оттолкнули ходжа Ислама от правителя. Вскоре Абдул Азиз, сочетавший пьянство и разврат с набожностью, окончательно „ушел в степь пьянства и впал в разврат и в этой степи умер", как образно говорит наш источник о ходжа Исламе. В качестве иллюстрации к сказанному он говорит, что между ними были настолько обостренные отношения, что ходжа Ислам избегал встреч с ним даже на улице. Ходжа, любивший прогулки верхом, особенно часто ездил на своем любимце муле, который удивлял людей упрямством и догадливостью. Он будто бы упрямо сворачивал куда-нибудь в переулок, чувствуя встречу с Абдул Азизом или с кем-либо вообще нежелательным ходже.

На место Абдул Азиза в Бухаре правителем сел внук Шейбани хана—Мухаммад Яр султан. Но тогда же из Балха прибыл в Бухару тамошний правитель Пир Мухаммад хан, под предлогом оплакать смерть Абдул Азиза, и захватил Бухару. Мухаммад Яр султан бежал в Самарканд за помощью. Это обстоятельство явилось новым поводом для нападения союзников на Бухару. В 958 (1551) г. самаркандские и ташкентские правители произвели очередной разгром окрестностей Бухары, но город в своих крепких стенах выдержал осаду. Пир Мухаммад хан был преданный ходжа Исламу почитатель, оказывал ему услуги и почет. Но затем он впал в лжеверие, возбудил недовольство в народе. Народ стал обращаться с жалобами на своего хана к ходже Исламу. Пир Мухаммад хан, понимая, что он пришелся не ко двору в Бухаре, неладно зарекомендовал себя здесь, решился возвратиться в свой удел Балх, но некоторый спор между ним и ходжа Исламом произошел из-за заместителя: хан предлагал своего племянника Узбек султана, „который был старше других и импозантнее", а ходжа Ислам настаивал на другом его племяннике, Абдулле, которого он считал, как и отца его Ис-

кандер султана, в числе ревностнейших своих мюридов. При этом ходжа Ислам передавал хану, что он не одобряет его деяний и что народ не допустит его продолжать управлять Бухарой. В конце концов Пир Мухаммад хан покинул Бухару, а управление перешло к возвратившемуся Мухаммад Яр султану, за спиною которого были сильные союзники. Но в ту же ночь в Бухару прибыл еще один претендент на бухарский престол—Бурхан султан, который также помогал союзникам против Бухары. Бурхан султана признали соправителем Мухаммад Яр султана, и кровопролитие было избегнуто.

От двора последовало распоряжение явиться для представления правителям в цитадель всем сановникам, всяким знатным и начальствующим людям. Ходжа Ислам неохотно, в силу необходимости также поехал. Как и следовало ожидать, ему, стороннику Абдуллы султана, „не было оказано Мухаммад Яр султаном того почета, какой приличествует этого рода людям". Ходжа Ислам был глубоко обижен невниманием султанов и, высказывая свою обиду одному из приближенных к султанам лиц, сказал: „Десять дервишей спят на одном ковре, а двум царям тесен мир".

Учитель ходжа Ислама—Ходжаги Касани занимал в ордене Ходжагон выдающееся положение, и Джанибек султан, правитель удела Кермине, пригласил его из Ферганы в свой удел и стал его мюридом. Примеру отца последовал и сын его, Искандер султан, правитель Афаринкента в Мианкале, который долго не соглашался заменить меховую шапку, головной убор узбеков, на мусульманскую чалму. После смерти мавляна Ходжаги Касани, один из лучших его учеников, мавляна Лютфулла, вследствие малолетства наличных детей учителя, объявил себя его заместителем и предлагал остальным ученикам подчиниться ему и признать его руководительство. Группа учеников, которых у Ходжаги Касани было до 70 человек, последовала за Лютфуллою. С одним из сыновей учителя и толпою учеников Лютфулла прибыл в Бухару, чтобы склонить других учеников Ходжаги Касани признать себя. Ходжа Ислам отправился к Лютфулле, чтобы повидать сына своего учителя и высказать ему чувства печали по случаю смерти отца. Лютфулла не нашел сочувствия в Бухаре, волновался, ходил в мечети, доказывал свои права на старшинство в ордене и охуждал своего соперника ходжа Ислама, который, в свою очередь, уличал его в противоречиях, греховных словах и поступках. Через некоторое время Лютфулла покинул Бухару и, явившись в Самарканд, в присутствии знатных и благородных начал говорить странные речи, невяжущиеся с его суфийством. Тогдашний правитель Самарканда приказал вырезать ему язык и обрить бороду. Так закончил свою карьеру мавляна Лютфулла.

События, последовавшие после смерти мавляны Ходжаги Касани, биограф его передает таким образом. В то время, когда Ходжаги Касани переселялся из Касана в Фергане в округ Самарканда, он с оставшимися

учениками и почитателями своими оставил вместо себя старшего сына своего Мухаммад Амина, бывшего в то время еще в ребяческом возрасте. Когда более 15 лет спустя умер Ходжаги Касани в Дахбиде, по требованию дахбидских учеников и мюридов отца Мухаммад Амин прибыл сюда и получил приглашение заместить отца. Мухаммад Амин не соглашался, ссылаясь на то, что есть старшие хальфы отца. Из Дахбида он отправился в Бухару для встречи с ходжа Исламом, который был одним из старших хальфов Махзуми Аазама. Дервишеский образ жизни ходжа Ислама понравился Мухаммад Амину. Однажды они вместе в присутствии ближайших учеников Ходжаги Касани сидели на бала-хане ханаки. Мухаммад Амин встал и хотел поймать руки ходжа Ислама (чтобы принять присягу по обряду ордена), а тот отдергивал их, понимая намерение собеседника, и говорил: „По завещанию Махзуми Аазама все мы поручены вам, вы вступайте в руководительство". Мухаммад Амин тем не менее наступал, а ходжа Ислам прятал свои руки за пазуху. Тогда один из присутствующих сказал, что надо подчиниться приказанию Мухаммад Амина, ибо Махзуми Аазам приказал исполнять его волю. Этим ходжа Ислам был обезоружен и вытащил свои руки из-за пазухи. Потом он сказал, что ни один из учеников Махзуми Аазама не получил благодати через рукоположение, и только под давлением он, ходжа Ислам, соглашается принять руководительство, и подал руки для присяги Мухаммад Амину. Последний остался в Джуибаре и прожил здесь 36 лет. От Ходжаги Касани к ходжа Исламу перешли многие мюриды, в том числе и Искандер султан. Ходжа Ислам был втянут в интересы семьи Искандер султана и, помогая ей своим влиянием, пользовался ее силами для упрочения своего положения. Однажды сын Искандер султана—юноша Абдулла, впоследствии известный Абдулла хан, с маленьким отрядом прибыл из Мианкаля в Джуибар к ходжа Исламу. Он провел здесь несколько дней. Как-то ночью ходжа потребовал к себе Абдуллу, повязал ему саблю, надел на него колчан, повесил лук, потом благословил и отпустил. Потом стало известно, что он захватил Карши с мианкальским отрядом. Ходжа Исламу он подарил селение Мудин, расположенное близ Каршей.

В 959 (1552) году в Самарканде умер Абдуллятиф, и правителем стал его сын, султан Саид, при котором союз с ташкентцами распался. Барак осадил Самарканд, но не мог его взять и передвинул войско к Шахрисябзу. Он потребовал себе помощи от Бурхан султана, который тоже был в союзе; Абдулла послал с известием о событиях в Мауранхахре в Балх к Пир Мухаммад хану. Из Бухары и Балха выступили войска, которые встретились около Каршей. Бурхан был разбит и вернулся в Бухару, а Барак, узнав об этом, ушел в Ташкент.

Однако, неутомимый Барак в 961 (1554) году вновь был под стенами Самарканда и на этот раз занял его, а султан Саид бежал. Впрочем он вскоре возвратился в Самарканд, а Барак обещал ему бухарский

удел. В Бухаре исполнилось предсказание ходжа Ислама: вследствие вражды между соправителями Бурхан подослал группу убийц, которые и покончили с Мухаммад Яр султаном в бухарской цитадели. Отношения ходжа Ислама со дня злополучного представления султанам были натянуты и даже явно враждебны к Бурхану, союзнику заклятого врага Бухары—Барака. Бурхан делал попытки вызвать расположение к себе почитаемого суфи, но тот оставался непреклонным. Один из учеников ходжа Ислама, проживавший в Мерве, имевший близость к тамошним султанам, которые пользовались его советом, и ежегодно являвшийся в Джуибар для бесед с учителем, был раз позван к Бурхан султану. Бурхан предложил ему состоять при себе и обещал допустить его к государственным делам. Ученик сказал, что он должен получить на такое дело разрешение ходжа Ислама. Последний отверг предложение султана и сказал, что правление его не прочно и самая смерть его близка.

Науруз Ахмад хан (он же Барак) не заставил себя ждать с очередным наступлением на Бухару—он занял весь Мианкаль, выиграл сражение у Каршей, и противные ему султаны, сыновья и внуки Джанибек султана, ушли за Аму-дарью, в том числе и Абдулла, а отец его, Искандер султан, покинул свой удел еще раньше и проживал в Шибыргане. Ходжа Ислам тоже еще раньше удалился в Мерв, где был встречен с почетом и где у него были мюриды. Три месяца длилась осада Бухары. Народ изнемогал от недостатка продовольствия. Окрестности были разграблены. На подмогу к Бурхан султану теперь спешил из-за Аму-дарьи Абдулла. Их соединила общность интересов. Науруз Ахмад выслал навстречу Абдулле султана Саида с отрядом в 10—12 тысяч человек. Около Фараба отряд этот был разбит Абдуллою и отступил к Бухаре, а затем и Науруз Ахмад снял осаду Бухары и отступил к Самарканду. Тем временем Абдулла вошел в Бухару, спасенную им, и Бурхан султан при сложившихся обстоятельствах принужден был уступить Бухару Абдулле, а себе выговорил удел Каракуль, куда и ушел с близкими ему людьми. Однако, он скоро раскаялся в поспешном своем решении уступить Бухару Абдулле, собрал вокруг себя кое-какие силы и бросился отбирать Бухару у Абдуллы. Последний, вследствие измены бухарского войска, понес поражение и опять бежал за Аму-дарью, а Бурхан вновь водворился на прежнем месте.

Все это время ходжа Ислам находился в Мерве. Абдулла, заняв Бухару, поспешил послать к нему одного из придворных чинов с внуком мавляна Мухаммада Казы с извещением, что Бухара взята, и приглашением вернуться домой. Но ходжа нашел несвоевременным возвращение в Бухару и только после того, как стало известно, что Абдулла бежал, он собрался и выступил на родину. Бурхан султан, не потерявший надежды расположить его в свою пользу, выехал ему навстречу и выразил чувства уважения.

Тем временем Абдулла собрал войско, поднял родственных султанов и сделал еще попытку овладеть Бухарой. Бурхан султан, не надеясь на свои силы, заключил союз с Бараком, и Абдулла легко был прогнан за Аму-дарью. Положение его и ходжа Ислама становилось безнадежным. Когда Барак хан стоял со своим войском под Бухарой, приказано было сановникам, знатным и богатым людям явиться к нему на поклон. В числе явившихся не было ходжа Ислама. Хан послал ему письмо, прося его явиться, называя высокими эпитетами и уверяя в своей преданности. Ходжа Ислам привезшего письмо приближенного Барак хана просил передать последнему, между прочим, что ни сам хан, ни дети его не найдут счастья в Бухаре. Бурхан султан, в свою очередь, послал к ходже своего зятя просить Ишани Каляна представиться хану. Ходжа Ислам ответил, что он теперь находится в крайне расстроенном состоянии. Тогда Бурхан вновь послал своего зятя с тою же просьбою. Ходжа Ислам, наконец, согласился, но оттянул поездку до следующего дня. Когда же он поехал к Барак хану, по дороге заезжая на могилы святых, то на пути получил сообщение, что Барак уже выступил по направлению к Самарканду и, вероятно, дошел уже до Зарафшана. Таким образом неприятное для ходжа Ислама свидание не состоялось.

В 963 (1556) году Барак хан, предававшийся отчаянному пьянству, умер во время кутежа близ Самарканда, в местности Рабати-ходжа. Этот вечно пьяный человек, жестокий и безжалостный по натуре, жадный, нисколько не заботившийся о народе, своими бесконечными войнами в течение почти тридцати лет причинил неисчислимые беды стране.

Со смертью Барак хана политическое положение Маураннахра начинает меняться. Сыновья и братья Искандер султана возвращаются из изгнания и занимают свои прежние уделы. Ходжа Ислам в кругу друзей и почитателей говорит, что не будет он сыном своего отца, если не свергнет Бурхан султана. Однако, когда вскоре Абдулла, которому ходжа всячески помогал, сделал набег на Бухару, он предупредил его, чтобы, пока он находится здесь, подобных дел не делалось, а допускать это, когда его в Бухаре не будет.

Вскоре ходжа Ислам, тяготясь Бурханом и его сообщниками, выехал в Хоразм. Там он примиряюще действовал среди многочисленных султанов, враждовавших между собою. Из Ургенджа он переехал в Мерв, где все султаны были благожелательны к нему и где он с почетом был встречен своими почитателями.

После Барак хана Самаркандом стал править его сын Баба султан (иначе Абулхаир султан) совместно с братом султана Саида, сосланного в Кашгар,—Гадай султаном. Последний тайно заключил соглашение с Абдуллой об изгнании из Самарканда Баба султана. Абдулла с братьями подошел к Самарканду. На помощь к Баба султану спешил старший брат, сын Барака, Дервиш хан из Ташкента. Абдулла, не желая иметь дела с братьями, когда они соединятся, выступил на-

встречу Дервиш хану и разбил его у входа в ущелье Илян утты (Тамерлановы ворота), а спустя несколько часов там же победил и Баба хана, спешившего на соединение с братом. Передав управление Самаркандом Гадай султану, Абдулла бросился на Бухару, так как Бурхан, помогая сыновьям Барака, осаждал Кермине, удел отца Абдуллы, и снял осаду лишь тогда, когда узнал о поражении братьев. Стояла отчаянная жара лета 964 (1557) года, когда Абдулла осадил Бухару. С обоих сторон ожесточение достигло крайних пределов. В горячих схватках гибло много людей. Осада затягивалась. Бурхан султан созвал совет, на котором решено было послать Абдулле предложение заключить мир. В качестве парламентера решили послать ходжа Ислама, как пользовавшегося исключительным вниманием семьи Абдуллы, при чем дали ему неограниченные полномочия. Ходжа Ислам выехал в ставку неприятеля и был встречен там с достойным пира Искандер султана и самого Абдуллы почетом. Заночевал он там в палатке одного из военачальников.

В эту ночь в Бухаре произошло событие, которое исключило необходимость заключения мира. Биограф ходжа Ислама говорит, что хорошо известный в Бухаре сокольничий Мирза Ака бий, встречаясь с ходжа Исламом, испытывал на себе его особенно выразительный взгляд. Ишан оказывал ему внимание и упрекал в отсутствии смелости в разговоре о Бурхане. С того времени у Мирза Аки бия появилась вражда и злоба к Бурхану. Автор „Абдулла-намы" говорит, что Мирза Ака бий у себя в доме в засаде посадил группу лиц, а затем хитростью завлек к себе в дом и Бурхана. Улучив момент, хозяин выпустил в гостя стрелу. В тот же момент люди выскочили из засады и покончили с ним. Событие это в ставке Абдуллы стало известным раньше, чем среди защитников Бухары, которые продолжали с утра ожесточенно сражаться и сдали город лишь после того, как стало известно о смерти правителя, и голова его на пике была водружена на городских воротах.

Со времени занятия Бухары Абдуллою для нее наступает длительный период мирного существования, т.-е. она перестает подвергаться разрушительным набегам соседей. Напротив, теперь Абдулла, последовательно усиливаясь, становится страшным для соседей. Вместе с тем и авторитет ходжа Ислама растет. Он—советник государя в больших и малых делах. Местничество в то время соблюдалось самым строжайшим образом. Ходжа Исламу отведено было место выше ханского сиденья с правой стороны. Во время еды на торжествах и празднествах скатерть пред ним расстилали, затем подавали пищу, ставили солонку, подносили кувшин с водой для мытья рук до и после еды одновременно с ханом. Разумеется и материальное благополучие ходжа Ислама растет. Около самой Бухары ему удается оросить возвышенные земли, которые им обрабатываются. Так как Абдулла питал безграничное доверие и искреннее почитание к своему пиру, говорят наши источники, то ему пришла мысль угодить ходжа Исламу постройкой в Сумитане при мазаре

его предка Абу Бакра Саада мадрасы, ханаки и мечети, а окрестности покрыть прекрасными садами. Сам ходжа Ислам давно уже мечтал о том, где он и по какому плану построит в Сумитане ханаку, где мечеть, где и как устроит сад. Однако, почва тут была солончаковая, фруктовые деревья не росли, почему некоторые основательно сомневались, чтобы ходже удалось осуществить свои желания. И вот через несколько лет задуманное действительно было осуществлено.

В 966 (1558) году искусные архитекторы в счастливый час заложили в Сумитане основания величественных зданий. Со стороны опытных мастеров и знающих строителей проявлено было столько усердия и спешки, что сооружения, которые предстояло выполнить в десять лет, были возведены в короткий срок. Высокие здания эти со сводами и порталами украшены были чудесным орнаментом из разноцветных блестящих изразцов. У мазара для ходжа Ислама рассажен был прекрасный сад из редких деревьев, красиво расположенных. Вокруг него были рассажены на значительной площади, около сотни танапов, разные деревья и виноградники. Дорога от этого сада до города длиною в фарсах была обсажена вдоль проведенных для того арыков деревьями и представляла аллею, чтобы ходжа имел возможность ездить сюда и обратно в город в тени. Приближенные Абдуллы и разные сановники в окрестностях Сумитана также насадили отличные сады и возвели постройки. Таким образом местность эта оживилась.

Года через два после занятия Бухары Абдулла послал сына ходжа Ислама—ходжа Саада в Мерв в качестве свата к Паянда Мухаммад султану. Последний охотно согласился выдать за Абдуллу свою сестру и отпустил ее с ходжа Саадом в Бухару, где и была отпразднована свадьба.

Абдулла в то время увлекался охотой и мало занимался государственными делами. Ходжа Ислам, сам страстный охотник, постоянно и подолгу таскавшийся по охотам, нередко упрекал своего мюрида в том, что он запустил правительственные дела. Правда, и те, кто хотели слушать беседы ходжа Ислама, жаловались на него, говоря, что он больше разговаривает с ловчими птицами и с охотничьими собаками, чем с людьми. Вообще Абдулла, повидимому, тяготился мирной жизнью. По крайней мере, когда ему представился случай итти в поход, он тотчас же выступил из Бухары, поручив начальникам собрать войско и догонять его. Поход этот был вызван нашествием Бадахшанского правителя шаха Сулеймана на Балх и просьбою о помощи со стороны Пир Мухаммада, который, как самый старший между султанами, еще раньше был выбран в ханы. Общими усилиями удалось прогнать бадахшанцев, уже чинивших грабежи и убийства в районе Балха. На следующий год Пир Мухаммад хан, ободренный победой над бадахшанцами, задумал набег на Хоросан. Абдулла не заставил себя ждать, перешел Аму-дарью и присоединился к хану. Поход не состоялся, но зато дядя и племянник надумали

обменяться уделами—хану приличествовало сидеть в Бухаре, а Абдуллу увлекала близость Балха к Хоросану, куда он мог делать набеги.

Биограф ходжа Ислама рассказывает об этом так. Мысль поменяться уделами пришла Абдулле, но он в Бухаре скрывал свою затею. Однажды он объявил своим семейным и сановникам, что он устраивает большую охоту в Каршинских степях, которая продолжится пять-шесть месяцев, и приказал приготовить для нее все нужное. Когда все было готово, Абдулла отправился проститься к ходжа Исламу, который заподозрил скрытое намерение, но не высказался. Абдулла сказал, что любовь и привязанность его к пиру всем известны, что он просит его быть ближе к нему, опасаясь, чтобы кто-нибудь не причинил обиды. Ходжа Ислам почувствовал, что у Абдуллы намерение твердое, снял с себя опояску, подпоясал ею Абдуллу и отпустил его. Через несколько дней пришло известие, что Абдулла переправился через Аму-дарью. Ходжа Ислам тоже, крайне обеспокоенный, объявил, что он выезжает на охоту в Карши. Он постоянно, когда случались крупные неприятности, выезжал в сторону Каршей, чтобы рассеяться и дать событиям время притупиться. Через десять дней сокольничий, ездивший разузнавать о событиях за Аму-дарьей, вернулся и сообщил ходжа Исламу о состоявшемся между Абдуллой и Пир Мухаммад ханом обмене уделами. Ходжа был поражен известием, удивился, что никто не знал о задуманном Абдуллой, и жалел, что нельзя было помешать обмену. На четырнадцатый день по отъезде Абдуллы ходжа Ислам вернулся в Бухару. Здесь было великое смятение, так как приехал Кул Баба Кукальдаш и готовился вывозить семью и имущество Абдуллы. Автор „Абдулла-намы" говорит, что ходжа в страшном гневе заперся у себя в доме и никого не хотел принимать. Потом вышел и говорил: „Хан (т.-е. Абдулла) без совета со мною вздумал поменять Бухару. Неужели он думает, что управляет Бухарою без чужой помощи? Еще посмотрим, что из этого выйдет!"

Однако, скоро пришло распоряжение выехать обратно приемщикам Пир Мухаммад хана, а Кул Баба Кукальдашу не вывозить из Бухары ни семьи, ни имущества Абдуллы, так как обмен уделами не мог осуществиться. Дело в том, что в период самых переговоров об обмене, происходивших в Шибыргане, Дин Мухаммад султан, сын Пир Мухаммад хана, поднял восстание против отца и захватил Балх. Абдулла учел благоприятный момент для того, чтобы провозгласить ханом на место свергнутого Пир Мухаммад хана своего отца Искандер султана, а потому не оказал никакой поддержки своему союзнику и главе и удалился в Бухару.

По возвращении Абдуллы в Бухару, Искандер султан с пышностью доставлен был весною 968 (1561) года из его удела Кермине в Бухару и здесь торжественно возведен в ханы. Это увеличило политический вес Абдуллы, так как вся полнота власти оставалась в его руках, а Искандер хан, человек ничтожный, невоинственный, занятый делами спасения, не вмешивался в дела управления.

В 969 (1562) году ходжа Ислам заболел. Ему исполнилось уже 69 лет. Началось с того, что он почувствовал во всем теле слабость, которая стала прогрессировать. Он должен был отказаться от прогулок верхом, и его стали выносить в паланкине. С начала болезни пригласили известного тогда врача мавляна султан Махмуда, но здоровье не улучшалось. В течение двух полных лет он постепенно умирал физически, хотя мысль его оставалась ясной. Некоторые из бывших при нем удивлялись тому, что двух своих сыновей он отстранил от себя и лишил наследства и только третьему, ходжа Сааду, оказывал внимание. Некоторые говорили, что этот сын забрал отца в руки. Угадывая мысли этих людей, ходжа Ислам объяснял, что только ходжа Саад имеет нужные дарования и качества, что излишне направлять течение воды в гору.

Перед смертью он призвал всех своих служащих и последователей и сказал им, что теперь они должны подчиняться во всем ходжа Сааду так, как подчинялись ему, и все, что они требовали от него, они должны требовать от ходжа Саада. Затем за одиннадцать дней он точно предсказал свою смерть. Правителям были посланы письма. Абдулла хан находился на охоте в Каракуле и тотчас отправился в Бухару. В предсказанный день, на рассвете в четверг 21 сафара 971 (10. X. 1563) года ходжа Ислам умер в Сумитане. В пятницу в присутствии султанов, сановников, ученых и простого народа, собравшегося в количестве 25.000 человек, после пятничного намаза, ходжа Ислам был похоронен у гробницы имама Абу Бакра.

Через три дня Абдулла устроил всенародное поминальное угощение. Тогда же ходжа Саад, которого обычно звали ходжа Калян, был признан заместителем отца. Затем по истечении срока траура Абдулла устроил новое всенародное поминальное угощение. Зарезано было много лошадей, баранов и коров, приготовлены были разнообразные кушанья. По обычаю старшие и некоторые из народа получили от Абдуллы подарки. Поминки продолжались несколько дней. В эти дни поэты сочиняли и на поминках произносили эпитафии в честь ходжа Ислама.

В завещании, оставленном ходжа Исламом, между прочим говорилось: „...Дитя любезное свое и старшее—ходжа Каляна ходжу из всех своих сыновей и потомства я сделал избранником и все имущество движимое и недвижимое, доставшееся мне от предков моих и дедов милостивых, ныне передаю ему в наследство...“ После того как завещание это украшено было печатью хана и утверждено печатями казиев, оно вручено было ходжа Сааду.

Когда ходжа Ислам, лишив двух других сыновей наследства, сказал ходжа Каляну: „Я оставляю тебе такое количество имущества, что хватит тебе и твоим потомкам,“ то ходжа Калян впал в сомнение: справится ли он с таким большим хозяйством? Отец понял сомнение сына, подозвал к себе и рукой погладил по спине. Ходжа Калян потом говорил: „Когда после этого я заглянул в себя, то почувствовал столько мощи, что если бы весь мир подчинился мне, то я мог бы управлять им“.

Впоследствии ходжа Калян имел колоссальное по тому времени состояние и справлялся с ним недурно, если судить по тому, что оно умножалось быстро. От отца к нему перешли табуны лошадей, стада овец и верблюдов, круглый год выпасавшихся в степях, обрабатываемые земли в разных частях Туркестана и соседних странах—сотни „джуфтов,“ три сотни рабов, сундуки с кусками редкого бархата и разных материй. Хотя ходжа Ислам и ездил часто на муле, но на его конюшнях стояли десятки великолепных рослых лошадей. Сотня ловчих птиц разных пород: соколов, ястребов, чеглоков содержалась и воспитывалась целым штатом служащих. Масса охотничьих собак имела также своих дрессировщиков. Охотничья часть поставлена была организованно. Сокольники имели своих „мири-шикари“—начальников охоты, охотники с ястребами—своих. Охота производилась на степных серн, лисиц и на птицу, особенно на гусей. Рабы из персов, русских и индусов частью находились в земледельческих хозяйствах ходжа Ислама, частью были конюхами и служили по дому. Для ведения хозяйственной отчетности была канцелярия, впоследствии расширенная ходжа Саадом и разделенная на отделы. Ходжа Ислам занимался и торговлей. Его караваны ходили даже в Москву.

Правда, расходы ходжа Ислама также были солидные. В квартале Ходжа Джуибари, который в первое время правления Абдуллы был включен в городскую стену, при чем старая стена от ворот Ширгаран и до ворот Шейх Джалиля была снесена и на этом протяжении построена новая, у ходжа Ислама имелось несколько больших дворов и садиков не только для себя и служащих, но и для учеников и приезжих почитателей, иногда многочисленных, прибывавших издалека и подолгу остававшихся в Джуибаре. Все эти люди, приезжавшие, конечно, не с пустыми руками, а также скот их, верховой и вьючный, пользовались столом и фуражем от щедрот ходжа Ислама. Бродившие по мусульманскому миру искатели истины, люди, сами пробавлявшиеся по пути подаянием, разумеется, не могли ничем вещественным выразить учителю свое уважение. Они по заведенному обычаю шли в этот полный материальных благ дом, как в свой дом. Их кормили и одевали. Но иногда они начинали говорить: „Мы пришли сюда, чтобы стать мюридами ишана, но он мюридов не берет, не разъясняет пути своего ордена и нам, рабам божиим, не дает знания для спасения. Птица милости его высоко парит.“ Иногда ходжа Ислам выходил к этим привыкшим бродяжничать гостям и на живом примере объяснял причину игнорирования их. Он звал сокольничьего. Приносили ловчих птиц. Ходжа брал одну из них и говорил: „Эта птица бессчастия—при полете выбрасывает вперед голову и смотрит на подошвы ног своих, нет в ней смысла. Сокольничий, сними с нее путы и отпусти ее на волю.“ Затем он брал в руки другую птицу и говорил: „Вот эта счастливая и одаренная птица, глаза ее устремлены на небо, ее надо хорошенько обучить.“ В кругу близких людей ходжа

Ислам говорил, что учение суфиев надо излагать только избранным. Большая ошибка поучать этому непричастных людей.

В Бухаре в то время с орденом Ходжагон, к которому принадлежал ходжа Ислам, конкурировали суфические ордена Джахрия и Кубаравия. Шейхи этих орденов говорили, что они хорошо знают учение ордена Ходжагон и в состоянии своих учеников научить познанию сущности учения этого ордена. Ходжа Ислам, которому передавали это, говорил, что шейхам этих орденов известно не более того, что о сущности учения ордена Ходжагон написано в книгах и трактатах. Однако, этого совершенно недостаточно. Все, что специально и исключительно важно в учении ордена, имеет отношение к сердцу и тайне—оно сокрыто, и открыть, узнать его путем чтения и писания невозможно.

Не говоря уже о том, что у ходжа Ислама, как и у других пиров, было немалое количество заочных мюридов, которые жили далеко, знали своего пира только по наслышке, считали его пиром потому, что отцы их были его мюридами, из массы имевших общение с ним и даже состоявших при нем мюридов и почитателей далеко не все удостаивались посвящения в глубины мистического учения—это доставалось на долю лишь немногих избранных после длинного испытания. Шах Суфи, деды которого при тимуридах были крупными шейхами, три года настойчиво добивался внимания ходжа Ислама, чтобы стать его учеником. Ходжа Сыддык, внук мавляна Мухаммада Казы, три года высидел с поджатыми под себя ногами за произнесением зикра по обету, наложенному на него ходжей. То же было с другими, вновь поступавшими.

А. В. Панков.

К истории торговли Средней Азии[1] с Россией XVI—XVII вв.

Если вопросы источниковедения и политической истории Средней Азии за узбекский период ее истории нашли впервые научное освещение в трудах проф. Н. И. Веселовского и в наши дни академ. В. В. Бартольда, а отдельные моменты ее в трудах краеведов-исследователей, как покойный Л. А. Зимин, работающие ныне В. Л. Вяткин, Н. Г. Маллицкий и А. А. Семенов, то экономическая и социальная история еще ждет своих исследователей. Труды названных исследователей пробивают дорогу для экономической истории Средней Азии открытием новых рукописных и архивных материалов. На ряду с этими первоисточниками для характеристики некоторых сторон истории хозяйственного быта Средней Азии и особенно истории ее торговли мы имеем ценные русские источники. Таковы, во-первых, „Статейные списки“[2] русских послов в Среднюю Азию и Персию XVI и XVII вв. с наказами, царскими грамотами и другими оффициальными документами от этих посольств, и во-вторых, рассказы иностранных путешественников в Персию, Среднюю Азию и вообще в Россию XVI и XVII вв., как Дженкинсона, Олеария, Флетчера и др.—Собрать из названных и некоторых других (см. ниже) источников разбросанные в них сведения о торговле со Средней Азией и дать исторические вехи развития торговли ее с Россией в XVI—XVII веках—задача настоящего очерка.

Источники. Оффициальные документы, послужившие нам главными источниками для истории торговли Средней Азии с Россией, следующие: 1) Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Е. Флетчера (1587 г.)[3]—2) Государевы грамоты посольству Михаила Тихонова и подъячего Алексея Бухарова, их статейный список и перевод грамот Юргенского (т.-е. Хивинского) и Бухарского царей[4]—3) Статейный список посольства в

[1] Под Средней Азией мы будем разуметь территории Туркменистана, Узбекистана, Казакстана, Киргизии (горного Семиречья), в их современных политических границах, и северного Афганистана до гор Гиндукуш.

[2] Донесения послов с ответами по статьям.

[3] Временник Моск. Общ. Истории и Древн. Росс., VIII кн. стр. 5, 7, 15—16.

[4] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Том II. Спб. 1892. Стр. 151—312.

Бухарию дворянина Ивана Хохлова 1620-1623 гг. и другие документы этого посольства[1]—4) Отписки к государю (Алексею Михайловичу) от астраханских воевод с приложением выписки из статейного списка „посыланного в Юргенч... астраханца сына боярского Ивана Федотова" 1668-1670 г.[2]—5) Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч 1669 г. „Статейный список" их 1673 г.[3]—6) Выезд из Персии и службы стольника Даудова[4] —7) „Доклад по челобитьям бухарского посла" 1589 г.[5]—8) Челобитная и выписка из статейного списка Махмета Касимова 1675 г.[6]—9) Извлечение из дела о бытности в Москве бухарского посла Муллофора 1671 г.[7] —10) Грамоты московских царей и бухарских ханов в „Дипломатических приложениях" к „Сборнику кн. Хилкова" 1879 г.

11) Сведения об отдельных моментах русской торговли со Средней Азией почерпнуты нами в „Актах исторических" изд. Археограф. Комиссии и в „Дополнениях к Актам историческ." III и IV.

Далее, как источниками для характеристики средне-азиатской торговли с Русью XVI и XVII вв., мы пользовались: а) Описанием путешествия в Московию и через Московию в Персию А. Олеария (1635-1639 г.) изд. А. Суворина, б) извлечениями из Путешествия через Россию и Персию Антония Дженкинсона (1557 г.) по работам Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда;[8] в) сочинением Е. Флетчера: О государстве русском (1587)[9], г) отрывками из описаний дипломатических и торговых агентов Зап. Европы в Москву: Де-Родеса (1653 г.), бар. Мейерберга, Кильбургера (1674 г.) и друг.

Обратимся к обзору литературы по истории торговли России со Средней Азией. Специальных исследований, посвященных истории торговли со Средней Азией за XVI—XVII вв., нет. Есть работа А. Я. Шпаковского: Торговля Московской Руси с Персией в XVI и XVII вв.,[10] касающаяся вскользь вопросов о торговле с Бухарой и Хивой.—Работа Г. Н. Потанина: О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII стол. (Москва, 1868 г.) освещает, главным образом, торговлю Китайского Туркестана в XVIII веке, кое-где касаясь торговли и XVII столетия.

---

[1] Сборник князя Хилкова 1879 г. стр. 388, 444.

[2] Туркестанск. Ведомости 1882 г. № 20. (Статья Н. Веселовского.)

[3] Русская Историческая Библиотека. Т. XV. Со стр. 86.

[4] Автобиография Даудова в „Русск. Архиве", 1889 г. кн. 2., стр. 5 сл.

[5] Сборн. кн. Хилкова. Стр. 161.

[6] Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. Спб., 1879. Стр. 218—222.

[7] Сборн. кн. Хилкова. Стр. 514.

[8] Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. Н. Веселовского. Спб. 1877 г. и Сведения об Аральском море с древнейш. времен. В. Бартольда. Ташкент, 1902 г.

[9] Изд. Суворина 1905 г.

[10] Сборник статей студенческ. историко-этнографическ. кружка при Университете св. Владимира. Вып. VII. Киев, 1915 г.

Старые труды по истории русской торговли, изданные в XVIII веке—Чулкова: Описание Российской коммерции и Ф. Соймонова: О торгах за Каспийское море—интересны только, как сводки известных авторам XVIII века сведений, и не представляют собой научных исследований.

Ориентировочными работами при изучении истории торговли России со Средней Азией могут служить:

во-первых,—труды историко-географического характера и по истории изучения Востока, как а) В. Бартольда: История изучения Востока в Европе и России, [1] б) Я. В. Ханыкова: Пояснительная записка к карте Аральского Моря и Хивинского Ханства [2] и упомянутые выше в) В. Бартольда: Сведения об Аральском море и г) Н. И. Веселовского: Очерк историко-географич. сведений о Хивинском ханстве, д) старая работа Рычкова: Топография Оренбургской губернии (1762 года);

во-вторых,— труды по истории политических сношений со Средней Азией: а) Н. И. Веселовского: Прием в России и отпуск средне-азиатских послов в XVII и XVIII стол., [3] б) его же: Иван Данилович Хохлов,[4] и в) С. В. Жуковского: Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие.—1915 г.[5];

в третьих,—общие труды по истории хозяйственного быта России, как а) Н. Костомарова: Очерк торговли Московского государства, 1862 г., б) И. М. Кулишера: История русского народного хозяйства, том II. 1925 г., в) его же: История русской торговли, 1923 г., г) Н. А. Рожкова: Русская история, томы IV и V. д) М. Н. Покровского: Русская история. Том II. 1924 г.—Полезны для ориентировки из общих работ по истории Средней Азии—новый труд В. В. Бартольда: *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира* (Баку, 1925 г.) и старый труд А. Левшина: Описание киргиз-кайсакских орд и степей, часть II. 1832 г. Остальные использованные нами работы отмечены в подстрочных примечаниях.

Условия и характер торговли России со Средней Азией к половине XVI века.

Вопрос об истории торговли средне-азиатских ханств с Россией в XVI и XVII веках привлекает историка не только по своей малой обследованности, но и потому, что именно в эти два столетия ясно намечаются те географические направления и исторические черты средне-азиатско-русской торговли, которые сохранились до наших дней; при-

[1] Лнгр. 1925 г. Изд. 2.

[2] Записки И. Русск. Географ. Общества. Кн. V. 1851 г. стр. 268 сл.

[3] Журн. Мин. Народн. Просв. 1884 г. июль. (Отд. оттиск.)

[4] Журн. Мин. Народн. Просв. 1891 г. январь.

[5] Изд. Общества Русск. Ориенталистов.

влекает и потому, что в эти два столетия устанавливается первая связь средне-азиатской и западно-европейской торговли вслед за эпохой великих географических открытий и зарождением „торгового капитализма" или „народного хозяйства" (употребляя терминологию К. Бюхера) в конце XV и нач. XVI вв. в Западной Европе и Московской Руси.

От XVI века мы имеем первые документальные данные о русско-бухарской, хивинской и персидской торговле. В этот период в Средней Азии утверждаются кочевые турецкие государственно-племенные союзы; из них сложились теперь нации в формах Советских Республик—Узбекистана, Туркменистана, Казакстана.

Две характерные черты истории хозяйственного быта европейских и азиатских народов нового времени обусловили развитие торговли России со средне-азиатскими ханствами: это, во-первых, развитие торгового капитализма в Западной Европе с XV и в России с половины XVI века с одной стороны, и, во-вторых, в связи с этим—географическое расширение русской колонизации и вместе с ней рынка русской торговли на восток от Волги. К востоку от Волги русская торговля вошла в район „рынка" старой торговли средне-азиатских купцов (согдийских до VIII века, а затем мусульманских) среди кочевых народов в ярмарочно-караванной форме. Это произошло с завоеванием Москвой Казанского и Астраханского ханств и вовлекло Среднюю Азию через Московскую Русь в связь с европейским рынком. Здесь, в Зап. Европе, вместо ганзейских купцов и итальянских городов, снабжавших продуктами Востока—пряностями, драгоценными камнями, шелком, парчами и другими предметами роскоши в XII—XV вв., в борьбе за мировой рынок и колонии на Востоке выступают сначала Португалия, а с половины XVI века Англия. С конца XVI века, при королеве Елизавете, английские купеческие компании под покровительством власти посылают в Средиземное море свои собственные суда за продуктами Малой Азии и Персии, вступают в борьбу из-за колоний с Испанией и Португалией, стараясь независимо от последней найти северный путь в Индию.[1] В 50-х годах этого века в Англии образуется купеческая компания под названием „Мистерия" для открытия путей в Индию и Китай (через Россию). Часть морской экспедиции по отысканию этого пути через Ледовитый океан в 1553 г. попадает в Белое море и в лице Ченслера завязывает торговлю с Московским государством, имея целью продвижение дальше на Восток—в Среднюю Азию („Татарию"), Индию и Китай.

Развитие торговли в Зап. Европе приводит английский торговый капитал в Московскую Русь времен Грозного в 50-х годах XVI века, а поиски этим капиталом рынков сырья и рынков сбыта—Китая, Индии, Персии—влекут колониальную политику Англии в средне-азиатские ханства, как ворота к Индии и Китаю.

---

[1] Кулишер. Лекции по истор. хозяйств. быта Зап. Европы. Ч. II. 1923 г. Стр. 139—144.

Другая черта, вызвавшая в XVI же веке большее развитие торговли Московской Руси со Средней Азией, состояла в развитии старой торговли мусульманских купцов с оседлыми народами Восточной Европы через территорию, оказавшуюся в руках Московского государства с половины XVI века, через бассейны Волги, Урала и прилегающие к ним степи. Московское государство унаследовало эту торговлю, вобрав в себя главные речные и сухопутные пути этой торговли от хазарской, монгольской и тимуровой держав, торговавших с княжествами киевского и удельно-феодального периодов. Проводники этой торговли в Средней и Передней Азии мусульманские купцы были проводниками мусульманской культуры, как до них согдийские купцы (обл. Зеравшана)—проводниками до-мусульманской, и с VIII века связывали экономическими нитями завоевания арабов, а с XIII в. обширные области монгольской империи. „Самое образование монгольской империи", говорит акад. Бартольд, „в значительной мере объясняется деятельностью мусульманских купцов, державших в своих руках даже торговлю между Китаем и Монголией..." [1] „Естественно, что при таких условиях, когда монгольская империя вызвала оживление караванной торговли между отдельными областями, многие народности, не бывшие раньше мусульманскими, стали принимать ислам". Это было с „татарами" юго-восточной России („Золотая Орда") и турецкими племенами Средней Азии, где „монголы повлияли на образование новых кочевых народностей", говоривших по-тюркски и принявших ислам; так образовались народности татар, ногайцев, узбеков и казаков.[2]—„Бесерменские" купцы и „баскаки" (финансовые агенты) монгольских ханов Золотой Орды, собиравшие „выход татарский" (дань) с удельных русских княжеств, были средне-азиатскими купцами Бухары, Самарканда, Ургенча и др. городов Туркестана, преемниками мусульманских купцов („сартов") и предшественниками „тезиков" XV—XVII вв.[3] Под 1364 годом летописец русский упоминает о присутствии в Нижнем Новгороде большого количества бухарских и хивинских торговцев; раньше, в 1346 г., по словам Руссова, новгородская ватага Аввакумовича перебила в том же Нижнем-Новгороде „великое число татар, армян, бухарцев и хивинцев". [4] Еще до официального „свержения татарского ига" (1480 г.) первое русское посольство было принято тимуридом Абусаидом в 1464 г. в Герате. Персидский историк Абд-ар-Реззак Самаркандский так рассказывает об

[1] Бартольд, В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульм. мира. Стр. 131—137.

[2] Там же.

[3] Турецкие авторы XI века в смысле „купец" употребляли слово „сарт" индийского происхождения. Монголы XII и XIII вв. называли сартами всех иранцев и оседлых земледельцев, арабы XIV века—мусульман. Слово „тачик" в смысле „араб" и более поздние формы его „тазик" и „тази" в мусульманскую эпоху обозначают перса у турецких авторов. См. Бартольд, В. В.—„Таджики". Статья в сборнике „Таджикистан". Ташкент. 1925. Стр. 98—99, 103.

[4] Жуковский, С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой, стр. 2.

этом: „В эти дни (869 г. гиджры [т.-е. 1464 г.], когда Абусаид находился в Херате,) государь земли Русской прислал послов к высочайшему двору, с выражением любви и желания. Его величество (Абусаид), с большим вниманием отнесшись к делам их (послов), оказал им почет“. Трудно, по словам В. Тизенгаузена, сказать, что побудило Ивана III отправить это посольство к Абусаиду.[1] Далее мы встречаем известия о посольстве в Москву, прибывшем в 1490 г. „от хорасанского или чагатайского владельца Гуссеина, праправнука Тамерланова“.[2] Возможно, что первое посольство—1464 г. в Герат—имело целью завязать сношения с Индией, и посещение города Герата было разведкой транзитного пути туда. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина „с товаром“ в Индию 1469 г. наводит на эти предположения. Относительно этой эпохи XV и нач. XVI вв. можно согласиться с Ханыковым, что как для московского двора, так и для западных европейцев, „входивших с ним по сему *предмету в сношения, сама Средняя Азия никогда не* была целию, а только средством проникнуть в отдаленную Индию“.[3] Для второй половины XVI и XVII вв. данные „статейных списков“ русских посольств в Среднюю Азию, как увидим ниже, говорят о торговле со Средней Азией, как о цели, а не только как о средстве; таковы данные, напр., посольств Ив. Хохлова 1620 и И. Федотова 1669 гг. в Хиву и Бухару. Да и в XV веке, по словам венецианца Иоасафата Барбаро, путешествовавшего около 1450 г. в Персию через Москву, Казань передавала России меха, получаемые из Джагатая (т.-е. Туркестана), и доставляла бухарские шелковые ткани. Посольство астраханского хана, ежегодно бывавшее в Москве, отправлялось из Астрахани; вместе с ним шло около 300 купцов русских и восточных с товарами. А татары за караваном гнали табуны лошадей, служивших им для пищи во время пути.[4] „Татарами“ русские и западно-европейские писатели называли всех кочевников турецко-монгольского происхождения, живших на восток от Дона. Сюда входили и ногайцы, и предки узбеков и казак-киргиз.

В первой половине XVI века (в 1526 г.) Сигизмунд Герберштейн, посол германского императора в Москве, в „Записках о Московитских делах“ говорит, что „в Татарию“ (т.-е. в Среднюю Азию) вывозят седла, уздечки, одежды, кожи, оружие и железо (последние только украдкой).[5] Историческая обстановка для торговли в Средней Азии мало изменилась к середине XVI столетия. Здесь с конца XV в. сложились новые племенные союзы родственных „татарам“ и „ногайцам“

---

[1] Записки Вост. Отд. Русск. Археол. Общ. т. I, вып. I. Стр. 30—31.

[2] Соловьев, С. М. История России. Т. V. М. 1872. Гл. III. Стр. 113.

[3] Ханыков, Я. В. Пояснит. записка к карте Аральского Моря. Стр. 282.

[4] Сочин. И. Барбаро в русск. переводе—в „Библиотеке иностранных писателей о России“ В. Семенова 1836 г. Стр. 96 и 97. *Там же соч. итальянца Контарини.*

[5] Большаков и Рожков. История хозяйства России. Вып. 1. Изд. 2. 1926 г. Стр. 129.

XIII-XIV вв. кочевых турецко-монгольских родов,—союзы, образовавшие к XVII в. народности узбеков и казаков. Они одного происхождения с соседями Руси IX-XIII вв.—печенегами и половцами. Под предводительством Шейбани-хана узбеки завоевали около 1500 г. Бухару и Хорезм (Хиву) и утвердили свою власть, удержав ее до пол. XIX века над территорией всего Западного Туркестана. В восточн. и сев. части киргизских степей утвердились около того же времени родственные узбекам племена казаков (получивших у русских название киргиз-казаков). Борьба этих одноплеменных узбекских и казакских кочевых родов во главе с своими ханами друг с другом за пастбища, набеги на земледельческие поселения русских на севере и западе, на оседлых тюрко-иранцев и таджиков на юге в оазисах Туркестана в поисках рабочих рук для земледельческих и ремесленных работ, охота с этой целью на русских и персидских пленников и торговля этими пленниками-рабами на городских базарах Бухары, Балха, главным образом, Хивы и Ургенча—вот характерные черты политической и социальной истории средне-азиатских полукочевых ханств—Бухары, Хивы (Ургенча) и вполне кочевой казакской орды в XVI веке. Культура земледельческая сохранилась лишь в искусственно орошенных оазисах предгорий. Торговля была ярмарочно-базарной и караванной.

Пути средне-азиатской торговли с Россией XVI и XVII вв. так же, как кочевые дороги на хазарский Итиль и золотоордынский Сарай из Средней Азии были проторены в более ранние эпохи: этими путями пользовались и в хазарскую, и в аббассидскую и монголо-турецкую эпохи с VIII—XIV вв., и, вероятно, много раньше, так как прежние хозяева европейско-азиатских степей—скифы, за ними гунны, авары, огузы, печенеги, половцы—большинство турки, родня по этническому составу, пользовались исстари одними и теми же проторенными караванными тропами. Базой этих путей в Среднюю Азию, кроме сибирского (из Тобольска), в XVI—XVII вв. была Волга: I) один путь шел от берегов ее к столице Золотой Орды Сараю, а с XV века от Астрахани пересекал р. Урал в нижнем его течении, около г. Сарайчика, выше современного Гурьева, затем разбивался на два пути: первый шел далее на восток к низовьям Сыр-дарьи до гор. Отрара на ней; второе разветвление этого пути сворачивало на юго-восток от г. Сарайчика (на Урале), шло через крепость Тас-Кичу на р. Сагизе и г. Сам (или Шам) в пустыне Усть-Урта и далее в Ургенч (в Хиве)[1]; II) другой путь, начинаясь от Астрахани морем, шел до Караганской пристани на Мангишлаке и отсюда по Усть-Урту к Ургенчу и Хиве. Первым—сухопутным—ехали в XVII в. русские послы-купцы И. Федотов и Б. Пазухин, вторым—морским—англичанин Дженкинсон (1558 г.), русские послы Хохлов (1620 г.), Даудов с Касимовым (1675 г.) и большинство бухарских и хивинских послов-купцов. Сухопутная дорога

[1] Чулошников, А. П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа. Ч. I. Оренб. 1924. Стр. 81—83.

от Астрахани до г. Хивы или г. Ургенча верблюжьим транспортом по безводной пустыне требовала, как высчитывает историк Чулошников (по арабским дорожникам), от одного до 2½ месяцев пути; так его сделали наши московские послы И. Федотов, Б. Пазухин[1] и другие. От Хивы или Ургенча в Бухару Ив. Хохлов и другие послы ехали около 19—21 дней. [2] Морской путь от Астрахани до Караганской пристани равнялся 3 неделям, от Караганской пристани до Ургенча или до Хивы — около 25 дней. Так шли Даудов и Касимов в 1675 году. Третий путь в Среднюю Азию шел через р. Терек, „на Тарки, Дербень (т.-е. Дербент), Баку на Ряш" (т.-е. Решт), далее южным берегом Каспия „на Остробад и Мешеть. А от Астрахани до Мешети 10 недель". [2] В противоположность первым двум путям, где рассеяны всюду опасности, начиная от морских волн Каспия до нападений кочевых туркмен, узбеков или калмыков, этим последним путем ездили русские послы в Персию, как более безопасным. Таковы технические предпосылки торгового транспорта в Среднюю Азию в XVI и XVII вв.

Торговля России со Средней Азией в XVI веке.

Так традиции и пути караванной торговли с Россией удельно-феодального и начала московского периода держались на „согдийских" купцах и их преемниках—мусульманских купцах—до половины XVI века. „Сарты", „тезики", „бухарцы"—таковы не вполне определенные этнографические, но довольно определенные классовые термины, обозначавшие средне-азиатских мусульманских купцов. Через 33 года после падения власти татар над Московской Русью, в 1513 году, прибывает из Индии первое посольство при отце Грозного—московском князе Василии III. Это посольство от тимурида Бабура. Как туркестанец (из Ферганы) по рождению и воспитанию, Бабур знал о Московском царстве и, желая завязать с ним сношения, прислал со своим „гостем" Хозя-Уссеином грамоту, где предлагал московскому государю „быть в дружбе и братстве", чтобы после и купцы свободно ездили из Индии в Москву и из Москвы в Индию. Когда Хозя-Уссеин продал в Москве свои товары, после любезного приема Василием III, он получил ответную грамоту, в которой сказано, что царь рад видеть, „чтобы люди промеж ними ездили... но не приказывал о братстве к нему (Бабуру), потому что не ведает его государства (т.-е. „самодержавия"): неведомо, он (Бабур) государь („самодержец", по пониманию московских царей) или „урядник" (т.-е. чиновник)". [3] Это первое известие о посольстве в Индию на протяжении всего XVI века стоит отрывочно. Наступают 50-ые годы XVI века. 2-го

---

[1] Статейный список Б. Пазухина в „Русской Исторической Библиотеке". Том XV. Стр. 36—37.

[2] Там же, стр. 21.

[3] Карамзин. История Государства Российского. Том VII и примечание к нему. Спб. 1852 г., стр. 163 и прим., стр. 79.

октября 1552 года под ударами московских войск пало Казанское царство; с его завоеванием в руках Московского государства сосредоточилась значительная часть волжского пути, и степи бассейна Волги открылись для русской колонизации. В низовьях Волги, однако, другое „татарское“ царство—Астраханское—преграждало Московскому государству доступ к Каспию и странам Востока. Сюда же давно стремилось московское правительство и верхний слой русского купечества, сознавая торговое значение Астрахани; через четыре года после падения Казани Астрахань занята была московским войском. Присоединение Астрахани приблизило Россию к Каспийскому морю и дало ключ к торговле, прежде всего, с Персией и Средней Азией. Московское государство, унаследовав в Казани и особенно в Астрахани большую торговлю с этими восточными странами, унаследовало и экономическое значение Астрахани, как центра по торговле европейского запада с азиатским востоком.[1] Уже в первое время по завоевании Астрахани Москвой в нее приезжали, по словам первого ее воеводы Черемисинова, послы из Шемахи, Дербента, Ургенча (Хивы)... и договаривались об условиях торговых сношений.[2]

В 1557 году, год спустя после падения самостоятельности Астрахани, три года спустя после открытия северного пути в Московию через Белое море англичанином Ченслером, в Москву прибыл агент английской торговой компании, крупный путешественник, объездивший Азию, Африку и Европу, Антоний Дженкинсон. Английским правительством этой компании была предоставлена монополия торговли с Московским государством и с другими странами, которые она откроет на востоке.

Компания поручила Дженкинсону отыскать и использовать торговый путь из Средней Азии в Китай, известный по средневековым путешествиям Марко Поло и др. Совпадение в течение 4-х лет открытия английскими купцами пути через Белое море в Москву с открытием пути в Среднюю Азию Дженкинсоном и с подчинением Москвой главного торгового центра на Волге—Астрахани отражает общее направление молодого английского и нарождающегося русского торгового капитала к восточным рынкам. Пути и характер торгового движения в Среднюю Азию были не новы: начиная с эпохи походов Александра Македонского, продолжая сасанидскими купцами и мусульманскими купцами эпохи монголов и тимуридов, пути в Среднюю Азию были проторены; инициатива торговли в ней и сопредельных с нею областях принадлежала мусульманским купцам с VIII до XVII века, когда, как новый организатор торговли, и здесь стал выдвигаться европейский торговый капитал. Ново было в истории торговли со второй половины XVI в. движение в Среднюю Азию английского торгового капитала, а вслед за ним русского. „Торго-

[1] Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI, XVII столет. Собр. сочин. кн. 8, том. XX. Спб. 1906 г. стр. 238 и 259.

[2] Хлебников, П. Х. Астрахань в старые годы. Стр. 40—41.

вый интерес к Востоку в Московской Руси“, говорит проф. Заозерский, „возник и развивался в связи и параллельно с торговыми отношениями к Западу... Англичане впервые раскрыли перед русскими в XVI в. выгоды торговли с Персией и довольно вероятно, что англичанин Дженкинсон, попутно со своей миссией исполнявший дипломатическое поручение Грозного в Хиве и Бухаре, явился виновником первоначального знакомства Москвы со средне-азиатскими ханствами“ [1]. Принимая первое и третье положения проф. Заозерского—о параллельности развития торгового интереса в Московской Руси к Востоку в связи с развитием торговли с Западом и о Дженкинсоне, как виновнике открытия для Москвы средне-азиатских ханств, мы полагаем, что не англичане в XVI в. впервые раскрыли русским выгоды торговли с Персией. Первыми были венецианские и генуэзские купцы; ибо еще в XV в., по свидетельствам венецианцев Барбаро и Контарини, персидские купцы вели значительную торговлю с русскими, и русские послы в 1464 и 1475 гг. встречались в столице Персии и Герате[2]. Интерес к торговле с Персией и Средней Азией зародился в связи со старой торговлей мусульманских купцов с Россией, начиная с расцвета халифата. Торговля России со средне-азиатскими народами имела глубокие корни в экономическом строе всяких номадов, какими были, начиная от скифов и гуннов и кончая узбеками, казаками и киргизами XVI—XIX вв., все наши восточные соседи. Нуждаясь в произведениях оседлой культуры, хлебных злаках и особенно в тканях, предметах одежды, „татары“, ногайцы и их преемники номады—узбеки и казаки—получали эти произведения частью из Московской Руси, частью из Бухары. Один ногайский князь, Измаил, в 1551 г. писал своему брату, другому князю: „Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить“.[3] Эта экономическая зависимость кочевников-ногайцев от России или Бухары, характерная и для их родичей—узбеков, туркмен и казаков в последующей истории Средней Азии, и была главным побуждением для караванной торговли задолго до XVI века.

При покровительстве московского правительства Грозного экспедиции Дженкинсона, последний, с рекомендательными письмами и „тайным поручением к шаху Персии от Ивана Грозного“ и от Елизаветы Английской,[4] совершил первое английское путешествие в Среднюю Азию.

[1] Заозерский, А. И. проф. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Вел.— Сборн. „Россия и Запад“ I. 1923 г. Петерб. Стр. 96—98.

[2] Шпаковский. Торговля Руси с Персией, стр. 8; Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, стр. 173.

[3] Соловьев, С. М. История России т. VI, гл. III, столб. 92 (Изд. „Общ. Польза“).

[4] Елизавета английская обращалась к императору персов и мидян с просьбой о покровительстве обоюдной торговли. Однако шах Персии, сефевид Тахмасп I, остался глух к этой просьбе, и посольство Дженкинсона не имело успеха в Персии. (Humboldt, Asie Centrale, T. II. Paris, 1843. pp. 225—226.)

Из Астрахани плыли по Каспийскому морю на один из мысов Мангишлака (трудно определить—какой); оттуда шли 20 дней пустыней (вероятно Усть-Урт) до нового залива и прибыли в главный город Хивы (Ургенч).

В дальнейшем мы будем останавливаться на сведениях из путешествия Дженкинсона и других источников, но только на тех, которые касаются вопроса о торговле и связанных с ней чертах хозяйственного быта Средней Азии. Народы, жившие на восток от Каспийского моря до Хивинского оазиса (туркмены), принявшие после высадки караван Дженкинсона, по его словам,—„дрянной и грязный народ: каждый день докучали они нам то спорами и воровством, то попрошайничаньем, то заламывали они двойные цены за лошадей, верблюдов и съестные припасы... За верблюда, едва поднимавшего 400 фунтов, отдавали мы по 3 русские кожи и 4 деревянные посудины; да князю здешнего народа должны были дать девяток и две семерки (разных вещей) вместо денег, которые здесь не употребляются“.[1] Очевидно, туркмены XVI века, подобно отчасти современным, вели меновую торговлю; нужные предметы они выменивали на скот. Абулгази в своем „Родословии туркмен“ говорит, что подати туркмены платили скотом. [2] Дженкинсон шел с караваном, „состоявшим из 1000 верблюдов“; едва ли англичане нуждались в таком количестве верблюдов для привезенных ими товаров, так что, очевидно, они присоединились к большому каравану, направлявшемуся из Астрахани в Ургенч. [3] По дороге в Хиву несколько хорошо вооруженных „татар“ подскакали и „именем своего государя остановили караван, распаковали товары и... взяли из них для своего князя вещи, показавшиеся им наилучшими; взяли их без платы, а в счет пошлины, которая следовала с меня в размере девятой части товара“. Эти товары, взятые как пошлины правителю Мангишлака, стоили 16 рублей, а лошадь, данная Дженкинсону правителем, 7 рублей. [2] Переведенные на ценность наших до-военных денег, пошлины равнялись около 380 рублей, а лошадь стоила около 180 рублей. [4] Далее, при подходе к заливу (вероятно Сары-Камышу), взяли туркменские таможенные агенты пошлину и часть для правителя и его братьев. По прибытии в первый хивинский город, Везирь, Дженкинсон констатировал, что „народ здесь беден, торговля очень незначительна“. В столице ханства, г. Ургенче, уплатили опять таможенную пошлину за себя, верблюдов и лошадей. Рынок Ургенча представлял длинную, покрытую сверху улицу, но и здесь, в столице, куп-

---

[1] Цитируем по Веселовскому, Очерк истор.-геогр. сведений о Хивинском ханстве. Стр. 112.

[2] Веселовский. Назв. сочин. Стр. 113.

[3] Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 100.

[4] Рубль второй половины XVI в. стоил на наши до-военные деньги 25 рублей, а рубль 1601—1612 годов=13 *до-военным рублям, по данным исследования* В. О. Ключевского: Русский рубль XVI—XVIII вв.

цов мало, да и те очень бедны, так что во всем городе едва могли продать 4 куска саржи. Главнейшие товары, раскупаемые в Хивинском ханстве, привозятся, по словам Дженкинсона, из Бухары и Персии в таком ничтожном количестве, „что и упоминать не стоит о том". В обращении у „татар", т.-е. кочевников Хивы, нет никакой монеты: нуждаясь в „необходимом, выменивают это на свой скот". Вместо пошлин в г. Кят (на пути к Бухаре) взяли за каждого верблюда по красной русской коже.[1] На этом пути пришлось встретиться с типичным и до наших дней для хивинских пустынь нападением разбойников, о чем упоминают и последующие русские торговые посольства (напр. Хохлова 1620 г.). В Бухаре Дженкинсон прожил целую зиму до весны 1558 г. Здесь он „нашел, что торговля Бухары с Россией была довольно значительна",[2] но убедился в полном упадке торговли Бухары с Китаем. Тем же путем обратно из Бухары через Ургенч, Усть-Урт и Астрахань, с послами от ханов Бухары, Балха и Ургенча (Хивы), с выкупленными в ханствах 25 русскими пленными[3] Дженкинсон возвратился в начале 1559 г. в Москву. Это английское посольство Дженкинсона, по мнению В. В. Бартольда,[4] было почином в сношениях России со средне-азиатскими ханствами. Возможно, что и раньше, до Дженкинсона, были посольства Хивы и Бухары в Москву, как, напр., упоминаемые в Никоновской и Лаврентьевской летописях под 1557 и 1558 гг., когда послом из Хивы приходил Тениш Азий „с товарищи и с поминки и с великим челобитием";[5] но частыми (приблизительно раз в каждые 5 лет) становятся бухарские и хивинские посольства именно после экспедиции Дженкинсона 1557-1559 гг. В результате торгово-дипломатических экспедиций Дженкинсона, который был 4 раза в России, английской торговой компании была дана новая привилегия, а именно—право беспошлинно торговать с восточными народами, в особенности вести торговлю с Персией, торговать „в Бухарии и Шемахе".[6] После поездки Дженкинсона в Среднюю Азию со стороны англичан сюда не было предпринято торговых экспедиций, но путь для английского торгового капитала, а за ним и русского, был открыт, и первый направился, главным образом, в Персию. Дженкинсон в своем донесении характеризует „бедность и ничтожество" русско-персидской торговли из-за недостатка „в кораблях, рынках и портах на Каспии и бедности народов", однако, несмотря на эти „бедность и ничтожность" русско-персидской торговли, он едет с разрешения Грозного второй раз уже прямо в Персию в 1561 г., но не достигает здесь цели: шах отвергает предложение заключить торговые со-

---

1 По цитатам из названн. „Очерка" Н. И. Веселовского, стр. 115—121.

2 Савельев. Бухара в 1835 г. Спб. 1836 г. Стр. 20.

3 По данным В. В. Бартольда—4-мя пленниками.

4 Бартольд. В. История изучения Востока, стр. 176.

5 Никоновская летопись, 289 стр. и Лаврентьевская летопись V. 267—268 стр.

6 Кулишер. История русского народн. хозяйства. Т. II 1925 г. Стр. 273.

глашения Персии с Англией; но от джеватского хана Абдуллы Дженкинсон добивается грамоты о беспошлинной торговле с Англией. „С этого времени в течение целого ряда лет мы наблюдаем ежегодные посольства англичан", поддерживающих оживленные сношения с Персией.[1]

Но английский торговый капитал своим натиском на Персию со времен посольства Дженкинсона наносил сильный вред русским купцам, богатевшим до этого от транзитной торговли с Персией, и потому в 1560-х годах торговля англичан была ограничена только городом Москвою; в Казани и Астрахани англичанам позволено торговать с платой положенной пошлины, и лишь оптом, а не в розницу. В то же время, начиная с поездок Дженкинсона, русский торговый капитал направился одновременно с Персией в Бухару и Хиву; частые посольства русских в Хиву и Бухару, как и в Персию, мы видим именно с 60-х годов XVI века: в 1561 г. упоминается в источниках „о грамоте... к Азиму Юргенскому или Хивинскому" и „к Маамет-Дербышю Царю, суседу ближнему, Ташкенстьских стран здержателю"[2]; в 1563 г. прибыли в „Москву из Шамахи от Абдулы Царя Послы, а писал к Государю, чем ему велит себе служити, да о торговых людех".[3] (Это было посольство от джеватского хана.) Посольства Бухары и Хивы, кроме этих и раньше прибывших с Дженкинсоном (1559 г.), мы знаем в 1564 и 1565 гг. с просьбой „торговать не только в Астрахани и Казани, но и в других русских городах".[4]

Под 1566 годом летопись сообщает: „Декабря в 27 пришли от Абдулы Царя Бухарского Послы, да от Юргенчьского Азима Царя, да от Самарханского Сеита Царя"... „отпустил их Государь (из Москвы) и грамоты к их государям послал о купечестве".[5] Посольства Бухары и Хивы совместно прибывают, как это было в 1566 и в 1583 гг., от крупнейшего из узбекских ханов, завоевателя и государственного деятеля—Абдуллы бухарского и хивинского хана. Через 6 лет, в 1589 году, уже при сыне Грозного Федоре и правителе Годунове, прибывают вместе хивинские и бухарские послы опять от Абдуллы-хана; грамота хана, ими привезенная, не содержала полного царского титула и не упоминала имени правителя—Бориса Годунова, за что вызвала выговор Годунова о неподобающей по вежливости форме, но посольство не лишилось торговых выгод и не заплатило пошлин за купленные им в России товары. Отправка всех упомянутых посольств имела торговые цели и, по мнению С. В. Жуковского, „инициатива" и „активная роль в них принадлежали не России, а азиатским владельцам". Ханы Бухары и Хивы со своими

[1] Шпаковский. Торговля Руси с Персией, стр. 12—13.

[2] Карамзин. История Государства Российского. Примечание к т. IX (из кн. „Титулярник"), стр. 90.

[3] Там же.

[4] Жуковский, С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. Стр. 10,

[5] Карамзин. История Государства Российского. Примечание к т. IX (258), стр. 90.

посольствами просили у московского правительства чаще „кречетов“ и „соколов“ для охоты и „царской потехи“, реже ружей, свинца, пороха и даже водки, так как это были „заповедные“ (запрещенные) к вывозу товары. Из грамот царя воеводам русских городов о невзимании с посла бухарского пошлин за товары видно, что целью средне-азиатских посольств было добиться беспошлинной свободной торговли в России для Бухары и Хивы, что было не к выгоде русских купцов, весьма неудачно торговавших в Средней Азии, так как товары их отнимались часто силой.[1] От последнего из отмеченных бухарских посольств (1589 года) мы имеем характерный документ, еще не обращавший на себя внимание исследователей,—„Доклад по челобитьям бухарского посла, об отпуске с ним из России 1000 серебряных рублей“, где сказано: „бухарского Абдулы царя посол“ передал просьбу этого царя, „чтоб государь пожаловал, велел вывезти из своего государства 1000 рублев денег на сосуды серебряные, на его царев обиход“. На это последовало разрешение московскаго царя „дать вывезти... послом 1000 рублев“.[2] Позже, в XVII веке, при царях Михаиле и Алексее Романовых послы хивинские просили прислать то „добрый панцырь“ (1633 г.), то „кречетов“, то „денег несколько для свадебного подъему“, „соболей да лисиц добрых черных“, то—даже—„девку черкаску добрую, и то де ему будет гораздо приятно и в любовь“ (1642 г.). Большинство этих просьб удовлетворялось московским правительством, несмотря на „убыточность“ для нас очень частых средне-азиатских посольств[3] с их пустыми предложениями и постоянным „попрошайничеством“ у нас „любительных поминок“, т.-е. подарков, так что проф. Веселовский считает главной сокровенной целью всех этих посольств выжимание у нас подарков[4]. Несмотря на это неустанное „попрошайничество“ средне-азиатских ханов и притеснения ими наших купцов и послов, особенно хивинскими ханами (были ограбления на 10000 рублей, захват товаров и аресты русских послов, как то известно из данных XVII в. о посольствах Хохлова, Грибова), Москва дорожила сношениями с Бухарой и Хивой, начиная с половины XVI века понимая значение их, как торговой связи и некоторой гарантии от набегов на пределы русской оседлости, когда земледельческая колонизация наша подошла к рекам Уралу, Тоболу и Иртышу.

На отдаленной северо-восточной окраине Московской Руси, за Уралом, в эту же эпоху 70-х годов XVI века завязалась торговля со Средней Азией через только что начавшие колонизоваться степи Западной Сибири. Правительство Грозного поддерживало исстари ведшиеся сно-

---

1 Жуковский, С. В. Назв. сочин. стр. 11—12.

2 Сборник кн. Хилкова 1879 г., стр. 161.

3 Подобных посольств из одной только Хивы к нам за время с 1557 г. до 1744 г. было 33, по подсчетам проф. Веселовского и нашим, т.-е. одно хивинское посольство приходится на $5^1/_2$ лет.

4 Веселовский, Н. И. Прием в России и отпуск средне-азиатских послов, стр. 4.

шения со степняками, в XIII—XV в.в. известными под именем „ногайцев" и „татар", а с XVI века с их преемниками—„Казачьей Ордой", т.-е. с казак-киргизами. Грозный, вероятно по просьбе Строгановых, которые, как феодалы, правили на землях Приуралья, отправил около 1573 г. посла Третьяка Чебукова к казак-киргизам, который попал к ним в плен. Эта неудача не остановила Грозного, и он в 1574 г. дал Строгановым грамоту, которой дозволял беспошлинно торговать с „Казачьей Ордою".[1] Это первое известие, имеющееся у нас, о начале торговли с казак-киргизами, и больше об этой торговле нет документальных известий до второй половины XVII века. По свидетельству историков Сибири—Миллера (XVIII века) и Словцова (нач. XIX в.) торговля здесь велась издавна. Уже в XVI веке русские караваны „досчаников" (лодок) ходили вверх по Иртышу, а „бухарские" верблюжьи караваны направлялись через киргизские степи в Европейскую Россию к Астрахани, Самаре и др. поволжским городам. Иртыш служил тогда большой торговой дорогой для „бухарских" купцов, ведших меновую торговлю средне-азиатскими тканями (больше тканями, под названием „зендени"), хлебом, сухими фруктами с тобольскими татарами и даже обдорскими остяками, у которых выменивали пушнину. Иртышская торговля, подобно средневековой европейской и древней новгородской, была вооруженной и часто „разбойной"—Raubhandel (этот термин научно установлен историей хозяйства для первой стадии обмена). Русские водные караваны ходили вооруженными до зубов. Поездки за солью с севера Сибири в киргизские степи походили на военные экспедиции. Вот как описывает Миллер снаряжение такой торговой экспедиции в 1699 г.: по Иртышу отправлен „водяной караван из 25 досчаников", к которым присоединены „из Тары еще пять; на них насажено воинских людей—стрельцов, пушкарей, барабанщиков, казаков конных, пеших и татарских с рабочими при сотниках и атаманах—около 840; дано пищалей медных 11, с ....ядрами... до 314, ...пороху ручного и пушечного 79, а свинца 50 пудов".[2]

Условия торговли со Средней Азией XVI—XVII вв. и предметы вывоза и ввоза.

Центром по торговле со средне-азиатскими ханствами в XVI в. была Астрахань; с подчинением Зап. Сибири, с конца XVI века, небольшими центрами этой торговли сделались г.г. Тобольск и Тюмень.[3]

„Торговля с Хивою, Бухариею и Шемахиею перешла к нам", говорит Костомаров, „по завоевании Астрахани, где издавна находила себе исток и где попрежнему сосредоточивалась, когда уже Астрахань сделалась русским городом".[4] Борьба за этот город, бывший для Москвы важным

---

[1] Левшин, А. Описание киргиз-кайсакских орд и степей. Ч. II. 1832 г. Стр. 47—49

[2] Киргизский край. Россия. Том XVIII. Спб. 1903. Гл. VII, стр. 294.

[3] Потанин. О караванной торговле, стр. 16.

[4] Костомаров. Очерк торговли Моск. Государства, стр. 259.

посредствующим рынком по торговле со Средней Азией и Персией, стала намечаться вскоре после ее завоевания Москвой. Мусульманские ханы, хивинский и бухарский, доносили султану (турецкому) при Грозном: „в Астрахани из многих земель кораблям с торгом приход великий, доходит ему (царю московскому) в Астрахани тамги в день по 1000 золотых“ [1]—известие без сомнения, по мнению В. О. Ключевского, очень преувеличенное, но показывающее, что было что преувеличивать.[2] Со времени экспедиции Дженкинсона установилась между Астраханью и Средней Азией правильная караванная торговля: дважды в год между Астраханью и Караганской пристанью на Мангишлаке ходили парусные „государевы бусы“ (суда), на них юргенчские (хивинские) и бухарские купцы приплывали в Астрахань, платя за помещение товаров на бусах; другие купцы с караванами из нескольких десятков до сотен верблюдов (см. ниже) ездили в Астрахань киргизской степью.[3] Останавливались в Астрахани со своими товарами на особом подворье, называвшемся бухарским. Были здесь гостиные дворы тезицкий,[4] гилянский и друг.

„Бухарцы“, кроме Астрахани, торговали в Тобольске, на гостином дворе; здесь они составляли своего рода компанию, почему в официальных документах употребляется выражение „тобольские бухарцы“; насколько важна была для Сибири торговля бухарцев, показывает челобитная сибиряков, где они просят, как милости, чтобы к ним приходили из Бухарии с товарами. [5] „Бухарцев купцов“ можно было встретить до Архангельска [6] и Москвы. [7] Торговля русских купцов с Бухарой и Хивой велась через степные дороги так же, как и по Каспию, вооруженными караванами, что видно из сообщений Дженкинсона (1557) и Хохлова (в 1620 г.), по сообщению которых русские послы в путь соединялись с бухарскими и хивинскими караванами. О предметах вывоза и ввоза из России в Среднюю Азию в XVI веке дают отрывочные сведения рассказы иностранцев, главным образом, англичан Дженкинсона и бывшего в Москве в 1587 г. при царях Федоре и Борисе Годунове Флетчера. Дженкинсон вез с собой кожу, материю-саржу, каразею и деревянную посуду, которые и раздавал, как подарки, и выменивал на верблюдов. В конце века посол Елизаветы английской, Е. Флетчер, хлопотал о сохранении монопольности английской торговли и тех льгот, которые получены были Дженкинсоном и которых она была лишена в 70-х годах при Грозном, льгот, вроде права розничной торговли; но хлопоты

[1] Соловьев. Ист. России. Т. VI, стр. 293.

[2] Ключевский. Сказания иностранцев о Моск. Государстве. Стр. 270—272.

[3] Дополнения к Актам Историческ., т. IV, стр. 254 и Акты Исторические III, стр. 253.

[4] Средне-азиатских мусульманских купцов.

[5] Собр. Гос. грамот и договоров. II. Стр. 129.

[6] Рожков. Русская история, т. IV. Ч. I (1924 г.). Стр. 28 (по известию посетившего Москву в 1593 г. Варкоча).

[7] Рейтенфельс. О состоянии России при ц. Алексее Мих. (1671 г.). Стр. 43.

его были безуспешны. В своем сочинении „О государстве русском"[1] Флетчер пишет: „Как я слышал от торговцев, купцы турецкие, персидские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 или 500 тыс. рублей" (т.-е. около 12 милл. руб. на наши деньги до-военного времени); рыбьи зубы (т.-е. моржевые клыки, суррогат слоновой кости) „вывозились (из России) персианами и бухарцами за границу для деланья четок, ножей, сабельных рукояток для лиц высшего сословия и других вещей".[2] Пазухину—послу в 1669 г.—велено взять в число царских товаров в бухарскую посылку рыбьего зуба до 12 пудов, по цене 60 руб. за пуд.[3] Вывозились из России в Среднюю Азию, кроме мехов и „рыбьего зуба", как предметов роскоши, которыми бухарцы вели также транзитную торговлю,—кожи, деревянная посуда; украдкой вывозились оружие и металлы и из западных товаров (из Англии) сукна и зеркала. О предметах ввоза из Сред. Азии имеем следующие данные: по английским известиям, в начале XVI в. купцы джагатайские (из-за Аральского моря) снабжали русских в Астрахани множеством шелковых тканей, а татарские (т.-е. кочевники-ногайцы, узбеки) доставляли им лошадей и превосходные белые материи и ткани, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи... Из Бухары же привозили в Астрахань и Москву пряные коренья, мускус, серую амбру, ревень, хлопчатобумажные материи, шелк, краски, также меха, которые скупались в Сибири.[4] Из хлопчатобумажных тканей ввозились: зендень (современная „мата"), камка, чалдар, бес; ввозились кушаки бухарские.[5] Важным предметом вывоза из России был объект старинной „разбойной торговли"—рабы („русские полоняники"). Торговля рабами существовала с отдаленнейших времен в Сибири и Киргизских степях. Предметом ее в Средней Азии были русские, оседлые „бухарцы" и персидские пленники из пограничных местностей, прилегавших к узбекским, башкирским, казак-киргизским кочевьям. Время узбекского господства XVI—XVII веков было временем расцвета работорговли в средне-азиатских ханствах; торговали русскими пленными и иранцами особенно в Хиве, бывшей главным рынком рабов.[6] Спрос на рабский труд со стороны узбеков-кочевников, не имевших ни охоты, ни привычки к оседлому труду, повысился с завоеванием ими земледельческих областей Туркестана, так как „землю при-

---

[1] Флетчер. О государстве русском. (Напечатано в Англии в 1591 г.) Изд. Суворина 1905 г.

[2] Флетчер. Назв. сочин. Стр. 14.

[3] Статейный список Пазухина. Русск. Истор. Библиот. т. XV. Стр. 35.

[4] По путешеств. Герберштейна. См. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московск. государстве. Стр. 271—272.

[5] Потанин. О караванной торговле. Стр. 26—28

[6] Веселовский, Н. Русские невольники в средне-азиятских ханствах. Материалы для истории хивинского похода 1873 года. Ташкент, 1879, и назв. выше. соч. Потанина, стр. 36—41.

шлось обрабатывать посредством рабов". Местом вывоза рабов, кроме пограничных русских областей, была Персия, добытчиками—ногайцы, казак-киргизы и туркмены, ловившие наших рыбопромышленников, казаков и крестьян. Цены на рабов были невысоки; например, „бухарка 16 лет оценивалась в 12 рублей, а бухарец по цене равнялся кобыле и 10 коп. денег".[1]

„Статейные списки" русских посольств в Среднюю Азию XVI—XVII вв., включая сведения англо-русской экспедиции Дженкинсона, и все связанные с этими „списками" документы: отписки, челобитные самих русских рабов—полоняников (см. при „Статейн. списке" посольства Пазухина 1669 г.) доказывают большое развитие русского рабского труда в ханствах Средней Азии, особенно в Хиве. Вот почему борьба за выкуп и освобождение этого „живого товара", как рабочих рук, была главной оффициальной целью всех русских посольств того времени. Количество русских рабов в Хиве считалось в начале XVIII века тысячами, о чем свидетельствует донесение Петру Великому Флорио Беневени, бывшего в Бухаре в 1721 г.[2]

О предметах внутренней торговли XVI—XVII вв. в киргизских степях известный путешественник XVIII в. П. И. Рычков сообщает следующее: „Азиатские купцы, яко то: Хивинцы, Бухарцы, Ташкентцы и им подобные к Российской стороне далее Киргиз-кайсацких орд никогда не приближались, а торговали только в улусах.... оных орд...., да и торг их весь состоял токмо в мене бумажных их холстов и сделанного по их обыкновению платья, на которые вещи выменивали они от Киргизцев лошадей и баранов, и отгоняя их в Хиву и в другие места, где их не довольно, продавали с прибылью".[3] Если прибавить сюда типично средне-азиатскую торговлю рабами, торговлю на базарах предметами первой необходимости в городах Хиве, Ургенче, Бухаре и др., торговлю скотом и хлебом, то мы получим представление о главных товарах средне-азиатского рынка того времени.

К истории развития торговли Средней Азии с Россией в XVII веке.

После перерыва в сношениях Средней Азии с Россией, вызванного государственной и хозяйственной разрухой Смутного времени, с 1616 года начинаются снова посольства Бухары, Хивы и Балха в Москву с торговыми и дипломатическими целями. В этом году приезжает Юргенский (хивинский) посол Ходжа Юсуф с благодарностью за прежние грамоты и с выражением надежды на продолжение торговли. Правительство Михаила Федоровича Романова отвечало согласием на приезд куп-

---

[1] Потанин. Стр. 38.

[2] Веселовский. Названн. сочинение. Стр. 2.

[3] Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии 1762 г. Оренбург, 1887 г. Стр. 225.

цов по-прежнему в Кабалы-Клейскую пристань (на Каспийском море) и обещало посылать бусы (т. е. парусные суда) для перевозки купцов с товарами в Астрахань и оттуда в другие русские города.[1] Вслед за этим в 1619 году приезжает в Москву бухарский посол Эдем с братом от хана Имам Кули, привозит просьбу о продолжении прежних дружеских сношений, о свободной торговле купцам обоих стран и обещание отпустить большое количество русских пленников, пойманных крымскими и ногайскими людьми и приведенных в Бухару. Далее следует просьба Имам Кули послать ему добрых кречетов.[2] За этими посольствами открывается ряд бухарских, хивинских и балхских посольств на протяжении XVII века и ряд русских ответных посольств в Среднюю Азию. Всего хивинских посольств за 100 лет, с 1600 до 1700 г.г., насчитывается—12, столько же бухарских; русских в Среднюю Азию—7. В виду одинакового характера и цели этих посольств мы остановимся на самых характерных из них и только на тех данных документов этих посольств, которые важны для истории средне-азиатской торговли с Россией. Это—посольства: 1) Мих. Тихонова и Ал. Бухарова через Среднюю Азию в Персию в 1613—1615 г.; 2) Ивана Хохлова в Бухару в 1620—1622 г.; 3) и 4) два посольства Онисима Грибова в Хиву и Бухару в 1642—1646 г.; 5) Ивана Федотова в Хиву в 1669 г.; 6) братьев Пазухиных в 1669 г.; 7) бухарского посла Муллофора в 1671 г. и 8) посольство Даудова и Касимова в 1675 г.

XVII век открылся посольствами русских в Среднюю Азию после окончания Смуты с 1614 года. Первой экспедицией XVII века в Среднюю Азию и первым вообще русским посольством, оставившим описание своего путешествия в виде „статейного списка“ и „отписок“, было посольство Михаила Тихонова и Алексея Бухарова, отправленных в этом году в Персию через Хиву. Посольству предшествовали долгие приготовления в Казани.[3] Проволочка вышла со снаряжением посольского каравана, удерживавшегося из-за нежелания, „дурости“ и „ослушания“ посадских людей Самары продать и дать лошадей этому посольству, из-за незнания пути в Персию от Самары и опасности следовать по нему, почему долго собирались сведения об этом пути и получены были только от бухарских и хивинских купцов. В том же посольстве вместе с Тихоновым поехал домой задержанный бурями Смуты в Самаре посланник шаха персидского Амир Кули. Здесь же, в Самаре, находились купец бухарского хана Хозя-Науруз и „караванная голова“ хивинского хана Дербыш-Баба „с торговыми тезики“ (т. е. мусульманскими купцами); эти бухарцы и юргенцы рассказали им про дорогу и ее опасности и дали своих провожатых. Вышли Тихонов и Бухаров из Самары 25-го марта через Яик (Урал)

---

[1] Жуковский, С. В. Сношения России. Стр. 13—14.

[2] Там же, стр. 14—15.

[3] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II. Стр. 151—305.

степями, 4 недели шли до Эмбы, откуда вернули провожатого и отправились в обществе хивинских купцов и бухарских тезиков через пустыню на Шам „в тюрхменской земле“ и в Юргенч, куда приехали 27-го мая, т. е. через 2 месяца пути. Ханом Хивы был тогда Арап-Мухаммед. Принятые с нарушением обычного церемониала послы московские вручили от себя хану подарки в виде 40 соболей, 4 „рыбьих зуба“, и не получив достаточно „кормов“ и подвод, отпущены были в Персию через город Дрюль, Нисай в Мешхед, Казвин, Кизыл-Агач, где были приняты шахом Аббасом. Посол Тихонов вручил шаху объявительную грамоту о вступлении на престол Михаила Федоровича и подарки. Возвратились обратно через „Шамаху, Торки в Астрахань“ в 1615 г. Из оффициальных донесений этих послов („статейного“ их списка), грамот хана хивинского и рассказов бухарских купцов Хозя-Науруза и Дербыша в Самаре мы можем почерпнуть следующие сведения о торговле Хивы и Бухары с Россией: хивинский и бухарский ханы жалуются в своих грамотах на убийства и грабежи астраханскими, казанскими и самарскими людьми средне-азиатских купцов в Смутное время, и вспоминая о прежней (т. е. до Смуты) торговле, которая была в русских городах и велась у них в Хиве татарами, говорят: — „наши торговые люди от нас возят к вам (в Россию) товары на вьюках и исторговався у вас, и ваших товаров им, сукон и юфты, за дальним путем и за проездом степным возить к нам тех товаров не можно, и наши люди торгуют у вас с вашими людьми на деньги. И как на деньги исторгуются, и у них вы осматриваете, и деньги их отнимаете назад“.[1] Перед отправлением посольства Тихонова из Самары бухарский и хивинский купцы (Хозя-Науруз и Дербыш) приехали, по их словам, „с торговыми тезики бухарцы и юргенцы, с товаром и с поручением купить для своих ханов в Москве—кречетов, панцырей, рыбья зубу, черных лисиц и добиться беспошлинного торга. Товары привезенные бухарским купцом не известны, а у хивинского Дербыша было всего два пуда краски кальи“.[2] По рассказам этих же купцов, их отправилось из Хивы и Бухары до 900 человек, и „самарские люди многих тезиков торговых людей побили до смерти, а товары их ограбили“.

Вторая дипломатическо-торговая экспедиция была отправлена в 1620 г. через 5 лет после возвращения Тихонова и Бухарова из Персии во главе с Иваном Даниловичем Хохловым специально в Бухару.[3] Казанский дворянин, опытный дипломат по восточным делам, Хохлов два раза ездил до этого в Персию (между прочим в 1613 году

---

[1] Памятники дипломатических и торговых сношений с Персией. Т. II. Стр. 258—259.

[2] Там же.

[3] Данные о посольстве Хохлова по документам в Сборнике кн. Хилкова 1879 г. Стр. 388—445.

от имени Заруцкого из Астрахани). Главной целью данной миссии 1620 года было освобождение и выкуп русских невольников в Хиве и Бухаре. В то же время в своем „Наказе“ Хохлов извещает бухарского хана Имам Кули, что согласно его просьбе бухарцам позволено торговать разными товарами в русских городах с ограждением их от притеснений, чего требовал царь для своих русских купцов. В пути от Мангишлака Хохлов подвергся нападению кочевых „тюрхменцев“; судно их бурей выбросило на берег, и туркмены говорили, что то, „что принесло их к берегу на их землю и то дал им бог, те люди и животы все их“. Этот факт характерен и для жестоких обычаев европейского средневековья, как выражение так называемого „берегового права“, состоявшего в присвоении государем товаров, спасенных с потерпевшего крушение у берегов его страны корабля и присвоении груза, упавшего на землю с поломанной телеги (отсюда пословица—„что с возу упало, то пропало“). Туркмены „никоторому государю,“—говорит Хохлов, „не послушны, а смежны юргенскому царю и дают... [ему] ясак овцами“. Не будучи в силах ограбить вооруженный караван Хохлова, туркмены „стали говорить о торгу и учали приводить продавать лошади и верблюды,“ которые были отняты, когда посольство отошло в степь. Здесь „купили трое лошадей“ за 20 рублей; „за найм“ туркмена провожатого заплатили 2 юфты кож, епанчу, рубашку, портки да нож. После новой стычки Хохлова с туркменами, чтоб выйти из их осады, посольство „по неволе“ дало им „сукон настрафилю и аглинских и всяких сукон 125 аршин да 100 юфтей кож красных, 10 тафилей ножей угорских, 120 блюд красных, и иные мелкие товары, что у них было и что нашли у торговых людей“.

Из этих данных видны предметы русского ввоза в Среднюю Азию и характер посольства „с торговыми людьми“. Бухарского посла, ехавшего с Хохловым домой, ограбили со всей его рухлядью. По приходе в Хиву, посольство Хохлова подверглось новым притеснениям и „выжиманию“ подарков с угрозой арестом и убийством; напоминали Хохлову хивинцы о судьбе „купца Левонтия Юдина (торговавшего „в Бухарех и Индее“ 7 лет), убитого хивинцами при набеге уральских казаков с атаманом Нечаем в начале XVII столетия. Из-за кречетов, посланных в подарок бухарскому хану у хивинцев произошла драка. После подробно описанных им приемов у хивинского и бухарского ханов со всем церемониалом, Хохлов с усилиями добился отпуска домой и при отпуске „пожалован“ от бухарского царя на обратный путь 4000 ханлыков (16 ханлыков равны 1 московскому рублю). Из них часть присвоена была прислужниками бухарского хана, и Хохлов получил на руки только 3000.[1] Результаты посольства в его официальной части—освобождении русских „полоняников“ выполнены Хохловым успешнее других русских послов: он добился у ханов освобождения 44 человек и выкупил двоих за 78 рублей.[2]

---

[1] Статейный список Хохлова. Сборн. кн. Хилкова, стр. 389—405.

[2] Жуковский. Сношения России, стр. 17—18.

30-ые и 40-ые годы XVII столетия после весьма негостеприимной встречи миссии Хохлова в Бухаре—до 1669 года были временем некоторого замедления в отправлении русских посольств в Бухару и Хиву. Но хивинские и бухарские послы продолжали ездить в Россию: в 1622 году приехал не обычной дорогой, а через Сибирь—через Тюмень и Тобольск—бухарский посол Чобак Балыков с просьбой дать для хана трех кречетов, в чем ему было отказано; после этого было запрещено вообще приезжать послам из Средней Азии через Сибирь, а не через Астрахань. Далее в 1623 году бухарский и 2 хивинских посла были задержаны в Ярославле, имущество их конфисковано в возмещение убытков, причиненных Хохлову. Следующие десять лет, с 1623 года, дипломатические сношения Москвы со Средней Азией прервались—до 1633 года, начиная с которого опять приезжают хивинские и бухарские послы[1] с подарками, с просьбами о возобновлении торговых и дипломатических сношений, с прежним „попрошайничеством"—то серебряных денег, то соболей, то оружия, то рабыни („девки черкасской доброй") и т. д. Нашествие калмыков в XVII в. и занятие их кочевьями западной части киргизских степей сделали более опасными прежние степные дороги к Уралу и Волге через Эмбу и, возможно, вызвали приезд в 1640 году бухарского посольства в Тобольск с послом Казианом во главе „со свитой из 200 человек, с караваном из 100 верблюдов с товарами".[1] И после 22-летнего перерыва в отправлении русских посольств в 1642 и 1646 г. во главе с астраханским купцом Онисимом Грибовым отправляются посольства „с разными товарами" в Бухару, при чем послу Грибову, кроме главных целей—торговли и выкупа и освобождения русских рабов, поставлена новая задача—разведать путь в Индию. Одновременно с Грибовым „к индийскому шаху" отправлены гонцы Сыроежин и Тушканов. Это указывает на дальнейший шаг после установления оффициальных торговых связей с Бухарой и Хивой в экономической политике московского правительства—сравнительно с XVI веком:— на Бухару и Хиву Москва начинает смотреть как на будущий транзитный путь в Индию. Следующее за посольством Грибова, хивинское посольство, уже при царе Алексее в 1657 году приезжает с донесением от хивинского хана Абулгази[2] (известного историка тюрков), ограбившего в 1646 году русских купцов, когда было по приказу хана отнято у них товаров на 10257 рублей, и вторично отнявшего у них деньги в количество 2765 рублей в 1654 году.[3] Хан на этот раз доносит, будто он взял эти деньги „на сбережение", опасаясь как бы их не отняли туркмены на обратном пути послов. Абулгази просит с этим посольством 1657 года возобновить торговые сношения и отпустить задержанного в

---

[1] Жуковский. Сношения России. Стр. 21—24.

[2] Жуковский. Назв. сочинение. Стр. 26—28.

[3] Веселовский, Н. Прием в России и отпуск средне-азиатских послов. Прим. 2 и 6.

России хивинского посла Эмина Багатура. На эту просьбу было отвечено Москвой с тем же послом, что Абулгази прежде всего должен освободить задержанных им русских людей (из посольства 1646 года) и прислать в Астрахань бухарских зенденей (хлопчатобумажной ткани) на 2765 рублей 10 алтын по бухарской цене, и тогда хивинские послы будут освобождены и можно вести речь о возвращении конфискованных за грабеж хивинских товаров и о возобновлении торговых сношений.[1] С той же просьбой о возобновлении сношений приезжает из Хивы в 1666 году посол Поланда (Пулад) Мамбет (Мухаммед) Рузумов.[2]

Характерна для представления о размере торговых оборотов с Хивой и Бухарой во второй половине XVII века цена товаров, ограбленных у русских Абулгази-ханом—10257 рублей, что на деньги начала XX века равняется 171000 рублям. При караванно-ярмарочной торговле эта сумма русского ввоза в Среднюю Азию одним караваном оказывается не столь незначительной, принимая во внимание, что общий оборот русской внешней торговли второй половины XVII века составлял 1.800.000 рублей на деньги того времени.[3]

С конца 60-ых годов XVII века начинается более оживленный обмен посольствами средне-азиатских ханств с Московской Русью; за последнюю треть XVII века мы знаем 3 русских торговых посольства в Бухару и Хиву, столько же, как за первые две трети этого столетия; бухарских и хивинских посольств в Россию за последнюю треть XVII века мы имеем 8, т.-е. одно русское посольство в Среднюю Азию приходится на 11 лет, одно средне-азиатское в Россию на 4 1/2 года. Из документов, оставленных этими посольствами исторической науке, мы возьмем лишь факты, характерные для истории торговли со Средней Азией. Эти факты мы извлекаем, во-первых, из отрывков, сохранившихся от „статейного списка“ и „отписок воевод“ о посольстве Ивана Федотова 1669 г. в Хиву и, во-вторых, из „статейного списка“ и довольно полно сохранившейся всей переписки с Москвой послов в Бухару, Балх, Хиву и Персию в том же 1669 году—братьев Бориса и Семена Пазухиных.[4] Оба эти посольства по „наказам“ царским имели торговые цели. Посольство Ивана Федотова имело в виду лишь торговые разведки в Хиве и справки о складах там индийских товаров, на ряду с целью выкупа „русских полоняников“. Посольство Пазухиных имело уже более определенную цель—собирание сведений о путях в Индию, на ряду с главной целью—выкупом русских пленных-рабов. Стремление пробить путь в Индию сказалось и в начале русских посольств в северный Афганистан

---

[1] Веселовский. Назв. сочин. Прим. 2 и 6.

[2] Туркестанские Ведомости 1882 г. № 20.

[3] Рожков, Н. Русская история. Т. V. Стр. 15. (1923 г.)

[4] Третье посольство, Касимова и Даудова, в 1675 году и документы о нем, как источники для истории торговли будут рассмотрены нами в следующей работе (по истории торговли последней четверти XVII и XVIII веков).

с половины XVII века—в область Балха,[1] куда ездили из Бухары два толмача Пазухиных—Никита Медведев и Семен Измаил.[2] Оба посольства 1669—1670 г. Ивана Федотова и Пазухиных, шли сравнительно редко используемым сухим путем—через реку Урал, калмыцкие степи, реку Эмбу на Хиву. Подарки, поднесенные посольствами хивинскому и бухарскому ханам, состояли из соболей, кож-юфти, „рыбьего зуба", кречетов, бархатных материй, зеркал и были предметами как русского, так и западно-европейского производства. При представлении хивинскому хану Федотова,[3] хан опровергал хвастливое сообщение собственного посла, „будто в государстве не згодятся товары на русскую руку—шелк сырец и верблюжья шерсть и будто в Юргенчи есть склады индийских товаров". По словам хана, „шелк-сырец в государстве его мастеровые люди делают за год пудов до 1000, не больше, и купят шелк дорогой ценою. При осмотре городов ханства—„Канки" (Ханки), „Озариста" (Хазараспа) „для проведывания торгов и товаров" Федотов видел главные предметы торговли хивинцев:—„люди меж себя торгуют зенденми и выбойки и бумагою хлопчатою и пестредьми и шелком сырцем; а купят-де шелку-сырцу пуд по 60 рублев, выбойки по 13 алтын по 2 деньги, зендень по 3 алтына по 2 деньги... бумаги хлопчатой пуд по $1^{1}/_{2}$ рубли [4]..... А делают шелк и бязи... простые, а не чаровые (т. е. не узорчатые)...; а бурмети и выбойки и бумагу и пестреди привозят из Бухар сами юргенцы, а бухарцы с товары в Хиву... приезжают мало и индейцы и балкинцы не приезжают... и верблюжью шерстью не торгуют" с Россией.

На просьбу Федотова об отпуске русских пленников-рабов, хан ответил, что „их привозят и продают дорогой ценой", и что он, хан, не может отнять их у подданных, как их частную собственность. За выкуп 12-ти русских пленников-рабов Федотов заплатил 828 рублей, следовательно, средняя цена одного пленника выражалась в 70 рублей.[5] Бр. Пазухины, больше всех русских послов собравшие сведений о русских пленниках в Средней Азии, говорят, что пленники захвачены из низовых поволжских городов и западнее (до Пензы), что торговали ими преимущественно хивинские купцы—специалисты по работорговле, получающие их от своих поставщиков—башкир, калмыков, туркмен. О шелковой промышленности и торговле в Средней Азии братья Пазухины, исполняя царский наказ—перетянуть вывоз этого шелка в Астрахань и Москву, говорят, что „в Бухаре шелка-сырца немного, а расходуется он в большом количестве и вывоза шелка из Бухары поэтому нет"; хивинский шелк сырец скупается приезжими из Бухары; „родится" его в Хи-

[1] Бартольд, В. История изучения Востока. 1925 г. Стр. 180.

[2] Там же.

[3] Данные о посольстве Федотова взяты из документов о нем: Туркестанские Ведомости 1882 год. № 20.

[4] Туркестанские Ведомости 1882 г. № 20.

[5] Русский рубль второй половины XVII века равнялся приблизительно 17—15 рублям начала XIX века по данным исследования Ключевского: Русский рубль.

ве около 1000 пудов, и продажная цена его около 34 рублей за пуд, в Астрахань сами хивинские купцы не повезут в виду наличия скупщиков из Бухары и мелкого производства его в Хиве:—„родится в Хиве тот шелк у многих чинов людей“. Спросом в Хиве, по словам Пазухина, пользуются сукна красные, меха, красные кожи, выделанные из оленины, и больше всего прибылен здесь сбыт „щепья“—братин, чаш, блюд, иголок и булавок.[1]

По мнению Федотова, „Российского государства торговым людям от тех [хивинских] товаров большие прибыли и пожитков не чаять, потому что в Астрахани тот товар купят не только шелк-сырец и деланный немного больше 40 рублев“, т.-е. немного дороже хивинской цены, и другие товары в Астрахани немного дороже хивинских цен.

Пазухин и Федотов дают в своих статейных списках и штрихи экономического быта Средней Азии: о Хиве Федотов говорит, „а земля Юргенская не велика и хлебом, и всем скудна и лесов нет. В летнее и в осеннее время есть варят травою (разумеется тугайный камыш и колючки), а в зимнее скудное время привозят с великой нужею с Дарьи реки... а объезжают хивинскую землю в 3 дня“ (что указывает на небольшие сравнительно с нашим временем размеры Хивинского оазиса). О хозяйственном быте Бухары, Хивы и Балха Пазухин сообщает: „Хлеба в Бухаре и в Балху и в Хиве сеют небольшое и за годом у них хлеба остается мало в коих домех. А пашенные земли поливаются напускною водою, и от того зелная работа бывает пленным людям“ (разумеется работа русских „полоняников“ и других рабов).[1]

Еще интересные сведения о торговле Бухары XVII века мы имеем в „Извлечении из дела о бытности в Москве бухарского посла Муллофора“ в 1671 году:[2] эти сведения сообщены послом бухарским в разговоре с подьячим московским Астафьевым. В Москву Муллофор ехал через Тобольск, от которого до Бухары 40 дней караванного пути. „Товары де у них“ (т. е. в Бухаре), говорил Муллофор, „киндяки да зендени и китайки (все это—бумажные ткани), а камок и отласов (шелковых тканей) мало, а которые и есть, и те обычные. А селитры де в государстве их добре много и персидской лутче, а продают ее на батманы (=весом $1^1/_2$ пуда), а купят батман на их бухарские денги по 5 алтын;... а шелк де сырец, имянуемой паф, купят на их денги по 2 рубли“. Тот же посол Муллофор в разговоре с Артамоном Сергеевичем Матвеевым сообщил:[3] „А товары де у них в Бухарской земле: шолк сырец, и каменье лалы(?), киндяки, китайки, камки, руда серебряная и оловянная, селитра; а иные де товары привозят к ним из Индеи, потому что торговые люди беспрестанно ходят и привозят каменье и жемчюг и всякие узорчатые товары;

---

[1] „Наказ“ бр. Пазухиным и „Статейный список“ их:—Русская Историческая Библиотека, т. XV.

[2] В Сборнике князя Хилкова. Стр. 514—530.

[3] Там же. Стр. 523.

а в государстве де царского величества потребны им товары соболи добрые, лисицы черные, горностаи, сукна, кость рыбья зубу. А руды де серебряной в государстве их много. А шолк сырец покупают у них в дешевую пору по 2 рубля пуд".[1] В этих сообщениях Муллофора довольно полный перечень предметов торговли в Бухаре. Эти данные вместе с известиями иностранцев о России XVII века показывают, что предметами экспорта в Россию XVII века из Средней Азии были, главным образом, шелк-сырец, ревень и бумажные ткани, особенно „зендени" (вероятно, „мата" нашего времени). Все это могло обслуживать преимущественно спрос высших классов московского общества, так же, как и предметы экспорта из России в Среднюю Азию—меха, сукна (английские), „кость рыбья", кожи—„юфть", щепье—посуда из дерева, иголки и булавки, в большей своей части, кроме разве последних двух предметов, обслуживали спрос верхов хивинского и бухарского общества. „В торговле с Бухарой и Хивой", говорит Федотов в 1669 году, „Российского государства торговым людям от тех товаров большие прибыли и пожитков не чаять",[2] т.-е. эта торговля не затрагивала большинства русского купечества, и могла быть выгодна только верхам—владельцам и руководителям торгового оборота Московской Руси с заграницей—царю и его „гостям". Такой же так сказать „ремесленный", по выражению историков хозяйства, характер имела русская торговля с Бухарой и Хивой 75 лет спустя в 50-х годах XVIII столетия. „В противоположность капиталисту русский купец не гнался за прибылью не по бескорыстию, а потому, что не имел понятия: прибыли на капитал", говорит М. Н. Покровский.[3] Когда три русских торговца—татары Хаялин и Назаров позже в 1750 и Шарып Бекметьев в 1751 году были в Хиве и Бухаре с товарами, им пришлось констатировать, что торг в городе Хиве „малой да и то только по пятницам бывает. Чего де ради тут ничего и не продали"; в г. Ургенче тоже ничего не продали; в Бухаре Бекметьев продал товары за что придется и большею частью в долг, чтобы только сбыть, а в Хиве ничего не продал.[4] Следовательно, и в половине XVIII века, как можно судить по этим известиям от XVIII столетия, торговля с Хивой и Бухарой, не приносившая выгод нашему купечеству, вызывалась, главным образом, спросом средне-азиатских ханов и правящего класса на товары русского рынка: по словам Н. И. Веселовского,[5] „эта торговля была нужнее для Средней Азии, чем для нас". Пазухины были, подобно предыдущим послам Москвы, отправлены в Бухару „с купецкой казной"; значит это

---

[1] Там же. Стр. 527—28.

[2] Выписки из „Статейного списка" И. Федотова. Туркестанские Ведомости 1882 г. № 20.

[3] Русская История. Том II. Изд. 7-ое. 1924 г. Стр. 222.

[4] Примечание 1 к статье Веселовского—Прием в России и отпуск средне-азиатских послов.

[5] Там же.

посольство было торговой экспедицией. Пазухиным предписывалось, главным образом, проведать о шелке: „шелковых промышленников наговаривать с великим радением... и приводить их, чтобы с тем шелком из Бухар и из иных земель торговые люди ходили в Астрахань и к Москве и чтобы однолично в том шелковом деле учинить прибыль промышлять им... с великим радением разведать подлинно—почему цена шелку доброму и среднему и плохому".[1]

Борьба за персидский и связанный с ним бухарский шелковый рынок с западно-европейским купечеством для русского правительства, бывшего монополистом главных предметов вывоза XVII века,—была важной целью торговой политики. „Торговля шелком,—говорит Олеарий в начале XVII века,—есть самая важная из всех, какие ведутся в Европе". В наказе Пазухину говорится, что „бухарский шелк идет через Кызылбашскую и Турецкую землю в немцы, а на Астрахань к Москве нейдет".[2] Домогательства торгового капитала Англии, Голландии, Франции, Швеции и даже маленьких Дании и Голштинии с их посольствами в Москву в течение всего XVII века были направлены на право беспошлинной торговли, главным образом, шелком с Персией через Россию: их посольства наперерыв предлагали за персидскую монополию Москве кто 250 тысяч, а кто и 5 миллионов золота[3] на наши деньги в год. С этим боролось московское правительство и связанный тесно с ним высший слой купечества—„гости". „Наши торговые люди оскудели"—сказали английскому послу Джону Мерику в 20-ых годах XVII века, „теперь они у Архангельска покупают у англичан товары, сукна, возят их на Астрахань и передают их кизил-башам (персам), меняют на их товары, отчего им прибыль и казне, а станут англичане прямо ездить в Персию, то... русским людям продавать своих товаров не будут..."[3] Здесь откровенно выяснены причины борьбы московского торгового капитала за свою монополию в транзитной торговле с Персией и, конечно, со Средней Азией, ибо эти страны были едины для спроса русского рынка: „чтобы не оскудели торговые люди", т.-е. царь и русские гости (монополисты), от транзитной торговли, и „прибыль казне" не убавилось бы—вот в чем корень забот московского правительства, а прибыль царской монополии от торговли шелком составляла 50%.[4] Царскими монополиями, кроме шелка, были старинная торговля мехами, хлебом, водкой, ревенем, привозившимся из Бухары.[5] „Ревень—говорит де-Родес в 1655 году—доставляется, как и шелк, царю, и как говорят достоверные люди, нигде не

---

[1] Наказ Борису и Семену Пазухиным. „Русская Историческая Библиотека", том XV-й. Стр. 17.

[2] Там же.

[3] Покровский, М. Н. Русская история, том II-й, стр. 236—240.

[4] Там же.

[5] История Народного Хозяйства в России. А. Большакова и Н. А. Рожкова. Вып. 7-й. Издание 2-е. Стр. 137—143, извлечение из де-Родеса. „Статейный список Пазухина", стр. 35 в „Русск. Историч. Библиотеке", т. XV.

растет, кроме Бухары, и бухарцы продают его персианам, которые вывозили его в Александрию... вот уже несколько лет продают его бухарцы русским; русские же, полагая, что ревень нигде более не растет, дорожатся и, если захватят этот предмет в свои руки, то будут назначать произвольную цену...“ Далее Родес характеризует приемы торговли со Средней Азией говоря, что русские „весьма дурно ведут себя к бухарцам и скупают у них почти насильно товары по такой цене, какую сами хотят назначить“.[1]

---

[1] После окончания набора настоящей работы получены некоторые новые данные о торговле России со Средней Азией в XVII веке в ст. С. В. Бахрушина: Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. (Труды Института истории. В. I. Москва. РАНИОН.) Здесь ценно для нас указание на посредническую роль „бухарских купцов“, через которых гостем Никитиным приобретались китайские товары даже в отдаленном Томске (стр. 375). Из Сибири гость Никитин перевозил через Урал значительное число товаров персидских и частью из Бухары, особенно тканей бумажных. Так широк был рынок Средней Азии и влияние ее торговли в XVII веке.

А. А. Семенов.

К вопросу, кто был автором تاريخ سيّد راقم.

Этот хорошо известный историкам мусульманского Востока труд, заключающий собрание хронограмм на разные события из жизни замечательных людей Средней Азии по преимуществу, с эпохи Тимура (736/1336 г.), до половины XVII в., был впервые занесен в Европу в первой половине XIX в. Едва ли не первая рукопись этого труда, приобретенная европейцем, был список, купленный Александром Бёрнсом в Бухаре и подаренный им Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.[1] Потом списки этого сочинения стали проникать в Европу из Средней Азии, главным образом, чрез Россию, становясь достоянием некоторых государственных книгохранилищ и частных лиц. Один из таких списков Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (б. И. Публичной Библиотеки) был в свое время описан академиком Дорном в Mélanges Asiatiques (V, 247). Наиболее же обстоятельное описание этого труда было дано бар. В. Р. Розеном по средне-азиатской рукописи 1253 г. Х. Учебного Отделения при Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел.[2] Покойный ученый не только описал самое рукопись, но привел из нее все хронологические даты, расположив их в соответствующем порядке и сделав их доступными и легко находимыми для тех, кто нуждался в этом труде.[3] Средняя Азия уделила внимание этому важному памятнику ее исторической литературы лишь незадолго до мировой войны: бывший главный бухарский зякетчи, иначе называвшийся „нижний куш-беги,“[4] просвещенный Мирза-Салим-бек-„парвоначи“, издал его в Ташкенте без даты (в 1913 г.) в литографии Гулям-Хасана Арифджанова, под названием تاريخ كثيره на полях дополненного им труда Кары Рахматуллы Бухарского تحفة الاحباب فى تذكرة الاصحاب[5].

---

[1] Morley, W. A Descriptive Catalogue of the Hist. Mss. in the arab. and pers. lang., preserved in the libr. of the R. A. S. of Gr. Br. and Ireland. Lond. 1854, pp. 154—155.

[2] Rosen, le bar., V. Les mss. persans de l'Institut des langues orientales. S.-Pétersb. 1886; pp. 115—140.

[3] Из некоторых пропусков отметим отсутствие даты основания (закладки) Улуг-Беком в Самарканде обсерватории в 833/1429-30 году.

[4] قوش بيگى پائين, называвшийся так потому, что, занимая второе место после т. наз. „верхнего куш-беги“ (первого министра), жившего в Арке, жил у подножия последнего.

[5] Об этом сочинении см. наш Каталог рукописей истор. отд. Бух. Центр. Библ. Ташк. 1925; стр. 12, № 38.

Несмотря на интерес к этому труду, известному в литературном просторечии под различными названиями, до сих пор оставался неразрешимым вопрос о его авторе, потому что последний везде в своем труде называет себя просто р а к и м (راقم), пишущий, или м у' а л л и ф, сочинитель-компилятор.[1] Бар. Розен особенно тщательно касался этого вопроса, стараясь его осветить путем сопоставления различных мест данного труда, где анонимный автор говорит о себе или называет по именам своих близких родственников. „Quant au nom de l'auteur, il ne se lit nulle part dans notre manuscrit d'une manière, qui exclurait tout doute. L'auteur emploie, en parlant de sa personne, le mot راقم, qui peut-être aussi bien un nom propre qu'un appellatif." Затем бар. Розен приводит текстуально слова автора, в которых он говорит об известном ʻУбайдулле Ахраре, умершем близ Самарканда в 895/1490 г. и, между прочим, указывает, что в числе разных знаменитых лиц, похороненных поблизости мазара Ходжи Ахрара, есть и его предки, например, „ученейший из ученых Мавляна-ʻИсматулла-бен-Махмуд-бен-Мавляна-Ниʻматулла" или другой—„изъяснитель стихов божественной книги (Кор'ана) и истолкователь хадисов Пророка словами и значениями, Мавляна-Махмуд-бен-Мавляна-ʻАбдул-ʻАли-и-Гиляни, он же (прапра)дед пишущего это". „Ce dernier", замечает бар. Розен, „est nommé ailleurs f. 185a جدّ جدّ راقم comme dans B[2], ce qui me paraît plus plausible;[3] il y est question d'une conférence de ce personnage avec un célèbre sheikh حضرت قاسم شیخ عزیزان mort en 989. En 1009 mourut un autre savant مولانا عصمت الله et sur la date de sa mort un chronogramme fut composé par un autre ancêtre de notre auteur, savoir son bisaïeul, dont il parle en ces termes: (f. 212a)

جد والد راقم حضرت امیر فتخی بن امیر سیّد ابراهیم که اصل ایشان از ولایت اندکان است ومناسبت بسادات ولایت تاشکند است مشهور بتاشکندی کشتند. Le même Fathi, fils de Seyyid Ibrahîm, est mentionné encore une fois au f. 236a sous l'an 1045, mais il y est nommé جد راقم" (pp. 137—138).

Здесь опять оказалась неисправность в рукописи, которой пользовался бар. Розен, так как в упомянутых здесь в сноске рукописях и в литографированном издании нашего труда (стр. 349—350) этот происходивший из Андиджана и принадлежавший к ташкентским с е й и д а м э м и р Фатхи-бен-Эмир-Сейид-Ибрагим, везде именуется дедом отца

[1] В Средней Азии компилятивное сочинение называется поэтому т а' л и ф (تألیف), оригинальный же научный или литературный труд носит название т а с н и ф (تصنیف).

[2] Буквою В бар. Розен отмечал список, описанный академиком Дорном.

[3] Мы взяли (выше) в скобки слоги п р а п р а в соответствии с имеющимися у нас рукописями настоящего труда: одна писана в Бухаре, повидимому, в конце XVIII или в начале XIX в., а другая, видимо современная автору, писана в конце XVII или в начале XVIII в. (добавочные листы). В них стоит: وایشان جدّ جدّ راقم اند вм. وایشان جدّ راقم اند рукописи, описанной бар. Розеном. То же самое находим и в литографированном издании (стр. 121). Поэтому высказанное бар. Розеном предположение получает совершенно определенное подтверждение.

нашего автора (جدّوالله راقم). Он был выдающимся самаркандским богословом и ученым эпохи Имам-Кули-хана (1020/1611—1051/1642). Автор многих трудов, как оригинальных, так и компилятивных, он, по словам нашего автора, между прочим, написал „Книгу, вмещающую все умопостигаемое и повествуемое“(كتاب جامع المعقول و المنقول) и „Книгу путевого припаса для будущей жизни“ (كتاب زاد الآخرة) в 2 томах, из которых первый был посвящен истории пророков; он умер в 1045/1635-36 г.

Наконец, бар. Розен останавливается на дате 1052 г., помещенной на одном из последних листов описываемой им рукописи (239 а). В этом году скончался „ученейший из самаркандских ученых“, дед нашего автора, Ходжа-‘Исам-уд-дин-бен-Ходжа-Низам-уд-дин-(бен)-Хазрат-и-Мавляна-Махмуд-и-Гиляни (или по одной из вышеотмеченных рукописей... бен-Хазрат-и-Мавляна-Мухаммед (sic!), по другой—это событие имело место в 1053 г., при чем имя написано тождественно с написанием рукописи, которой пользовался бар. Розен, лишь перед словом хазрат поставлено бен. То же самое, включая и 1053 г., мы читаем и в литографированном издании (стр. 354).

„Tous ses passages,“ заключает бар. Розен, „tout en nous donnant des renseignements d'un certain intérêt sur la famille de l'auteur, ne décident nullement la question dans quel sens doit être pris le mot Râqim.“ (p. 139).

Может быть разгадка этого вопроса находится в старой, без даты, персидской уникальной рукописи Бухарской Центральной Библиотеки, с которой мы познакомились в конце июня 1926 г. Она называется تذكرة الشعرآء قاضى بديع سمرقندى („Жизнеописания поэтов, составил казий Бади‘-и-Самарканди“) и заключает 177 листов, размерами 13×25 сан., по 21 строке на странице. Судя по бумаге, хорошей и плотной, и по почерку, бухарскому наста‘лику характера „моллаи“, рукопись относится, самое позднее, к началу XVIII столетия (последние листы отсутствуют) и заключена в современный той эпохе оригинальный переплет.

Автор этого труда—Мухаммед Бади‘-бен Мухаммед-Шараф-и-Самарканди посвятил свой труд биографиям среднеазиатских поэтов с извлечением из их произведений лучших или чем либо замечательных образцов, как это и полагается для такого рода антологий. В этом сочинении имеется жизнеописание (с л. 87 б) ахунда, Моллы Шараф-уд-дин-и-А‘ляма, который, как увидим ниже, и является автором аналогичного с интересующим нас трудом сочинения, имеющего свое определенное название. Он был уроженцем Андиджанского вилаета и в молодости переселился в Самарканд к своему отцу Нур-уд-дину, более

известному под именем ахунда Моллы Фархада. Отличаясь блестящими способностями, трудолюбием и прилежанием, он с большим успехом изучал разные науки, ставши потом одним из известнейших местных ученых и прославившись необыкновенною разносторонностью своих глубоких научных познаний. После смерти Моллы Баки-Джана Бухарского он становится величайшим бухарским ученым. Будучи при этом и поэтом, он легко писал красивые и звучные стихи и был чрезвычайно сведущ в разъяснении и истолковании всех сомнительных мест в شبستان نکات и в شکافت معمّا,[1] а в раскрытии исторических дат (заключенных в стихотворные хронограммы), в знании всех рифм, законов метрики и просодии вообще и всех тонкостей стиля и выражений Хакани и Захира Фаръяби, в объяснении стихов تحفة العراقين (Хакани) и واقعات جواهر الاسرار шейха Азери,[2] и трудных двустиший выдающихся мастеров слова он поражал своею необыкновенною талантливостью и глубиною понимания и чувства. „И пишущий это", говорит о себе Мухаммед-Бади', „все упоминаемые здесь знания неоднократно слышал от вышеназванного во время его преподавания студентам. То, что о вышеупомянутом написано, написано в „Меморандуме заключительной части письменной истории" (تذکرهٔ خاتمهٔ تاریخ رقیمی),[3] который написал вышеупомянутый. (Сочинение это), *облеченное в хорошую (литературную)* форму, заключает всякие (исторические) события, особенно в него занесено много трудных хронограмм (که طرز خیری شامل است ازهر واقعه دارد خصوصاً از تواریخ مشکله بسیار درج شده)". Затем следует выдержка из упомянутого труда, начинающаяся так (параллельно, для сравнения, мы даем и соответствующий текст из تاریخ سیّد راقم по двум вышеназванным рукописям и по литографии; старейшая рукопись принята за основу, в скобках отмечены варианты: из более поздней рукописи—литерою Б, а из литографии—литерою Л):

---

[1] Первое произведение, в литературном просторечии больше всего известное как شبستان خیال, полностью называется شبستان نکات وگلستان لغات и принадлежит перу выдающегося писателя эпохи Шах-Роха, Яхъи Сибака Нишапурского, носившего псевдоним Ф а т т а х и (Т у ф ф а х и) и умершего в 852/1448 г. Оно заключает различные шарады, замысловатые загадки и т. п. Кажется, единственное издание этого труда—ташкентское 1331 г. (в 16°). Второй труд, судя по смыслу его заглавия („Разгадка шарад"), повидимому, по содержанию аналогичен с первым. Видеть его нам не приходилось.

[2] Под واقعات جواهر الاسرار разумеется, очевидно, جواهر الاسرار шейха Азери, мистический труд, описанный д-ром Rieu в его Catalogue of the pers. mss, I, pp. 43—44.

[3] Т. е., употребляя здесь слово خاتمه в значении заключительной части, окончательного довода в пользу, так сказать, документальной, хронологической или фактической части данного события, запечатлевающего последнее.

Текст казия Бади'-и-Самарканди.

خاتمه در تاریخ تواریخ حوادث که علماء کرّام
و فضلای عظّام بر نظم دلکش ونثر بیغش
ایراد نموده اند واین بر اصناف و انواع بعضی
مجرّد عدد سال و ماهرا منظوم کرده اند
واین تحسین ندارد و چند طرزی ادا نموده
اند لفظًا و عددًا تاریخ شده این تاریخ
تام گویند پس مستحسن است چنانکه
راقم (این) سواد تاریخ جلوس حضرت
خلافتمکانی سیّد سبحانقلی خان و فوت استاد
خود وغیره گفته چنانکه آمد و فوجی بنام
آنکس و یا واقعه‌را و جمعی وصف او و یا
وصفی نام او و یا نام منزل او وزمان و
مکان و یا اوصاف کثیره و غیره و گاه
لفظی آرند تاریخ تولّد شود و لفظ دیگر
تاریخ فوت ولفظ مضموم مدّت عمر باشد
واحسن آنکه تاریخ تعمیه ادا یابد و این
بهریك از قواعد معمّا تواند بود و لیکن در
تواریخ فوت طریق اسقاط نیکوتر آمد
و بعضی بطریق تبدیل و یا ترکیب و تسمیه
گفته راقم تواریخ کثیره را از فوت امام
اعظم تا سنهٔ هزار و نود چهار هجری که

Текст из (предисловия) تاریخ سیّد راقم

... در تواریخ حوادث ایّام علمای عظّام
وفضلای کرّام بالآلی نظم (لالی -Б) وجواهر
نثر وانموده اند (که تواریخ حوادث ایّام
و ذوائب انام علماء عظّام و فضلای کرّام و
ظرفای ذوی الاحترام تاریخ آنمقام بدلالی
نظم و جواهر نثر ادا نموده اند - Λ) بدین
(و بدین - Б) اسلوب درکنجینهٔ فضل و افضال
بر روی محتاجان در رهای معانی (درمعانی - Λ)
کشوده اند واین همه تواریخ اصناف است
(واینهمه تواریخ فضلا که - Б) بعضی از آن
مجرّد عدد ماه سالرا نظم کرده اند
(بعضی ازآن مجرّد عدد ها و سال و روزرا
نظم کرده اند - Λ) واین تاریخ را (تاریخ را
- Λ) نام گویند نزد ظرفا (فضلا - Λ)
مستحسن است (в рукописи Б читаем
واین تاریخ نزد ظرفا زیاده تحسینی ندارد
و جمعی طرزی ادا کرده اند که لفظًا وعددًا
تاریخ گردیده و این نوع تاریخ‌را تاریخ
تام گویند واین نزد فضلا بسی مستحسنست
та же фраза, со слова زیاده написана,
в виде вставки, на полях ста-
рейшей рукописи, но другою рукою)
چنانچه راقم این سواد در بعضی از تاریخات
وفات گفته (в Б предлог از опущен)
تاریخات کفته - Λ) وفوجی بنام آنکس
و تا واقعه که واقع است گفته (ویا واقعه که
واقع است گفته اند - Б и Λ) وفوجی (в Б и Λ
опущено) چند وصف تا وصف (چندی وصف
ونام Б и Λ) وتا نام ومنزل تازمان ومکان (ویا نام
ومنزل و زمان و مکان - в Б ;باوصف ونام
با نام و منزل با زمان و مکان - в Λ) و
اوصاف کثیره و غیره آورده اند (после
этого و گاه چنان است که لفظی

آرند که- (в Б и Λ) همان لفظ تاریخ تولّد (مولود
- Λ) شود و لفظ دیگر (دیگر کس - Λ)
تاریخ وفات همان کس (последнее слово
لفظی گردد و گاهی (в Λ опущено
آرند که دلالت بر مدّت عمر داشته باشد
احسن انکه تاریخ بتعمیهٔ ادا یابد و
در این هریك از تواریخ بقواعد (این - в Б и Λ)
معمّا تواند بود لیکن (و لیکن - в Б и Λ)
در تاریخ فوت طریق اسقاط نیکو است
و بعضی بطریق تبدیل ویا ترکیب و پارهٔ
(بعضی - Б) بطریق تسمیه (تشبیه - Λ) وغیره
(نوشته اند - Λ) و راقم این سواد تاریخ
کثیره از ظهور صاحب قران امیر تیمور
کرگان (کورکان - Λ ; کره کان - Б) با سنه
(تاسنه - Б) هجری (هجریه - Λ) سال (опущено
(в Б) اختراع سوادست و این هریك
بکدامین طریق ادا یافته (تادانی که هریك
بکدام طریق مذکوره ادا یافته - в Б)
برناظران وامیگذارد بمنه و کرمه

سال اختراع این سواد است بتربیت
ایرادی مینماید و این که هر یك بکدامین
طرق مذکوره ادا یافته بر ناظران
وامیگذارد بمنه و کرمه

После этого приводятся, видимо в извлечении и сокращенно, наиболее характерные и образцовые хронограммы и даты, начиная с Абу-Ханифы (Имам-и-а'зама); они тем не менее занимают почти восемь листов рукописи (л.л.88-96). Из последних хронограмм отметим, например, тарих на смерть „ходжи мира", шейха Тахурия Ташкентского (вероятно, одного из потомков известного шейха Хавенд-и-Тахура или, в просторечии, шейха Антахура, ум. в 756/1355 г. или в 761/1359-60 г.[1]

جهة خواجهٔ عالم شیخ طهوری تاشکندی راقم گفته - شرف بهر تاریخ فوتش نوشت-
یکی کم شد از سرور خواجهها سنه ۱۰۸۱. بعد ده سال شیخ الاسلام خواجه مؤمن
خان مزاری تاشکندی فوت یافته گفته شد - یکی از خواجه های سرو (sic!) رفت سنه ۱۰۹۱

В первом тарихе, как видим, автор называет себя по имени (Ш а р а ф ради даты его [шейха Тахурия] смерти написал: „одним меньше стало из числа господ ходжей".)

Последняя дата, оканчивающая это извлечение—1102 г. X., 29-ое Джумади'-ус-Сани (29 марта 1691 г.), и относится к смерти Хошика-бий-„аталыка", но она, кажется, добавлена для сочинения Мухаммед-Бади'-и-Самаркандия, которое, следовательно, написано не раньше этого года.

[1] См. нашу статью: Ташкентский шейх Хавенд-и-Тахур и приписываемый ему „кулях", в Прот. зас. и сообщ. чл. Турк. Кр. люб. арх. Год XX, стр. 25—31.

Таким образом казий Бади'-и-Самарканди, знакомя нас со своим современником (везде, говоря про него, он употребляет глаголы в настоящем времени), с „ученейшим ахундом, Моллой Шараф-уд-дином“, дает в выдержке и текст из его сборника исторических хронограмм. Текст этот, как мы видели, почти тождественен с текстом предисловия к „Тарих-и-Ракими“ или „Тарих-и-Сейид-Раким“. Любопытным при этом является и то обстоятельство, что небольшое предисловие к „Тарих-и-Ракими“ имеет почти столько же вариантов, сколько будет взято списков этого труда (приведенный нами пример привлечения текстов из двух рукописей и одной литографии может служить тому некоторым примером). Сравнивая это предисловие с аналогичным текстом Моллы Шараф-уд-дина, мы находим в нем совершенно ту же мысль, выраженную не только почти теми же словами, но часто и одинаковыми предложениями и оборотами. Хронологические даты,—по словам анонимного автора,—которые приводят ученые в стихах и прозе, бывают выражены различно: некоторые приводят лишь голые цифры лет и месяцев, что нельзя признать похвальным, а другие выражают их и словами, и цифрами, такая дата признается совершенною и заслуживает всяческой похвалы, подобно тому, как пишущий это составил такие хронограммы относительно некоторых исторических событий. Группа лиц, говоря об известном человеке или событии, выражает словами комплекс свойственных ему качеств или свойств, или приводит название места и времени, связанных с этим лицом или событием, или присоединяет сюда другие разнообразные описания и т. п., и таким образом хронограмма на рождение выражается одними словами, а для хронограммы на смерть или продление жизни употребляются совсем другие слова. Во всяком случае наилучшая из хронограмм та, которой придается выражение загадочного характера, и в таком случае каждая такая хронограмма может быть составлена по правилам шарад—загадок. Однако, в хронограммах, посвященных смерти того или иного лица, хорош способ применения выпадения букв; некоторые составляют хронограммы, применяя способ наименования (т. е. эпитеты, прозвища, в которых скрыто числовое значение). Пишущий это привел ниже много подобного рода хронограмм от рождения эмира Тимура до того года Хиджры, когда была окончена настоящая работа; и которому из названных способов здесь было подражание, он предоставляет судить вдумчивым наблюдателям.

Таково содержание предисловия „Тарих-и-Ракими“. В нем, по сравнению с *предисловием Моллы Шараф-уд-дина, опущена фраза* (текстуально): „вроде того, как пишущий это составил хронограммы на восшествие на престол его величества, местоблюстителя халифского досто-

инства, Сейид-Субханкули-хана,[1] на смерть своего наставника и проч. и вроде того, как это имело место (и в других случаях)". Она заменена, как мы видели, совершенно бесцветной и обезличившей автора фразой. Затем в конце предисловия Молла Шараф-уд-дин говорит: „пишущий это сучтивостью представляет многочисленные хронограммы на (исторические) события, (начиная) от смерти Величайшего имама (Абу-Ханифы) до 1094 г. Хиджры, когда был составлен настоящий труд"; взамен этого в предисловии к „Тарих-и-Ракими" мы находим сокращенную в объеме своего смысла и довольно странную фразу, что в настоящем сочинении приводятся хронограммы от рождения эмира Тимура до того года Хиджры, когда была окончена настоящая работа.

Обращаясь к заключительному тексту столь распространенной تاريخ سيّد راقم, мы во всех его списках наблюдаем странную неоконченность. В большинстве их последнею датою является 1055/1645 г., момент вступления на престол Мавераннахра аштарханида 'Абд-ул-'Азиза; в других в конце рассказывается о постройке им мадрасы в Самарканде против мадрасы Улуг-бека, но не приводится дата этого; в литографии последней хронограммой является тарих на смерть Юсуфа Карабагия—1054/1644-45 г., наконец, есть списки, и притом старые, где последние даты еще более ранние, относящиеся к началу XVII в. После всех таких дат сейчас же идет, без всякого перехода, стереотипная фраза تمّت الكتاب и проч. или تمام شد и т. д. Все это, в связи с неопределенною фразою предисловия, что помещаемые ниже хронограммы и исторические даты доведены до того года Хиджры, когда была окончена настоящая книга, дает основание думать, что сочинение, называемое столь разнообразно „Тарих-и-Сейид-Раким", „Тарих-и-Сейид-Шериф-Раким-и-Самарканди," „Тарих-и-Ракими", „Тарих-и-Касира" и „Тарих-Наме-и-Касира," представляет собою сокращение труда Моллы Шараф-уд-дина Самаркандского. И другое лицо выбросило из него большую часть дат и подробности о самом авторе, оставив лишь некоторые сведения о его родственниках в восходящем колене, и внеся кое-что свое, но всего такого сокращения-переделки этому лицу почему-то не удалось закончить вполне. И по одному месту в „Тарих-и-Ракими" мы можем судить, что сокращение основного труда произошло не раньше 1113/1701—02 г., т.е. спустя 20 слишком лет после окончания труда Моллы Шараф-уд-дина (1091/1680). Дело в том, что упоминая о постройке в Самарканде Улугбеком мадрасы в 828/1424-25 г., анонимный автор прибавляет от себя о ней некоторые подробности в особо красноречивых и витиеватых выражениях и затем указывает, что ныне, в 1113 г. Х., это прекрасное зда-

[1] Сын 'Абд-ул-'Азиз-хана, аштарханид, правивший с 1091/1680 г. по 1113 или 1114/1701 или 1702 г. (Лэн-Пуль. Мус. династии, перев. В. Бартольда. Спб. 1899, стр. 232).

ние стоит совершенно пустым и никто из студентов в нем не живет, взамен их в нем нашли убежище лишь совы и филины, а вместо великих мударрисов остались лишь четыре высоких купола, покачивающих пустыми верхушками (که آنها نیز سر خالی میجنبانند). И не потому ли в конце литографированного издания „Тарих-и-Ракими“ прибавлено, чтобы сгладить неоконченность труда - تاریخ نامهٔ راقم-تاریخ هزار وصد گذشت سیزده هم - از سال هجرت سلطان عالم - بنوك خامه اش راقم رقم كرد - تواریخ چنین خوب مكرم

В заключение позволим себе заметить, что в труде казия Мухаммед-Бади‘-и-Самаркандия есть краткая биография лица, имя которого тождественно с (псевдо) именем анонимного автора „Тарих-и-Ракими“, каковое ему иногда придают, это Эмир-Сейид-Шериф-Раким-и-Самарканди. Он происходил из уважаемой семьи шейх-ул-исламов и писал под псевдонимом Р а к и м только стихи, образцы которых и приводит наш автор (л.л. 48—52), не упоминая ни о каких других его трудах.

М. Т. Тынышпаев.

Ак-табан-шубрынды.

(Великие бедствия и великие победы казаков.)

200 лет тому назад казакский народ пережил неслыханный погром, за которым последовал общий подъем национального духа и героическая борьба с историческим врагом—калмыками; затем, в самый разгар победоносной кампании, казаки разбились на два лагеря; одна группа (Младшая и часть Средней Орды) удалилась к русским границам и приняла русское подданство, другая же, покинутая своими сородичами, вторично была разбита калмыками, с которыми затем боролась целых 30 лет, пока после исторической резни калмыкского народа китайцами (1757 г.) восточные казаки не добили своего врага (1758 г.).

Этот важнейший момент в исторической жизни казаков почти не изучен, если не считать кратких упоминаний о нем Левшина[1] и нашего заслуженного учителя по истории Средней Азии, академика В. В. Бартольда;[2] погром, пережитый казаками, настолько грандиозен по своим размерам, насколько важен по своим последствиям, роковым для всего казакского народа. Прежде чем перейти к существу исследуемого момента мы позволим себе вкратце напомнить историю борьбы казаков и калмыков.

Возвышение монгольских племен, составивших Ойратский Союз, известный под именем „калмаков" (калмыков), началось, как известно,[3] в 1399-1408 годах. Из племен, вошедших в состав Казакского Союза, первый удар калмыков испытали на себе кереи;[4] в 1430 годах калмыки доходили до Иссык-куля, [5] в окрестностях которого обитали уйсыны и кыргызы; в 1447 году калмыки разбили на Сыр-дарье узбеков (улус Абуль-хайра Шайбакского), а в 1459 году калмыкское посольство посетило Герат.[6] Приблизительно с этого времени начинается временное падение могущества калмыков, и нападающей стороной являются ка-

---

[1] Левшин, А. Описание кирг.-кайсакских орд и степей, 1832 г. часть II, ст. 69—72.

[2] Бартольд, В. В. Очерк истории Семиречья, Пам. Кн. Семир. Обл. Стат. Комитета. II. Верный, 1898, стр. 170.

[3] Там же, стр. 151.

[4] Тынышпаев, М. Матер. к истории киргиз-казакск. нар. Ташк. 1925 г., стр. 13.

[5] Бартольд, В. В. Очерк истории Семиречья, стр. 152.

[6] Там же, стр. 153.

закские племена; так Рашид-хан, сын Сеид-хана Чагатаида, в подданстве коего состояли уйсыны и кыргызы, в 1522-24 годах предпринимал походы против калмыков и за победу над ними был прозван „гази";[1] а около 1554 года на них сделал набег воинственный Тауекель-султан, впоследствии бывший казакским ханом. В 1600-1610 годах калмыки разоряли Тарский, Тюменский уезды,[2] а в 1630 году появились в низовьях Волги. Казаки удалились на юг от Улутауских гор. В 1627-1629 годах на калмыков, проживавших восточнее Иссык-куля, делал нападения воинственный казакский хан Есым, брат и преемник Тауекель-хана.[3] В 1630-1643 годах с переменным успехом воевал с калмыками сын Есыма Джангыр-хан, попавший однажды даже в плен. Особенно усилились казаки при знаменитом Тауке-хане (конец XVII и начало XVIII века), проведшем почти всю жизнь в упорной борьбе с калмыками.[4] Повидимому, во времена Тауке-хана казаки разрезали калмыков на двое (с юга на север), вследствие чего западные калмыки—торгоуты—оказались отрезанными от главной массы—восточных калмыков. При сыне и преемнике Тауке-хана, умершего в 1718 году, Болат-хане, человеке слабовольном и непредприимчивом, казаки не только не предпринимали походов на калмыков, но сделались жертвой организованного, внезапного нападения калмыков. Такому военному успеху калмыков способствовал сержант шведской артиллерии Иоганн Густав Ренат, попавший в русский плен в 1709 году под Полтавой.[5] Будучи эвакуирован в Тобольск, он принял участие в известной экспедиции Бухгольца вверх по Иртышу. Транспорт, в котором он состоял, вблизи теперешнего г. Павлодара был окружен калмыками и после упорного сопротивления взят в плен (зимою 1715-16 г.). Ренат пробыл у калмыков до 1733 года, научил плавить железную руду, лить пушки, снаряды, устроил даже типографию. В то время как калмыки под руководством Рената деятельно готовились к войне, их исконные враги—казаки, упоенные недавними победами Тауке-хана, забыли, видимо, о существовании опасного соседа и занялись обычными внутренними распрями, спорами и т. д. Приблизительной границей между владениями калмыков и казаков была р. Иртыш, оз. Бал-

---

[1] Бартольд. Назв. соч. стр. 161.

[2] Андриевич, В. К. История Сибири, ч. I, Спб. 1889 г. стр. 101.

[3] Абулгази Багадур-хан (Тарихи-шеджре-и-тюрк—чагатайский текст—казанск. изд. стр. 199), беженец из Хивы, был принят Есымом, который передал его Турсун-хану Ташкентскому. Абулгази говорит, что через 2 года после этого на Турсуна напал Есым и убил его. Киргизские предания (особенно подробно об этом рассказывал автору старик Базек, родом Ошактинец, проживающий на реке б. Бугень Чимкентск. у.) говорят, что Есым-хан, вернувшись из 2-летнего похода на калмыков, напал на Турсуна и убил его. О победах Есыма на восток от Иссык-куля говорят кыргызские (каракиргизские) предания, так как участниками похода были и кыргызы.

[4] Вельяминов-Зернов, В. В. Исследование о Касимов. царях и царевичах. Часть II, стр. 380-382.

[5] Макшеев, А. И. Карта Джунгарии, составленная Ренатом—1881 г.

хаш и полоса между реками Чу и Талас. Левшин, основываясь на записях Тевкелева, со слов казаков, принимавших в 1748 г. русское подданство, устанавливает дату нападения калмыков—1723 год.

Так как показание давали участники события, то эту дату нужно признать правильной. На основании сохранившихся народных преданий можно определить месяцы происшествия, направление бегства и размеры бедствий, постигших казакский народ.

Найманское отделение садыр, от которого происходит автор, по словам стариков, перед нашествием калмыков жило на Каратауских горах, от р. Талас до среднего течения р. Арыс; это подтверждается названиями отдельных местностей: ниже гор. Аулие-ата есть арык Кельте-кара, названный, очевидно, по имени садырского рода Кельте-кара; в верховьях р. Боролдая на урочище Уш-ащи есть местность, носящая название Садыр-мурде, т. е. кладбище садыров; в 25 верстах на север от Чимкента есть лог Садыр-сай, т. е. лог садыров. По словам отца автора, седьмой предок последнего, Джомарт-батыр, обычно зимовал возле гор Улькен-тура и Кши-тура по р. Боролдаю (по левой стороне); между обоими „тура" в местности Теректы в речку Теректы впадает ручеек, называемый ныне „Садыр-камалган-булак", т. е. ручеек, у которого застряли, т. е. окружены и перебиты садыры. В 1723 году здесь как раз и зимовал Джомарт-батыр со своими 9 сыновьями.

Когда родственники сообщили о тревожных слухах и о необходимости бегства, то гордый Джомарт ответил, что калмыки всегда были трусами в открытом бою и что он с 9 сыновьями всегда готов сразиться с ними, и тут же прибавил, что в его табунах много „пшбе", двухлеток, недавно лишь подвергнутых кастрации, и что они не в состоянии переносить частых и быстрых передвижений. Все откочевали, и один Джомарт с сыновьями не тронулся с места и вот чуть ли не на другой день подвергся внезапному нападению калмыков. Нападение было, повидимому, так неожиданно, что не оказалось наготове верховых лошадей (кастрированные могут переносить передвижения лишь дней через 5-7). Очевидно, Джомарт со всеми домочадцами бежал вверх по ручейку и остановился у вертикальных стен гигантских скал Улькен-тура,[1] где все и были перебиты.

Предание говорит, что молодая женщина, жена одного из сыновей Джомарта, поспешно оставила в юрте 25-дневного сына, закрыла его котлом, а сама спряталась в густых зарослях кустарника и камыша;— только они и уцелели и в тот же день были увезены родственником Куат-батыром, рискнувшим разведать о судьбе аула Джомарта. От этого 25-дневного мальчика—Тасбулата в 5 колене происходит автор. Позднее Куат женился на этой родственнице и усыновил Тасбулата; отсюда по-

[1] Автор в 1921 году специально посетил эту местность, заезжал впоследствии 3 раза (в 1922 и 1923 годах).

томство Тасбулата при спорах или дележах имущества, общего куатовцам, выступает, как равноправный член куатовского общества.

Кастрация лошадей происходит в начале апреля; к этому времени года и следует отнести описанное событие.

По другому преданию, сохранившемуся в отделении матай (из найманов) некто Борте со своими стадами находился еще в отаре, т. е. на зимних пастбищах, вдали от общих зимовок. Когда паника достигла и матаев, последние также побежали. Перейдя р. Чирчик, вспомнили, что позади остался Борте. Послали за ним специального гонца о дву-конь. Борте не пожелал бежать, считая панику преувеличенной. Но чуть ли не на другой день нагрянули калмыки, и Борте один едва ускакал, и, переезжая сильно раздувшийся Чирчик, едва не утонул в бурливой реке. Сильный подъем воды (первый раз) в Чирчике бывает в конце апреля, в начале мая. Ныне потомство Борте проживает по р. Биень Копальского уезда.

Если принять во внимание, что Каратауские горы освобождаются от снегов в середине или в конце марта и с этого времени только и бывают доступны большим передвижениям, то можно придти к заключению, что первые нападения калмыков на Таласский район произошли в марте (вероятно, в конце), через Каратауские горы они прошли в апреле, а в конце апреля или в начале мая найманы перешли р. Чирчик.

По сохранившимся преданиям Старшая и Средняя Орды (кроме аргынов) бежали к Самарканду и Бухаре, а Младшая к Хиве. Эти предания вполне согласуются со следующими данными:

1. Левшин[1] утверждает, что „остатки Большой Орды и с малою частию Средней откочевали тогда к Ходжанту; большая часть Средней, к Самарканду; Меньшая, к Хиве и Бухаре".

2. Величайшее бедствие 1723 года, бегство с лишением имущества, скота, детей, родных известно у казаков под именем „Ак-табан-шубрынды", что значит—„всенародное бегство пеших до состояния, что побелели, т. е. износились, пятки". К этому выражению в Младшей Орде прибавляют „Сауран айналган", что значит—„случай, когда обошли г. Сауран". Старшая и Средняя Орды прибавляют другое выражение—„Алка-коль сулама", т. е. случай, когда „в полном изнеможении от голода и усталости бросились на землю и пластом залегли у озера Алка-коль".

Местоположение древнего Саурана известно—оно находится на линии Ташкентской жел. дор. в 30 верстах севернее г. Туркестана.

На пути бегства другой группы, Старшей и Средней Орды, находятся два Алка-коля; оба заливаемые озерки в пойме р. Сыр-дарьи. Первое озеро находится на левом берегу Сыр-дарьи, в 6 верстах выше Конногвардейского поселка (у которого Голодно-степский канал разветвляется на 2 магистрали). Другой Алка-коль находится на правом бе-

---

[1] Левшин. Часть II, стр. 69—70.

регу, на широте г. Ташкента, в 90 верстах от последнего и в 90 верстах от жел.-дорожного моста.

Так как беженцы расположились у оз. Алка-коль в полной уверенности, что теперь они вне опасности (в противном случае бежали бы безостановочно дальше), то таким местом могло быть только верхнее озеро за Сыр-дарьей, у Конногвардейского поселка; второе же озеро, по правую сторону Сыр-дарьи, наоборот, не могло представлять собою надежного места, так как дальнейшему пути бегства как раз препятствовала многоводная река.

3. От ж. д. станции Хилково на запад и северо-запад и далее по всей Самаркандской области вплоть до Бухары разбросаны кишлаки с наименованиями найман, уйсын, джалаир, кыпчак, со всеми отделениями этих родов. В районе Кермине в настоящее время проживают до 12 тысяч дворов одних только садыров, между тем основное ядро садыров Лепсинского уезда состоит из 9 тысяч дворов; оказывается, в районе Кермине находятся садыры, с которыми автор сходится в 8-9 коленах.

Таким образом направления бегства по Левшину, народным преданиям и географическим наименованиям вполне сходятся. Из того, что мест с названием „аргын“ на указанном пространстве совершенно нет (если не считать небольшую группу в 200 хозяйств кочевников-тобыктинцев в Джизакском уезде), а при бегстве туда они не могли бы не оставить следов в виде кишлаков, то приходится заключать, что аргыны не переходили Сыр-дарью, а бежали, вероятно, на северо-запад от Каратауских гор в нынешний Тургайский уезд; отсюда можно сделать и другое заключение, что аргыны перед 1723 годом жили севернее других казаков—в Бетбак-дала и у Улутауских гор и, вероятно, пострадали в сравнении с другими в меньшей степени.

В памяти народной об историческом бедствии сохранились следующие стихи:

قارا تاۋدىڭ باسىنان كوش كەلەدى	كوشكەن سايىن ٴبىر تايلاق بوس كەلەدى.
قارىنداسىدان ايرىلعان جامان ەكەن	قارا كوزدەن مولدىراپ جاس كەلەدى.
مىنا زامان قاي زامان قىسقان زامان	باسىمىزدان باقى داۋلەت ۇشقان زامان.
شۇبىرعاندا ىزىكنەن شاڭ بورايدى	قا كتارداعى قار جاۋعان قىستان جامان.
مىنا زامان قاي زامان باعى زامان	باياعىداي بولارما تاعى زامان!?
قارىنداس بەن قارا ورىن قالعانىنان سوڭ	كوزدىڭ جاسىن كول قىلىپ اعىزامىن.

„С вершин Каратауских гор спускаются откочевывающие (аулы); при кочевке одиноко (потерявши мать) идет один верблюженок; как тягостна потеря близких родных: с черных глаз капают чистые слезы. Что это за година?—година тяжелых народных испытаний и лишения былого счастья и богатства; при всенародном бегстве пеших поднимается облако пыли, сильнее январьской снежной мятели.

Что это за время?—время безначалия, беспорядочной паники; но вернется ли счастливое прошлое? близкие родные и родина остались позади; тоскуя по ним, испускаю из глаз море слез".

Народные предания дают еще другие указания о размерах бедствия: после выражения „Ак-табан-шубрынды", „Алка-коль сулама" добавляют—„каин сауган", что дословно значит—„доили березу", т. е. обнажали березу и употребляли в пищу сок березовой целлулозы. В голод 1918 года старики вспоминали предания, что когда-то при нашествии калмыков предки их употребляли в пищу те же предметы, что в 1918 году: „джау джумур"—нечто вроде полевой картошки, „алгыр"—похожий на лук, корень очень горького растения (в сыром виде—яд); „козы-куйрык" (грибы) и другие растения и их корни, а также нечистые твари.

Академик В. В. Бартольд[1] утверждает, что Самарканд в 20-ых годах XVIII века в течение 7 лет (вероятно 1723-1730 годы) был совершенно покинут жителями, и в Хивинском ханстве приблизительно в те же годы были заброшены все селения и все пашни, и что в самой Хиве оставалось не более 40 семейств.

В. П. Наливкин[2] сообщает, что около того же времени (1702-1784 г.) пришло в Фергану из Самаркандской области значительное количество эмигрантов; что вызвало это переселение, туземные историки не объясняют. Сопоставляя эти известия с изложенными выше фактами всеобщего обнищания, голода, охватившего казаков, не трудно придти к заключению, что голодные толпы беженцев наводнили Самарканд, Бухару, Хиву, Фергану и прочие местности и ввергли в голод и оседлое население.

Среди осартившихся найманов Кокандского уезда, в котором имеется крупная найманская волость, существует предание, что туда пришли их предки из казаков 6—7 поколений назад; значит, сообщение Наливкина относится также к казакам. Пустыня в районе Бухары в те годы была занята Малик-бием из рода дулат, подрода сыйкым (5-ый потомок Малика, ныне 75-летний старик Байсейт, проживает в 25 верстах на север от Чимкента); эта пустыня с тех пор называется Малик-чолы, т.-е. пустыня Малика. Значительная часть беглецов дошла до Джидели-Байсына, местности очень хорошо сохранившейся в памяти казаков даже Лепсинского и Копальского уездов; Джидели—название горы, а Байсын—город в Восточной Бухаре.

Общее состояние беглецов Левшин описывает так: „Переходы сии влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались; меновая торговля прекратилась; нищета и страдания сделались всеобщими: иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец, бегущие остановились; но где же?—в ме-

[1] Бартольд, В. В. К истории орошения Туркестана, Спб. 1914, стр. 20.

[2] Наливкин, В. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886. стр. 61.

стах бесплодных и непредставляющих ни каких удобств для кочевого народа. Столь несчастное положение не могло быть долго сносимо Киргизами. Из двух зол, предстоявших им, легче было избрать то, которое обещало какие ни будь выгоды, если не в настоящем, то хотя в будущем. Отчаяние убеждало их в необходимости возвратить себе прежние жилища, а бедствия внушали средства к достижению сей цели. Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие, и направила всех к одному предмету".[1]

А. Диваев[2] приводит предание, что Младшая Орда с частью Старшей 3 года воевала с калмыками, пока Тайлак-батыр (из Младшей Орды) с племянником Санрык-батыром (Большая Орда, Ошакты, род тас-джурек) на берегах р.р. Буланты и Буленты (юго-восточн. угол Иргизск. уезда) и в местности Кара-сийр нанес калмыкам полное поражение; отсюда и место разгрома калмыков до сих пор известно под именем „Калмак-крылган"—место гибели калмыков. Весть об этой блистательной победе моментально распространилась по степи, подняла упавший национальный дух и вызвала всеобщий энтузиазм и горячее желание отомстить врагу. На горячий взаимный призыв сбросить иго неверных калмыков, на отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть, откликнулись сыны трех Алаша,[3] затренировали лучших скакунов, перетянули султаном их чолки, заплели в косички гривы, туго перетянули хвосты,[4] и с пиками, айбалтами, луками ринулись со всех концов степи, ведя победоносное наступление...

Оставляя до дальнейшего установление даты наступления казаков и периода героической борьбы, остановимся пока на преданиях и других данных, из коих можно выяснить общую картину борьбы. Мы имеем только два предания, относящиеся к этому периоду; по первому из из них, сохранившемуся среди дулатов Чимкентского и Аулие-атинского уездов, силы Старшей Орды перешли Сыр-дарью около впадения р. Чирчика и перевалили Келес-Бадамский хребет западнее казакского „Арарата"—горы Казыкурта; Средняя Орда поднималась несколько севернее, а Младшая Орда наступала по западному склону Каратауских гор.

По другому преданию, приведенному А. Диваевым, после калмак-крылганской победы война продолжалась еще 3—4 года, и во вторую войну калмыки вновь потерпели погром в местности, получившей впоследствии название „Анракай", т.-е. место стона и рыданий (калмыков); при этом А. Диваев, со слов передававших стариков, утверждает, что „Анракай" находится „при озере Ит-ичмес, на Ала-кульской стороне ...к горам, что на север от Аральского моря".[2]

[1] Левшин. Часть II, стр. 70—71.

[2] Диваев, А. Мавзолей Кок-Кесене (Протоколы засед. и сообщ. чл. Турк. Кружка люб. арх. Год X. Ташк. 1905 г., стр. 41).

[3] А. Диваев неверно назвал „сыновей трех Алаче"—тремя рабами.

[4] Старинный казакский обычай в военное время, ныне сохранившийся в применении только к тренированным для скачки скакунам.

Предание об анракайских победах сохранилось и у казаков Пишпекского и Алматинского уездов; но Анракай находится не там, где указывает А. Диваев, а в 120 верстах на юго-восток от южной оконечности оз. Балхаш, известной у казаков под именем „Ит-ишпес[1] Ала-куль" (озеро Ала-куль, воду которого не станет пить даже собака, т.-е. до того плохая). От залива Ала-куль на юг тянутся горы Абульхайр, Сункайты (на карте речка „Суу-кайтын"), Аксуек-сай (лог „Белой кости") и известная гора Хан-тау; на этих горах находятся урочища „Улькен Орда конган" и „Кши Орда конган" (место стоянки или ставки Старшего хана и Младшего хана).

Других преданий, касающихся этого периода, у нас нет. Но тут на помощь идет география с характерными названиями урочищ. У кочевников, особенно у казаков и кыргызов, есть прекрасная черта—давать урочищам названия по крупным событиям, когда либо там совершившимся.

Первым таким пунктом является небольшая горка Орда-басы (на карте искаженная в „Урта-бас") в 5 верстах от ст. Бадам и в 30 верстах на запад от Чимкента.

Второй пункт—в верховьях речек Бороддай и Кошкарата (на границе Аулие-ат. и Чимкентск. уездов) на горе Архарлы-тау, где есть два урочища „Улькен Орда конган" и „Кши Орда конган", т.-е. эти два названия вторично встречаются одновременно и вблизи друг от друга (4—5 верст).

Наконец, третий пункт—на восток от Аулие-ата, против станций Акыр-тюбе и Подгорное—два лога: Сункайты и Абуль-хайр (на карте „Абыл-каир"). Упомянутые предания и географические наименования приводят нас к весьма важным заключениям.

Соединение трех наступающих групп, по нашему, произошло у горки Орда-басы, что значит—„глава Орды" или „Главная Ставка". Прежде всего большой интерес представляет эта небольшая горка Орда-басы. Наклонная терраса долин р.р. Арыс и Бадам, ограниченная Каратаускими, Алатаускими горами и отрогами их, усеяна отдельными возвышениями, невысокими хребтами, постепенно переходящими во всхолмленную степь. Несмотря на свою незначительную высоту, Орда-басы расположена так, что командует над всей террасой: стоит только подняться из низин районов Арыстанды или Чаян (90—100 верст) или Боролдайской системы (50—60 верст), как сразу бросается в глаза характерная сопка Орда-басы; и наоборот, с Орда-басы можно обозреть все пространство, какое только доступно глазу дальнозоркого степняка.

---

[1] Бартольд, В. В. (Очерк истории Семиречья, стр. 146—147), описывая маршрут Тимура в 1389 году, полагал, что под „Ит-ичмесом" подразумевается оз. Ала-куль в Лепсинском уезде—что ошибочно.

Если к этому добавить, что у Орда-басы протекает р. Бадам, когда-то многоводная,[1] с наилучшими, тучными лугами, и если прибавить, что позади Орда-басы (на запад и юг) во многочисленных логах волнистой местности могут быть скрыты значительные полчища казаков, то можно быть уверенным, что здесь некогда была „Главная Ставка" казакских сил; мы даже уверены, что именно здесь „общее предприятие... освящено клятвою в верности друг другу" и здесь „главным предводителем" был выбран Абуль-хайр-хан, „и белый конь [ак-боз ат], принесенный по обычаю народному в жертву, был принят залогом будущего успеха" (Левшин, часть II, стр. 71). Тяжелые воспоминания печальных событий, радость по отбитым родным местам, по священным кладбищам предков, блестящие надежды на уничтожение коварного врага быстро сменялись одни за другими....

Легко догадаться, что следующим историческим местом являются верховья р.р. Бородлая и Кошкараты, где на расстоянии 3—4 верст некогда стояли Ставки Старшего хана 3-х Орд и Младшего хана. Верховным ханом всех трех Орд считался сын Тауке-хана Болат-хан, и Улькен-Орда конган—место стоянки его ставки. Младшим ханом был Абуль-хайр, командовавший всеми казакскими силами; Кши-Орда конган—место стоянки его ставки. С другой стороны нельзя допускать, чтобы в мирное время ставки ханов стояли так близко: это было не в обычаях ханов, для большей самостоятельности кочевавших вдали друг от друга, и не в привычке, вообще, богатых скотоводов так тесниться при наличности обширных хороших пастбищ.

Дальнейший след прохождения на восток казакских войск мы видим в названии лога Абуль-хайр, против пос. Подгорное. Местные ботбаи (из рода дулат) рассказывают, что некогда на этом месте остановился на время какой-то хан Абуль-хайр.

Казаки постоянно связывают два слова: „Абуль-хайр" и „Сункайты"; эти названия одновременно встречаются около Подгорного и на юг от Балхаша. Но что обозначает второе слово—„Сункайты", никто из стариков, хранителей народных преданий, не мог объяснить.

Наконец, местности на юг от Балхаша настолько связаны географическими названиями и народными воспоминаниями казаков о великом, победоносном побоище, что не остается никаких сомнений, что и здесь некогда остановились ставками Старший хан, Болат, и Младший хан, Абуль-хайр. Тут заканчиваются все данные, дающие ключ к выяснению исторических событий описываемого периода; можно только сказать, что после великого анракайского погрома калмыки бежали далее на восток по р. Или. Еще не умолкли народные ликования по поводу анракайской победы и победные триумфы Абуль-хайра, Барака, Абульмамбета, гонца Аблая, уже затмевавшего всех остальных выдающеюся храбростью, и

---

[1] Ныне почти без остатка разбирается на поля.

целой плеяды народных героев-батырей, как неожиданно случилось что-то, в миг уничтожившее все плоды 3—4-летней героической борьбы, сорвавшее всю победоносную кампанию, вместо блестящих надежд на будущее преподнесшее народу потерю политической свободы и независимости, присоединение к царской России, с одной стороны, и подневольную жизнь под владычеством ненавистных калмыков, с другой...

Чем вызвана эта роковая развязка, ни предания, ни история не говорят, и нет других намеков или следов, из которых можно было бы сделать какое-нибудь заключение.

Левшин по этому поводу замечает (стр. 71), что „ожидая новых нападений... от Галдан-Черена, признали за лучшее удалиться от сего опасного соседа частию на запад, а частию на север“. Тут много неясного и недоговоренного: почему казаки удалились не сразу, в первый раз, когда еще не знали побед над калмыками; почему Младшая Орда и часть Средней ушла с фронта в разгар победоносной кампании; разве они до того времени не знали, что калмыки будут тревожить и в будущем и т. д.; но самое главное, почему об истинной причине ухода Младшей и части Средней Орд умолчали те живые свидетели, которые в 1748 году давали Тевкелеву ясные и определенные ответы по остальным вопросам. Очевидно, было что-то такое, о чем откровенно говорить они стеснялись, а значит, весьма возможно, что именно они, главари, в чем-то были виновны...

Выше мы видели, что при движении до анракайских гор одновременно встречались названия „Улькен Орда конган“ и „Кши Орда конган“, т.-е. места стоянок Старшего хана (Болата) и Младшего хана (хана Младшей Орды—Абуль-хайра). Примерно, с этого времени начинается упоминание имени Абульмамбета, как хана (хотя бы номинально) 3 Орд:[1] в то же время, как увидим дальше, Абуль-хайр во всех сношениях с Россией домогался признания его ханом 3 Орд. Эти обстоятельства и ряд других соображений приводят к мысли, что после анракайской победы Болат-хан умер, и на его место надлежало выбрать Старшего хана. Претендентов было 3: первый—хан Младшей Орды Абуль-хайр, командовавший всеми казакскими силами и выдвинувшийся своими блистательными победами; но он происходил из Младшей линии, из которой ни разу не выбирался Старший хан всех 3 Орд; второй—брат Болата, Шахмухамед (Самеке), считавший, что по обычаю тюрко-монголов наследником должен быть выбран старший в царствовавшей фамилии, т.-е. он; третий—сын Болата, молодой Абульмамбет. После Болата ханом 3 Орд назвался именно Абульмамбет. Выбор, повидимому, не абсолютного большинства пал на Абульмамбета. Такой обиды не мог стерпеть старик Абуль-хайр, человек крайне честолюбивый; с таким выбором не мог

---

[1] Левшин (стр. 137) полагает, что ханом Средней Орды сначала был Самеке и только по смерти его—Абульмамбет; это неверно: Самеке был признан ханом небольшой группы Средней Орды.

согласиться и Самеке, родной дядя Абульмамбета; вслед за уходом с фронта Абуль-хайра, Самеке со своими приверженцами также оставил фронт.

Оставшаяся половина вынуждена была отступить, при чем Средняя Орда ушла к Бетбак-дала и к низовьям р. Чу, а Старшая Орда—в Ташкентский уезд и признала политическую зависимость от калмыков. Отношения между двумя группами казаков, а особенно между ханами, с этого времени обострились до крайней степени. Мы считаем, что именно это обстоятельство заставило Абуль-хайра сразу прикочевать к русским границам и повести переговоры о принятии его в подданство, и просить построить город с крепостью, в которой мог бы он найти себе убежище в случае опасности (Левшин, часть II, стр. 111); в противном случае трудно объяснить, почему именно Абуль-хайр, имевший на востоке надежный заслон в виде многочисленной Средней Орды, поспешил обратиться к русскому правительству.

Что отношения Абуль-хайра с ханами Средней и Старшей Орд после анракайской победы стали крайне враждебными, это мы усматриваем из текста Левшина: „в Оренбурге ожидали... Хана Средней Орды Абуль-магмета, с которым он [Абуль-хайр] был во вражде“ (стр. 139); „Нурали и Эрали [сыновья Абуль-хайра], избегая встречи с Абуль-магметом, не только не приехали..., но в тот же день откочевали от Оренбурга“ (стр. 144); „Абуль-магмет, избегая козней Абуль-хайра, удалился к Туркестану“ (стр. 164). Одинаково враждебны были отношения между Абуль-хайром с одной стороны и Бараком, Аблаем с другой. Наконец все опасения Абуль-хайра оправдались: он был убит Бараком в 1748 г. (стр. 177).

Тот же Левшин несколько раз подчеркивает старания Абуль-хайра называться ханом Казакским (т.-е. всех 3 Орд); Абуль-хайр вводил в заблуждение русское правительство: в грамоте на имя хана Старшей Орды Джолбарса говорится: „Подданный наш Абуль-хайр Хан всеподданнейше нам доносил, что он Вас уже в подданство наше и принял“ (стр. 76); в грамоте Анны Иоанновны Абуль-хайр называется „Киргиз-Кайсацкой Орды Ханом“ (стр. 117), тогда как Самеке-хан назван „наш подданный Шемяка Хан“ (стр. 120). Остается закончить наше исследование установлением даты периода от наступления казаков до ухода Абуль-хайра с фронта.

Предание, приведенное А. Диваевым, говорит, что первый период войны (до первых решительных побед) продолжался около 3-х лет, а затем победоносное наступление продолжалось тоже около 3—4 лет, т.-е. всего выходит около 6—7 лет. Если началом войн считать 1723 год, *то конец войны падает на 1730 год.*

Выше были приведены сведения о размерах грандиозных народных потрясений, коснувшихся не только казаков, но и культурного Туркестана, где оседлые места были покинуты в течение около 7 лет (см. выше

стр. 62, пр. 1 и 2). Трудно допустить, чтобы казаки могли оправиться от разорения в течение одного года.[1]

Наконец, все действия Абуль-хайра после анракайской победы приводят к тому, что он по отступлении поспешно двинулся к русской границе, завязал дипломатические сношения, чтобы защитить себя от враждебных ханов Средней и Старшей Орд; этому противоречит текст Левшина, из которого выходит, что целых 4 года (1726—1730) Абуль-хайр не предпринимал никаких реальных мер защиты от враждебно-настроенных сородичей.

Поэтому остается заключить, что сепаратная попытка казакских старшин Кайбагара, Сугура и т. д. принять русское подданство предшествовала первым победам Тайлак-батыра и Санрыка.

Этим объясняется и перерыв сношений (1726—1730 г.) казаков с русскими.

Таким образом можно считать установленным, что первые победные наступления казаков относятся к 1726 году или немного позже (1727 год), и что анракайское побоище (и смерть Болата) произошли не позднее весны 1730 года, так как в июле того же года посольство Абуль-хайра было уже в Уфе.

---

[1] До настоящего исследования мы, основываясь на указании Левшина (стр. 72), полагали, что к 1726 году война уже окончилась, и после этого отдельные представители Младшей Орды возбудили вопрос о переходе в русское подданство; отсюда выходило, что первые наступления казаков начались на другой же год после погрома 1723 г., что теперь оказывается несостоятельным. Эта ошибка допущена в наших „Материалах к истории киргиз-казакского народа“.

А. Э. Шмидт.

Из истории суннитско-шиитских отношений.

Великий раскол, который с 680-го года нашей эры, после мученической кончины Хусейна, сына 'Али, при Кербеле окончательно разделил весь мусульманский мир на два враждебных лагеря—суннитов и шиитов—, не изжит еще по настоящее время. Непримиримо противостоят друг другу эти два враждебные направления уже на протяжении более двенадцати столетий. Основным моментом раскола является вопрос о государственной власти.

С точки зрения суннитов, во главе мусульманской державы должен стоять всенародный избранник — халиф, потомок племени корейшитов, из которого происходил и сам основатель ислама.[1] Такова теория; на практике избрание очень быстро превратилось в чистую фикцию, и халиф становился у власти либо, как наследственный преемник, поддержанный вооруженной силой и сочувствием влиятельных кругов, либо, будучи выдвинут в результате дворцового переворота в противовес тому, кто должен был бы встать у власти преемственно, либо, как в период упадка династии аббасидов, как ставленник сильного эмира или султана.[2] Этим объясняется и то, что османские султаны, несшие право на власть на острие меча своего, смогли, когда этого потребовали политические условия, объявить себя халифами, законными преемниками последнего аббасидского халифа.[3] Мусульманский мир в целом, как и всегда, когда это подсказывалось жизненными интересами коллектива или сопротивление было безнадежно, молчаливо с этим согласился, и, раз признав османских султанов халифами, потом уже стойко боролся за эту идею. Но в теории, согласно основному суннитскому воззрению на верховную власть, таковая является выборной и до известной степени демократической.[4]

---

[1] Срв. сопоставление различных точек зрения на этот вопрос представителей различных сект и направлений у Maçoudi. Les prairies d'or, texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille (Paris 1861), t. VI, 26 след.

[2] Бартольд, В. Халиф и Султан (Мир Ислама т. I, 1912 г.), стр. 217 след.; срв. также Шмидт, А. Э. 'Абд-ал-Ваххаб аш-Ша'раний и его Книга Рассыпанных Жемчужин (Спб. 1914), стр. 211, прим. 4.

[3] Бартольд, В. Цит. соч., стр. 384 след. и 396 след.

[4] Крайнюю демократическую точку зрения отстаивали хариджиты, утверждавшие, что верховным правителем может быть всякий правоверный мусульманин, даже не свободный, даже не араб, и что вообще его происхождение не играет роли. Срв. по этому вопросу Maçoudi, цит. соч., VI, 24 след. и Arnold, The Caliphate (Oxford, 1924), стр. 187 след.

В разрез с этим, шииты признают власть только наследственную, притом наследственную в роде пророка Мухаммеда, а именно—в роде ʻАли, женатого на его дочери Фатыме. В связи с этим, шииты считают первых трех наиболее почитаемых суннитами халифов—Абу-Бекра, ʻОмара и ʻОсмана—узурпаторами, и их зачастую предавали всенародному поношению даже в мечетях.[1]

В борьбе за торжество своих принципов, шиитам, не сумевшим на первых же порах добиться политического преобладания, приходилось зачастую прибегать к подпольной борьбе. Это обстоятельство, в конечном итоге, привело к конспиративным организациям в шиитстве и к наслоениям эзотерического характера; прямым следствием неудачи потомков ʻАли в попытках захватить власть является и учение о скрытом, но все же наличном во всякое время имаме,[2] потомке ʻАли. Этот потомок ʻАли оказывается уже преемственно наделенным особенной божественной благодатью и в представлении приверженцев некоторых крайних шиитских течений является даже воплощением божества.

На ряду с основным моментом расхождения суннитов и шиитов, т. е. их противоположных взглядов на верховную власть и на источник этой власти, между ними существуют разногласия и в некоторых догматических вопросах, религиозных обрядах и вопросах канонического права, но это все—разногласия далеко не принципиального характера,[3] которые, однако, при наличии принципиального расхождения по вопросу о верховной власти, смогли с течением времени приобрести принципиальное значение только благодаря той глубокой розни и вражде, которые создались между суннитами и шиитами в результате взаимодействия целого ряда других причин.

В европейской науке уже опровергнут ложный взгляд, будто шиитство отражает собою реакцию иранской культуры против навязанного

---

[1] Срв. Mez, A. Die Renaissance des Islams (Hdlbrg. 1922), стр. 62. Поношение „двух шейхов", т. е. халифов Абу-Бекра и ʻОмара, стало своего рода шиболетом у шиитов; срв. Strothmann, R. Das Staatsrecht der Zaiditen (Strassburg. 1912), стр. 25, 26 и 27, а также Ignaz Goldziher. Vorlesungen[1] über den Islam (Hdlbrg. 1910), стр. 215; русск. перев. (Гольдцигер, И. Лекции об исламе. Перев. с немецкого А. Н. Черновой, Спб. 1912), стр. 190.

[2] Срв. Goldziher, I. цит. соч., стр. 236 и Strothmann, R. цит. соч., стр. 102. И в этом факте находит себе отражение присущее исламу стремление и способность принимать и узаконивать всякое фактически создавшееся и прочно установившееся положение вещей. Срв. Goldziher, I. Katholische Tendenz u. Partikularismus im Islam (в Beiträge z. Religionswissenschaft, I, 1913—1914), стр. 115—142, в особенности стр. 115 и 133.

[3] Срв. Goldziher, I. Vorlesungen[1], стр. 236 след. (русск. перев. стр. 209 след.) и его же: Streitschrift d. Gazali gegen d. Batinijja-Sekte (Leiden, 1916), стр. 106. Догматические и обрядовые разногласия вообще приводили в исламе к расколу только в случае одновременного расхождения во взглядах на верховную власть; в противном случае ислам очень терпимо относился ко всяким догматическим течениям, не требуя изгнания их приверженцев из лона ислама. Срв. Strothmann, R. цит. соч., стр. 3.

иранцам в корне чуждого им ислама.[1] Теперь можно считать уже прочно установленным, что шиитство возникло на арабской почве; его родина—Ирак;[2] Ирак всегда был и поныне остается его духовным центром,[3] где находятся и главнейшие шиитские святыни Неджефа и Кербелы.[4] Восточные области на первых порах после раскола сплошь держались суннитского толка, а город Кум (или Кумм) в Джибале, один из очагов шиитского фанатизма,[5] приводится арабскими писателями в этом отношении как исключение, при чем шиитство было занесено туда, если верить географу Йакуту, уже в VIII в. н. э. именно арабскими поселенцами.[6] Из Кумма шиитство, повидимому, распространилось и в прилегающих к нему местностях и соседних городах.[7] Напротив того, в самой Аравии сплошь, за исключением городов, господствовало шиитство, которое одерживало верх даже и в некоторых городах, как, например, в ‘Омане, Хаджаре и Са‘де.[8]

Однако, в силу сложившихся политических условий, шиитство постепенно стало распространяться и на восток и стало властно вовлекать в свое лоно покоренное арабами население восточных областей халифата.[9] Параллельно с этим, к религиозно-политическим моментам розни прибавился еще момент национально-политический: в конце концов иранцы-шииты враждебно противостояли арабам-суннитам.

В XVI столетии н. э., когда во главе персидской державы стала национальная персидская или, по крайней мере, выдававшая себя за таковую, шиитская династия сефевидов[10] (1501—1721 г.), представители

[1] Wellhausen J. Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam. (Berlin, 1901), стр. 90 след.; Goldziher, I. Vorlesungen[1], стр. 241 след. (русск. пер. 214); Mez, A. цит. соч., стр. 55 след.; срв. теперь также акад. Бартольд, В. В. Иран. Исторический обзор (Ташкент, 1926), стр. 32 след. и его же: Халиф и Султан, стр. 369.

[2] Первоначально шиитское движение являлось выражением политической оппозиции арабов Ирака против Сирии, а затем уже вовлекло в свою орбиту и покоренное иранское население (клиентов—мавали), в силу того, что оно было направлено против омаййадов, олицетворявших собою арабское господство. Срв. Wellhausen, J. цит. соч., стр. 89; его же: Das arab. Reich und sein Sturz (Berlin, 1902), стр. 42.

[3] О фанатизме шиитов иракского города Хиллэ в XIV в. срв. Бартольд, В. Историко-географический обзор Ирана. Спб. 1903, стр. 133.

[4] В Неджефе—могила ‘Али, в Кербеле—могила его сына Хусейна.

[5] Срв. Бартольд, В. В. цит. соч., стр. 119; Le Strange, G. The Lands of the Eastern Caliphate (Cambridge, 1905), стр. 209 след.; Mez, A. цит. соч,. стр. 56 след.; Таджаддин ас-Субки. Табакат аш-Шафи‘ыййа (Каир, 1325 г. х.) II, стр. 194.

[6] При наместнике Ирака ал-Хаджжадже. Йакут, Географ. Словарь, 2-е изд. IV, стр. 175 след.

[7] Йакут, цит. соч., I, стр. 57 и IV, стр. 15.

[8] Mez, A. цит. соч. стр. 56.

[9] Wellhausen, J. Die rel.-polit. Oppositionsparteien, стр. 89 след. и Бартольд, В. Иран, стр. 33.

[10] О происхождении этой династии, характере ее первых представителей и их отношении к шиитству см. Бартольд, В. Ист.-геогр. обзор Ирана, стр. 144 и Edward Browne, A History of Persian literature in modern times (Cambridge, 1924), стр. 18.

этой династии, пытавшейся связать свое происхождение с родом 'Али, сделали шиитство государственной религией Персии и тем самым только еще резче противопоставили Персию, как национальное и религиозное государственное образование, соседней уже не арабской, а турецкой османской державе, оффициально придерживавшейся суннитского толка. Совпадение момента резкого персидско-турецкого национального антагонизма с рознью религиозно-политической, постоянно раздуваемой фанатичными представителями духовенства, влияние которых при сефевидах значительно возросло,[1] еще только усугубляло эту рознь и сделало почти совершенно немыслимым какое либо соглашение между суннитами и шиитами.[2]

На стороне персов-шиитов религиозная вражда и нетерпимость, выкованные веками притеснений и преследований, конечно, усугублялись еще и тем обстоятельством, что общемусульманские святыни — города Мекка и Медина—находились в руках суннитов; это обстоятельство, с другой стороны, в значительной мере способствовало османским султанам присвоить себе роль халифов, духовных вождей всего мусульманского мира.[3]

Постоянная опасность, угрожавшая Европе со стороны Турецкой державы, дошедшей до апогея своего политического могущества при султанах Селиме и Сулеймане Великолепном (1512—1566 г.), заставили европейские державы искать союза с Персией против Турции, а это,

[1] Срв. Ed. Browne, цит. соч., стр. 120.

[2] Если Ed. Browne (цит. соч., стр. 12) утверждает, что в данном случае национальный момент отступает далеко на задний план перед моментом религиозным, то это следует понимать, конечно, в том смысле, что стоявший на первом плане политический или, вернее, государственно-правовой вопрос о верховной власти и источнике этой власти приобрел в исламе, как все вообще политические и правовые вопросы, сугубо религиозный характер. (Срв. Duncan B. Macdonald. Development of muslim theology, jurisprudence and constitutional theory (New York, 1903), стр. 3 след. и Strothmann, R. цит. соч., стр. 2). Что национальный вопрос все же играл некоторую роль в определенные моменты суннитско-шиитского спора, видно хотя бы из того факта, что у шиитов-зайдитов, создавших национально-арабское (срв. Strothmann, цит. соч., стр. 47 и 102) государственное образование в Южной Аравии, непримиримости по отношению к суннитам всегда было гораздо меньше: отсутствовал именно момент национального антагонизма, значительно обостривший отношения между персами-шиитами и турками-суннитами. О более ярко выраженном у зайдитов ощущении единства ислама и о более умеренной позиции, занятой ими в вопросе о верховной власти вообще и, в частности, в отношении к первым двум халифам-патриархам („двум шейхам", как говорят мусульмане-сунниты) см. Maçoudi, цит. соч., т. VI, стр. 24 след.; asch-Schahrastani². Kitab al milal wan-nihal. Book of religious and philosophical sects. Ed. by W. Cureton. Lpzg. 1923, стр. 116; 'Абдалкахир ал-Багдади. Китаб алфарк байн-ал-фирак (Каир, 1328 г. х. = 1910 г. н. э.), стр. 22 и Strothmann, R. цит. соч., стр. 25—28. Общую оценку и характеристику шиитского движения при сефевидах см. Бартольд, В. Халиф и Султан, стр. 369 и Ed. Browne, цит. соч., стр. 23.

[3] Бартольд, В. Халиф и Султан, стр. 370; 387—389.

как правильно отмечает Ed. Browne,[1] конечно, тоже должно было еще больше разжечь уже существовавший антагонизм и соревнование между двумя самыми могущественными мусульманскими державами.

Попытка некоторого сближения между шиитским и суннитским исламом была сделана тогда (и это очень показательно), когда персидский престол, на смену сефевидам, занял турок Надир-шах. Правда, для Надир-шаха основанием для этой попытки послужили главным образом соображения не религиозного, а политического характера, а именно, стремление к равному с османским султаном авторитетному положению в мусульманском мире,[2] но все же эта попытка не лишена некоторого значения, и несколько более подробное освещение ее, быть может, не будет лишено интереса.

Попытки Надир-шаха внести в мирный договор с Высокой Портой некоторые пункты, имевшие целью гарантировать шиитам или, вернее, персидским мусульманам подобающее равноправное положение на ряду с мусульманами суннитского толка, не остались не отмеченными в работах европейских востоковедов: пишет о них и Хаммер-Пургшталь в своей истории оттоманской империи, говорит о них и Малькольм в своей истории Персии, упоминает о них и Вамбери в истории Бухары,[3] и если я считаю возможным еще раз вернуться к этому вопросу, то потому лишь, что в европейской литературе остался неиспользованным один очень интересный источник, изданный в Каире только в 1906 г. (1324 г. х.), а именно, сочинение ʻАбдаллах-эфенди ал-Багдади ас-Сувайди (ум. в 1174 г. х. = 1760 г. н. э.),[4] озаглавленное „Решающие доводы в пользу объединения всех мусульманских сект“.[5]

---

[1] Цит. соч., стр. 11.

[2] Насколько религиозные соображения в этих попытках Надир-шаха не играли роли, видно из следующего факта: за несколько лет до этого, еще при шахе Тахмаспе, после постыдного мира с Турцией, заключенного шахом в результате неудачного похода, который им был предпринят против турок за спиною Надира, осаждавшего Херат, Надир выпустил воззвание к народу, в котором особенно возмущался тем, что в руках врагов-еретиков остались пленники-шииты. „Подобный договор“, говорится в воззвании, „противен воле небес; ангелы, которые охраняют могилу божественного ʻАли, громко призывают нас к освобождению его последователей, оставшихся в плену в руках низких еретиков“. Срв. Sir John Malcolm. Histoire de la Perse. Traduite de l'anglais, Paris, 1821. III, стр. 76.

[3] Герман Вамбери. История Бохары или Трансоксании. Перевод А. И. Павловского. Спб. 1873, II, стр. 48, примеч.

[4] Так Carl Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, 2 Band. Berlin, 1902, стр. 377; Cheikho называет годом его смерти 1170 г. х.=1756 г. н. э.; срв. P. Louis Cheikho, s. J. La Littérature arabe au XIX-me siècle. I-re partie, Beyrouth, 1908, стр. 87.

[5] Китаб-ал-худжадж-ал-катʻыййа ли-ттифак-ал-фирак-ал-исламиййа (كتاب الحجج القطعيّة لاتّفاق الفرق الاسلاميّة) Каир, 1324 г. х. Полное имя автора—ʻАбдаллах ибн-Хусейн ибн-Марʻи ибн-Насираддин ал-ʻАббаси ал-Багдади ас-Сувайди.

Автор этого сочинения, известный суннитский богослов XVIII века, происходит из очень известной в Ираке семьи Сувайди, которая дала исламу ряд видных ученых и имеет своих представителей в рядах мусульманских ученых и поныне.[1]

В упомянутой работе автор описывает устроенный Надир-шахом грандиозный религиозный диспут между учеными шиитами и суннитами, в котором сам автор принял оффициальное участие, по поручению багдадского турецкого наместника Ахмед-паши, в качестве авторитетного представителя суннитского толка со стороны Турции.

Проф. I. Goldziher вскользь упоминает об этой работе,[2] говоря о попытке Надир-шаха примирить шиитский и суннитский ислам, при чем он, по моему мнению, несколько переоценивает как стимулы, руководившие Надир-шахом, так и самую возможность реализации его попытки.

Судя по словам переписчика той рукописи, по которой была напечатана интересующая нас работа Сувайди, эта последняя представляет собой извлечение из более объемистого сочинения того же автора [3] под вычурным заглавием: „Дуновение мускуса о путешествии в Мекку“, [4]

---

[1] Cheikho, L. цит. соч., I, стр. 85 след.

[2] Vorlesungen [1], стр. 316 (русск. пер., стр. 271); как о работе, „повидимому, ускользнувшей от внимания ученых“, о ней упоминает H. Ritter в своей рецензии на цит. соч. Ed. Browne в „Der Islam“ Bd. XV (1926 г.), Heft 1, стр. 106, прим. 1; Ritter пользовался турецким переводом, напечатанным в Каире же в 1326 г. х.

[3] Стр. 29: انتهى ملخّصًا من رحلته

[4] C. Brockelmann, цит. соч., II, стр. 377[1]: „ан-Нафхат ал-мискиййа фи-р-рихлат ал-Маккиййа“ (النفحة المسكيّة فى الرحلة المكيّة). В рукописных собраниях б. Корол. Берлинск. Библиотеки имеется тоже рукопись этого извлечения, названного в катологе просто „Übersicht über die politischen Zustände in Persien und Religionsgespräch mit einem Schiiten bei Nadir Schah“ (Ahlwardt, W. Verzeichniss d. arabischen Handschriften d. Kgl. Bibliothek zu Berlin, V, Berlin, 1893, стр. 442[2]). В приведенной из самой рукописи цитате это извлечение не имеет того же заголовка, что в нашем издании, а названо (л. 41-а) رسالة ملاّ عبد الله افندى السويدى رحه فى مناظرته مع علماء الرافضة قبحهم الله تعالى وذلك فى زمن طهماز حين جاء الى بغداد... Рукопись, с которой списана берлинская, найдена в бумагах сына нашего автора, шейха Мухаммед Са‘ыда Сувайди [ум. около 1203 г. х.], как заявляет переписчик, и в ней этот Мухаммед Са‘ыд указывает и откуда он заимствовал извлечение, и его цель (л. 41-б): وجدت بخط الفاضل الشيخ محمد السعيد السويدى البغدادى الشافعى ما صورته ولنذكر قصّة ذهاب الوالد يعنى والده الى شاه العجم الظالم الغشوم نادر شاه واجراء الحقّ على يديه واخماد النار الباطل بمباحثته وارجاع الشيعة ممّا هم عليه اذلا يخلو ذلك عن فائدة قال الوالد رحه فى النفحة المسكيّة فى الرحلة المكيّة ما نصّه وقصّة ذلك باختصار. Извлечение, повидимому, действительно, приведено в значительно сокращенном виде, ибо занимает всего 16 страниц (л. 41-а—л. 48-б) размером 17½×11 см., по 25 строк, а в нашем издании это извлечение занимает 29 страниц, размером 18½×11¼ см., по 21 строке, хотя конец и совпадает с нашим изданием (срв. Ahlwardt, цит. соч. V, стр. 443[1], где вместо دلايل عن هذه след. читать دلايل غير هذه); у C. Brockelmann'a (цит. соч. 2, стр. 377) это извлечение не упоминается.

в котором автор описывает свое паломничество в Мекку, совершенное им в знак благодарности аллаху за благополучное окончание упомянутого диспута, о чем он сам так повествует в предисловии к интересующему нас извлечению: [1]

„После того как аллах сподобил меня оказать поддержку блистательному шариату и опровергнуть сторонников новшеств и впавших в соблазн, я вознамерился совершить паломничество к заповедному храму аллахову, дабы воздать ему благодарность за то, что он сподобил меня исполнения моего заветного желания, сподобил меня того, в чем кроется благо всего ислама, направив истину через мои руки и погасив при посредстве моих рассуждений огонь лжи, заставив шиитов отказаться от обычного у них поношения сподвижников пророка и обвинения их в неверии,[2] отказаться от признания преимущественного права на халифат за ‘Али, сыном Абу Талиба (да будет над ним благоволение аллаха!), от разрешения брака на срок [3] и потирания ног (масх ар-ридж-

[1] Стр. 2 текста; срв. также стр. 29.

[2] Идет речь о поношении первых халифов и поддержавших их сподвижниках пророка, таким путем отстранивших от власти единственного законного, с точки зрения шиитов, преемника Мухаммеда—‘Али. Срв. выше, стр. 70.

[3] Брак на срок—м у т ‘ а (المتعة) признается допустимым у шиитов; основные условия действительности такого брака—согласие сторон, строго определенный срок, хотя бы один день, определенный м а х р, т.-е. денежное обеспечение жене. Срв. Q u e r r y, A. Recueil de lois concernant les musulmans schyites, Paris, 1871, T.I-er, стр. 689—695 (§§ 358—416), Thomas Patrick H u g h e s, A Dictionary of Islam². London, 1896, стр. 424. Допустимость такого брака на срок шииты обосновывают на коране (глава 4, стих 28), где по поводу разрешенных форм брака, между прочим, говорится:.. „и тем из них (т.-е. жен), которыми вы воспользовались, вы давайте причитающееся им вознаграждение...“ Сунниты считают такую форму брака абсолютно недопустимой, хотя некоторые ученые утверждают, что одно время Мухаммед разрешал такой брак по нужде, но потом окончательно отменил это разрешение; такая точка зрения опирается на отмеченном в мусульманской литературе разночтении, приписываемом Йбн-‘Аббасу, Убайй ибн-Ка‘бу и др., согласно которому в упомянутом стихе после слова „воспользовались“ первоначально стояли потом отмененные Мухаммедом слова: „на определенный срок“. Подробности см: а т - Т а б а р и. Тафсир. Каир, 1321 г. х., т. V, стр 9; Ф а х р а д д и н а р-Р а з и. Мафатих ал-гайб. Конст. 1294 г., III, стр. 286—291; ‘А б д а л в а х х а б а ш - Ш а ‘ р а н и. Китаб-ал-Мизан, Каир, 1306 г. х., II, стр. 97 и 99; а н - Н а в а в и. Шарх Сахых-ал-имам Муслим. Каир, 1326 г. х. (на полях С а х ы х - а л - Б у х а р и с комментарием К а с т а л а н и, т. VIII, стр. 431—436; срв. также напечат. в Сирии в 1327 г. х. (=1909 г н. э.) брошюру: الحصون المنيعة فى ردّ ما اورده صاحب المنار فى حقّ الشيعة, стр. 37—111.

Почти современный нам египетский муфти М у х а м м е д ‘А б д у (ум. в 1905 г.), конечно, отвергает брак на срок уже потому, что придерживается вообще более современных взглядов на брак, а уплачиваемое согласно брачному договору жене денежное обеспечение—м а х р в его толковании совершенно теряет тот одиозный характер, который ему часто придавали, сравнивая брачный договор с договором купли и продажи; упомянутую выше вставку в 28-м стихе 4-й главы корана он рассматривает именно как не принадлежащую к первоначальному тексту пояснительную вставку кого либо из сподвижников Мухаммеда, выражающую его личное мнение и ни для кого другого не обязательную (срв. Т а ф с и р - а л - К о р а н а л - Х а к и м. Каир, 1328 г. х., V, стр. 11, 13 и 18). Интересно отметить, что в религиозных преданиях, касающихся брака на срок, которые, конечно, как и все религиозные предания, отражают самые разнообразные тен-

лайн) мокрою рукою (вместо омовения),[1] а равно и от других своих мерзостей, новшеств и заблуждений, всем известных и всеми о них передаваемых".

Брошюра Сувайди интересна и тем, что во введении мы находим рассказ очевидца-месопотамца о попытках Надир-шаха увеличить свои владения за счет турецкой империи, рассказ, передающий непосредственные впечатления человека, лично глубоко задетого событиями этой неспокойной для его ближайшей родины эпохи. Сувайди начинает свой рассказ [2] с характеристики полного упадка Персии по завоевании столицы ее афганцами, [3] повествует о возвышении Надира при дворе предпоследнего сефевида Тахмаспа,[4] которого автор характеризует, как человека слабовольного, легкомысленного, предававшегося пьянству и все государственные дела возложившего на Надира. Надир одну за другой отвоевывал у афганцев занятые ими территории и взял обратно столицу Исфахан, за что получил почетное прозвище Т а х м а с п - к о л и,[5] т. е. „Рука Тахмаспа", но народ называл его Т а х м а с п-к у л и,[6] т. е. „Раб Тахмаспа", и это последнее прозвище так прочно установи-

---

денции, лично халиф ʻОмар отменяет эту форму брака, ранее, при пророке, разрешенную (Ф а х р а д д и н - а р - Р а з и, цит. соч. III, стр. 289), а ʻА л и высказывает по его адресу упрек: „Если бы ʻОмар не запретил брака м у т ʻа, то бедняк не впадал бы в прелюбодеяние" (Т а б а р и, цит. соч., V, стр. 9). С другой стороны, противошиитски окрашенные предания не только заставляют И б н-ʻА б б а с а, твердо стоявшего за допустимость брака м у т ʻа (Т а б а р и, цит. соч., там же), заявить о том, что он был отменен пророком, но даже заставляют его пред смертью специально каяться в том, что при жизни он настаивал на его разрешенности (Ф а х р а д д и н - а р - Р а з и, цит. соч., III, стр. 286); мало того, эти предания заставляют именно ʻА л и напомнить И б н - ʻА б б а с у, дававшему в его присутствии заключение о допустимости брака м у т ʻа, что Мухаммед запретил эту форму брака в день взятия Хайбара. Интересно отметить также, что шииты-зайдиты считают брак на срок запрещенным (Срв. „Corpus juris" di Zaid ibn Ali. Testo arabo pubblicato per la prima volta... da Eugenio G r i f f i n i. Milano, 1919, стр. 197 § ٧١٨ и стр. 324—332 и, по общему вопросу, G o l d z i h e r, Vorlesungen [1], стр. 238 след.).

[1] Шииты, отрицающие принятое у суннитов символическое омовение п у т е м о б т и р а н и я о б у в и, одетой утром на чисто омытые ноги, разрешают за то совершать омовение ног сокращенным порядком, просто о б т и р а я н о г и мокрою рукою, более того, они з а п р е щ а ю т о м ы в а т ь в о д о ю те места, которые подлежат обтиранию мокрой рукой (срв. Q u e r r y, цит. соч. I, стр. 12, §§ 64, 65 и 68). Расхождение в этом, казалось бы, столь второстепенном вопросе обрядового характера и прежде вызывало, и поныне вызывает ожесточенную полемику между шиитами и суннитами. (Срв. написанную в 1332 г. х.=1914 г. н. э. специальную брошюру шейха М у х а м м е д Д ж а м а л а д д и н а л - К а с и м и а д - Д и м а ш к и: Китаб-ал-масх ʻала-л-джаурабайн. Дамаск, 1332 г. х., 49 страниц.)

[2] Стр. 2 след.

[3] После смерти шаха Хусейна (ум. в 1135 г. х.=1722 г. н. э.).

[4] II-го; был у власти с 1135 г.—1144 г. х.=1722—1731 г. н. э.

[5] Стр. 2 вн. طهماسب قلی.

[6] طهماسب قولی (там же и след.); M a l c o l m (цит. соч. III, стр. 49) сообщает, что Тахмасп с самого начала сознательно дал Надиру именно прозвище „Раб Тахмаспа", оберегая свое личное самолюбие.

лось за ним, что вряд ли кто знал его первоначальное имя. Сувайди, как верноподданный турецкого султана, конечно, говорит о Надире в несколько пренебрежительном и враждебном тоне, называя его: „этот Надир“, [1] „этот бунтовщик“ [2] и т. д.

В общем, сведения, сообщаемые Сувайди, не расходятся с теми сведениями, которые Хаммер и Малькольм приводят на основании других турецких и персидских источников. Излагая события, сопровождавшие первую осаду Багдада Надиром,[3] Сувайди рассказывает, что багдадский вали Ахмед-паша получил приказ не вступать в битву с персидским войском и ограничиться исключительно защитой внутренней крепости, „так что если бы его чалма упала за стену, то не должен был он выходить из крепости, чтобы поднять ее“.[4] Для защиты Багдада при Ахмед-паше находились еще три везира: Кара-Мустафа-паша, Сары-Мустафа-паша и Джамал-Оглы-Ахмед-паша. Осада длилась полтора года, и город был, повидимому, так тесно обложен, что „продовольствие иссякло и осажденные ели мясо лошадей, ослов и даже кошек и собак“.[5] Только после упорного сражения вспомогательному турецкому корпусу под начальством Топал-паши ʻОсмана удалось сломить сопротивление персидских войск и обратить в бегство и их, и „даже самого Тахмасп-кули вместе с ними“.[6]

Коснувшись только в нескольких словах второй осады Багдада и походов Надира в сторону Малой Азии и Эрзерума, Сувайди очень сжато упоминает об избрании Надира персами на царство, во время его пребывания в Муганской степи, в 1148 г. х. (=1736 г. н. э.). По Hammer'у[7] Надир в начале этого года направился в Муганскую степь, где 12.000 работников уже заблаговременно соорудили великолепную ставку, и там произошла комедия избрания Надира на царство, после того, как он в течение месяца отказывался и согласился, наконец, взять бразды правления в свои руки, якобы, только уступая настоятельным требованиям народа. Сувайди очень сжато, но выразительно говорит о том давлении, которое в данном случае было произведено Надиром на окружающих и на народные массы: „персы присягнули ему в результате кое какой предпринятой им махинации“.[8] Подробности предварительных перегово-

[1] Стр. 2.

[2] Стр. 3.

[3] В 1732 г. н э. (=1145 г. х.) после низложеня и ссылки в Хорасан шаха Тахмаспа и возведения на престол его сына, малолетнего ʻАббаса III. Срв. Malcolm, цит. соч., стр. 80 след.

[4] Стр. 3, строка 6 след.

[5] Там же, строка 9 след.

[6] Там же, строка 12; срв. Malcolm, цит. соч., стр. 82 след.

[7] Joseph v. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-te Ausg. Pesth, 1836, IV, стр. 314.

[8] Стр. 3, строка 16: بتدبير منه

ров Надира с его приближенными мы находим у историка Надир-шаха Мухаммед-Казима в его „Надирнамэ“.[1]

В печатном издании брошюры Сувайди избрание Надира на царство отнесено к 1137 г. х. (=1724-25 г. н. э.); ошибочность этой даты, отмеченная в примечании и издателем,[2] очевидно, лежит на ответственности переписчика рукописи, так как сам же автор приводит тарих, т. е. хронограмму этого события, числовое значение которой дает 1148;[3] Мухаммед-Казим приурочивает избрание к 1-му рамадана 1148 г. х. (=15-е января 1736 г. н. э.),[4] что вполне соответствует приведенной Hammer'ом датировке.[5]

Согласившись, наконец, занять престол низложенных им же сефевидов, Надир свое согласие обусловил следующими условиями:

1. Персы отказываются от шиитства, признав таковое ересью, введенною сефевидским шахом Исмаилом, и становятся последователями толка

[1] Рукоп. Азиатск. Музея Акад. Наук (№№ 11 и 12 по списку В. Бартольда), т. II, л. л. 3-б и 4-а. О самой рукописи и ее авторе см. Бартольд, В. О некоторых восточных рукописях. Изв. Р. А. Н. 1919 г., стр. 927—930; теперь также Иран, стр. 87. Из сообщаемых Мухаммед-Казимом сведений явствует, что в переговорах со своими приближенными Надир называет себя единственным лицом в Персии, могущим взять власть в свои руки, и высказывает опасение по поводу того, что в Персии могут найтись и среди знати и военачальников, и среди простого народа такие люди, которые пожелают возвести на престол одного из потомков сефевидов и тем свести на нет все его, Надира, многолетние труды. ... ودر مملکت ایران هر چند صاحب اختیار وفرمان روای جز ما نمیباشد واحتمال دارد که سرکردکان وسرخیلان بلکه عموم اهالی ایران یکی از اولاد نامدار واحفاد بزرکوار سلاطین صفویه‌را بپادشاهی برداشته تعب وتصدیع چندین سالهٔ مارا ضایع کردانند ندیمان خاص عرض، نمودند که فدایت شویم حد که (sic!) چنین ارادهٔ باطل در خاطران خطور نماید بهر چه رای عالم آرای قرار کیرد ازان قرار معمول و مرتب داریم خاقان صاحبقران فرمود که شما بخواهش خود سخن میکویید (рук. میکویند) دراین مملکت سرداران وامرا واعیان وریش سفیدان ایلات واحشامات بسیاراند که حرف شما قبول نخواهند کرد و کاه باشد که بپادشاهی طهماسپ وعباس میرزا راضی باشند. В конце концов, приближенные посоветовали Надиру собрать представителей со всех концов царства и богато одарить всех влиятельных лиц, что он и сделал.

[2] Стр. 3.

[3] Этот тарих, обычно читаемый الخیر فیما وقع т. е.: „в том, что случилось—благо“, теми, кто этим событием был недоволен, читался: لا خیر فیما وقع, что, не меняя числового значения хронограммы, значит: „нет блага в том, что случилось“. См. Сувайди, стр. 3, и Malcolm, цит. соч., III, стр. 95, прим. 1.

[4] Рук. л. 4-б, строка 13. У Мехди-хана (цит. ниже соч., стр. 135) приведен тоже 1148 г.

[5] У Malcolm'а назван 1149 г. х. (цит. соч., стр. 90), очевидно, по недоразумению, т. к. начало 1149 г. х. приходится на 12-е мая 1736 г. н. э.

(мазхаб) джа'фари, основанного, якобы, имамом Джа'фаром;[1] мазхаб джа'фари признается пятым правоверным толком, на равных правах с признанными в суннитском исламе четырьмя: ханефитским, шафиитским, маликитским и ханбалитским. В соответствии с этим, персы отказываются от поношения первых халифов, признав их вполне законно ставшими у власти. Кто откажется от выполнения этих условий, будет признан отступником от веры.

2. Признать необходимым предоставление последователям толка джа'фари отдельного места для молитвы в ограде Каабы, наравне с четырьмя суннитскими школами.[2]

3. Признать необходимым иметь для паломников персов, отправляющихся к святым местам из Ирака, отдельного, назначаемого шахом, оффициального руководителя, так называемого эмирулхаджж.[3]

Так как параллельно с этим велись переговоры с прибывшим в Мугань турецким уполномоченным Гендж-'Али-пашой, то были включены еще два условия:

4. Произвести взаимный обмен пленными персами и турками.

5. Взаимно назначить при персидском и турецком дворе постоянных дипломатических представителей.

Как видно, требования носили все больше политический характер и имели главною целью обеспечить Надиру в переговорах с Высокой Портой признание за ним равноправного положения с султаном, покровителем священных городов, к прерогативам которого принадлежало также право снаряжения паломнических караванов и назначение эмирулхаджжа. Религиозный момент играл, очевидно, второстепенную роль для Надира и выставлялся им тоже только из политических соображений.

Чтобы придать принятию народом этих условий больший авторитет, Надир велел созвать в Мугань виднейших ученых богословов из всех подчиненных ему областей, среди которых были, конечно, и сунниты

---

[1] Праправнук Хусейна, сына 'Али, 6-й имам, последний, признанный всеми шиитами, по прозванию Джа'фар Правдивый; умер в Медине в 148 г. х. (=765 г. н. э.); считался знатоком религиозных преданий, а также астрологии, алхимии и других тайных наук; название эзотерических знаний в вопросах религиозных и политических, якобы передававшихся из рода в род среди потомков 'Али,—джафр—приводилось в связь с именем этого имама. Срв. статьи K. V. Zettersteen в E. I. I, стр. 1035[2] след. и D. B. Macdonald, там же, I, стр. 1037[2], где указана и литература.

[2] У трех суннитских школ—ханефитской, маликитской и ханбалитской—имеются свои особые места (под крышей на колоннах, так. наз. макам или мусалла), за окружающей Каабу колоннадой, где во время молитвы стоят и их имамы; шафииты для этого пользуются либо надстройкой над Земземом, либо так наз. Макам-Ибрахим, построенным на том месте, где, по преданию, Авраам стоял во время постройки Каабы. Срв. A. J. Wensinck в E. I. II, стр. 626.

[3] Снаряжение каравана паломников считалось прерогативой халифа; такие караваны, под руководством отдельного эмирулхаджжа, отправляются ежегодно из Турции (через Дамаск) и из Египта.

(особо оговариваются Балх и Бухара), и от них Надир потребовал, чтобы они своим авторитетом подтвердили первый пункт условий, т. е. отказ от шиитства, как от противопоставляемого суннитскому исламу религиозного направления.[1]

Вряд ли в этих требованиях можно видеть стремление к примирению шиитства с суннитством, стремление чисто религиозного порядка, и несомненно прав Malcolm,[2] утверждая, что изложенное в первом пункте условие принятия Надиром персидской короны имело главною целью дискредитировать шиитство в той форме, в которой оно успело укорениться при сефевидах, и тем самым окончательно уничтожить популярность низложенной им династии и разгромить главный оплот последней—шиитское духовенство. Очевидно, Надир при этом опирался на поддержку суннитских ученых, а на шиитских ученых производил сильное давление.[3]

Турецкое правительство, в ответ на предложение Надира, не шло ни на какие уступки, дипломатично, но твердо настаивая на всех прерогативах султана, как верховного владыки всех мусульман. Надир, в ответ на это, то возобновлял военные действия, то отказывался от некоторых требований, выставляя новые, то требуя, как наследник Тимура, возвращения всех областей, когда-то принадлежавших тимуридам,[4] и, в целях нажима на турецкое правительство, угрожал возобновлением военных действий.[5]

„Такой тактики", пишет Сувайди,[6] „Надир придерживался непрерывно, разоряя страну, так что он до 1156 г. (=1743 г. н. э.) опустошил бóльшую часть земель иракских до явного их обнищания, а в том же году двинулся против Ирака Арабского с несметными армиями и большими полчищами, численностью, что песок и камни. Свои отряды и войска он разослал по всем этим землям, для осады Багдада оставил около семидесяти тысяч, а девяносто тысяч послал для осады Басры. И осаждали они нас в течение шести месяцев; при этом Басру они обстреливали пушками, бомбами и ружьями,[7] от Багдада же они остановились на расстоянии около фарсаха, исключительно благодаря мерам,

---

[1] Мухаммед-Казим к изложению этих условий возвращается дважды: при изложении решения ученых Балха и Бухары (рук. л. 83-б—87-а) и при изложении условий, предложенных Высокой Порте (рук. л. 88-б—91-б). Срв. Hammer, цит. соч., IV, стр. 314 след.; Malcolm, цит. соч., III, стр. 90 след..

[2] Цит. соч. III, стр. 93 след. и 150 след.

[3] О настроении шиитского духовенства и характере производимого на него давления можно судить по следующему факту, приведенному у Malcolm'a (цит. соч., III, стр. 91, прим. 1) по Fraser'у: главный шиитский муфти якобы заявил Надиру на совещании по этим вопросам, что ему де лучше заниматься мирскими делами и не вмешиваться бы в дела религиозные; этот муфти вслед затем скоропостижно скончался, т. е., очевидно, попросту был убит по приказанию Надира.

[4] Сувайди, стр. 4.

[5] Срв. Hammer, цит. соч., IV, стр. 391.

[6] Стр. 4, строка 16 и далее.

[7] Стр. 5.

которые были приняты наместником Багдада, великим визирем Ахмед-пашей, да продлит аллах его благополучие!

„А что до Надира и остального войска его, то он направился к Шахризуру;[1] жители последнего ему подчинились, равно как и племена курдов и арабов. Затем он направился к крепости Керкук,[2] осаждал ее в течение восьми дней и за это время обстрелял ее тысячью ядрами и столькими же бомбами; жители крепости сдались и покорились ему. Затем Надир пошел на Ирбиль, жители которого сдались и подчинились ему, а затем пошел на Моссул,[3] при чем его войско насчитывало до двухсот тысяч бойцов. На протяжении семи дней он выпустил по городу около сорока тысяч ядер и столько же бомб, но жители остались стойки и препоручили свои дела их устроителю, а устроитель их—аллах всевышний. Затем Надир велел заложить мины, наполнив их свинцом и порохом, и зажечь их огнем. Но беда обратилась против него же.[4]

„Когда Надир понял, что под Моссулом он успеха не добьется, он отошел от него и отправился с войском к Багдаду.[5] Пришел он и остановился в местечке (касаба) Муса ибн-Джа'фара,[6] поклонился его праху, поклонился праху Мухаммед ал-Джавада,[7]

---

[1] О городе и округе этого имени срв. Бартольд, В. Ист.-геогр. обзор Ирана, стр. 138; Le Strange, G., цит. соч., стр. 90, 190 и 224.

[2] О ней срв. Mostras, C. Dictionnaire géographique de l'Empire Ottoman. St-Ptrsbrg, 1873, стр. 149.

[3] Надир, как сообщает его историк Мехди-хан, собственно не предполагал итти дальше Керкука, в ожидании ответа из Стамбула, куда по поручению Ахмед-паши отправился Мухаммед-ага. Наступление на Моссул было вызвано полученным в ставке Надира сведением о том, что Порта отклонила признание пятого мазхаба и что фетвою шейхулислама постановлено считать дозволенным убивать и брать в плен персов и признать исповедываемое ими религиозное направление противоречащим исламу. Срв. Мехди-хан, Тарихи-Надири (Тавриз, 1248 г. х., литогр.), стр. 133, строка 15 след. (*Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность проф.* А. А. Семенову, любезно предоставившему в мое распоряжение свой экземпляр этого сочинения.) Срв. также Hammer, цит. соч. IV, стр. 398 след.

[4] Подробности осады Моссула в персидском освещении срв. у Мехди-хана, цит. соч., стр. 133, строка 18—27.

[5] По Мехди-хану (цит. соч., стр. 134, строка 7 след.) Надир 2-го рамадана того же (1156) года (=20-го октября 1743 г. н. э.) отошел к Керкуку и затем предпринял посещение святых мест, при чем встретил самое радушное и любезное отношение и содействие со стороны Ахмед-паши и других пашей; при этом отступление персов от Моссула Мехди-хан объясняет не неудачей персов, а, наоборот, тем, что моссульские паши, видя настойчивое стремление шаха взять крепость, сами вступили с ним в переговоры (цит. соч., стр. 133, строка 27 след.).

[6] 7-й имам господствующего в Персии шиитского направления Муса ибн-Джа'фар ал-Казим, погибший в 183 г. х. (=799 г. н. э.) в Багдаде от яда.

[7] Мухаммед ибн-'Али ал-Джавад, 9-й имам, тоже отравленный в Багдаде в 220 г. х. (=835 г. н. э.).

затем переправился через Тигр у Кариба и поклонился праху имама Абу-Ханифы.[1]

„В течение всего этого времени непрерывно курсировали послы между Надиром и Ахмед-пашей, пока, наконец, шах не отказался от своего требования о признании правоверности шиитского толка и о подтверждении того, что он то и есть мазхаб Джа‘фара Правдивого. Затем Надир отправился в Неджеф, чтобы поклониться праху ‘Али, сына Абу Талиба, и посмотреть на сооруженный по его приказу золоченый купол".[2]

Багдадский наместник Ахмед-паша, о котором упоминает Сувайди и которого Malcolm[3] называет хорошим воином и хорошим политиком, все время дипломатично пытался сглаживать все шероховатости, возникавшие при переговорах Надира с Портой; не выражая прямого протеста против выставленных Надиром требований, он обещал ему склонить свое правительство прислать к Надиру несколько лучших факыхов для решения спорных вопросов религиозного характера. Видя такое к себе доброжелательное отношение со стороны Ахмед-паши, Надир заявил Порте, что в дальнейшем согласен вести переговоры только через него. Это обстоятельство, как замечает Hammer,[4] даже заставило турецкое правительство относиться с некоторым подозрением к заслуженному паше.

В результате посредничества Ахмед-паши в 1746 году нашей эры (=1159 г. х.) был, наконец, заключен мир, по которому Надир отказывался от большинства своих требований, в частности, от признания Турцией пятого мазхаба джа‘фари. Согласно этому мирному договору, государственные границы Персии и Турции должны были быть сохранены на основаниях договора обоих государств, заключенного при султане Мураде IV в 1638 году, со следующими тремя оговорками: 1) персидские паломники пользуются одинаковой с османскими защитой со стороны оффициального турецкого эмирулхаджжа; 2) обоюдно назначаются поверенные в делах, подлежащие смене через каждые три года, и 3) пленники, попавшие в плен за время военных действий, обоюдно подлежат свободному возвращению на родину.[5]

Мы видим, таким образом, что основное требование Надира, о признании пятого правоверного мазхаба, осталось не удовлетворенным, ту-

---

[1] Основатель той из четырех школ суннитского толка, которая преобладает в Турции; это посещение Надиром гробницы великого и почитаемого суннитского ученого законоведа на ряду с гробницами шиитских имамов, очевидно, должно было документировать прекращение розни между шиитами и суннитами. Подробности посещения Надиром святых мест и могилы Абу-Ханифы срв. Мехди-хан, цит. соч., стр. 134, строка 10 след.

[2] Стр. 5, строка 15.

[3] Цит. соч. III, стр. 81; об этом турецком государственном деятеле см. Enzyklopaedie des Islam, I, стр. 213².

[4] Цит. соч., IV, стр. 391 и 402.

[5] Срв. Hammer, цит. соч., IV, стр. 418 след.

рецкое правительство даже отказалось оффициально обсуждать этот вопрос. Мухаммед-ага, отправленный Ахмед-пашей еще до осады Моссула в Стамбул [1] для переговоров с Высокой Портой, ко времени снятия осады привез известие, что султан на личном приеме сказал ему, что если Надир действительно желает вести переговоры относительно выставленных им в окончательной форме требований, то пусть он отступит в свои границы: при этом условии от переговоров можно ждать успеха, за исключением требования о признании пятого мазхаба, от которого Надиру следует отказаться, ибо исполнение этого де требования грозило бы государству всеобщей смутой и беспорядками. В случае принятия этих условий Надиром, ведение переговоров поручалось Ахмед-паше.[2] Так как при этом осталось неудовлетворенным ходатайство Ахмед-паши о присылке к Надиру нескольких виднейших факыхов для решения религиозного спора, ходатайство, с которым он, уведомив о том Надира, обратился к Порте в том же 1156 году (=август 1743 н. э.),[3] то, очевидно, чтобы смягчить впечатление от этого, Ахмед-паша, щадя самолюбие Надира, тогда же, осенью 1743 года н. э., решил послать лично от себя видного суннитского богослова в ставку Надира для участия в религиозном диспуте между суннитами и шиитами. Этот диспут был устроен Надиром в его ставке в Неджефе в среду 24-го шаввала 1156 г.х. (=12-го декабря 1743 года н. э.) с привлечением шиитских ученых Неджефа и Кербелы, а также суннитских ученых Афганистана и Мавараннахра,[4] и имел, повидимому, уже более скромную цель—наладить суннитско-шиитские отношения внутри самой Персии.[5]

Привожу ниже в русском переводе то, что об этом диспуте повествует Сувайди, заживо задетый этим событием; его рассказ, живой и непосредственный, ярко рисует нам переживания самого рассказчика, дает живое описание всей обстановки диспута и встречи автора с Надиром, видимо, сразу завоевавшим его симпатии и доверие.

„И вот", повествует Сувайди (стр. 5), „когда я в воскресенье 21-го шаввала [6] около заката сидел у себя, вдруг явился посланный Ахмед-паши звать меня к нему. Я отправился к нему по совершении предзакатной молитвы и вошел в дом правителя; ко мне вышел один из его друзей и собеседников, Ахмед-ага, и спросил меня: „Знаешь ли, зачем тебя вызвали?" Я ответил: „Нет". Тогда он мне сказал: „Паша ищет ученого, который мог бы совместно с учеными персами заняться обсуждением вопроса о шиитском толке и подумать о том, какие привести доводы в

[1] Срв. выше, стр. 81, примеч. 3-е.

[2] Срв. Мехди-хан, цит. соч., стр. 134, строка 2 и след.

[3] Срв. Hammer, цит. соч. IV, стр. 392.

[4] У Мехди-хана (цит. соч., стр. 134, строка 12 след.): „всех ученых Афганистана, Ирана, Балха, Бухары и всего Турана" (تمامی علماء افغان وبلخ و بخارا و سایر تران).

[5] Срв. ниже, стр. 90, то, что об этом говорит сам Надир.

[6] 1156 г. х. = 9 декабря 1743 г. н. э.

пользу его лживости, в то время как персы будут приводить доказательства его истинности; при этом, если он будет побежден в споре, ему придется признать и подтвердить пятый мазхаб".

„Когда моего слуха коснулись эти слова, стали дыбом мои волосы [1] и затряслись мои поджилки, и я сказал: „О, Ахмед-ага, ты знаешь, что шииты народ упорствующий и любители препираться, так разве же они согласятся с тем, что я буду утверждать, тем более, если принять во внимание их мощь и их численность? А затем, этот шах, несправедливый и притеснитель, да разве я могу осмелиться привести доказательства лживости исповедываемого им учения и назвать безрассудными его взгляды? Да и как может состояться совместное с ними обсуждение вопроса, раз они отрицают всякое признаваемое нами предание и не признают достоверности ни шести сборников, [2] ни других? Каждый стих (корана), на котором я буду основывать свои доводы, они будут толковать по своему, а они ведь утверждают, что довод, допускающий *различное понимание, не может служить доказательством,* равно как они утверждают, что условием доказательности довода является бесспорная приемлемость его для обоих сторон; а между тем во всех вопросах, решаемых путем исследования, приходишь ведь (только) к предположительным решениям. Так как же я докажу допустимость м а с х а (т. е. символического омовения ног путем обтирания) обуви,[3] раз она основана на сунне? Если я скажу: предание о м а с х е обуви передается примерно 70-ю сподвижниками пророка, в том числе и 'Али, они ответят: а у нас недопустимость м а с х а установлена свидетельством более, чем

---

[1] Стр. 6 текста.

[2] Шесть признанных у суннитов каноническими сборников достоверных религиозных преданий.

[3] Срв. выше, стр. 76 прим. 1. Не вдаваясь здесь в подробности ожесточенного спора между суннитами и шиитами по этому мелкому вопросу религиозно-обрядового порядка, основанному, быть может, на разночтении соответствующего текста корана (глава 5, стих 8; ср. Ф а х р а д д и н а р - Р а з и, Мафатих-ал-гайб, III, стр. 545 след.), отмечу только, что отстаивая каждый свою точку зрения, и шииты, и сунниты создали соответствующие резко формулирующие вопрос предания. Шииты приписывают жене пророка 'Аише заявление: „Я предпочла бы, чтобы мне отрубили обе ноги, чем совершить м а с х поверх сандалий!" (М а ф а т и х - а л - г а й б, III, стр. 547), а сунниты заставляют ту же 'Аишу заявлять столь же категорически: „Я предпочту, чтобы мне отрубили обе ноги, чем совершить м а с х ног без сандалий!" (З а м а х ш а р и, Кашшаф. Каир, 1318-19 г. х., I, стр. 407; срв. также а т - Т а б а р и, Тафсир. VI, стр. 64 и стр. 71—77). Более того, в комментарии к приписываемому Абу-Ханифе сочинению В а с ы й й а („Завещание"), этому столпу суннитского учения приписываются слова: „Кто отрицает допустимость м а с х а обуви, тот рискует *впасть в неверие*", а со слов его ученика Абу-Юсуфа сообщается, *что тот, кто отрицает* такой м а с х, д о л ж е н считаться неверным. (Срв. М у л л а Х у с е й н, Ал-Джаухарат ал-мунифа фи шарх-васыййат-ал-имам Аби-Ханифа. Хайдерабад, 1321 г. х., стр. 20). Известному суннитскому ученому, ханефиту а л - К а р х и (ум. в 340 г. х.= 952 г. н.э.) приписывают аналогичное заявление: „Боюсь, что впадает в неверие тот, кто не признает м а с х а обуви" (Б у х а р и, Сахых с коммент. К а с т а л а н и,

ста сподвижников пророка, в том числе Абу-Бекра и ʻОмара. Если же я скажу им: подлинно, те предания, которые вы приводите в доказательство недопусимости м а с х а, подложны и вымышлены, они ответят мне: точно так же и то, что вы приводите в доказательство допустимости м а с х а, подложно. Так как же их убедить такими преданиями? [1] Я прошу его превосходительство везира снять с меня эту пытку и послать вместо меня ханефитского или шафиитского муфтия, ибо они оба более подходящие для такого случая".

„Ахмед-ага ответил: „Это невозможно! Превосходительный паша избрал тебя для этого, и тебе остается только подчиниться; ты и не заикайся о возражении против его желания!"

„На утро после этой ночи я виделся с везиром Ахмед-пашей, и он много беседовал со мной по этому вопросу и сказал: „Я умоляю аллаха сделать убедительными твои доводы и направить твой язык по пути истины, но ты волен пойти на спор, или уклониться от него, вот и все. Только не отказывайся от диспута совершенно, но, во время беседы, приведи некоторые подходящие рассуждения, дабы персы знали, что ты человек ученый. А если ты увидишь с их стороны объективность и желание выявить истину, тогда вступи с ними в дискуссию, но только смотри, не сдавайся им".[2] Затем паша сказал: „Шах в Неджефе, и я хочу, чтобы в среду утром ты был у него", велел дать мне наряд-

---

т. II, стр. 4, и М а л и к, Муватта с коммент. З у р к а н и, т. I, стр. 70). Конечно, имя ʻОмара, столь ненавистное шиитам, фигурирует многажды в связи с теми преданиями, которые утверждают отрицаемый шиитами м а с х обуви. (Срв. Б у х а р и, цит. место и Ш аʻр а н и, Мизан I, 56). Для значения, которое вопрос о м а с х е обуви приобрел в шиитско-суннитском споре, очень характерен тот факт, что он включен одним из пунктов в суннитское исповедание веры как ашʻаритского, так и матуридитского толка. Срв. приведенные у D. B. M a c d o n a l d'a (Development etc. стр. 298 и 314) формулировки а л - А ш ʻ а р и и а н - Н а с а ф и. Подлинный текст см. А б у л - Х а с а н а л - А ш ʻ а р и, Китаб-ал-ибана ʻан усул-ад-дийана. Хайдерабад (литогр. 1321 г. х.), стр. 12. Подробное освещение этого вопроса, в связи с изучением обрядовых особенностей шиитов-зайдитов, см. R. S t r o t h m a n n, Kultus der Zaiditen. Strassburg, 1912, стр. 21—46. В дополнение к приведенным в этой работе данным, следует указать, что зайдиты не отвергают м а с х а обуви безусловно: они допускают его, в виде исключения, по нужде; ср. C o r p u s j u r i s d i Z a i d i b n A l i, стр. 15 §§ ٦٦ и ٦٧. Интересно отметить также, что алиду М у х а м м е д а н - Н а ф с а з - З а к и й й а, при аббасиде Мансуре объявившему себя халифом в Медине (145 г. х.=763 г. н. э.), для определения его правоверия был предложен вопрос: „Совершаешь ли ты м а с х поверх обуви?" (срв. И б н Х а д ж а р а л - Х а й с а м и, Китаб-ас-саваʻык ал-мухрика. Каир, 1324 г. х., стр. 31).

[1] В 1324 г. х. (=1906 г. н. э.) в Каире была напечатана специальная работа меккского шафиитского муфтия конца прошлого столетия, Зайни Дахлана: „Трактат о методах спора с шиитами и опровержения их" (رسالة كيفيّة المناظرة مع الشيعة و الردّ عليهم تاليف العالم الفاضل السيّد احمد بن زينى دحلان مفتى الشافعيّة بمكة); трактат издан одной брошюрой вместе с занимающей нас работой Сувайди.

[2] Стр. 7.

ную одежду, верховое животное и слугу и послал со мною одного из своих стремянных и отправил нас вместе с теми персами, которые пришли за нами.

„Мы выступили в понедельник 22-го шаввала [1] под вечер, и я в пути постоянно воображал себе в уме доводы обоих сторон и представлял себе ответы на возможные возражения; этим я был непрестанно занят, и не было у меня других мыслей, кроме конструирования различных доводов и опровержения (возможных) сомнений, так что я вообразил себе более ста доводов и на каждый довод приготовил одно, два или три возражения, в зависимости от характера сомнений и могущих быть основанными на них разнотолков. В результате мною в дороге овладело настолько подавленное настроение, что я заболел уремией.

„Прибыли мы в Хиллэ Ра'ис-ибн-Мазйада,[2] которое тогда было в руках персов; там я встретил некоторых суннитов, которые сообщили мне, что шах для этого случая собрал всех муфтиев своей страны и что число их уже достигает 70-ти муфтиев, все шиитов. Когда я услышал это, я воскликнул: „Нет силы, нет мощи, кроме как у аллаха всевышнего, великого! Поистине, все мы принадлежим аллаху, и к нему нам надлежит вернуться!"

„Я в уме подготовил речь и сказал себе: если я скажу, что мне не вменено в обязанность вступить в дискуссию, то, я чувствую, моя душа этим не удовлетворится, а если я вступлю с ними в дискуссию, то, боюсь, они доведут до сведения шаха противоположное тому, что действительно имело место. Обдумав, я твердо решил, что вступлю с ними в дискуссию только в присутствии шаха и скажу ему: „Для моей дискуссии требуется ученый арбитр, который не был бы ни суннитом, чтобы его нельзя было заподозрить в желании поддержать меня, ни шиитом, чтобы его нельзя было заподозрить в желании поддержать их; таким образом, нам нужен ученый, либо еврей, либо христианин, либо другой кто либо, но только не суннит и не шиит". И еще скажу я ему: „Мы останавливаем свой выбор на тебе, ты рассуди нас, а аллах всевышний потребует от тебя ответа в день воскресения мертвых. Выслушай наши рассуждения, дабы стала для тебя ясна истина!"

„Затем я представил себе, что если шах склонится на сторону шиитов, я стану с ним спорить и препираться, хотя бы это привело даже к моей казни. Все это я воспроизводил в своем воображении.

„И выступили мы из упомянутого Хиллэ во время последней вечерней молитвы в ночь на среду, согласно условию. В эту ночь

---

[1] 10-го декабря 1743 г. н. э.

[2] Город Хиллэ, в Месопотамии, в Багдадском вилайете; основан в 495 г. х. (=1102 н. э.) мазйадитом Сайфуддаула Садака ибн-Мансуром и тогда же был назван Хиллат Бени-Мазйад, т. е. „поселение племени Мазйад" (срв. Enzykl. d. Islam, II, стр. 327[1], где указана и литература); был в XIV в. центром шиитского фанатизма (срв. выше, стр. 71 прим. 3).

сильно [1] моросило и был такой туман, что не видел человек своей собственной руки (пред глазами), и была эта ночь и тягостнее, и холоднее, чем та, о которой сказал поэт:

„В одну из ночей джумады, обильную влагой,

„Когда и собака во мгле ее не видит веревок (держащих палатку)“. [2]

„Мы безостановочно шли вперед в эту ночь, пока не дошли до гробницы, почитающейся местом упокоения З у - л - К и ф л а [3] (благословение и мир пророку нашему и ему!), а она находится на полупути между Хиллэ и Неджефом. Мы остановились вне здания святыни, немного отдохнули и шли дальше ночью; ранний утренний намаз мы сотворили в Б и ' р Д е н д а н е и не успели оглянуться, как к нам вскачь подъехал гонец, который сказал мне: „Торопись, ибо шах зовет тебя в это самое время“. Между тем, до ставки шаха оставалось еще расстояние в 2 фарсаха, и я спросил гонца: „Каков обычай шаха, если к нему направляется посол от кого либо из царей: призывает ли он его к себе, как меня сейчас, прямо с пути, или же дает передохнуть, а затем только приглашает к себе?“ Гонец ответил: „Никого, кроме тебя, он не приглашал прямо с пути и никого, кроме тебя, не призывал“. Тогда во мне разлилась черная желчь, и я сказал себе: „Шах потребовал тебя к себе так поспешно не иначе, как с тем, чтобы принудить тебя признать истинность учения имамитов. Сначала он будет соблазнять тебя деньгами; если ты пойдешь на это—хорошо, если нет—то он принудит тебя к этому силой. Что ты об этом думаешь?“ И решил я, что буду говорить истину, хотя бы в этом была моя гибель, и что ни соблазном меня не склонить, ни устрашениями не принудить. И сказал я себе: „Поистине, ислам однажды уже остановился (в своем поступательном движении) в день кончины посланника аллахова [4] (благословение аллаха и мир да

---

[1] Стр. 8 текста.

[2] Стих принадлежит поэту омаййадской эпохи М у р р а - и б н - М а х к а н а т - Т а м и м и; взят из его стихотворения, прославляющего его же гостеприимство. Срв. F r. R ü c k e r t, Hamasa (Stuttgart, 1846) II, стр. 250. Наш автор читает этот стих так:

فى ليلة من جمادى ذات أندية * لا تبصر الكلب فى أرجائها الطنب

Во всех других источниках вместо فى أرجائها читается من ظلمائها, и этот вариант я предпочел для перевода. Срв. Т а д ж - а л - ' А р у с, X, стр. 363 и К и т а б - а л - А г а н и, III, стр. 105. Всей справкой я обязан любезности акад. И. Ю. К р а ч к о в с к о г о; пользуюсь случаем принести ему искреннюю благодарность за всегдашнюю готовность помочь справками в недоступных нам здесь в Ташкенте источниках.

[3] З у - л - К и ф л, упоминаемый в Коране (21, 85, и 38, 48), почитается у мусульман пророком, который отождествляется с различными ветхозаветными пророками. Его гробницу указывают в нескольких местах, из которых до настоящего времени наибольшее значение у мусульман сохранила упоминаемая здесь, в Кефиле, к югу от Хиллэ. Подробнее см. в статье проф. I. G o l d z i h e r 'a в E n z y k l. d. I s l a m, I, *стр. 1003—1004; срв. также проф. Г е р ц ф е л ь д. Поездка в Персию.* „Новый Восток“ № 13—14, стр. 303.

[4] Когда началось почти поголовное отпадение от ислама арабских племен, так называемая р и д д а, ликвидированное лишь благодаря настойчивости первого халифа Абу-Бекра и помогавших ему в том 'Омара и других старых воителей ислама.

будут с ним!), но затем вновь стал расти, благодаря Абу-Бекру Праведнику (да пребудет над ним благоволение аллаха всевышнего!); затем ислам вторично остановился в своем развитии во время инквизиции, в связи с догматом о сотворенности корана,[1] но затем опять пошел вперед, благодаря Ахмед-ибн-Ханбалу (да смилуется над ним аллах!), и вот, ныне ислам останавливается в третий раз: если я в нерешительности остановлюсь, и ислам остановится на веки (да спасет нас от этого аллах!), а если я решусь выступить, то ислам пойдет вперед в своем развитии во веки веков! Застой ислама и его поступательное движение зависят от застоя и движения вперед его последователей, и я не сомневаюсь в том, что жители этих стран[2] относятся с одобрением ко мне немощному и уверены во мне; поистине, добро есть добро, а зло есть зло!"

„Итак я утвердился в своем намерении, признал хорошим свое решение и обрек себя на смерть, так что к мысли о ней стал относиться с пренебрежением. Я сказал себе: „Я верую в аллаха и его ангелов, в его писания и его посланников, в день страшного суда и в то, что судьба, хорошая и дурная, предопределена аллахом всевышним! Я свидетельствую, что нет божества, кроме аллаха! Я свидетельствую, что Мухаммед посланник аллаха!" И погнал я свое верховое животное, все повторяя эти два символа веры.

„Вдруг моим взорам представились два больших знамени, вышиною с высокую пальму; я справился о них, и мне сказали, что это два знамени шаха, водруженные им для того, чтобы военачальники знали, как им расположиться в ставке: одни располагаются по правую сторону от этих знамен, другие—по левую и в других направлениях.

„Мы все шли вперед, пока не увидели палаток; палатка шаха на семи больших высоких столбах. Мы дошли до места, которое у них называется кӧшкхана, что обозначает группу палаток, расположенных одни против других: с каждой стороны по пятнадцать палаток, на подобие шатров, с портиком, но без столбов. Между верхушками тех палаток, что примыкают к палатке шаха, протянут сплошной намет, а посреди—дверь с завесой. В тех палатках, что по правую сторону, около 4000 вооруженных воинов, несущих охрану и ночью, и днем, а те палатки, что по левую сторону, пустые, и в них только расставлены седалища.

---

[1] Под инквизицией (михна) автор подразумевает те преследования и пытки, которым подвергались правоверные при аббасидском халифе ал-Мамуне и его двух преемниках за нежелание принять му'тазилитский догмат о том, что коран сотворен во времени. Жертвою этой инквизиции пал и имам Ахмед-ибн-Ханбал (ум. в 241 г. х.=855 г. н. э.); об этом срв. D. B. Macdonald, Development etc. стр. 153 след. и специальную работу Walter M. Patton, Ahmed ibn Hanbal and the Mihna. Leide, 1897.

[2] Т. е. сунниты.

„Приблизившись к кöшкхане, я спешился, и ко мне навстречу вышел какой то человек, который приветствовал меня и почтил меня и стал непрерывно расспрашивать меня о паше и о его приближенных. Я удивился обилию его сведений о приближенных паши, и когда он это заметил, он сказал: „Ты как будто меня не узнаешь?“ Я ответил: „Да!“ Тогда он сказал: „Я ‘Абдалкарим-бек; я некоторое время служил при Ахмед-паше, а ныне со стороны персидского правительства отправлен послом к османскому правительству“. Пока он мне это рассказывал, вдруг пред нами предстали девять человек, и как только его взгляд упал на них, он вскочил на ноги. Они приветствовали меня, а я ответил на их приветствие, оставаясь сидеть, ибо не знал, кто это такие. ‘Абдалкарим стал представлять их мне, одного за другим, и сказал мне: „Вот это—Ми‘йаралмемалик Хасан-хан, а это—Мустафа-хан, а это—Назар-‘Али-хан,[1] а это—Мирза Заки, а это—Мирза Кафи. Когда я услышал имя Ми‘йаралмемалика, я вскочил на ноги, а он и бывшие с ним подали мне руку и приветствовали меня. А Ми‘йаралмемалик—везир шаха, родом грузин, из вольноотпущенных шаха Хусейна.

„Затем они сказали мне: „Пожалуй на аудиенцию к шаху“, и подняли ту завесу, которая находилась посредине намета, и за ней обнаружился другой намет; между ними—расстояние в три локтя. Тут они меня остановили и сказали: „Если мы остановимся, остановись и ты, а если пойдем, иди тоже“. Мы повернули налево, и намет кончился, а пред нами оказалось просторное крытое пространство, окруженное наметом, видимое на далекое расстояние, и в нем много палаток для жен шаха и его харема.

„Я посмотрел в сторону палатки шаха, и вот он сидел предо мной на возвышенном седалище, на расстоянии полета стрелы от меня. Когда взгляд его остановился на мне, он закричал громким голосом: „Привет ‘Абдаллаху эфенди! Ахмед-хан (он разумел Ахмед-пашу) говорит: „Я посылаю тебе ‘Абдаллаха эфенди“. Затем он сказал мне: „Подойди!“ и я подошел шагов на десять, при чем по правую руку от меня были все ханы, а по левую ‘Абдалкарим-бек. Затем шах вновь сказал: „Подойди!“ И я, как и в первый раз, подошел немного, и шах не переставал говорить мне: „подойди!“ а я—подвигаться вперед небольшими шагами, пока я не оказался от него на расстоянии примерно пяти локтей. Тогда я увидел, что шах человек высокого роста, как можно было судить по его манере сидеть; на голове у него был одет четырехгранный белый колпак, на подобие персидских колпаков, а вокруг повязана чалма из тонкой шерсти, усеянная жемчугом, яхонтами, алмазами и другими драгоценными каменьями; на шее у него были ожерелья из жéмчуга и драгоценных камней, точно также браслеты и на предплечье; жемчугом, алмазами и яхонтами был расшит и кусок ткани, прикрепленный

---

[1] Стр. 10 текста.

к предплечьям. На лице шаха были заметны следы старости и преклонного возраста, у него даже не доставало уже передних зубов, и ему, казалось, было уже 80 лет; борода у него черная, выкрашенная васьмой, но все же красивая; брови у него дугообразно-изогнутые, не сливающиеся, а глаза чуть с желтизной, но все же прекрасные. Словом, внешность его красивая.

„Когда взгляд мой упал на него, исчез из моего сердца страх и пропал мой ужас. Он заговорил со мною на туркменском наречии, как и при первом своем обращении ко мне, и спросил меня: „Как [1] поживает Ахмед-хан?“ Я ответил: „В добром здоровьи“. Затем шах спросил: „А знаешь ли, зачем я вытребовал тебя?“ Я ответил: „Нет“. Тогда он сказал: „В моем царстве две группы—туркестанцы и афганцы—говорят иранцам, что вы, мол, неверные! Неверие есть мерзость, и неприлично, чтобы в моем царстве одна часть населения обвиняла другую в неверии. Вот, теперь ты будешь уполномоченным с моей стороны; ты отменишь все, что должно быть признано проявлением неверия, и выскажешься по поводу третьей группы,[2] чего ей держаться. Все, что ты увидишь и услышишь, ты сообщишь мне и доведешь до сведения Ахмед-хана“. Затем он соизволил меня отпустить и повелел, чтоб я был принят гостем в доме И‘тимададдаулэ и чтобы я после полудня свиделся с муллабаши[3] ‘Али-акбаром.

„Я вышел в состоянии чрезвычайной радости и удовольствия, ибо решение судьбы персов было отдано в мои руки, и отправился я в помещение, отведенное для гостей. Я посидел немного; И‘тимад вошел в одну из палаток и пригласил меня на трапезу. Ко мне были приставлены михмандар Назар-‘Али-хан и, вместе с ним, ‘Абдалкарим-бек и Абу-Зарр-бек. Подойдя к И‘тимаду, я его приветствовал, а он ответил на мое приветствие, оставаясь сидеть; это мне испортило настроение, и я рассердился на то, что он не встал, и сказал себе: когда я усядусь, я скажу И‘тимаду: „Шах повелел отменить все, что должно быть признано проявлением неверия, и уполномочил меня на это, и вот, первое проявление неверия, которое я искореню, это то, которое исходит от тебя, когда ты намеренно проявляешь пренебрежение и презрение к ученым; при этом я не соглашусь на другой способ искоренения его, чем посредством твоей казни“, затем я встану, покину его помещение и пойду к шаху, чтобы доложить ему о том, что произошло.

„Все это я представил себе в душе, но когда я уселся, И‘тимад вскочил на ноги и выразил мне свои благопожелания, при чем он оказался человеком очень большого роста, белый лицом, с большими глазами и бородой, выкрашенной васьмой. Он, при всем том, оказался че-

---

[1] Стр. 11 текста.

[2] Т.-е. шиитов, так как первые две группы, туркестанцы и афганцы, исповедывали суннитский ислам.

[3] Главный мулла.

ловеком умным, обходительным, хорошим собеседником, с мягкостью в характере и склонностью к суннитскому толку.

„Как только он встал, я понял, что таков их обычай, что они встают лишь после того, как усядется вновь пришедший. У него я позавтракал, и тогда последовало распоряжение о моем свидании с муллабаши, и я поехал верхом, а люди михмандара шли впереди меня. По дороге мне повстречался высокий человек с внешним обликом афганца, приветствовал меня и выразил мне свои благопожелания; я его спросил: „Кто ты?“ Он ответил: „Я мулла [1] Хамза Калнаджанский, афганский муфти“. Я спросил: „О, мулла Хамза, хорошо ли ты говоришь по арабски?“ Он сказал: „Да“. Тогда я сказал: „Поистине, шах еще ведь не искоренил всех встречающихся у персов проявлений неверия, так вот они, пожалуй, будут спорить со мной только по поводу одних каких либо проявлений неверия, или о некоторых из них совсем не будут упоминать, а мы, ведь, совершенно не знаем ни их обычаев, ни их религиозных обрядов; так поскольку ты осведомишься о каком либо проявлении неверия, сообщи, дабы я мог отменить его“. Мулла ответил: „О, господин мой, не обольщайся словами шаха! Ведь он направил тебя к муллабаши только для того, чтобы тот во время разговора вовлек тебя в спор; так во время спора ты их остерегайся!“ Я ответил: „Опасаюсь я с их стороны отсутствия объективного отношения“. На это мулла сказал: „Относительно этого будь благонадежен, ибо шах к этому собранию приставил наблюдателя, а над этим наблюдателем другого, а над другим—третьего, и, притом, ни один из них не знает того, кто поставлен над ним, а потому исключена возможность того, чтобы шаху было доложено не то, что действительно происходило“.

„Когда я приблизился к палатке муллабаши, он, пеший, вышел мне навстречу; это был человек небольшого роста, с темным цветом лица, с рубцом от виска до половины головы. Я слез с лошади, а он приветствовал меня, усадил меня выше себя на возвышении, сам же сел на манер ученика, и стали мы беседовать друг с другом, пока муллабаши не обратился к афганскому муфтию с вопросом: „Видел ли ты сегодня Хади-ходжу, море знания?“ Тот ответил: „Да!“ А этот Хади-ходжа, кади из Бухары, по прозванию „море знания“, прибыл в ставку шаха за четыре дня до моего приезда, и вместе с ним прибыли еще шесть ученых из Мавараннахра. Тогда муллабаши сказал: „Как он дерзает называть себя морем знания, тогда как он никакими знаниями не обладает? Ведь если спросить его хотя бы о двух только доказательствах в пользу халифата ‘Али, клянусь аллахом, он на это ничего не сможет ответить; более того, не смогут этого сделать и виднейшие столпы суннитов!“ Эти слова он повторил трижды, так что я спросил его: „Что же это за два такие довода, на которые нет ответа?“

[1] Стр. 12 текста.

Благодаря такому резкому выпаду муллабаши, Сувайди волей неволей оказался вовлеченным в бесплодный казуистический спор по самому основному вопросу: о тех текстах корана и тех религиозных преданиях, на которых шииты обосновывают преимущественное право 'Али на халифат после смерти Мухаммеда.[1] Муллабаши оказался в этом споре гораздо более непримиримым, чем в последующей оффициальной дискуссии, где ему, очевидно, пришлось строго держаться полученных от шаха директив. Спор, как Сувайди предвидел уже раньше,[2] кончился ничем.

„Затем шах, извещенный об этом споре так, как он действительно происходил", продолжает Сувайди,[3] „повелел, чтобы собрались ученые Ирана, Афганистана и Мавараннахра[4] и отменили бы все то, что может считаться проявлением неверия, а я чтобы был арбитром над ними и уполномоченным со стороны шаха свидетелем того, на чем согласятся упомянутые три группы. Вышли мы, пробивая себе дорогу между палатками, а афганцы, узбеки и персы показывали на меня пальцами. И был этот день днем выдающимся. В крытом пространстве за гробницей имама 'Али (да будет над ним благоволение аллаха всевышнего!) собрались ученые Ирана, а было их около 70-ти, и среди них ни одного суннита, кроме муфтия из Арделана.[5] Я потребовал чернильницы и бумаги и стал регистрировать известнейших из них".

Благожелательный прием со стороны шаха, повидимому, так успокоил Сувайди, что он, несмотря на неприятную дискуссию с муллабаши, спокойно и деловито занялся регистрацией виднейших из явившихся на диспут ученых, в полном сознании ответственности своей роли. Сувайди отмечает, что суннитских ученых Мавараннахра и Афганистана рассадили по левую и правую руку от него с таким расчетом, чтобы между ним и ими было еще 15 человек: „Это, говорит он, была хитрость со стороны персов, ибо они боялись, что я буду подсказывать им некоторые слова и давать им указания".[6]

Познакомив упомянутого уже выше бухарского кади Хади-ходжу „море знания", главу ученых Мавараннахра, с Сувайди и тою ролью, которую он, по воле шаха, должен был играть в этом диспуте, мулла-

[1] Стр. 12—18. Я опускаю подробности этого спора, т. к. он пестрит специальными богословскими терминами и намеками, и суть его не была бы ясна без обстоятельного комментария, который вывел бы эту статью далеко за пределы поставленных ей рамок. К тому же я предполагаю вернуться к этому спору в специальной работе, в которой будут освещены все, и государственно-правовые, и религиозно-обрядовые расхождения суннитов и шиитов и их обоюдная аргументация в защиту своих точек зрения.

[2] Срв. выше, стр. 84 след.

[3] Стр. 18, строка 4 след.

[4] Мехди хан, цит. соч., стр. 134, строка 12 след.; срв. выше, стр. 83 прим. 4.

[5] Арделан—название области между гор. Керманшахом и Адербейджаном; срв. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, стр. 138.

[6] Стр. 19, строка 7 сл.

баши первый начал дискуссию, правда, избегая углубляться в казуистические детали и проявляя совершенно беспримерную уступчивость.

Вот как об этом повествует Сувайди:[1]

„А теперь“, обратился муллабаши к „Морю знания“, „ты объясни мне те причины, из-за которых вы называете нас неверными, чтобы мы могли устранить их в его[2] присутствии. Ведь по существу мы вовсе не неверные, даже по мнению Абу-Ханифы. В „Сборнике основ“[3] автор говорит: „Осью исламу служат пять мазхабов“ и пятым он считал мазхаб имамитов. Точно также автор „Стоянок“[4] считает имамитов в числе мусульманских сект, а Абу-Ханифа говорит в своем Высшем законоведении:[5] „Мы не считаем неверными тех, кто во время молитвы обращается к кибле“.[6] И сказал сейййд такой-то (он назвал его по имени, но я его забыл) в комментарии[7] на книгу Хидайат-ал-фикх ал-ханафи: „Правильная точка зрения такова, что имамиты принадлежат к числу мусульманских сект“, но только потом, когда последующие поколения ваши стали нас опровергать, они стали называть нас неверными, точно так же, как и наши последующие поколения, опровергая вас, стали вас называть неверными, а то, ведь, по существу, ни вы, ни мы не неверные. Но ты вот объясни те причины, о которых говорят более поздние ученые ваши и из-за которых они нас обвиняют в неверии, дабы мы могли их устранить“.

„Хади-ходжа ответил: „Вас обвиняют в неверии за поношение обоих шейхов“.[8] На это муллабаши сказал: „Мы отменили поношение обоих шейхов“. Тогда сказал Хади-ходжа: „Вас обвиняют в неверии

---

[1] Стр. 19, строка 7 след.

[2] Т. е. Сувайди.

[3] Джами‘-ал-усул ли ахадис-ар-расул (Сборник религиозных преданий с биографиями Мухаммеда и его сподвижников); автор—Маджд ад-дин-ибн-ал-Асир, умер в 606 г. х. (=1209 г. н. э.). Срв. C. Brockelmann, цит. соч. I, стр. 357.

[4] Имеется в виду, очевидно, известный суннитский богослов ‘Адуд ад-дин ‘Абдаррахман ал-Иджи (умер в 756 г. х.=1355 г. н. э.) и его работа по догматическому богословию „Китаб-ал-мавакиф фи ‘илм-ал-калам“; о нем см. C. Brockelmann, цит. соч., II, стр. 208 след. и D. B. Macdonald, цит. соч., стр. 241 и 269.

[5] Китаб-ал-фикх-ал-акбар; работа, повидимому, ложно приписываемая имаму Абу-Ханифе.

[6] Такого заявления в упомянутом сочинении нет; есть другое, отдаленно с ним сходное: „Мы не считаем неверным правоверного за совершение им какого либо греха, хотя бы большого, лишь бы он не считал совершения греха дозволенным, и мы не отрицаем в нем правоверия, называем его поистине правоверным, допуская, что он правоверный порочный, но все же не неверный“. Китаб-шарх-ал-фикх-ал-акбар, саннафаху-ш-шейх Абу-л-мунтаха-л-Магнисави. Хайдерабад, 1321 г. х. (литогр.), стр. 27. В приведенной муллабаши формулировке это изречение принадлежит Абу-л-Хасан ал-Аш‘ари; срв. Китаб-ал-ибана, стр. 10.

[7] Стр. 20 текста.

[8] Срв. выше, стр. 70; о поношении „обоих шейхов“ в шиитской экзегетике корана см. Goldziher, I. Die Richtungen d. islam. Koranauslegung. Leiden, 1920, стр. 297 след.

за то, что вы обвиняете сподвижников [1] пророка в заблуждении и неверии." На это муллабаши сказал: „Сподвижники пророка все люди праведные, да будет над ними благоволение аллаха и да будут они довольны его промыслом!" Тогда Хади-ходжа сказал: „Вы утверждаете, что брак на срок (м у т' а) [2] разрешен". Муллабаши ответил: „Он запрещен, его приемлют только неразумные из нас". Тогда сказал „Море знания": „Вы признаете превосходство 'Али над Абу-Бекром и утверждаете, что он истинный халиф после пророка, благословение аллаха и мир да будут с ним!" На это муллабаши ответил: „Превосходнейший из людей после пророка (благословение аллаха и мир да будут с ним!) Абу-Бекр-ибн-Аби-Кухафа, затем 'Омар-ибн-ал-Хаттаб, затем 'Осман ибн-'Аффан и затем уже 'Али-ибн-Аби-Талиб (да будет над ним благоволение аллаха!), и право на халифат принадлежало им в той же последовательности, в которой мы говорили о их сравнительном превосходстве". [3] Тогда Хади-ходжа спросил: „Каковы основы вашей догматики и каков ваш символ веры?" На это муллабаши ответил: „Основы нашей догматики аш'аритские, соответствующие символу веры Абу-л-Хасана ал-Аш'ари". [4] Тогда „Море знания" спросил: „Я ставлю вам условием не разрешать, под давлением необходимости, того, что заведомо запрещено верой и запретность чего признана и д ж м а', и не запрещать, под давлением необходимости, того, что заведомо разрешено и дозволенность чего признана и д ж м а'". [5] Муллабаши ответил: „Мы принимаем это условие".

„Затем „Море знания" поставил им ряд условий по вопросам, не служившим, подобно вышеупомянутым, основанием для обвинения их в неверии, и они их приняли. Тогда муллабаши спросил: „А если мы будем держаться всего этого, сопричтешь ли ты нас к мусульманским толкам?" „Море знания" сначала помолчал, а потом сказал: „Поношение обоих шейхов—неверие". Муллабаши на это сказал: „Мы отказались от поношения обоих шейхов и отказались и от того, и от этого" вплоть до последнего из упомянутых выше условий, „так сопричисляешь ли ты нас поистине к мусульманским толкам, или считаешь нас неверными?"

---

[1] Т.-е. сподвижников, допустивших к власти первых трех халифов, минуя 'Али.

[2] О нем срв. выше стр. 75, примеч. 3.

[3] В этом своем ответе Муллабаши впадает в прямое противоречие с тем, что он говорил в частной дискуссии с Сувайди, очевидно, прибегая к т а к ы й й е; о ней срв. ниже примечание 5.

[4] Основатель господствующей поныне в суннитском исламе догматической школы, правда, развитой его позднейшими учениками в более либеральном направлении. Срв. М и р И с л а м а, I, 1912, стр. 576 след.

[5] Протест суннита против признаваемой шиитами т а к ы й й и, т.-е. разрешения скрывать свои истинные политические взгляды и религиозные воззрения, если обнаружение их грозит опасностью. Срв. I. G o l d z i h e r, Vorlesungen[1], стр. 215 и 246 (русск. перевод, стр. 189 и 218) и C o r p u s j u r i s d i Z a i d i b n A'l i, стр. 308, примечание к § 113.

Помолчал „Море знания“, а затем сказал: „Поношение обоих шейхов— неверие“. Муллабаши сказал: „А разве мы от него не отказались?“ „Море знания“ спросил: „От чего же вы еще отказались?“ [1] Тот ответил: „Мы отказались и от этого, и от того“ вплоть до последнего из того, что выше упоминалось, „так сопричисляешь ли ты нас, при таком положении вещей, к мусульманским толкам?“ А „Море знания“ ответил: „Поношение обоих шейхов—неверие“. Он этим хотел сказать, что, по учению мазхаба ханефитов, от того, кто раз поносил обоих шейхов, не принимается раскаяние, а ведь эти персы в прошлом были повинны в поношении, так отказ их в данный момент ничем не мог им помочь.

„Тогда мулла Хамза, афганский муфти, сказал: „О, Хади-ходжа, есть ли у тебя доказательства того, что вот эти, до этого собрания, были повинны в поношении обоих шейхов?“ Тот ответил: „Нет!“ Тогда мулла Хамза возразил: „А они ведь уже приняли на себя обязательство, что в будущем не будет с их стороны этого поношения, так почему же ты не хочешь причислить их к мусульманским толкам?“ Тогда „Море знания“ заявил: „Если дело обстоит так, то и они тоже мусульмане, у них те же права, что у нас, и на них те же обязательства, что на нас!“

„Тогда они все встали, ударили по рукам и стали говорить один другому: „Привет тебе, брат мой!“ И все три группы просили меня быть свидетелем того, что у них произошло и чем они обязались. На этом и закончилось собрание около предзакатной молитвы в среду 24-го шаввала. Я оглянулся и увидел, что число персов, стоявших перед нами и вокруг нас, превышало десять тысяч.

„Когда И‘тимад, согласно существовавшему порядку, вышел от шаха, то ночи прошло уже четыре часа, и он сказал мне: „Шах благодарит тебя за то, что ты сделал, благословляет тебя, шлет тебе приветствия и просит тебя, чтобы ты (опять) встретился с ними [2] завтра в том же месте, так как я велел им написать все то, что они постановили и чем они обязались, и велел, чтобы каждый из них приложил свою печать под своим именем. А тебя я прошу написать наверху, в начале документа, что ты был свидетелем того, что постановили все три группы и чем они обязались, а затем приложить твою печать под твоим именем“. Я сказал: „С удовольствием“.

„В четверг 25-го числа упомянутого месяца перед полуденной молитвой вышел приказ всем нам собраться в том же месте. Мы все собрались; персы в большой тесноте сплошной массой стояли на всем пространстве от наружной стороны надгробия вплоть до дверей гробницы, и число их доходило, примерно, до 60.000. После того как мы уселись, принесли [3] длинный свиток, длиною свыше семи пядей; до

---

[1] Стр. 21 текста.

[2] Т. е. с принимавшими участие в диспуте учеными.

[3] Стр. 22 текста.

двух третей своей длины он был исписан длинными строками; нижняя треть была разделена на четыре абзаца, а между ними пробелы шириною до четырех пальцев или более, при чем строчки в этих абзацах были значительно короче первых.

„Муллабаши приказал придворному муфтию Ага-Хусейну, стоя, пред лицом собравшихся, огласить эту грамоту, а был он человек высокого роста, с хорошей дикцией; он взял свиток, а тот был написан на персидском языке и содержание его следующее: [1] „Поистине, мудрость аллаха признала необходимым ниспосылать (на землю) посланников, и таким образом он ниспосылал посланников одного за другим, пока не наступил черед пророческой миссии пророка нашего, Мухаммеда Избранника, благословения аллаха и мир да будут с ним! После его кончины, а был он последним из пророков и посланников, его сподвижники (благоволение аллаха да будет над ними!) сошлись на превосходнейшем, лучшем и наиболее сведущем из них, а именно, на Абу-Бекре Праведнике, сыне Абу-Кухафы (благоволение аллаха всевышнего да будет над ним!) и все объединились на его избрании. Присягнули ему все, в том числе присягнул ему и имам ʻАли-ибн-Аби-Талиб добровольно, [2] по собственному почину, без всякого давления и принуждения; и избрание, и халифат остались за Абу-Бекром, так как согласное решение сподвижников (благоволение аллаха да будет над ними!) является решающим аргументом. Не даром аллах всевышний воздал им хвалу в своем славном писании, говоря: „Шедшими впереди, первыми из мухаджиров и ансаров“ [3] и т. д. или: „Снискали себе благоволение аллаха правоверные, когда они под деревом обещали тебе верность“ [4] и т. д. Было их в это время семьсот сподвижников и все они присутствовали на избрании Праведника; сказал пророк (благоволение аллаха и мир да будет над ним!): „Мои сподвижники, что звезды, кого бы из них вы ни взяли в руководители, вы окажетесь на правильном пути“. [5]

---

[1] Мехди-хан (цит. соч. стр. 134 внизу и 135).

[2] В приведенном у Мехди-хана тексте грамоты (цит. соч., стр. 136), как в этом месте, так и ниже совершенно отсутствует указание на добровольное признание ʻАлием Абу-Бекра, что очень характерно для автора-шиита. Сохранившиеся у мусульманских историков данные об избрании Абу-Бекра определенно говорят о том, что ʻАли признал Абу-Бекра лишь под очень сильным давлением (срв. хотя бы Ибн-ал-Асир, Китаб-ал-камил фи-т-таʼрих (Лейден, 1866 г.) т. II, стр. 246. Это обстоятельство, нашедшее себе объективное освещение в европейской науке (срв. об этом резюмирующие данные у C. H. Becker. Islamstudien I, Leipzig, 1924, стр. 72), отрицается правоверным суннитским исламом, точка зрения которого подробно развита, напр., у Ибн-Хаджара ал-Хайсами, цит. соч., стр. 34 след.

[3] Коран 9, 101: „Шедшими впереди, первыми из мухаджиров и ансаров и теми, что в добродетели последовали за ними, доволен аллах, а они довольны им“. У Мехди-хана (цит. соч., стр. 137) приведен этот стих полностью.

[4] Коран, 48, 18.

[5] Сравнительно мало распространенный хадис; срв. ʻАбдаррауф ал-Мунави, Кунуз-ал-хакаик. Казань, 1909 г., стр. 19.

Затем Абу-Бекр Праведник завещал халифат 'Омар-ибн-ал-Хаттабу, и опять таки все сподвижники, включая 'Али-ибн-Аби-Талиба, присягнули ему, так что избрание состоялось и на основании предуказания, и на основании единогласного решения. Затем 'Омар (благоволение аллаха да будет над ним!) сделал вопрос о халифате предметом обсуждения шести сподвижников, одним из которых был и 'Али-ибн-Аби-Талиб, и мнение их сошлось на 'Осман-ибн-'Аффане. Затем 'Осман погиб смертью мученика в своем жилище и не оставил никакого завещания, так что халифат оказался без главы, и вот тогда сподвижники объединились на избрании 'Али-ибн-Аби-Талиба. [1] Все эти четыре жили в одном месте и в одно время, но не было между ними ни соревнования, ни вражды, ни спора; напротив того, каждый из них любил [2] другого, хвалил и превозносил его, так что 'Али (да будет над ним благоволение аллаха!), будучи спрошен об о б о и х ш е й х а х, ответил: „они—два имама правосудные, справедливые, держались истины, с этим и скончались", а Абу-Бекр,[3] став халифом, сказал: „Вы избираете меня, а, между тем, *в вашей среде есть* 'Али-ибн-Аби-Талиб". [4] Так да будет ведомо вам, о, иранцы, что и в отношении превосходства, и в отношении прав на халифат эти лица следуют в указанном порядке, и если кто будет их поносить или умалять их достоинство, то его имущество, дети, семья и кровь будут пред шахом лишены защиты закона и будет над ним тяготеть проклятие аллаха, его ангелов и всех людей! Уже в 1148 году во время моего избрания *в Муганской степи я* [5] *поставил вам условием отказ от поношения* о б о и х ш е й х о в, [6] а ныне я его окончательно отменяю, и кто еще будет поносить их, того я казню, детей и жен его уведу в плен, а имущество конфискую, так что не останется ни в областях самого Ирана, ни на окраинах, ни этого поношения, ни, вообще, этих мерзостей. Ведь возникли эти мерзости только во дни мерзкого шаха Исмаила Сефевида, а потомки его пошли по его следам, так что много было поношения о б о и х ш е й х о в *и широко распространились новшества* и ереси; а было это

---

[1] Очень характерно для шиита М е х д и-х а н а, что он ни Абу-Бекра, ни 'Омара, ни 'Османа не называет по имени, а упоминает о них, как о халифе первом, халифе втором и халифе третьем; только 'Алия он не только называет полным именем, но и рядом почетных прозвищ (цит. соч., стр. 136).

[2] Стр. 23 текста.

[3] И тут М е х д и - х а н говорит не об „Абу-Бекре", а о „первом халифе".

[4] У М е х д и - х а н а (цит. соч. стр. 136) это заявление Абу-Бекра приводится в такой версии: „Я не лучший из вас, раз в вашей среде есть 'Али".

[5] Документ исходит от имени шаха.

[6] В тексте грамоты, приведенном у М е х д и - х а н а (цит. соч. стр. 136), Надир, упоминая об условиях, поставленных им при его избрании на царство в Муганской степи, упоминает еще о том, что тогда османские ученые якобы признали м а з х а б Джа'фара Правдивого (срв. выше 82—83), а следующие дальше угрозы по адресу нарушителей этих условий приводит после упоминания о возникновении сефевидских мерзостей.

в 857 году, [1] так что со времени возникновения этих мерзостей прошло 300 лет". [2]

„В грамоте он [3] говорит по этому поводу еще очень многое, чего мы не упоминаем здесь, но на этом кончаются длинные строчки. Против некоторых мест в этой грамоте я стал возражать; так, я сказал муллабаши: „Вместо слова „назначение" (н а с б), употребленного там, где говорится о халифате ʻОмара, поставь слово „завещание" (ʻа х д), [4] так как выражение н а с б двусмысленное, могущее быть понято так, что сподвижники были н а с и б а, выражение, которым вы обозначаете тех, кто всею душой ненавидит ʻАли". На это один из присутствовавших мне возразил: „Это противоречит явному значению слова; тот смысл его, о котором говоришь ты, никому и в голову не придет и никто не будет иметь его в виду; я боюсь, что из-за твоего возражения поднимется смута". Муллабаши тоже согласился с ним в этом, и я замолчал.

„Затем я сказал муллабаши: „Слова ʻАли относительно о б о и х ш е й х о в, что они „два имама" и т. д., принадлежат к числу таких, которым вы придаете значение, недопустимое в отношении обоих шейхов". [5] На это тот же человек возразил мне то же, что и раньше. Точно также я сказал ему: „Слова Абу-Бекра, сказанные им относительно ʻАли во время своего избрания, [6] у нас не считаются твердо установленными, а, напротив того, считаются подложными; между тем, я могу привести вам слова ʻАли в похвалу о б о и х ш е й х о в, [7] другие, чем приведенные вами, и совершенно недвусмысленно выражающие уважение его к ним; могу я привести вам и похвалу Абу-Бекра ʻАлию, помимо того, что привели вы, и, притом, нечто такое, что твердо установлено". И опять тот человек таким же образом возразил мне, а муллабаши с ним в этом согласился.

„А в коротких строках, следовавших за обращением шаха, от имени иранцев значилось: „Поистине мы обязались отказаться от поноше-

---

[1] 1453 г. н. э. Год назван неправильно; у М е х д и - х а н а в тексте грамоты (стр. 135) приведен 906 г. х. (=1501 г. н. э.); у С т э н л и Л э н - П у л я (Мусульманские династии, перев. В. Бартольда, Спб. 1899), стр. 217 и 219, годом восшествия на престол шаха Исмаила I называется 907 г. х.=1502 г. н. э.

[2] В приведенном у М е х д и - х а н а тексте грамота кончается указанием на то, что расхождение с правилами четырех правоверных м а з х а б о в по мелким вопросам не противоречит исламу и не исключает шиитов из лона ислама, так что взаимное убийство и пленение между шиитами и суннитами запрещено.

[3] Т. е. шах.

[4] В изложении содержания документа сам Сувайди, очевидно, желая избежать двусмысленности, и употребляет именно это выражение; срв. выше, стр. 97.

[5] Выражение عادلان قاسطان переведенное выше (стр. 97) словами: „правосудные, справедливые", могут обозначать также: „язычники, несправедливые"; так одна женщина, желая обругать правителя Ирака ал-Хаджжаджа, крикнула ему: يا قاسط يا عادل, Срв. Т а д ж - а л-А р у с, V, 205 след и VIII, 12; К о р. 72, 15 и 6, 1 и 115.

[6] Срв. выше, стр. 97.

[7] Стр. 24 текста.

ния и признать, что в отношении превосходства и права на халифат сподвижники следуют друг за другом в порядке, указанном в этом документе; если кто из нас будет повинен в поношении и будет утверждать противное этому, то над ним будет тяготеть проклятие аллаха, его ангелов и всех людей, а на нас падет гнев Надир-шаха, а наше имущество, кровь наша и дети наши будут отданы на произвол ему". Затем иранцы приложили свои печати в промежутке, оставленном после этого заявления от их имени.

„Содержание следующих затем коротких строк от имени жителей Неджефа, Кербелы, Хиллэ и а л-Х о р е з'а (?)[1] вполне совпадало с содержанием первого абзаца, и представители этих мест тоже приложили свои печати в соответствующем уже упоминавшемся свободном промежутке; среди них были сейийд Насраллах, известный под именем Ибн-Ката, шейх Джавад ан-Наджафи ал-Куфи и другие.

„В следующих затем коротких строках значилось от имени афганцев, что если иранцы будут держаться того, что они признали правильным, и не будут поступать в разрез с этим, то они будут сопричисляться к мусульманским сектам, и у них будут те же права и на них будут те же обязательства, что у мусульман; и афганцы приложили свои печати в свободном промежутке под этим.

„Содержание следующих затем строк от имени ученых Мавараннахра вполне совпадает с заявлением афганцев; и ученые Мавараннахра приложили свои печати под своими подписями.

„Наконец и я немощный написал сверху над вступительной частью грамоты свое удостоверение о том, что я был свидетелем того, относительно чего договорились и какие на себя приняли обязательства упомянутые группы, пригласившие меня быть свидетелем, и наверху же, под своею подписью, я приложил свою печать.[2]

„И был этот день великим, мировым чудом, и исполнились сунниты радости и ликования, подобных которым не было во веки и с кото-

---

[1] В тексте الخوارز

[2] Интересно отметить, что Мехди-хан, который, согласно своему собственному заявлению, составил черновик этой грамоты (цит. соч , стр. 134; на эту ускользнувшую от меня подробность любезно обратил мое внимание проф. А. А. Семенов), а значит присутствовал и на диспуте, ни единым словом не упоминает о присутствии на этом диспуте, да еще в роли суперарбитра, представителя османского наместника Багдада Ахмед-паши, и рисует все это событие, как событие чисто внутреннее, персидское; Мехди-хан только упоминает среди ученых, явившихся на диспут, также и ученых „из окрестностей Багдада" (цит. соч., стр. 136: توابع بغداد. Самого процесса диспута Мехди-хан не излагает, а приводит только грамоту, которую он называет „васика", при чем он, повидимому, приводит не просто подлинный персидский текст грамоты, а вольное ее изложение (شرح وثيقهٔ مزبور اينست), предпосылая изложению самой грамоты длинное введение, в котором излагается вся история вопроса с упоминанием тех условий, которые Надир в Муганской степи при избрании на царство поставил своему народу, и тех пяти условий, с которыми он тогда же обратился к Высокой Порте (срв. выше, стр.77—79).

рыми не могут сравниться ни свадебные торжества, ни праздники; хвала аллаху за это!

„Затем шах прислал сласти в серебряных сосудах и вместе с тем курильницу из чистого золота, инкрустированную всякими неоценимыми драгоценными каменьями, а в ней с пригоршню амбры.[1] Мы надушились куреньями и покушали, а затем шах пожертвовал эту курильницу гробнице святого господина нашего ʻАли. Когда мы вышли, то народу—персов, арабов, туркестанцев и афганцев—оказалось столько, что число их ведомо одному аллаху всевышнему.

„Вышли мы в четверг после послеполуденной молитвы, и меня вторично повели к шаху. Я вошел к нему точь в точь, как в первый раз, и он опять непрестанно приказывал мне приблизиться, пока я не подошел к нему еще ближе, чем в первый раз.[2] Тогда шах сказал мне: „Да воздаст тебе аллах добром и да воздаст он добром Ахмед-хану! Ведь Ахмед-хан, клянусь аллахом, не щадил усилий, чтобы улучшить наши взаимоотношения, погасить смуту и прекратить пролитие мусульманской крови! Да поможет аллах султану османов и да превознесет аллах еще выше его славу и величие!“ Затем он сказал мне: „О, ʻАбдаллах эфенди, ты не думай, что шахиншах кичится событиями, подобными этому: ведь, если моими руками искоренено поношение сподвижников, то только потому, что аллах споспешествовал этому и сподобил меня на это. Ведь вот, османы со времени султана Селима вплоть до вот этих наших дней сколько снаряжали войск и армий, сколько истратили средств и сколько погубили жизней, чтобы покончить с этим поношением, а все же не сподобились добиться этого! А вот я (хвала и благодарение аллаху!) с легкостью отменил это, хотя, как уже говорилось, эти гнусности возникли уже при мерзком шахе Исмаиле, введенном в соблазн порочными людьми, и не прекращались до наших вот дней!“

„Я сказал ему: „Если будет угодно аллаху всевышнему, все персы вернутся к тому, на чем стояли с самого начала, вновь став приверженцами сунны и единой общины“. На это шах ответил: „Если будет угодно аллаху всевышнему, но только постепенно, шаг за шагом“.

„Затем шах сказал мне: „О, ʻАбдаллах эфенди, если бы я хотел хвастаться, то стал бы хвастаться тем, что я вот здесь, в этой аудиенции, олицетворяю четырех султанов: я—султан Ирана, султан Туркестана, султан Индии и султан Афганистана, но только все это, благодаря споспешествованию аллаха всевышнего. Правда, я имею право ждать благодарности от всего ислама за то, что избавил сподвижников от поношения, и я надеюсь, что они будут предстательствовать за меня“.

„Затем шах сказал мне: „Я хотел бы отослать тебя обратно, ибо знаю, что Ахмед-хан ожидает тебя, но все же прошу тебя остаться еще на завтра, ибо я распорядился, чтобы пятничная молитва была

---

[1] Стр. 25 текста.

[2] Срв. выше, стр. 89.

совершена в соборной мечети Куфы, и повелел, чтобы с минбара в установленной последовательности были помянуты сподвижники[1] и в первую очередь, до меня, была произнесена молитва за моего старшего брата,[2] его величество верховного повелителя, султана османов, с упоминанием всех его почетных титулов, а затем за младшего брата (шах разумел самого себя), с тем, однако, чтобы за меня возносилась молитва короче, чем за верховного повелителя, ибо приличествует младшему брату оказывать почет старшему". Затем шах сказал: „Да и по существу, и в действительности он старше и выше меня, ибо он султан, сын султана, а когда я родился на свет, ни отец, ни дед не были у меня султанами". После этого шах разрешил мне удалиться, и я ушел от него.

„За это время по всем палаткам все персы стали поминать сподвижников, их подвиги и славные качества, так что стали говорить о таких извлеченных из стихов корана и из преданий доблестях и достоинствах Абу-Бекра, ʻОмара и ʻОсмана (да будет над ними благоволение аллаха!), которых не знают даже лучшие знатоки-сунниты; вместе с тем они объявляли безрассудными те взгляды персов и шаха Исмаила, которые привели их к поношению этих лиц.

„Утром в пятницу шах направился в Куфу, а она находится от Неджефа на расстоянии одного фарсаха с небольшим, и когда подошло время послеполуденной молитвы, он отдал распоряжение своим муэззинам, и они громко провозгласили призыв к пятничной молитве, и вместе с тем вышел приказ собраться на эту молитву. Тогда я обратился к Иʻтимададдаулэ с заявлением, что по нашим воззрениям совершение пятничной молитвы в соборной мечети Куфы не действительно: согласно учению Абу-Ханифы—в виду того, что это не большой город (м и с р),[3] а согласно учению аш-Шафии—в виду того, что нет налицо требуемых сорока постоянных жителей города.[4] Иʻтимад мне от-

---

[1] В данном случае первые халифы.

[2] Стр. 26 текста.

[3] По учению школы А б у-Х а н и ф ы пятничная молитва может совершаться только в большом городе (м и с р), под каковым надлежит разуметь город, в котором имеются большие улицы, рынки, у которого есть пригороды и в котором имеются э м и р и к а д и для поддержания порядка и правосудия (срв. К и т а б-а л-К у д у р и, Казань, 1911 г., стр. 17, в тексте и на полях); по мнению некоторых ханефитов, м и с р—город, имеющий не менее 10.000 жителей, в котором всякий ремесленник может жить своим ремеслом (а л-Х и д а й а, I, стр. 120, глосса на полях вверху), а по мнению третьих—это столичный город, в котором живет султан (ʻА б д а л в а х-х а б а ш-Ш а ʻ р а н и, Китаб-ал-Мизан, Каир, 1306 г., I, стр. 170), без приказа или разрешения которого не может совершаться пятничная молитва (там же, а также К у-д у р и, стр. 17 след., и а л-Х и д а й а I, стр. 120, текст).

[4] По учению школы шафиитов и ханбалитов, пятничная молитва действительна в любом населенном пункте, насчитывающем 40 жителей, но действительна только, если присутствуют не менее 40 постоянных жителей (срв. а ш -Ш а ʻ р а н и, цит. соч., I, стр. 170, внизу, и Л. В. С. Ф а н д е н Б е р г, Основные начала мусульманского права, Спб. 1882 г., стр. 29, и Х и д а й а, I, 120, глосса). Сувайди, очевидно, имел ввиду сорок

ветил: „Твое присутствие здесь желательно для того, чтобы ты услышал х у т б у,[1] а в молитвенном обряде ты можешь принять участие или не принимать участия, по своему желанию".

„Я направился к соборной мечети и увидел, что она битком набита народом; в ней было до пяти тысяч людей; присутствовали все персидские ученые и ханы, а на минбаре находился шахский имам ʻАли Мадад. Муллабаши стал о чем-то совещаться с некоторыми учеными Кербелы, а затем муллабаши велел ʻАли Мададу сойти, и на минбар поднялся кербелинец. Он возгласил хвалу и прославление аллаху и призвал благословение на пророка (благословения аллаха и мир да будут с ним!), а затем сказал: „(Да благословит аллах) и первого поистине халифа после него, Абу-Бекра Праведника (благоволение аллаха да будет над ним!), и второго халифа, возглашавшего истину и правду, господина нашего ʻОмар-ибн-ал-Хаттаба (благоволение аллаха да будет над ним!)". При этом он, однако, произнес букву „р" в слове „ʻОмар" с гласным „и", несмотря на то, что этот хатыб[2] был знатоком арабского языка;[3] он сознательно прибег к скрытой игре слов, которую могли уловить только хорошие знатоки. Дело вот в чем: двухпадежность[4] имени „ʻОмар" вызвана тем, что в этом имени имеется налицо „отклонение" (ʻадл)[5] и „определенность" (маʻрифа),[6] а этот гнусный человек склонял „ʻО м а р", как трехпадежное, желая таким путем намекнуть, что у ʻОмара не было ни справедливости (ʻадл), ни знания (маʻрифа)! Да поразит аллах его, этого хатыба, да уничтожит, посрамит и унизит он его и в этой, и в будущей жизни!

„Затем хатыб продолжал: „...и третьего халифа, собирателя корарана, ʻОсман-ибн-ʻАффана (благоволение аллаха всевышнего да будет над ним!), и четвертого халифа, льва победителей, ʻАли-ибн-Аби-Талиба, его сыновей Хасана и Хусейна, и всех остальных сподвижников и родственников (благоволение аллаха да будет над ними!). Господи, продли царствование тени аллаха на земле,[7] султана султанов рода челове-

---

постоянных жителей суннитов и, видимо, стремился уклониться от участия в этой молитве в столь необычных условиях, совместно с шиитами, в искренности коих он не без основания сомневался, как увидим ниже.

[1] Т.-е. ектенью.

[2] Имам, возглашающий ектенью (х у т б а).

[3] Стр. 27 текста.

[4] Двухпадежные имена в родительном падеже, который именно и стоит здесь в арабском тексте, оканчиваются на „а".

[5] Отклонение от причастной формы ʻА м и р путем огласовки ʻО м а р.

[6] „ʻО м а р", как собственное имя, считается определенным; по довольно искусственной схеме арабских грамматиков, имя считается двухпадежным, если в нем сочетаются две из девяти установленных ими причин (غير المنصرف ما كان ثانياً جهتين من الجهات التسع التى تمنع الصرف), к числу которых принадлежат „отклонение"—ʻа д л (значит также—справедливость) и „определенность"—м аʻр и ф а (значит также—знание).

[7] Об этом титуле османских султанов срв. Б а р т о л ь д, В. В. Халиф и Султан, стр. 221.

ческого, продли существование сатурна его славы и марса отваги его, этого второго Искандера Зулькарнайна, султана обоих материков, хакана обоих морей, служителя обоих заповедных священных городов,[1] султана Махмуд-хана сына султана Мустафа-хана! Да укрепит аллах его халифат, да сделает вечным его султанат и дарует победу его войскам, носителям идеи единобожия, над народами неверных".

„Затем хатыб провозгласил молитву за Надир-шаха, частью по персидски, частью по арабски. Персидская часть молитвы гласила: „Господи, продли царствование того, кем сияет родословие туркменское, вместилища главенства, Чингиза *государственного управления*", а арабская часть: „Ведь он—твердыня султанов, убежище хаканов, тень аллаха во вселенной, редко[2] повторяющееся благоприятное сочетание созвездий". Затем хатыб сошел с минбара, и начался молитвенный обряд".[3]

Затем Сувайди описывает совершение молитвенного обряда, тщательно отмечая все отклонения от принятого у суннитов порядка его совершения.[4]

По окончании молитвы, как повествует Сувайди:[5] „шахом было прислано обильное угощение, и произошла такая давка и толкотня, что у муллабаши с головы свалилась чалма и были повреждены оба его указательных пальца. Я спросил: „Из-за чего эта толкотня и давка?" Мне ответили: „Когда шах слышит эту толкотню и давку, это доставляет ему радость и удовольствие; вот почему, как ты видишь, ханы и ученые устраивают такую толкотню и давку". Затем мы вышли.

„Затем И'тимад спросил: „Ну, как ты находишь хутбу и молитву?" На это я сказал: „О хутбе ничего нельзя сказать, а вот их молитва совершенно выходит из рамок предписаний четырех правоверных школ, в разрез с принятым ими на себя обязательством не делать ничего, что расходится с учением четырех правоверных школ; необходимо, чтобы шах привлек их за это к ответственности". Шаху об этом доложили; он разгневался и послал сказать мне через И'тимада: „Сообщи Ахмед-хану, что я искореню все противоречия, вплоть до совершения земных поклонов н а з е м л ю".[6]

---

[1] Титул „служитель обоих священных городов", ранее принадлежавший египетским султанам, впоследствии был, по почину султана Селима, присвоен османским султанам. Срв. Б а р т о л ь д, В. цит. соч. 365 и 387. Употребительные формы титулатуры османских султанов см. T. W. A r n o l d, цит. соч , стр. 203 след.

[2] Непереводимая игра слов, основанная на нарицательном значении имени Надира—„редкий".

[3] Текст, стр. 27, строка 15.

[4] Я не останавливаюсь на подробностях этих отклонений, опять таки, потому, что они потребовали бы довольно обстоятельного комментария.

[5] Текст, стр. 28, строка 3.

[6] Имеется, вероятно, в виду существующий у шиитов обычай при исполнении молитвенного обряда: когда человек, по болезненному состоянию своему, лишен возможности пасть ниц на землю для совершения земного поклона, ему предоставляется,

„Затем в пятницу вечером я виделся с муллабаши, и мы разговорились об особенностях мазхаба Джа'фара Правдивого. Я сказал: „Тот мазхаб, который вы исповедываете, ложен, ибо не базируется на выводах какого либо муджтахида.“ [1] Он ответил: „Это и есть результат того, до чего путем выводов (и д ж т и х а д) дошел сам Джа'фар Правдивый.“На это я возразил: „Джа'фар Правдивый тут совершенно не при чем, и вы совершенно не знаете мазхаба Джа'фара Правдивого. Ведь если вы утверждаете, что в мазхабе Джа'фара Правдивого допускается т а к ы й й а,[2] то ни вы, ни кто другой не знает его мазхаба, так как всякий вопрос можно рассматривать как т а к ы й й ю. Вот мне у вас говорили, что Джа'фару приписывают три мнения относительно колодца, в который упало что либо нечистое. Согласно первому мнению, высказанному им на вопрос об этом, колодец, что море, ничто не может его загрязнить; согласно второму—колодец должен быть весь до конца вычерпан; согласно третьему—нужно отчерпать только семь или шесть ведер. Я спросил одного из ваших ученых: „Как вы поступаете с этими тремя мнениями?“ Он ответил: „Если человек достигает способности делать самостоятельные выводы, он взвешивает все мнения Джа'фара Правдивого и признает правильным одно из них“. [3] Я спросил: „А что он говорит об остальных?“ Он ответил: „Их он признает т а к ы й й е й“. [4] Я спросил: „А если кто нибудь другой на основании самостоятельных выводов (и д ж т и х а д) признает правильным другое мнение, то что скажет он о том мнении, которое признал правильным первый м у д ж т а х и д?“ Он ответил: „Он скажет, что это мнение т а к ы й й а“. Тогда я сказал: „В таком случае погиб мазхаб Джа'фара Правдивого, ибо всякое приписываемое ему решение вопроса может оказаться т а к ы й й е й, ибо нет критерия, на основании которого можно было бы судить, что сказано ради т а к ы й й и, что нет“. На это мой ученый собеседник ничего не смог ответить, а ты что скажешь на это?“ Муллабаши тоже ничего не смог на это ответить. Затем я сказал ему: „Если же вы скажете, что в мазхабе Джа'фара Правдивого не признается т а к ы й й а, то это не тот мазхаб, которого придерживаетесь вы, ибо вы все стоите за допустимость т а к ы й й и“. Мулла-

---

взамен этого, приложить ко лбу немного земли (Q u e r r y, цит. соч., стр. 78 § 193); сунниты это нарочито запрещают (срв. К у д у р и, цит. соч., стр. 15, в главе о молитве больного: (ولا يرفع الى وجهه شيئاً ليسجد عليه).

[1] Сунниты признают м у д ж т а х и д а м и, имеющими неограниченное право делать выводы непосредственно из священных первоисточников, только очень ограниченное число виднейших ученых старых поколений; у шиитов, наоборот, правом *и д ж т и х а д а широко пользуются и современные ученые.* Об и д ж т и х а д е и м у д ж т а х и д а х срв. D. B. M a c d o n a l d в E. I. II, стр. 477[2]-478[2]; Ш м и д т, А. Э. 'Абд-ал-Ваххаб аш-Ша'раний, стр. 109 след. и М и р И с л а м а, I, стр. 190 след.

[2] Срв. выше, стр. 94, прим. 5.

[3] Стр. 29 текста.

[4] Т.-е. мнением, высказанным лишь из осторожности, чтобы прикрыть истинные убеждения.

баши ничего не смог ответить. Я привел ему еще ряд других доводов в пользу того, что то, чего они держатся, отнюдь не представляет собой мазхаба Джа'фара Правдивого.

„Затем шах разрешил мне вернуться в Багдад и послал со мной копию грамоты и копию хутбы, и по поводу всего, что произошло, я решил совершить хаджж. Господи, помоги мне в этом!"

На этом кончается бесхитростный рассказ Сувайди; из сообщения Мехди-хана [1] мы узнаем, что один экземпляр этой грамоты был положен в государственную сокровищницу, а копии были разосланы во все города государства.

Подводя итог всему выше изложенному, приходится сказать, что описанный нашим автором диспут был инсценирован Надиром, повидимому, главным образом для отвода глаз, для того, чтобы создать впечатление во вне, будто между подданными ему шиитами и суннитами существует полный мир и согласие, для чего понадобилось и присутствие Сувайди, как представителя турецких суннитов, да еще в ответственной роли суперарбитра. Думается, что таким путем Надир хотел также затушевать и ту неудачу, которая постигла его попытку добиться от султана оффициального признания персов-шиитов правоверными мусульманами и признания его самого правоверным мусульманским правителем на ряду с османским султаном, и вряд ли следует искать в этих домогательствах Надира каких либо побуждений религиозного характера, как делали I. Goldziher [2] и Вамбери.[3] К тем заявлениям, которые шах делал лично Сувайди относительно своего намерения искоренить все отклонения от правоверного ислама, даже в мелочах обрядовых постановлений, вряд ли можно относиться серьезно, и скептицизм афганского муфтия Мулла Хамзы[4] представляется мне вполне обоснованным. В общем, однако, главные представители суннитского ислама в лице бухарского кадия Хади-ходжи, по прозванию „море знания", и самого Сувайди отнеслись к диспуту вполне серьезно; Сувайди из своей личной встречи с шахом Надиром вынес, очевидно, самое благоприятное о нем впечатление; это нашло себе выражение хотя бы и в том, что со времени первой встречи с шахом Сувайди о нем уже ни разу не говорит в таких непочтительных и враждебных выражениях, как в начале своего повествования.

Повидимому, Надир-шах, под влиянием ли военных неудач, под влиянием ли той старческой утомленности, которую подметил в нем

---

[1] Цит. соч., стр. 134, строка 17.

[2] Goldziher, I. Vorlesungen[1]. стр. 316; русск. перев. стр. 27.

[3] Вамбери, Г. История Бохары, т. II, стр. 48, прим.; здесь попытка Надира *объясняется тем, что он якобы отдавал себе отчет в том, что шиитство—течение, могущее* подточить правоверный ислам.

[4] См. выше, стр. 91.

Сувайди,[1] отказался от мысли добиться у султана принятия всех выставленных им условий; ни о признании пятого мазхаба, ни об особом эмирулхаджже, ни об отдельном месте для молитвы в ограде Каабы во время диспута, как мы видели, не было речи, не было речи об этом и в грамоте Надира. Возможно, что успехи персов при осаде Моссула и плачевное положение этого города преувеличены Мехди-ханом,[2] и быть может ближе к истине подходит Сувайди, сообщающий, что Надир отступил от Моссула, отчаявшись в возможности добиться успеха под его стенами. Быть может именно этим объясняется и внезапная уступчивость Надира, и та форма, в которой он пошел навстречу самолюбию османского султана в хутбе[3] и в беседе с нашим автором.[4] Очевидно, он искал мира, который и был заключен через два года при посредничестве Ахмед-паши на сравнительно скромных для Надира условиях.[5]

В смысле действительного примирения шиитов и суннитов, хотя бы в пределах подчиненных Надиру стран, эта показная его попытка, конечно, тоже не привела к реальным результатам. Истинное настроение шиитского духовенства ясно выявилось уже в заявлении того муфтия, который погиб при вступлении Надира на престол.[6] На диспут, устроенный шахом, шииты шли, как на комедию, в которой им пришлось играть заранее им предназначенную роль; это им было тем легче исполнить, что в их распоряжении имелась спасительная т а к ы й й а.[7] Но за формальными рамками этого диспута шиитское духовенство, очевидно, так же твердо и упорно продолжало стоять на почве чисто шиитских воззрений, как и их главный представитель муллабаши во время частных бесед с Сувайди.[8] О том же свидетельствует и тот факт, что в тексте грамоты в отношении первых халифов были употреблены выражения, заведомо допускающие двоякое толкование.[9] Об отсутствии искренности со стороны шиитов говорит и примененная хатыбом во время хутбы уловка, скрывавшая трудно уловимую ядовитую выходку против второго халифа ‘Омара[10]. Вряд ли были серьезны и заверения шаха, что он иско-

[1] Срв. выше, стр. 90.

[2] Цит. соч. стр. 133, строка 23—28.

[3] См. выше, стр. 102 след.

[4] См. выше, стр. 101.

[5] См. выше, стр. 82.

[6] Срв. выше, стр. 80, прим. 3.

[7] Срв. выше, стр. 94, прим. 5.

[8] Срв. выше, стр. 91 след. Сувайди, несомненно, должен был вынести очень невыгодное впечатление об искренности муллабаши в вопросе о примирении шиитов с суннитами, чем объясняется и его резкий аггресивный тон в последней беседе. Если верить имеющейся в берлинской рукописи приписке его сына, Мухаммед Са‘ыд эфенди (ум. около 1203 г. х.=1788/89 г. н. э.), этот муллабаши впоследствии был предан позорной казни не без влияния нашего автора (срв. A h l w a r d t, цит. соч, V, стр. 443-а). Настроение Сувайди при встрече с И‘тимадом (срв. выше, стр 90) говорит в пользу такой возможности.

[9] Срв. выше, стр. 98.

[10] Срв. выше, стр. 102.

ренит все, что расходится с учением четырех правоверных суннитских школ даже в обрядовых вопросах,[1] так как в персидский текст грамоты, приведенный у Мехди-хана и Мухаммед-Казима, включена специальная оговорка, что *отклонения от четырех суннитских школ в отдельных частностях*[2] не должны считаться противоречащими правоверному исламу.

Между тем, как это ни странно, но центр тяжести шиитско-суннитского спора, помимо основного вопроса о верховной власти, фактически в значительной мере был перенесен на совершенно не принципиальные разногласия религиозно-обрядового характера; это сквозит и в замечаниях Сувайди по поводу исполненного шиитами в его присутствии молитвенного обряда, это и в настоящее время еще проходит красною нитью в современной шиитско-суннитской полемической литературе, и этот вопрос заслуживает отдельного, специального освещения.

---

[1] Срв. выше, стр. 103.

[2] از فروعات (Мухаммед-Казим, цит. соч., л. 91-а и Мехди-хан, цит. соч., стр. 135).

Н. Г. Маллицкий.

Ташкентские махалля и мауза.

Ташкент в настоящее время состоит из двух частей,—старого (или азиатского, туземного) Ташкента и нового (или русского) Ташкента. Первый называется у коренного населения „шаар“ (город в собственном смысле); второй—„горут“ (испорченное русское слово город).

При первом взгляде на план старого Ташкента бросается в глаза извилистость улиц и улочек, а также обилие тупиков (бошибек). При этом на военно-топографических планах города показаны далеко еще не все тупики и проходы; полную картину их дает составленный в 1916—1917 годах в двадцатипятисаженном масштабе хозяйственный план города („План областного города Ташкента, составленный по данным оценочно-статистического бюро городской управы, собранным в натуре в 1911—1914 годах“ и отдельный план базара по тем же данным, за 1912—1915 годы, но в более крупном, пятисаженном масштабе). Очень многие тупики и проходы числятся в частном владении, и площадь их не исключена из площади частновладельческих участков по окладным книгам. Это так называемые „собственные дорожки“ (хакраха), проложенные при разрастании семей владельцев и при возникавшем вследствие этого раздроблении больших владений на мелкие участки между наследниками, с целью дать выход на улицу общего пользования владениям, очутившимся в глубине квартала и лишенным фасадной линии по улице. Существуют еще так называемые „водные дорожки“ (обраха), пролегающие вдоль значительных арыков общего пользования; назначение их—облегчать мирабам как надзор за состоянием арыка и правильностью водопользования, так и доставку материалов, необходимых для ремонта гидротехнических сооружений,—плотин, шлюзов и желобов.

Главные улицы расходятся по радиусам от базара, и продолжения их, имеющие вид более или менее широких дорог, пересекают ближайшие окрестности города, направляясь к соседним селениям. Эти широкие и торные загородные проезды, иногда глубоко врезавшиеся в лессовый грунт, отчасти сохранились, в виде улиц, даже на территории русского города (Паркентская улица, Ниазбекская улица).

Такой характер улиц старого Ташкента несколько напоминает Москву, с ее радиально расходящимися улицами, и показывает, что город не

строился по определенному, кем-то предначертанному плану, а расширялся естественным путем, разрастаясь во все стороны от торгового центра, базара.

По преданию, Ташкент издревле делился на четыре части, „даха",— Кукча, Сибзар, Шейхантаур и Беш-агач. Между ними, в ложбине, был расположен базар. Бывали случаи, когда деление на части, как и в Великом Новгороде, становилось политическим делением. Так, в последней четверти XVIII столетия все четыре части были независимы одна от другой и имели отдельных правителей; побоища и грабежи происходили в то время даже и на базаре[1]. Это время называется эпохою четырех правителей (чар-хаким). Каждая „даха" исстари распадалась на махалля (кварталы). Анализ их названий и взаимного расположения может дать материал для исторической географии города Ташкента.

Кроме махалля, существуют еще „мауза", т.-е. урочища, или местности. Так называются загородные, расположенные за стеною, местности, с частновладельческими, принадлежащими горожанам участками, которые находятся под полевою или садовою культурою и носят название „баг", т.-е. сады или дачи; горожане переселяются туда на летнее время. Есть основания думать, что в старину эти места, хотя бы отчасти, находились в общем пользовании жителей отдельных кварталов; иногда они и называются по имени соответствующих кварталов (Чувалачи, Яви-арык, Хыябан, Тахта-пуль). К началу XX столетия таких общественных земель не осталось совсем, и даже места, непригодные для земледельческой культуры, а именно камыши, оказались состоящими в частном владении. Клочки общественных, точнее, ничьих земель уцелели лишь кое-где, особенно в Кукчинской части, в виде неорошаемых холмов. Бывшее городское самоуправление неоднократно пыталось взять эти земли на учет, при чем каждая последующая регистрация обнаруживала уменьшение этого земельного фонда, вследствие непрекращавшихся захватов со стороны соседних частных владельцев. Холмы частью подкапывались для добывания глины на постройки, или для выделки сырцового кирпича, либо комков (гуаля), идущих на закладку каркасов в туземных строениях, и выровненная земля занималась древесными насаждениями. В других случаях предприимчивые захватчики возводили на территории холмов какие либо хозяйственные и даже жилые строения; более обширные и пологие холмы занимались посевами под дождь, а иногда на них рассаживались деревья, не особенно требовательные в отношении поливки, в роде ввезенных русскими акации или айлантуса. Иногда захватчики даже поднимали воду на холмы небольшими чигирями; был случай применения даже машины,—тарана.

Этот процесс поглощения общественных земель частным владением носил характер неудержимый, как бы стихийный. Он проявлялся даже

---

[1] „Туркестанские Ведомости" 1900 г. № 91.—Д и в а е в, А. А. Предание о возникновении азиатского города Ташкента.

на более глухих улицах русского города, где лавочники и содержатели чайхан старались (и иногда не без успеха) увеличить площадь своего землепользования за счет слишком просторной, по их мнению, площади общественного пользования.

Вследствие таких же захватов почти совершенно исчезла старая городская стена. Еще комиссия Максимовича в 1899 году могла определить длину и направление стены, имевшей 6833 сажени, при чем из этого протяжения 1592 сажени приходилось на Шейхантаурскую часть, 1924 на Беш-агачскую, 1936 на Кукчинскую и 1381 сажень на Сибзарскую. Но уже тогда тою же комиссиею было констатировано, что стена сохранилась только на трети своего протяжения, и из 22084 кв. сажень, занятых стеною, за городом оставалось 8684 кв. сажени, и захваченной, но которую город еще мог бы получить,—6976 кв. сажень;—остальное уже тогда должно было считаться утраченным. Лет десять тому назад довольно хорошо сохранившиеся остатки стены можно было видеть в наиболее удаленной от русского города части старого Ташкента,—между воротами Кукчинскими и Чагатайскими; в значительно худшем виде стена сохранялась по дороге от Беш-агачских ворот к Камеланским. Вместо исторически известных двенадцати ворот и двух проходов, в начале XX века существовали двенадцать местностей, носивших условное название „ворот" (дарваза, капка), а именно: в Шейхантаурской части Кашгар-дарваза и Лябзяк-дарваза, в Беш-агачской Беш-агач-дарваза, Янги-махалля (на месте старого прохода), Камелан-дарваза и Самарканд-дарваза, в Кукчинской части Кукча-дарваза, Чагатай-дарваза и Сагбан-дарваза и в Сибзарской части Кара-сарай-дарваза, Тишик-капка (на месте старого прохода) и Тахта-пуль-дарваза; названия ворот Кокандских и Коймас, обращенных в сторону русского города, исчезли.

Первый, насколько мне известно, список махалля старого Ташкента был опубликован Н. А. Маевым в его статье „Азиятский Ташкент", помещенной в „Материалах для статистики Туркестанского края" вып. IV (1876 года). Автор, пользовавшийся материалами Ташкентской организационной комиссии, перечисляет 149 названий махалля; многие названия искажены; на транскрипции отразилось таджикское (или утрированное местное) произношение звука „о" вместо „а": Чало-казак, Кальтатой, Ох-мечеть, Орко-куча.

Говорят, что в 90-х годах прошлого столетия ташкентским махалля была посвящена специальная статья ныне покойным знатоком местного быта Н. С. Лыкошиным. К сожалению, статьи этой в ташкентских книгохранилищах, как государственных, так и частных, мне разыскать не удалось; по слухам, экземпляр статьи имеется в ура-тюбинской библиотеке. Нет этой статьи и в собрании сочинений Н. С. Лыкошина, составленном им самим (в 16 переплетах) и хранящемся ныне в Средне-Азиатском Главном Музее.

Список 154 махалля помещен в труде А. П. Шишова „Сарты“; на этом списке заметно влияние маевского списка, но внесены некоторые изменения и дополнения.

Несколько соображений об иранских и тюркских названиях махалля приведены мною в статье „Ташкент“, напечатанной в № 1 „Известий Ташкентской Городской Думы“ за 1915 год.

Наконец, интересная статья студента Восточного факультета Средне-Азиатского Государственного Университета В. А. Шишкина („О названиях ташкентских махалля“) напечатана в „Бюллетенях Ташкентского Новогородского Исполкома“ за 1925 год (№№ 4 и 5). Автор попытался распределить названия махалля по группам в зависимости от их происхождения. В конце статьи имеется подсчет названий тюркского происхождения (105) и иранского (44); особо выделены 35 названий, происходящих от слов, одинаково употребительных и в персидском, и в местном тюркском языке. Таким образом сам автор имел в виду, повидимому, 184 названия; однако, в статье его приведены только 83 названия. Так, в первой, самой большой группе названий, указывающих на характер местности, автор насчитывает 43 названия, приводит же, для примера, только 10. Работа вполне самостоятельная; однако с некоторыми объяснениями названий махалля нельзя согласиться. Так, Айрылиш означает не место расставанья, а место разделения путей (кукчинский Айрылиш)[1] или воды (сибзарский Айрылиш). Название махалля Занджирлик произошло не от изготовления цепей, а от того, что в этой местности был главный вход на Шейхантаурский мазар, и поперек входа была подвешена железная цепь, для того, чтобы воспрепятствовать проникновению на мазар животных. Тешик-капка означает не худые ворота, а ворота (или проход) в проломе стены; Кесак-курган означало, повидимому, не срытый курган, а укрепление, сложенное из комков глины, высушенных на солнце; Сагбан, повидимому, означало „псари“; на другом конце города существовал квартал под названием Кушчи (сокольники). Улица Каръягды названа так, вероятно, потому, что на ней кем-то был особенно пышно справлен обычай, описанный Н. С. Лыкошиным в его книге „Полжизни в Туркестане“, на стр. 361—363. Едва ли правильно связывать название махалля Кият с именем известного рода; в данном случае Кият означает высокий и крутой берег арыка Боз-су. Название махалля Хафиз-Куяки происходит от святого Хафиз-и-Кухаки (певец из местности Кухак), погребенного на мазаре Хазрет Имам (Хаст Имом), около гробницы шейха имама Абубакра Каффаль-и-Шаши. Возможно, что и название махалля Сакишман (или Чакишман) имеет связь с именем другого святого, погребенного там же, шейха Азиз-и-Сакишман'а, хотя в данном случае вполне приемлемо и прямое толкование автора (изготовление серы для жевания). Название махалля Омлязор и Дукчи записаны, повидимому, ошибочно: ав-

[1] См. также местность Юл-айрык в Сибзарской части.

тор переводит первое „заросли дерева мирандол“, а второе „улица веретенщиков“. На самом деле тут разумеются, вероятно, махалля Алмазар (яблочный сад) и Укчи (улица, где живут мастера, приготовляющие спицы для колес). Также неправильно передано название махалля Каракыяк; автор пишет Кара-киик и объясняет это „черный козел“. Вместо „Асипя“ и „Махалля“ надо читать „Аския“ и „Махкама“;—это, конечно, опечатки.

Я остановился несколько подробнее на работе В. А. Шишкина потому, что автор сам сознает некоторые недостатки своего первого труда и вместе с тем намеревается работать над ташкентскими махалля и дальше.

В числе названий махалля, приведенных В. А. Шишкиным, я встретил одно, мне неизвестное, а именно, Ширин-кудук (сладкий колодец).

Материалом для составления списка ташкентских махалля и мауза, помещаемого ниже, послужили частью оффициальные списки их, собранные мною через туземную администрацию (минг-баши) в конце 1907 года,—списки неполные и не лишенные ошибок и противоречий,[1] а частью мои личные заметки о некоторых, почему либо казавшихся мне интересными названиях махалля и мауза, с которыми мне приходилось встречаться в период 1907—1917 годов при разборе туземных прошений и заявлений, иногда подкреплявшихся документами (васиха) или переводами их. Богатый материал по махалля был собран при работах по генеральной переоценке города в 1911—1915 годах (в регистрационных карточках с планами отдельных владений); желательно, чтобы он не был утрачен (в первые годы революции он считался утраченным).

Привожу списки махалля и мауза, располагая их для удобства в алфавитном порядке по отдельным частям города. В число махалля я включил и названия базарных рядов, также имеющие значение для исторической географии Ташкента. С другой стороны, в списки не введены названия ворот, уже приведенные выше; не приведены также и названия больших улиц, пересекающих город, так как названия этих улиц стали прививаться только в последнее время русского управления. Оффициальное разделение больших махалля на части под номерами также не принималось мною во внимание; наиболее многочисленны махалля с названием Тахта-пуль (десять). Я отмечал только местные подразделения махалля, данные самими жителями.

Шейхантаурская часть

Махалля.

Ак-масджид (юкары, урта и куи, т.-е. верхняя, средняя и нижняя).

Алмазар—две махалля в разных местах,—одна к югу от Баланд-мечети, другая в Янги-шааре.

Алтынлик-масджид.

Арка-куча.

Баланд-масджид.

Бодак.

Ганч-тепа (Ганчлик-тепа).

[1] По Беш-агачской части оффициального списка не имеется.

Гаукуш.
Дархан (Турсун-Султан).
Деван-беги (Думбеги).
Деванабурх (Девона-и-бурх).
Дегриз (Дироз).
Джангох (Джангоб); в Шейхантаурской части лежит Катта-Джангоб, т.-е. большой Джангоб.
Джар-куча.
Джар-тегерман.
Занджирлик.
Игарчи.
Иля-махалля.
Иски-Якка-базар.
Казы-куча (см. Мергенчи).
Кальтатай.
Каръягды (часть махалля, не прилегающая к большой улице, называется Ичкари Каръягды, „внутренняя К.-я.“).
Катар-терек (часть называется Урта-Катар-терек).
Кашгар.
Кишлак-тепа.
Кият.
Кият-Катта-куча (собственно Кахата-куча).
Кият-Тар-куча.
Кият-тепа.
Кудук-баши.
Курган-арка (Курган-аркасы).
Курган-теги.
Люли-куча (см. Мергенчи).
Ма-Раим-хальфа.
Мергенчи (Мирганча)—юкары и куи, т.-е. верхняя и нижняя.[1] Части этой махалля носят также названия Казы-куча, Люли-куча, Ходжа-куча или Ходжа-тупи, Мирганча-кишлак, Укчи-Мергенчи.
Могол-куча.
Падаркуш.
Пастак.
Пушт-и-баг (Пуштуак).
Раис-куча.
Сугал-масджид.
Таджик.
Тарлак.
Тарнау-баши.
Турк (см. Янги-шаар).
Турк-тепа.
Турсун-Султан (см. Дархан).
Укчи (есть и Укчи-Мергенчи, см. выше).
Ур-куча (местные жители подчеркивают, что не Уру-куча; первое означает „улица в овраге“, что соответствует фактическому положению; второе—„улица воров“).
Хадра.
Хаузбаг.
Хаузлик.
Ходжа-куча (см. Мергенчи).
Ходжа-Рушнаи.
Хышт-масджид.
Чалмак (Чармак).
Чукур-кишлак.
Шатак.
Шейхантаур.[2]
Шур-тепа.

---

[1] Как видно из предназначенной к печати в Известиях Ср.-Аз. Отдела Гос. Русск. Геогр. О-ва статьи В. Л. Вяткина: Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, а также из имеющегося у меня письма одного кокандского сановника к Мирзе Ахмеду кушбеги, под „мергенями“ надо разуметь не охотников, а стрелков-сарбазов.

[2] Собственно, территория мазара с постройками: у Н. С. Лыкошина („Ишаны“, в Сборнике матер. для стат. Сыр-Дарьинск. обл. т. VII, 1899 г.) так называется махалля. Указанием на это я обязан Е. К. Бетгеру, которому приношу сердечную благодарность.

Янги-шаар Ганч-тепа.
Янги-шаар Дарваза.
Янги-шаар Ир-тышкан.[1]
Янги-шаар Кият.
Янги-шаар Лябзяк (см. Янги-шаар Сиирлик-масджид).
Янги-шаар Мунар.[2]
Янги-шаар Сиирлик-масджид (мечеть с раскрашенным потолком).
Янги-шаар Турк.
Янги-шаар Шахидан-тепа.
Япуглук-мазар.

М а у з а.

Авай-хан (Аблай-хан).
Ак-курган.[3]
Алтын-тепа, ныне Никифоровские земли.
Буз-арык.
Дам-арык.
Дархан-арык.
Джангаль-тепа (Чангаль-тепа, ныне за пределами города).
Инджик-абад, или Инджиговат.
Ир-тышкан.
Казы-тарнау.
Калмак-камаган (см. Алтын-тепа).
Кара-мурт (Карамурт-капка).
Кушчи.
Минг-урюк (ныне в русском городе).
Мир-абад (тоже).
Мирза-Юсуф.
Палван-арык.
Пасра.
Пихна (Пахина).
Сары-куль.
Тарнау-Гадранг (Гадранг-тарнау).
Таш-арык.
Турк-арык.
Урта-тукай.
Чиль-дохтуран.
Ша-Юнус-хальфа.
Шивли или Шибли-мазар (у русских Чаули).
Шур-тепа.
Ялангач.
Янги-тарнау.
Япуглук-мазар.

---

[1] В этом месте имеется арык, проведенный на небольшом расстоянии в туннеле под землею.

[2] Башня еще сохранилась; повидимому, она имела какое-то военное значение,—может быть, в качестве сторожевой.

[3] Местность Ак-курган упоминается в вакуфном документе Ходжи Ахрара XV столетия; восточной границею ее был поток (арык) Рудак; в копии документа, относящегося к 1533 году, под этим словом приписано другой рукою „Салар" (Б а р т о л ь д, В. В. К истории орошения Туркестана, стр. 140—141 и Отчет о командировке в Туркестан, 1904 г. стр. 263). Ныне восточной границею Ак-кургана является на всем протяжении Салар. Какой арык разумеется в документе под جوی شهر, сказать трудно; голова нынешнего Шаар-арыка лежит не к северу, а к западу от Ак-кургана. По сопоставлению с другими местами того же документа можно предполагать, что под جوی شهر разумелся в то время магистральный арык Боз-су. Впрочем, возможно и другое объяснение,—а именно, что арык Боз-су за $4^1/_2$ столетия со времени составления вакуфного документа глубоко зарылся в землю и разрезал на две части, с трудом сообщающиеся между собою, территорию Ак-курганского вакуфа, раньше составлявшую одно целое. Переуглубление арыка Боз-су и оврагов, впадающих в него, местами очень заметно, особенно ниже города; в обрывах видны даже прослойки песку на высоте нескольких сажень выше современного уровня воды в арыке. Возможно, что при расширении арыка Боз-су при халифе Му'тасим-Билляхе (IX в.) был допущен чрезмерный уклон, поведший к размыванию дна и к переуглублению арыка. Так же неопределенно указание на „землю казия" на север от вакуфа и на „арык в трубах" (جوی موری)

Следует заметить, что местность к востоку от р. Салара была ранее разделена между тремя частями—Шейхантаурской, Сибзарской и Беш-агачской, в последние же времена русского управления она была отнесена к Шейхантаурской части; таким образом в списках мауза по этим трем частям имеются некоторые повторения; так, например, Палван-арык и Сары-куль ранее относились к Беш-агачской части.

Сибзарская часть.

Махалля.

Аглам-шахид.[1]

Аттарлик (на базаре; заходит также в Беш-агачскую часть).

Ахун-гузар.

Базазлик (на базаре).

Бандак-базар (тоже).

Батыр.

Беда-базар (на базаре; теперь перенесен на другое место).

Беш-ага-ини,—„пять братьев".

Булгар-базар (на базаре).

Джангох (Джангоб); в Сибзарской части лежит Кичик-Джангоб (малый Джангоб); см. название этой махалля в Шейхантаурской части.

Джин-куча.

Заргарлик (на базаре).

Игар-базар (на базаре).

Ипак-базар (на базаре).

Иски-базар („Старый базар" на базаре, у Регистана).

Иски-джува.

Иски-Мискарлик.

Кадубад, или Кадуват, „тыквенная бахча"; есть юкары и куи,—верхняя и нижняя.

Казак-базар (на базаре).

Казы-куча.

Канглы-куча.

Кара-сарай.

Кара-тут.

Кассаб-базар; (на базаре; заходит в Кукчинскую часть).

Каушфрушлик (Кауш-базар, на базаре; заходит в Кукчинскую часть).

Кахата, или Кахата-бузурук, Кахта (Катта)-куча.

Кашикчилик, или Кашикчи.

Кочар.

Кульп-базар (Кулюп-базар, на базаре).

Кумлак.

Кунджак.

Курпа-базар (на базаре).

Лябзяк.

Ляйляк-уя.

Мазар-хан.

Махкама (на базаре, см. Беш-агачскую часть).

Махсидуз.

Парчабаб (Парчабоф).

Паякилик (см. Беш-агачскую часть).

Пушти-хамом.

Рабат (Раватак).

на запад от вакуфа. Зато южная граница урочища совпадает с современной: „дорога общего пользования, идущая на Паркент", т. е. приблизительно Пушкинская улица, продолжением которой является Паркентская улица. Память о принадлежности земель, занятых ныне постройками русского города по улицам Пушкинской, Новой, Ниазбекской и по всем Ак-курганским улицам и переулкам, к вакуфу Ходжи Ахрара (бывшие земли Южакова и Глинки-Янчевского) сохранялась до последних времен русского управления. Об этом имелись даже отметки в документах.

[1] У Н. С. Лыкошина („Ишаны")—Калям-Шахид.

Регистан, или Ригистан (на базаре).[1]
Сандук-базар (там же).
Сары-хумдан.
Саххаф-базар (на базаре).
Сибзар.
Сукпуруш (на базаре).
Табиб-куча, или Таиб-куча.
Такачи или Такачилик.
Тарнау-баши.
Тахта-пуль (имеются подразделения: юкары, миян или урта и куи Тахта-пуль; также Тахта-пуль-тепа).
Тешик-капка.
Тик-куча.
Тинчаб или Тинчабад.
Туз-базар (на базаре).
Тупи-базар (там же).
Туп-кайрагач.
Уч-куча.
Хасан-бай.
Хаст-Имом (Хазрет Имам).
Хатын-масджид.
Хаузбуи.
Ходжагон.
Ходжа-куча.
Ходжа-тарашкан (собственно, Ходжа-и-тарозу-шикан,—воспоминание о каком-то торговце, применявшем неправильные весы, которые и были публично разбиты).[2]
Хышт-купрюк.
Чакар.
Чальвар-базар (Шальвар-базар, на базаре).
Чапан-базар (то же).
Чархчи-куча.
Чигит-баши.
Чит-базар (на базаре).
Чувалачи (Чубалачи).
Чувильдак или Чувульдак, Чуульдак.
Шахун-гузар (Шакин-гузар).
Юган-базар (на базаре), см. Кассаб-базар.
Якачуб.
Янги-шаар.
Яу.

Мауза.

Айрылиш.[3]
Ак-ата (Окоте).
Ак-тепа.
Албасты-купрюк.
Алмат-кошчи (Халмат-кошчи?).
Аман-бакал.
Ат-чапар.
Баг-куча.

---

[1] Загадочное слово Регистан (Ригистан), повидимому, указывает на древнейший способ благоустройства торговых или базарных площадей в Средней Азии и обозначает место, усыпанное песком или гравием. Такое объяснение этому слову дают и современные узбеки. Ср. „пространство около десятины, замощенное слоем мелкой гальки" (Вяткин, В. Л. „Кандия малая", стр. 281, при описании соборной мечети, сожженной при нашествии Чингиз-хана). По оффициальным данным (сметы Наркомфина) в г. Самарканде еще в 1921 году упоминаются три типа благоустроенных улиц: мостовые, шоссе и песочные улицы. В значении песка или мелкой гальки слово „рекь (рикь)" употребляется не только в пределах нашего края, но и южнее (в Афганистане—пустыня Ригистан, пески Риги-ноу; в персидском Сеистане—см. Записки Русского Географического Общества по общей географии, том L. П. 1916, стр. 78,—труд Н. А. Зарудного).

[2] У Н. С. Лыкошина („Ишаны") Ходжа-Таразу-ляшкан; у Н. А. Маева Ходжа-Тарассекон.

[3] В этой местности магистральный арык Боз-су разделяется на два: Анхор, также называемый Боз-су, и Калкауз, в низовьях называемый Анхором.

Бай-курган.
Бакач-тепа.
Балта-мазар.
Беш-учак.
Грунч-арык.
Дарвазакент.
Дархан.
Даул-тепа.
Джангаль, или Чангальзар.
Джума-масджид.
Закат-хана (Закат-сарай).
Ивиш (см. Тюя-богуз).
Калкауз (Кайкаус).
Кара-сарай.
Кариз.
Кахата (см. выше, в списке махалля).
Кенграк.
Кечик-корук.
Куляль-тепа.
Кумыр-хана.
Кур-ходжа-ата.
Кутарма.
Куюк-ходжа.
Кызыл-купрюк (см. Тахта-пуль).
Кызыл-курган.
Лябзяк-арык.
Магазин-абад (новое название).
Мазар-арык.
Май-курган.
Мерекеджан (Мракиджан, см. Аман-бакал).
Мугал.
Сандук-курган.
Саур-арык.
Саусар-арык.
Тахта-купрюк.
Тахта-пуль (ныне за пределами города).
Тешик-капка.
Тикканлик-мазар.
Туйчибад.
Тюя-богуз (см. Ивиш).[1]
Ун-курган.
Хан-чарбаг.
Хасан-бай.
Хышт-купрюк (ныне вне городской черты).
Чангальзар, или Чангальмазар (см. Джангаль).
Чардара (?).
Чархчи.
Чиль-туган.
Чимбай.
Чимзар, или Чимдар (см. Кукчинскую часть).
Чувалачи (ныне за пределами города).
Юл-айрык.[2]
Юнус-абад.
Якатут.
Янги-арык.
Яу (Яви, Яву, Яви-арык; ныне за пределами города).

Кукчинская часть.

Махалля.

Абиназыр (Обиназыр).
Айрылиш; за мостом у Пада-хана; здесь расходятся две важные улицы.
Акилан, Аклан, или Аллан (см. мауза).
Ак-тепа.
Беда-базар (на базаре).

---

[1] Местность „Тюя-бугази" (تیوه بوغزی) упоминается в вакуфном документе Ходжи Ахрара (Бартольд, В. В. Отчет о командировке в Туркестан, 1904 г.).

[2] В этом месте тракт, ведущий с севера из Чимкента (может быть, „сайрамская дорога" ходжа-ахрарского вакуфного документа) разделяется на две важные улицы;— одна из них ведет в русский город, другая—к базару старого города через Тахта-пульские ворота. Замечу, что в эпоху русского завоевания и ближайшую к ней путь на Чимкент вел через Чагатайские ворота, по так называемой сары-агачской дороге.

Гузар-баши.
Домак, или Домак-баши.
Ишкабад (Ишкавот).[1]
Казак-базар (на базаре).
Казы-куча.
Калля-хана.
Кара-кыяк.
Кассаб-базар (на базаре; см. Сибзарскую часть).
Катар-терек.
Кесак-курган.
Кетмень-базар (на базаре).
Кильбельбаг.
Кош-тут.
Кукча.
Кунджак.
Кунчилик или Иски-Кунчилик, „старое место кожевенных заводов“.
Кушфрушлик, вероятно, вместо Каушфрушлик (см. Сибзарскую часть), или же Гуштфрушлик (см. Кассаб-базар).
Лянгар.
Малхарам.
Махкама (на базаре; см. Беш-агачскую часть).
Мискарлик (на базаре).
Намат-базар (на базаре).
Пада-хана.
Пчак-базар, или Пчакчилик (на базаре).
Сабун-базар (на базаре).
Сагбан (имеется „Большой Сагбан“, —Сагбан-и-калён, или Улуг-Сагбан).
Сакишман (Сакичман).
Сары-хумдан.
Тар-куча, или Тал-куча.
Тепа.
Тукли-джалляб, „прасолы“ توخلی جلاب
Узгент.
Урюкзар (не следует смешивать с мауза того же имени в Беш-агачской части).
Хада-базар (на базаре).
Халимкуп.
Ханака, или Ханака-и-бузурук.
Хатын-масджид.
Хафиз-Куяки.
Ходжа-куча.
Ходжа-малик.
Ходжа-парихон.
Хыябан.
Чагатай-тепа.
Чагатай-чакар.
Чагатай-Янги-шаар.
Чакар.
Чархчи, или Чархчилик.
Чукур-кишлак.
Шаршин-тепа.
Шейх Зайнутдин-бобо (собственно мазар, но также и ближайшие к нему участки).
Янги-шаар (см. Чагатай).

Мауза.

Аклан (Акилян, Аллан, см. выше в списке махалля).[2]
Ак-тепа (Сагбан Ак-тепа).
Ачават (Ачи-абад).

---

[1] А. А. Семенов (Материальные памятники арийской культуры. Сборник „Таджикистан“, 1925) отмечает, что мадраса Ходжа Ахрар находится в квартале Ишкабад или Махкама, когда-то носившем название Хаузи-Сангин, в Кукчинской части. Ныне мадраса числится в Беш-агачской части, в махалля Гуль-базар, но старики еще помнят, что близко отсюда расположенный сапожный ряд (Итык-базар) относится к махалля Махкама. Махалля Махкама ныне числится в Беш-агачской части, заходя концом своим в Сибзарскую и Кукчинскую; она отлична ныне от махалля Ишкабад, смежной с нею, но находящейся в Кукчинской части.

[2] Местность Аклан находится за бывшей городской стеною, но часть ее жителей живет там постоянно; поэтому она относится и к махалля, и к мауза, даже по официальным спискам.

Бек-абад, или Беговат.
Бекляр-беги, или Бекляр-беги-корук (у Кара-камыша).
Беш-кайрагач.
Биль-тепа (или Биль-тепа Чагатай).
Джар-арык.
Джар-кечик.
Джар-кулак.
Ингичка-корук.
Иран.
Ишан-купрюк.
Кампыр-девол (см. Узун-тепа).
Кара-су (Сагбан Кара-су).
Кук-тунлюк-ата.
Кулаклик-тепа.[1]
Кул-куча („улица рабов“, персиян).
Курвакавад (Курвака-абад, „жабий город“, шуточное название сырой, слегка заболоченной местности).
Кыргыз-купрюк.
Мехтар-малик (Митар-малик).
Надырджан-кулаги (см. Чагатай).
Нишаб-арык, или Нишаб-кулак (см. Ак-тепа).
Сагбан Ак-тепа.
Сагбан Кара-су.
Тахта-купрюк.
Ташлик-тепа, или Чаш-тепа.[2]
Тюя-тартар (большей частью лежит за городской чертою).
Узун-тепа, или Кампыр-девол.[3]
Уч-тепа.
Хатун-купрюк.[4]
Хыябан (ныне за пределами города).
Чагатай Биль-тепа.
Чагатай Кара-камыш.
Чагатай Надырджан-кулаги.
Чагатай Сор-кичар.
Чилля-мазар, или Чиль-мазар.
Чимбай (см. Сибзарскую часть).
Чимыр-ата.
Ша-пайзы-кулак.
Шоли-кулак, или Шоли-арык („рисовый отвод“; теперь риса по нему не сеют).
Юмалак.
Янги-Кунчилик.

Беш-агачская часть.

Махалля.

Андижан.
Арпа-пая.
Бадаль-бай (Бадыр-бай, Бодор-бай).
Бай-куча.
Балта-бай.
Балянд-купрюк.
Балянд-масджид.
Бардан-базар (на базаре).
Буйра-базар (тоже).
Газы-гузар.

---

[1] Самый холм Кулаклик-тепа, по форме своей действительно очень напоминающий человеческое ухо громадных размеров, находится собственно за городской чертою, проходящею здесь по камышевым зарослям Кара-камышского лога. Упоминание об этой местности находится в вакуфном документе, разобранном В. Л. Вяткиным в статье: К исторической географии ташкентского района в № 101 „Туркестанских Ведомостей“ за 1900 год.

[2] Самый холм находится собственно за городской чертою. В названии холма сохранилось, повидимому, древнее название города.

[3] Эта местность, упоминание о которой я встретил в одном документе (васихе) 1811 года нашего счисления, лежит теперь вне пределов города. Этот документ был наиболее старым из тех, с которыми мне приходилось иметь дело; почти все документы относились к временам русского управления.

[4] Упоминание об этой местности встречается в вакуфном документе, разобранном В. Л. Вяткиным (см. выше). Ныне за пределами города.

Ганч-хана (ныне за чертою города, за оврагом Кара-камыш).
Грунч-базар (на базаре).
Гуза-базар (тоже).
Гуль-базар (тоже).
Дархан.
Джам-масджид или Мас-Джом'и.
Зебак.
Зенги-ата.
Зигорят (sic) - фруш (в переводе васихи; это название части базара, где торгуют хлебными продуктами; ныне не употребляется).
Иски-Намазга.
Иски-урда.
Итык-базар или Чар-су (на базаре; не смешивать с другим Чар-су, на базаре же).
Ишан-гузар.
Ишан-махалля (см. Мурад; насмешливое *прозвание махалля*— „Ишак-махалля").
Казы Низамутдин.
Каляба-базар (на базаре).
Камалян.
Канд-базар (Кандалят-базар, Кандалят-фруш; на базаре).
Капан-базар.
Кара-таш.
Кассаблик (на базаре).
Катта-махалля (см. Тепа).
Кувыр-арык.
Кугурмач.
Кук-масджид.
Ляйляк-хана (Лякляк у Н. С. Лыкошина, „Ишаны").
Маиз-базар (на базаре).
Махкама (на базаре, заходит концом своим в Сибзарскую и Кукчинскую части).
Маш-базар (на базаре).
Мирза-газы, или Мирза-газы-ата.
Мирляр (Милляр).
Мурад (или Ишан-махалля).
Муркан-куча (см. Чакар).
Нанвой-гузар или Новай-гузар (на базаре).
Нангор-гузар (*устаревшее название*; на базаре; ранее считалось в Кукчинской части).
Насвай-базар (см. Тамаки-базар).
Пахта-базар (на базаре).
Паякилик (тоже, заходит и в Сибзарскую часть).
Сарпароз.
Сары-чапан, или Сар-и-чупан.
Сиирлик-масджид.
Сузук-ата.
Сябзи-базар (на базаре).
Тамаки-базар (тоже).
Темирчи или Темирчилик.
Тепа (Катта-махалля, или Янги-калян).
Тешабай, или Тешавай.
Тикканлик-мазар.
Узбак.
Укчи-дарваза (близ Беш-агачских ворот).
Ун-базар (на базаре).
Уракчилик.
Хабс-ата.
Ханака, или Ханака-и-бузурук.
Ходжа-махалля.
Хышт-купрюк.
Чакар (часть этой махалля называется Чакар Муркан-куча)[1].
Чар-су.
Чинни-базар (на базаре).
Чукур-купрюк.
Чукур-куча.
Чупан-ата.
Яланг-кары.
Янги-каляндар-хана.
Янги-махалля (Янги-шаар).
Янги-ханака.

[1] Можно полагать, что в выдержке из документа ходжа-ахрарского вакуфа, на-

Мауза.

Асиль-бобо (Асиль-боб).
Аския-гузар.
Бурюджар.
Зах.
Зенги-ата.
Казы-рават.
Канкус (ныне за чертою города).
Катар-тал.
Кор-хана.
Кош-курган.
Кугайт-тепа.
Куляль-турпак.
Кутурган-сай (?).
Кушбеги.
Махаузар (поселок прокаженных).
Науза.
Нугай-таш-тепа (Чаш-тепа).[1]
Палван-арык.
Ракат.
Сары-куль.
Сары-чапан (Сар-и-чупан).
Тахта-купрюк.
Терс-арык.
Тешуклик-тепа.
Токай.
Урюкзар (см. Ракат).
Хырман-сухта.[2]
Чала (ныне за чертой города).
Чангаль-арык.
Чапан-тикты.
Чарх.
Чилянзар (из Чинарзар, т. е. чинаровый сад).
Чупан-ата.
Шаим-купрюк (ныне за пределами города).
Шур-хана.
Япуглук-мазар.

Приведенные выше списки нельзя считать исчерпывающими; к сожалению, я не записывал названий махалля и урочищ при своих экскурсиях верхом, пешком и в тележке по улицам, переулкам, проездам и проходам города, общее протяжение которых исчисляется около 800 верст. Могут быть также неточности в передаче устаревших названий некоторых местностей, а также несоответствия в распределении местностей и базарных рядов по отдельным частям города в разные эпохи.

печатанной у В. В. Бартольда (Отчет о командировке в Туркестан, 1904 г. стр. 264), следует читать не حورکن, а مورکن. Действительно, восточная граница данного вакуфного участка прилегала „к мазару Шейха Зайнутдина“, западная—„к воде Кара-камыша“, а южная—„к воде Муркан, которая выходит из крепости“(باب مورکن که از قلعه میبراید). Все это вполне возможно; старая крепость (Иски-урда) действительно находится на возвышенности к северу от оврага, в котором расположена Муркан-куча. Повидимому, в этой местности ранее жили гончары, выделывавшие водопроводные трубы.

[1] Самый холм находится за городской чертою.

[2] „Сгоревшее гумно“. В переводе одной васихи мне встретилось название Хормат-суяма; подлинника васихи не было представлено. Полагаю, что это искажение названия Хырман-сухта, так как местности Хормат-суяма, повидимому, не существует.

Н. А. Буров.

Историческая справка о времени основания Ташкентской Публичной (ныне Средне-Азиатской Государственной) Библиотеки.

Несмотря на то, что в статьях первого библиотекаря Ташкентской Публичной (ныне Средне-Азиатской Государственной) Библиотеки Н. В. Дмитровского, содержатся совершенно определенные указания на 1867 год, как на время основания названной Библиотеки, [1]—и сам он и позднейшие ее историки, сосредоточивая свое внимание преимущественно на моменте открытия Библиотеки, выдвигают в качестве исходной даты ее существования апрель или май 1870 года. [2]

Опираясь на последнюю дату, Библиотека в мае 1920 года отпраздновала 50-летний юбилей своего существования. Одно обстоятельство было при этом упущено из виду: Библиотека, располагавшая ко времени своего открытия до 1700 томов книг, не могла, конечно, быть создана в один день; она должна была существовать и существовала некоторое, довольно долгое время еще до ее открытия для общего пользования. Это обстоятельство не только подтверждается свидетельством современника—первого библиотекаря, но может быть установлено и документальными данными. Если, пользуясь архивными и печатными официальными материалами, пойти назад от момента открытия Библиотеки, как исходного пункта, то можно констатировать следующие факты:

18 марта 1870 г. было разрешено „приобрести книги [у П. И. Пашино] для библиотеки . . . . на сумму 111 р. 25 к.“. [3]

---

[1] Н. Дм[итровский]. Двадцатипятилетие Туркестанской публичной библиотеки. „Турк. Вед.“ 1895 г. № 33.

Л. Ю. Б. [Н. Дмитровский.] Эпизод из истории Туркестанской публичной библиотеки, основанной К. П. Кауфманом. Кауфманский Сборник. М. 1910, стр. 129 сл.

[2] См : Заглавие первой из указанных статей Н. Дмитровского, статью И. Плята: Из прошлого Туркестанской публичной библиотеки в газ. „Русский Туркестан“ 1902 г. № 142; работы Е. К. Бетгера: Туркестанская Государственная Библиотека 1918—1922 г. в журн. „Наука и Просвещение“, Ташкент, 1922 г. № 2, на стр. 195 и 201—Отчеты Турк. Гос. Библиотеки за 1923, 1924 и 1925 г.г. на стр 3.—Научные библиотеки Ташкента в журн. „Библиот. Обозр.“ 1925 г. кн. I на стр. 112; статью В. В. Бартольда: Последний отчет Туркестанской Государственной Библиотеки в газ. „Правда Востока“, 1925 г № 164.

[3] Дело канц. турк. ген.-губ. № 139, л. 20.

4 Марта 1870 г. канцелярией туркестанского генерал-губернатора представлен доклад за № 1174 о желательности найма для Библиотеки дома Захо и о заказе для нее мебели; 10 марта для последней цели выписана ассигновка.[1]

28 февраля 1870 г. канцелярии ген.-губ. разрешено уплатить 784 р. 10 к. за „книги, купленные для Ташкентской публичной библиотеки" у ген. Гейнса.[2]

11 Февраля 1870 г. Н. В. Дмитровским представлена „Записка о библиотеке" с приложением каталогов русских и иностранных (кроме немецких) книг, „принадлежащих здешней библиотеке" (734 назв., 1663 тома).[3]

В декабре 1869 г. получены в канцелярии и поступили в заведывание библиотекаря книги, пожертвованные П. П. Пукаловым.[4]

30 ноября 1869 г. по докладу канцелярии о возможности открыть Библиотеку с 1 января 1870 года, Кауфман выразил согласие на назначение библиотекарем Н. В. Дмитровского, которому поручено составить записку о необходимых мероприятиях для открытия Библиотеки и читальни.[5]

11 марта 1869 г. в заседании Совета Русского Географического О-ва „вице-председатель заявил, что в виду устраивающейся ныне общественной библиотеки в Ташкенте, он сделал распоряжение о снабжении оной изданиями Общества".[6]

„В 1868 г. уже поступили книги от некоторых учреждений" (заметка Кауфмана на полях докладной записки подполк. Ливенцова).[7]

В конце 1867 и в начале 1868 г. „приступлено было как к приобретению книг для библиотеки, так и составлению проекта ее устройства и дальнейшего затем существования".[8]

16 августа 1867 г. Кауфман в отношении за № 92 на имя вице-председателя Русского Географического О-ва просил пожертвовать „из библиотеки Географического Общества дупликаты тех книг, которые могут быть беспрепятственно уделены для образования ядра будущей ташкентской библиотеки".[9]

С подобною же просьбою в августе 1867 г. Кауфман обратился к министру народного просвещения, вице-президенту Академии Наук и директору И. Публичной Библиотеки.[10]

---

[1] Дело канц. турк. ген.-губ. № 97, л. 12—14.
[2] Дело канц. турк. ген.-губ. № 139, л. 1.
[3] Дело канц. турк. ген.-губ. № 97, л. 2—11.
[4] Там же, л. 8.
[5] Там же, л. 1.
[6] Известия И. Русск. Геогр. О-ва, т. V (1869), отд. I, стр. 117.
[7] Дело канц. турк. ген.-губ. № 97, л. 25.
[8] Там же, л. 3.
[9] Известия И. Русск. Геогр. О-ва, т. III (1867), отд. I, стр. 148—149.
[10] Дело канц. турк. ген.-губ. № 97, л. 15.

Таким образом, мы видим, что уже с августа 1867 года предпринимаются реальные шаги к созданию совершенно определенного учреждения—Ташкентской Публичной Библиотеки. Для основания ее, по условиям места и времени, не требовалось особого правительственного акта: широкие полномочия туркестанского генерал-губернатора давали возможность проявления им самоличной инициативы в делах благоустройства вверенного ему края. Вполне достаточным было лишь сообщить в соответствующее министерство о факте создания того или иного культурного учреждения, не испрашивая ни санкции совершенным действиям, ни разрешения на производство расходов.[1] При таком положении дела решающая роль в определении времени основания Библиотеки должна принадлежать взгляду на этот вопрос ее основателя—К. П. Кауфмана. По счастью, мы имеем этот взгляд достаточно ясно выраженным в заметках Кауфмана на полях докладной записки подполковника Ливенцова, обследовавшего, по поручению Кауфмана, Библиотеку в 1875 году. Против строк с указанием Ливенцова, что „библиотека образовалась в начале 1870 г.", Кауфман написал: „Начало публичной библиотеки положено в 1867 году купленными мною в Петербурге книгами по Азиатской литературе, т. е. книгами на разных Европейских языках об Азии.—Тогда же было обращение мое в разные библиотеки в Петербурге и в Москве; в 1868 году уже поступили книги от некоторых учреждений.—С тех пор [1867 г. Н. Б.] можно считать Ташкентскую публичную библиотеку учрежденною".[2]

У нас нет документальных данных по разбираемому вопросу ранее 16 августа 1867 г., и эту последнюю дату мы должны принять за дату действительного основания Библиотеки. Ошибка во всяком случае не может быть велика, так как и назначение Кауфмана на пост туркестанского генерал-губернатора состоялось всего лишь 14 июля 1867 года.[3]

---

[1] Так и поступил Кауфман в своем отношении от 27 августа 1870 г. за № 4333 на имя военного министра. См. дело канц. турк. ген.-губ. № 97, л. 15—17.

[2] Там же, л. 25.

[3] См. Кауфманский Сборник. М. 1910, стр. IX (статья А. Семенова).

М. Ф. Гаврилов.

Страничка из истории Якуб-бека Бадаулета—правителя Кашгарии.

(По рукописному свитку Средне-Азиатской Государственной Библиотеки в Ташкенте.)

Покойный профессор Н. И. Веселовский, посвящая истории Бадаулета Кашгарского [1] свою статью в Записках Восточного Отделения Русск. Арх. Общества, [2] совершенно правильно указывал на возможность дополнительного освещения личности Якуб-бека путем опроса на местах оставшихся еще в живых его сподвижников, проживавших в пределах Туркестана и хранивших в памяти подробности из жизни Бадаулета.

Памятуя сказанное профессором Н. И. Веселовским, автор настоящего очерка, в бытность свою в Коканде в 1916 г., воспользовался тем обстоятельством, что там же проживал один из бывших сподвижников и слуг Якуб-бека—Мулла Мирза сын Муллы Иса-Мирза-баши из махалля Рустамбек (رستمبيك محلّه‌ليك ملا ميرزا ملا عيسى ميرزا باشى اوغلى) и просил

---

[1] Якуб-бек, по прозвищу Бадаулет (счастливый), кокандский выходец, образовал мусульманское государство в Восточном Туркестане после восстания против китайцев. От первоначальных руководителей восстания,—ходжей, господство перешло к Якуб-беку. Государство просуществовало с 1863-1865 до 1878 г. Бартольд, В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-ое. Ленинград, 1925 стр. 276.

Литературу об Якуб-беке Кашгарском, между прочим, см.:

Shaw, Robert. Visits to high Tartary, Yârkand and Kâshgar. London, 1871; то же на русском языке—Очерки верхней Татарии, Ярканда и Кашгара. Спб. 1872.

Григорьев, В. В. Восточный или Китайский Туркестан из Землеведения К. Риттера, вып. 2. Спб. 1873, стр. 508 и след.

Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. Спб. 1877.

Boulger. The life of Jakoob beg: athalik ghazi, and badaulet; ameer of Kashgar. London, 1878 (упомянуто Н. Веселовским в З. В. О. XI т. стр. 89, как труд компилятивный).

Куропаткин, А. Н. Кашгария. Спб. 1879.

Boulger. Central Asian portraits. London, 1880, стр. 100—118.

Веселовский, Н. Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский, З.В.О. Т. XI, стр. 87 и сл.

Семенов, А. А. в Кауфманском Сборнике, М. 1910, стр. XXXVIII и след.

[2] Веселовский, Н. З. В. О. XI том, стр. 89.

этого последнего, насколько ему позволит память, описать жизнь и деятельность кашгарского владыки с возможно большими подробностями, останавливаясь на освещении тех моментов и случаев из его жизни, свидетелем которых или участником он, Мулла Мирза, был сам лично или о которых слышал из верных источников.

Исполняя это (اوروس کورولف(?) توره‌ٔ حرمتلونی فرمایش‌لاری ایلان) поручение автора, Мулла Мирза занялся описанием деятельности Якуб-бека на средне-азиатско-турецком языке и, приблизительно, через месяц закончил свою рукопись в виде свитка из листов белой бумаги, склеенных короткими сторонами своими, длиной около девяти аршин.[1] В ней он изложил виденное им „собственными глазами“ (منکم اوز کوزوم ایلان کورولگان ایشلارنی بیانی‌دور)

В год составления своей записи (1335/1916) Мулле Мирзе было 73 года; следовательно, в делах Якуб-бека он принимал участие уже в возрасте около тридцати лет.

Приводя ниже пересказ отдельных выдержек из записи Муллы Мирзы, автор совершенно не ставит своей задачей делать выводы для характеристики Якуб-бека, как человека и правителя, или оценки его эпохи, а имеет ввиду лишь дать, может быть, небезынтересные сведения, как небольшой фактический материал, который, возможно, окажется пригодным для работ по изучению эпохи „ военных авантюр“, особенно разыгравшихся в то время в Средней Азии.

Свое нехитрое повествование Мулла Мирза начинает с того момента, когда Якуб-бек уже выступил на арену военно-политической жизни и занимал ответственный пост в Кокандском ханстве в должности начальника укрепления Ак-мечеть. [2]

Это время совпало с господством временщика Кокандского ханства—амир-ляшкера Алим-кула, который сместил Якуб-бека с упомянутой должности, поставивши ему в вину продажу озер русским. [3]

Распоряжением Алим-кула Якуб-бек был схвачен и, приговоренный к смерти, привязан к пушке; только лишь заступничество одного из кипчакских родственников амир-ляшкера спасло Якуб-бека. [4] Назревшие к этому времени в Кокандском ханстве события и, особенно, создавшаяся благоприятная для политического и военного вмешательства обстановка

---

[1] *В своем Отчете о командировке в Туркестан. Авг.-Дек. 1920 г.* (ИРАН. 1921. № 1—18) В. В. Бартольд на стр. 196 сообщает, что он, между прочим, видел и эту рукопись (передана автором настоящей статьи в бывш. Турк. Публичную Библиотеку) и, отмечая интерес безграмотно написанного длинного свитка, как исторического документа, упоминает, что запись сделана по поручению русского тюри Королева или Крылова (в рукописи کورولوف, читай گاوریلوف). В безграмотности Муллы Мирзы автору пришлось особенно убедиться при разборе свитка.

[2] Веселовский, Н. З. В. О. XI, стр. 96. Крепость Ак-мечеть была завоевана русскими после ухода Якуб-бека; срав. у В. В. Григорьева, назв. соч. примечание 18 на стр. 508.

[3] Веселовский, Н. З. В. О. XI, стр. 96.

[4] Якуб-бека освободил Мирза-Ахмед. бывший кушбеги; там же, стр. 97.

РУКОПИСНЫЙ СВИТОК МИРЗЫ-БАШИ КОКАНДСКОГО С ВОСПОМИНАНИЯМИ О ЯКУБ-БЕКЕ.

Из собрания Ср.-Аз. Гос. Библиотеки.

в Кашгаре побудили Алим-кула послать Якуб-бека в китайские владения.[1]

Главой кокандской экспедиции в Кашгар был назначен кашгарский ходжа Бузург-хан-тюря сын Джехангир-хан-тюри; Якуб-бек был только начальником отряда, первоначально, при отправлении из Коканда, состоявшего из пяти человек и постепенно, на пути в Кашгар, дошедшего до нескольких десятков.[2]

Прибыв в Кашгар, Якуб-бек живо учел все обстоятельства политического положения страны и тотчас же приступил к открытой борьбе с дунганами за власть, пользуясь помощью подходивших к нему время от времени выходцев из кокандских владений.

Почти все пятнадцатилетнее правление Якуб-бека до дня его смерти прошло в кровопролитных сражениях и более или менее длительных войнах с дунганами и китайцами при покорении ряда городов, как-то: Кашгара, Хотана, Аксу, Урумчи, Яркенда и других, насчитываемых Мирзой до пятнадцати.

Почти все сражения, данные Якуб-беком дунганам, по сведениям Мирзы, кончались не в пользу последних.

Якуб-бек вскоре же после первых своих военных успехов стал титуловаться „газы".

Из отдельных эпизодов боевой деятельности Якуб-бека стоит отметить следующие.

После продолжительной борьбы с дунганами и последовавшего вслед за этим окончательного закрепления города Кашгара за Якуб-беком, урумчийский правитель, дунган Хальфа-падишах, прислал к нему посольство в шестьдесят человек с дарами в сто тысяч золотых, при чем на это посольство Бадаулет с своей стороны ответил посылкой в Урумчи Мирза-баши с отрядом войска из ста человек и подарками.

Победы Якуб-бека над кашгарскими дунганами вызвали выселение последних через Урумчи в Россию. При этом руководители дунган Шух-дарин и Даху-дарин [3] с 40.000 душ, перейдя границу России, расселились в городах Алма-ате, Токмаке и Пржевальске, приняв русское подданство.

Некие приближенные Якуб-бека по имени Хаит-ахун, Ашур-ахун, из вновь обращенных мусульман, и Мир-Турды-бай-мирахур-баши составили против него заговор; обокрав казну—четыре кожаных сундука (яхтан) золотых монет, они захватили несколько хороших лошадей и бежали из города Тохтасуна через Бачин в Урумчи.

---

[1] Ср. В. В. Григорьев, стр. 508.

[2] Там же.

[3] См. Грум-Гржимайло, Г. Дунганский партизан Да-ху-Баян-хур (не одно ли это лицо с Даху-дарином?). Истор. Вестник 1891 г., т. XLIV, стр. 626 след.

Из принятых Якуб-беком иностранных посольств, Мулла Мирза коротко упоминает об англиийском (فرنگی) состоявшем из сорока человек. Во главе посольства находился „лорд“ [2] (?) (لاط), поднесший правителю Кашгарии много „хороших вещей“ и несколько тысяч (?) ружей.[3] Это посольство жило в Кашгаре около шести месяцев[4] в специально выстроенном Якуб-беком посольском доме. Для встречи английского посольства Якуб-бек высылал по направлению к Яркенду отряд во главе с понсатом, в котором был и автор рукописи Мулла Мирза;[5] встреча произошла в местечке Гириян (گیریان).

В течение пребывания английского посольства у Якуб-бека Мулла Мирза, по просьбе гостей, организовал охоту в районе Марал-баши, где было застрелено много зверей и среди них 10-12 тигров.

Кроме упоминания об английском посольстве, Мулла Мирза говорит о миссии турецкого султана Абдул-азиза, состоявшей из трех человек.[6]

Из представителей России, посетивших Якуб-бека, автор упоминает сначала об одном без названия имени, [7] после приезда которого со стороны Якуб-бека дважды последовали посылки представителей с подарками; в первый раз был послан некто Мулла Мухеддин и во второй хаджи Турап-Ходжа, оба благополучно вернувшиеся. [8] Следующим послом России Мулла Мирза называет Куропаткина, для обслуживания которого он также был приставлен.

Описывается также злополучная история сына бухарского эмира Музаффар-ед-дина—Абдул-малик-хана, который, как передает Мулла Мирза, после сражения при Китабе бежал в Коканд к Худояр-хану. После того, как кокандский хан отказал ему в убежище, Абдул-малик-хан через Имам-ата бежал в Кашгар, где, остановившись на одном мазаре близ города, обратился к Якуб-беку с просьбой смилостивиться и принять его (باشیم اياغلارينكا تاشلاب كيلديم ديب).

С Абдул-маликом прибыло всего сто человек, остальные его люди разбежались еще у Шахрисябза.

---

[1] Бартольд, В. В. История изучения Востока, стр. 276. Из России были посылаемы: Рейнталь (1868 и вторично 1875), Каульбарс (1872), Куропаткин (1876-7); из Англии: Форсайт (1873), купец Р. Шоу (1868); турецкий султан Абдул-азиз посылал Заман-бека, впоследствии служившего переводчиком в канцелярии туркестанского генерал-губернатора (см. Веселовский, стр. 100).

[2] Повидимому, разумеется Форсайт, посетивший Якуб-бека 11/XII 1873 г. См. А. А. Семенов, стр. XLV.

[3] Там же.

[4] Ср. Н. Веселовский, стр. 100.

[5] Ср. там же.

[6] Ср. выше пр. 1.

[7] Вероятно Рейнталь или Каульбарс, см. выше пр. 1.

[8] О посольстве в Петербург см. Р. Ша (Shaw). Очерки верхн. Татарии, стр. 56. О Турап-ходже из Пскента см. у Н. Петровского. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка люб. арх. г. XXI, стр. 97, 101.

В ответ на такое обращение эмирского сына Якуб-бек послал к нему некоего Абдулла-мирзу и автора рукописи, которые, приехав к Абдул-малику, переписали его людей, разбили их на группы по восьми человек и разослали по городам владений Якуб-бека, а самого эмирского сына с несколькими людьми отправили в Яркенд к правителю Алаш-бай-дадхаху и заключили его в одном из помещений последнего. Здесь Абдул-малик находился в заточении около четырех лет до приезда английского посольства, глава которого выпросил его у Якуб-бека и увез с собой в Индию.

По приказанию Якуб-бека Мулла Мирза сам принимал участие в передаче Абдул-малик-хана англичанам и сопровождал их на обратном пути до места Гириян-даван.[1]

У Якуб-бека было несколько сыновей,[2] из них младшего звали Худай-Кули-бек; он был восемнадцатилетним юношей-красавцем, когда отец взял его однажды с собой в один из походов на Аксу.

Дорогой, в местечке Ай-куль, Якуб-бек застал Худай-Кули-бека на месте совершения какого-то противозаконного поступка (برخلاف شرعی ایشلاری) и собственноручно зарубил его шашкой.

Труп убитого сына Якуб-бек приказал похоронить у могилы хазрета Аппака. Описывая этот случай, автор заканчивает словами: „До такой степени он [Якуб-бек] был совершенным мусульманином“.

Положение в урумчийском районе, незадолго до смерти Якуб-бека, было не в пользу последнего. В этом районе против „газы“ разрасталось ядро китайского возмущения. Хотанский правитель, Нияз-Хаким-бек, тайно поддерживал связь с урумчийскими китайцами и писал, чтобы они спешили с делом (восстания), а что касалось Якуб-бека, то он (Хаким-бек) предполагал убрать его сам. Вскоре после этого, во время пребывания Якуб-бека в городе Курле, Нияз-Хаким-бек через приближенных бека дал ему под видом питья чашку с ядом и отравил [3] (بر فیالده داری بیردوروب وایچدوروب). Завернув труп Якуб-бека в кожу, Нияз-Хаким-бек через семь дней тайно от всех вручил его сыну Якуб-бека, Хак-Кули-беку, дал последнему для сопровождения тысячный отряд и отправил в Кашгар. Труп Якуб-бека везли на арбе.[4] Через два дня

---

[1] А. А. Семенов. (Кауфм. Сб. стр. XXVIII) дает следующие сведения: „Разбитый своим отцом [Музаффар-эд-дином], Абдул-Малик [Катта-тюря] некоторое время скитался в Хиве, был в кочевьях закаспийских туркмен, затем в течение полугода проживал в Меймене, оттуда перебрался в Кабул и, наконец, нашел убежище в англо-индийских владениях. Скончался в средине 1909 года в Пешаваре“.

Н. И. Веселовский (Лекции по истории Востока изд. Кр. Ориенталистов при Вост. Фак. Спб. Унив. стр. 79) сообщает, что „Абдуль-Малик-Мирза восстал против отца—против него был послан русский отряд, который взял гор. Карши, где был Абдуль-Малик, и передал его Музаффару. Сам Абдуль-Малик бежал в Хиву“.

[2] Ср. Н. Веселовский. З. В. О. т. XI, стр. 101.

[3] Ср. Н. Веселовский, стр. 101—102, и А. А. Семенов, стр. LXIV.

[4] Ср. Н. Веселовский, стр. 102.

после этих событий Нияз-Хаким-бек собрал из местечка Ушак-тал (اوشاق تال) до 10.000 войска. Придя с ним в г. Курлю, где были одновременно собраны кипчаки, киргизы и сарты, он провозгласил падишахом (پادیشاه کوتاریشیب) Мухаммед-Хаким-Хан-тюрю и вышел с ним кружным путем (آرقدمه آرقه) к Аксу, где провозглашенный падишахом тюря оставался на правах такового в течение тридцати пяти дней.

Хак-Кули-бек с трупом своего отца присоединился в Аксу к Мухаммед-Хаким-Хан-тюре, который, приняв тело Якуб-бека, отвез его в местность, лежащую вблизи Кашгара, называемую Азан-Хатан.[1]

Узнав о происшедшем, старший сын Якуб-бека, Бек-Кули-бек, собрал в Кашгаре до 20.000 войска и вместе с кашгарским военачальником Алаш-бай-дадхахом выступил в поход против Мухаммед-Хаким-Хан-тюри и своего младшего брата.

В местности Гилян (گیلان) произошло сражение, длившееся в течение четырех-пяти суток. Тюря был разбит и бежал в Коканд, а Бек-Кули-бек занял Аксу. В этом сражении с обоих сторон пало до 10.000 человек; в руки Бек-Кули-бека попало девять штук скорострельных орудий[2] (فلیمون ضامبوراق), полученных Якуб-беком еще от англичан. Отобранные орудия со снарядами погрузили на 15-20 арб; впоследствии, когда снаряды пришли к концу, орудия были брошены, как ненужные.

После выигранного у Мухаммед-Хаким-Хан-тюри сражения Бек-Кули-бек разбил Нияз-Хаким-бека, хотанского правителя, и затем направился на Яркенд.

После занятия Яркенда Бек-Кули-бек получил известие, что кашгарские китайцы, из вновь обращенных в мусульманство, в числе трех тысяч человек, отказавшись от новой веры, возвратились к старому „неверию“ (کافرلیککه) и подняли против него восстание. Укрепившись в кашгарском гульбаге,[3] китайцы вошли в сношение со своими аксуйскими единоверцами.

Взяв из бывшего казначейства своего отца сто тысяч золотых, Бек-Кули-бек вручил их маргеланскому торговцу Нар-Мухаммед-хаджи, оформив этот акт передачи по шариату в присутствии яркендского казия, и отправил его в Индию,[4] сам же, назначив правителем Яркенда Мухаммед-Юнус-дадхаха, выступил с войсками в Кашгар.

---

[1] Якуб-бек не был похоронен целый месяц. Н. Веселовский, стр. 102.

[2] فلیمون в передаче М. Мирзы; очевидно, русское „пулемет“, по тому времени, видимо, термин скорострельных орудий. Об орудиях у Якуб-бека см. Куропаткин. Кашгария, стр. 169 сл.

[3] О значении слова „гульбаг“: Григорьев, В. В. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари. Казань, 1861, стр. 105.

[4] Н. Веселовский, стр. 103, сообщает, что Бек-Кули-бек посылал в Индию агента с 30.000 тиллей за покупкой оружия, но потом, вернув последнего, взял деньги обратно.

После бесплодной сорокадневной осады гульбага с засевшими там китайцами, войска Бек-Кули-бека, выражая недовольство общим положением, стали понемногу разбегаться в кокандские пределы, а наступившие к этому времени холода окончательно расстроили осаду.

Услышав о ходе дел Бек-Кули-бека, яркендский правитель бежал с войсками в местность Сары-куль, где попал в руки Алаф-бека, [1] который связанным доставил его китайцам в Кашгар.

С этого времени восстание китайцев, принявшихся за избиение мусульман, приняло широкие размеры, и Бек-Кули-бек, не справившись с положением, бежал в Коканд.[2] Автор рукописи Мулла Мирза также вернулся на родину, где обзавелся семьей.

Из всего 60.000-го войска, состоявшего из кокандцев, бывших в распоряжении Якуб-бека, вернулось в Коканд всего до десяти (?) человек.

От казны и богатств Якуб-бека не осталось и следа, несмотря на то, что золота, серебра в слитках (ямбами), мехов разных и тканей было громадное количество. Точной цифры всех ценностей никому не было известно, так как никаких приходных или расходных книг не велось.

Известно только, что сам Якуб-бек тратил очень много денег на походы против китайцев и дунган во время борьбы с ними. При разграблении Курли по смерти Якуб-бека много ценностей было вывезено на арбах и Мухаммед-Хаким-Хан-тюрей, и сыном правителя, Хак-Кули-беком.

Подтверждением наличия громадных средств у Якуб-бека являлись щедрые выплаты им жалованья и наград своим соратникам. Например, крупные военные и гражданские чины, служившие Якуб-беку, получали жалованье натурой, при чем в переводе на деньги оно равнялось двум стам золотых в месяц, игиты—по сто золотых, не считая прочих наград, доходивших ежемесячно от ста до двухсот золотых.[3]

Якуб-бек правил народом сурово, сам разбирал и судил, с особенной твердостью и настойчивостью требуя исполнения всех постановлений шариата.[4] За нарушение закона он немилосердно карал казнью, не считаясь ни с положением, ни с родственными связями, ни с богатством нарушителей. Приговоренных к смертной казни передавал палачу, обыкновенно приговаривая: „Для примера плохим из войска и народа“. Точно также он говаривал, что „дурных не исправишь заключением или (телесным) наказанием, дурной от этого не станет лучше, природа тянет

---

[1] Алаф-Шах—сын Бабаш-бека, сары-кульского владельца. В. В. Григорьев, Восточн. или Кит. Турк. стр. 513.

[2] О судьбе Бек-Кули-бека см. А. А. Семенов, стр. LXVI.

[3] О щедрости Якуб-бека и его отношении к войску см. Р. Ша, стр. 53, 338.

[4] О порядках, заведенных Якуб-беком в Кашгаре, см. у В. В. Григорьева, стр. 516—17, Н. Веселовского, стр. 102 и Беллью, стр. 282 сл.

(на преступления) и, чтобы внести порядок в дела государства и народа, необходимо применять казнь по шариату“.

Вследствие установленного Якуб-беком способа правления в пятнадцати городах страны в течение пятнадцати лет (!) не было ни воровства, ни пьянства, ни азартных игр, ни боев перепелов и рябчиков (بیدانه بازلیك وكاكلیك بازلیك), а все женщины, ходившие до того времени по улицам с открытыми лицами, принуждены были по распоряжению Якуб-бека закрываться.

Якуб-бек чеканил монеты—первое время золотые с упоминанием на них имени Малля-Богадур-Хана, а потом—золотые и серебряные с именем бывшего турецкого султана Абдул-азиз-хана.[1]

---

[1] Срв. А. А. Семенов, стр. XLVI.

Н. П. Архангельский.

О преподавании истории в средне-азиатской школе.

(Попытка постановки вопроса.)

В течение 1926 г. на разных педагогических совещаниях в Москве и др. городах, также в педагогической печати неоднократно говорилось об истории в советской школе. Внимание к этому вопросу достаточно объясняется хотя бы результатами приемных испытаний в высшую школу в последние годы: на них постоянно обнаруживалась полная неосведомленность молодежи в основных фактах мировой истории до Октября. Один из руководителей Московского ГУС'а, проф. М. Н. Покровский, констатирует: „История и историзм сейчас у нас в школе II ступени не в авантаже обретаются“.[1] Он же вскрывает значение этого факта: „это, прежде всего, совершенно не марксистское положение вещей“,—и далее: „если даже исходить не из марксистской точки зрения, а прежде всего с точки зрения здравой педагогики, то вы неминуемо натолкнетесь на необходимость подкрепить курс обществоведения не коротенькими календарными справками, иногда превращающимися в комментарии к революционным праздникам, а серьезным, солидным историческим курсом“.

Угроза, которой подвергается все общественно-политическое воспитание в школе без увязки с историческими знаниями, очевидна. В порядок дня поставлен вопрос о характере этих знаний. Также очевидно, что до-революционный опыт преподавания истории не может быть использован нами: именно гимназическая „история“ в значительной мере виновница повального изгнания из советской школы почти всякого историзма. Поисками новой исторической программы и заняты сейчас видные обществоведы-методисты „центра“. Основная цель этих поисков—дать школе не „историю царей, министров и генералов“, а „историю рабочих и крестьян“ (выражения М. Н. Покровского).

Так как советская школа наших дней крепко сживается с краеведческим построением курсов, то естественно ждать появления ряда местных исторических программ. Как работник НКПроса РСФСР, М. Н. Покровский призывает московских обществоведов: „русская народ-

[1] „История и современность“, доклад на конференции московских обществоведов, напечатанный в журн. „На путях к новой школе“, 1926 г., № 10, стр. 95. Дальнейшие цитаты из Покровского отсюда же, стр. 95 и 100.

ная школа должна иметь историю русского рабочего и русского крестьянина, а не русского помещика и русского капиталиста" (курсив мой—Н. А.).

В цитированном уже докладе он предлагает свою схему построения курса русской истории, увязывая ее с западной. „Чрезвычайно соблазнительно"—говорит он—„русскую историю не брать отдельно, а взять ее параллельно, соответственно с явлениями в западно-европейской истории". Вероятно, схема М. Н. Покровского, с теми или иными изменениями, ляжет на ближайшие годы в основу исторических программ в школах РСФСР. Оценка схемы с этой точки зрения лежит вне личной компетенции пишущего эти строки и вне интересов настоящего сборника. Но влияние такого авторитета, как М. Н. Покровский, скажется, несомненно, на школе всех советских республик, в том числе средне-азиатских.

Рождается вопрос, в каких пределах схему М. Н. Покровского можно сочетать со средне-азиатскими краеведческими программами. В связи с этим приходится рассмотреть несколько проблем, касающихся преподавания истории в школах Средней Азии.

Прежде всего, каковы конечные цели преподавания истории в школе? Педагогическое мировоззрение наших дней, делающееся все более монистичным, должно свыкнуться с мыслью, что тот или иной запас исторических знаний у учащегося следует расценивать, как слагаемое в общей цепи воздействий, именуемой „общественно-политическим воспитанием".[1]

В своем конкретном содержании последнее в советских школах является, прежде всего, революционно-классовым. Подходя с такой точки зрения, М. Н. Покровский и производит выбор исторических тем для русской школы. К этому основному вопросу—об историческом материале для революционно-классового воспитания в средне-азиатской обстановке—мы вернемся ниже.

Туркестанская действительность повелительно выпячивает, кроме того, еще один момент общественно-политического воспитания: выработку подлинного и прочного интернационализма.[2] Если формально, в законодательстве, национальный вопрос разрешен самым радикальным образом, то быт еще далеко отстает в этой области от идеальных форм. Нужны напряженные общие усилия школы и внешкольных учреждений, чтобы традиционные представления и чувства изгладить в памяти на-

[1] Нормально должны существовать и другие звенья этой цепи: действенные переживания общественно-полезной или школьно-необходимой работы; эмоционально-насыщенные впечатления от литературы и искусства; изучение окружающей (современной) общественно-политической динамики.

[2] Разумеется, можно считать, что в понятии революционно-классового воспитания должны мыслиться и интернационализм и безрелигиозное воспитание; но в процессе обсуждения удобнее расчленить эти моменты.

родной так же основательно, как стерты недавние административные деления и буквы прежних законов. Самым радикальным средством была бы совместная работа в школе детей разных наций; так как это технически менее всего осуществимо, то особое значение приобретает ознакомление учащихся с культурой других народов. В этом освещении привлекает внимание определенный ряд тем всемирной истории: случаи культурного взаимодействия наций. (Известно, что идея международного обмена культурными ценностями особенно близка ученому, которому посвящен настоящий сборник.)

Из тем этого ряда, ассоциированных с средне-азиатскими историческими проблемами и в то же время могущих представить актуальный интерес для наших школ, укажем как пример: роль евреев, как культурных посредников между исламом эпохи расцвета, впитавшим античное культурное наследие, и возрождавшейся Европой; роль татар в новейшее время в культурной и революционной жизни Ср. Азии.[1]

Более отдаленная тема о влиянии китайцев на средне-азиатское земледелие и ремесла заслуживает, как примерная, внимания в несколько иной плоскости. Созданные в Европе исторические концепции обычно не свободны от своеобразного субъективизма. История европейских народов является в них осью изложения „всемирной" истории, и только иногда бледными тенями на горизонте мелькают величайшие события, участниками которых были жители других материков. Нечего говорить, насколько такая история должна быть чуждой всей идеологической атмосфере советского союза народов. В частности, в Ср. Азии, на стыке пресловутых „Запада" и „Востока", единство мирового человечества ощущается полнее. И если современное состояние исторических знаний не позволяет развернуть в школе действительно международную историю, то надо пользоваться всеми возможностями, чтобы предотвратить образование у учащихся искаженных представлений об общем ходе всемирного исторического процесса. Поэтому-то заслуживает внимания тема об исконной китайской технике; поэтому-то любопытно рассказать в школе о временах, когда европейские дикари были объектом эксплоатации азиатских факторий и из последних получали „блага цивилизации". (Вопрос о направлении потока культурного влияния между „Западом" и „Востоком" неоднократно освещался в трудах В. В. Бартольда.)

Там, где придется говорить о чужеземных вторжениях (напр. узбекском, русском), следует рассматривать вопрос, разумеется, не в плоскости национальной борьбы, а анализируя социальные пружины миграций. Разумеется также, что во всех темах этого ряда надо быть очень осторожным с понятием „нация", никогда не упуская существования классовых внутринациональных различий.

---

[1] В русской школе к последней теме некоторую параллель представляла бы роль южных славян в до-петровской Руси.

Основательную проработку понятия „нация“ вообще следовало бы включить в программу наших школ. В обывательском представлении до сих пор различия национальные прочно ассоциированы с расовыми, а изучаемая в школе биология (даже самая марксистская) может натолкнуть на „расовую гордость“. Между тем наука все больше дает доказательств условности наших представлений о расовых элементах разных наций. Для уяснения процесса образования нации необходимо проследить судьбу таких самостоятельных элементов, как язык, письменность, хозяйство (материальная культура), административно-политическое прошлое, религия. Умелый подбор фактического материала может дать, кроме основного вывода, вывода, так сказать, „воспитательного“—об условности национальных делений,—еще и богатый образовательный запас, положительно необходимый для понимания происходящих в наши дни национально-освободительных революций. Многие ли, напр., читатели газет связывают события в испанском Марокко и в оккупированной французами Сирии, как части одной волны—пробуждения арабского Востока? Все ли преподаватели географии знают, на каком языке говорят в Египте?

Хочется выделить еще третью группу исторических тем. Прочного безрелигиозного мировоззрения не может быть без понимания „эмбриологии религий“ (если позволительно так выразиться). Последняя богатый материал собрала при изучении того узла верований, который стянулся несколько столетий назад в прилегающих к Средней Азии странах. Педагогически ценно, что узел этот можно проследить и в наши дни по материальным остаткам (напр., на коллекциях Главного Ср.-Аз. Музея в Ташкенте). Если добавить, что революционно-классовые движения в Средней Азии в прошлом обычно причудливо переплетались с богоисканиями, и если учесть современную малоподатливую религиозную обстановку в стране, то нельзя не признать вполне законным более пристальное внимание к вопросам из истории религий.

Из конкретных тем представляются более ценными в школе: отражение различных социальных влияний в учении Мухаммеда; элементы маздеизма и шаманства (т. е. „языческие“ для ортодоксального мусульманина) в современном средне-азиатском исламе; для русских школ—связь христианского дуализма с зороастрийским.

Перечисленные три момента (воспитание революционно-классовое, интернациональное и безрелигиозное) не исчерпывают, однако, всего содержания общественно-политического воспитания. Необходима еще выработка у учащихся группы „ориентировочных рефлексов“, помогающих разобраться в сложном лабиринте советских, партийных, профессиональных и иных учреждений. В этом ряду для Средней Азии первое место занимает вопрос о новых национально-государственных образованиях и их районировании. Их многочисленность, ломающиеся на наших глазах границы административных делений, изменившаяся терминология национальностей—все это не может быть понято вне исторической перспек-

тивы. Впрочем, для этой цели достаточна суммарная тема: „Этнографическое прошлое Туркестана", с добавлением справки о постепенном поглощении Россией средне-азиатских областей (такая справка объяснит неуклюжее районирование бывшей Туркестанской Республики).

Возвращаемся к основному—о материале для „истории рабочих и крестьян", как базы революционно-классового воспитания. Наш тезис в этом вопросе: нормальным было бы дать историю классовой борьбы в Ср. Азии, связанную с мировой историей; но недостаток материала вынуждает на положение, которое с известным приближением можно назвать обратным: дать историю классовой борьбы в Европе с экскурсами в средне-азиатскую историю. Едва ли нужно оправдывать необходимость этой замены; она обусловлена и современным состоянием науки о прошлом Ср. Азии и полным отсутствием педагогической обработки накопившегося в этой науке материала.

Отказываясь временно от выдержанного краеведческого построения исторического курса, мы, в наших условиях, не погрешаем и против основ пропитанной краеведением современной школьной методики. Ведь школьное краеведение тем отличается от научного, что оно в местном ищет типичного, тогда как научное в местном интересуется именно его индивидуальными чертами.[1] Средне-азиатские же факты часто оказалось бы затруднительным освещать с точки зрения „типичностей" (напр., максимальное развитие дальних торговых операций в саманидскую эпоху, когда, в отличие от других времен, страна была перегорожена множеством мелковладельческих границ, не стертых суверенной империей). Кое-какие „типичности" вообще вряд ли найдутся в средне-азиатском архиве (напр. развитое „мануфактурное" производство). Трудности увеличатся, если, проводя последовательно педагогическую точку зрения, поставим вопрос о методах преподавания. Симпатии педагогов на стороне исследовательского метода, в применении к истории—по преимуществу лабораторно-исследовательского, при чем объектом исследования мыслятся „источники". Требования к „источнику", допустимому в школе, настолько сложны, что пока можно только мечтать об издании для учебных целей сколько-нибудь полной коллекции средне-азиатских, притом в нужном смысле типичных источников. Между тем, „поскольку мы ставим изучение исторического процесса на типичных и ярких примерах тех периодов и стран, где подлинно марксистское истолкование исторического комплекса явлений не вызывает

---

[1] Эта формулировка в своей сути повторяет слова ленинградского методиста А. Г. Ярошевского в книге: Обществоведение в школьной краеведческой работе, Лг. 1925 (стр. 19—20).

никаких научных споров, этим самым и подбор материала значительно облегчается".[1]

Итак, историю рабочих и крестьян Ср. Азии сделать осью школьной истории пока нельзя. Что же вместо этого положить в основу?

До сих пор мы говорили о туркестанской школе вообще, без учета национального деления. Теперь необходимы соответственные оговорки.

Русской школе в Средней Азии вряд ли следует сильно расходиться со своей сестрой в РСФСР: она должна дать учащимся историю русских рабочих и русских крестьян, связанную с западно-европейской историей. Но необходимо сократить общерусские программы, чтобы дать место вопросам средне-азиатской и мировой (точнее, в данном случае,—восточной) истории, о которых речь уже шла и будет итти ниже.

В школе „коренного" населения правильнее центр тяжести перенести на мировую (в широком смысле слова) историю, рассматривая из русской только моменты, имевшие значение и для Ср. Азии.[2] В этой школе надо еще больше потесниться с европейским матерьялом для средне-азиатских иллюстраций.

Здесь не место подробнее говорить о программах по русской и общей истории, и мы перейдем к вопросу о вылазках в средне-азиатское прошлое. Иллюстрирование курса явлениями классовой борьбы на местной почве должно иметь большое педагогическое значение, особенно в школе народов, еще не изживших родовые традиции. Именно у этих народов среди интеллигенции очень распространена идеализация патриархальных отношений между „верхом" и „низами" рода, отношений по существу кабальных. (Кстати, надо рассеивать представление о современном роде, как исключительно кровном союзе. Этнографические изыскания последних лет дали достаточно материала, опровергающего этот, казалось бы, бесспорный взгляд.)

При сегодняшнем состоянии литературы более или менее целостное изложение хода народных движений в Ср. Азии ограничится последним столетием или даже меньше. Историческая часть курса обществоведения здесь тесно сплетается с изучением современности. Подобрать материал в этих пределах не трудно.

Что касается экскурсов в более глубокое прошлое, то, не будучи ни в какой мере специалистом по истории Ср. Азии, я рискую только высказать несколько предположений.

---

[1] Слова ленинградского методиста А. Кудрявцева в статье: Лабораторно-исследовательский метод в обществоведении (стр. 93 в сборнике „Вопросы Педагогики" вып. I. Лг. 1926). Курсив мой—Н. А.

[2] В этому ряду хочется напомнить один момент: поворот царского правительства к активной переселенческой политике после аграрных бунтов 1905—1906 гг. в Европейской России (до 1905 г. переселение в Ср. Азию скорее „терпелось", не говоря об отдельных администраторах, вроде Гродекова).

Параллельно с изучением феодализма в его западных формах можно было бы дать картину окруженного глинобитными стенами дехканского „замка“—хутора на искусственном холме, с запрятанными в глиняные корчаги запасами продовольствия, доставленного руками крестьян. В некоторых городах (напр., Самарканде, Фергане, Ташкенте) следовало бы разработать экскурсии на окрестные остатки таких „замков“. Лучшие времена дехканства можно было бы осветить текстами из Н а р ш а х и.[1] Недостаток под рукой педагога ярких исторических „источников“, могущих завладеть вниманием учащихся, подсказывает вопрос о привлечении эпоса. Олитературенный осколок последнего—эпизод о Рустеме и Зорабе—имеется в русских переводах (историку следует пользоваться, конечно, не свободным текстом Жуковского, а переводом С. И. Соколова в Восточном Сборнике в честь Н. И. Веселовского). К сожалению, на средне-азиатском историческом материале видна будет только одна лицевая сторона медали: как хорошо жилось обитателям замков—дехканам...[2]

Город цехового ремесла тоже можно было бы иллюстрировать на средне-азиатской почве текстами Наршахи. Мыслится и экскурсионный подход: во-первых, экскурсии в живую современность, во-вторых, прогулки историко-топографического характера (по следам старых названий улиц, кварталов).[3] Случай столкновения цехового города с феодалом, рассказанный В. В. Б а р т о л ь д о м в статье „Народное движение в Самарканде летом 1365 года“ (З. В. О. XVII, 01-019) можно использовать и в школьном курсе при небольшой обработке приведенных у В. В. текстов. Как литературную иллюстрацию можно бы принести в класс одну—другую „рисоля“ (напр. из книги М. Ф. Г а в р и л о в а[4]).

Говоря о судьбах торговли и торгового капитала, следовало бы осветить возникновение древней средне-азиатской торговли на путях между двумя великими культурными бассейнами: средиземноморским и дальневосточным; захирение Ср. Азии в новое время связать с мореходством из Европы в Индию и Китай вокруг Африки и с открытием Америки; сравнить в заключение, прежнее направление товарообмена в Ср. Азии (между Западом-Востоком) и прежний товарный набор (преимущественно предметы роскоши) с современными. [5]

Еще интересная тема—народно-религиозные движения, как отдушина при высоком социальном давлении. Напр., при нашей совместной

---

[1] Мухаммед Н а р ш а х и. История Бухары. Перевел с перс. Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. Ташк. 1897.

[2] При объяснении эволюции словоупотребления (нынешний „дехкан“—социальный антипод древнего) в русских школах возможна параллель с эволюцией польско-украинской шляхты, превратившейся к XX веку местами (напр., в б. Черниговской губ.) в лапотных безграмотных землеробов с дворянскими фамилиями и паспортами. Литературная ассоциация к этому—„Однодворец Овсянников“ Тургенева.

[3] Ср. выше М а л л и ц к и й, Н. Г. Ташкентские махалля и мауза. Р е д.

[4] Рисоля сартовских ремесленников. Ташк. 1912.

[5] Ср. выше П а н к о в, А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией. Р е д.

работе над одной экскурсией в Главном Ср.-Азиатском Музее М. Е. Массон удачно предложил осветить экскурсантам дервишизм, как своеобразный протест низов против ортодоксального ислама богатых и знатных. Заманчиво было бы углубиться в еще более седую старину и нащупать социальные мотивы в вероисповедных революциях против государственных культов: в религиозном коммунизме Маздака, боровшегося в V в. с зороастризмом; в ряде движений против ислама и внутри его (см. напр., статью В. В. Бартольда: К истории крестьянских движений в Персии). [1] Однако, это мало осуществимо до издания учеными историками популярных очерков. [2]

Мы поставили ряд средне-азиатских вопросов для исторической части курса обществоведения. Еще не все эти вопросы облеклись у нас в форму конкретных тем; сделать это является самостоятельной задачей.

Другая, еще более ответственная,—распределить темы по курсу. Здесь позволено будет сказать лишь о принципах этого распределения. Во-первых, необходимо учесть наличие в школе трех концентров: 4-летки, [3] 7-летки, 9-летки; это факт, мало удобный для систематического курса, но факт; он понуждает к некоторой закругленности каждой из трех последовательных частей курса. Во-вторых, необходимо в подборе тем исторических увязаться с общим программным содержанием каждого класса. В-третьих, необходимо при выборе каждой темы и оценке осуществимых методических путей ее проработки отчетливо представлять психологические возможности данного возраста.

Нам кажется, что для первой ступени, где исторический материал дается на последнем году обучения, достаточно ограничиться темами: „Этнографическое прошлое Ср. Азии“ и „Недавнее политическое прошлое Ср. Азии“. Первая тема может быть разделена на подтемы так, что исторические справки окажутся вкрапленными в сведения о современном населении разных хозяйственных районов (существующая программа УзНаркомпроса для I ступени годовое содержание IV класса формулирует: „Народное хозяйство УзССР, как части СССР“ и предлагает сначала суммарное деление Ср. Азии: равнины, орошенные земли, горы). Вторая тема схематично охватит время с кануна русского завоевания и подведет к национально-государственному размежеванию, мало понятному без проработки первой темы.[4]

В итоге семилетки учащиеся должны: во-первых, в общих чертах знать о смене языков, религий, государственных образований на терри-

---

[1] „Из далекого и близкого прошлого“—Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. П. 1923, стр. 54—62.

[2] Для движения Моканны текст Наршахи, как односторонний, использовать можно лишь с большой осторожностью.

[3] В УзССР 5-летки (включая азбучную группу).

[4] Кроме этого, в I ступени даются и другие исторические сведения, не узко-средне-азиатского масштаба, напр., как жилось рабочим и крестьянам при царе.

тории Средней Азии; во-вторых, ясно понимать происхождение и эволюцию форм хозяйственной деятельности человека на ее территории, как результат местных физико-географических условий с одной стороны, и воздействия окружающих стран с другой;[1] в-третьих, знать основные этапы классовой борьбы средне-азиатских рабочих и крестьян на международном фоне.

Во втором концентре девятилетки могла бы быть более обстоятельно проработана экономическая, политическая и культурная история Ср. Азии за последние 100 лет, при чем в школах с уклонами легко сделать соответствующее ударение: напр., при педагогическом уклоне усилить внимание фактам культурной истории,[2] при сельско-хозяйственном—налечь на экономическую историю[3] и т. п.

Два послесловия.

1. Тему этой статьи должен был бы разработать практически занимающийся школьным обществоведением педагог с востоковедным образованием. Так как таких людей или нет или они молчат, а давно пора кому-то начать, то рискнул отдать себя „на растерзание" я—человек, работающий преимущественно над общей организацией школьного дела и несколько ориентированный в прошлом Средней Азии лишь потому, что это—моя родная страна.[4]

2. Всякий проект программы следовало бы снабдить указателем литературы для преподавателя. В средне-азиатских условиях дело обстоит иначе: необходимо сначала остановиться на какой-то программе (пусть реально не осуществимой в сегодняшней обстановке) хотя бы для того, чтобы вызвать к жизни литературу для проведения этой программы. О характере такой литературы уместнее говорить после того или иного решения вопроса о самой программе.

---

[1] В первой ступени эта же тема берется без исторического подхода.

[2] Интересно сопоставить историю и обстановку возникновения сословных школ в России (духовная семинария, кадетский корпус, коммерческое училище) со средне-азиатскими фактами, обнаруживающими ту же закономерность: раннее зарождение духовной школы; открытие кадетского корпуса (и пары к нему—женского института) в Афганистане в момент перехода от феодальной военной организации к современной армии; усиленный интерес к бывшим русско-туземным школам со стороны буржуазии, являвшейся также базою „джадидизма" и борьбы последнего за национальный новометодный мактаб.

[3] Напр., на историю ирригации и земледельческой колонизации.

[4] Однажды был дан проект программы по истории для туркестанских школ; принадлежал он компетентному педагогу-ориенталисту и для своего времени заслуживал серьезного внимания. Нам он кажется преувеличенным в „древней" части. (Зимин, Л. Изучение Туркестанского края в связи с школьным вопросом. „Туркестанский учитель", Ташк. 1917 г. № 1-2, стр. 39.)

Археология.

„Тщательное изучение культуры былых времен и бережная охрана памятников этой культуры остается одним из основных признаков культурного государства.“

(В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии Наук за 1914 год, стр. 460.)

В. Д. Городецкий.

Остатки древнего поселения к югу от г. Алматы (бывш. Верный).

В исторической литературе имеются очень скудные сведения о том, что около теперешнего г. Алматы (Верный) еще в XIV веке существовало поселение Алматы, у которого в 1508 г. произошла битва между владетелем Аксу Мансур-ханом и его братьями Сеидом и Халилем, бывшим в это время султаном киргиз.[1]

Где находилось это поселение, точных указаний не было, но исходя из того, что остатки древних поселений (у рек Талгар, Б. Алматинка, Аксай) расположены в непосредственной близости к выходам горных ущелий на равнины, искать древний Алматы следовало в аналогичном месте на р. М. Алматинке. Бывая несколько раз летом 1922 г. в районе Весновки, к ю. от г. Алматы, я уже тогда обратил внимание на остатки фундаментов из речных валунов в форме квадратов. Неровный же характер местности, напоминающий места старинных поселений, и длинные земляные насыпи еще более усиливали предположение, что это и есть место старого поселения Алматы. К более подробному обследованию этих остатков я приступил лишь весною 1924 г., конец же исследования пришлось выполнить лишь осенью этого же года, сделав не только описание остатков, но и глазомерную съемку мельничных насыпей, встреченных здесь в большом количестве.

Из того, что мне удалось добыть в результате работ на этих остатках поселения, можно сделать следующие выводы.

На старых речных выносах р. М. Алматинки, сейчас же при выходе ее из ущелья, было расположено древнее поселение, занимавшее собою все долинное пространство перед ущельем и запиравшее его таким образом со стороны степи. Этот вывод получается из сопоставления разбросанности остатков поселения с теми находками предметов культуры, какие были сделаны до сего времени, и о которых будет сказано ниже.

Наибольшей заселенностью отличалась часть поселения, расположенная ближе к руслу р. Весновки, а не к М. Алматинке. Это обстоятельство, очевидно, находится в прямой зависимости от того, что в то время р. Алматинка текла по современному руслу р. Весновки.

---

[1] Бартольд, В. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченской области на 1898 г. часть II, стр. 147 и 157.

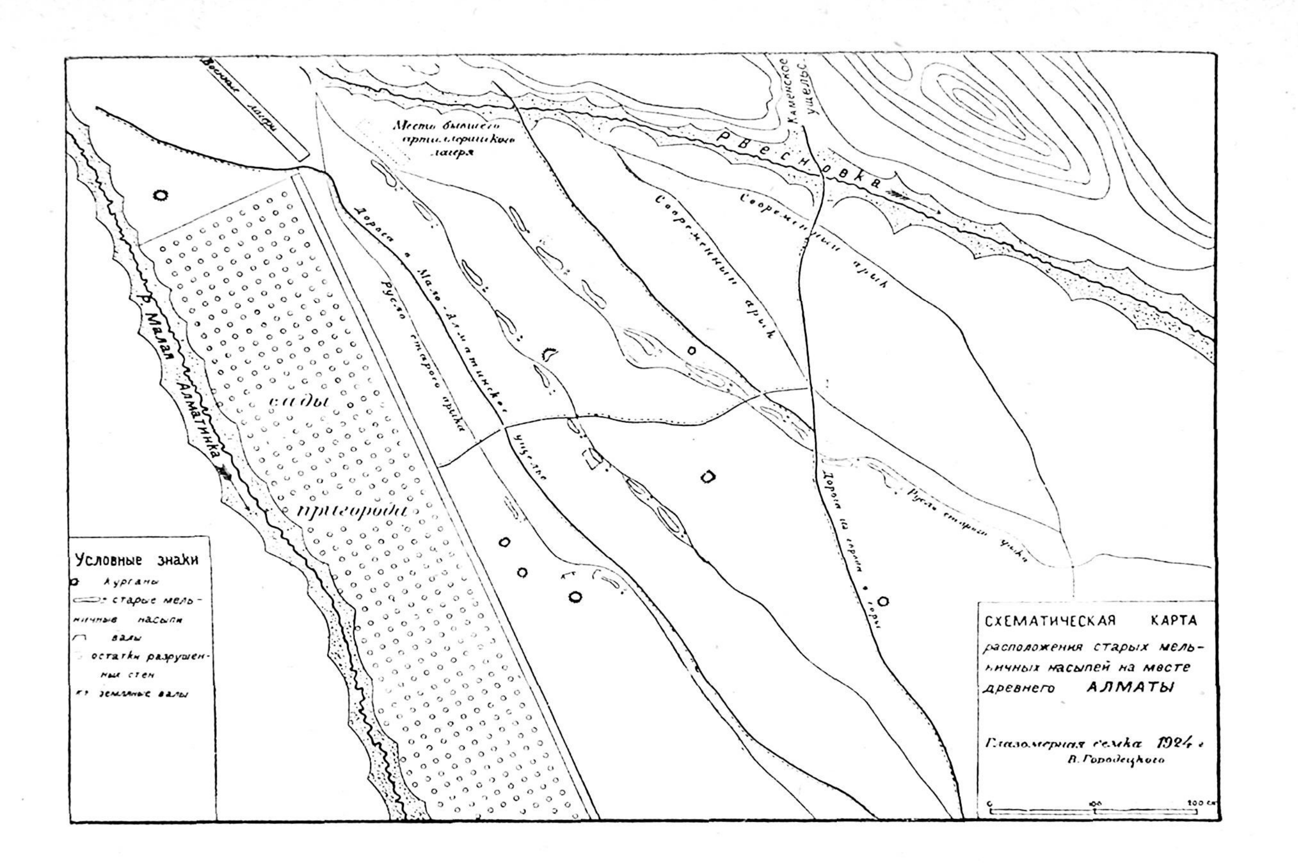
В 1916 г. летом я производил обследование этого района, с целью сбора материала для геологических экскурсий с учащимися. При этом обследовании я нашел, что поворот р. Алматинки в восточное русло произошел очень давно и именно у северного склона Крестовой горы. Старое русло (западное) можно было проследить всюду. Оно сохранилось в области ущелья в виде лога и в непосредственной близости к северным склонам гор.

Местами оно было покрыто лиственными насаждениями в виде естественных рощ, кустарниками и травянистым покровом. Часть же русла была завалена оползнями 1887 г., спустившимися с северного склона Крестовой горы и гор соседних с нею. Кроме этих оползней, как удалось установить благодаря катастрофе 1921 года, были оползни более древние, быть может и послужившие причиной поворота реки в русло современной р. Алматинки. Во всяком случае русло р. Весновки до катастрофы 1921 г. в районе древнего поселения не носило характера обычных новых русел. Оно представляло неглубокий, довольно широкий лог, весь покрытый дерновым слоем, сквозь который местами выглядывали крупные речные валуны. По общему виду оно вполне гармонировало с остальною местностью и лишь форма углубления и речные валуны свидетельствовали, что перед нами русло, давно покинутое рекой.

То, что во время существования древнего поселения Алматы река из ущелья шла по руслу нынешней р. Весновки, можно вывести из того, что на территории развалин имеются два небольших ложка, представляющие собой русла старых арыков, по бокам которых в виде цепочки и тянутся мельничные насыпи. Если проследить за направлением этих ложков, то оказывается, что оно ведет к берегу современной Весновки, в западную часть находящихся здесь бывших военных лагерей. Это показывает, что мельничные арыки старого Алматы питались водой из реки, бывшей на месте нынешней Весновки.

Из всех развалин старого Алматы больше всего останавливают внимание мельничные насыпи. Их зарегистрировано 21 (см. схемат. карту). Располагаются они по двум главным мельничным арыкам, которые по выходе из ущелья текли с ю.-в. на с.-з. недалеко один от другого. На южном мельничном арыке находится 9 земляных насыпей, на северном их 10. Десятая насыпь найдена далеко от девятой (считая от лагерей), а именно в расстоянии 750 метр. по течению арыка на с.-з. Такое положение мельницы является исключительным, так как все остальные мельницы были скучены и находились одна от другой на расстоянии от 80 до 160 метров. Наконец, к востоку от 9-ой мельничной насыпи северной цепи находятся еще две земляные насыпи старых мельниц и следы русла небольшого арыка.

Мельничные насыпи представляют собой земляные валы, начинающиеся одним концом от русла арыка желобообразным углублением, перехо-

Место бывшего
артиллерийского
лагеря
Р Весновка
Каменское
ущелье
Современный арык
Современный арык
Русло старого арыка
Р. Малая Алматинка
сады
пригороды
Условные знаки
курганы
старые мель-
ничные насыпи
валы
остатки разрушен-
ных стен
земляные валы
СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
расположения старых мель-
ничных насыпей на месте
древнего АЛМАТЫ
Глазомерная семка 1924 г
В. Городецкого
0
100
200 см

дящим на гребень насыпи, которая по мере падения рельефа местности становится все выше и выше, сохраняя гребень почти по горизонтали, лишь со слабым уклоном, необходимым для стока воды. Северный конец каждой насыпи оканчивается обрывом, высотой от 2 до 4 метров. Длина этих насыпей тоже различна и колеблется в пределах от 35 до 70 метров, в зависимости от рельефа. Чаще всего попадаются насыпи длиной в 50 метров. Форма их тоже различна — то они вытянуты прямо, то изогнуты в зависимости от рельефа местности. Желоб по гребню насыпей то отчетливо сохранился, то почти совершенно уничтожен. В последних случаях гребень имеет форму узкой длинной площадки. Вода на эти насыпи попадала из находившегося рядом арыка, следы которого сохранились очень отчетливо. Так как мельничные насыпи начинаются желобом на уровне арыка, то было достаточно простой запруды для пропуска воды на мельницу.

В некоторых случаях констатировано, что для отвода воды с насыпи, очевидно, без нарушения запруды в голове мельничного канала, были устроены особые водосбросы. Их пришлось отметить два. Один у самой верхней насыпи южного арыка, другой на 4-й насыпи северного арыка. Оба они представляют собой земляные желоба, хорошо выложенные камнями, шир. 3,5 метр. и глубиной 50 см. Первый сделан у начала насыпи, второй ближе к середине. У нижнего конца каждой насыпи имеются два продолговатых бугра, длиной в 6—8 метр., одним концом упирающиеся в основную насыпь. Между ними всегда желобообразное углубление для прохода воды, которая сюда с насыпи попадала, очевидно, по деревянному желобу, так как каменных желобов нигде не удалось найти.

Что это были насыпи для поднятия воды на мельницы, в этом не было никакого сомнения; но какие это были мельницы—разрешить здесь не удалось, так как не было найдено ни одного жернова.

Несмотря на эту неудачу, вопрос этот удалось разрешить в другом месте. В сентябре (20) этого же года мною была предпринята поездка к ущелью р. Б. Алматинки для выяснения находки камня с надписью. Камень оказался в кузнице Крюкова, недалеко же от его маслобойного завода. Когда Крюков заявил, что им при устройстве завода найден в земле жернов, то я произвел осмотр завода и жернова. Как оказалось, для подъема воды на маслобойный завод Крюков использовал старую мельничную насыпь, слегка приподняв и продолжив ее для увеличения падения воды. Строение завода поставлено так, как очевидно стояли и прежние мельницы, т.-е. с опорой на боковые продолговатые насыпи. Вода по желобу с насыпи шла под здание в то углубление между боковыми возвышениями, которое констатировано у каждой насыпи. Жернов найден не целым, а лишь половина его — расколот по диаметру. Он оказался и меньше и легче современных жерновов, вытесываемых из гранита, в форме цилиндра.

Для вращения верхнего жернова, каковым оказался найденный, в него вкладывается жабка, т.-е. железная пластинка, концами вставляющаяся в высеченные углубления жернова, в квадратное же отверстие в середине жабки вставлялась вращающаяся ось турбины. Жабка у найденного жернова, судя по выемкам в нем, была в виде креста, тогда как у современных мельниц она в виде пластины.

Нижнего жернова я не видел, так как вымытые водой куски его Крюков не разыскал. Как удалось узнать позднее, в Талгаре у старой крепости был найден нижний жернов. Видеть его мне тоже не удалось, так как оказалось, что из коммуны „Большевик" рабочие его увезли на кожевенный завод, где он был разбит на четыре части. Судя по описанию, данному лицами видевшими его, он приблизительно таких же размеров, как и найденный верхний жернов. От современных нижних жерновов он отличается конусообразным возвышением вокруг центрального отверстия. Сквозь это отверстие проходит вращающаяся ось турбинки. Современные жернова без конусообразного возвышения—гладкие, центральное отверстие их заделывается деревянной пробкой, сквозь которую и проходит ось турбинки.

Таким обраазом надо думать, что положение древних мельниц у концов земляных насыпей соответствовало положению современных небольших мельниц, т.-е. они ставились с опорой на боковые валики у главной насыпи. Приводились в движение жернова, повидимому, турбинкой, так как колесная система требовала иного расположения мельницы у конца насыпи, что не подтверждается имеющимися в наличности остатками валиков. Наконец, остается сказать, что мельницы были, повидимому, однопоставные и более маломощные, чем современные такого же типа. Это устанавливается наличием малого сечения мельничного арыка и более легким жерновом.

В том же районе, на берегу р. Весновки найдена каменная плоская гиря, к сожалению, с отбитым нижним краем, почему вес ее определить не представляется возможным. Надо полагать, что такие гири служили для взвешивания, очевидно, и на мельницах. Точно такая же гиря найдена в 1903 г. в воде на берегу оз. Иссык-куля на ур. Кой-сара. Гиря целая,вес ее—20 фунтов. Хранится она в Джетысуйском Губернском Музее.

Общее обследование остатков поселения показало, что жилые строения были сгруппированы, главным образом, между двумя мельничными арыками. Много следов от построек встречается между южным мельничным арыком и рекой Весновкой и значительно меньше их на пространстве между северным арыком и современной рекой М. Алматинкой. Впрочем, это последнее пространство подвергалось наибольшему влиянию местного населения и очень возможно, что следы поселения просто уничтожены, на что указывают случайные находки глиняной посуды.

Следы от строений в главной массе представляются в виде четыреугольных валиков разных размеров (наибольшие 15×25 метров), иногда

находящихся между собою в непосредственном соседстве. Есть четыреугольники из вала с квадратурой в 40×18 метр., что вернее счесть за остатки дворов. Внутри таких четыреугольных валиков имеются впадины и возвышения. Высота валиков ничтожна и не превосходит одного метра. Лишь между 9-й мельничной насыпью северной ветви и 6-й южной ветви имеется квадратный курган, более высокий, нежели все остальные остатки. Если это не изуродованный обычный круглый курган, то он может быть остатками какой-нибудь башни. Местами, где через развалины проходит дорога, земляные насыпи сбиты, и тогда выступает каменный фундамент из речных валунов.

Интересно отметить, что жженого кирпича мне не удалось встретить. У 6-й мельничной насыпи южной цепи, западнее ее обрыва, на рядом лежащем камне высечено круглое углубление около 15 см. диаметра.

Общую площадь, занятую под бывшее поселение, можно принять около 1,5 кв. кил. Таким образом это поселение, очевидно, представляло из себя небольшой земледельческий поселок, возделываемые поля которого находились к северу от него, на что указывают многочисленные мелкие арыки и планировка места под посевы в виде небольших пологих уступов с валиками по краю.

Из археологических находок разного времени в окрестностях рассматриваемого нами поселения необходимо отметить, кроме упомянутой каменной плоской гири: каменную ступку с пестиком, два конических сосуда высотой около 70 см., осколки больших глиняных корчаг, медные и бронзовые ножи (3 шт.), медные наконечники стрел, бронзовую восточную вазочку, джагатайские серебряные монеты XIII и XIV веков, медную илекскую Кадер-хакана монету (начало XIII в.), медный брусок, медные удила и проч.

На этой же территории встречаются и курганы. Их немного. Тип обычный. Высотой от 1,5 до 3 метр. Южнее и севернее военного лазарета курганы вытянуты в цепочку. В северной цепи их 5 шт. и в южной 7. Одиночный курган южнее кирпичного завода срыт наполовину.

П. П. Иванов.

К вопросу об исторической топографии старого Сайрама.

Сайрам—средневековый Исфиджаб—один из тех многочисленных населенных пунктов Средней Азии, на прошлом которых еще не останавливалось серьезное внимание историков. Объясняется это, с одной стороны, тем, что не все еще имеющиеся письменные источники в достаточной мере полно исследованы, а с другой—тем обстоятельством, что Сайрам расположен в стороне от современных проезжих путей, вследствие чего сохранившиеся здесь памятники старины являются мало доступными для большинства исследователей и продолжают оставаться почти не изученными. [1]

Немногие и крайне отрывочные исторические свидетельства о прошлом Сайрама, которыми мы в настоящее время располагаем, позволяют судить о том, что названный город [2] более чем за тысячелетний исторический период своего существования имел не только крупное торговое значение, но и играл роль одного из важнейших стратегических пунктов Средней Азии, благодаря своему расположению между кочевой степью и северо-восточной окраиной района постоянной оседлости. [3]

В связи с последним условием прошлое Сайрама было крайне тревожно, так как город подвергался частым набегам и неоднократно разрушался. Повидимому, этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в современном Сайраме не сохранилось такого большого количества памятников прошлого, как это имеет место в некоторых других средне-азиатских городах.

Говорить вообще об отсутствии в Сайраме памятников прошлого, однако, было бы преждевременно, так как здесь никогда не производилось соответствующего систематического обследования или раскопок,

---

[1] Имеющиеся крайне незначительные исторические сведения о Сайраме, так же как и некоторые новые материалы о его исторических памятниках, сжато изложены в моей статье: Сайрам. Историко-археологический очерк. Сборн. Турк. Восточн. Института в честь А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923 г. стр. 46—56.

[2] В настоящее время большое селение в 12 вер. от г. Чимкента.

[3] Ко времени русского завоевания Сайрам уступил свое стратегическое значение соседнему Чимкенту, а взятию последнего, как известно, ген. Черняев придавал чрезвычайно большое значение, называя этот город „ключем к Ташкенту".

хотя бы пробных, и имеющимися сведениями о памятниках Сайрама мы обязаны исключительно случайности.

Не повторяя того, что говорилось о Сайраме в предыдущей статье, автор имеет в виду в настоящей заметке несколько уточнить описание имеющейся в центре селения старой цитадели (приложив также ее план) и дать сжатое описание неизвестных до настоящего времени в археологической литературе развалин средневековых стен, расположенных вокруг современного селения.

Следы последнего рода укреплений в настоящее время уже не производят сколько-нибудь внушительного впечатления и часто даже остаются незамеченными при поверхностном осмотре. Исчезновение их можно в значительной степени объяснить, помимо общей разрушительной работы времени, также стремлением окрестного населения использовать материал, из которого возведены старые сооружения (кирпич или глина—безразлично), для своих хозяйственных надобностей.

Разумеется, оба отмеченных фактора, способствующие исчезновению старых памятников (особенно, если они не окружены ореолом святости), действуют повсеместно, но здесь, в Сайраме, где на небольшой сравнительно площади сосредоточена огромная масса населения и где каждый клочек земли ценится высоко, они должны были сказаться особенно заметно.

Как уже отмечалось выше, имеющиеся в нашем распоряжении данные о состоянии сайрамских укреплений в прошлом, так же, как данные об истории этого города вообще, крайне недостаточны и далеко не всегда могут служить даже ориентировочным материалом при изучении современных остатков старых сооружений.

Первыми по времени положительными данными об укреплениях Сайрама (тогда Исфиджаба) являются, насколько известно, те немногие сведения, которые сообщаются арабскими географами IX—X в. в. Согласно их описанию, город в то время разделялся на ц и т а д е л ь (по персидски диз), ш а х р и с т а н (собств. город) и р а б а д (предместье), при чем ц и т а д е л ь уже в X в. лежала в развалинах. Ш а х р и с т а н, так же как и р а б а д, был окружен стеною, имел 4 ворот [1] и включал в себя главнейшие учреждения и базары. Длина стен р а б а д а равнялась одному фарсаху (6—7 верст) в окружности. Кроме того, сообщается, что один из представителей династии саманидов, Нух б. Асад, в 840 г. окружил город стеной, которая охватывала не только р а б а д, но и прилегающие к нему возделываемые земли в окрестностях города с целью предохранить население последнего от набегов кочевников. Таким образом, сведения арабских географов слишком недостаточны для того, чтобы составить себе представление о плане и размерах Сарайма и его укреплений в IX—X в. в.

---

[1] Их названия следующие: Нуджкетские, Ферханские, Шакранские и Бухарские (Б а р т о л ь д, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Спб. 1900, стр. 177).

Более поздние сведения о Сайраме, как это ни казалось бы странным, еще менее подробны и более отрывочны, чем вышеприведенные, и совершенно не дают возможности сколько-нибудь связно проследить хотя бы чисто внешнюю сторону истории города. [1]

Вышеизложенное может дать нам некоторое представление о тех трудностях, с которыми связано изучение прошлого Сайрама: здесь нет в распоряжении исследователя достаточного количества письменного исторического материала, так же как нет достаточного количества памятников, которые могли бы помочь восстановить ряд неясных моментов истории города.

***

Побывав за период с 1924 г. по 1926 г. три раза в Сайраме, [2] я из расспросов местных жителей узнал, что здесь, помимо известной мне цитадели, имеются остатки каких-то древних валов, разбросанные в различных местах окрестностей селения. [3] Время возведения указанных укреплений жителям Сайрама совершенно не известно и относится ими к глубокой древности. Разрушены стены, по рассказам жителей, калмыками, [4] после чего больше никем не восстанавливались.

Необходимо оговориться, что предлагаемое ниже описание окружающих современный Сайрам старинных стен не является исчерпывающим, так как пишущему эти строки совершенно не удалось ознакомиться с той их частью, которая расположена на север от современного селения. Осмотренные части стен изучены в отдельных местах весьма недостаточно, и направление их в отдельных пунктах не определено с необходимой точностью. По этой причине автор не решился нанести на прилагаемую карту на с. и с.-в. от Сайрама ничего другого, кроме двух пунктов, с несомненностью указывающих на факт существования здесь когда-то укреплений. Необходимо пояснить также, что помеченное на карте направление стен, помимо того, что оно недостаточно точно ориентировано, является в значительной своей части предположительным, так как остатки валов сохранились в настоящее время лишь в немногих местах, и направление стен на отдельных участках поэтому приходилось восстанавливать, главным образом, по расспросам жителей и отчасти руководствуясь топографией местности.

***

Направившись летом 1924 г. в указанном мне направлении на восток от кишлака по одной из дорог в селение Егорьевское и перейдя

---

[1] См. об этом указанную выше сводку автора.

[2] В общей сложности не более десяти дней.

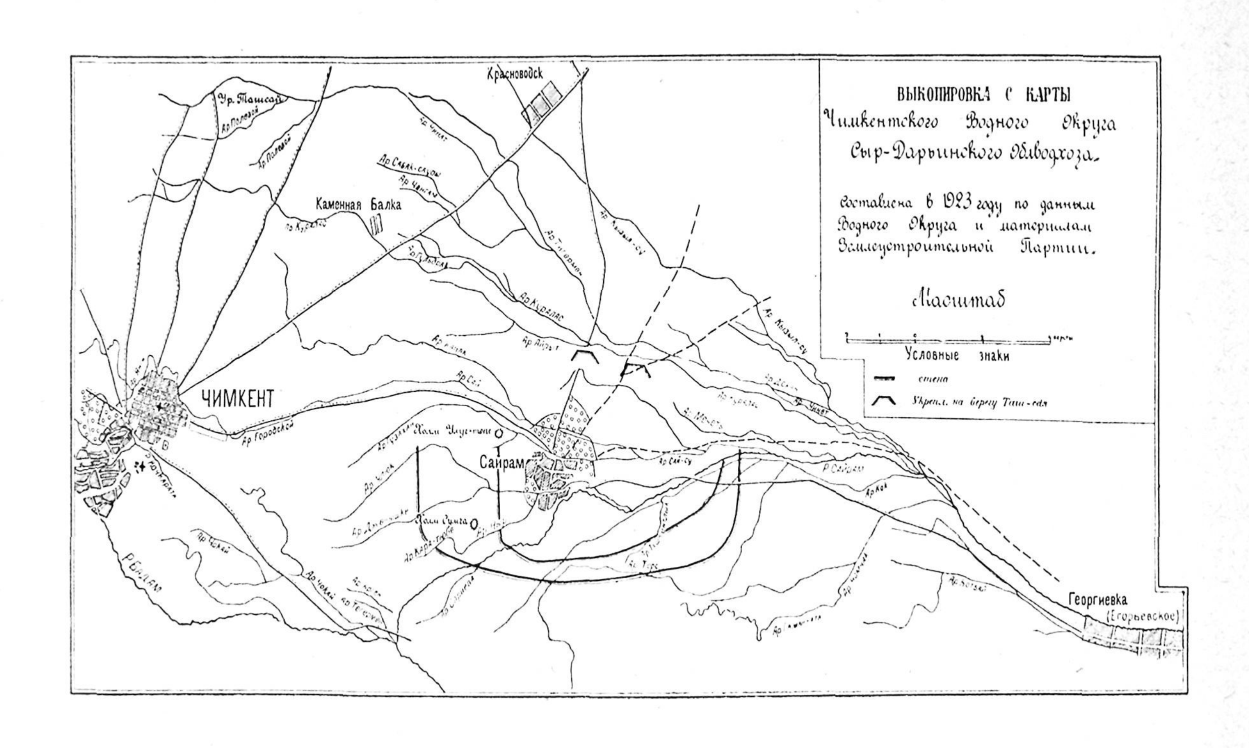
[3] Валы эти местное население называет словом „ул", а не „дувал" или „пахса", как в других местах Средней Азии. Значение слова „ул" мне вообще незнакомо. В известных мне восточных словарях, в том числе у Будагова и Радлова, оно не встречается.

[4] Т.-е., следовательно, в период между 1681 и 1723 гг.

реку Сайрам-су (летом почти безводную), я действительно нашел верстах в четырех от центра селения остатки двух параллельно идущих мощных земляных валов, расположенных на расстоянии около 300 саж. один от другого. Остатки наружного вала тянутся с с. на ю., примерно, на расстоянии двух верст, подходя на с. к левому берегу Сайрам-су и доходя на ю. до ближайшей гряды холмов. Ширина вала в основании от 3 до 6 аршин при наибольшей высоте до $2^{1}/_{2}$ аршин. Каких либо признаков кирпичной кладки или остатков кирпича около наружного вала в настоящее время не заметно. Остатков рва ни по ту, ни по другую сторону вала также заметить не удалось. По обе стороны стены простирается ровная гладкая степь, без каких либо признаков пребывания здесь человека. В стороне, по направлению к кишлаку, видны остатки старых арыков, тогда как с наружной стороны их совершенно не заметно.

Следы внутреннего вала тянутся на значительно меньшем расстоянии (сажен на 400), но развалины их в некоторых местах более значительны, чем остатки наружной стены. Наибольшими размерами отличается та часть стены, которая примыкает к дороге справа, при выезде из селения. Здесь ширина стены в основании достигает 4-5 саж., а высота доходит аршин до 5. О размерах стены в этом месте можно судить по тому, что на гребне и склонах ее поместилось небольшое современное кладбище. Дальше на юг вал постепенно суживается и понижается до 1-2 аршин и, наконец, совсем исчезает, уступая место ровным возделанным полям и древесным насаждениям. Влево от дороги (на север) следы вала можно было с некоторым трудом установить в 1924 г., но в 1926 г. на месте их оказался выстроенным дом с различными относящимися к нему постройками и сооружениями, вследствие чего все остатки старой стены навсегда в этом месте исчезли. Еще далее на север, по направлению к реке Сайрам местность представляется сильно изрезанной какими-то старыми рвами и возвышенностями, среди которых следы стен различить мне не удалось. Не располагая, к сожалению, средствами передвижения, я не имел возможности убедиться, имеются ли остатки валов по ту сторону Сайрам-су, по направлению к Таш-саю (по середине его течет обозначенный на карте арык Куралас), но судя по обилию находящихся здесь садов, встретить остатки стен в настоящее время в этом месте едва ли вообще удастся.

Задавшись целью исследовать протяжение внутренней стены в ю.-з. направлении, я прошел версты две по расположенным в этой стороне садам, но не найдя здесь никаких ее следов, свернул в кишлак. На следующий день из расспросов жителей выяснилось, что на пройденном мною пространстве следов вала в настоящее время уже нет, но несколько западнее, в местности за бойней и скотным базаром (Етты-тепе) остатки вала снова появляются и, захватывая часть возвышенностей с юга, с некоторым промежутком тянутся до холма Кара-тепе и Сумча, находящихся верстах в 4 от центра селения к ю.-з.

ВЫКОПИРОВКА С КАРТЫ
Чимкентского Водного Округа
Сыр-Дарьинского Облводхоза.
Составлена в 1923 году по данным
Водного Округа и материалам
Землеустроительной Партии.
Масштаб
Условные знаки
стена
Укрепл. на берегу Таш-сая
Красноводск
Ур. Ташсай
Ар. Полевой
Ар. Сабак-сай
Каменная Балка
Ар. Куралас
Ар. Кызыл-су
ЧИМКЕНТ
Ар. Городской
Сайрам
Р. Сайрам
Ар. Сай-су
Ар. Торе
Р. Бадам
Ар. Чокай
Георгиевка
(Егорьевское)

В этом месте, по словам жителей, имеются следы двух параллельных стен, между которыми расположен холм Сумча (Чумча, Шумча). [1] Валы находятся один от другого, приблизительно, на таком же расстоянии, как и на описанном выше участке, около дороги в сел. Егорьевское. Побывать в этом месте мне не удалось. Лишь проездом осматривая местность и не имея возможности внимательно ознакомиться с топографическими условиями, я пришел к заключению, что в районе холма Сумча взаимное расположение стен меняется: внутренняя стена почти под прямым углом поворачивает на север, и следы ее в нескольких местах обнаруживаются вплоть до холма Улуг-тепе, [2] расположенного в садах на зап. окраине селения и, повидимому, продолжались отсюда дальше на север, может быть, доходя до Таш-сая. Что касается наружного вала, то он от холма Сумча продолжается прямо на запад и, пройдя в этом направлении версты 2, также сворачивает на север и пересекает почти под прямым углом дорогу, идущую на Чимкент (на карте не показана), на расстоянии 4-5 верст на запад от Сайрама. Отсюда видно продолжение вала на с.-в., также по направлению к Таш-саю (см. карту). Здесь вал отчетливо виден по обе стороны дороги на расстоянии, приблизительно, около версты. Толщина вала в основании от 5 до 8 сажен, при высоте до 3 арш. Следов рва также не заметно. Изредка встречаются черепки битой посуды и кусочки желтой обожженной глины, похожие на осколки кирпича. По южную сторону дороги вал, пройдя сажен 10—15, поднимается на гребень узкого, идущего прямо на юг холма, имеющего в высоту до 10 аршин и сажен до 10 в ширину. Характерной особенностью этого холма является протяжение его почти по прямой линии, а также наличие определенной ширины (саж. до 5) и довольно глубокой лощины (сая), напоминающей как бы полуобвалившийся ров, отделявший эту громадную стену—холм от прилегающих с запада естественных возвышенностей.

Является ли отмечаемая здесь топографическая особенность этой гряды результатом приспособления ее человеком для усиления с этой стороны укрепления—сказать затруднительно, но что она могла быть использована, и притом на довольно значительном своем протяжении, для проложения по гребню ее стены—это несомненно. Подтверждением этого может служить также и то обстоятельство, что описываемая гряда, имеющая своим продолжением на север и с.-в. отчетливо выделяющиеся по обе стороны дороги валы (так же, как и в других осмотренных мною местах), лежит на грани ровной, легко поддающейся

---

[1] По старому преданию, сообщенному мне сайрамцем Хамидом Сагнаевым, на холме Сумча стоял дворец калмыкского хана. Фундамент дворца, по словам рассказчика, виден и в настоящее время.

[2] Под этим названием известно в Сайраме большое насыпное возвышение, до 3-4 саж. высотой, представляющее собою, возможно, остатки большой башни, в которую упиралась описываемая стена.

орошению местности (с востока) и холмистого, непригодного к обработке пространства (с западной стороны).

При взгляде на прилагаемую к настоящему описанию карту видно, что следы старых стен вокруг современного Сайрама обнаруживаются на довольно значительном пространстве его окрестностей, за исключением северной и, отчасти, северо-восточной стороны, где находится лощина Таш-сай, чрезвычайно сильно напоминающая сухое русло бывшей здесь когда-то реки. [1]

Мои расспросы летом 1924—1925 гг. о том, не видел ли кто либо следов стен с северной стороны (т.-е. со стороны Таш-сая), не привели к положительным результатам. Некоторые из спрашиваемых стариков утверждали, что с той стороны стен вовсе не было, так как раньше по Таш-саю текла река, крутые берега которой защищали город с северной стороны. Один из туземцев при этом заявил, что самое слово Исфиджаб (назв. Сайрама до XIII века) на языке народа „Сурьен" обозначает: „между двух рек", под каковыми следует, по словам рассказчика, разуметь протекавшую по Таш-саю реку Тувалак—с одной стороны и реку Сайрам-су—с другой.

Возобновив свои расспросы летом 1926 года, я выяснил, что с северной стороны Сайрама, по направлению к Таш-саю, в местности Айрыт, имеются остатки одного значительного укрепления, представляющего собою груду неправильной формы холмов, валов и каких-то углублений. [2] Если к этому добавить, что на берегу того же Таш-сая мне в 1920 году удалось лично осматривать остатки укрепления в местности Ибрагим-ата,[3] то можно допустить, что даже при условии существования здесь естественной защиты, в виде довольно крутого обрывистого берега Таш-сая, на берегу последнего все же существовали в том или ином виде укрепления, остатки которых сохранились до настоящего времени.

Рассматривая то довольно обширное пространство, которое охватывала наружная стена (см. карту) и принимая во внимание приведенные раньше оговорки относительно возможных неточностей ее нанесения на карту, все же можно в общем отметить, что линия прохождения наружной стены на всем описанном выше пространстве совпадает с пре-

---

[1] См. по этому поводу записанное мною в 1920 г. в Сайраме предание о калмыкском нашествии на Сайрам. Сборник Т. В. И., стр. 57-58.

[2] Я видел в Чимкенте на одной из карт двухверстного масштаба обозначение урочища под назв. Ойрат, местоположение которого примерно совпадает с упоминаемыми здесь развалинами. Как показывает название, с урочищем связано пребывание здесь калмыков.

[3] О них см. в названной моей статье, стр. 50. К приводившимся ранее данным относительно местности Ибрагим-ата следует добавить также, что здесь весной 1925 г. глубоко в земле был найден характерной формы глиняный кувшин с своеобразным орнаментом и трехцветным обливом. Кувшин передан мною в археологическую коллекцию Вост. Фак. САГУ.

делом распространения возделываемых полей, так как и в настоящее время к в. от находимых развалин стены идет голая степь, к ю.—гряды высоких, простирающихся до реки Бадам возвышенностей, а на запад—та система холмов, которая покрывает почти все пространство между Сайрамом и Чимкентом. Такого же рода естественным пределом для распространения культурных земель на север от современного кишлака является упомянутый уже Таш-сай. Допустить, чтобы в ложе его могли существовать такие культурные земли, едва ли возможно, так как наличие крутых склонов должно было бы затруднять связь с центром селения.

Очертание фигуры, образуемой наружной стеной, показывает (см. карту), что она представляет собою овал около девяти верст в длину и верст около шести в поперечнике.

Вот вкратце те немногие сведения, которые за свои последние кратковременные поездки в Сайрам мне удалось собрать об окружающих селение старых укреплениях. Разумеется, приведенных данных далеко недостаточно, чтобы установить направление определенных звеньев наружной или—что еще труднее—внутренней стены, но общее их направление, поскольку оно изображено на карте, повидимому, должно соответствовать действительности.

Особо серьезный интерес представляет направление внутренней стены. Если можно допустить, что сохранившиеся части наружного вала представляют собою остатки сооруженной в первой половине IX века стены вокруг культурно-земледельческого района того времени, то понять происхождение и назначение внутренней стены значительно труднее, как вследствие того, что размеры и длина ее не соответствуют указывавшейся арабскими географами длине стен рабада (6-7 верст в окружности), так и потому, что она, как наружная, не может соответствовать целям защиты культурного оазиса от набегов, так как оставляет вне себя значительную площадь ровной и легко доступной для орошения местности к западу от современного селения. В то же время, если судить по сохранившимся в настоящее время остаткам внутренней стены,[1] размеры ее должны были быть в древности значительнее, чем размеры наружной стены. Вместе с этим следует отметить, что изучение остатков внутренней стены представляет наибольшие трудности, в виду вероятного прохождения некоторых ее частей в районах, занятых в настоящее время не только полями, но и постройками. Судить о направлении внутренней стены к северу от селения пока нет никаких данных.

Если верить существующим народным преданиям о том, что окружавшая Сайрам стена разрушена калмыками во время набегов и с тех пор больше не восстанавливалась, то приходится допустить, что единственным укреплением города в после-калмыкский период являлась упоминавшаяся выше цитадель, к описанию которой я теперь и перейду.

---

[1] Напр., около дороги в сел. Егорьевское или около холма Улуг-тепе.

ПЛАН
центральной части сел.
Сайрам
Выкопир. с планов Чимкент
Позем. устр Партии.
(Съемка 1913 г.)
Условн обознач
- водоем (хауз)
Беклик дарвоза
Карамурт
дарвоза
Чимкент
дарвоза
Баз Сайрам
Базар
дарвоза
РЕКА САЙРАМ
Масштаб

Местное предание сообщает, что цитадель так же была разрушена при калмыках, но после ухода их была восстановлена сайрамскими жителями и служила для них с тех пор надежной защитой от набегов воинственных казакских ханов вплоть до 60-х годов прошлого столетия.

Чтобы в достаточной мере оценить роль укрепления, необходимо постоянно иметь в виду, что Сайрам представляет собой оазис не только в географическом, но и в этническом и культурно-бытовом смысле. Экономические интересы живших в Сайраме мирных узбеков-земледельцев находились в резком противоречии с притязаниями окружающей массы киргиз-казаков, и поэтому положение кишлака было постоянно тревожным, вплоть до той поры, пока не пришли русские.

Набеги казаков были настолько часты и опустошительны, что сайрамцы в числе нескольких сот жителей должны были ютиться в стенах своей крепости, испытывая страшную тесноту, так как приходилось жить 3-4 семействам в одном крошечном дворике, расположенном на вершине цитадели. Все пространство, занятое современным кишлаком, представляло, по рассказам стариков, густые заросли различных деревьев и дикорастущей колючки. Когда приближался вечер, весь скот, который пасся в степи, также загонялся в крепость. Все 4 ворот на ночь закрывались, и выставлялись караулы. Сайрамские старики рассказывают, что если к наступлению темноты жители не успевали загнать в крепость часть скота, то он обычно доставался в добычу казакам. Посевы производились скопом, чтобы в случае нападения было легче защищаться. Воду городские жители получали в то время из колодцев, большая часть которых и до сих пор сохранилась в крепости; скот поили из хаузов, находившихся против каждых из четырех ворот (см. план). Во время русского завоевания (1864 г.) Сайрам также сильно пострадал, будучи разграблен с разрешения поручика Абрамова отрядом милиции (т.-е. тех же казаков); при чем из числа сайрамцев, по данным того же Абрамова, было „убитых до 50 человек, а раненых очень много".[1]

Наступившее после прихода русских спокойствие способствовало тому, что все население, обитавшее в крепости, спустилось вниз и заняло окрестную территорию, создав таким образом кишлак в том виде, в каком он существует и в настоящее время. В течение последовавших затем одного—двух десятилетий население Сайрама значительно усилилось благодаря большому количеству пришельцев из центральных районов Средней Азии—Ферганы, Бухары, Ташкента и некоторых других мест.[2]

Касаясь внутренней крепости (цитадели), должен оговориться, что данное мною в другом месте[3] описание ее отличается некоторой неполно-

[1] Серебренников, А. Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1864 год. Ч. II. Ташкент, 1914 г., стр. 109—111.

[2] Подобная же волна переселенцев-узбеков в период после русского завоевания захватила и другие пункты старой оседлости Чимкентского уезда: Султан-рабат, Янгалык, Манкент и Карабулак, а также территорию Аулие-атинского и Туркестанского уездов.

[3] Указанная статья в Сборнике Туркестанского Восточного Института, стр. 49—50.

той и неточностью, допущенной вследствие недостаточно внимательного изучения этих развалин. Как видно из прилагаемого плана, [1] крепость имеет скорее форму овала, а не четыреугольника, что произошло, может быть, благодаря сильно осыпавшимся угловым выступам. С северной стороны крепость не сливается с окружающей местностью, как это писалось мною ранее, а имеет такие же обрывистые края, как и с других сторон.

К моменту русского завоевания крепость, по словам стариков, была укреплена особой стеной из сырцового кирпича, которая непосредственно примыкала к краям насыпи, но превосходила последнюю своей высотой. Стена была настолько толста, что сверху по ней могла свободно проезжать арба.[2]

В этой именно стене и находились ворота (д а р в а з а, к а п к а), которым соответствовали имеющиеся и в настоящее время узкие, как коридоры, спуски с крепости. Ворот было четверо, по расположению они соответствовали четырем странам света и носили следующие названия: с севера были ворота Бель-капка,[3] с востока, или вернее с северо-востока—Карамурт-капка (через них проходит дорога в кишлак Карамурт), с юга—Базар-капка и с запада Чимкент-капка.[4] Около Чимкентских ворот, внутри крепости, сохранились остатки какого-то, видимо, караульного сооружения, в настоящее время называемого жителями Джива-хана. [5] Против каждых из перечисленных ворот, с наружной стороны расположен довольно большой х а у з (искусственный водоем), служивший жителям водохранилищем, из которого, как уже указывалось, поили скот в тревожные времена. Происхождение хаузов считается жителями настолько же древним, как и происхождение крепости.

С приходом русских сайрамская крепость потеряла всякое военное значение, и жители перестали ее поддерживать. Кирпич с наружной стены стали брать для сооружения новых построек, а ворота сняли.[6]

За последние десятилетия крепость сильно уменьшилась в размерах, так как из обрывистых стен ее населением год за годом берется земля для различных надобностей, и масса насыпи, таким образом, постепенно убывает. Меняется, в зависимости от этого, и форма крепости.

---

[1] Выкопировка с плана сделана для меня топографом Н. М. Ш и л я е в ы м, при любезном содействии Начальн. Чимкентской Позем.-Устроит. Партии П. Н. Р о м а н ю к.

[2] Следовательно, толщина стены, приблизительно, соответствовала ширине обыкновенной улицы средне-азиатского города, т. е. до 4—5 аршин.

[3] На плане—Беклик-дарвоза.

[4] Все приведенные названия не могут считаться древними, и едва ли теперь возможно установить, каким из средневековых ворот соответствуют каждые из современных.

[5] Значения слова „джива" в смысле военного термина мне не удалось установить по бывшим в моем распоряжении восточным словарям.

[6] Одни из ворот хранились долгое время у местного жителя Халь-Мухаммеда, но в 1924 году их уже не оказалось, и мне удалось осмотреть только их некоторые железные части.

Сопоставляя размеры сайрамской крепости, хотя бы в ее современном виде, с рассказами арабских географов IX—X вв., можно допустить, что описываемые развалины соответствуют не цитадели, которая уже в средние века лежала в развалинах, а шахристану, который, как известно, вмещал в себе все главнейшие учреждения, мечети и базары. Размеры даже современной крепости таковы, что она действительно могла заключать в себе все указанное; но выше приводились доводы в пользу того, что в прежнее время площадь крепости должна была быть еще более значительной.

Размеры средневекового шахристана, к сожалению, не указываются; во всяком случае, если окружность города со всеми предместьями равнялась 6—7 верстам, то едва ли возможно допустить существование шахристана более обширного, чем рассматриваемая крепость.

Что касается цитадели, то она могла лежать где-нибудь внутри шахристана или вне его, например, в местности рядом с современной крепостью, на той возвышенности, на которой расположен в настоящее время знаменитый в Сайраме мазар Биби-Мариам.[1]

Несмотря на значительную сжатость и неполноту приведенного выше описания остатков наружных укреплений старого Сайрама, характер и отчасти даже самый факт существования последних позволяет нам сделать один практический вывод, а именно—признать, что средневековый Сайрам (Исфиджаб арабских географов) был расположен на том же месте, где стоит современное селение Сайрам.[2] В пользу этого утверждения говорит не только факт существования здесь окружавших кольцом весь культурный район древних стен, вне которых допустить существование города невозможно, но и отсутствие в районе современного Сайрама других более или менее значительных развалин, которые можно было бы принять за остатки крупного города, каковым, несомненно, являлся Сайрам в средние века.

Единственным исключением является группа небольших холмов и груда развалин, расположенных на правом берегу реки Бадам, верстах в пяти на юг от современного селения, по одной из дорог на Ташкент. Однажды мне удалось услышать, что именно на этом месте стоял старый Сайрам. Но беглый осмотр местности показал, что это сообщение не заслу-

---

[1] Сайрамские памятники и древности едва ли не впервые были осмотрены А. К. Гейнсом в 1866 году. (Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Том. II-й. Спб. 1898, стр. 379—381.) Ред.

[2] То же мнение, но не столь категорически, высказывали ранее П. Лерх (Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. Спб. 1870, стр. 13) и на основании его E. Bretschneider (Mediæval researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II. London, 1910, стр. 94), также E. Le Strange (The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1905, стр. 484) и акад. В. В. Бартольд (Туркестан, стр. 176). Принимая во внимание данные, приводимые последним в его позднейшей работе (К истории орошения Туркестана, Спб. 1914, стр. 144) этот вопрос, повидимому, и теперь нельзя еще считать окончательно разрешенным. Ред.

живает внимания, так как занимаемый развалинами район крайне невелик—не более трех-четырех десятин—и ни в коем случае не может соответствовать развалинам значительного города.

* * *

В заключение, следует отметить, что к вопросу о местоположении средневекового Сайрама можно было бы также подходить на основании данных о средневековых маршрутах, если бы последние считались твердо установленными. Но, к сожалению, приходится отметить, что в этом отношении историками не проделана еще необходимая работа, и местоположение большинства пунктов, через которые проходил средневековый торговый и стратегический путь из Мавераннахра в Западный Китай и Сибирь, даже приблизительно не определено. Расстояния между отдельными пунктами также остаются невыясненными с достаточной точностью.

В дополнение к высказанному В. В. Бартольдом замечанию о о том, что осмотренные им развалины Чимкентского уезда находятся несколько восточнее б. почтового тракта Чимкент—Аулие-ата, [1] следует заметить, что в период, когда главным городом района был не Чимкент, а Сайрам, путь на Семиречье должен был проходить, разумеется также через Сайрам, т. е. несколько восточнее современного тракта.

Известно, что даже в настоящее время часть караванов, направляющихся из Ташкента в Семиречье, сворачивает, не доходя верст тридцати до Чимкента (около сел. Фогелевки), на сайрамскую дорогу и, таким образом, совершенно минует Чимкент. Еще в 60-х годах прошлого столетия подобный маршрут был обычным, и в Чимкент заходили только те караваны, которые шли на Туркестан и дальше на Оренбург. [2] Таким образом, факт расположения средневекового пути, а, следовательно, и развалин старых городов восточнее современного тракта Чимкент—Аулие-ата вполне объясним. Гораздо менее ясным продолжает оставаться вопрос о средневековом маршруте между Сайрамом (Исфиджабом) и Ташкентом (Шашем). Дело в том, что доктор Бретшнейдер, а за ним и местный исследователь А. Кларе, полагают, что дорога из Сайрама в Ташкент в средние века могла проходить через Отрар. В подтверждение своих доводов А. Кларе указывает на то, что современный почтовый тракт Чимкент—Ташкент проходит по голой пустыне без всяких признаков жизни в прошлом, в то время как путь Сайрам—Отрар—Ташкент изобилует остатками древностей и даже имеются местами, будто бы, следы старого шоссе. [3]

С другой стороны, маршруты, приводимые арабскими географами, говорят о том, что пространство между Ташкентом и Сайрамом прохо-

---

[1] Отчет о командировке в Среднюю Азию. З. В. О., т. VIII, стр. 340.

[2] Пашино, П. И. Туркестанский край в 1866 г. Спб. 1868, стр. 82.

[3] Кларе, А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году. Прот. засед. и сообщ. чл. Турк. Кр. люб. арх. Год IX. Ташкент. 1904, стр. 15—16.

дилось в 3—4 дня, [1] чего никак нельзя было бы достигнуть в случае, если бы дорога шла через Отрар.

Возможно, что А. Кларе, отрицая существование средневекового тракта, связывавшего непосредственно Исфиджаб с Шашем (Ташкентом), не учел того обстоятельства, что названный путь проходил не по линии современного почтового тракта Чимкент—Ташкент, а шел несколько восточнее его, совпадая, по заключению В. В. Бартольда, с горной дорогой через Турбат. Можно отметить, что дорогой через Турбат и в настоящее время пользуются жители селений юго-восточной части Чимкентского уезда. По сторонам дороги, как рассказывали пишущему эти строки крестьяне сел. Дорофеевки, встречаются развалины каких-то древних зданий и даже целые городища.

Таким образом, отсутствие памятников древности по линии современного тракта Чимкент—Ташкент вполне естественно, поскольку названный путь является сравнительно новым, но в то же время на указанном обстоятельстве нельзя строить предположений о невозможности существования в средние века прямого, непосредственного пути между Исфиджабом и Шашем. [2]

Если даже допустить правдоподобие последнего варианта, то все же в отдельных деталях вопроса о прохождении средневекового пути из Сайрама на Ташкент остается много неясностей, разрешить которые— задача компетентных исследователей.

---

[1] Бартольд, В. В. Туркестан, стр. 176.

[2] Для разъяснения затронутого вопроса могло бы иметь существенное значение исследование направления одного из старых путей, известного у стариков-туземцев под названием сары-агачской дороги, иногда называемой ногай-юлы (дорога ногаев), связывавшей некогда ташкентский оазис с бассейном реки Арыс.

В. А. Шишкин.

Мазары в Занги-ата.

Из небольшого, сравнительно, числа памятников старого мусульманского зодчества, сохранившихся в ташкентском районе, обращают на себя внимание два скромных по размерам и плохо сохранившихся, но тем не менее интересных сооружения. Это два мазара, находящиеся верстах в шестнадцати от Ташкента по старой самаркандской дороге, в селении, получившем свое название по главному из этих мазаров—Занги-ата.

Занги-ата или Занги-баба—имя, вернее прозвище (لقب)[1] популярного турецкого шейха, ученика Сулеймана Хаким-ата, бывшего в свою очередь учеником и преемником знаменитого суфия, философа и поэта Хазрат Ахмада Ясави. Занги-ата не был, повидимому, ни поэтом, ни теоретиком суфизма, какими были его предшественники,—предание и суфистская литература рисуют его грубым по внешности черным человеком, пастухом ташкентских стад. Это популярный народный святой, до сего времени остающийся патроном пастухов,[2] собирающихся ежегодно осенью к его мазару для совершения зикра. Он был, если можно так выразиться, наследственным суфием, так как происходил из семьи, давшей целый ряд шейхов и считавшей своим родоначальником самого Баб-арслана, наставника Ахмада Ясави.[3] Скончался Занги-ата, как гла-

---

[1] Занги (زنگی) значит—черный, смуглый, грубый. Ни в одном из известных мне источников его собственное имя не указывается. Предание называет его то Имин-баба (Ср. Диваев, А. А. Легенда о Казыкуртовском ковчеге. Сборн. матер. по статист. Сыр-Дарьинской обл. Т. V, Ташк. 1896, Этногр. матер. стр. 7), то Ай-ходжа (Ср. Казбеков, Ю. Праздник (تماشا) в Зенги-ата, „Турк. Вед." за 1875 г. № 34).

[2] По словам А. П. Хорошхина (Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб. 1876, стр. 185) Занги-ата считается патроном коровьих пастухов, в то время как покровителем бараньих является Чупан-ата. Ред.

[3] رشحات (Рук. Вост. Фак. С. А. Г. У., инв. № 695; ташкентская литогр. 1911 г.; индийское изд. 1890 года) дает такую родословную Занги-ата: отец его—Тадж-ходжа, сын и преемник Абдул-малик-ходжи, сына Мансур-ата—первого мюрида (ученика) Хазрат Ахмада Ясави; отцом же Мансур-ата был Баб-арслан. خزينة الاصفيآء Мухаммад Гулям Сарвара (Лагор, 1284 г. х.) и لمحات من نفحات القدس Алим Шейха Садыки Алеви (Ташкент, 1327 г. х.) дают несколько другие данные, но первая версия по хронологическим соображениям более вероятна.

сит приводимая Мухаммад-Гулямом Лагорским хронограмма,[1] в 656/1258 году, оставив четырех учеников и последователей: Узун-Хасана, Сайид-Ахмада, Бадр-ад-дина (Бадр-ата) и Садр-ад-дина (Садр-ата).

Мазары, построенные над прахом этого святого и его жены Амбар-биби (или Амбар-ана), и служат предметом настоящей заметки. Почти в самом центре селения с главной его улицы кирпичные новой постройки ворота, украшенные кое-где старыми поливными кирпичиками, ведут в широкую аллею около 130 шагов длиной, проложенную через старый сад, служащий местом празднеств во время Рамазана и саилей. В противоположном, дальнем конце аллеи другие ворота ведут в обширный двор, представляющий из себя неправильный четыреугольник, окруженный кирпичными постройками: прямо против входа возвышается передний фасад (پیشطاق) главного мазара, правую сторону занимает соборная мечеть, с левой стороны мазара приткнулись „халим-хана", прочие стороны мазара заняты одноэтажным рядом худжр мадрасы.

Здание мазара состоит, собственно, из двух частей: первая—сравнительно большое помещение—хонака (خانقاه) вторая — непосредственно примыкающее к первому и значительно меньшее помещение, в котором находится надгробие Занги-ата. Вход в хонаку с главного фасада здания, через небольшую дверь под его главной аркой. Оба помещения по своему внутреннему плану очень обычны для памятников Средней Азии. Это квадрат, все четыре стороны которого имеют глубокие ниши, придающие помещению вид крестообразного. Благодаря аркам над этими четырьмя нишами тяжесть перекрытия переносится на угловые массивы, разгружая, таким образом, стены здания. Помещения хонаки и мазара сообщаются низенькой дверью. В последнем помещении, как было уже упомянуто, находится кирпичное надгробие, окрашенное в черный цвет в воспоминание о черном Занги-ата и закрытое целым ворохом вышитых покрывал.

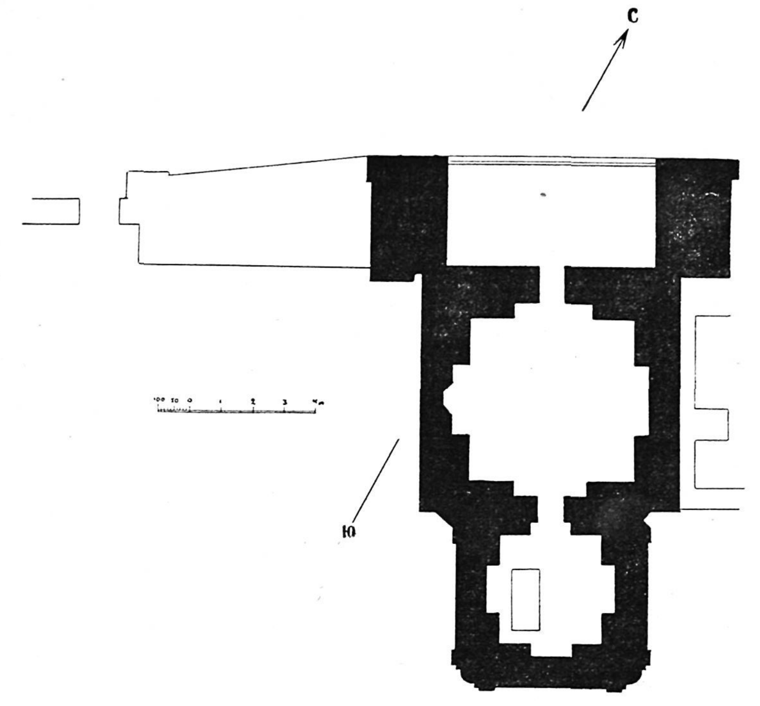
Стены мазара сложены из жженого кирпича (27 × 27 × 6 см.) на глине. Только арки, барабаны и купола выведены на алебастре. Вторая, меньшая часть здания перестроена совсем недавно после землетрясения, повредившего мазар в 1869 году, и сложена из обычного русского кирпича. Поэтому, в дальнейшем описании я буду говорить только о первом, примерно сохранившем свой первоначальный вид здании хо-

---

[1] چو در خلد معلی از جهان رفت
جناب خواجه مسعود زنگی
ولی الله مر شد گو وصالش
دو بارا عاشق محمود زنگی

[Чтобы узнать] когда ушел из этого мира в возвышенную вечность достигший своей цели господин Ходжа Занги, скажи о его смерти: умер любимец Аллаха; и еще раз: суфий (букв. „влюбленный") прославленный Занги. Численное значение—656—содержится в выражениях عاشق محمود زنگی и ولی الله مر شد

наки. Оно перекрыто куполом на стрельчатых нишевидных, отчасти выступающих из стен парусах. Высокий барабан купола прорезан в нижней своей части двумя небольшими окнами, освещающими помещение сверху, довольно скудно при отсутствии других окон. Над этими окнами выведен нижний (внутренний) купол примерно на половине высоты барабана. Выше нижнего купола барабан скрепляется двумя рядами арчевых балок-связей. Характерных в этом случае для средне-азиатского зодчества

План мазара Занги-ата.

внутренних стенок-контрофорсов здесь нет. Высота всего здания с куполом равняется приблизительно семнадцати метрам; высота портала значительно меньше и едва достигает десяти метров. Арка портала, по словам местных жителей, упала во время землетрясения и была сложена заново. С западной стороны она укреплена массивным контрофорсом, сложенным из такого же, как и мазар, квадратного кирпича на глине.

Следы неоднократного ремонта настолько искажают вид памятника, что приходится жалеть о той заботливости, которая проявлялась к нему до самого последнего времени со стороны местных жителей. Купола по-

крыты железом, над главной аркой переднего фасада возвышаются какие-то нелепые железные украшения, а сам портал покрыт толстым слоем штукатурки. Свидетелями былого убранства мазара служат те незначительные фрагменты облицовки, прекрасно выполненные и говорящие о лучшей поре средне-азиатского художественного творчества, которые уцелели еще кое-где как снаружи, так и внутри здания. На щековой стене свода портала, над находящейся под ней входной дверью и по сторонам ее симметрично расположены пять правильных четыреугольников изразчатой мозаики, оставшейся незакрытой в покрывающей портал штукатурке. Вверху, над дверью, прекрасное панно затейливого растительно-геометрического орнамента, по бокам двери в двух вертикально расположенных продолговатых прямоугольниках сохранилось начало и конец надписи (хадис). Еще дальше по обеим сторонам два больших прямоугольника облицовки из поливных и простых облицовочных кирпичиков с ромбовидными вставками мелкой мозаики. Тона полив: белый, черный, синий, голубой, зеленый и желтый. Встречаются кусочки (сердцевины розеток и листков) неполивные, подкрашенные в красноватый цвет. Полива желтого цвета носит повсюду следы позолоты. Весьма возможно, что эта неровная и неоднотонная полива, не играя самостоятельной роли в красочном ансамбле декорации, служила лишь подгрунтовкой под щедро наложенную позолоту. Кроме этих остатков, сохранившихся, кажется, до сего времени на тех местах, для которых они были сделаны, уцелело еще некоторое количество кусочков цветной майолики, кое-как, в беспорядке прилепленных к барабану меньшего (нового) купола.

Внутри помещения хонаки уцелел хорошо сохранившийся михраб, мозаичный, довольно тонкой работы. Неширокий бордюр цветочного орнамента заключает его в четыреугольную раму. В этой раме над самой нишей мозаичная надпись (لااله الاالله محمد رسول الله), сама же стрельчатая ниша шестиугольного сечения как бы заткана узором из мелких цветочков и листьев. Стены помещения сохранили в нижней своей части выемку около 1 метра вышины при 10 см. глубины, в которой находилась некогда панель из голубых шестиугольных плиток, обрамленная сверху каймой растительного орнамента. Остатки этой панели лежат теперь беспорядочной кучей под лестницей возвышающегося в середине двора минарета.

Мазар Амбар-биби [1] находится метрах в 80 к юго-западу на старом кладбище. Это совсем небольшой мазар, значительно меньше предыдущего, но крайне интересный своим оригинальным видом. Мазар Амбар-биби представляет из себя как бы переходную ступень между двумя известными средне-азиатскому зодчеству типами надгробных сооружений: мавзолеев „фронтальных“—с значительно возвышающимся передним фа-

[1] Амбар-биби—жена Сулеймана Хаким-ата, вышедшая после его смерти замуж за его ученика Занги-ата.

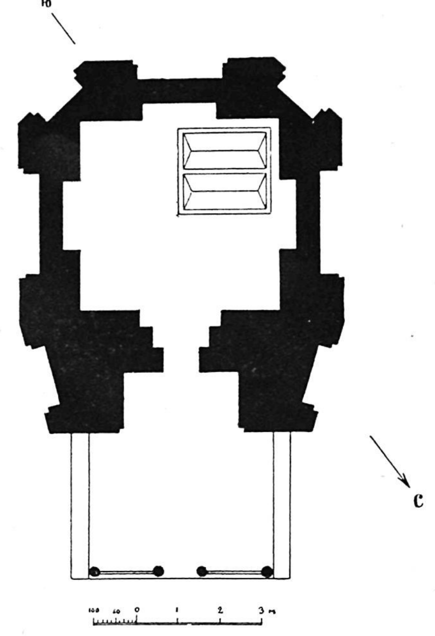
МАЗАР ЗАНГИ-АТА.

МАЗАР АМБАР-БИБИ.

садом и мавзолеев с одинаковыми четырьмя сторонами.[1] Здесь передний фасад, „пештак", как бы намечается выдвинутой вперед передней стеной, прорезанной глубокой аркой, но этот „пештак" не возвышается над остальными стенами, имея одинаковую с ними высоту. План всего здания снаружи восьмиугольный, но план внутреннего помещения такой же, как и в мазаре Занги-ата. В отличие от последнего, нижний купол здесь лежит непосредственно на угловых парусах и уже над ним возвышается

План мазара Амбар-биби.

высокий, сравнительно, и стройный барабан. Верхний купол в настоящее время обвалился. Остатков поливной облицовки здесь еще меньше, чем на мазаре Занги-ата. Кое-где только, на фасаде и барабане купола, уцелели фрагменты скромных узоров из голубых и синих изразцов. Внутри мазара также имеется выемка для панели. Двойное надгробие[2] носит следы поливной облицовки.

---

[1] Хронологически мазары обоих типов существуют одновременно. Мы встречаем их как в домонгольскую эпоху (мазары Айша-биби бл. ст. Головачевской и мазар Исмаила Самани в Бухаре), так и при Тимуридах (в группе мазаров Шахи-зинда есть мавзолеи и того, и другого типа).

[2] Рядом с Амбар-биби, по преданию, погребена мать Сулеймана Хаким-ата — Улуг-подшо.

Достоверных данных о времени постройки этих мазаров разыскать не удалось. Предание приписывает возведение их Тимуру, связывая это с возведением знаменитой мечети-мавзолея в гор. Туркестане.[1] Не рискуя высказывать здесь своих соображений о датировке описанных памятников, беру, однако, на себя смелость заметить, что как конструктивные данные, так и сохранившиеся остатки отличной, глубоких и прозрачных тонов мозаики, не противореча этому преданию, придают ему вид большой вероятности.

---

[1] Существует любопытное предание: при постройке мазара Занги-ата, по приказанию Тимура, от самого Туркестана до места постройки была поставлена сплошная вереница людей, передававших оттуда из рук в руки строительные материалы (Ср. Казбеков, цит. ст.).

ОСТАТКИ ИЗРАЗЦОВОЙ ОБЛИЦОВКИ МАЗАРА ЗАНГИ-АТА.

М. Е. Массон.

Ишрат-хана и фрагмент ее панели.

Вблизи восточных ворот тимуровского Самарканда, в том месте, где когда-то уже за пределами городской стены утопал в неге тени и дающих прохладу арыков окруженный стеною сад Фируза, недалеко от большой пыльной дороги и мавзолея Ходжа Абди Даруна стоят руины прекрасного здания XV столетия.[1] В народе они слывут под именем „Ишрат-хана"—„дом увеселения". Окрестные жители убежденно передают слышанное от отцов, что не кто иной, как сам Тимур приказал возвести это сооружение и отделать богато внутри, так как предназначал его для наслаждения всеми земными радостями и утехами в те немногие дни отдыха, которые он урывал у жизни, полной тревоги, подвигов и походов.[2] Изящные, легкие формы здания и следы роскоши былой отделки как бы подтверждали народную молву, и развалины Ишрат-хана становятся известными как загородный дворец Тимура. Однако, уже в 1898 г. В. Л. Вяткин, работая над старыми вакуфными документами для выяснения исторической топографии Самарканда, нашел возможным отождествить это сооружение с мавзолеем („величественным гумбазом") над могилой дочери тимурида Султана Абу Са'ида (1452—1469)—Султан Хавенд бека,[3] строительницей которого была ее мать Хабиба Султан

---

[1] Местонахождение памятника под именем „строение времян Тимурлянга" указано впервые уже на плане города Самарканда, снятом в 1841 году топографом Яковлевым и приложенном к труду Н. Ханыкова: Описание Бухарского ханства, Спб. 1843 г.

[2] Г. А. Панкратьев приводит народное предание, по которому здание Ишрат-хана построено Тимуром на месте встречи с прекрасной женщиной, настолько пленившей его сердце, что великий эмир поцеловал у нее ногу и сделал потом ее своей женой (Исторические памятники г. Самарканда, Самарканд, 1910, стр. 17). Иной вариант слышал А. П. Федченко: „Жители рассказывают, что Биби-ханым, любимая жена Тимура, строя это здание, предназначала его для своей гробницы. Тимур, приехавши осмотреть оконченную постройку, так был восхищен, что поцеловал жену. Смущенная его лаской, она сказала: „пусть это будет дом веселья, Ишрат-хана, а гробницу я себе выстрою в другом месте." (Топографический очерк Заравшанской долины, Москва, 1870 г., стр. 21).

[3] Это имя значится в подлинном вакуфном документе этой усыпальницы, снабженном печатями Абу Са'ида и написанном в начале месяца рамазан 868 г. х., т. е. в мае месяце 1464 г. н. э. В مسوده эта дочь Абу Са'ида названа Сахиб-и-Давлет бека.

бегум, происходившая из рода эмира Джелаль-ад-дина.[1] И действительно, несмотря на некоторые архитектурные особенности, по своему типу Ишрат-хана может быть с большим основанием отнесена к мавзолеям, нежели к дворцовым постройкам, что еще раньше отметил уже автор Самарии Абу Тахир Ходжа.[2]

Как видно из прилагаемого плана, выполненного вместе с двумя профилями самаркандской инженерной дистанцией в 70-х годах прошлого столетия, схематичного, но дающего общее понятие о памятнике, здание состоит из одного центрального помещения и примыкающих к нему с восточной и западной сторон нескольких боковых комнат, которые объемлются общим порталом, обращенным на Ю-Ю-З. Века не щадили мавзолей. Правда, вокруг него не образовалось, как у некоторых других современных, а иногда и более молодых по времени возникновения памятников, культурных наслоений позднейшей жизни, и он почти не врос в землю. Но на стройном теле здания слишком много обезображивающих его следов разрушения. С трех сторон мавзолей окружен частными владениями, а с восточной жилые сакли даже вплотную лепятся к его боковому фасаду. Расшатанное бесчисленными толчками землетрясений, терявшее без надзора и ремонта способность противостоять распаду, здание постепенно крошилось и продолжает крошиться то отдельными кирпичами, то большими массами кладки, сложенной из квадратного кирпича (28 с.×28 с.×6 с., 27 с.×27 с.×5½ с., 26 с.×26 с.×5½ с.) со швами в 2-2½ с. на алебастровом растворе с примесью земли. Едва держатся, как будто висят в воздухе две арки переднего фасада. Сам портал совершенно лишился верх-

[1] См. В. Вяткин—примечания к переводу Самарии, Справочная книжка Самарк. обл., в. VI, стр. 257 и его же Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, Справ. книжка Самарк. обл., в. VII, стр. 23.

[2] „Тот высокий мавзолей, который находится к северу от названного мазара [Абди Даруна], и именуется народом „Ишрат-хана“, представляет усыпальницу Сахиб-и-Давлет-беки, основанную матерью ее Хабиба Султан-бекою, дочерью амира Джаляль ед-дина, построившею тут же худжры для чтецов корана“. Самария, перевод В. Вяткина, там же, стр. 204. Последняя фраза несколько иначе передана в тексте Самарии, изданном Н. И. Веселовским, Спб., стр. ٥٠ , строчка ١٣: و ازبرای قرار حجرات ترتیب داده اند

[3] До последнего времени известна была лишь одна хранящаяся в Самарканде копия с этих чертежей, сделанная на одном куске кальки. Подлинник их, составление коего относили к 1895 году, считался утраченным. В 1926 году в Средне-Азиатскую Государственную Библиотеку в числе печатных вырезок и других бумаг покойного Н. В. Дмитровского поступили, между прочим, 4 анонимные листа чертежей самаркандских памятников: два из них, означенные №№ 19 и 20, относятся к группе мавзолеев Шах-и-Зинде, а два другие—№№ 71 и 85—к соборной мечети Тимура. Ближайшее ознакомление с ними привело меня к заключению, что они являются теми подлинниками, с которых была сделана вышеупомянутая копия на кальке, и что составление чертежей относится к 70-м годам прошлого столетия (для соборной мечети Тимура до 1873 г.). Очень вероятно, что чертежи изготовлялись по распоряжению К. П. фон-Кауфмана для предполагавшегося издания „Описание Самаркандских древностей“, которое должен был составить А. Л. Кун (см. З. Р. Г. О. по отд. этн., т. VI, Спб. 1880, Кун А. Л., Очерки Шагрисебзского бекства, стр. 226).

ПОРТАЛ ЗДАНИЯ ИШРАТ-ХАНА.

Из „Туркестанского Альбома“, составленного А. Л. Куном в 1871—72 г.г., по экземпляру Ср.-Аз. Гос. Библиотеки.

МАВЗОЛЕЙ ИШРАТ-ХАНА.

Фотография Г. А. Панкратьева 1894 г.

них частей и многое утратил из облицовочной одежды, на фоне которой, состоявшем из продолговатых затесанных простых кирпичиков, были разбросаны мозаичные звезды и розетки, отделенные друг от друга глазированными плитками со словами الملك لله. Ныне уцелели только две звезды, а о выпавших розетках можно догадываться лишь по сереющим гнездам. Приблизительно на половине высоты устоев портальной арки вделаны были две продолговатые мозаичные плиты с надписями; от них сохранились только верхи алифов и лямов. Угловые полуколонки сложены из простого кирпича кладкой, напоминающей несколько так называемую хатани („в елку"), и не видно следов ни штукатурки, ни изразцовой облицовки. Совершенно облезли тимпаны, а на щеках портальной арки еще держатся несколько кусков мозаичных бордюров. Трудно составить представление и о панели переднего фасада, но, повидимому, судя по некоторым следам в стенах, она была каменная.

Еще не так давно из-за портала виднелись остатки наружного купола над центральным помещением, поднятого на необычно высоком барабане. Он рухнул зимой 1903-4 года. Образовавшаяся груда кирпича была растащена окрестными жителями; теперь от него в натуре нет никаких следов, и о структуре, о взаимоотношении с другими частями здания и о его отделке можно составить некоторое понятие лишь по немногим старым фотографиям, рисункам и отчасти по прилагаемому *упоминавшемуся выше профилю.*[1]

По обе стороны от входа, ведущего из-под арки портала в центральное помещение, расположены две глухие комнаты, двери которых обращены также на передний фасад. Над ними во втором этаже имеются еще помещения, однако судить об их плане и назначении можно будет лишь при детальном ознакомлении. Это справедливо и относительно боковых пристроек. Они также имели второй этаж, куда вели четыре просторные и удобные винтовые лестницы, которые продолжались затем и выше на плоские крыши. Невысокие сохранившиеся гребни стен второго этажа позволяют ожидать, что после очистки от заваливших их масс кирпича, щебня, штукатурки и мусора, здесь обнаружится много интересных особенностей и архитектурных приемов. Пока же относительно боковых пристроек можно утверждать, что, повидимому, первоначально с центральным помещением непосредственно сообщалась лишь восточная, продолговатая, перекрытая тремя сводами комната первого этажа. Тогда как в других не видно никаких следов богатого убранства

---

[1] Две фотографии археологической части Туркестанского альбома, составленного А. Л. Куном, снятые около 1871 года; фотографии альбомов „Исторические памятники Самарканда", издававшихся Г. А. Панкратьевым, относящиеся к 1894 г. (именно по Ишрат-хана); одна фотография, принадлежащая Ср.-Аз. О. Г. Р. Г. О. и относящаяся, повидимому, к 80-ым годам прошлого столетия; рисунок в „Туркестанском альбоме" О. А. Федченко, сделанный в 1869 году; не совсем законченная картина самаркандского художника-антиквара М. В. Столярова, написанная масляными красками в 1903 году незадолго до разрушения, и некоторые другие.

и стены просто оштукатурены ганчем,—в ней на потолочные перекрытия наложена красочная, смелая в законченности своего орнамента роспись по алебастру, а низы стен сохранили следы панели, выложенной из квадратных неглазированных кирпичных плиток и синих и голубых полосок поливных оторочек. Может быть, эта комната в обыкновенные будничные дни, когда парадный портальный вход был закрыт, служила как бы преддверием, которое должны были пройти посетители прежде чем вступить в главное центральное помещение.

Этому последнему при сооружении мавзолея было уделено несомненно сугубое внимание. Традиционный, как бы крестообразный план, традиционные приемы перехода стен к несохранившемуся, но несомненно купольному перекрытию, традиционный ассортимент художественных материалов и даже традиционное распределение площадей, отводимых орнаменту, надписям, сталактитам и т. п.—все это вместе значительно связывало проявление всякой индивидуальности. Но она, трудно уловимая, чувствуется везде, и, пожалуй, смысл ее именно в той завершенности общей композиции внутренней отделки и в спокойной уверенной четкости линий рисунка, которые являются в период зрелого расцвета известной эпохи в искусстве, как результат большой предшествующей работы. Возможно, что специалист уловит уже кое-где некоторые признаки упадка или, лучше сказать, первые намеки, пророчествующие о появлении в скором времени своего рода средне-азиатского барокко.[1]

Без детальной реставрации всех отдельных частей украшений трудно определить и то общее впечатление, которое вызывала в целом внутренность центрального помещения. Сохранилось немногое даже от самого остова. Образовавшиеся от падения купола кучи строительного мусора и земли скрывают уровень прежнего пола и, как можно догадываться, устроенный под ним склеп. В полуоблезших стенах зияют пустоты нескольких гнезд, в которых при постройке были помещены для большей связи кладки угловых массивов деревянные балки. По срезам нескольких уцелевших бревен устанавливается, что, кроме обычных стволов „саур арчи“ (Juniperus excelsa), для этой цели служил иногда и карагач (Ulmus Androssowi, Ulmus densa Litw.) в возрасте 25—30 лет. На оползающих гребнях стен поросли занесенные ветром дикие злаки и колючки, а крепкие корни каперсов, упорно проникая в швы между кирпичами, ведут свою медленную разрушительную работу.

[1] Историк стилей д-р Кон-Винер (Cohn-Wiener), осматривавший памятник в 1924 году, в своем отчете Средазкомстарису пишет, что „Ишрат-хана по своему историко-художественному значению не уступает Альгамбре, в эстетическом отношении даже превосходит ее“ (см. Бартольд, В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г., Изв. ГАИМК, т. IV, 1925 г., стр. 129).

Нельзя не пожалеть, что ложная предвзятость, будто Ишрат-хана есть единственная уцелевшая развалина из всех многочисленных дворцовых сооружений Тимура, помешала Кон-Винеру понять действительное назначение памятника, определить эпоху его постройки и потому дать правильную оценку его стилевому художественному ансамблю.

Масса света, свободно врывающегося теперь внутрь благодаря провалу обоих куполов, лишь в немногих местах падает на жалкие остатки пышного убранства центрального помещения. Верх стен и уцелевшие части потолочного перекрытия сохранили следы росписи, положенной на незначительный рельеф орнамента, с которого теперь от времени и непогоды почти совершенно сошли и краски и позолота. [1] Упорнее других держится, придающий ныне общий тон всей внутренней отделке, охристый грунт особой глины „кизыл кесяк", добываемой доныне с возвышенности Чупан-ата. Покоясь на таком же рельефном бордюре, несколько уклонившемся от обычной симметричной трактовки так называемого орнамента „чап-рост", выше человеческого роста, вдоль всех стен тянется кайма со следами молитвенных текстов, буквы которых нанесены красками на штукатурку без всякого рельефа.

Ниже, повидимому, до самого пола, стены были одеты чудной панелью, собранной как бы крупной мозаикой из фигурных, глазированных, плоских плиток кашина. [2] От нее уцелело до наших дней так мало, что, войдя под обрушившиеся своды центрального помещения, сперва даже трудно остановить внимание на нижних частях стен, где глаз свободно скользит то по обнаженной кирпичной кладке, то по серой, слегка неровной поверхности двух алебастровых слоев (общей мощностью в 7 с.), которые связывали панель с телом здания. Лишь кое-где чуть заметны небольшие кусочки с помутневшей поверхностью стекловидной глазури. Но и их немного—всего несколько десятков, так что даже о самой форме плиток приходится догадываться по их частям.

В один из дней трудного 1919 года, добравшись раз до мавзолея Ишрат-хана, я усмотрел, что на некоторых кусочках плиток былой панели тускнеют следы позолоты, покрывавшей рисунок орнамента, для которого цветная глазурь служила лишь фоном. Линии рисунка были настолько изящны, что даже мне—не художнику ни по профессии, ни по природным дарованиям—трудно было удержаться от попытки свести воедино на бумаге эти разрозненные части, дабы получить некоторое цельное впечатление от орнамента. С этих пор немногие часы отдыха всего лета были поглощены этой

---

[1] Как установлено работами Самаркандской Комиссии по охране памятников старины в 1925 году, прием придания небольшого рельефа орнаменту перед покрытием его росписью и позолотой носит название „кундаль" и употребляется изредка хорошими мастерами и в настоящее время. Он состоит в том, что на подготовленной площади по нарисованному контуру в соответствующих местах тонкими слоями, несколько раз, до получения нужной выпуклости кистью накладывается быстро сохнущий состав из глины „кизыл кесяк", гуль-ганча (лучший сорт алебастра) и клея, приготовляемого из корней некоторых видов растения Eremurus.

На исторических памятниках, кроме Ишрат-хана, прием кундаль известен также в мавзолее Ак-сарай XV века в Самарканде и в медресе Абд-ал-Азиза середины XVII столетия в Бухаре.

[2] Материал кашинных плиток силикатного происхождения и, по мнению архитектора М. Ф. Мауера, впервые установившего это, добывался в Самарканде из роговиковых прослоек кремнистого сланца возвышенности Чупан-ата.

кропотливой работой. Я хорошо знаю, что специалист-реставратор справился бы и лучше, и скорее. Может быть, и я сам смог бы выполнить ее с большей тщательностью, если бы устранить ряд неблагоприятных условий того времени, как отсутствие хорошего фабричного карандаша, невозможность соорудить подмостки, вместо которых приходилось пользоваться велосипедом и т. п. Будет достаточно, если моя несовершенная попытка послужит толчком для других и к изучению самого памятника, и к реставрации (подразумеваю—на бумаге) его убранства. Пока же об орнаменте панели можно судить по сделанному мною рисунку, прилагаемому, к сожалению, лишь в черных контурах.

Сама панель,—если таковою можно называть мозаичную облицовку нижних частей стен до высоты от пола приблизительно 2,20 м.,—принадлежит к числу самых высоких панелей известных архитектурных памятников старого Самарканда, уступая лишь той, что была в мавзолее Ак-сарай. Из глазированных плиток кашина, толщиною от 1,8 до 2 с., выпиливались для нее розетки: большие—из темно-зеленых (формы) и малые—из голубых (формы). Располагая их в шахматном порядке, оставшиеся промежутки заполняли вырезанными по соответствующему контуру такими же кашиновыми плитками, но темно-синего цвета, который служил как бы общим фоном. Так выстилалась большая часть площади, отведенной для этой мозаики. Сверху, а должно быть и с боков и снизу, отделенный от общего поля узкой глазированной желтой полосой шел широкий бордюр, в котором также на синем фоне чередовались темно-зеленые восьмилепестковые розетки с продолговатыми медальонами и кое-где были вставлены небольшие голубые кружки. Глазированные поверхности всех розеток и плиток фона были покрыты орнаментом, при чем позолота, возможно, накладывалась на мёде, как это утверждает хорошо известный и в Самарканде, и за его пределами старик-керамист А б д у К а д ы р. По его словам, позолота наносилась на уже обожженную глазированную поверхность изразцов, после чего последние вновь помещались в печь, где глазурь, слегка расплавляясь, давала возможность массе мёда с золотом частично проникнуть в ее стекловидную толщу. Этим, якобы, объясняется тот эффект, благодаря которому исполненный таким способом рисунок в некоторых случаях кажется нанесенным под глазурью. Примеры росписи золотом поливных плиток панелей были уже известны раньше: так нанесены летящие цапли на голубых шестиугольных изразцах [1] усыпальницы сестры Тимура Ширин бек-ака, построенной в 787 году хиджры (1385/6 г. н. э.); так исполнены цветы в голубых же изразцах безымянного мавзолея, повидимому, XV столетия, одиноко стоящего на площади рисового базара против соборной мечети Биби-Ханым. Но рисунку панели Ишрат-хана нельзя отказать в своеобразной художественности узора. Он восстановлен

[1] Впервые зарисованы архитектором Н. Н. Щ е р б и н а-К р а м а р е н к о при его третьем посещении Самарканда в 1897 году.

целиком почти для всех отдельных звеньев мозаики; для некоторых розеток обнаружены даже по два—по три варианта деталей, и лишь большую площадь продолговатого медальона бордюра приходится опубликовывать пустой, так как по слишком уж ничтожным следам какой-то надписи, вплетенной в цветочный орнамент, было бы рисковано давать реставрацию.

Бесспорно, что в свое время панель была эффектна. [1] В том, что от нее теперь почти ничего не осталось, может убедиться каждый посетитель памятника. Приглядываясь к сплошным язвам стен, с которых содрана панель, нетрудно заметить, что в разрушении ее участвовало не столько время, сколько человек, вооруженный твердым, должно быть, металлическим орудием. В усыпальнице 808 года хиджры (1405/6 г н. э.) в группе мавзолеев Шах-и-Зинде еще совсем недавно страдавшие зубной болью для исцеления скусывали глазурь во внутренней панели из крепких зеленых изразцов. Тысячи скользивших зубов оставили там свои безобразящие следы во многих местах. Не имело ли место и в Ишрат-хана явление такого же порядка? Легко крошащийся и перетирающийся кашин с таким же успехом мог быть применен для лечения каких либо иных человеческих недугов. Если это так, то средство должно было быть очень популярным; кто-то извлек, вероятно, известные выгоды; изготовлявшееся снадобье вряд ли нанесло большой ущерб тем, кто им пользовался и, следовательно, пострадал лишь безмолвный свидетель одного из бесчисленных проявлений человеческого невежества по отношению к культурному наследию прошлого, т.-е. сам памятник. Он претерпел общую судьбу всех заброшенных старинных зданий, вблизи которых ютился бедный люд, удовлетворяющий нужду в кирпиче, а иногда и дереве за счет упавших или поддающихся при некотором усилии разрушению частей кладки его тела. [2]

В до-революционное время к Ишрат-хана со стороны правительственных органов не было проявлено особых забот, и мавзолей ни разу не ремонтировался. В 1905 году администрацией края даже испрашивалось у Императорской Археологической Комиссии разрешение на слом памятника и на использование кирпича для новых построек. Комиссия

---

[1] Быть может, подражая ей, позднее в самаркандской усыпальнице шейбанидов, известной под именем „Чихиль-духтеран“ и являющейся уцелевшей частью медресе, построенного в XVI веке Абу Са‘ид ханом (ум. 940 г. х.), был повторен тот же прием заполнения среднего поля отдельными розетками.

[2] До последнего времени Ишрат-хана оставалась в стороне от пути группового и одиночного паломничества европейцев по историческим памятникам Самарканда, и еще в 1920 году крыши были усеяны массой глазированных кусков и кирпичиков облицовки ее купола. Теперь они все разобраны участниками ставших многочисленными экскурсий и приезжими туристами, жадно подбиравшими „на память“ так легко доступные изразцы. Вероятно, этой же мании брать сувениры следует приписать исчезновение некоторых частей и без того небогатой отделки северного и западного наружных фасадов.

дала свое согласие. К счастью, это намерение осуществлено не было, как не прошло в жизнь и предложение, сделанное несколько позднее Русскому Комитету для изучения Средней и Восточной Азии одним из его членов—снять и вывезти в С.-Петербург декоративную облицовку с Ишрат-хана для помещения в одном из музеев. В 1908 году по поручению упомянутого Русского Комитета с памятника С. Дудиным было сделано 27 негативов. [1] Теперь мавзолей вошел в число памятников, охрана которых возложена на Средазкомстарис, и в связи со все повышающейся интенсивностью работ его местного органа в Самарканде (Самкомстариса) можно быть уверенным, что в недалеком будущем очередь дойдет и до него. Опыт всестороннего обследования руин Ак-сарая в 1924—1925 г. обещает получение не менее интересных результатов и в Ишрат-хана.

---

[1] См. Изв. Ком. № 9, стр. 3 и № 10, стр. 55.

И. И. Умняков.

Рабат-и Малик.

Если справедливо замечание В. В. Бартольда о том, что вопросы, касающиеся мусульманского искусства в Персии, которому посвящен ряд работ западно-европейских ученых, принадлежат к наименее разработанным,[1] то это замечание еще более применимо к вопросам, касающимся мусульманского искусства в Средней Азии. Тот же ученый в одной из своих статей справедливо указывал, что „научного описания, с подробным разбором письменных источников, нет до сих пор ни для одной из построек этого периода“ [2] (речь идет о самаркандских памятниках). Это утверждение ак. Бартольда, высказанное им более 10-ти лет тому назад, остается, пожалуй, в силе до сих пор, хотя за этот промежуток времени вопросы, касающиеся памятников мусульманской архитектуры в Средней Азии, неоднократно были предметом изучения.[3] Весьма малая изученность туркестанских архитектурных построек, в частности самых известных из них—самаркандских, дала возможность одному из лучших современных историков искусства, Fr. Sarre, в своем большом труде Denkmäler persischer Baukunst, обнимающем памятники „персидской“ архитектуры от Конии до Самарканда, утверждать, что все памятники тимуридской эпохи своими размерами значительно превосходят свои персидские образцы.[4] Впоследствии мнение Ф. Зарре было повторено и другими учеными.[5] В действительности, например,

[1] См. Ежегодник Рос. Инст. Ист. Искусств, П. 1922, т. I, стр. 121.

[2] Бартольд, В. В. Задачи русского востоковедения в Туркестане, П. 1915, стр. 13.

[3] Изучением средне-азиатских памятников искусства в последние годы занимались: ак. В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин, проф. Б. П. Денике, архит. Б. Н. Засыпкин, проф. В. М. Зуммер, д-р Кон-Винер, архит. М. М. Логинов, М. Е. Массон, инж. М. Ф. Мауэр, проф. А. М. Миронов, худ. Мрочковский, проф. А. А. Семенов, архит. А. П. Удаленков, И. И. Умняков, проф. А. Э. Шмидт и др.

[4] Sarre, Fr. Denkmäler persischer Baukunst, Berlin, 1910, 6 Lief.: „Wie bei allen Denkmälern der Timuridenzeit, sind auch hier (речь идет о медресе Улугбека) die gewaltigen Abmessungen bemerkenswert, die die der reinpersischen Bauten, ihrer Vorbilder, bei weitem übertreffen“.

[5] Бартольд, В. В. Задачи русского востоковедения, стр. 13—14, и его же, Культура мусульманства, П. 1918, стр. 92. Ср. Денике, Б. П. Искусство Средней Азии, М. 1927, стр. 27 и сл.

купол мавзолея султана Ульджейту (1304—1316 гг.) в Султании превосходит своими размерами тимуридские постройки того же типа в Средней Азии.[1]

Высший расцвет мусульманской культуры и начало ее упадка обыкновенно относят к XI в. В действительности, как замечает В. В. Бартольд,[2] прогресс во многих отраслях культурной жизни, по крайней мере в Персии, продолжался еще несколько веков. Только в XI в. начинают развиваться успехи строительной техники не только в Персии, но и в Средней Азии. К началу XI в. относится самая старая из сохранившихся датированных построек мусульманской Персии, башня Кабуса [3] (в Северной Персии, близ развалин г. Джурджана). К этому же веку относится и самое старое из дошедших до нас гражданских сооружений мусульманской архитектуры в Туркестане, которому посвящена настоящая статья.

До сих пор лучшее описание Рабат-и Малик принадлежало натуралисту А. Леману, посетившему этот памятник в 1841 г. Им же впервые был сделан рисунок с этого памятника, приложенный к его книге,[4] откуда заимствован нами для настоящей статьи (рис. 1).[5] В русской научной литературе и в литературе о путешествиях по Средней Азии этому памятнику уделяли весьма мало внимания.[6] Западной науке этот памятник, повидимому, остался совершенно неизвестен, так как о нем нет никаких сведений в трудах западно-европейских ученых, писавших о памятниках мусульманской архитектуры Востока.[7] В виду этого нам кажется небесполезным остановиться прежде всего на описании Рабат-и Малик, сделанном А. Леманом 85 лет тому назад. Вот что он говорит об этом памятнике: [8]

---

[1] Описание мавзолея Ульджейту в Султании приведено, напр., у Diez, E. Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915, S. 82-85. О размерах здания сказано, что „die Gesamthöhe des Baues beträgt 51 m., der innere Durchmesser 25,50 m.“

[2] Культура мусульманства, стр. 72.

[3] О башне Кабуса см. статью В. В. Бартольда в Ежегод. Росс. Инст. Ист. Искусств, П. 1922, т. I, стр. 121—125.

[4] Lehmann, A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841—1842. (Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, XVII, St.-Pet., 1852.)

[5] По словам Скайлера, посетившего Рабат-и Малик в августе 1873 г., рисунок Лемана дает прекрасное представление о памятнике (Schuyler, E. Turkistan. Vol. II. London, 1876. p. 115). Ред.

[6] См., напр., Ханыков, Н. Описание Бухарского Ханства, Спб. 1843, стр. 97; Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии. Москва, 1867, стр. 166. Ситняковский, Н. Ф. Прот. засед. и сообщ. членов Турк. Кружка люб. археологии, г. III, стр. 90. Денике, указ. соч. стр. 14.

[7] В упомянутом выше труде Э. Дица, кроме фотографических снимков с самаркандских памятников, помещен рисунок (см. Abb. 189, стр. 144), который автор называет „Grabturm in Bochara“; в действительности это безымянный мавзолей в группе Шах-Зинде в Самарканде (ср. в указ. книге Э. Дица фот. № 116, стр. 89). Этот факт лишний раз говорит за то, насколько мало известны западной науке даже самаркандские постройки.

[8] См. указ. соч., стр. 88—89.

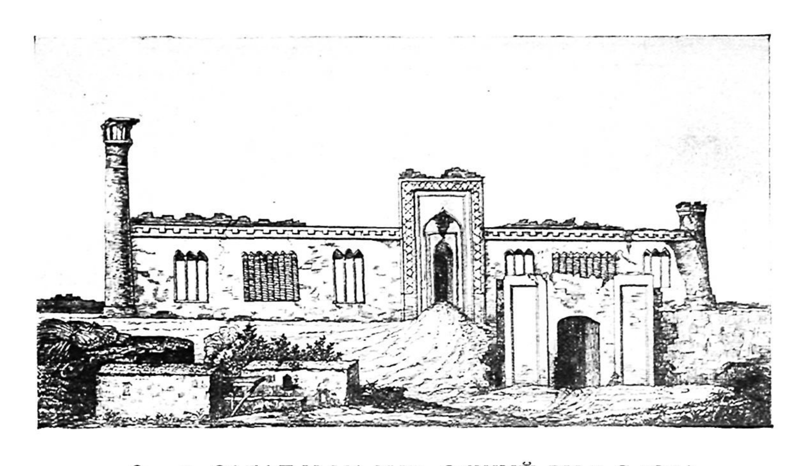

Рис. 1. РАБАТ-И МАЛИК, ОБЩИЙ ВИД С ЮГА.
Из книги Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842.

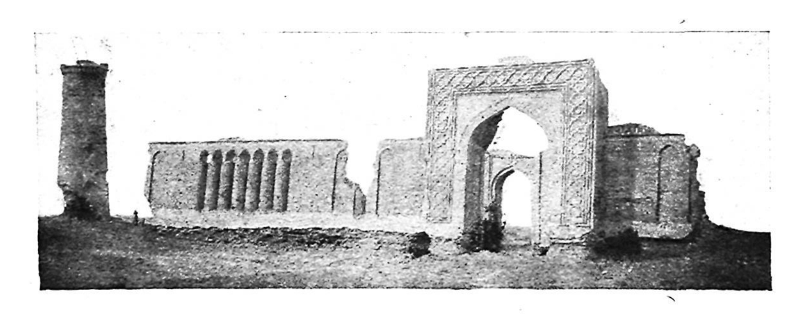

Рис. 2. РАБАТ-И МАЛИК, ОБЩИЙ ВИД С ЮГА.
Фотография В. Костко 1926 г.

Рис. 3. РАБАТ-И МАЛИК, ДЕТАЛЬ ПОРТАЛА.

Фотография В. Костко 1926 г.

„Собственно укрепление, если можно так выразиться, образует большой четыреугольник, 106 больших шагов в длину и столько же в ширину. Все сооружение выстроено из хорошего, жженого кирпича, чрезвычайно тщательно и правильно. Фасадная сторона, где находится вход, обращена на юг; она прерывается по средине высокими воротами, которые превышают хорошо сохранившуюся стену на одну треть ее высоты. На каждом углу фасада возвышается башня; на западной башне, высотой в два раза превышающей высоту стены, имеется под карнизом большая рельефная надпись арабскими буквами.[1] Вверху на башнях заметны перила, также построенные из кирпича, которые только частично сохранились. Другая, восточная башня, значительно ниже; по ее верхнему краю сохранилось еще несколько бойниц. По обе стороны от входа находятся совершенно симметрично расположенные сначала три, потом семь и, наконец, опять три высоких, похожих на окна, углубления или ниши, которые не проходят сквозь стену.

„Через ворота, весьма массивного устройства, перекрытые готической аркой, входят во внутрь укрепления. Здесь лежат различные беспорядочно упавшие обломки и груды камней, которые позволяют нам лишь догадываться, чем они раньше были. Однако, определенно можно скоро распознать за входом с обеих сторон узкие, параллельно идущие сводчатые галлереи, похожие на конюшни. Затем попадают в довольно просторный передний двор, откуда узкий проход ведет в главное помещение.

„Это последнее образует большое отдельное круглое здание, на внутренних массивных стенах которого воздвигнуты готические колонны; они еще довольно хорошо сохранились и украшены различными рельефными арабесками; когда-то на них покоился высокий сводчатый купол этой ротонды, который теперь обрушился; крупные и мелкие обломки его покрывают пол здания. Так как стены не имели окон, то свет должен был падать сверху. В глубине этого круглого помещения находится маленькая дверь, ведущая в последнюю комнату, из которой попадают теперь в большой фруктовый сад.

„Многочисленные груды камней в ближайшей окрестности Малика и остатки весьма массивных внешних ворот перед входом в укрепление дают, впрочем, возможность предположить, что последнее было только местопребыванием хана и его преемников, и что в то время оно было обнесено внешней стеной значительной окружности. Возле селения имеется отдельное, отлично сохранившееся круглое здание (ротонда) громадных размеров, через высокий, прекрасно перекрытый свод купола которого проникает сверху дневной свет. Здание лежит наполовину в земле, но еще теперь служит убежищем для путешественников“.

---

[1] Разбор надписи на башне и на портале см. ниже.

Если сопоставить описание Лемана (см. рис. 1) с современным состоянием памятника (см. рис. 2), то мы должны констатировать факт сильного разрушения этой постройки за последние десятки лет.

После Лемана остатки Рабат-и Малик наиболее подробно были описаны на страницах „Туркестанских Ведомостей". Так, в „Турк. Вед." за 1875 год в статье „От Шахрисябза до Бухары" Н. М-ва[1] имеется небольшая заметка о развалинах рабата. „Это—обширный караван-сарай", говорит Н. М-в, „выстроенный из превосходного жженого кирпича. Минарет и самый фасад караван-сарая поражают своим изяществом и благородною красотою украшений, хотя все здание и построено из простых кирпичей, без изразцовой мозаики". Из заметки Н. М-ва для нас является ценным факт существования в 1875 году одного минарета (ю.-з.), который сохранился до настоящего времени.

Значительно позже, в 1911 году, развалины в степи Малик посетил В. Ерещенко, который в своей статье „Путешествие по старой Бухаре", напечатанной в „Туркестанских Ведомостях" [2], так их описывает:

„Вот мы выехали на небольшое возвышение; перед нами развернулась картина разрушения, некогда громадной, роскошной постройки. Остались от нее теперь лишь главная стена, ворота и единственная башня с полуобвалившимся верхним карнизом. Около развалин расположен небольшой кишлак, построенный почти весь из кирпича, взятого обывателями из развалин. Отрадно, что хотя теперь Рабат-и-Малик больше не расхищается. Бухарское правительство запретило это делать и даже приставило стражника с тем, чтобы он охранял исторический памятник... Место развалин—это площадь, мерою около 1600 квадр. сажен—сплошь заваленная остатками пережженого кирпича. По средине здания помещаются большие ворота, с уцелевшей еще главной аркой, параллельно которой—в верхней части помещается ряд куфических надписей. На левой, на западной стороне от ворот отдельно от стены стоит высокая, с полуразрушившимся основанием, башня, на которой видны остатки ведшей на вершину ее кирпичной лестницы. Она до половины помещается вне башни, а на середине вышины входит в дверное отверстие и идет во внутрь башни. На верхней части башни сохранились еще остатки некогда красивого кирпичного карниза, украшенного кольцом надписей. Северная сторона развалин Рабат-и-Малик представляет площадь, усеянную группой небольших возвышений, расположенных правильными четыреугольниками. Судя по расположению возвышенностей, нетрудно представить план бывшего здесь здания; в самой середине

---

[1] См. „Турк. Вед.", 1875 г., № 6. Вероятно, под этими инициалами скрывается исследователь Туркестана Н. А. Маев; указанием на его статью я обязан Е. К. Бетгеру.

[2] См. „Турк. Вед.", 1911 г. № 264 (мое внимание обратил на эту статью Е. К. Бетгер).

помещается площадка, пространство которой равно приблизительно 10 квадр. саж., по краям ее правильным четыреугольником расположено нечто, напоминающее вал. На этом месте, очевидно, помещался большой высокий зал со сводчатым куполом... На северо-западном углу всей площади сохранились остатки полуразрушившейся стены, за которой, между прочим, видна обширная, глубокая, некогда выложенная внутри кирпичем яма, служившая вероятно водовместилищем". [1]

После описания Лемана 1841 г., Н. М-ва в 1875 г. и Ерещенко в 1911 году памятник Рабат-и Малик, насколько известно, не был предметом не только всестороннего изучения, но и простого описания. Даже новые фотографические снимки этого здания после рисунков Лемана были сделаны (И. А. Беляевым) лишь в 1906 году.[2] Комиссия, обследовавшая бухарские памятники в 1920 г., обратила внимание Бухарского Революционного Комитета на необходимость установить охрану исторических построек в пределах существовавшей тогда Бухарской Республики, в том числе и Рабат-и Малик.[3] Однако, только в 1925 г. Средне-Азиатский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, взявший с 1925 года в свои руки дело охраны памятников старины в пределах бывшей Бухарской Республики, мог обратить внимание на остатки Рабат-и Малик и произвести его техническое обследование. Осенью 1925 года в кишлак Малик, находящийся приблизительно в 18—20 верстах к западу от г. Кермине (Ср.-Аз. жел. дор.), где лежат развалины рабата, были командированы гражд. инж. В. А. Красильников и археолог В. Р. Чейлытко для обследования интересующего нас памятника. В начале 1926 года для производства фотографической съемки развалины посетили члены Бухарской Комиссии Средазкомстариса М. Ю. Саиджанов и В. К. Костко. Наконец, летом того же года инж.-арх. М. М. Логинов произвел

---

[1] Описав развалины, В. Ерещенко, между прочим, замечает, что среди груды кирпича и мусора было найдено большое количество остатков мозаичных украшений. Автор, вероятно, впал в заблуждение. В сохранившихся остатках рабата не видно никаких следов мозаики; о мозаичных украшениях рабата ничего не говорит и Леман. Вслед за ним Н. М-в, как указано выше, категорически утверждает, что здание построено из простых кирпичей без изразцовой мозаики. На известных нам архитектурных памятниках эпохи караханидов (XI—XIII вв.) орнаментальная облицовка обычно состоит из штукатурки, кирпича и резной терракоты; полихромная полива встречается на постройках более позднего происхождения; мозаичные украшения встречаются лишь на памятниках эпохи Тимура (ср. Засыпкин, Б. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация в Сборнике „Вопросы Реставрации", Москва, 1926 г., стр. 137—178; Денике, указ. соч., стр. 24).

[2] См. *Бартольд, В. История изучения Востока в Европе и России, 2 изд.*, Л. 1925, стр. 256 и 266. Фотографические снимки И. А. Беляева хранятся в Азиатском Музее Академии Наук. Не имея возможности пользоваться этими фотографиями, мы не можем проследить те разрушения, которым подвергся Рабат-и Малик с 1906 по 1926 гг.

[3] См. Изв. Рос. Акад. Ист. Мат. Культуры, П. 1922, т. II, стр. 17—18.

подробные обмеры этого памятника и составил смету на его необходимый ремонт.

Результатом осмотра было установлено, что памятник расположен к северу от дороги и отдален от нее группой жилых построек, которые в настоящее время покинуты населением. По сохранившимся остаткам фундамента можно заключить, что памятник представлял собою сооружение, имеющее в плане прямоугольник, главный фасад которого обращен на юг. Остатки стен можно проследить по всему направлению. Углы прямоугольника сохранили следы закругления (на сев.-зап. и сев.-вост.), выступающие с наружной стороны стен; это дает основание предполагать наличие некогда существовавших там угловых башен. Площадь, заключенная между стенами, холмиста и поросла дерном. Следов новых построек на площади нет. В юго-зап. углу сохранилась башня; по мнению специалистов, ее тяжелые пропорции, форма сталактитов и терракотовая надпись под карнизом говорят о ее древности. Сталактитовый карниз башни местами обвалился. Перил на верху башни, о которых говорит Леман, теперь совершенно нет. С северной стороны башни сохранился вход с аркой. Высота башни равна прибл. 17 метр.[1]. Нижняя часть башни у основания (=4,45 м.) сильно разрушена: юго-западная ее часть разобрана и выветрилась на высоту 4,25 м. и в глубину 1,5 м.; разрушение охватывает $^2/_3$ окружности основания. В первую очередь предположено доложить основание башни кирпичем, из которого построен памятник[2]. Кроме юго-зап. башни, сохранилась часть фасадной стены, украшенной порталом (пиштаком) со стрельчатой аркой. К западу и востоку от портала идут остатки стен. Высота стены в той части, где она отделяется от юго-зап. башни, около 8 м. От стены, идущей к востоку от портала, сохранилась лишь незначительная часть, 6 м. протяжением, по которой нельзя судить о конфигурации всей стены; восточная часть стены, как удалось установить инж. Красильникову, упала в 1924 г. Западная часть стены, протяжением 27,47 м., отделенная от башни обвалом длиною 5 м., украшена в средней своей части шестью не выходящими из плоскости стены[3] полуколоннами общим протяжением 8,30 м., которые вверху завершаются перекинутыми с одной полуколонны на другую перспективными стрельчатыми арками. Полуколонны сложены из жженого кирпича горизонтальной кладкой. Таким же кирпичем облицован и весь памятник. В этой же западной стене, ближе к ее концам, расположены ниши. Между нишами, находящи-

---

[1] Приводимые здесь обмеры памятника произведены архит. М. М. Логиновым.

[2] Из опроса местных жителей выяснилось, что развалины рабата служили источником строительного материала для соседнего кишлака Малик, возможно и других кишлаков.

[3] Есть основание предполагать, что подобные архитектурные украшения сасанидского происхождения. Ср., напр., Diez, цит. соч., S. XIII и мнение М. Е. Массона в Сборнике „По Таджикистану“ (Отчет по экспедиции 1925 года), вып. I, Ташкент, 1927, стр. 35.

мися ближе к порталу, имеются два закругления в стене, подобно полуколоннам украшающим среднюю часть стены. В этом месте в стене имеется обвал шириною в 2,30 м. и высотою 4,5 м. Верхняя часть ниши орнаментирована фигурной кирпичной кладкой. Такая же ниша сохранилась у конца стены, приближающейся к башне, а также и в сохранившейся части восточной стороны стены. В настоящем состоянии стены заканчиваются фризом, на котором в орнаментальном ритме поставлены на ребро два кирпича, чередуясь с двумя кирпичами, поставленными диагонально. Выше фриза кладка разрушена и ничего восстановить невозможно. На уровне перспективных арок, соединяющих попарно полуколонны, по обеим сторонам между полуколоннами и нишами, имеются в стене углубления, которые служат декоративным украшением стены. Портал, сохранившийся лучше остальных частей, около 12,5 м. высотой, выступает с плоскости стены до 1,5 м., имеет стрельчатую арку, перекрытую полукуполом, остатки которого уцелели. На сохранившихся частях полукупола заметны орнаментальные украшения, которые выполнены по алебастру высоким рельефом. Орнамент—смешанный: геометрический с растительным. Арку окаймляет терракотовая надпись, к сожалению, целиком не сохранившаяся. Сам портал окаймлен широким бордюром, хорошо сохранившимся, заполненным орнаментом, состоящим из кирпичей, выложенных в плетенку, в полях которой на алебастре нанесен орнамент. Бордюр, в свою очередь, с обеих сторон окаймляется переплетающимися между собой лентами высокого рельефа. Поле бордюра разделено звездчатыми украшениями, которые, как и окаймляющие его ленты, сделаны из кирпича.[1] Внутренние поверхности бордюра покрыты резным орнаментом по алебастру.[2]

Выше мы привели насколько возможно полные сведения о Рабат-и Малик, встречающиеся в литературе о путешествиях в Бухару, и дали современное описание памятника. Гораздо более скудные сведения об этом памятнике имеются в мусульманской исторической литературе. До появления в свет труда В. В. Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ (Спб. 1900 г.) не было известно, к какому времени относится постройка Рабат-и Малик. В. В. Бартольду удалось это установить путем привлечения новых источников. Теперь нам известно, что „царский рабат“ был построен караханидом Шемс-ал-мульком Насром, сыном Тамгач-хана Ибрагима, который правил в Самарканде от 460—472 [3]=1068—1080 гг. Проф. В. В. Григорьев, акад.

---

[1] Звездчатый орнамент на широком бордюре портала Рабат-и Малик наиболее рельефно, как нам удалось заметить, повторяется в некоторых сельджукских постройках Малой Азии; ср., напр., Кок-медресе (XIII в.) в Сивасе (см. Diez, цит. соч., Abb. 162, S. 122).

[2] Приведенными сведениями о современном состоянии памятника мы обязаны главным образом В. А. Красильникову и В. Р. Чейлытко.

[3] Стэнли Лэн-Пуль, Мус. династии, стр. 111 и Григорьев, В. В. Караханиды в Мавераннагре, Спб. 1874, стр. 13; Джемаль ал-Карши приводит 471 г.—дата

В. В. Радлов и другие ученые, писавшие о караханидах, основывались главным образом на труде Ибн-ал-Асира (XIII в.), известия которого, как говорит В. В. Бартольд,[1] „далеко не всегда подтверждаются рассказами более ранних и лучше осведомленных авторов". Кроме Ибн-ал-Асира, В. В. Бартольд пользуется трудами Утби (XI в.), Бейхаки (XI в.), Гардизи (XI в.), Ауфи (XIII в.), Джамаль-ал-Карши (XIII—XIV в.) и др. Но в извлечениях из этих источников, изданных В. В. Бартольдом в его „текстах" и использованных им в его „Туркестане", не приводится года основания Рабат-и Малик. Джемаль-ал-Карши в своем „Мульхикат-ас-Сурах"[2] лишь говорит, что „Шемс-ал-мульк Абу-л-Хасан Наср б. Ибрагим умер в 471 году; он владетель царского рабата в сел. Харджeнг".[3] Кроме Джемаля ал-Карши, краткие указания об этом рабате мы находим еще в „Китаб-и Муллазадэ",[4] многочисленные рукописи которой пользуются известностью в Средней Азии. Точность приведенных данных в этой книге дала В. В. Бартольду возможность утверждать, что автор „пользовался своими источниками с величайшей добросовестностью".[5] Этот автор опреде-

---

смерти Шемс-ал-мулька (см. Бартольд, В. В. Туркестан, тексты, стр. ١٣٢). Сведения о Шемс-ал-мульке, его правлении и постройках в Мавераннахре собраны в книге В. В. Бартольда Туркестан (стр. 335—337). Вообще о караханидах см., кроме „Туркестана" В. В Бартольда, еще его же „Очерк истории Семиречья", 1898, стр. 20—28 и *ряд статей В. В. Бартольда в Enz. des Islam. Раньше Бартольда из русских ориента*листов о караханидах писали: В. В. Григорьев (Караханиды в Мавераннагре, Спб., 1874) и акад. В. В. Радлов (Das Kudatku-Bilik, St.-P. 1891, Einleitung, S. LXXVIII—LXXX; на рус. яз.: К вопросу об уйгурах, Спб. 1893, стр. 122—125).

[1] Очерк истории Семиречья, стр. 21.

[2] См. Бартольд, В. В. Туркестан, тексты, стр. ١٣٢.

[3] О селении Харджeнг нет сведений ни у арабских географов в изд. де-Гуе, ни в словарях Сам'ани и Йакута (ср. Бартольд, В. В. Туркестан, стр. 132). При издании текстов (см. тексты, стр. ٨) В. В. Бартольд отождествил (повидимому ошибочно) Харджeнг с Хартенгом, отстоящим от Самарканда в 3 фарсахах (см. Туркестан, стр. 132). Расстояние Хартенга от Самарканда, указанное у Сам'ани, не позволяет отождествить его с Харджeнгом, где находился Рабат-и Малик (см. тексты, стр. ١٣٢); тот же Сам'ани говорит о рабате Хартенг, где находилась могила Имама Мухаммеда б. Исмаила ал-Бухари (см. тексты, стр. ٦٩). О Хартенге в окрестностях Самарканда упоминают и другие мусульманские авторы, см., напр., Эмин Ахмед Рази „Семь климатов", по рук. Ср.-Аз. Гос. Библ., л. 271 б; в рукописи селение неправильно названо تنك вместо خرتنك. Харджeнг упоминается у Гардизи [у В. В. Бартольда в текстах селение названо Хартенгом (см. стр. ٨), в исследовании (стр. 259) Харджeнг], по словам которого здесь произошло сражение в 336=947 г. между саманидом Нухом и мятежником Абу-Али. При Харджeнге был разбит Фаик, следствием чего явилось занятие караханидами Бухары в 992 г. (см. Туркестан, стр. 271).

[4] Эта книга принадлежит некоему Ахмеду б. Мухаммеду, получившему прозвание „благодетеля бедных" (Му'ин ал-фукарâ); время жизни автора неизвестно, но, как указывает В. В. Бартольд (см. Туркестан, стр. 59), „из хронологических данных, приведенных в его книге, видно, что он жил не раньше XV века".

[5] Туркестан, стр. 59—60.

ленно называет Шемс-ал-мулька строителем „царского рабата“.[1] Ни в бухарском издании „Китаб-и Муллазадэ“ (1904 г.), ни в других рукописях этого труда[2] нет сведений о дате постройки Рабат-и Малик. В. В Бартольд *при издании своих* „текстов“, составляющих первую часть его „Туркестана“, пользовался двумя рукописями „Китаб-и Муллазадэ“ Петербургского Университета.[3] В одной из этих рукописей на полях указана дата постройки нашего памятника; надпись на полях гласит следующее: „строителем царского рабата был Наср б. Ибрагим, известный под именем Шемс-ал-мулька; он построил Рабат-и Малик в 471 г.“;[4] при этом автор, сообщивший эту дату, ссылаетя на جامع المقامات Ходжа Накшбенд'а. Насколько эта дата отвечает действительности, оставляем на совести автора этой надписи.[5] К сожалению, сохранившиеся надписи на портале и на башне (юго-зап.) не дают нам возможности проверить правильность даты постройки рабата.

На портале уцелела часть надписи на персидском языке: начало *и конец надписи не сохранились* (см. рис. 3). Сохранившаяся часть надписи читается так:[6]

.... [سل]طان جهان که کرد این جای بنای زین [?] ... خلق
و .... او [?] دنیا ارای از بهر خدای .... عالی جای از وی بتمامی .....
خدای مانند بهشت کشت این جای خراب نمیکرد [?] ....

Вследствие того, что надпись немного испорчена и не все места ее поддаются разбору, трудно дать точный перевод надписи. Разобранная часть надписи гласит, что здание построено „султаном мира“ и при помощи бога стало подобным раю.

Если допустить, что в сохранившейся части надписи первые два слова читаются سلطان جهان (от первого слова мы имеем лишь его ко-

---

[1] См. Бартольд, Туркестан, тексты, стр. ١٦٨. Кроме Рабат-и Малик, автор „Китаб-и Муллазадэ“ говорит еще о другом рабате, также выстроенном Шемс-ал-мульком в месте Ак-Кöтель (آق کتل), на пути из Самарканда в Ходженд (см. там же).

[2] См., напр., рук. Ср.-Аз. Гос. Библ. по кат. Каля № 3, л. 34б и бух. рук. 1255 г. х., принадлежащую Саиджанову.

[3] См. рук. Пет. Унив. №№ 593с, 947b.

[4] См. Бартольд, Туркестан, тексты, стр. ١٧٣ со ссылкой на рук. Пет. Унив. 947b, л. 64а: و بانئ رباط ملك نصر بن ابرهیم که معروف بشمس الملك است رباط ملك را در سنهٔ احدی و سبعین و اربعمائه او بنا کرده است جامع المقامات خواجهٔ نقشبند

[5] Здесь можно отметить, что в Бухаре до знакомства с отрывками текста „Китаб-и Муллазадэ“, изд. В. В. Бартольдом, не знали о времени постройки Рабат-и Малик. В бухарском издании مقامات خضرت خواجه نقشبند (1328 г. х.) на стр. ٣٣ упоминается Рабат-и Малик в следующих выражениях: و بسیار اوقات با مولانا عارف هم مزدوری میکردند در عمارت رباط ملك Пишущий эти строки тщетно старался найти в этой книге указания о времени постройки Рабат-и Малик.

[6] Разбором этой надписи я обязан проф. А. Э. Шмидту, которого искренне благодарю.

нец—طان, второе слово ясно читается—جهان), т. е. „султан мира“, то мы имеем здесь, вероятно, титул, который носил строитель этого здания. Нам известно, что Шемс-ал-мульк Наср носил титул „султана Востока и Китая“,[1] но у нас нет сведений о том, что он еще имел титул „султана мира“.

Надпись на портале написана на персидском языке. Этот факт не лишен известного интереса. Караханиды, сменившие саманидов, были первой мусульманской династией в Средней Азии турецкого происхождения. До них господство в стране принадлежало туземному арийскому населению. Господствующим языком при караханидах, вероятно, оставался персидский, как наиболее понятный для большинства населения страны. Этим можно объяснить, почему на постройке гражданского типа, каким является рабат [2] в степи Малик, была сделана надпись на портале на персидском языке. Мы знаем, что в эпоху караханидов влияние персидской культуры было так сильно, что ханы уже перестали сознавать связь между собой и жившими в их государстве турецкими народностями. [3]

Другая терракотовая надпись, сохранившаяся под карнизом на юго-зап. башне, содержит в себе следующие стихи из корана (сура III, ст. 16 и 17):[4]

شَهِدَ اللّٰهُ اَنَّهُ لَا اِلٰهَ اِلَّا هُوَ وَ الْمَلٰئِكَةُ وَ اُولُوا الْعِلْمِ
قَائِمًا بِالْقِسْطِ لَا اِلٰهَ اِلَّا هُوَ الْعَزِيزُ الْحَكِيمُ اِنَّ
الدِّينَ عِنْدَ اللّٰهِ الْاِسْلَامُ الْمُلْكُ الْمُلْكُ الْمُلْكُ لِلّٰهِ

Перевод: „Аллах свидетельствует, что нет божества, кроме него, и ангелы и люди знания, будучи тверды в истине, [исповедуют]: нет божества, кроме него, всемогущего, мудрого. Подлинно, благочестие перед аллахом есть покорность. Власть, власть, власть принадлежит аллаху“.

Слова العزيز الحكيم на фотографии не читаются; возможно, что они пропущены. На слове الاسلام стих 17-ый III суры корана прерывается. За ним следует славословие.

Других надписей, кроме приведенных выше, на нашем памятнике нет.

---

[1] Бартольд, В. В. Туркестан, стр. 323 (с ссылкой на А. Маркова, Инвентарный каталог мусульманских монет, стр. 268 и сл.); о титулах, которые носили караханиды, см. там же, стр. 286, 323 и 335. Ср. Махмуд Кашгарский, I, ٣٧٨. О значении титула „султан“ в эпоху караханидов, см. Мир Ислама, I, 1912, стр. 220 и сл.

[2] Термин „рабат“ не следует смешивать со словом „рабад“—„предместье“; о значении слова „рабат“ у арабских географов и Йакута см. Bibl. Geogr. Arab. IV, p. 244. Ср. The Encycl. of Islam, I, p. 424 и Бартольд, В. Ислам, П. 1918, стр. 64—65; его же: История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 29 и сл.

[3] См. Стенограф. отчет первого тюркологического съезда, Баку, 1926, стр. 27.

[4] В разборе этой надписи большую услугу мне оказал проф. А. Э. Шмидт.

Описанный нами рабат в степи Малик, как уже отмечено, относится к эпохе караханидов и датируется XI веком. Таким образом, он должен быть отнесен к числу самых ранних туркестанских построек гражданского типа, дошедших до нас. Из других уцелевших памятников XI—XII вв. на территории, занимавшейся караханидами, отметим: минарет и три мавзолея (южный, средний и северный) в сел. Узгене (Андижанского уезда), [1] минарет Калян в Бухаре (построен Арслан-ханом в 521/1127 г.), башню Бурана близ Токмака, Пишпекского района; по словам проф. Б. П. Денике, этот памятник (недатированный) „по своим архитектурным формам и орнаментации имеет тесную связь с минаретом в Узгене, минаретом XII в. в Бухаре, башней в Термезе и башнями XI—XIII вв. в Хорасане и с большей вероятностью можно предположить датировку Бураны XI—XII веками, т. е. эпохой караханидов“. [2] К эпохе же караханидов, по словам проф. Б. П. Денике, [3] относится мазар Айша-биби в сел. Головачевском (в 20 верстах от города Аулие-ата). Старейшим памятником в Туркестане обычно принято считать мавзолей в Бухаре, в котором, по преданию, был похоронен Исмаил Саманид; его датируют X веком, предполагая, что сооруженный на могиле Исмаила (ум. 907 г.) памятник дошел до нас в своем первоначальном виде. Так как никаких надписей, подтверждающих это предание, не сохранилось, и вакуфные документы также ничего не говорят о датировке этого памятника, вопрос о постройке его в том виде, в каком он дошел до нас, остается пока открытым. [4] Д-р Кон-Винер, специалист по истории стилей, изучавший

[1] Узгенские памятники были обследованы Комиссией Средазкомстариса в 1924 г.; результаты обследования изложены в двух работах архит. Б. Н. Засыпкина: „Изучение древних сооружений в Средней Азии“ в журнале „Новый Восток“, № 10—11, стр. 264 266 и „Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация“ в Сборнике „Вопросы Реставрации“, М. 1926, стр. 154—159.

[2] См. Краткий предв. отчет Б. П. Денике и М. М. Логинова о поездке в южный Казакстан и северную Киргизию, представленный в Средазкомстарис от 16/IX 1925 г. Такого же мнения о датировке Бураны Б. Н. Засыпкин, см. его „Памятники архитектуры в Средней Азии“, стр. 159. Ср. Бартольд, В. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 г., Спб. 1897, стр. 40.

[3] См. Денике, Б. П. и Логинов, М. М. указ. отчет. Б. П. Денике в своей новейшей работе, посвященной искусству Средней Азии, не высказывает определенного мнения о датировке мазара Айша-биби, относя этот памятник „к до-монгольской или ранне-монгольской эпохе“, устанавливая при этом связь этого мазара с узгенскими мазарами и мазаром Манаса (см. ук. соч., стр. 24—25). Ср. Прот. Турк. Кружка, г. II и отчет В. В. Бартольда о поездке в Среднюю Азию в 1893—94 г., стр. 8, прим. 2 (у Бартольда мазар назван „Айшабу“). О датировке мазара Айша-биби см. еще указ. сборник „По Таджикистану“, стр. 36.

[4] В 1926 г. было произведено в Бухаре архитектурно-археологическое обследование этого памятника под руководством М. М. Логинова и В. Л. Вяткина; результаты обследования обрабатываются и, может быть, выяснят вопрос о датировке этого интересного архитектурного сооружения.

этот памятник, сравнивает его, по характеру орнамента, с мавзолеем Талхатан-Баба в Мервском оазисе [1] и датирует памятник XII веком.[2]

В настоящей статье мы подробно рассмотрели самое старое дошедшее до нас гражданское сооружение в Туркестане, Рабат-и Малик и вскользь коснулись других памятников архитектуры эпохи караханидов. Возникает вопрос, какие культурные влияния в области архитектурных форм, стиля, орнаментации и т. д. можно проследить на сооружениях XI—XII вв. в Туркестане. Вопрос этот сложный и пока почти совершенно не разработанный. Отдельными учеными высказывались различные мнения по данному вопросу. Так, проф. А. А. Семенов утверждает, что „оседлое арийское население Средней Азии, являвшееся носителем высокой местной культуры в до-исламскую эпоху, продолжало сохранять культурные традиции прошлого и во времена мусульманства, поэтому все наиболее выдающиеся постройки этого времени были созданы или непосредственно местным арийским населением, или при ближайшем участии и культурном воздействии как его самого, так и привлекавшихся к этому персидских (а м. б. иногда и китайских) мастеров“. [3] Утверждение А. А. Семенова, по мнению В. М. Зуммера и арх. Б. Н. Засыпкина, едва ли может быть принято.[4] Изучением орнамента средне-азиатских построек занимался в 1924 и 1925 гг. д-р Кон-Винер, который посвятил специальную статью памятнику XII в., мавзолею Султана Санджара в Мерве.[5] Как в своих отчетах 1924 г., так и в этой статье Кон-Винер стремится доказать, что стиль архитектурных построек в Хорасане и в особенности в мавзолее Санджара представляет дальнейшее развитие стиля, обнаруженного в Самарре (IX в.)[6] В своих отчетах 1924 г. Кон-Винер, путем сравнения средне-азиатской керамики (гл. обр. самаркандской) с находками в Самарре и Рейе, приходит к выводу, что в противоположность до-мусульманскому периоду, в первые века ислама в Туркестане была культура, и что „Самарканд стоит рядом с исламскими центрами в Сирии и Месопотамии как совершенно однозначащий“. По словам В. В. Бартольда, [7] в та-

---

[1] Ср. Жуковский, В. А. Развалины Старого Мерва (Материалы по археологии России № 16) Спб. 1894, рис. 30—32.

[2] См. Jahrb. d. Asiat. Kunst, 1925, S. 118. Ср. мнение Б. П. Денике в его работе „Искусство Средней Азии“, стр. 11—13 и мнение М. Е. Массона в Сборнике „По Таджикистану“, стр. 39.

[3] Семенов, А. А. Материальные памятники арийской культуры, в Сборнике „Таджикистан“, Ташкент, 1925, стр. 118.

[4] См. Зуммер, В. М. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи, в Изв. Азерб. Гос. Унив., т. 6—7, Баку, 1926, стр. 258 и Засыпкин, Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии, стр. 153, прим. 3.

[5] Cohn-Wiener, E. Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und das Mausoleum Sultan Sandschars в Jahrb. d. Asiat. Kunst, 1925, S. 114—122. Отзыв об этой работе дан В. В. Бартольдом в Сообщениях Гос. Акад. Ист. Мат. Культ., 1927, стр. 207—216.

[6] Там же, стр. 120—121.

[7] См. Изв. Рос. Ак. Ист. Мат. Культуры, IV, стр. 123—124.

кой категорической форме это мнение едва ли может быть принято; но не подлежит сомнению, что Багдад и Самарра еще долго после распадения халифата были образцом для всего мусульманского мира от Кордовы до Бухары и Самарканда. Повидимому, продолжает далее В. В. Бартольд, „и в области истории искусств подтверждается вывод, к которому я пришел в своих исторических исследованиях: что первые века ислама были для Туркестана временем быстрого прогресса, в зависимости от быстрого развития городской жизни". Проф. Б. П. Денике в своей книге „Искусство Востока" выражает надежду, что „вероятно, со временем удастся более четко выделить роль в искусстве турков Восточного Туркестана—уйгуров, так же как во времена Тимура и Тимуридов особенности турецкого элемента в Бухаре и Самарканде, примешавшегося к персидскому стилю".[1] „Для меня, как исследователя", пишет проф. В. М. Зуммер,[2] „местное обживание занесенных форм является одним из основных фактов,—и персидские формы в искусстве Средней Азии и кавказского Азербайджана еще не определяют для меня искусство их, как персидское". По мнению В. М. Зуммера, „искусство Азербайджана умеет эти персидские формы переводить на местный материал, выдвигает излюбленные формы и местных мастеров". Такое же приблизительно мнение в отношении среднеазиатской архитектуры недавно высказал Б. П. Денике.[3]

Эпоха владычества тюркской династии караханидов для Мавераннахра, писал в 1900 г. В. В. Бартольд,[4] несомненно была эпохой культурного регресса. Несмотря на благие намерения отдельных правителей, взгляд на государство, как на собственность ханского рода, и вытекающая из такого взгляда удельная система с неизбежными смутами должны были иметь последствием упадок как земледелия, промышленности и торговли, так и умственной культуры. Конечно, только упадком культуры можно объяснить факт, что все сведения о событиях в Мавераннахре эпохи караханидов мы заимствуем из сочинений, написанных вне Мавераннахра. Но, с другой стороны, мы знаем, что караханиды, завоевавши Мавераннахр, подверглись сильному влиянию иранской культуры, носителем которой были их предшественники саманиды. Как теперь установлено, перерыва в культурном развитии страны не было: исторические процессы, которые можно проследить в саманидскую эпоху, получили дальнейшее развитие при караханидах.[5] Современный турецкий ученый Кепрюлю-Задэ Мехмед-Фуад в своей книге

---

[1] Денике, Б. П. Искусство Востока, Казань 1923, стр. 150.

[2] Зуммер, В. М. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи, в Изв. Азербайджанского Гос. Университета. Общественные науки, т. 6—7, Баку, 1926, стр. 258.

[3] Денике, Б. П. Искусство Средней Азии, стр. 43.

[4] См. Туркестан, стр. 18.

[5] Бартольд, В. В. История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 19.

تورکیا تاریخی, изданной в Константинополе в 1923 году,[1] сообщает любопытные сведения о культурной работе, проделанной караханидами в Мавераннахре. Не говоря уже о том умственном движении, которым была охвачена в эпоху караханидов Средняя Азия и в котором Самарканд и Бухара, по словам Кепрюлю-Задэ, играли большую роль, эпоха караханидов, по праву, может быть названа эпохой чрезвычайного развития строительной техники в Мавераннахре. По словам Кепрюлю-Задэ, караханиды проявили большое рвение к постройкам в городах дворцов, соборных мечетей, мавзолеев и медресе, а на дорогах—каравансараев и мостов. Некоторые из этих построек, как указано выше, сохранились и доныне. Караханидские архитектурные постройки, до сих пор не утратившие своего обаяния, несомненно должны были оказать влияние на развитие строительной техники в последующие века. Не исключена возможность, что караханиды в этом отношении оказали влияние на своих современников сельджуков; и те, и другие в своих постройках руководились одними и теми же стремлениями: напоминать потомству о славе строителя.[2]

В вопросе о том, какие культурные влияния в области строительной техники могли отразиться на сооружениях эпохи караханидов в Туркестане, мы должны считаться со следующим фактом. Караханиды в своей исторической жизни несомненно находились под культурным воздействием с разных сторон, первоначально со стороны Востока: китайцев, уйгуров и, возможно, согдийцев; затем, заняв Мавераннахр, они подверглись сильному влиянию персидской культуры и местных традиций. Все эти иноземные влияния могли отразиться и на постройках этой эпохи в Туркестане. Выделить более четко роль Востока и Запада в искусстве Туркестана—одна из основных очередных задач искусствоведов нашего Союза.

---

[1] См. стр. ١١٨—١٢٠. Знакомством с этим трудом я обязан М. Ф. Гаврилову.

[2] См. Бартольд, В. В. Туркестан, стр. 336, с ссылкой на Хаутсма. О сельджукских постройках см., напр., Sarre, Fr. Konia, Seldschukische Baudenkmäler.

Х. Д. Досмухамедов.

Легенда о постройке медресе Когельташ в Бухаре.

Среди населения Бухары и Ташкента курсируют предания, приписывающие постройку известного медресе Когельташ в Бухаре казаку. Об этом мне рассказывал ташкентский житель Мунаввар-Кары Абдрашитов в октябре 1923 г., когда мы, как участники всеузбекского научного съезда в Бухаре, жили в упомянутом медресе. К сожалению, Абдрашитов не мог мне сообщить никаких подробностей. Впоследствии я стал наводить справки о том, не находятся ли такого рода предания в обращении среди самих казаков; оказалось, что у туркестанских казаков действительно имеются предания о постройке медресе Когельташ одним из их соплеменников. Вот вкратце содержание одного из таких преданий, рассказанного мне казаком из рода Тама, Курчуской волости Туркестанского уезда, Омаром Диханбаевым и переложенного в стихи казаком Кызыл-Ординского уезда Жуманазаром Урумкуловым:

„Во время оно, когда таджики, узбеки и казаки подчинялись Бухарскому хану, в Бухаре был мулла по имени Шамси-Мухаммед. Этот мулла сообщил своему хану, что в степи есть кочующий народ, называемый казак, который не знает, как следует, истинной религии Мухаммеда и не выполняет правил шариата, а потому он, мулла, предлагает хану объявить казаков неверными и разрешить их продавать на рынках, как рабов.

Хан созвал совет. На совете решили, что объявлять ни с того ни с сего целый народ неверным неудобно, а нужно сперва пригласить их представителей и проэкзаменовать их в знании правил шариата. Если же они не сумеют, как следует, ответить на вопросы мулл, тогда всех казаков объявить неверными и разрешить их продавать, как рабов, на базарах.

Когда казаки услыхали от посланных Бухарского хана о его решении, то созвали большой совет, чтобы решить вопрос, кого послать в Бухару держать ответ перед ханом и муллами. Долго думал совет, как ответить и кого послать. В это время один казак, по имени Коге, попросил разрешения совета ехать в Бухару дать ответ муллам и избавить казакский народ от рабства. Совет разрешил.

Прибыл Коге в Бухару как раз ко времени полуденной молитвы, вошел в мечеть, где служил мулла Шамси-Мухаммед, и стал вместе с другими молиться.

У двери мечети стоял солдат с кнутовищем в руках и следил за молящимися. Когда кончился намаз и все молящиеся сели в круг для последней молитвы, Коге сделал б а т а (поднятие руки ладонью вверх и подношение руки к лицу) руками, спрятанными в рукава. Мулла Шамси-Мухаммед закричал солдату: „Возьми этого человека и накажи его, так как он не знает правил шариата".

Тогда Коге сказал: „Подожди мулла, если бог слышит только голого, то сними одежду и молись нагишом. Почему при молитве руку держать обязательно нагишом, а остальное тело закрывать одеждой. Где сказано в священных книгах, что аллах слышит только молящихся в одежде. Пойдем к хану, пусть он разрешит наш спор".

Мулла замолчал и не нашелся, что ответить. Представ перед ханом, Коге попросил у него разрешения прожить четыре-пять лет в Бухаре, чтобы доказать, что он и его народ—казаки—мусульмане. Хан разрешил.

После этого всех коней, одежду и даже провизию, привезенную с собой из степи, Коге роздал нищим и сделался бедняком. Коге решился жить и собрать имущество своим праведным трудом. Стал он ходить за город нарывать трав, делать из них веники и продавать на базаре. Питался он самым малым и на остатки вырученных от продажи веников денег стал покупать кур. Вскоре у Коге развелось несметное количество кур. Потом он стал выделывать кирпичи. Когда наделал очень много кирпичей, он пришел к хану и попросил разрешения построить мечеть. Хан разрешил. Тогда Коге попросил у хана мастера для постройки, при чем поставил условием, чтобы мастер удовлетворял тем требованиям, которые предъявит Коге. Хан согласился, созвал всех мастеров Бухары и приказал Коге выставить свои требования.

Коге сказал: „Мне нужен такой мастер, который поклянется, что 1) он всю жизнь совершал пятикратный намаз и ни разу его не пропустил, 2) никогда не ступал на землю без требуемого шариатом омовения и никогда не имел злых помыслов, 3) никогда не совершал прелюбодеяния и всегда вел благочестивую жизнь, 4) всегда удовлетворял нищего, подходившего к его двери, 5) всегда исполнял обязанности истинного мусульманина, 6) всегда угощал всякого проходившего, не спрашивая, откуда и зачем он явился, 7) всегда говорил всякому правду в глаза, не смотря на его положение, 8) никому никогда не кланялся, кроме бога. Только такому человеку я по обету могу разрешить начать постройку мечети".

Никто из бухарских мастеров не мог дать такой клятвы, и все отказались приступить к постройке.

Тогда хан приказал объявить всем жителям Бухары условия Коге и вызвать охотников. Никто не откликнулся на призыв хана. Когда в

Бухаре не нашлось ни одного человека, удовлетворявшего требованиям Коге, последний объявил хану, что он дает вышеуказанную клятву, и приступил к постройке мечети. Без всякой посторонней помощи Коге сам один построил стены мечети и тогда только разрешил мастерам докончить и разукрасить мечеть.

Диву давался народ бухарский при виде новой мечети, и так как благочестивым человеком во всей Бухаре оказался один Коге, то эту мечеть назвали именем Коге—Когеташ, переделанную современем в Когельташ, что значит строение Коге.

Раз ночью Коге, пришедши в свою мечеть помолиться, увидел, что в мечети собралась масса народу, и развлекается этот народ, слушая пение, игру на дутарах и пляски певиц. Ужаснулся Коге этого кощунства и заплакал. Потом взял он в руки топор и стал рубить стены мечети. Хотел разрушить он свое строение, чтобы построенный им храм не осквернялся развлечением нечестивых. Тогда прибежал к нему мулла Шамси-Мухаммед, находившийся в числе развлекающихся, и сказал: „Подожди Коге, это строение настолько святое и благочестивое, что в таком виде остаться на земле оно не может, если его не осквернить. Это мы узнали из священных книг. Поэтому мы, муллы, нарочно устроили этот пир здесь, чтобы твой Когельташ навеки остался на земле, иначе он или вознесся бы на небо, или провалился бы в землю. Мы узнали также, что на свете нет человека благочестивее тебя и здания святее построенного тобою“. Поверил Коге мулле и, явившись к хану Бухары, сказал: „Если мои дела признаны благочестивыми, то издайте приказ, признающий казакский народ истинными мусульманами и избавляющий его на вечные времена от продажи в рабство и обращения в невольников“.

Хан удовлетворил просьбу Коге и велел наказать розгами муллу Шамси-Мухаммеда, возведшего клевету на целый казакский народ, а потом приказал его повесить.

Избавив свой народ от рабства, Коге отправился в Мекку и там отошел в вечность.

Таков был Коге—избавитель казакского народа от рабства, и его строение, названное Когельташ, находится поныне в Бухаре и будет стоять там вечно до конца мира“.

Таково предание.

Из упомянутых в легенде лиц мулла Шамси-Мухаммед является, повидимому, личностью историческою, и его можно отождествить с тем муллою Шамсуддин-Мухаммедом, самаркандским уроженцем, жившим во времена султана Хусейна Байкары в Герате, фетвою которого, как повествует В а м б е р и, в 945 г. х. (=1538 г. н. э.) персы были объявлены неверными и изгнаны. „Фетва эта“, говорит Вамбери, „причинила много горя несчастным иранцам: ... без фетвы их нельзя бы было продавать на рынке фанатической Бухары, потому что они не были бы

заклеймены названием кафира, а только кафиров можно продавать".[1] Только в нашей легенде мулла Шамси-Мухаммед предлагает хану объявить неверными не персов, а казаков.

Род Т а м а, представитель которого рассказал мне эту легенду, принадлежит к Младшей Орде; в роде Тама имеется подрод А т а м ш а л, а в подроде Атамшал имеется колено К о г е. В настоящее время колено Коге проживает в Актюбинском уезде (волости Уйсылкаринская, Бестамакская, Бурлинская, Буртинская, Каратугайская). По преданиям казаков, Атамшаловцы и Когинцы пришли в Актюбинский уезд из Бухары и Сыр-дарьинской области лет 200 тому назад.[2] Казаки колена Коге и считают, что строителем Когельташа был их предок Коге.[3]

---

[1] В а м б е р и, А. Очерки Средней Азии. Москва, 1868, стр. 182—183.

[2] Материалы по киргизскому землепользованию. Тургайская область. 7. Актюбинский уезд. Том VII-й. Воронеж, 1903. Примечания к пообщинным таблицам Актюбинского уезда, стр. 37—38.

[3] По данным Вакуфного Управления в Бухаре постройка медресе كوكلتاش относится к 976 г. х.; на это медресе существует следующий тарих: كاخ دلكشا, что действительно соответствует 976 г. х. Некоторые читают كاخ دلكشاى; тогда мы будем иметь 986 г. х. В Бухаре постройку этого медресе приписывают Куль-Баба Кукельташу, современнику хана Абдуллы.

Что касается личности муллы Шамсуддин-Мухаммеда, то, напр., по данным كلشن الملوك Мухаммеда Я'куба (см. рукопись Ср.-Аз. Гос. Библиотеки по каталогу Каля № 3, л. 121-б), он был современником хана Убейдуллы (940—946 гг. х.) и Мир-Араба, известного строителя медресе в Бухаре. Медресе Кукельташ, связанное в легенде с именем Шамсуддин-Мухаммеда, согласно историческим данным, было построено позднее. По данным того же труда Мухаммед Я'куба (л. 121-б) фетвою ахунда дамуллы Шамсуддин-Мухаммеда персы-шииты действительно были объявлены неверными, вследствие чего было признано возможным совершать над ними куплю и продажу. Пятая часть вырученной от этого суммы была дана хану Убейдулле, который, в свою очередь, передал деньги сейидам и улема; последние большую часть денег передали эмиру Абдулле Йемени, известному под именем Мир-Араба, который построил на эти средства медресе в Бухаре в 942 г. х. Р е д.

† Л. А. Зимин.

Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности.[1]

Нахшеб, Несеф и Карши, это—названия городов, вернее одного города, менявшего в течение веков свои названия и существовавшего в западной части теперешнего Бухарского ханства[2] в долине реки Кашка-дарьи. К какому времени относится образование крупных поселений в этой долине, сказать трудно; одно несомненно, что культурная жизнь там должна была возникнуть одновременно с культурной жизнью в бассейне Зеравшана и по среднему течению Аму-дарьи. Путь из Бактрианы в Согдиану должен был также проходить через долину Кашка-дарьи. Возможно, что именно там нужно искать упоминаемую историками Александра Македонского Наутаку или Навтаку, куда укрылся бежавший

---

[1] Благодаря трудам акад. В. В. Бартольда, изучение истории Средней Азии получило твердый фундамент. Явилась возможность, на основании собранного материала и непосредственного знакомства с краем, перейти к изучению отдельных вопросов исторического прошлого Средней Азии. В этом отношении среди работ туркестанских научных деятелей работы Л. А. Зимина, ближайшего ученика В. В. Бартольда, заслуживают серьезного внимания. Преждевременно сошедший в могилу Л. А. Зимин не дал, конечно, всего того, что могла ожидать от него наука, но и то, что он успел сделать, останется надолго заметным вкладом в молодую науку туркестановедения.

Среди подготовленных к печати работ Л. А. Зимина оказалась статья, посвященная истории и древностям Карши, появление которой в печати в этом сборнике объясняется следующим образом. Отправляясь осенью 1924 г. в Карши и заинтересованный в ознакомлении со всей той литературой, которая имеется об этом городе, я воспользовался пребыванием в Баку акад. Бартольда и обратился к нему с просьбой навести справки у вдовы покойного Л. А. Зимина о судьбе его рукописных трудов. В частности, я интересовался судьбой статьи, посвященной истории и древностям г. Карши и заключающей в себе подробный отчет Л. А. Зимина о его поездке в Карши летом 1916 г., который был обещан им в кратком отчете об этой поездке (см. протоколы Турк. Кружка любит. археологии, XXI, стр. 102—104). Благодаря любезности В. В. Бартольда и М. Б. Зиминой, интересующая меня статья была доставлена мне из Баку в корректурном оттиске с незначительными поправками, сделанными В. В. Бартольдом.

Выводы, к которым пришел Л. А. Зимин в вопросе о местоположении древнего города Нахшеба, по мнению пишущего эти строки, настолько обоснованы, что с ними нельзя не считаться.

Статья Л. А. Зимина об истории и древностях Карши была доложена в заседании секции этнографии и археологии Ср.-Аз. О.Р.Г.О. 24/IV 1925 года и тогда же было высказано пожелание о скорейшем ее опубликовании. Ив. Умняков.

[2] Статья была написана до бухарской революции. Ред.

за Окс Бесс и где зимовал Александр в 328—327 гг. перед походом на Индию.[1] Название Наутаки, надо думать, сохранялось и в мусульманскую эпоху в названии города Наукад-Курейш, помещавшегося между Кешем (теперешний Шахрисябз или Шаршауз) и Нахшебом в 5 фарсахах от первого и в 6 фарсахах от второго. Прибавление слова „Курейш“ произведено, несомненно, после арабов и заставляет предполагать, по мнению академика В. В. Бартольда,[2] что здесь в первые века ислама была колония арабов-корейшитов. Наукад упоминается и позже у Мухаммеда-Вефа, автора XVIII в.[3]

В мусульманскую эпоху вплоть до настоящего времени в долине Кашка-дарьи наиболее крупных поселений, носивших название города, было два: Кеш или Шахрисябз и Нахшеб или Несеф, он же Карши, являющийся предметом настоящей работы. Оба эти города были известны уже китайцам под названиями Ци-ши и Нашэбо. Известия китайцев об этих городах тем не менее не дают нам никаких данных ни о положении городов, ни о самих городах. Относительно Кеша говорится только, что он находился к югу от речки, называвшейся Ду-мо. Это название сохранилось, повидимому, в названии реки Тум, упоминаемой и в истории Тимура.[4] О Нахшебе же ничего не сообщается. О нем известия более или менее точные восходят только к мусульманской эпохе, точнее к IX и X вв. по р. х., когда жили арабские географы Истахри, Ибн-Хаукаль, Ибн-Хордадбех, Макдиси и Ибн-Русте. К этим известиям я и перехожу.

Прежде всего о названии города. Под древним туземным названием Нахшеба город упоминается у географа Якуби, написавшего свой труд в 891 г. по р. х.[5] и несколько раз у Макдиси,[6] который говорит, что „Несеф назывался драгоценным Нахшебом“. В других местах своей работы Якуби, а также и другие арабские географы IX и X вв. употребляют название Несеф,[7] несомненно переделанное арабами из туземного названия Нахшеб.

---

[1] Арриан. Анабасис Александра. Перев. Н. Коренькова. „Средняя Азия“, 1911 г., кн. VIII, стр. 36, кн. IX, стр. 27. Пособие к лекциям по истории Востока. Изд. Э. И. Мауринга, ч. II, стр. 11, 17. Вопрос о местоположении Наутаки занимал многих историков. Так Дройзен (Geschichte Alexanders des Grossen. 3-te Auflage. Gotha, 1880, p. 239) приурочивает Наутаку к Карши, Герцберг (Die asiatischen Feldzüge Alexanders des Grossen. 2-te Auflage, Halle, 1875, Th. II, 114) к Кешу, а пр. Григорьев (Журн. М. Нар. Пр., сент. 1881 г., стр. 43) думает, что Наутака, это—название целого края, на юг от Шахрисябза вплоть до Аму-дарьи.

[2] К истории орошения Туркестана, стр. 126.

[3] Рукопись Азиатского Музея, № с 581 b, л. 112 b.

[4] О. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, III, Спб. 1851, стр. 247; Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue occidentaux, Спб. 1903, p. 146. Зафер-намэ Шереф-ад-дина Иезди, Кальк. изд. I, 158. Бартольд. К истории орошения, стр. 125.

[5] Bibliotheca Geographorum Arabicorum. VII. 290, 293.

[6] Там же, III, 282, 344.

[7] Там же, VII, 105, 293.

Самый ранний из арабских географов, Ибн-Хордадбех, сообщает о Несефе только то, что он входил в состав городов, находившихся в зависимости от Самарканда, и что с Несефа поступало в казну девяносто тысяч дирхемов хараджа. Наибольшее же количество сведений о Несефе нам дают географы: Истахри, Ибн-Хаукаль и Макдиси или Мукаддаси.

Несеф находился на пути из Балха и Термеза в Бухару и Самарканд. Путь от Бухары до Несефа (около 140 в.; по Макдиси 30 фарсахов) [1] проезжали в четыре дня, при чем промежуточными станциями являлись Карачун, Миянкаль и Маймург. В одной из рукописей Макдиси [2] между Миянкалем и Маймургом помещена еще одна станция—рабат Астана, так что по этому счету путь совершался в 5 дней. В этом сообщении нет противоречия с сообщением о совершении пути в 4 дня, так как Истахри [3] называет переход между Миянкалем и Маймургом большим переходом, а следовательно, этот большой переход мог проходиться в один и в два дня, смотря по обстоятельствам. Путь же из Несефа в Балх через Термез совершался в 8 дней, при чем промежуточными станциями называются: Сунадж, аль-Дидаки, Кандак, Баб-уль хадид (железные ворота; Темир-Капыг орхонских надписей), Рабат-Разик, Хашимджирд, Термез и Сияхгирд. Упоминается также другой путь в Бухару через Кесбу и еще из Бухары в Келиф через Безду. [4] Из Несефа шли также дороги в Кеш—три дня пути и в Субах (теперешний Гузар)—два перехода. [5] Все эти дороги проходили, как и теперь, по пустынной местности; пустынным характером отличалась также местность между Несефом и Аму-дарьей.[6]

Относительно самого города Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают следующее: [7] „Что касается города Несефа, то в нем находится рабад (предместье) и разрушенная цитадель (кухендиз). Рабад имеет четверо ворот; одни называются Бухарскими,[8] другие ворота называются Самаркандскими, третьи Кешскими, четвертые Губдинскими. [9] К Несефу при-

---

[1] B. G. A. III, 344.

[2] Там же, III, 345; Туркестан В. Бартольда, стр. 136, пр. 8.

[3] Там же, I, 337.

[4] Там же, III, 343; Туркестан, 136, 137.

[5] Там же, I, 343, II, 403; Туркестан, 135.

[6] Туркестан, I, 82, II, 137.

[7] B. G. A., I, 325, II, 877, 378.

[8] В издании де-Гуэ стоит النجارية, т. е. Неджарийские, но совершенно ясно, что в тексте должно стоять البخارية, т. е. нужно читать, переставив точки при двух первых буквах. Чтение аль-бухарийя подтверждается и тем, что остальные ворота также названы по именам городов, в которые шел путь из них, название же неджарийские не имеет смысла (Ср. де-Гуэ, B. G. A. I, 325 прим. d и Бартольд, Туркестан, II, 136).

[9] Губдином называлось селение, расположенное вблизи Несефа, по Самани (Китаб-аль-ансаб, л. 311), в двух фарсахах от него и по Якуту (Jacut's Geographisches Wörterbuch, herausg. von F. Wüstenfeld, III, 820) на расстоянии одного фарсаха (см. Туркестан, II, 136).

надлежат многие селения и области, в которых находятся два минбара, подобные городским минбарам. И преобладают в селениях богарные (орошаемые дождем) земли; плодородные земли обширны, но река в некоторые годы иссякает, и тогда орошаются сады, огороды и дынные бахчи из колодцев, пока не вернется в реке вода". Вот сведения, которые совпадают у Истахри и Ибн-Хаукаля. Но последний, кроме того, сообщает некоторые подробности, отсутствующие у Истахри. Эти подробности интересны, а потому приведу целиком сообщение Ибн-Хаукаля, начиная с того места, где кончается перечисление ворот. Вот оно: (II, 378) „Город [Несеф] находится на пути из Бухары в Балх на равнине, а горы от него расположены в двух переходах по направлению к Кешу. На пространстве же между городом и Джейхуном (Аму-дарьей) гор нет. В нем (Несефе) одна река, которая протекает по середине города, и идет вода ее от Кеша и достигает равнины. На берегу этой реки, в месте, известном под названием „головы моста", находится дворец правителя, а перед домом правителя находится тюрьма. [1] Соборная мечеть помещается около Губдинских ворот, а место праздничной молитвы—около Бухарских ворот. Базары были сосредоточены в рабаде между домом правителя и соборной мечетью. К Несефу принадлежит много селений, и в них помещалось два минбара, подобные городским минбарам: один в Безде и другой в Кесбе. Последняя, т. е. Кесба, больше города (Несефа). И преобладают в селениях земли богарные. Нет в Несефе и в его округе другой проточной воды, кроме одной реки, в которой вода в некоторые годы пересыхает. Тогда орошают сады и огороды из колодцев. Преобладают в Несефе обширные плодородные земли".

Имеются еще некоторые данные у Макдиси. Приведу их полностью: (III, 282) „Несеф называют драгоценным Нахшебом. В нем имеются: разрушенная цитадель и обитаемый рабад, расположенный на равнине. Река разделяет его (283). На ее берегу около „головы моста" находится дом правителя. В рабаде находится соборная мечеть около базаров. Город изобилует прекрасным виноградом и пахотными полями; он обладает здоровым воздухом, он приятный, большой. Только воды в нем мало, и река его пересыхает".

Вот все существенное, что можно извлечь о Несефе из арабских географов IX и X вв. Для определения местоположения города в то время наибольшее значение имеют три обстоятельства: 1) что город был расположен по обеим сторонам реки, соединенным мостом, 2) что он не имел шахристана, т. е. внутренней части города, обыкновенно окружавшейся стеной, 3) что цитадель города уже тогда была разрушена и

[1] Обычай помещать тюрьму, называемую в Средней Азии зиндон, рядом с арком, где помещается дом правителя-бека, сохраняется в Бухарском ханстве до настоящего времени. См. выше, стр. 197 прим. 2. Ред.

4) Несеф и Нахшеб—один город, который находился на одном месте до завоевания Мавераннахра арабами и после завоевания.

Перейду теперь к историческим известиям. При описании событий, происходивших во время завоевания Мавераннахра арабами, у Табари[1] Несеф упоминается несколько раз. Впервые говорится о Несефе при описании событий 82 г. (II, 1078), когда Язид, сопровождаемый 70 всадниками, встретил в степи Несефа пять тысяч турок. Затем при описании событий 85 г. (II, 1156) упоминаются люди из Несефа одновременно с людьми из Кеша и Бухары. В 89 г. (II, 1198) Кутейба ибн-Муслим по дороге от берега Аму-дарьи к Бухаре имел столкновение с согдийцами и жителями Кеша и Несефа. В 91 (709—710) г. Кутейба завоевал Шуман, Кеш и Несеф (II, 1227), после чего он останавливался в Несефе по возвращении из Бухары (II, 1230). При описании похода Кутейбы 94 (713) г. говорится у Табари (II, 1256) уже о том, что жители Несефа так же, как и жители Бухары, Кеша и Хорезма сражались на стороне Кутейбы, выставив по его приказанию совместно 20.000 человек. В 98 (716—717) г. (II, 1324) Несеф был отдан в управление вместе с Самаркандом, Кешем и Бухарой Муавии, сыну Язида. После этого Несеф несколько раз еще упоминается у Табари в связи с разными событиями (II, 1448, 1517, 1542, 1545, 1548, 1549, III, 712), но из этих упоминаний нельзя извлечь ничего ни об истории Несефа, ни о его положении.

Упоминается Несеф несколько раз у другого историка—Наршахи, между прочим, в связи с восстанием в 776 г. аль-Моканны,[2] которое нашло наибольшее количество приверженцев в округах Кеша и Несефа, при чем раньше других приняло его сторону селение Субах, находившееся в 6 фарсахах от Несефа. Но у Наршахи также не сообщается ничего существенного о самом городе Несефе.

Упоминается Несеф и позже во время династии саманидов; между прочим, один раз как место, откуда вышла в X в. шиитская пропаганда в Туркестане Абу-Али.[3] Упоминается Несеф еще в 996 г., когда Себук-Тегин, вызванный саманидом Нухом на помощь против караханидов, явился и расположил войска между Кешем и Несефом.[4]

В XII в., повидимому, город продолжал находиться на том же самом месте, где он находился и в момент арабского завоевания. По крайней мере Самани, проехавший около Несефа и перечисляющий целый ряд ученых уроженцев города, говорит только, что Несеф, это—

---

[1] Все ссылки делаются на следующее издание: Annales, quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M. J. De Goeje.

[2] Nerchakhy. Description topographique et historique de Boukhara, publ. par Ch. Schefer, pp. 63—74. Перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 84—96.

[3] Туркестан, II, 253, 259.

[4] Там же, 275, 276.

один из городов Мавераннахра и называется он также Нахшебом.[1] Тем не менее уже тогда с Несефом произошла, повидимому, крупная перемена. Эта перемена имела место уже до монгольского нашествия. По неизвестным причинам Кеш и его окрестности, лежавшие на Кашкадарье выше Несефа и забиравшие из этой реки большую часть воды, приходят в упадок, и вместо Кеша стал процветать Несеф благодаря большему количеству воды. Этим объясняется факт, что географы X в. причисляют к волостям Кеша Хузар (Гузар) и даже местность Маймург, находившуюся на пути из Бухары в Несеф, тогда как Самани и писавший, главным образом, на основании его труда Якут причисляют к Несефу даже такие местности, которые географически ближе к Кешу, как селение Дириздех на пути из Кеша в Самарканд. На северо-запад от Несефа вода, повидимому, в это время доходила до Маймурга, первой стоянки на пути в Бухару, так как Маймург был „большим и хорошим селением". Сам город Несеф в это время, т. е. в конце XII в. и в начале XIII в. был „большим многолюдным городом".[2]

Во время монгольского завоевания около Несефа не было оказано монголам никакого сопротивления, что подтверждает факт, отмеченный еще в X в., об отсутствии в Несефе крепости и городских стен, так как если бы Несеф представлял возможность для обороны, то сопротивление, оказанное монголам в Термезе, вероятно, было бы оказано и в Несефе. После завоевания Мавераннахра монгольские военачальники облюбовали Несеф в качестве места для летовок. Сам Чингиз-хан провел лето 1220 г. в окрестностях Несефа, где дал оправиться лошадям и отдохнуть своему войску.[3] Там же в 30-х годах XIII в. жил монгольский военачальник.[4] Там же в XIV в. построили себе дворцы монгольские ханы Кебек (1318—1326) и Казан, убитый в 1347 г. От дворца Кебека, находившегося в 2-х или $2^1/_2$ фарсахах от города, Несеф и получил свое нынешнее название Карши, что по монгольски значит „дворец".[5] Дворец Казана, Зенджир-сарай, в двух днях пути к западу от города, был сожжен в 1387 г. войсками Тохтамыша.[6]

В истории Тимура Карши упоминается неоднократно. Особенно ценным для нас является сообщение о том, что в 766 (1364) г. Тимур остановился в Карши и провел там зиму, во время которой им было

---

1 В „Туркестане" (I, 68, текст, извлеченный из рукописи Азиатского Музея № 543а) напечатано явно ошибочно, что Несеф назывался Несефом; в факсимиле рукописи Британского Музея (Add. 23, 355), изданном Маргулиэсом (The Kitab-al-ansab, 559 b.), стоит правильно: Несеф назывался Нахшебом.

2 Туркестан, II, 461; К истории орошения Туркестана, стр. 127.

3 The Tarikh-i-Jahan-Gusha of Juwayni, 1912, стр. 101 и 102. Туркестан, II, 460.

4 Вассаф, бомбейское изд., стр. 288 внизу; К истории орошения, стр. 127.

5 Шереф-ад-дин кальк. изд., I, 111; Petis de la Croix. Histoire de Timur-Bec, I, Delf, 1723, p. 95; Туркестан, II, 136; К истории орошения, стр. 127, 128; The Tarikh-i-Rashidi, ed. by N. Elias. Lond. 1895, стр. 37.

6 Шереф-ад-дин, I, 259, 443 и 775.

приказано построить цитадель, законченную постройкой до конца этого времени года. В том же году эта крепость была покинута Тимуром и занята войсками Хусейна под начальством эмиров Мусы и Хиндушаха. После занятия крепости войском Хусейна около Карши разыгрались события, описание которых у Шереф-ад-дина Иезди в его „Зафер-намэ“ дает нам возможность получить представление о состоянии города в то время. Приведу наиболее интересные для нас места.

Тимур с отрядом в 200 человек выступил против города Карши, который был занят врагами и в окрестностях которого находилось около 12.000 всадников под начальством эмира Мусы. Когда Тимур прибыл в Ширкент, один из эмиров посоветовал ему напасть ночью на эмира Мусу, в надежде овладеть его персоной и сделаться господином всего войска. Но Тимур ему ответил: „Нас слишком мало; если с нами что-нибудь случится, то мы рискуем очень многим. Лучше, чтобы не делать ничего наудачу, пусть все останутся здесь, а я сам отправлюсь в Карши и приму меры, дабы не быть захваченным врасплох. Я узнаю, как можно туда войти и оттуда выйти, и сам увижу, что нужно приготовить для того, чтобы овладеть столь важным городом“. Таким образом Тимур хотел сделать все сам, чтобы не зависеть от поведения своих военачальников. Он тотчас сел на лошадь и отправился в сторону Карши в сопровождении Мубашира и Абдуллы. Он слез с лошади на краю рва крепости; так как этот ров был наполнен водою, то Тимур передал поводья лошадей Мубаширу, вошел по колена в водопроводный желоб, который проходил над рвом и доставлял воду в крепость, и перешел через водный поток в сопровождении Абдуллы. Когда они подошли к воротам, находящимся со стороны Гузара, то остановились и увидели, что ворота вделаны в стены; тогда они пошли с большой осторожностью вокруг стен, чтобы найти какое либо место, где стена была бы более низкой. Тимур заметил одно такое место, показал его Абдулле, сказав, что там можно приставить лестницу, а затем вернулся по тому же желобу, сел на лошадь и со всей возможной быстротой вернулся к отряду, с которым и выступил для овладения Карши. Сорок три человека было оставлено охранять лошадей, а сто человек направлено к стенам с лестницами, привезенными из Бурдалыка (переправа на Аму-дарье), и они перешли по тому же желобу, предводимые Абдуллой, в то время как Тимур с остальными ста солдатами остановился у ворот, чтобы подождать, когда откроют ворота и войти через них.

Храбрецы, которые по указаниям Тимура прошли вдоль стены, приставили лестницы в месте, указанном Абдуллой, поднялись на стену и пробежали с саблями в руках к воротам, где нашли стражу спящей в опьяненном состоянии со своими любовницами. Тотчас все были перебиты. Дервиш-Бука разбил топором замок на воротах и впустил Тимура с его отрядом. Тимур приказал трубить в трубы и солдатам немедленно броситься к арку (дом правителя), что они и сделали с громкими кри-

ками, распространяя повсюду ужас. Жители, которые ничего не ожидали, разбуженные трубами, думали, что произошло землетрясение или что наступил день страшного суда; они были охвачены страхом, и Тимур закончил овладение городом в то время, как его солдаты захватили все посты у арка, где был захвачен в плен сын эмира Мусы и все слуги. [1]

Это описание овладения городом Карши дает нам следующие данные о городе: город имел крепость, окруженную стенами и рвом, наполненным водою. В эту крепость вели одни ворота, через которые можно было выйти наружу только при помощи перекидного моста, о котором упоминается в дальнейшем рассказе об осаде города войском эмира Мусы. В крепости за стенами помещался арк, а рабад был расположен вне города, что ясно из дальнейшего рассказа, в котором упоминаются предместья, занятые эмиром Мусой при осаде крепости. [2]

Впоследствии, в царствование Тимура и его преемников Карши не являлся местом каких либо выдающихся событий, а потому о нем упоминается редко и то, как о проходном пункте. В это время Карши снова приходит в упадок вследствие возвышения Кеша-Шахрисябза, на благоустройство которого Тимур обращал особое внимание, как на место своего рождения. Так Карши даже называли в XV в. „Нахшебом кешским“. [3] Следует, между прочим, отметить, что и старое название Несеф, введенное в жизнь и в литературу арабами, продолжает употребляться историками Тимура и его преемников. Так, например, в известной истории Абд-ар-Раззака ас-Самарканди рассказывается о столкновении войск Мирзы-Пир-Мухаммеда и Мирзы-Халиль-султана в окрестностях Несефа. [4] Вообще историками XV и XVI вв. все три названия города Нахшеб, Несеф и Карши продолжают употребляться почти одинаково. Так Мирза-Мухаммед-Хайдар-Дуглат, автор „Тарихи-Рашиди“, в главе о вступлении на престол Мавераннахра султана Бабура говорит, что узбекские султаны собрались и расположились лагерем в Карши, который первоначально назывался Нахшебом. [5]

Сведения о состоянии Карши в XVI в. чрезвычайно скудны. Бабур говорит о нем только следующее: „Еще имеется вилает Карши, который также называют Несефом и Нахшебом. Карши, это—мон-

---

[1] В общих чертах те же сведения в несколько сокращенном виде находятся и в так называемой автобиографии Тимура: Institutes political and military written originally in the mogul language, by the great Timour. Translated into English by major Davy. Oxford. MDCCCLXXXIII, стр. 93—104. Об этой автобиографии см. мнение акад. В. В. Бартольда в книге: Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али. Издан. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда.

[2] Petis de la Croix, I, 113—127.

[3] Зафер-намэ Иезди, I, 244; К истории орошения, стр. 128.

[4] См. Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre: Matla-assaadein ou madjma-albahrein et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou Saïd par M. Quatremère, p. 83.

[5] The Tarikh-i-Rashidi, ,. 243.

гольское название; на монгольском языке оно обозначает: гур-хана. Это название утвердилось со времени завоевания Чингиз-хана. Там воды меньше [чем в Шахрисябзе]; весной там хорошо; имеются хорошие посевы и дыни. Он лежит к югу от Самарканда, при чем дорога, отклоняющаяся немного к западу, имеет 18 ягачей. Имеется там маленькая птичка, похожая на „Багыри-кара", которую называют „кылкуйруг" (острохвостая утка); она встречается в каршинском вилаете в таком количестве, что ее называют „каршинской птичкой". [1] Кроме того, у Бабура упоминается один раз каршинская крепость (قرشى قورغانى) и говорится о том, что „Бакы-тархан, вступив в каршинскую крепость, вырвал Карши из рук узбеков". [2] Мухаммед Салих, историк Шейбани-хана, современника Бабура, говоря об этом эпизоде, сообщает, что „Тархан вступил в Карши и укрепился там". [3] Из этих сообщений можно заключить, что в начале XVI в. крепость, построенная Тимуром, продолжала существовать в качестве действующего укрепления.

Но у нас имеются и более подробные сведения о состоянии крепости в начале XVI в. Тот же Мухаммед Салих при описании событий 905 г. хиджры (1499—1500 г.) рассказывает о походе Шейбани-хана против Карши, в котором укрепился Бакы-тархан, в двух главах. Одна озаглавлена: „Поход Имама времени [Шейбани-хана] из Бухары против Карши" и другая: „Окружение Карши и подчинение Бакы, после того как Имам времени захватил Хузар и обратил в праведную веру его жителей". Приводить полностью перевод этих глав для нашей цели не стоит. Я приведу только те отрывки, из которых можно извлечь что либо для описания самого города.

(Шейбани-намэ, 41; Die Scheïbaniade, 80, 81) „Когда войско снова вернулось к [Шейбани] хану, жажда сражений появилась в его голове. Он сказал: „Теперь очередь за Карши, да испросим мы себе у бога победу". Сказав эти слова, хан сел на лошадь и прямо направился на Карши. Окрестности Карши подверглись нападению, и много спрятанного имущества было разграблено. Но Бакы-тархан заперся в крепости и не осмелился высунуть голову. Между тем была зима, и дело окружения крепости было трудным, а все люди занимались поисками добычи. Поэтому было признано подходящим вернуться обратно, имущество же жителей было разграблено. Через 10 дней хан вернулся к Карши, но ограничился собиранием войска, а затем отправился против Хузара (Гузара), крепость которого была взята штурмом и предана пламени. Жители же обращены в праведную веру (суннитство).

---

1 The Babar-nama by Annete S. Beveridge, f. 49 b; Baber-nameh изд Ильминского, стр. 25—26; The Memoirs of Babur, I, 84 и X, след.; К истории орошения, стр. 128.

2 The Babar-nama, л. 86; The memoirs of Babur, стр. 135.

3 Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Изд. проф. П. М. Мелиоранского, стр. 29; Die Scheïbaniade ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übers. u. Noten von H. Vambéry, стр. 57.

„После этого Шейбани-хан вернулся в Бухару, но с наступлением лета снова выступил против Карши. Прибыв туда, хан приказал войску расположиться большими отрядами вокруг крепости и сделать из ветвей и тростника нечто в роде убежища. Там вокруг должны были войска жить и днем и ночью готовиться к штурму. Приказ был исполнен, и целые улицы были проведены напротив крепости. Никто не хотел приближаться к крепости, а все войска находились по дороге к ней. Внутри [крепости] умирало иногда по 300 человек в день, и число ее обитателей все уменьшалось. Оставшиеся же в живых все заболели. В конце концов заболел и сам Бакы-тархан. Вследствие этого начались переговоры о мире, закончившиеся тем, что Бакы-тархан подчинился, а Шейбани-хан ушел обратно в Бухару, после чего Бакы-тархан бежал из крепости".

Этот рассказ Мухаммеда Салиха ценен для нас в том отношении, что показывает силу и мощь крепости в начале XVI в. Если Шейбани-хан, бравший приступом такие крепости, как Кала-и-Дабус, [1] дважды не мог взять каршинской крепости, значит она представляла из себя солидное и большое укрепление. Других же данных извлечь из рассказа Мухаммеда Салиха, к сожалению, нельзя.

О каршинской крепости в середине XVI в. имеются сведения у Хафиза Таныша в его известном сочинении „Абдулла-намэ". Вот наиболее интересное для нас в данном случае место этого сочинения (Рук. Турк. Пуб. Б-ки, № 28,[2] л. 87 b и рук. Азиатского Музея № 574 age, л. 101 b): „Абдулла-хан ранней весной 965 г. с войском, находящимся в прекрасном состоянии, двинулся к Карши и осадил крепость этого города. В то же время Султан-Яр-бий также прибыл к Карши из Самарканда на помощь Худай-Берди-султану и принял участие в отражении нападающих (Т. 28, л. 88 а): он побуждал все время людей, находившихся внутри [крепости] выйти и сразиться с войском Абдуллы-хана. С обеих сторон все время происходили схватки и сражения. Например, Мирза-Ака-бий, Науруз-кушбеги и Ӑкым-Хаджи, брат Мирзы-Велиджана, выступили вперед, дошли до ворот и нанесли врагам урон.

Некоторые эмиры в нескольких местах с разных сторон сделали подкопы под рвом и достигли места под стенами и башнями; но под конец [шпионы] сообщили внутрь крепости об этом, и люди там находившиеся, узнав о подкопах, немедленно бросились прогонять оттуда нападающих. Вследствие этого предприятие не удалось, и овладение крепостью затормозилось.

---

[1] См. Зимин, Л. Кала-и-Дабус. Протоколы зас. и сообщ. членов Закасп. Кружка люб. арх., вып. 2-й, стр. 1—16.

[2] К сожалению, рукопись эта, взятая из Библиотеки покойным Л. А. Зиминым для работы над историей Абдуллы-хана (уже начавшейся было печатанием в „Изв. Турк. Отд. Русск. Геогр. О-ва" за 1918 г.) по причинам, от автора не зависевшим, в Библиотеку более не вернулась. (Ср. Отчет Турк. Гос. Библиотеки за 1923 г. стр. 6) Ред.

После двух месяцев осады с обеих сторон были произведены сношения, и был заключен мир на следующих условиях: область Карши переходит под власть Абдуллы-хана; а туман Сагарджа отдается Худай-Берди-султану. По заключении мира Абдулла-хан отправился в Бухару (А. А. М., л. 102 b), призвал туда Ибадуллу-султана и дал ему из этой области три тумана, а область Карши была присоединена к Шахрисябзу, и ярлык на управление был послан Хосреу-султану".

Этот отрывок ценен для нас прежде всего в том отношении, что указывает на сохранение в середине XVI в. каршинской крепостью силы и мощи, которой она обладала при Шейбани-хане. Затем важно сообщение о рве, башнях и воротах, которые, повидимому, были одни, так как иначе, говоря о схватке у ворот, Хафизи-Таныш, вероятно, упомянул бы их название. Кроме того, интересно сообщение о присоединении Карши к Шахрисябзу, которое указывает на то, что город и область Карши в то время, если и не находились в упадке, то во всяком случае были менее цветущими, чем Шахрисябз. Вообще же при шейбанидах Карши оставался второстепенным городом по сравнению с Шахрисябзом; при них в Шахрисябзе, большею частью, жил удельный князь из ханского рода, подобно Хосреу-султану, а Карши причислялся то к Шахрисябзу, как в только что указанном случае, то к бухарскому владению, и в нем имел местопребывание только даруга (военный начальник) (А. А. М., л. 87 b).

С XVIII в., наоборот, начинается упадок Шахрисябза и возвышение Карши. Интересующий нас в настоящее время город Карши перешел тогда во власть рода мангытов, захвативших господство в Бухаре и впоследствии положивших начало новой династии, так как Шахрисябз и его округ очутились в руках нескольких узбекских родов, из которых главным были кенегесы.[1] В Шахрисябзском округе теперь было несколько „хакимов", из которых каждый строил себе крепость и старался заселить ее в ущерб другим и главному городу. Карши же имел возможность жить совершенно спокойно и не являлся предметом ничьих споров. Вследствие этого же Карши уже в начале XVIII в. потерял значение военного центра. По крайней мере автор переведенной Тейфелем истории Убейдуллы многократно упоминает Карши, как место остановки на пути из Бухары в Балх, но ни разу не упоминает о каршинской крепости.[2]

В XIX в. борьба бухарских ханов с Шахрисябзом несколько раз возобновлялась, тогда как Карши был предметом особых забот царствовавшей в Бухаре династии, и должность каршинского бека обыкновенно занимал царевич, наследник престола. Таким образом причины возвышения Карши и упадка Шахрисябза чисто политические, но и природ-

---

[1] К истории орошения, стр. 129.

[2] Teufel. Quellenstudien в Zeitschrift der D. Morg. Ges., Bd. XXXVIII, 285, 287, 291.

ные условия таковы, что дали возможность Карши развиться в большой город. В настоящее время он является вторым по величине городом в Бухарском ханстве[1] и насчитывает от 60 до 70 тысяч жителей,[2] являясь важным узловым пунктом для степных путей, идущих отсюда к Бурдалыку, Келифу, Самарканду, Термезу и далее в горную Бухару. Причиной процветания Карши в настоящее время, несомненно, является обширная торговля, которую он ведет пшеницей, ячменем, шерстью, растительным маслом, шкурами, сушеными фруктами и хлопком.

Таким образом Карши представляет несомненный интерес, как город, имеющий весьма длинную историю. Между тем до последнего времени оставался невыясненным даже вопрос о местоположении города в древности и в средние века и об отношении старого Нахшеба или Несефа к современному Карши. Было иеизвестно, остался ли город в монгольский период на том же месте, где был в до-монгольский. Так акад. В. В. Бартольд в своей последней крупной работе, вышедшей в свет перед войной и озаглавленной „К истории орошения Туркестана", писал (стр. 126, 127): „Берега реки [Кашка-дарьи], очевидно, были соединены мостом, так как дворец правителя стоял на берегу реки в месте, известном под названием „головы моста". Из этого можно заключить, что город, если только он вообще не изменил своего местоположения в монгольский период, после X в. передвинулся на юг; теперь река протекает у северной стены, и от нее проведены каналы в городские хаузы; каменный или вернее кирпичный мост на реке есть и теперь, но постройка его приписывается Абдулле-хану".[3]

Свое предположение о том, что город мог изменить свое положение, акад. Бартольд основывал, между прочим, на двух кратких заметках, имеющихся в литературе XVIII в. У Мухаммеда Вефа[4] в рассказе о событиях 1737 г. есть упоминание о „нахшебской крепости, теперь известной под названием Ш-л-к". У Махди-хана[5] эта крепость, находившаяся вблизи Карши, называется Ш-л-дук. Это все, что было известно ученым в литературе. Мне лично было известно от В. Л. Вяткина, что известный в Туркестане любитель археологии И. Т. Пославский посетил около Карши развалины в местности Шаклик. С такими сведениями о Карши я отправился на розыски древнего Нахшеба в июне 1916 г. Но после напечатания мною краткого отчета о поездке в Карши[6] я случайно нашел интересную заметку о Карши Б. Литвинова,

[1] Срв. выше стр. 197 прим. 2. Ред.

[2] Туркестанский край, стр. 349, 564, 663. Ср. Вамбери. Путеш. по Ср. Азии. М. 1867, стр. 188.

[3] Ханыков, Н. Описание Бухарского Ханства, стр. 110; о мосте еще: Гейер, И. И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901, стр. 126.

[4] Тухфет-уль-хани, рук. Азиат. Музея № с 581 b, л. 17 b.

[5] История Надир-шаха, тегер. изд. 1260 г. х., стр. 324.

[6] Протоколы заседаний и сообщ. членов Турк. Кр. люб. арх. г. XXI, стр 102.

которая была напечатана в мало известном журнале „Братская помощь“, а потому осталась неизвестной акад. Бартольду и мне, специально изучавшим историю Туркестана.[1] Эта заметка, будь мне она известна раньше, сильно помогла бы найти развалины древнего Нахшеба. Она настолько интересна, что я считаю необходимым ее процитировать целиком. Заметка заключена в описании поездки, совершенной Б. Литвиновым в 1895 г., и, следовательно, содержит в себе сведения, относящиеся к этому времени. Вот эта заметка:

„Возле Каршей самыми крупными, ценными для археологии и истории, развалинами являются развалины крепости Шуллюк-тепе. До сих пор жители берут оттуда кирпич на свои постройки, и много домов и знаменитых каршинских бань построено из этого кирпича. И теперь рынок Бухары полон диковинками, откопанными в Шуллюк-тепе. Великолепные изразцы, лепка, медная посуда, монеты и намогильники ждут сведущего и энергичного человека, чтобы дать науке много нового и любопытного. Прекрасный, совершенный рисунок узоров на мозаичных изразцовых кусках и лепке, тонкая работа на медной, собственно латунной посуде, свидетельствуют о высокой культуре и изяществе вкуса былых обитателей города. Удивительная насечка серебром, золотом и красной медью по загадочному медно-латунному сплаву необычайно красива и своеобразна.“

Конечно, является спорным, откуда были извлечены все эти предметы, виденные Б. Литвиновым в 1895 г. на бухарских базарах, но сообщение о развалинах крепости Шуллюк-тепе несомненно помогло бы мне расшифровать сообщение Мухаммеда-Вефа о нахшебской крепости. Ш-л-к несомненно надо читать Шуллюк, и теперь ясно, что еще в XVIII в. жители Карши помнили, что в местности Шуллюк-тепе находились развалины крепости древнего Нахшеба. Но, конечно, даже установив это тождество, мы не могли бы утверждать без осмотра развалин, верно ли или нет сообщение Мухаммеда-Вефа. И заметка Б. Литвинова должна была бы еще сильнее побудить к осмотру развалин около современного Карши. Кроме того, в литературе не было никаких данных о местоположении цитадели, построенной по приказанию Тимура.[2]

Перейду теперь к описанию развалин, находящихся вокруг современного Карши. Этот город расположен в настоящее время к югу от Кашка-дарьи и раскинут на пространстве свыше четырех квадратных верст, но в нем самом нет никаких остатков древних сооружений и старинных зданий, чем либо выделяющихся на общем фоне. Даже самый арк, т. е. жилище бека, построенный на совершенно ровном месте, мало

[1] „Братская помощь“. Иллюстр., военно-обществ. журнал, декабрь 1908 г., стр. 84.

[2] Одновременно с появлением моего краткого отчета о поездке в Карши, появилась в том же выпуске Протоколов Турк. Кр. люб. арх. (XXI) статья И. А. Кастанье с кратким описанием развалин „Захаки-Морон“, но автор дал очень поверхностное их описание и, повидимому, совершенно не был знаком с прошлым Карши, а потому не высказал никакого предположения о их происхождении.

чем отличается от остальных построек города. И единственным сооружением, заслуживающим внимания археолога, является мост, постройка которого приписывается Абдулле-хану. Он по своему виду и пожалуй по характеру кладки похож на те остатки мостов, которые находятся около Зеравшана по дороге из Бухары в Рамитан и около кишлака Джандар-базар. [1] Постройка тех мостов, как известно, также приписывается Абдулле-хану. Но, к сожалению, верхняя часть моста перестраивалась неоднократно, так как при высокой воде подвергалась разрушению. Так весь почти настил был снесен водою в 1914 г. и затем восстановлен по приказанию эмира. Следовательно, этот мост сильно испорчен и нуждается в тщательном исследовании специалистов по истории искусства для установления, хотя бы приблизительно, времени его постройки, тем более, что в исторических сочинениях, касающихся Абдуллы-хана, о постройке этого моста ничего не говорится. Между прочим, возможна и более коренная перестройка моста в последнее время, так как при моем посещении мост имел десять устоев, тогда как по сообщению, помещенному в книге В. И. Масальского „древний кирпичный арочный мост" около Карши имеет пять устоев. [2] То же самое об этом мосте сообщается и в путеводителе по Туркестану И. И. Гейера. [3]

От стен, которые тремя концентрическими рядами окружали Карши в половине XIX в. при посещении Бухарского ханства Н. Ханыковым, [4] в настоящее время остались небольшие кусочки, по которым можно судить о новейшем их происхождении. Вообще современный Карши имеет типичный вид средне-азиатского города после-монгольского периода и никоим образом не может являться остатком древнего Нахшеба.

Вокруг современного Карши расположено очень много искусственных бугров, которые являются остатками небольших поселений, частью так называемых замков дихканов, феодалов Средней Азии до-исламского периода, а частью это—остатки передовых укреплений, сторожевых постов, которые охраняли культурную полосу от набегов, главным образом, кочевников. К числу последнего рода холмов я считаю возможным отнести расположенные к югу от Карши холмы: Сох-тепе и Таликазы-тепе. Из мест же, где находятся остатки крупных сооружений, можно указать только два: во-первых, уже упомянутый мною Шуллюк-тепе и, во-вторых, Кала-и-Захаки-Морон. Начну с описания последнего.

Кала-и-Захаки-Морон находится в $2^1/_2$—3 в. от центральной части современного Карши, на юго-запад от него около того места, где предполагалась постройка постоянного вокзала Бухарской железной дороги,

---

[1] См. Зимин, Л. Отчет о двух археологических поездках по Бухарскому ханству. Прот. Турк. Кр. люб. арх. г. XX, вып. 2, стр. 126.

[2] Туркестанский край, стр. 663.

[3] Путеводитель по Туркестану, Ташкент, 1901 г., стр. 126.

[4] См. Описание Бухарского Ханства, Спб. 1843, стр. 108.

которая подходит с юга к развалинам. Кала-и-Захаки-Морон представляет из себя типичные остатки крепости в роде Кала-и-Дабус [1] и имеет форму прямоугольного четыреугольника, две стороны которого имеют по 800 саж. длины, а две другие по 750 саж. в длину,[2] при чем более длинные стороны обращены на восток и запад с легким наклоном восточной стороны к северу, а западной к югу.

Внешнюю рамку этого четыреугольника составляет высокий вал, имеющий в наиболее хорошо сохранившихся частях до 15 шагов по подъему и до двух сажен в ширину по верху. Никаких следов стены на этом валу не сохранилось. Всего вероятнее, что ее там и не было. За этим валом следует широкий ров от трех до четырех сажен ширины, который наполнялся водою, повидимому, каким-то естественным путем; по крайней мере и во время моего посещения он был наполнен водою, что явилось, между прочим, причиной разрушения части вала в юго-восточном углу, так как там поставлена железнодорожная водокачка и к ней проложен железнодорожный путь.

Вслед за рвом, по другую его сторону, находится второй вал, менее широкий, чем первый, но более высокий, который господствует над первым. Судя по этому факту, а также по кускам сохранившегося коегде сырцового кирпича можно утверждать, без особого риска ошибиться, что именно на этом втором валу и находилась стена, которая господствовала над рвом и над всей окружающей местностью.

За вторым валом следует понижение, образующее площадку, покрытую небольшими холмиками, где несомненно помещались здания для размещения гарнизона. Около вала местами эта площадка несколько понижается в сравнении с внутренней частью и образует продолговатые углубления, что подало повод одному из посетителей этих развалин, И. А. Кастанье, предполагать там второй ров, [3] но это предположение опровергается тем, что углубления не носят непрерывного характера, да и существование рва с внутренней стороны стен едва ли могло иметь смысл. Вероятно, они образовались после разрушения крепости благодаря зимним дождям и нагромождению внутри крепости остатков разрушенных зданий.

Почти в центре площадки, ближе к северному валу, находится возвышение с остатками стен, которое господствует над всей крепостью и имеет до 25 саж. в диаметре. Здесь, несомненно, помещался арк или дворец правителя, упоминаемый в „Зафер-намэ".

Чтобы закончить описание, следует указать еще на то, что единственным местом, где можно предположить вход в крепость, является

[1] См. Протоколы Турк. Кр. люб. арх., г. XXI, стр. 43 и след. и Проток. Зак. Кр. люб. арх., вып. 2-й стр. 1—16.

[2] Размеры указываю по двухверстной карте турк. военно-топографического отдела.

[3] См. его статью: Археологические разведки в Бухарских владениях, Прот. Тур. Кр. люб. арх., г. XXI, стр. 28.

северная часть последней. Приблизительно в середине вала, обращенного на север, находится возвышение в уровень с первым валом, которое постепенно понижаясь, образует как бы подъезд к валу. Соответственно этому подъезду за рвом, по ту сторону второго вала также находится продолговатое возвышение, которое ведет к самому возвышенному месту развалин. Здесь несомненно должны были находиться ворота и перекидной мост. Существование одних ворот вполне соответствует описанию крепости в „Зафер-намэ". Вообще подробный осмотр развалин, произведенный мною, не оставляет никакого сомнения в том, что Кала-и-Захаки-Морон не что иное, как развалины той крепости Карши, которая была основана Тимуром, являлась очень сильной крепостью в XVI в., а затем постепенно была заброшена и пришла в упадок.

Перехожу теперь к другому месту, где сохранились интересные развалины—к Шуллюк-тепе. Под этим названием известен холм, расположенный к северо-западу [1] от современного Карши. По прямой линии до него только 8 верст, а по дороге почти вдвое, т. е. около 16 в. Вдоль всей дороги от Карши до Шуллюк-тепе тянутся большие и малые холмы, расположенные среди зеленеющих полей и тонущих в зелени кишлаков. Эти холмы указывают с несомненностью на остатки тех поселений, которые принадлежали к старому Нахшебу и явились переходным звеном от него к новому Карши. Непрерывных же развалин мы не замечаем до самого Шуллюк-тепе, так как поля и селения скрывают от нас остатки прежних поселений.

Шуллюк-тепе, это—довольно высокий холм, господствующий над окружающей равниной и расположенный внутри дуги, образуемой Кашка-дарьей, которая, протекая с юга-востока на северо-запад, изгибается в сторону севера. В полуверсте к юго-востоку от Шуллюк-тепе из реки выходит пять арыков на небольшом расстоянии друг от друга, которые все направляются параллельно друг другу на северо-запад, обтекают Шуллюк-тепе, доходя до самой реки к северу от холма, и только затем расходятся веером на восток, юго-восток и юг. Эти арыки могут быть происхождения и нового, а возможно, что какой-нибудь из них существовал на том же месте и в древнее время, преграждая доступ к холму. По направлению к последнему от самого кишлака Каттаган местность все время повышается, образуя на краю арыков возвышение, покрытое до самой реки холмиками и буграми, усыпанными кусками кирпича, глиняными черепками и пр., столь характерными для среднеазиатских городищ. Это городище не только занимает все пространство между пятью арыками и речной дугой, но и совершенно ясно переходит на другой берег реки и тянется, не изменяя своего характера, до находящихся к северу от реки верстах в двух от нее холмов Далишкан-тепе и Иер-кургана. Непрерывность городища совершенно ясно видна даже на фотографии, снятой с вершины Шуллюк-тепе. Никаких

[1] В моем предварительном отчете ошибочно напечатано к северо-востоку.

следов стен вокруг городища не заметно, что вполне соответствует описанию Несефа у арабских географов X в.

Что же представляет из себя сам Шуллюк-тепе? В настоящее время это—продолговатое возвышение, поднимающееся с юга на север, постепенно возвышаясь, и резко обрывающееся с северной стороны, обращенной к речной дуге. На месте обрыва находится площадка шагов двадцать в диаметре, с которой открывается великолепный вид во все стороны: к северу и северо-западу—на городище и виднеющиеся вдали холмы, а к югу—на кишлаки, окруженные садами и полями. Сам по себе холм не велик, занимая пространство не более 1000 кв. саж. Он окружен со всех сторон глубоким рвом, заросшим травой и покрытым всякого рода обломками довольно грубого вида. Только около самой вершины заметны остатки кладки из сырцового кирпича, но роль, которую играл в древности холм, определить не трудно. Возвышенное положение, занимаемое им среди городища, и окружающий его ров совершенно определенно указывают на то, что это была цитадель города, расположенного вокруг. А высшая степень разрушения, на которой находится теперь эта цитадель, вполне соответствует указанию арабских географов на цитадель Нахшеба (Несефа), находившуюся в разрушенном состоянии уже в X в.

Таким образом, сопоставляя известия арабских географов о Нахшебе (Несефе) с современным состоянием развалин, расположенных вокруг Шуллюк-тепе, мы можем совершенно определенно утверждать, что в этом месте находился древний Нахшеб в до-монгольский период, тот самый Нахшеб, около которого проходил в VIII в. Кутейба-ибн-Муслим и который в X в. был расположен по обеим сторонам реки, соединенным мостом, от которого теперь, конечно, не осталось на поверхности никаких следов.

Недостаточная точность известий арабских географов о положении выдающихся зданий, дома правителя и соборной мечети, не дает возможности определить в развалинах точно, где они находились, но надо сознаться, что в отношении Нахшеба мы находимся в несколько лучших условиях, чем в отношении других древних городов в роде Пейкенда, так как у нас есть указание, что дом правителя находился у головы моста, следовательно, на берегу реки и всего вероятнее по ту ее сторону, где находилась цитадель. А потому при тщательном осмотре городища, вероятно, удастся определить наиболее подходящее место для раскопок. Такое место мною и было определено, но, к сожалению, самые раскопки в развалинах древнего Нахшеба — вопрос отдаленного будущего.

Теперь же резюмирую все сказанное и повторю важнейшие выводы:

1) Развалины древнего Нахшеба, Несефа арабских географов, находятся в местности, окружающей Шуллюк-тепе; сам холм Шуллюк-тепе, это—цитадель, находившаяся в разрушенном состоянии уже в X в.

2) Вследствие постройки монголами в XIV в. дворцов где-то южнее реки, город начал постепенно передвигаться также на юг и в конце XIV в., когда Тимуром была построена цитадель, занимал, вероятно, пространство, в некоторой своей части совпадающее с положением современного Карши, и

3) остатки крепости, построенной Тимуром, подвергавшейся осаде со стороны Шейбани-хана и фигурирующей в истории Абдуллы-хана, мы имеем в развалинах, известных теперь под именем Кала-и-Захаки-Морон.

Н. П. Остроумов.

О чашах и кубках у азиатских преимущественно народов.

Чаши и кубки для напитков были в употреблении с самых древних времен у разных народов передней Азии, в нижнем Египте и южной Европе, откуда распространились потом и в другие соседние страны вместе с древней культурой. Употребление чаш и кубков у разных народов было разнообразное: буддисты и зороастристы пользовались чашами при религиозных воскурениях; [1] древние евреи—при жертвоприношениях; христиане—при совершении таинства евхаристии; магометанам обещаны чаши и кубки в раю для угощения праведников неопьяняющими напитками; древние персы, скифы, монголы и узбеки пользовались чашами и кубками во время пиршеств; древние греки не только делали возлияния из чаш и кубков для умилостивления своих богов, но и сами боги и богини их угощались сладким напитком (нектаром) из кубков; наконец, чаши у разных народов употреблялись и употребляются при совершении клятв и при гаданиях.

Такое разнообразное употребление древними народами чаш и кубков оказывало влияние как на материал, из какого приготовлялись эти сосуды, так и на форму их и на украшения. Чаши и кубки, смотря по их назначению, изготовлялись из золота и серебра, из дорогих камней и слоновой кости, а также из бронзы и меди, из стекла и дорогого дерева. Были в домашнем обращении у бедных классов и чаши-тыквы. Дорогие металлические чаши и кубки украшались рисунками и накладными изображениями божеств, а вместе с тем жемчугом и драгоценными камнями и бережно хранились их обладателями. Чаши религиозного культа имели свое особое назначение, хранились в храмах и почитались священными предметами. О некоторых чашах у буддистов-ламаитов и христиан слагались благочестивые легенды в назидание верующим.

Из древнего, месопотамского, периода передне-азиатской культуры, относимого современными учеными за две, за три тысячи и более лет

[1] У буддистов Будда и его перерожденцы (бодисатвы) изображаются с чашей в руках. (Ольденбург, С. Ф. Пещеры тысячи Будд. Журнал „Восток". Книга I. II. 1922, стр. 60.) Изображения святых с чашей в руках встречаются и в христианской иконографии.

до р. хр.,[1] имеются археологические данные о чашах Вавилона и Ассирии, у Гомера—о чашах и кубках древних греков, у Геродота—о чашах скифов, в библии—о чашах фараона и Иосифа, а затем о чашах моисеевой скинии и соломонова храма. Есть указания на чаши и кубки и у других народов Азии и Европы.

На одной фреске дворца вавилонского царя Ассурбанипала сохранилось изображение царя, сидящего в беседке с чашею в руках. Его царица находится у его ног, в некотором расстоянии от своего царственного супруга.[2] На другой фреске одного из ассиро-вавилонских дворцов изображен царь с чашей в руке и стрелами. Он в раздумьи перед походом на неприятеля: что ожидает его в предстоящем военном походе... Воинственный завоеватель гадает над чашей.

В кн. Бытия рассказывается, что современный библейскому Иосифу египетский фараон держал при своем дворце особого виночерпия, подававшего в руку своего властителя чашу с виноградным соком.[3] И о самом Иосифе в библии говорится, что у него была серебряная чаша, из которой он пил и над которою гадал.[4] Из какого металла была изготовлена чаша фараона, из библейского рассказа не видно. Ритуальные чаши были изготовлены для скинии мастером Веселиилом, как сказано в библии, по особому повелению и указанию Моисею от Еговы из чистого золота.[5] О еврейском царе Соломоне, царствовавшем за тысячу лет до р. хр., сообщается в библии, что в построенном им храме чаши жертвенные были золотые[6] и что в его царском доме все сосуды для питья были из чистого золота.[7] Так же и у греков гомерова периода были в употреблении золотые чаши и кубки.[8] В числе многочисленных находок Шлимана в древних Микенах была золотая чаша, весом до

---

[1] Всемирная География. Азия. Рус. перевод А. Генкеля. Спб. 6. о. г. стр. 147—148.

[2] Бузескул, В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Часть I. Восток. Петербург. 1923, стр. 132.

[3] Кн. Бытия, гл. 40, ст. 11—21.

[4] Кн. Бытия, гл. 44, ст. 4—5. Переселение евреев в Египет относится к 1825 году до р. хр.

[5] Кн. Исхода, гл. 25, ст. 29; гл. 37, ст. 16. Особенно нужно иметь в виду, что все принадлежности скинии моисеевой были изготовлены по повелению Еговы (кн. Исхода, гл. 31, ст. 1—9; гл. 30—35 и гл. 38, ст. 22). Учреждение скинии относится к 1495 году до р. хр.

[6] 4 кн. Царств, гл. 25, ст. 15. Эти чаши были увезены в Вавилон Навуходоносором, вавилонским царем, в VI в. до р. хр. Сын Навуходоносора, Валтасар, воспользовался ими для своего большого пиршества с вельможами, женами и наложницами. Все пировавшие с царем пили вино из этих сосудов, первоначально предназначенных для религиозных церемоний евреев в иерусалимском храме. См. кн. прор. Даниила, гл. 5, ст. 1—4 и 23.

[7] 3 кн. Царств, гл. 10, ст. 21 и I кн. Паралипоменон, гл. 29, ст. 2.

[8] Илиада и Одиссея во многих местах.

четырех фунтов, а в Лаконии (в дер. Вафио) была найдена золотая чаша с необыкновенно отчетливым изображением ловли и укрощения быков. [1]

В Илиаде Гомера рассказывается, что Гефест, сын Зевса и Геры, угощал из изготовленного им самим кубка сладостным нектаром свою „лилейно-раменную“ мать и других небожителей, с правой стороны начиная.[2] Что же касается Ахиллесова кубка, из которого Ахиллес возливал Зевсу вино на костер друга своего Патрокла, убитого в схватке с троянцами, то этот кубок назван в Илиаде златым, и Ахиллес тщательно хранил свой дорогой кубок. В Одиссее упоминается о чашах корабельщиков Телемака (сына Улисса-Одиссея), возливавших вино небожителям за благополучное плавание, а также—о чаше волшебницы Цирцеи, о чаше Пизистрата, Несторова сына, и о чаше Евмея, домоправитела Улисса, приготовившего утренний напиток для возвратившегося домохозяина.[3]

После приведенных рассказов Гомера о чаше Гефеста и кубке Ахиллеса, неудивительно читать у Геродота (пятый век до р. хр.), что современные ему скифы придавали особое значение застольной чаше, утверждая, что первая по времени появления на земле чаша для вина была золотая и упала с неба вместе с золотым плугом, золотым ярмом и такою же секирой. [4] Другими словами: чаша для вина считалась у скифов одним из самых важных и дорогих в их домашнем быту предметов, на ряду с плугом, ярмом и топором, и что, соответственно важности названных предметов домашнего обихода скифов, эти предметы были приготовлены на небе из золота.[5]

По другому скифскому рассказу, у скифов признаком богатства на ряду с колесницами и скотом считались золотые чаши, так что один босфорский царь признал обладателя перечисленных предметов и животных достойным женихом своей дочери. [6]

На описанных в „Шах-Намэ“ пиршествах древних персидских царей и сподвижников этих царей, чаши и кубки, смотря по состоянию устроителей пиршеств, были и золотые, украшенные жемчугом, но большею частью хрустальные. У Кай-Хосру был рубиновый кубок, а бедная ста-

---

[1] Бузескул, В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Часть II. Древне-греческий мир. Петербург. 1924, стр. 52 и 168—169.

[2] Илиада. Песнь первая, стихи 595—598.

[3] Одиссея. Песнь 16-я, ст. 52.

[4] Латышев, В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Спб. 1893, стр. 12.

[5] По верованию средне-азиатских народов, первый плуг (омач) был доставлен Адаму из рая анг. Гавриилом (см. рисалю о земледелии). Но адамов плуг был деревянный, как и теперешний омач.

[6] Латышев, В. В. Цитир. соч. стр. 556 (Лукиан Самосатский).

рушка угостила преследуемого врагами Бахрам-Чубина вином из старой тыквы.[1]

О чаше мифического царя Персии, Джемшида, сохранилось такое предание, что вино, наполнявшее эту чашу, не убавлялось, сколько бы гостей ни пили из нее, если только гостей обносили этой чашей, начиная с правой стороны от хозяина пиршества, как это было принято у греков Гомера.[2] Если же угощение вином из чаши Джемшида шло в другом порядке, то-есть от левой руки хозяина, то чаша утрачивала свою магическую силу—вино в чаше убавлялось, и чаша наконец опорожнялась... По другому преданию, чаша Джемшида отличалась и таким свойством, что когда царь смотрел в свою чашу, то видел все, что происходило в самых отдаленных странах и мог заблаговременно принять меры для своей безопасности от неожиданного нападения врагов.[3] Но, очевидно, в этом (втором) предании смешаны чаша Джемшида и особое магическое зеркало „джахан-нума", в котором отражались все страны тогдашнего мира. Эти чаша и зеркало строго охранялись особым караулом при дворе царском, и когда, после Джемшида, неприятель угрожал похитить трон Кай-Хосру, чашу и зеркало Джемшида, то стража, охранявшая эти национальные драгоценности, бросила их в реку, соединявшую в себе два течения—с прозрачной водой и с темной, как кратко сказано в распространенном в Средней Азии тюркском переводе известного сочинения „Аджаибу-ль-махлюкат" арабского писателя Казвини.[4]

В средневековых литературных и исторических памятниках находятся следующие данные об употреблении азиатскими народами чаш и кубков.

Арабский до-исламский поэт Амр ибн-Кюльсум (VI в. по р. хр.) так взывал к своей возлюбленной: „Проснись, дева, со своей чашей! преподнеси нам утренний напиток и не щади эндеринских вин, которые, при смешении с теплой водой, становятся светлыми, словно в них шафран, которые томящегося отвлекают от терзаний страсти,—как только он их, этих вин, коснется,—и успокаивают его".[5] В этом обращении арабского поэта важно указание на употребление вина, разбавленного теплой водой, как делали это древние евреи[6] и греки, в отличие от ге-

---

[1] См. статью Розенберга, Ф. А.: О вине и пирах в персидской национальной эпопее, в Сборнике Музея антропологии и этнографии, посвященном имени академика В. В. Радлова (Петроград, 1918 г.), стр. 375—394. В этой статье изложено содержание персидской эпопеи с мифических времен до вторжения арабов в Персию при последнем сасаниде Иездигерде III (до 651 года по р. хр. По Лэн-Пулю—до 642 г.).

[2] Илиада. Песнь 1, ст. 595—598 и песнь 9, ст. 175—177 и 202—203.

[3] Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестане. С тюркского перевел Н. С. Лыкошин. Изд. Самарк. Обл. Стат. Ком. Самарканд, б. о. г., стр. 197, примеч.

[4] Изд. андижанским книгопродавцем Муллой Таширбаем Мурза-Каримовым.

[5] Восточный Сборник в честь А. Н. Веселовского. Москва, 1914 г., стр. 6.

[6] Псал. 74, ст. 9.

родотовых скифов, предпочитавших пить цельное, не разбавленное водой вино, на что указывает особое древне-греческое выражение „подскифить", в значении наполнить чашу цельным вином и напоить до-пьяна. [1]

В коране Мухаммеда (VII в. по р. хр.) упоминаются золотые и серебряные чаши и кубки, предназначенные для угощения праведников в раю неопьяняющим напитком.[2]

В „Истории Бухары" Наршахи упоминается золотая чаша эмира Мансура, сына Нуха, из династии саманидов, правивших Бухарой с 961 года по р. хр.[3]

В XIII веке венецианец Марко Поло, ездивший ко двору монгольского хана Хубилая, рассказывает, что на пиршествах этого хана употреблялись большие и малые золотые чаши. Большие чаши наполнялись вином для всех пировавших, а для самого хана подавалось вино в особой чаше из отличного золота.[4]

Другой европеец, Рюи Гонзалес де Клавихо, ездивший в 1403—1406 гг. ко двору Тимура в Самарканд, в качестве посла от кастильского короля Генриха III, подробно описывает необыкновенно роскошные пиры этого эмира и его старшей жены в самаркандских загородных садах и говорит, что на этих пирах употреблялись чаши золотые, серебряные, глиняные—муравленые и фарфоровые. Одна из шести круглых золотых чаш была украшена с внутренней стороны крупным жемчугом, а в середину ее дна был вставлен рубин в два пальца шириной и настоящего хорошего цвета.[5]

В поэме средне-азиатского мифического героя из тюрков—Коркуда, относимой к XV веку по р. хр., упоминаются золотые чаши,[6] названные „алтун-аяками", как это название сохранилось у джагатайцев и у некоторых тюркских племен в казанском крае.

У знаменитого Бабура (1483—1530 гг. по р. хр.), основателя империи великих моголов в Индии, ставились на стол золотые и серебряные кубки для сладких напитков во время угощений и вообще при кушаньях (Бабур-намэ, стр. 235).

Кроме золотых чаш, на азиатском Востоке, также в Египте и в некоторых странах европейского материка, были в употреблении серебряные чаши. О серебряной чаше египетского Иосифа, сына патриарха

---

[1] Латышев, В. В. Цитир. соч. стр. 56 и 308.

[2] Коран 43, 71 и 76, 15—16.

[3] Рус. перевод Н. С. Лыкошина (Ташкент, 1897 г.) стр. 37. Об эмире Мансуре см. в „Мусульманских династиях" Стэнли Лэн-Пуля, перевод В. В. Бартольда, Спб. 1899, стр. 108—109.

[4] Путешествие Марко Поло ко двору великого Хана. Рус. перев. И. Минаева, под редакцией В. В. Бартольда. Спб. 1902. Стр. 101, 129.

[5] Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Рус. перев. под редакц. И. И. Срезневского, Спб. 1881 г., стр. 253—254, 259, 307.

[6] Тюркский текст с русским переводом был издан В. В. Бартольдом в Записках Восточного Отделения Русск. Археологического Общества (тт. VIII, XI и XII).

Иакова, упомянуто выше. Древний еврейский историк Иосиф Флавий утверждает, что в иерусалимском храме было золотых чаш—сто тысяч, а серебряных—двести тысяч.[1] У христиан разных стран при совершении таинства евхаристии употребляются большею частью серебряные чаши (кроме золотых) с накладными изображениями ликов спасителя, богородицы и святых; нередко евхаристийные чаши христиан бывают позлащены и украшены жемчугом и драгоценными камнями.

На большой серебряной чаше, найденной в Ютландии, видны отчетливые изображения мифологических божеств, а на ручке этрусской чаши, относимой к 400 году до р. хр., вполне отчетливо изображена голова древнего греческого полубога Силена—со звериными ушами, усами и бородой.[2]

Небольшие серебряные чашечки ставятся в буддийских кумирнях пред бурханами. Бронзовые и медные чаши были находимы при раскопках в разных местностях современного Узбекистана. Несколько экземпляров таких чаш хранятся в Средне-Азиатском Главном Музее. Две медные чаши обращают на себя внимание тем, что исписаны с наружной стороны и внутри кораническими текстами, а в дне имеют небольшое отверстие, которое назначено, как можно предполагать, для стока воды из чаш после гаданий на воде. Вероятно, вода, наполнявшая эти чаши, уносилась гадателями домой, как жидкость, находившаяся в соприкосновении с священными изречениями корана, и потому освященная и целебная. Происхождение этих чаш мне не известно, но во всяком случае оно не древнее, судя по работе и характеру письма.

О чашах из слоновой кости и из дорогого дерева упоминается в надписи на стене древнего калахского дворца, в развалинах Вавилона.[3]

У древних народов, наряду с чашами из драгоценных металлов, были в употреблении и стеклянные чаши. Так, подобные чаши были находимы в развалинах Ассурнасирпалова дворца, на месте древней Ниневии.[4]

На о. Крите, при раскопках киосского дворца, были найдены обломки чаш из прозрачного диорита и липарита.[5] В 1101 году кресто-

---

[1] Иосифа Флавиа Древности Иудейские. С латинского на российский язык преложенные придворным священником Михаилом Самуйловым. Часть вторая. Спб. 1818, стр. 17—18.

Мне кажется, что приведенные сведения о количестве золотых и серебряных чаш в иерусалимском храме преувеличены.

[2] Вселенная и человечество. Перевод с немецкого под редакцией проф. А. С. Догеля, т. III. С.-Петербург, б. о. г. стр. 295, 297.

[3] Древний мир в памятниках его письменности. Составили Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг, В. Н. Стерлигов. Часть I. Восток. Издание 3-ье. Москва. 1915, стр. 87—88.

[4] Бузескул, В. П. Цит. соч. Ч. I, стр. 130.

[5] Там же. Часть II, стр. 172. Диорит—кристалл темно-зеленого цвета, а липарит—вулканическое образование на Липарских островах к северу от Сицилии, отчего происходит и самый термин „липарит“.

носцами была найдена в Кесарии чаша из цельного смарагда (см. в конце очерка).

О бронзовой чаше, найденной в Мероэ (Нубия), упоминает проф. Б. А. Тураев и замечает, что на этой чаше изображена царица, считающая своих овец.[1]

Небольшая (11 сант. в диам. и 4 сант. в глубину) бронзовая чашечка, принадлежащая проф. А. А. Семенову, относится, по его словам, к культу религии Зороастра. Вся внутренняя сторона этой чашечки занята сложным рисунком. В центре рисунка изображено солнце, в виде человеческого лица, а по сторонам солнца четыре треугольника. Между треугольниками вычерчены четыре человеческих фигурки в сидячем положении: две фигурки изображены с открытыми головами, а две—с венцами на головах. Одна из этих фигур ударяет в музыкальный инструмент, имеющий форму барабана с ножкой; другая фигура держит такой же инструмент под мышкой правой руки; третья фигура держит одну руку поднятой кверху, а другая рука ее пригнута к коленям; четвертая фигура сходна с третьей. На вершинах четырех треугольников вычерчены, в особых виньетках, маленькие рыбки и животные. Все эти фигурки занимают дно чашечки и две трети ее стенок. Над изображением солнца и четырех человеческих фигур с музыкальными инструментами вычерчены две каймы, в виде лент, одинаковой ширины, испещренные цветочками и узором, черточки которого составляют буквы неразобранных персидских слов. В четырех гнездах верхней ленты (пояска), в особых виньетках вычерчены рыбки и животные (собаки), такие же, какие вычерчены на вершинах треугольников. Смысл описанного рисунка остается неразъясненным.

В дополнение к тому, что выше сказано о чашах, бывших в употреблении у разных древних народов Азии, Африки и Европы в домашнем, общественном и религиозном быту, мы находим у Геродота сведения о том, что скифы, после убиения своих врагов, спиливали верхнюю часть их черепов до бровей и, очистив спиленные черепа снаружи и внутри, выделывали из них чаши. При этом, если владелец черепа был бедняк, то он только обтягивал череп снаружи сырой воловьей кожей и пользовался им, как чашей. Если же богатый скиф обделывал череп убитого им врага для той же цели, то не только обтягивал его кожей с наружной стороны, но и внутри покрывал позолотой и в таком виде употреблял его, как чашу для питья вина. Так поступали скифы и с черепами своих родственников, если после взаимной ссоры один из них одерживал верх над своим соперником пред лицом царя. Когда к скифу приходили гости, которым он хотел оказать внимание, он приносил превращенные в чаши черепа и рассказывал гостям, что это—черепа его родственников, которые вступали с ним в борьбу, но были побеждены им.

---

[1] История древнего Востока. Часть II. Спб. 1913 г., стр. 345.

Хвастливый хозяин рассказывал об этом своим гостям, как о геройском подвиге.[1]

Геродот упоминает и о другом обычае скифов: каждый скифский начальник ежегодно, один раз, приготовлял для гостей в своей области чашу с вином, из которой пили только те скифы, которые умертвили своих врагов, а те гости, которым не удалось сделать это, не удостаивались пить из этой чаши. Такие гости-скифы сидели отдельно, как обесчещенные, что считалось для них величайшим позором. Напротив, те скифы, которым удалось убить много врагов, получали по две чаши вина, которое они выпивали разом.[2]

По сообщению латинского писателя III века по р. хр., Юлия Солина (автора „Землеописания“), антропофаги есседоны, жившие в азиатской части древней Пропонтиды, также имели обычай обделывать золотом человеческие черепа, которые они употребляли вместо чаш. О скифах, живших далее внутри страны, тот же писатель сообщает, что они выделывали чаши из черепов своих врагов.[3]

Король лонгобардов, Альбоин, победив вождя гепидов, Кунемунда, приказал сделать из его черепа чашу и, женившись на дочери убитого врага, Роземунде, заставлял ее пить из этой чаши на пиру в Вероне.[4]

Вождь печенегов Куря, победивший в 972 году киевского князя Святослава, сделал из его черепа чашу, из которой пил вино в торжественных случаях.[5]

Не менее интересен факт нахождения так называемых габал, то-есть чаш из человеческих черепов, в буддийских кумирнях. Эти чаши почитаются у буддистов в числе святынь. В одной монгольской сказке рассказывается, что один перерожденец Будды был недоволен китайским императором и, чтобы отомстить ему, взял габалу (чашу из черепа) и наклонил ее. Тотчас же земная поверхность под Пекином начала опускаться в одну сторону. Тогда находившиеся при гэгэне (перерожденце Будды) стали просить его укротить свой гнев, чтобы не погубить города Пекина. Гэгэн смягчился и перестал наклонять габалу (чашу). После того прекратилось и опускание земли под столицей Китая, которая, однако, осталась наклонившеюся в одну сторону.[6]

---

1 Латышев, В. В. Цит. соч. стр. 28.

2 Там же.

3 Латышев, В. В. Цит. соч. Том II. Спб. 1904, стр. 277. Об есседонах в „Александрийских пословицах“ говорится, что они съедали трупы своих родителей, а головы их трупов золотили (У Латышева, т. II, стр. 499). Очевидно, в „Пословицах“ повторяется сказание Юлия Солина.

4 Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 53, стр. 1, под словом „Роземунда“.

5 Русская история. Рассказ о князе Святославе.

6 Записки Семипалат. подъотдела Зап.-Сибирск. Отдела Р. Г. Общества. Вып. XIII. Семипалатинск, 1919, стр. 80.

В монгольских народных сказаниях передается также, что габалы дают богатство и благоденствие тому, кто владеет такой чашей.[1] По рассказу одного буддиста, в монастыре Гумбуме пользуется особым почетом чаша, выделанная из черепа матери Цзонкавы, перерожденца Будды.[2]

С приведенным сказанием монголов нужно сопоставить сказание о том, как тибетский хан посылал погоню за сказочным героем Абатай-Саин-Ханом, который тайно увез голову далай-ламы. Можно предположить, что Абатай-Саин-Хан намеревался сделать из черепа далай-ламы чашу для питья вина, чтобы вместе с вином, выпиваемым из этой чаши, проникаться духом главного представителя ламаизма.

Об одном факте переделки человеческого черепа в чашу для вина упоминает наш поэт Пушкин в своем шутливом „Послании к Дельвигу", написанном в 1827 году. Мысль о черепе, который служил бы чашей, Пушкин заимствовал у Байрона. Байрон отполировал череп, отрытый его садовником в земле и принадлежавший, по всей вероятности, какому нибудь монаху старого аббатства, и сочинил надпись на кубке из черепа в 1808 году. Пушкину вздумалось предложить Дельвигу сделать такое же употребление из черепа его предка, будто бы попавшего в руки его приятеля Вульфа,[3] и он (Пушкин) высказал это в следующих стихах:

Прими сей череп, Д***[ельвиг]: он
Принадлежит тебе поправу;
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.
Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Д***[ельвига]... Барон,
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен...
Прими ж сей череп, Д***[ельвиг]: он
Принадлежит тебе поправу.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.

---

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 10.

[3] Барон Дельвиг и Вульф были товарищами Пушкина по лицею.

Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай,
И Скандинавов рай воинской
В пирах домашних воскрешай. [1]

При объяснении обычая скифов и некоторых других народов выделывать чаши для вина из человеческих черепов, быть может, следует принять во внимание сходство таких чаш с небесным сводом, имеющим полусферическую форму. Так, древне-индийское верование производит небесный свод из черепа Брамы. В древне-греческих орфических гимнах голова Зевса уподобляется небесному своду. Так же и скандинавская легенда представляет небесный свод изготовленным из черепа скандинавского бога Имира.[2] Проф. А. А. Семенов сообщил мне, что на языке древних персов выражение „кяса" (чаша) часто применяется и к небесному своду, а выражение „кяса-и-сар" означает человека, обладающего разумом.

На основании приведенных соображений, можно допустить, что древние народы, стремившиеся обладать черепами убитых врагов-героев и приготовлять из этих черепов чаши для питья вина, надеялись проникнуться сильным духом убитых, как источником их воинских доблестей. Вместе с тем угощение приглашенных гостей из таких чаш на пирах поддерживало в обладателе чаши из черепа чувство самодовольства, тщеславия и надменности.

Что же касается легенд, сложенных о ритуальных чашах, то наиболее характерной легендой является сказание о св. Граале, занимающее видное место в средневековой литературе.

В период крестовых походов среди христиан поддерживалась надежда найти подлинную чашу, из которой Христос на последней своей вечери с двенадцатью учениками, предложил им вкусить вина, как символ предстоявших ему кровавых мучений. В эту чашу, по народным сказаниям, Иосиф Аримафейский, снимавший с креста, вместе с Никодимом, тело своего распятого учителя, собрал его кровь, истекавшую из ран. Эта чаша получила чудодейственную силу и стала называться „чашей благодати" (святой Грааль). В народной легенде, соединенной с этим названием, рассказывалось, что по смерти Иосифа, скончавшегося (будто бы) в Англии, принадлежавшая ему чаша (св. Грааль) наполня-

---

[1] Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Издание Брокгауз-Ефрон. Том II. Спб. 1908, стр. 457—458.

[2] См. в Энциклопед. словаре Брокгауза и Ефрона (полутом 25, стр. 4), под словом „Имир". Изо лба Брамы был сотворен Нарада, древний мудрец Индии (Энциклоп. словарь, полутом 8, стр. 578, под сл. „Браманизм").

лась сама собой обильными яствами, если ее обладатель был нравственно чист и исполнен благодати.

Согласно легенде, эта чаша была сделана из цельного смарагда, и когда в 1101 году, при завоевании крестоносцами Кесарии, был найден сосуд, соответствовавший этому описанию, он был признан подлинной чашей спасителя. Вокруг этой чаши сложился целый цикл легенд: легенда о св. Граале и известная легенда о Парсивале, связывающая сказание о Граале с циклом преданий о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Сказание о Парсивале повествует о том, как этот принц долго и тщетно искал и наконец нашел таинственную чудодейственную чашу и чудодейственное копье, которые после его кончины были взяты на небо.

В заключение приношу благодарность многоуважаемым А. А. Семенову, Н. Г. Маллицкому, П. А. Остроумову и Н. А. Бурову за любезное содействие моей работе предоставлением справок и книг.

Н. Э. Вундцеттель.

К нумизматике Сасанидов.

Inedita Numophylacii Facultatis Orientalis Universitatis Mediasiaticae Tashkentensis.
Annotatio secunda.[1]

Настоящая заметка имеет целью ознакомить интересующихся нумизматикой сасанидской династии с двумя любопытными монетами этой эпохи, находящимися в собрании минц-кабинета при Восточном Факультете Средне-Азиатского Университета. Выбор нижеописанных экземпляров сделан мною в надежде, что они являются еще неизданными разновидностями, говорю „в надежде", так как, за отсутствием в моем распоряжении исчерпывающей литературы предмета, не могу считать себя в праве выразиться более положительно.

I.

Хальк. 24 mm. В минц-кабинет Вост. Фак. поступил через покупку у частного лица в Ташкенте.

Av. Обычный тип Шапура II: бюст царя вправо, в четырехконечной уступчатой „короне", с глобусом. Круговая легенда почти стерта; начало легенды слева почти совершенно отсутствует, различается лишь первое m...; справа надпись сохранилась несколько лучше, но ясно читается только „mal"[kan malka]. Взаиморасположение этих остатков, равно как и самый тип, не позволяют сомневаться, что в данном случае мы имеем дело с чеканом Шапура II Великого, вполне совпадающим со штампом его серебряных драхм.

Rv., в противоположность Av., сильно уклоняется от нормального типа и представляет значительный интерес.

---

[1] Ср. Вундцеттель, Н. Интересная гемма из коллекции Туркестанского Восточного Института. آلاسكندرية Сборник Т. В. И. в честь А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, стр. 146—147. Ред.

Алтарь, украшенный повязками, с феруером в пламени вправо; на колонне алтаря rast; по обе стороны алтаря обращенные к нему фигуры в царских головных уборах с глобусом. Обычные легенды позади фигур отсутствуют. Зато между алтарем и левой фигурой находится [illegible], что я читаю izkitr, т. е. Иездикерт, с перестановкой последних двух букв. [1]

Считаю необходимым прибавить, что техника чекана, по его внешнему виду, не позволяет предположить в данном случае надчеканки; нужно думать, что помещение слова izkitr на Rv. имело место в самом штампе монеты.

В сущности, только что описанный тип монет Шапура II с именем Иездикерта на Rv. не является новинкой для нумизматов. В своих работах по сасанидской нумизматике Dr. A. D. Mordtmann давно уже опубликовал подобную монету,[2] но серебряную (драхму), при чем от описываемого нами экземпляра она разнится, кроме металла, еще тем, что фигуры Rv. не имеют глобуса на головных уборах, и имя Иездикерта написано правильно. Таким образом в отношении новизны интерес монеты собрания Восточного Факультета заключается в том, что она является хальком.[3]

Что же касается ближайшего определения и датировки подобных монет, то Dr. Mordtmann в упомянутых работах приписывает их Иездикерту, провозгласившему себя „царем царей“ Ирана где-то на востоке государства; его этот ученый и считает первым Сасанидом этого имени, полагая в нем предшественника или соперника Иездикерта I историков, получившего впоследствии прозвище „Базахгара“ (بزه‌کر), и относит их чеканку к 399—400 г.

Цитируя работы Mordtmann'а на память, я не могу, к крайнему моему сожалению, воспроизвести аргументацию, при помощи которой автор приходит к такому выводу, но тем не менее не могу и вполне согласиться с ним в силу следующих предпосылок. Двадцатилетний период, протекший между смертью Шапура II Великого, случившейся в 379 г., и воцарением Иездикерта Базахгара в 399 г., заполненный царствованиями Ардешира II, Шапура III и Варахрана IV, был периодом государственных и дворцовых смут и неурядиц, среди которых престол переходит и в прямой и в боковой линиях, как это можно видеть из следующей таблицы.

---

[1] Подобная перестановка может быть объяснена упадком правописания, в связи с падением вообще искусства чеканки монет, наблюдаемого с периода царствования Шапура II.

[2] Erklärung der Münzen mit Pehlewi-Legenden. ZDMG Bd. VIII, 1 ff., XII, 1 ff. Zur Pehlewi-Münzkunde. ZDMG Bd. XXXIII, 82 ff., XXXIV, 1 ff., 162. Ред.

[3] F. D. J. Paruck в своей работе Sasanian coins (Bombay, 1924), любезно предоставленной мне Сред.-Аз. Гос. Библиотекой, совершенно не упоминает о трактуемых типах.

Хормузд II 302—309

Ардешир II 379—383
старший, сводный брат Шапура II

Шапур II 309—379

Шапур III 383—388

Варахран IV 388—399

Иездикерт I 399—420
Базахгар

Таблица эта, построенная на данных, приводимых Ю с т и,[1] считая Иездикерта I сыном Варахрана, согласуется в этом отношении с показаниями Т а б а р и, Б е л а з о р и и армянских писателей (см. К. П а т к а н о в а[2]); другие же авторы (о них см. N ö l d e k e, Tabari,[3] 73 прим. 1) считают его сыном Шапура, но, прибавляет Н ö л ь д е к е, II или III—неизвестно; у М и р х о н д а (пер. S. de Sacy) он назван „сыном или племянником“ Шапура III.

Уже сама такая сбивчивость и неясность в свидетельствах историков при определении родственных отношений Иезидикерта Базахгара, жизнь которого и в качестве государя и как принца[4] изложена и описана ими достаточно подробно, может быть истолкована в том смысле, что мы имеем здесь дело не с одним лицом, а с несколькими, носившими это имя. Неурядицы, о которых было упомянуто выше, вполне, конечно, могли способствовать или даже вызвать появление претендента на престол, в особенности в отдаленных провинциях государства, в Кермане, Сеистане и даже Хорасане, тем более, что нам известно об обычае назначать в качестве правителей этих провинций принцев крови сасанидского дома; поэтому особенно сомневаться в том, что один из членов династии мог провозгласить себя, согласно мнению M o r d t m a n n'а, „царем царей“ с именем Иездикерта, нет особой необходимости. Но право чеканки монеты на востоке, да и не только на востоке, является показателем значения суверена; поэтому, конечно, всякий претендент на престол, находящийся даже иногда и в неблагоприятных условиях, все же чеканит монету от своего имени и не будет ставить его на втором плане. Это общее соображение вполне приложимо и по отношению к интересующим нас монетам, тем более, что и сам M o r d t m a n n, кроме вышеупомянутой драхмы, опубликовал ряд монет того же, по его мнению, Иездикерта, описывая их как монеты нормального типа, сходного

[1] J u s t i, F. Iranisches Namenbuch. Marburg. 1895. S. 421. Р е д.

[2] *П а т к а н ь я н, К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями.* Труды Вост. Отд. И. Р. А. О. Часть четырнадцатая. Спб. 1869, стр. 34—35. Р е д.

[3] N ö l d e k e. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt. Leyden, 1879. Р е д.

[4] См. характеристику Иездикерта у Мирхонда.

с типом Шапура II, но более плохого исполнения и из особо плохого металла, вернее сплава.

Таким образом, если Иездикерт на востоке Ирана имел свою чеканку, то принадлежность ему монет, носящих на Rv. имя izkitr или izdkrt, вызывает, по крайней мере, сомнение. Приписывать их Иездикерту Базахгару имеется еще меньше оснований в силу подобных же соображений. Но если отказываться от гипотез в пользу того и другого, то придется указать еще на одного Иездикерта, Иездикерта Нерма, который, по словам некоторых историков, является предшественником *Иездикерта Базахгара на троне великих царей в течение 72 дней.* Варахран IV был убит весною 399 г.; Иездикерт Базахгар вступил на престол поздним летом того же года (счисление годов его царствования начинается с „нового года“—14 авг. 399 г.); таким образом эфемерное царствование Иездикерта Нерма приходится на лето 399 г. и во всяком случае не имело „нового года“; поэтому, может быть, и чеканка монет от имени нового государя не производилась; но я полагаю вероятным, что старые штампы Шапура II были все же использованы для этой цели, будучи снабжены именем нового царя на Rv., с уничтожением там же имени Шапура. И самое употребление штампов Шапура может пролить для нас некоторый свет на странную неустойчивость показаний исторических писателей в отношении родственных связей Иездикерта I. Выбор означенных штампов может быть объяснен тем обстоятельством, что Нерм считал себя или сыном или внуком Шапура II; в последнем случае было оказано предпочтение имени знаменитого деда незаметному отцу.

Итак, позволяю себе высказать предположение, что монета из собрания Восточного Факультета, описание которой дано выше, чеканена в кратковременное царствование Иездикерта Нерма Сасанида, летом 399 г.[1]

II.

AR. Драхма. 4,00 gr. 27 mm.

Эта в высшей степени замечательная монета поступила в минцкабинет Восточного Факультета из собрания сасанидских монет, принадлежавших б. эмиру Бухарскому; по всей вероятности, это последнее

[1] А следовательно приложенная таблица должна быть дополнена именем еще одного Иездикерта.

представляло собой отдельный клад, так как, хотя в нем и насчитывалось несколько сот экземпляров—все они относились к Фирузу (Kadi Pirudji) 459—484 гг. различных типов чекана этого государя и разных монетных дворов.

Av.[1] Поясное изображение правителя (?) влево. Безбородое лицо, с резко намеченными усами, в гладкой прическе, без головного убора. Левая рука опущена на бедро; правая, согнутая в локте, поднята, и держит, как кажется, нечто вроде сосуда. Одежда, напоминающая рубашку с расстегнутым косым воротом, с попыткой передать вышивку *или какие либо другие украшения, узко стянута в талии поясом.*

Свободное поле заполнено письменами или знаками, варьирующими основную „тамгу“ HO,O>O.

Кругом бусовый ободок.

Исполнение крайне грубое, варварское.

Rv. носит все черты сасанидского происхождения. Бюст царя вправо, в уступчатом головном уборе или короне, увенчанной полумесяцем с шаром. Справа и слева видны развевающиеся концы диадемы; на шее и на груди жемчужные украшения.

Все в двойном бусовом ободке.

Легенды отсутствуют.

Тип в общем напоминает Av. монет Иездикерта II (Kadi Yazdikerti) 438—457 гг., но, судя по внешнему виду, он или подвергся двойному удару при чеканке, или бит варварскими мастерами по сасанидскому образцу,[2] или, еще вернее, и то и другое вместе.

Но полный вес сасанидского стандарта, приближающийся к весу больших драхм Варахрана V, и чистота металла не позволяют сомневаться в том, что мы имеем дело с нумизматическим памятником. В ближайшем же его определении и датировке я весьма затрудняюсь и потому позволю себе ограничиться лишь этим кратким описанием.

---

[1] При первом же взгляде на прилагаемый рисунок становится ясным, что установить точно различие между Av. и Rv. крайне затруднительно, и потому обозначение нижеописываемой стороны лицевой мною сделано лишь на том основании, что штамп ее, по своему варварскому типу, кажется мне более позднего происхождения.

[2] За это говорит также то обстоятельство, что он анэпиграфичен, хотя, конечно, легенды могли быть стерты и с подлинного штампа.

Антропология.

„Все, что мы знаем из китайских источников о языке киргизов, указывает на турецкий характер этого языка, но в то же время приводятся антропологические черты, указывающие на нетурецкое происхождение, напр., светлые волосы. Свидетельство китайцев в этом случае вполне подтверждается свидетельством мусульман, которыми, вследствие указанных антропологических признаков, предполагалось родство по происхождению между киргизами и славянами. Перед нами, во всяком случае, несомненный факт существования таких антропологических признаков и столь же несомненный факт почти полного исчезновения их в последующие века.“

(В. В. Бартольд. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Первый всесоюзный тюркологический с‘езд. Баку, 1926, стр. 23.)

Л. В. Ошанин.

Материалы по антропологии Средней Азии.

Киргизы южного побережья Иссык-куля.

I. Районы, в которых производилось обследование. Сбор материала.

Весною 1924 г. в целях сбора антропологического материала среди киргиз я отправился в качестве врача с врачебно-обследовательским отрядом Наркомздрава по маршруту: южное побережье Иссык-куля, долина Конур-улена в Терскей-алатау, Долонский перевал, долины центрального Тянь-Шаня (Нарын, Арпа), озеро Сон-куль, Иссык-куль. К сожалению, болезнь лишила меня возможности выполнить указанный маршрут, и я вынужден был оставить отряд уже в долине Кунур-улена. Как эта причина, так и перегруженность чисто врачебными заданиями конечно отразились на количестве собранного. Всего мною обмерено и описано 100 особей муж. пола и сделано около 50 фотографических снимков en face и в профиль. Инструментарий, которым я пользовался, пришлось собирать в Ташкенте по частям: деревянный складной антропометр был изготовлен по заказу анатомического института САГУ; удалось найти скользящий и толстотный циркули, стальную ленту и тазомер; таблиц для определения цвета глаз, волос и кожи не было, и потому в характеристике цветности пришлось ограничиваться словесным описанием. При сборе материала отмечались: в общей части—возраст, родовые названия, род как отца, так и матери исследуемого (к вопросу о внутриродовых браках), летнее и зимнее местожительства, семейное и экономическое положение (число юрт, скота, количество земли); из качественных признаков отмечались—телосложение, питание, цветность, форма волос, развитие волосяного покрова на лице, туловище и конечностях, форма лба, темени, затылка, всего лица со лбом, глазных щелей, развитие монгольской складки и скуловых дуг, форма носа, подбородка, ушей и зубов. Подразделения этих признаков даны в тексте. Промеров всего бралось 33, из них ниже мы остановимся на главнейших. [1]

[1] В виду оторванности Ташкента от центра в годы революции, в основу программы обследования 1924 г. мною были положены инструкции Антропологического Отдела О-ва Любителей Естествознания, Антропол. и Этногр., пополненные некоторыми данными программы проф. Мартина; последняя, с небольшими изменениями, была напечатана в № 1 Туркестанского Медиц. Журнала (1922 г.) С. Э. Циммерманом, ныне проф. анатомии Ср.-Аз. Гос. Университета.

Сбор материала был проведен в 3-х пунктах: 1) в районе села Рыбачьего, в самом западном углу побережья Иссык-куля, куда приходили киргизы главным образом с южных склонов Кунгей-алатау, 2) в долине реки Ак-терека на южном побережьи Иссык-куля, верстах в 80 к востоку от села Рыбачьего и 3) в долине Конур-улена, которая лежит в Терскей-алатау, верстах в 10 к югу от Ак-терека. *Два последних* пункта—долины Ак-терека и Конур-улена—можно рассматривать как один район, так как в этих пунктах отряду пришлось обслуживать киргиз, населяющих ближайшие долины и сырты Терскей-алатау, главным образом Тона, Конур-улена, Семиз-беля и Улакола.

Обследованными оказались два поколения—с а я к и с а р ы б а г ы ш. Как известно, киргизы в родовом отношении разделяются на два крыла он (правое) и сол (левое). Правое крыло (он) в свою очередь разделяется на два отдела—тагай и адгене, а каждый из этих отделов распадается на несколько колен. Оба обследованных нами колена—сарыбагыш и саяк—принадлежат к отделу тагай. Каждое из этих колен в свою очередь распадается на роды. Все обследованные нами киргизы твердо знали как свои мелкие родовые подразделения, так и принадлежность к тому или иному колену. На вопрос „кайсы уруг-дан сыз“ (из какого рода) ответ, как правило, давался совершенно определенный (напр. „тоздар сарыбагыш ичинда“, „кыдык саяк ичинда“—*„тоздар внутри сарыбагышей“, „кыдык внутри саяков“ и др.*). Но далеко не всегда они знали более крупные подразделения, напр., свою принадлежность к отделу тагай и крылу он. Внутри колена саяк нам чаще всего попадались роды — кыдык, кара-кучкач, куртка-мергень и ботугур, а внутри колена сарыбагыш наичаще отмечены — тоздар, асзык, калмакы, ишмурат и атеке, кроме того, неоднократно отмечен род арык-тукуму из колена бугу. Свой боевой клич (уран) киргизы начинают забывать, и на вопрос „кайсы уран айтасыз“—„какой уран говорите“—далеко не всегда удавалось получить ответ. В нашем материале отмечены ураны—„чабалдай“ у рода теним-сеид, „якшилык“ у рода кыдык, „джай-джа“ и „бей-темир“ у рода кара-кучкач, и „барак“ у рода куртка-мергень. Что касается распределения указанных родов по обследованным районам, то сарыбагыши населяют по преимуществу ближайшие к Рыбачьему южные склоны Кунгей-алатау, а саяков мы нашли по южному побережью Иссык-куля и в долине Конур-улена.

II. Некоторые бытовые данные, связанные с вопросами расовой гигиены.

Здесь прежде всего приходится отметить тот факт, что при полной сохранности родового быта внутриродовые браки, как правило, не имеют места. По заявлению самих киргиз у них установился обычай, согласно

которому „уруг ичинда кыз алмайде", т. е. внутри данного рода жен не берут. И действительно, в нашем материале только в 3-х случаях из 100 отмечено одно и то же родовое название у мужа и жены (отца и матери исследуемой особи). При этом сплошь и рядом жен берут из весьма отдаленных мест; так, матери киргиз, исследованных нами в долине Ак-терека и Конур-улена, нередко были из окрестностей Каракола, Пишпека, Токмака и других отдаленных районов. Таким образом, несмотря на жизнь, замкнутую внутри мелких родовых групп, близко-кровные браки видимо избегаются. [1]

Киргиз почти всегда обзаводится семьей и женится рано. В нашем материале холостых оказалось 5 из 100, все в сравнительно молодом возрасте от 25 до 28 лет. Чаще берут одну жену, что может быть связано с низким экономическим уровнем (см. ниже). Однако и у этого бедного населения многоженство не составляет редкости; в нашем материале 2 жены отмечены в 14 семьях, и в одной—было 3 жены. О деторождаемости в наших анкетах отмечены следующие данные: из 80 семей, при наличности одной жены, оказалось: бездетных 14%, с 1 ребенком—19%, с 2—13%, 3—20%, 4—8%, 5—5%, 6—3%, 7—5%, 8—1%, 9—1%, 10—1%, 11—4%, 12—2%, 13—2%, 14—1%, 15—1%.

Продолжительность браков в наших анкетах не отмечалась, и о ней можно судить лишь приблизительно, по возрастам исследованных особей. Так, бездетность приходится на возраст очень молодой (до 25 лет) в 3%, сравнительно молодой (25-30 лет) в 4% всех обследованных семей, а в 7% она падает на более поздние годы. Судя по этому, можно думать, что бесплодие встречается далеко не редко; к тому же заключению приводят и частые случаи обращения бесплодных женщин за медицинской помощью. С другой стороны семьи с весьма большим числом детей (свыше 10) встречаются также не редко; в нашем материале такие семьи составляют 10%. Однако здесь возраст всех обследованных перешел за 45 лет; многие из них успели овдоветь и могли жениться повторно, так что по приведенным цифрам затруднительно судить о плодовитости женщин. Но чаще всего попадаются семьи со сравнительно низкой деторождаемостью (с 1-2-3 детьми).

О детской смертности попутно также отмечались некоторые данные. Так, из 80 семей, имевших детей, только у 9 (в 11%) все дети были живы, а из всех 392 детей, рожденных в обследованных семьях, выжило

---

[1] Приводимые наблюдения касаются лишь отдельных родов, а не поколений и племен. Однако, и для отдельных родов поколений байулы и алимулы Малой Орды казаков С. И. Руденко отмечает обратное явление. Так, у рода адай внутриродовой брак отмечен в 77, 2%, а у рода кете—в 68, 4% всех браков. Даже в малочисленных родах число внутриродовых браков достигает 30%—40%. Баронов, С. Ф., Букейхан, А. Н., Руденко, С. И. Казаки. Антропологические очерки. Издание Особого Комитета Академии Наук. Вып. 3. Ленинград. 1927, стр. 87-90.

233, что составит около 40%.[1] При этом maximum смертности падает на грудной возраст и раннее детство.

Из гигиенически неблагоприятных условий приходится отметить, наряду с некультурностью, чрезвычайную бедность коренного населения побережья Иссык-куля и связанное с ней хроническое частичное голодание. При экономической характеристике этого населения приходится однако учитывать одну бытовую особенность. Можно сказать, что в тех районах, где работал отряд, ко времени нашего приезда уже произошел своеобразный отбор исключительной бедноты. Киргиз в силу вековой привычки, традиций, укоренившихся симпатий и пр. очень неохотно переходит к оседлому и полуоседлому образу жизни. Все, что экономически посильнее, предпочитает традиционную, излюбленную летнюю кочевку по высоким сыртам с хорошими пастбищами.[2] Поэтому все киргизы, у которых скотоводческое хозяйство оказалось не в конец разоренным событиями 1916-17 гг. (бегство в Китай после восстания 1916 г. и возвращение обратно в 1918 г.), к моменту прибытия отряда в долины Терскея уже откочевали на джайляу в высокогорные сырты.

Что касается оставшегося населения, то, судя по цифровым данным, приведенным в нашем материале,[3] можно сказать, что осевший и полуосевший киргиз побережья Иссык-куля с семьей в 4-5 и более человек проводит как лето, так и достаточно суровую зиму в рваной, старой юрте („боз-уй"; глинобитных саклей зимовок—„там-уй"—нет почти ни у кого), кое-как засевает пуда 2-3 ячменя и пшеницы,[4] иногда имеет, иногда нет одну плохенькую корову и одну лошадь, да штуки 3-4 баранов—и этим исчерпывается все его имущество.

В ограниченном количестве айран и молоко, род сусла („гуджа"), далеко не каждый день хлеб, притом из плохой муки и плохо пропеченый (пекут его на угольях костра в особой сковороде с крышкой), и баранина, в виде очень редкого лакомства по большим праздникам, при полном и постоянном отсутствии овощей,—вот обычная пища киргиза. Такое прекрасное подспорье в питании, как ку-

---

[1] Среди западных казаков (адаев) С. Ф. Баронов отметил столь же высокую детскую смертность. По его данным в поколении „отцов" из числа рожденных в их семьях (189 ч.) к моменту обследования умерло 77 ч., т. е. 40, 7%, а в поколении „детей" из 267—125, т. е. 46, 8%. Таким образом так же, как и среди обследованных нами киргиз, почти половина детей умирает. Баронов, С. Ф. Опыт медико-санитарного обследования среди казаков, стр. 39. (Казаки. Антроп. очерки. См. нашу ссылку на стр. 235).

[2] У казаков (адаев долин Уила и Сагыза) С. И. Руденко наблюдал в 1926 г. тот же переход к оседлости в зависимости от обеднения и упадка скотоводческого хозяйства. Цит. соч., стр. 8.

[3] Здесь мы не приводим данных о числе лошадей, коров, баранов, юрт и пр. у каждой семьи, но в наших записях эти данные всюду отмечены.

[4] В наших бланках записано и количество земли, но какой части десятины соответствует киргизская «теша» (?) нам неизвестно; с другой стороны и у самих киргиз эта мера, видимо, весьма растяжима, а поэтому мы отмечали в наших бланках и количество засеянного зерна.

КИРГИЗКИ, ПРИЕХАВШИЕ В ДОЛИНУ КОНУР-УЛЕНА ДЛЯ ОСПЕННЫХ ПРИВИВОК ДЕТЯМ.

На заднем плане хребет Терскей-алатау.

ДОЛИНА КОНУР-УЛЕНА.

На переднем плане группа киргиз записывается на амбулаторный прием врачебно-обследовательского отряда НКЗдрава Турк. Респ. На заднем плане хребет Терскей-алатау.

мыс, у этого полуосевшего населения отсутствует совершенно; нам его привозили (плохого качества), в виде лакомства, с сыртов, от более зажиточных киргиз, но хозяйство и этих последних в 1924 г. было весьма скромным. Отмеченный в нашем материале, приехавший с сыртов, единственный „бай“ (по характеристике местного населения) обладал следующим имуществом: 1 юрта („боз-уй“), 1 лошадь, 4 коровы и 100 баранов. Обладая таким имуществом, он вел уже чисто кочевой образ жизни и никаких посевов не производил.[1]

Из болезней, подтачивающих здоровые корни киргизского народа, приходится прежде всего отметить сифилис, как фактор наиболее грозный с точки зрения расовой гигиены.

По данным нашего отряда сифилис имеет среди киргиз колоссальное распространение.[2] Бытовые условия, главным образом пользование одной посудой, играют несомненно весьма существенную роль в распространении сифилиса.[3] Туберкулез костей, желез и легких довольно распространен, но все же наблюдали мы его реже, чем, например, среди городского населения Хивы. Колоссальное распространение имеют далее болезни кожные и глазные. Слепота, нередко на почве оспенного поражения глаз, представляет обычное явление. Лиц, перенесших оспу, оказалось в моем материале 35%. Последнее зло легко устранимо. Для оспенных прививок киргизы массами приезжали в отряд, сплошь и рядом из весьма отдаленных мест. На одном из прилагаемых снимков представлена группа киргиз, приехавших с детьми из дальних мест для оспопрививания в долину Конур-улена, а на другом—группа киргиз, записывающихся на амбулаторный прием отряда.

III. Антропологические данные. Описательные признаки.

1. Телосложение и жироотложение. Несмотря на чрезвычайную бедность, явное недоедание и в высокой степени антигигиенические, первобытные условия существования, киргизы отнюдь не оставляют

---

[1] Отметим попутно, что понятие «бая» (богатого человека) не совпадает с понятием «манапа». «Манапы», т. е. родовая киргизская аристократия, в 1924 г. продолжали по-прежнему пользоваться несомненным влиянием среди населения, и им фактически принадлежала власть на местах, как в силу векового обычая, так и в силу того, что они заняли места в волисполкомах и других административных органах. Нередко эти манапы, если не такие же бедняки, то экономически стоят не многим выше того населения, среди которого они пользуются фактической властью и авторитетом.

[2] За все время работы отряда (около 4 месяцев) на побережьи Иссык-куля, в центральном Тянь-Шане и на озере Сон-куль д-ром П. Ф. Самсоновым было принято 1444 больных сифилисом, что составит 28,65% всех обращавшихся за врачебной помощью в отряд. Таким образом примерно «каждый 3-ий из обращавшихся больных, являлся сифилитиком в той или иной стадии заболевания». Самсонов, П. Ф. Сифилис среди киргиз. Труды второго научного с'езда врачей Средней Азии. Ташкент, 26—30 апреля 1925 г. Ташкент, 1926, стр. 9.

[3] Там же, стр. 11.

впечатления слабосильного и истощенного народа, поскольку можно судить об этом по общему впечатлению от развития мускулатуры, развития грудной клетки и строения костяка, с одной стороны, и степени развития подкожно-жирового слоя, с другой. В нашем материале совокупность первых признаков отмечалась как „телосложение", с подразделениями на слабое, среднее и крепкое, а развитие подкожно-жирового слоя—как „питание"—плохое, среднее, хорошее и чрезмерное. Лица с плохим питанием, т. е. явно худые, истощенные, составляют в нашем материале 18%, что нельзя считать процентом высоким, принимая во внимание явно выраженное хроническое недоедание. Лиц со средним питанием, т. е. без бросающейся в глаза худобы или полноты, в нашем материале отмечено 72%, с хорошим питанием—наклонностью к избыточному жироотложению—9% и с чрезмерным питанием, т. е. с резко выраженным ожирением—1% (это единственный вышеупомянутый „бай", обладатель 4 коров и 100 баранов).

По телосложению явно слабых особей в нашем материале отмечено 12%, среднего телосложения—39% и ясно выраженного крепкого телосложения—49%. Сопоставляем, для наглядности, полученные данные в таблицах:

Питание:		Телосложение:	
плохое	18%	слабое	12%
среднее	72%	среднее	39%
хорошее	9%	крепкое	49%
чрезмерное	1%		
	100%		100%

Лиц, у которых слабое телосложение сочеталось с резко подорванным питанием, т. е. особей биологически особенно мало устойчивых, отмечено 9%.

Добавим еще, что киргизы отнюдь не производят впечатления „вырождающейся" народности. Наоборот, врожденная „конституциональная" [1] основа этой народности крепка и здорова, и главные источники заболеваемости среди киргиз нужно искать во внешних, экзогенных факторах, в условиях быта и исключительной бедности.

2. Цветность.

а. Цвет глаз в наших бланках записывался согласно рубрикам, приводимым в таблице.

---

[1] В наши программы, к сожалению, не была включена более точная диагностика конституциональных типов.

Таблица цвета глаз.

I. Темные				II. Переходные				III. Светлые		
Черные	Темно-карие	Карие	Светло-карие	Зеленые	Серо-зеленые	Темно-серые	Серые	Светло-серые	Голубые	Синие
7%	32%	32%	22%	2%	5%	—	—	—	—	—
Итого 93%				Итого 7%				—	—	—

В общем наша I группа соответствует I типу инструкций антропометрических исследований (изданных Моск. Антрополог. Институтом в 1925 г.), не содержащему никаких других элементов цвета, кроме черного, бурого и желтого; III группа—III типу инструкций, с чисто голубыми, серыми и синими глазами; II—смешанному типу. Как видно из этой таблицы, киргизы являются типично темноглазой народностью, содержащей в себе, однако, известную примесь светлоглазого элемента, хотя и не в его чистом виде, в количестве 7%. Процент этот несколько выше, чем у современного коренного населения Ташкента (2%) и Хорезма (5%).[1]

б. Цвет волос в наших бланках отмечался, согласно рубрикам, приводимым в таблице, на голове и в бороде.

Таблица цвета волос головы.

I. Брюнеты				II. Шатены	III. Белокурые	IV. Седые
Черные	Черно-коричневые	Темно-коричневые	Коричневые	Светло-коричневые		
66%	15%	11%	4%	—	—	4%
Итого брюнетов 96%				—	—	Седых 4%

[1] Данные о „сартах" Ташкента приводятся из работы А. П. Шишова (Сарты; ч. II. Антропология. Сборн. матер. для стат. Сыр-Дар. обл. Т. XII. Ташкент. 1905 г., стр. 2); об узбеках Хорезма—из моего материала 1923 г., еще не опубликованного.

Цвет волос бороды.

Черные	Черно-коричневые	Темно-коричневые	Коричневые	Светло-коричневые	Белокурые	Седые
50%	17%	9%	5%	14%	—	—
Итого 95% (5% безбородых).						

Таким образом, киргизы побережья Иссык-куля являются народностью типично темноволосой. Борода у них оказывается нередко светлее окрашенной, чем волосы на голове (последние у киргиз редко выбриты настолько, что нельзя распознать их цвет), что сказалось в меньшем проценте черных волос в бороде (50 вместо 66) и в известной примеси волос, отмеченных как светло-коричневые (14%). Разумеется, при отсутствии таблиц, приводимые подразделения не лишены субъективизма. Но основной факт можно считать бесспорным — современные киргизы побережья Иссык-куля брюнеты, среди которых мы вовсе не нашли блондинов. Известная примесь рыжих волос в бороде отмечена у двух особей.

В нашем материале совершенно седые волосы отмечены только на голове у 4 особей в возрасте 47, 51, 57 и 68 лет; борода у этих особей содержала ту или иную примесь еще не поседевших волос. Седина у киргиз, судя по нашему материалу, появляется не ранее 47-летнего возраста, но нередки особи и старше этого возраста, еще вовсе не начавшие седеть.

в. Цвет кожи в наших бланках отмечался на лице, на туловище и конечностях, при чем как на частях покрытых одеждою, так и на частях не покрытых. На лице и конечностях цвет всюду отмечен более темный, что, конечно, стоит в связи с загаром. Поэтому мы здесь приведем данные, касающиеся лишь частей обычно покрытых одеждою — туловища и проксимальных сегментов конечностей. На этих местах нами отмечена следующая окраска кожи:

Бледно-желтая	Светло-коричневая с желтоватым оттенком (слабо смуглая)	Светло-коричневая и коричневая (смуглая)	Белая, без всякой примеси желтизны и смуглости
30%	34%	33%	3%

При отсутствии таблиц для определения цвета кожи, эти подразделения, как и выше приведенные для цвета глаз и волос, имеют относительное значение. Но и здесь некоторые факты можно считать совершенно несомненными. Так, цвет кожи „белый, без всякой примеси желтизны и смуглости“ сразу же бросался в глаза, и записанные 3 случая этой окраски можно считать совершенно точными. Несомненно, далее, что тот или иной оттенок „желтизны“ встречается очень часто. Возможно, что он встречается чаще, чем отмечено в наших записях, так как в рубрику 3-ью могли войти особи, у которых природная желтизна кожи маскирована „смуглостью“. Цвета, записанные в этой 3-ьей рубрике как „коричневые“ и „светло-коричневые“, в сущности не точно передают оттенки; они характеризуют большую или меньшую степень „смуглости“, которая может стоять в связи с загаром, так как летом киргизы сплошь и рядом остаются в одной легкой ситцевой рубахе, распахнутой на груди, или выходят, накинув на голые плечи халат.

Суммируя, можно сказать, что киргизам свойственна смуглая кожа, с большим или меньшим, но ясным оттенком желтизны, и изредка среди них попадаются настоящие белокожие особи (3%).

Отметим еще, что на местах, подвергающихся загару, очень часто на лице и изредка на тыльных поверхностях кистей, кожа имеет ясно выраженный красный оттенок. Так, на лице этот красный оттенок нами записан в 82% (!) всех случаев, при чем в 64% он записан как „красно-коричневый“ цвет и лишь в 18% как „коричневый с красноватым оттенком“, „светло-красно-коричневый“, „красновато-коричневый“ и пр., т. е. отмечена не ясно выраженная краснота, а различная примесь ее. Среди городского населения Хивы, Самарканда, Бухары и Кермине (экспедиция лета 1926 г.) мы совсем не наблюдали этого красного оттенка; нет его и у пригородных и кишлачных дехкан, подвергающихся интенсивному загару.

3. Развитие волосяного покрова и форма волос. Растительность нами отмечалась отдельно для туловища, для конечностей—бедер, голеней и предплечий (на плечах мы ее не наблюдали ни разу), и для лица (борода и усы).

Полученные данные сведены в следующих таблицах:

Растительность на туловище.

Отсутствует	Скудная	Средняя	Обильная
93%	6%	1%	0

Растительность на конечностях.

Отсутствует	Скудная только на голенях	Средняя на голенях, бедрах, иногда предплечьях	Обильная
14%	78%	8%	0

Борода.

Отсутствует	Скудная	Средняя	Обильная
10%	56%	25%	9%

Борода растет:

Только на подбородке	Только на нижней челюсти	На подбородке, нижн. челюсти соответств. восх. ветвям и частично на щеках	Обильно покрывая щеки
26%	40%	34%	0

Усы.

Отсутствуют	Скудные	Средние	Густые
3%	55%	41%	1%

Все снимки достаточно наглядно иллюстрируют скудность развития *волосяного покрова на лице*. Там, *где имеется средне развитая борода*, как на снимке 1 а и б, выступают и другие индо-европейские черты. К этому нужно добавить, что на теле и конечностях растительность еще скуднее, чем на лице. Все эти данные достаточно наглядно характеризуют киргиз, как народность со скудной растительностью.

Форма волос нами отмечалась только для бороды, так как на голове волосы настолько коротки (обычай брить голову), что форму их невозможно было распознать. В наших бланках, из 87 случаев, когда борода была достаточно развита для того, чтобы распознать форму волос, волосы отмечены как прямые в 77% и как волнистые—в 23%.

I а

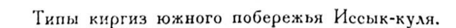

I б

II а

II б

Типы киргиз южного побережья Иссык-куля.

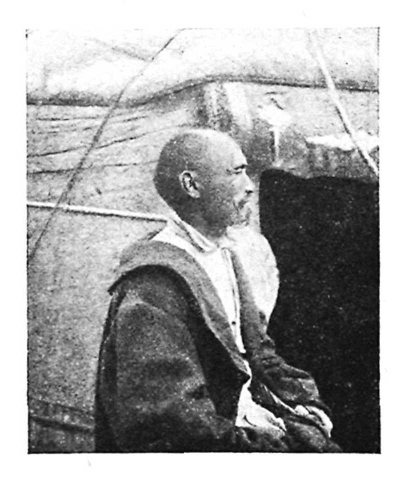
III a

III б

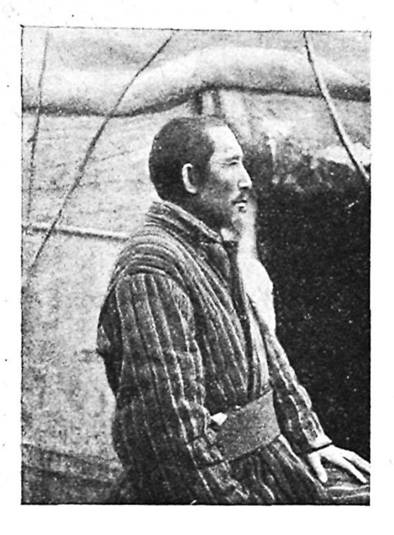

IV

V

Типы киргиз южного побережья Иссык-куля.

VI a

VI б

VII

VIII

Типы киргиз южного побережья Иссык-куля.

Таким образом, киргизы, по форме волос, являются народностью типично прямоволосой.

4. Голова. Из описательных признаков на голове нами отмечались—форма лба, форма затылка и форма темени (свода черепа).

а. Форма лба. В наших бланках записаны:

Высота лба: низкий лоб 37%; средний 33%; высокий 30%.

Ширина лба: узкий 13%; средний 25%; широкий 62%.

Выпуклость лба: плоский 55%; выпуклый 45%.

Наклон лба: прямой 81%; покатый 19%.

Суммируя, можно охарактеризовать киргиз, как народность с прямым и широким лбом, высота которого и выпуклость сильно варьируют.

б. Форма затылка. Затылок записан как плоский в 3% и как выпуклый—в 97%. В 14% на этом равномерно выпуклом затылке отмечены ассиметрично располагающиеся утолщения, как то наблюдается у городского и кишлачного населения Хорезма и Ташкента от постоянного давления на затылок дна деревянной люльки.

в. Форма свода черепа в 5% отмечена утолщенная и в 95% выпуклая.

5. Форма всего лица со лбом. В наших бланках записаны:

а. Высота лица: низкое 18%; среднее 61%; высокое 21%.

б. Ширина лица: узкое 2%; среднее 18%; широкое 80%.

в. Форма лица: овальное 83%; угловатое 11%; круглое 6%; эллиптическое 0%. Заостренное вниз 94% (6% круглолицых); заостренное вверх 0%. Плоское 81%; выдающееся вперед 19%.

В общем по приведенным данным с достаточной точностью киргизы могут быть охарактеризованы, как народность широколицая (80%) и плосколицая (81%) (см. снимки II а и б, VII и VIII).

6. Форма носа. В наших бланках отмечены:

Корень носа	узкий 5%; средний 33%; широкий 62%. высокий 6%; средний 27%; низкий 67%.
Спинка носа	узкая 4%; средняя 43%; широкая 53%. прямая 52%; вогнутая 48%.
Крылья носа	тонкие 21%; средние 27%; толстые 52%. высокие 9%; средние 34%; низкие 57%.
Отверстие ноздрей	овальное 49% (поперечно 2%; продольно 7%; косо 40%); круглое 51%. большое 13%; среднее 56%; малое 31%.

Таким образом, форма носа у киргиз сильно варьирует. Преобладают среди них особи с широким и низким корнем носа, с прямой или вогнутой спинкой, с толстыми и низкими крыльями, с круглыми или кособвальными носовыми отверстиями средней величины; такие особи представлены на снимках II а и б, III а и б, IV. На ряду с этим имеется весьма сильная примесь „средних величин" вышеприведенных признаков. Такие особи представлены на снимках I а и б; VI а и б.

7. Глазные щели.

Направление глазных щелей: косые 38%; прямые 62%.

Разрез глаз: узкие 29%; средние 69%; широкие 2%.

Форма глазных щелей: веретенообразные 19%; миндалевидные 81%.

Таким образом, преобладают прямые, средней ширины глазные щели. Миндалевидная форма преобладает в силу того, что либо внутренний угол глаза прикрыт серповидным эпикантусом, либо наружный— латеральным концом складки.

8. Развитие монгольской складки. Складка отсутствует 14%. Складка выражена: на всем протяжении 56%; только на внутренней трети века 4%; только на средней 7%; только на наружной 4%; средне-наружной 15%.

К сожалению, в той литературе, какой мы располагали до весны 1924 г., отчетливого разграничения между „монгольской складкой" и „простой складкой верхнего века" не проводилось. Не исключена возможность, что в приводимых цифрах зарегистрирована частью и простая складка верхнего века. Поэтому мы будем считать наиболее достоверными те случаи, в которых складка записывалась как „выраженная на всем протяжении верхнего века". Таких случаев отмечено 56%; весьма вероятно, что к ним же нужно отнести и те 4 случая, где складка была развита только на внутренней трети верхнего века (эпикантус).

С. И. Руденко, работавший среди башкир, временами встречался с тем же затруднением—что считать монгольской и немонгольской складкой.[1] Sullivan[2] называет монгольскую складку „эпикантической"; как показывает самое название, о монгольской складке можно говорить лишь тогда, когда имеется на лицо в той или иной степени выраженный эпикантус. Однако, с таким мнением едва ли можно согласиться. Всякому, работающему среди монголизированных в той или иной степени народностей, приходится наблюдать рудиментарные формы монгольской складки, которые в таких случаях вовсе не захватывают внутреннего угла глаза. Но вообще распознать монгольскую складку от немон-

---

[1] Руденко, С. И. Башкиры, ч. I. Зап. И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XLIII, в. I. П. 1916 г., стр. 207.

[2] Sullivan. Essentials of Anthropometry. 1923 г. К сожалению, автор настоящей статьи располагал этой книгой лишь короткий срок и под рукою ее не имеет.

гольской, раз нет эпикантуса, далеко не всегда удается. Возвращаясь к нашему материалу, можно сказать, что особи с монгольской складкой явно преобладают, но приходится оставить открытым вопрос о том, у всех ли особей без эпикантуса зарегистрирована слабо развитая монгольская складка, а не простая складка верхнего века. Просмотр наших фотографий (как представленных здесь, так и не представленных) с лупой заставляет думать, что часть складок, зарегистрированных нами, как выраженные на средне-наружной или только наружной части века, представляют собою рудименты монгольской складки.[1]

9. Развитие скуловых дуг.

Скулы выражены: слабо 1%; средне 23%; сильно 76%.

Выдаются вперед 84%; в стороны 12%; отклонены назад 4%.

Таким образом, киргизы являются народностью очень скуластой.

10. Подбородок выдается вперед 26%; прямой 74%; отклонен назад 0%.

Губы тонкие 19%; средние 72%; толстые 1%.

Зубы малые 4%; средние 88%; большие 8%.

Ровные 72%; неровные 28%.

Прямые 70%; косые 30%.

Белые 52%; желтые 48%.

Отсутствие или наличность кариозных зубов отмечены не везде. Кариозные зубы отмечены в 3-х случаях, их отсутствие в 72 случаях и в 7 случаях отмечено полное или почти полное отсутствие зубов (в возрасте 40, 43, 48, 50, 53, 56 и 57 лет). В общем преобладают ровные, средней величины, прямые, здоровые зубы.

11. Уши прилежащие 13%; отстоящие 80%; висячие 7%.

Край завитка—загнут 98%; нет 2%.

Дарвинов бугорок—отсутствует 76%; малый 18%; средний 4%; большой 2%.

Мочка малая 15%; средняя 43%; большая 42%. Свободная 58%; прирощенная 42%.

IV. Антропологические данные. Измерительные признаки.

Они представлены на прилагаемых таблицах I—XXIX. Промеры антропометром, лентой и тазомером (табл. I—X) даны в сант., остальные в mm. Мы не можем пока полностью сопоставить данные о киргизах с данными о других этнических группах Средней Азии, так как материал по этим группам нами еще не обработан. Ниже для сравнения приводятся средние величины и средние квадратические уклонения не-

---

[1] Низкое положение складки, так что она прикрывает нижний край века и частью ресницы. На важность этого признака, как дифференциального, указывает и Деникер. Deniker. Les races et les peuples de la terre. Deuxième édition. Paris. 1926; p. 97.

которых признаков коренного населения Хорезма (по моему материалу 1923 г.—100 особей), таджиков Каратегина (материал кабинета антропологии Восточного Факультета САГУ 1926 г.—179 особей), туркмен (по материалу И. Л. Яворского 1891 г.—59 особей; см. прим. на стр. 251) и сартов Ташкента (по материалу д-ра А. П. Шишова 1905 г.—119 особей; см. прим. на стр. 239). Что касается других народностей, нужно думать, ближайших к киргизам в расовом отношении, то ниже приводится то немногое, что нам удалось найти в обширной сводке А. А. Ивановского[1] о калмыках, башкирах, казаках и в труде о киргизах д-ра Зеланда.[2] Работы этого последнего, к сожалению, в Ташкенте нам найти не удалось.

Рост наших киргиз колеблется в пределах от 143 сант. до 174 сант., при M=162±0,56 и σ=5,6±0,4 (табл. I). По росту киргизы резко отличаются как от короткоголовых представителей Homo sap. indo-europaeus в Средней Азии, таджиков (средняя роста таджиков Каратегина по нашим данным—166,9, а Самарканда по данным Масловского—169,0), так и от таджиков отуреченных по языку и несколько монголизированных по типу, куда мы относим „узбеков" Хорезма (M=166,7±0,57; σ=5,7±0,4) и Ташкента (M=167,6±0,5; σ=5,9±0,9), и в особенности от длинноголовых представителей Homo sap. indo-europaeus—в лице туркмен (M=169,5).[3] Киргизы, обмеренные д-ром Зеландом в окрестностях Пишпека, оказываются значительно выше (165,3). Как видно из приводимой таблицы, ближайшими по росту к нашим киргизам оказываются казаки Букеевской Орды.

---

[1] Ивановский, А. А. Об антропологическом составе населения России. Труды Антр. Отд. И. О-ва Люб. Ест., Антр. и Этн. т. XXII. 1904 г.

Данных о народностях „монгольской антропологической группы" Ивановского мы здесь не приводим за недостатком места. Отметим лишь, что по некоторым измерительным признакам (по росту, окружности грудной клетки, длине всей верхней конечности, носовому указателю) наибольшее сходство с киргизами обнаруживают буряты и в особенности теленгеты Алтая. Но число признаков, по которым мне удалось сопоставить киргиз с указанными группами, очень не велико, и потому я воздерживаюсь от каких либо заключений.

Мнение Шмидта (Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, стр. 473), по которому буряты, теленгеты и киргизы некогда представляли одну нацию, и предположения о происхождении самого названия „бурут" (синоним киргиз) от „бурят" см. у Грум-Гржимайло (Западная Монголия и Урянхайский край. Том II, Лг. 1926, стр. 535, прим. 3 и продолжение его на стр. 536—538).

[2] Зеланд, Н. Л. Киргизы, этнологический очерк. Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Книжка VII, вып. 2. Омск. 1885. Перевод этого труда—Les Kirghis par Nicolas Seeland—был напечатан во французском журнале Revue d'Anthropologie 2-e série, t. IX, pp. 25—92 (Турк. Сборник, т. 420). Ред.

[3] Данные, на основании которых мы считаем туркмен за отуреченную по языку длинноголовую разновидность Homo sap. indo-europaeus, приведены в нашей работе—Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен (Известия Средазкомстариса. I. Ташкент. 1926 г.)

Число особей	Народность и местность	Автор	Рост в сант.
100	Кара-киргизы—Иссык-куль . .	Ошанин	162,0
140	Казаки—Букеевская Орда . .	Харузин	162,9
54	Казаки Сыр-дарьинские . . .	Масловский	164,5
99	Казаки—Средняя Орда . . .	Ивановский	165,1
236	Калмыки астраханские	Королев	164,3
1847	Башкиры	Руденко	164,6

Для западных казаков С. И. Руденко дает среднюю роста 164,0. При этом кривая роста обнаруживает явную бимодальность с максимумами в 162,0 и 166,0; первый тип, низкорослый, резче выступает у поколения байулы, второй, более высокорослый—у поколения алимулы.[1]

Таким образом, киргизы южного побережья Иссык-куля и Терскей-алатау оказываются заметно более низкорослыми, чем казаки, калмыки и башкиры.

Будучи народностью по средней величине роста—ниже среднего, киргизы, однако, содержат в себе значительную примесь особей среднего и выше среднего роста (164—166,9—18% и 167—169,9—10%) и незначительную примесь особей высокорослых (4% выше 170 сант.).

Длина передней стенки туловища (высота suprasternale над почвой минус высота верхнего края лонного срощения над почвой, см. табл. II) обмеренных нами киргиз может быть сопоставлена только с нашими же промерами узбеков Хорезма, так как А. П. Шишов брал этот промер лентой, а у Ивановского приведены данные о всей длине туловища (от acromion'а до raphe perinaei).

Народность и местность	$M \pm \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma \pm \frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	n
Киргизы	52,6±0,28	2,8±0,2	100
Узбеки Хорезма	52,5±0,26	2,5±0,17	100

Таким образом, длина передней стенки туловища узбеков, которые ростом значительно выше киргиз, совпадает с тем же промером у последних. Это косвенно указывает на большую длинноногость узбеков, что вполне подтверждается сопоставлением указателей скелии (см. ниже).

[1] Руденко, С. И. Антропологические особенности западных казаков стр. 101 и 104. См. нашу ссылку на стр. 235.

Ширину туловища в плечах (расстояние между наружными точками acromion'ов, см. табл. III) пока мы не можем сравнить ни с одной из обследованных нами групп. У киргиз M=37±0,18 при σ=1,8±0,13.

Окружность грудной клетки на уровне сосков и она же в % к росту (табл. IV и V). Для окружности груди на уровне сосков M=88,9±0,46 при σ=4,6±0,3, а для окружности груди в % к росту M=55,6±0,28 при σ=2,8±0,2. При сопоставлении данных с таковыми для узбеков Хорезма (M=53,2±03), Ташкента (M=52,3±0,29) и туркмен Мерва (51,0±03) [1] *киргизы оказываются самыми широкогрудыми*. Как видно из прилагаемой таблицы, они также шире в груди, чем киргизы окрестностей Пишпека, казаки, калмыки и башкиры.

Число особей	Народность и местность	Автор	Окружность груди в %% к росту
100	Киргизы—Иссык-куль	Ошанин	55,6
419	Башкиры	Ивановский	54,66
99	Казаки Средней Орды . . .	Ивановский	54,57
93	Калмыки астраханские	Королев	54,33
40	Киргизы окрестностей Пишпека	Зеланд	53,48

Возникает вопрос, не является ли широкогрудость киргиз приспособлением к обитанию в высокогорных местах? Для решения его необходим достаточный сравнительный материал по киргизам и казакам горным и равнинным. Отметим, что у других обитателей высокогорных областей, у очень мало монголизированных таджиков Каратегина, мы нашли такую же широкую грудную клетку (M=55,6±0,2).

Ширина таза наибольшая между гребешками подвздошных костей представлена на табл. VI. При M=29±0,15 и σ=1,5±0,1 киргизы оказываются наиболее широкотазыми (даже независимо от роста, по абсолютной ширине таза) по сравнению с узбеками Ташкента (27,5±0,15) и Хорезма (28,6±0,15), таджиками Каратегина (28,3±0,11) и особенно туркменами (27±0,17).

По указателю скелии (рост сидя в % к росту—индекс Джиуфрида Руджиери; табл. IX) киргизы также резко отличаются от только что перечисленных народностей, являясь из них самыми коротконогими, при M=54,66±0,23 и σ=2,3±0,16. У узбеков Хорезма M=53,56±0,16; узбеков Ташкента—51,94±0,1; таджиков Каратегина—

[1] Яворский, И. Л. Антропологический и этнографический очерк туркмен. Краткий отчет о научной командировке в Ср. Азию. Одесса, 1895 г. Приводимые им данные обработаны мною методами вариационной статистики.

51,85±0,1. Абсолютная длина нижней конечности, поскольку она определяется ростом минус рост сидя, дает $M=71,4\pm0,45$ и $\sigma=4,5\pm0,3$ (табл. VII).

Длина верхней конечности от acromion'a до кончика среднего пальца $M=75,4\pm0,44$; $\sigma=3,6\pm0,3$ (табл. VIII и X). Верхняя конечность у узбеков Хорезма и Ташкента несколько длиннее, но они оказываются более короткорукими, если принять во внимание их более высокий рост.

Народность и местность	Длина всей верхней конечности	Длина верхней конечности в %% к росту
Киргизы	75,4	47,94
Узбеки Хорезма	76,5	46,0
Узбеки Ташкента	76,4	45,5

Длина кисти (табл. XI), ширина кисти (табл. XII) в mm. и ширина кисти в % длины (табл. XIII) пока может быть сопоставлена только с аналогичными данными для узбеков Хорезма и Ташкента.

Народность и местность	Длина кисти		Ширина кисти		Ширина кисти в %% к длине кисти	
	$M\pm\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma\pm\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	$M\pm\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma\pm\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	$M\pm\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma\pm\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$
Киргизы Иссык-куля	185,7±1,0	10,8±0,7	81±0,4	3,9±0,3	43,78±0,3	3,0±0,02
Узбеки Хорезма	192±1,0	10,0±0,7	86±0,5	5,2±0,3	45,0 —	— —
Узбеки Ташкента	191±0,72	8,0±0,6	83±0,4	3,9±0,2	43,5 —	— —

Таким образом, у коренного населения Хорезма и Ташкента, которое было лишь незначительно монголизировано, сохранив исходный для него древне-иранский тип Средней Азии, кисть значительно больше, чем у киргиз: она и шире, и длиннее. По указателю кисти ташкентцы, однако, очень близки к киргизам, а у узбеков Хорезма относительная ширина кисти больше.

Длина головы (табл. XIV), ширина головы (табл. XV) и головной указатель (табл.XVI).

При сопоставлении с таджиками Каратегина ($M=83,4$), узбеками Хорезма ($M=82,21\pm0,23$) и узбеками Ташкента ($M=82,73\pm0,46$) киргизы

оказываются более короткоголовыми. Для головного указателя киргиз южного побережья Иссык-куля $M=84,84\pm0,33$ при $\sigma=3,3\pm0,2$. Более низкий головной указатель у современного населения Ташкента и Хорезма вероятно стоит в связи с примесью к нему длинноголовых средне-азиатских племен, тип которых в наибольшей чистоте сохранился у туркмен ($M=75,6\pm0,3$).

Среди башкир, калмыков и казаков наши киргизы занимают следующее положение.

Число особей	Народность и местность	Наибольшая длина головы	Головной указатель
1847	Башкиры (Руденко)	—	81,37
536	Башкиры (Сводка Ивановского)	184	82,0
219	Калмыки астраханские	189	82,0
26	Киргизы Ферганы	187	84,47
100	Киргизы Иссык-куля	187	84,84
145	Казаки Букеевской Орды . . .	187	86,28
40	Киргизы пишпекские	184	87,23
54	Казаки сыр-дарьинские	183	87,91
99	Казаки Ср. Орды	181	89,39

Таким образом, киргизы Иссык-куля заметно более короткоголовы, чем башкиры и астраханские калмыки, и заметно менее короткоголовы, чем казаки. Для западных казаков С. И. Руденко нашел $M=85,86\pm0,19$. (См. сноску на стр. 250).

Наибольшая ширина лица (zygion-zygion), морфологическая высота лица (nasion-gnathion) и лицевой указатель, представленные на таблицах XVII, XVIII и XIX:

Лицевой указатель:

Киргиз Иссык-куля	$M=79,66\pm0,54$	$\sigma=5,4\pm0,39$	n=100
Узбеков Хорезма	$M=84,1\pm0,7$	$\sigma=4,64\pm0,5$	n=44
Таджиков Каратегина . . .	$M=88,7\pm0,35$	$\sigma=5,1\pm0,27$	n=179
Западных казаков (Руденко) .	$M=80,08\pm0,26$	(См. сноску на стр. 250).	

Ширина нижней челюсти и отношение ее к наибольшей ширине лица представлены на табл. XX и XXI. Эти данные пока могут быть сопоставлены с данными об узбеках.

Народность и местность	Ширина нижней челюсти		Наибольшая ширина лица		Ширина нижн. чел. в $^0/_0$ к наибольш. ширине лица	
	$M \pm \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma \pm \frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	$M \pm \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma \pm \frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	$M \pm \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma \pm \frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$
Киргизы Иссык-куля	112±0,49	4,9±0,35	147,6±0,59	5,9±0,4	76,16±0,4	4,1±0,2
Узбеки Хорезма	103±0,6	6,6±0,5	143±0,7	7,2±0,5	76,0	
Узбеки Ташкента	113±0,8	8,88±0,5	143±0,6	6,2±0,4	79,0	

Таким образом, киргизы, отличаясь от коренного населения Ташкента и Хорезма большей шириной в скулах, близки к нему по относительной ширине нижней челюсти.

Наименьшая ширина лба и отношение ее к наибольшей ширине лица варьируют в широких пределах (см. табл. XXII и XXIII). Эти данные пока не могут быть сопоставлены ни с одной из других этнических групп Средней Азии.

Длина носа (от nasion до subnasale), ширина носа в крыльях и носовой указатель представлены на таблицах XXIV, XXV и XXVI.

По сравнению с башкирами, астраханскими калмыками и казаками, наши киргизы оказываются несколько более широконосыми, а по сравнению с киргизами пишпекскими—более узконосыми.

Число особей	Народность и местность	Носовой указатель
40	Киргизы окрестностей Пишпека .	76,2
100	Киргизы Иссык-куля	73,3
277	Башкиры (по сводке Ивановского)	72,91
99	Казаки Ср. Орды	71,78
171	Калмыки астраханские	71,41

По сравнению с другими этническими группами Средней Азии, киргизы являются самыми широконосыми.

Носовой указатель:

Народность и местность	$M \pm \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	$\sigma \pm \frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	C	n
Киргизы Иссык-куля	73,3 ±0,73	7,3 ±0,5	10	100
Узбеки Хорезма	68,0 ±0,57	5,74±0,4	8,5	100
Туркмены Мерва	65,1 ±0,7	6,0 ±0,55	9,2	59
Узбеки Ташкента	63,0 ±0,69	7,4 ±0,5	11,7	116
Таджики Каратегина	60,53±0,4	5,54±0 3	9,1	179

Западные казаки Руденко также оказываются более узконосыми (M=71,64±0,31; см. сноску на стр. 250).

Ширина между наружными углами глаз, ширина между внутренними углами глаз и отношение ширины между внутренними углами глаз к ширине носа представлены на таблицах XXVII, XXVIII и XXIX. Сравнительным материалом по этим признакам мы пока не располагаем.

V. Опыт общей антропологической характеристики киргиз южного побережья Иссык-куля.

Прежде всего приходится отметить тот факт, что киргизы южного побережья Иссык-куля и Терскей-алатау не являются антропологически однородной группой. Сперва мы дадим общую характеристику того типа, который выступает явно и притом численно весьма резко преобладает среди киргиз, а затем попытаемся выделить элементы тех типов, которые можно рассматривать как посторонние примеси к их основному антропологическому ядру.

1. Основной, явно преобладающий тип киргиз может быть охарактеризован следующим образом.

Киргизы—народность типично темной цветности, с волосами темных тонов, борода нередко окрашена несколько светлее, но в ней остаются преобладающими резко темные тона. Глаза—также темного типа, с преобладанием темно-карих и карих тонов. Кожа—смуглая, с ясно выраженным желтоватым оттенком, когда смуглость не слишком маскирует желтизну. Растительность у киргиз очень скудная. В громадном большинстве случаев она совсем отсутствует на туловище, а на конечностях дает скудный рост только на голенях. Борода, как правило, очень редкая и притом растет только на подбородке и нижней челюсти, лишь в меньшинстве случаев поднимаясь узкими и редкими баками, соответ-

ственно восходящим ветвям нижней челюсти, не захватывая щек. По форме, во всяком случае в бороде, преобладают волосы прямые.

Лоб—широкий и прямой, средней высоты, иногда плоский, иногда выпуклый. Затылок—выпуклый, *равномерно округлый; как правило, не деформирован.* Темя—выпуклое. Все лицо со лбом—средней высоты, но широкое. Широколицесть обусловлена сильным развитием скуловых дуг, которые при этом, при рассматривании лица en face, заметно выдаются вперед двумя буграми. По сравнению с самой верхней частью лица (лбом) и нижней его частью (расстоянием между углами нижней челюсти) скуловой диаметр явно преобладает, что отразилось на соответствующих указателях — челюстно-скуловом (M=76,16) и лобно-скуловом (M=63). Широколицесть выражена и лицевым указателем, который по средней величине (M=79,66±0,54) лежит в пределах хамепрозопии, при чем 76% всех киргиз оказываются широколицыми, с указателем ниже 85. По носовому указателю (M=73,3±0,73) киргизы являются типичными мезоринами (64% с указателем 70—84,9), *при чем среди них преобладают* особи с широким низким корнем носа, с широкой, иногда вогнутой, иногда прямой спинкой, с толстыми, низкими крыльями и круглыми носовыми отверстиями.

Глазные щели имеют миндалевидную форму, что, вероятно, зависит от выраженной на всем протяжении монгольской складки с эпикантусом, прикрывающим внутренний угол глаза.

Подбородок—прямой, губы средней толщины, зубы ровные, средней величины, прямые, обычно хорошо сохранившиеся, без кариозных.

Уши отстоящие, с правильно загнутым краем завитка, чаще без дарвинова бугорка, со свободной мочкой средней величины.

Роста киргизы ниже среднего (при 70% ниже 164 сант.), с туловищем *широким в плечах и в груди*, с широким тазом и короткими ногами, о чем свидетельствует указатель Джиуфрида Руджиери (скелии), со средней величиной 54,66, при 24% брахискелии (54—55,9) и 25% гипербрахискелии, с индексом выше 56. Верхние конечности довольно длинные, с небольшой, короткой, средней ширины кистью.

По головному указателю (M=84,84±0,33) киргизы являются народностью типично короткоголовой, при 76% настоящей брахицефалии (с указателем выше 83,0) и гипербрахицефалии.

Приведенная общая характеристика киргиз с несомненностью свидетельствует о том, что основное ядро современных киргиз южного побережья Иссык-куля и Терскей-алатау представлено *ярко выраженным и численно явно* преобладающим монгольским типом. Характерными чертами этого типа являются—темная цветность, скудная растительность, прямые волосы, резкая скуластость, широколицесть, мезориния, с низким широким корнем носа, широкой спинкой и низкими толстыми крыльями,

развитая монгольская складка, низкорослость, коренастость, коротконогость и брахицефалия.

Этот основной, численно явно преобладающий тип киргиз представлен на всех наших снимках, кроме Iа и б.

2. Это основное ядро киргиз южного побережья Иссык-куля и Терскей-алатау, однако, впитало в себя заметную примесь иных типов, которые ныне представлены лишь отдельными, разрозненными элементами.

Так, киргизы впитали в себя незначительную примесь светлой цветности, о чем свидетельствуют зеленые и серо-зеленые глаза, зарегистрированные нами в 7%, и „белая“ кожа, без всякой примеси смуглости и желтизны. Таких белокожих особей оказалось 3%. Далее киргизы впитали в себя тип с более обильной растительностью, о чем свидетельствуют единичные особи со средней растительностью на туловище и конечностях и с довольно густой бородой, с волнистыми притом волосами. Заметна среди них примесь мезопрозопных особей (24% с указателем 85—90) и даже типично лептопрозопных (1% с указателем 92), чему соответствует слабое и среднее развитие скуловых дуг, отмеченное в 24%. В 14% несомненно отсутствовала всякая складка верхнего века. Особи с высоким и узким корнем носа, или с узкой и прямой спинкой, или с высокими и тонкими крыльями—не составляют редкости, но настоящих лепторинов среди киргиз оказалось только 3%. Особи роста среднего (164,0—165,9) и выше среднего (166,0—166,9) попадаются нередко (26%), и настоящие высокорослые особи встречались в 4%. Изредка (в 3%) попадаются особи длинноногие, стоящие, однако, на границе мезатискелии, с указателем Джиуфрида 50,0, а мезатискелов оказалось 20%. Наконец, изредка попадаются долихоцефалы (1%) и субдолихоцефалы (7%).

Таким образом, примесь явно не монгольских типов не велика, но несомненна. Ныне индоевропейский тип (в смысле Homo sap. indo-europaeus Джиуфрида), в законченной форме, среди киргиз не встречается вовсе. Наблюдаются лишь отдельные, чаще разрозненные элементы его—в виде более обильной растительности, в виде высоких и тонких носов, высоких и узких лиц, без выдающихся скул, широких, веретенообразных глазных щелей, без монгольской складки, в виде высокорослости, относительной длинноногости или долихо- и субдолихоцефалии.

Из наших фотографий эти элементы наиболее сконцентрированы на снимке Iа и б, особенно ясно выступая там, где особь представлена в профиль. Такой тип нередко можно встретить среди уроженцев Ташкента, Самарканда, Бухары или Хивы.

VI. Некоторые этнологические и исторические[1] данные о киргизах в связи с вопросом о возможных исходных корнях индо-европейской примеси к их современному монгольскому типу.

Для выяснения генезиса современного типа киргиз, как его основного ядра, так и посторонних к нему примесей, имеют значение вопросы о древности киргизского народа, вопрос о происхождении киргиз и их расселении, исторические известия об их физическом типе, сведения о тех этнических элементах, которые могли войти в состав киргизского народа, а равно и о тех народах, которые до них обитали по побережью Иссык-куля и в сопредельных с ним областях.

По этим вопросам мы нашли пока в литературе лишь скудные указания.

1. Происхождение самого названия „кыргыз", каким обозначает себя эта этническая группа, остается спорным. Л. Лигети в специальной работе о происхождении народного названия „киргиз" приводит весьма разноречивые мнения различных авторов по этому вопросу.[2] Известное толкование самих киргиз, приводившееся еще Радловым,[3] согласно которому „кыргыз" есть не что иное, как „кырк-кыз", т. е. „40 девушек", находит свое подтверждение в одном сказании истории монгольской династии Юань (Juan-ši).[4] В нем рассказывается, что этот народ произошел от 40 китайских девушек и стольких же мужчин „У-се" (und ebensoviele *u-se*-männer—усуней?) и потому стал называться ки-ли-ки-цзы, т. е. киргизами. Сам Лигети склоняется, однако, к тому мнению, что исходной формой этого названия было „кыркыз" (qyrqyz), которое представляет собою не что иное, как древнее множественное число от слова „кырк"—сорок (nichts anderes als ein alter *z*-plural von *qyrq* „vierzig"). Указав на чрезвычайно тесную связь между тюрками и монголами в их глубочайших исходных корнях, Лигети приводит многочисленные примеры, из которых видно, что у тюрков, как и у монголов, числа вообще очень часто фигурируют в родовых и племенных названиях.

---

[1] За указание источников с приведенными историческими известиями приношу свою глубокую признательность Василию Владимировичу Бартольду, которому посвящается настоящий сборник. Всем нам, туркестанцам, по опыту хорошо известна отзывчивость Василия Владимировича и, несмотря на чрезвычайную занятость, постоянная его готовность помочь работникам на местах богатством своего знания и опыта.

[2] Ligeti, L. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. Körösi Csoma-Archiv. Zeitschrift für türkische Philologie und verwandte Gebiete. I. Band. 5 Heft. 1 April 1925. pp. 369—383.

[3] Radloff, W. Beobachtungen über die Kirgisen. Petermanns Mitteilungen. 1864. S. 163—164. Ссылка Ligeti на стр. 369.

Vámbéry. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885. S. 262. Ссылка Ligeti там же.

[4] Schott, W. Über die ächten Kirgisen. ABAW. 1865. S. 432. Ссылка Ligeti там же.

Каково бы ни было происхождение названия „киргиз", несомненно, что эта этническая группа в качестве самостоятельной народности существует очень давно.

По мнению синолога проф. Пельо, киргизам соответствует та народность, которая была известна китайцам под именем „ган-гюнь" уже в конце III в. до р. х. (201 г.). Позднее, в эпоху династии Тан (VII—VIII в. нашей эры), киргизы известны под именем народа „хакас".

По толкованию Пельо, первое из этих названий, „ган-гюнь", представляет собою древнейшую китайскую транскрипцию слова „киргиз", а название „хакас" создалось благодаря неправильному чтению другой китайской транскрипции того же слова.[1]

С уверенностью можно говорить о существовании названия „киргиз" с эпохи монгольской династии Юань (Juan-ši), когда упоминается название „ки-ли-ки-цзы".[2]

В эпоху первой кочевой турецкой империи тюрки, жившие в Семиречьи, повидимому, уже приходили в соприкосновение с киргизами (быть может далеко на севере?). Так, Менандр Протектор сообщает, что во время посольства императора Юстина II к турецкому хану Дизавулу (568 г. по р. х.) последний подарил византийскому послу Земарху Киликийцу рабыню из рода киргиз (ἡ δὲ ἦν ἐκ τῶν λεγομένων Χερχίς).[3]

В арабских известиях киргизы упоминаются под именем χyrχyz (خرخيز) (Истахри, Ибн-Хаукаль и др. авторы); Махмуду Кашгарскому они известны под именем qyrqyz (قرقز), а персидским авторам (Гардизи) под обоими именами.[4]

По мнению Лигети, киргизы упоминаются также в монгольских, уйгурских (в VIII в.) и джагатайских источниках.

Таким образом киргиз, в качестве самостоятельной народности, можно проследить по весьма разнообразным историческим известиям вплоть до III в. до р. х.

2. Историки и этнологи считают прародиной киргиз верховья Енисея. По свидетельству академика В. В. Бартольда расселение киргиз шло следующими этапами: первые русские пришельцы в Сибирь еще застали остатки киргиз на верховьях Енисея, но массовое переселение их оттуда началось гораздо раньше; с Енисея они двинулись сперва на восток, в Монголию (IX в. нашей эры), где ими было уничтожено последнее кочевое турецкое государство—уйгурское (840 г.);[5] из Монголии уже в X в. их вытеснили китаи.

---

[1] Указание академика В. В. Бартольда. Упоминание об этом имеется в его докладе на тюркологическом съезде в Баку (стр. 23—24); см. ниже прим. 5.

[2] Ligeti. Цит. соч., стр. 371.

[3] Там же, стр. 372.

[4] Там же, стр. 372—373.

[5] Бартольд, В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. I Всесоюзный тюркологический с'езд, Баку, 1926 г., стр. 24.

Возможно, что в том же X в. часть киргиз уже направилась в Семиречье, где они выступали в качестве союзников карлуков против токузогузов, [1] однако, главная масса их переселилась в Семиречье уже значительно позднее. Первое упоминание о киргизах на их теперешней родине относится к 1503 г.,[2] и с этой даты их имя постоянно упоминается в истории Семиречья. В XVII в. киргизы были вытеснены из Семиречья калмыками и откочевали в Фергану, хотя, быть может, такое переселение было не полным, так как в начале XVIII века русский посол капитан Унковский упоминает о них, как о единственном тюркском народе, еще кочевавшем около Иссык-куля в эпоху владычества калмыков. [3] После падения зюнгарского государства и массового истребления калмыков китайцами (1758 г.) [4] главная масса киргиз снова вернулась из Ферганы в Семиречье.

3. Что касается тех этнических элементов, которые могли войти в состав киргизского народа как на Енисее, так и по пути их переселений, то в этом отношении некоторые указания имеются у Аристова.[5] По его мнению, киргизы сохраняют память о древнем кровном своем происхождении в именах так называемых „костей". Некоторые из этих костей приходится рассматривать как примеси, заимствованные от других народностей—от китаев, монголов, казаков и саков. Таковы кости китай, монгол-дор, конграт и саяк. Другие кости встречаются либо на Енисее, либо на Алтае. Так, кости сару и каба имеются на Енисее, а кость мундус—у алтайцев. Кости ассык (также ассан-тукуму) и арык-тукуму у рода бугу могут быть результатом смешения тюрков с динлинскими народцами ассан и арин, остатки которых существовали на Енисее еще в XVIII столетии (Аристов). Кость долос Аристов отождествляет с телес на Алтае, а кость торо или торго встречается у теленгетов на Алтае. Из семи коренных и наиболее распространенных костей киргиз четыре, по мнению Аристова, имеют „тюрко-динлинское происхождение" (сару, каба, ассык и етиген), а три „тюрко-алтайское" (мундус, телес и кучу).

Отметим еще, что по мнению Шотта бурятское название „киргит" (kirgit) соответствует киргизам. В стране бурят есть курганы, которые носят название „киргит-ююр" (kirgit-üür),[6] а Лигети указывает на многочисленные монгольские названия в киргизских племенных

---

[1] Бартольд, В. В. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского Статист. Комитета. II. 1898. Отд. отт., стр. 20.

[2] Там же, стр. 83.

[3] Там же, стр. 93.

[4] Там же, стр. 97.

[5] Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая Старина. Вып. III и IV. Год 6. Спб. 1896, стр. 394 сл.

[6] Schott, W. Цит. соч. S. 438. Ссылки Ligeti на стр. 373 и 374 его работы.

и родовых группах (zahlreiche mongolische Lehnwörter, viele ererbte mongolische Stammesnamen usw.).[1]

Таким образом, приводимые этнологические данные намечают отдаленную возможную связь киргиз с теленгетами Алтая (через кость торо) и с „динлинской расой", реконструируемой Грум-Гржимайло частью по историческим известиям, частью по разрозненным антропологическим данным.[2] Напомним, что „динлин" (связь которых с киргизами Аристов устанавливает через кости сару, каба, ассык и етиген) склонны рассматривать как представителей белокурой индо-европейской расы в Средней Азии.[3]

О племенах саяк и сарыбагыш, которые были обследованы нами лично, имеются следующие этнологические данные.

Саяков обычно склонны отождествлять с народом „сэ" китайских летописей, который известен в греческих источниках под именем саков или скифов. Но насколько мы знаем, такое отождествление не имеет под собою других данных, кроме простого созвучия.

Название поколения сарыбагыш—в переводе „желтый лось"—могло быть заимствовано киргизами тогда, когда они кочевали значительно севернее, в местах обитания лосей.[4] Среди сарыбагышей нам часто попадалась кость арык-тукуму, которую, как мы видели, Аристов склонен рассматривать как результат смешения тюрков с динлинами. Но все такого рода построения остаются, повидимому, гипотетическими.

4. Больше опорных данных мы имеем там, где исторические известия говорят о физическом типе тех или других народов. Повидимому, киргизы в прошлом содержали в себе гораздо больше элементов индо-европейского и притом белокурого типа, чем теперь. По указанию академика В. В. Бартольда,[5] „перед нами во всяком случае несомненный факт существования таких антропологических признаков и столь же несомненный факт почти полного исчезновения их в последующие века". С этим фактом приходится сопоставить столь же несомненный факт светлой цветности древнейших обитателей побережья Иссык-куля—усуней, которых китайский писатель Ши-гу (VII в. по р. х.) характеризует следующим образом: „Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев западного края. Ныне тюрки (в китайском тексте „ху"—варвары[6]) с голубыми глазами и

[1] Ligeti. Цит. соч., стр. 374.

[2] Грум-Гржимайло, Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. XXXIV. Спб. 1909.

[3] Там же. Более подробные указания о динлинах и их расовом типе приводятся тем же автором в его только что вышедшем обширном труде: Грум-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том II. Ленинград, 1926 г. Данные о существовавшей некогда „белокурой" расе Центральной и Северной Азии, стр. 1—78.

[4] Аристов. Цит. соч., стр. 396.

[5] Бартольд, В. В. В трудах I тюркологического съезда, стр. 23 (см. стр. 259 прим. 5).

[6] Бартольд, В. В. Очерк ист. Семир., стр. 4.

рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их".[1] Помимо цветности, здесь приходится отметить общий облик, резко выделявший усуней среди других народностей Западного Тянь-Шаня и характеристику их китайцами с эстетической точки зрения. Еще Дарвин приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что народы очень нередко положительно оценивают эстетически тот облик, который присущ их расе.[2] Как известно, имя усуней, начиная с VII столетия, более не встречается. С другой стороны, сами киргизы пришли на Иссык-куль гораздо позднее, уже после того как здесь веками кочевали различные народности несомненно либо тюркского, либо монгольского корня (турки-токю, карлыки, кара-кидани, монголы). Известия о белокурости собственно киргиз имеются еще до массового переселения киргиз в Семиречье. Как бы там ни было, известная примесь (7%) особей с зелеными и серо-зелеными глазами несомненно и поныне встречается среди населения южного побережья Иссык-куля, т. е. вблизи тех мест, где была главная стоянка усуней—Чи-Гу.[3]

Чаще встречается среди киргиз тот мало монголизированный тип, который представлен на наших снимках I а и б. Этот тип—короткоголовый и темной цветности—очень близок к типу ныне отуреченного по языку иранского населения крупных культурных центров и земледельческих оазисов Мавераннахра и Хорезма. Очень вероятно, что с этим элементом семиреченское население соприкасалось с незапамятных времен. Более определенно известно, что уже в VII в. нашей эры в долине Чу существовала земледельческая культура, принесенная сюда выходцами из Мавераннахра,[4] а в X в. согдийские колонии проникали не только в Семиречье, но и в самую отдаленную часть Восточного Туркестана, заселенную тогда токуз-огузами. Отуречение этих колоний началось очень давно. Так уже Махмуд Кашгарский (XI в. по р. х.) сообщает, что в городе Баласагуне на реке Чу население было двуязычным и наряду с согдийским говорило и на турецком языке.[5] Таким образом, многовековая связь различных тюркских народностей Семиречья с короткоголовым иранским населением Средней Азии—несомненна.

Что касается примеси к киргизам единичных длинноголовых особей, то они могут служить свидетельством того, как далеко на северо-восток проникал длинноголовый индо-европейский тип Средней Азии, в наибольшей чистоте ныне сохранившийся у туркмен.[6] В другом месте мы приводим исторические известия, на основании которых мы склонны

---

1 Иакинф (Бичурин). История народов, обитавших в Средней Азии в древние времена. III. Спб. 1851, стр. 65.

2 Darwin, Charles. The Descent of Man. London, 1871. Vol II. pp. 355—384.

3 Бартольд, В. В. Очерк истории Семиречья, стр. 4.

4 Там же, стр. 10.

5 Из лекций В. В. Бартольда, читанных весною 1927 г. в Ташкенте.

6 Ошанин, Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926, стр. 131—182.

считать длинноголовыми ближайших западных соседей усуней—юэджей китайских летописей. Для полноты остается еще упомянуть, что самих усуней Грум-Гржимайло считает самой западной ветвью реконструированной им „динлинской расы“, которой он склонен приписать долихоцефалию,[1] а Аристов рассматривает усуней, лишь как рано отделившуюся ветвь енисейских киргиз (см. ниже).

Были ли киргизы в своих глубочайших исходных корнях индо-европейцами (в смысле Homo sapiens indo-europaeus Джиуфрида Руджиери) и лишь постепенно монголизировались до конца, благодаря многовековому смешению с Homo sapiens asiaticus, в лице народностей монгольского и тюркского корня, или наоборот их основное монгольское ядро впитало в себя индо-европейский элемент в качестве посторонней примеси, сказать, опираясь на чисто антропологические данные, очень трудно. Что касается исторических известий, то, судя по ним, можно предположить, что антропологический тип киргиз менялся дважды: будучи тюрками в своих глубочайших исходных корнях, на Енисее они впитали в себя элементы белокурой (северной?) расы, благодаря метисации с динлинами, а в дальнейшем утратили следы этого смешения, благодаря последующей метисации с народами тюркского и монгольского корня. *За такое предположение говорят следующие исторические* известия.

Гардизи, в своем „Украшении известий“, написанном в царствование Газневидского султана Абд-ар-Рашида (1050—1052 гг. н. э.), определенно указывает на „славянское“ происхождение киргиз [2] и отмечает, что „признаки славянского происхождения (их) еще заметны в наружности киргиз, а именно, красные волосы и белая кожа“.[3]

Указание на то, что киргизы в местах своего первоначального обитания не были „тюркским“ народом по типу, имеется и в китайских летописях. По китайским известиям они отличались высоким ростом, рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами, ибо перемешались с динлинами.[4]

---

[1] Грум-Гржимайло. Белокурая раса.

[2] Самая рукопись Гардизи и ее перевод приведен у В. В. Бартольда: Отчет о поездке в Ср. Азию с научною целью в 1893—1894 гг. Цитируемое место— стр. 108.

[3] Там же, стр. 109. Сведения, сообщаемые Гардизи, относятся не к XI в., а к эпохе более ранней. Он ссылается на автора VIII в. Мукиффа. (Указание В. В. Бартольда).

[4] Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. На метисацию енисейских киргиз с динлинами имеются определенные указания в „Истории династии Тан“ (Иакинф I, 443). Китайские летописи свидетельствуют о том, что эта метисация началась еще в IX в., а может быть и ранее, в VII в. По тексту летописи, в киргизских землях „жители перемешались с динлинами... вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами“ (Аристов, 322).

В эпоху обитания киргиз на Енисее северные соседи их, народ Бо-Ма, вполне походил на киргиз по облику, следовательно обладал теми же индо-европейскими чертами, но отличался от них по языку.[1] Это последнее обстоятельство, по мнению Аристова, объясняется тем, что народ Бо-Ма был „динлинским“ не только по типу, но и по языку.[2]

Что касается „усуней“, то Аристов склонен рассматривать их как рано отделившуюся (еще до III в. до р. х.) ветвь енисейских киргиз. „Истинное же народное имя их было всегда кыргыз“. Самое название усуней они получили „по имени рода, к которому принадлежала властвовавшая династия“ до V в. н. э. Будучи тюрками, так же, как и киргизы, они получили выше приведенные черты, благодаря интенсивной метисации с динлинами.[3]

Остается предположить, что в последующие века следы этой метисации, как и сама „динлинская раса“, потонули и растворились в надвинувшемся море народностей монгольского типа, аналогично тому, как во многих местах потонули и растворились узбеки—монголы в своем исходном типе, влившись в иранское море Средней Азии.

---

[1] Chavannes, Edouard. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Сборник трудов орхонской экспедиции. VI. Спб. 1903 г., р. 29, note 4.

[2] Аристов. Заметки, стр. 323.

[3] Рецензия В. В. Бартольда на труд Аристова З. В. О. Том XI, стр. 344. Следует, однако, отметить, что по мнению В. В. Бартольда взгляд Аристова на усуней, как на отделившуюся ветвь енисейских киргиз, не имеет за собою каких либо прямых фактических данных. Грум-Гржимайло также указывает, что „Аристов не в достаточной степени осветил тот материал, который привел его к интересным выводам“ относительно усуней. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. 1926 г. стр. 5, сноска 2.

ТАБЛИЦЫ

При обработке антропометрических данных, в том числе и всех представленных здесь, в виду растянутости рядов, с классовыми промежутками (промеры в mm), автор пользовался формулами $M = A + \nu_1$ и $\sigma = \sqrt{\nu_2 - \nu_1^2}$

I

Рост в сант.	
143	1
144	1
145	—
146	—
147	—
148	2
149	2
150	1
151	3
152	1
153	6
154	2
155	4
156	4
157	6
158	8
159	11
160	7
161	5
162	2
163	4
164	4
165	6
166	6
167	6
168	4
169	—
170	1
171	1
172	1
173	—
174	1
n	100
M	162
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,56
σ	5,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,4

II

Длина передней стенки туловища в сант.	
43	1
44	—
45	—
46	2
47	2
48	5
49	1
50	10
51	14
52	17
53	11
54	15
55	5
56	5
57	4
58	3
59	3
60	1
61	1
n	100
M	52,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,28
σ	2,8
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,2

III

Ширина в плечах (acr.) в сант.	
33	3
34	4
35	15
36	14
37	25
38	19
39	12
40	5
41	2
42	1
n	100
M	37
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,18
σ	1,8
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,13

IV

Окружность грудной клетки в сант.	
80	3
81	1
82	3
83	6
84	6
85	7
86	6
87	10
88	7
89	6
90	7
91	7
92	10
93	7
94	6
95	2
96	3
97	1
98	—
99	1
100	1
n	100
M	88,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,46
σ	4,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,3

V

Окружность груди в %% роста	
50	1
51	2
52	7
53	5
54	15
55	16
56	18
57	12
58	8
59	6
60	6
61	1
62	2
63	—
64	—
65	—
66	—
67	1
n	100
M	55,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,28
σ	2,8
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,2

VI

Ширина таза в сант.	
25	2
26	6
27	14
28	22
29	21
30	17
31	12
32	6
n	100
M	29
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,15
σ	1,5
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,1

VII	
Длина нижней конечности в сант. Рост минус рост сидя	
59	2
60	—
61	—
62	3
63	3
64	—
65	3
66	1
67	5
68	8
69	4
70	12
71	12
72	7
73	6
74	9
75	6
76	6
77	3
78	6
79	1
80	1
81	2
n	100
M	71,4
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,45
σ	4,5
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,3

VIII	
Длина верхней конечности в сант. (от acr. до dact.)	
64	1
65	—
66	—
67	—
68	—
69	1
70	5
71	—
72	6
73	3
74	7
75	14
76	7
77	8
78	6
79	3
80	1
81	2
82	2
83	3
84	—
85	—
86	1
n	70
M	75,4
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,44
σ	3,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,3

IX	
Указатель скелии (Джиуфрида). Рост сидя в $^0/_0{}^0/_0$ роста	
50	3
51	5
52	3
53	12
54	19
55	23
56	24
57	7
58	2
59	1
60	1
n	100
M	54,66
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,23
σ	2,3
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,16

X	
Длина верхней конечности в $^0/_0{}^0/_0$ роста	
42	1
43	1
44	1
45	3
46	7
47	15
48	18
49	15
50	4
51	2
52	—
53	—
54	2
55	—
56	1
n	70
M	47,94
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,26
σ	2,2
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,19

XI	
Длина кисти в mm.	
160—162	2
163—165	1
166—168	1
169 171	6
172—174	4
175—177	6
178—180	17
181—183	7
184—186	13
187—189	3
190 192	18
193—195	6
196—198	3
199—200	4
201—203	3
204—206	3
207—209	—
210—212	2
213—215	1
n	100
M	185,7
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 1,0
σ	10,8
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,7

XII	
Ширина кисти в mm.	
72—74	3
75—77	17
78—80	35
81—83	27
84—86	13
87—89	3
90	2
n	100
M	81
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 0,4
σ	3,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,3

XIII

Ширина кисти в $^0/_0{}^0/_0$ длины кисти	
38	3
39	5
40	5
41	8
42	14
43	12
44	18
45	7
46	11
47	6
48	6
49	—
50	3
51	1
52	—
53	1
n	100
M	43,78
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,3
σ	3,0
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,02

XIV

Наибольшая длина головы в mm.	
177	1
179—181	8
182—184	21
185—187	25
188—190	16
191—193	12
194—196	11
197—199	4
200—202	1
203—205	1
n	100
M	187
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 0,54
σ	5,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,4

XV

Наибольшая ширина головы в mm.	
143	1
144—146	2
147—149	—
150—152	8
153—155	20
156—158	13
159—161	17
162—164	16
165—167	13
168—170	10
n	100
M	159
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 0,6
σ	6,0
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,4

XVI

Головной указатель	
73	1
74	—
75	—
76	1
77	—
78	—
79	6
80	5
81	6
82	5
83	12
84	12
85	10
86	10
87	12
88	8
89	8
90	2
91	—
92	1
93	1
n	100
M	84,84
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,33
σ	3,3
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	0,2

XVII

Наибольшая ширина лица в mm.	
130—132	1
133—135	3
136—138	2
139—141	9
142—144	13
145—147	17
148—150	29
151—153	10
154—156	10
157—159	2
160—161	4
n	100
M	147,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,59
σ	5,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	0,4

XVIII

Высота лица (nasion-gnathion) в mm.	
96—98	1
99—101	—
102—104	2
105—107	5
108—110	9
111—113	11
114—116	22
117—119	9
120—122	19
123—125	12
126—128	5
129—131	3
132—134	1
135—137	1
n	100
M	113
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,69
σ	6,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,5

XIX

Лицевой указатель: морф. высота в $^0/_0{}^0/_0$ к ширине	
67	1
68	—
69	2
70	2
71	3
72	2
73	3
74	2
75	8
76	6
77	9
78	7
79	6
80	7
81	7
82	7
83	5
84	1
85	3
86	6
87	4
88	4
89	4
90	—
91	—
92	1
n	100
M	79,66
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,54
σ	5,4
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,39

XX

Ширина нижн. челюсти в $^0/_0{}^0/_0$ наибольшей ширины лица в mm.	
66	1
67	—
68	1
69	3
70	4
71	4
72	5
73	11
74	5
75	14
76	6
77	7
78	9
79	9
80	4
81	7
82	3
83	3
84	2
85	—
86	2
n	100
M	76,16
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,4
σ	4,1
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,2

XXI

Ширина нижн. челюсти в mm.	
98	1
99—101	1
102—104	7
105—107	13
108—110	20
111—113	19
114—116	20
117—119	4
120—122	11
123—125	4
n	100
M	112
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,49
σ	4,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,35

XXII

Наименьшая ширина лба	
73—75	8
76—78	6
79—81	7
82—84	5
85—87	7
88—90	5
91—93	3
94—97	4
98—100	9
101—103	13
104—106	3
107—109	2
110—112	2
113—115	1
n	75
M	91
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 1,3
σ	11,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,9

XXIII

Наименьшая ширина лба в $^0/_0{}^0/_0$ наибольшей ширины лица	
48	1
49	1
50	5
51	2
52	6
53	4
54	1
55	5
56	2
57	4
58	2
59	2
60	1
61	—
62	1
63	1
64	2
65	1
66	1
67	2
68	1
69	3
70	1
71	6
72	4
73	4

Наименьшая ширина лба в $^0/_0{}^0/_0$ наибольшей ширины лица	
74	1
75	2
76	1
77	3
78	2
79	2
80	—
81	1
n	75
M	63
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 1,1
σ	9,6
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,7

XXIV

Наибольшая ширина носа в mm.	
31—33	3
34—36	26
37—39	29
40—42	36
43—45	5
46—48	1
n	100
M	38,4
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 0,29
σ	2,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,2

XXV

Высота носа (nasion-subnasale) в mm.	
42—44	1
45—47	7
48—50	23
51—53	31
54—56	26
57—59	7
60—62	4
63—65	—
66—68	1
n	100
M	52,5
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±0,35
σ	3,5
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	±0,25

XXVI

Носовой указатель	
53	1
54	—
55	1
56	1
57	—
58	—
59	—
60	1
61	1
62	3
63	3
64	2
65	3
66	2
67	2
68	2
69	7
70	5
71	3
72	10
73	5
74	7
75	5
76	8
77	3
78	1
79	4
80	9
81	—
82	3
83	1
84	—
85	—
86	3
87	1
88	1
89	—
90	—
91	1
92	—
93	—
94	1
n	100
M	73,3
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 0,73
σ	7,3
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,5

XXVII

Ширина между наружными угл. глаз в mm.	
90— 92	7
93— 95	6
96— 98	6
99—101	14
102—104	15
105—107	16
108—110	4
111—113	5
114—116	1
117	1
n	75
M	102
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 1,6
σ	6,2
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,7

XXVIII

Ширина между внутр. углами глаз в mm.	
25—27	1
28—30	3
31—33	10
34—36	28
37—39	21
40—42	11
43	1
n	75
M	36
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	± 0,3
σ	3,2
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 0,9

XXIX

Ширина между вн. угл. глаз в %% наибольшей ширины носа	
56	1
67	1
74	1
75	1
77	1
78	1
79	2
80	2
82	1
83	1
84	2
85	1
86	5
87	2
88	3
89	2
90	6
91	1
92	4
93	8
95	7
97	1
98	2
100	8
102	1
103	2
105	1
108	1
109	1
111	1
115	2
118	1
121	1
n	75
M	93,3
$\frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	±13,0
σ	±35,9
$\frac{\sigma}{\sqrt{2n}}$	± 3,0

Этнография.

„Изучение турецких кочевников Средней Азии является для лингвиста и этнографа столь же благодарной задачей, как изучение иранских горцев“.

(В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии Наук за 1914 год, стр. 457.)

А. С. Сыдыков.

Родовое деление киргиз.

Киргизы уже много веков занимают территорию своего современного расселения—западный Тянь-Шань и горный массив Памиро-Алая. Необычайное богатство летних пастбищ выработало и сохранило в киргизах в полной неприкосновенности тип настоящего кочевника-скотовода и устранило необходимость каких либо завоевательных движений с их стороны, а малодоступность горных областей всегда ограждала их от вторжения соседних иноплеменных народностей.

В первой половине XIX века киргизский народ, частично подчинявшийся кокандским ханам и китайцам, фактически жил вполне независимо, целиком сохраняя в то же время все формы патриархально-родового быта. Только с приходом русских и образованием туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.) родовой быт киргиз быстро потерял свои первоначальные формы; внутренняя родовая спайка и подчас непримиримый междуродовой антагонизм стали проявляться уже не так резко, как в былые времена. Особенно заметно это среди оседлых киргиз. Но все же нужно заметить, что сильно пошатнувшееся родовое начало еще продолжает сохранять огромное значение как в экономической, так и общественно-политической жизни всей киргизской массы, а в жизни кочевников и до сих пор род играет преобладающую роль. Это со всей очевидностью подтверждается рядом внешних политических выступлений в последние десятилетия (восстания 1898 и 1916 гг. и басмачество).

Нужно заметить, что в пределах Китая, Афганистана, преимущественно в приграничной полосе, имеется довольно внушительная цифра киргиз (предположительно более 350 тыс. человек), и всякое движение киргиз по сю сторону границы всегда вызывает живой отклик со стороны их зарубежных сородичей.

Все это несомненно должно побуждать к углубленному изучению *родового деления киргизского народа*, с *целью выяснения* его этнического состава, территориального распределения родовых групп, внутренних взаимоотношений, особенностей быта, типа и пр.

Попытки такого изучения уже были, но только попытки, так как киргизы, стоявшие в стороне от общей исторической жизни народов

Средней Азии и благодаря этому в большей степени сохранившие чистоту своей крови, в то же время не оставили о себе почти никаких памятников, освещающих их происхождение и многовековое существование.

По основательнейшему труду Н. А. Аристова „Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов" [1] можно видеть, как в сущности беден и неточен материал по истории киргизского народа и насколько резки благодаря этому расхождения по коренным вопросам во мнениях различных исследователей. Можно с уверенностью сказать, что значительный пробел в прежних исследованиях и даже в труде Аристова объясняется ограниченностью материалов, собранных непосредственно от современников в виде устных сказаний, легенд, песен и пр. В самом деле, и своеобразный быт киргиз, и исторические события, а может быть и явления глубокой старины, вызывавшие в свое время этнические пертурбации среди предков современных киргиз,—все это нашло известное отражение в богатой киргизской лирике и эпосе и других памятниках устной словесности.

Родовое деление киргиз в данное время представляется в следующем виде: вся совокупность родовых групп, весь киргизский народ делится на два крыла: „он" (правое) и „сол" (левое) и большую инородную группу—племя „ичкилик".

Чрезвычайно интересной должна быть история расщепления киргиз на 2 крыла, но, к сожалению, до сего времени она остается достаточно туманной. Кажется, только один Голубев высказал мнение, что деление это имеет отношение к движению народа, как завоевательной армии. [2] Некоторые из современных киргиз высказывают предположение, что „он" и „сол" служат обозначением распределения родовых групп по отношению к странам света (он—правая часть, сол—левая). Однако, большинство киргиз приводят легендарные сведения, сводящиеся, примерно, к тому, что в отдаленные времена, во времена владычества могущественного хана (кокандского), его приближенные знатные киргизы сидели обыкновенно по правую и левую руку хана, отчего впоследствии их потомки получили общее название „правых" и „левых".

Во всяком случае, судя по тому, что это деление теперь в значительной степени забыто (большинство киргиз или вовсе не знают об этом, или сильно путают принадлежность даже своих родов к тому или другому крылу), можно с уверенностью сказать, что расщепление киргиз на 2 крыла произошло действительно в довольно отдаленные времена

---

[1] Живая Старина, 1894 г. в. III—IV. Отд. отт. Спб. 1895. Ред.

[2] Голубев, А. Ф. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию.—Заилийский край. Зап. ИРГО 1861 г., кн. 3. стр. 114—115. Статья эта была перепечатана Зап.-Сиб. Отд. ИРГО без указания, где она была впервые опубликована, в качестве приложения к книге: Александр Федорович Голубев. Биографический очерк (Омск, 1900). Не значится она и в списке трудов Голубева, помещенном в той же книге на стр. 19. Ред.

и имело значение лишь для той эпохи. Теперь нередко можно слышать еще и о другом подобном делении, „отуз-угул“ и „он-угул“. Здесь подкладка еще менее ясна. Действительно, иногда „отуз-угул“ отождествляют с крылом „он“, а „он-угул“ с „сол“, иногда же подводят под эти группы роды, далеко не совпадающие с делением на „он“ и „сол“, а подчас можно услышать утверждение, что это собственные имена отдаленных родоначальников. Легенда, наиболее распространенная среди киргиз Ошского округа, указывает на происхождение этих названий не от собственных имен, а от общих названий, приобретенных двумя основными киргизскими ветвями. Легенда эта связывает происхождение „отуз-угул“ и „он-угул“ с происхождением всего киргизского народа.

В местности Пшевыр жили и молились благочестивые Ша-Мансур и его сестра Аналь. С некоторого времени Ша-Мансур стал замечать, что Аналь по вечерам куда-то удаляется. Желая узнать, в чем дело, он однажды тайно последовал за ней и увидал, что Аналь зашла в пещеру в ближайших горах; Ша-Мансур подошел к входу и увидел сестру сидящей среди шумной компании молодых людей и пьющей какой-то напиток. Возмущенный он вошел в пещеру, где его тотчас же окружили и просили выпить тот же напиток, но Ша-Мансур отказывался. Наконец, уступая настойчивым просьбам, он выпил и быстро стал пьянеть, так как это было крепкое вино. Тем временем все присутствовавшие вышли, а Ша-Мансур в сильном опьянении стал громко кричать „Аналь-хак, менам-хак“, т.-е. „Аналь—истина, и я—истина“. Бывшие невдалеке муллы услышали крик и нашли, что слова эти богохульны, [1] вследствие чего тут же было решено умертвить брата и сестру. Приговор был послан хану, который и утвердил его. Ша-Мансур и Аналь были задушены. Но и безжизненные тела их продолжали повторять все те же богохульные слова. Тогда их предали сожжению, а пепел бросили в ручей, впадающий в большой бассейн (хауз) при ханском дворце. У этого бассейна часто играли 40 девушек—дочерей хана. И вот однажды они увидели, что поверхность воды наполнилась пеной, из которой ясно слышались слова: „Аналь-хак, менам-хак“. Повинуясь любопытству, они подошли к бассейну и взяли в рот немного пены. Но пена оказалась чудодейственной: у всех 40 девушек через некоторое время родились сыновья. Хан узнал об этом и в гневе лишил их своего крова. Тогда 30 его дочерей пришли в Туркестан и здесь обосновались. От этих сыновей и произошла киргизская ветвь „отуз-угул“ или „тридцать сыновей“. Остальные 10 дочерей пришли несколько позднeй, и от их потомства произошла ветвь „он-угул“ или „десять сыновей“.

Этой легендой также часто пользуются для объяснения самого названия „киргиз“ из „кырк-кыз“, т.-е. „сорок девиц“.

---

[1] Хакк (истина)—один из эпитетов аллаха.

В существующей литературе названий „отуз-угул“ и „он-угул“ почти совершенно не встречается, и история их происхождения не выяснена.

Правое крыло киргиз („он“), по приводимым Аристовым сведениям, делится на отделы адигне и тагай. [1] В самом деле, это основные обособленные географически отделы. Киргизы тагай расселились главным образом в Каракольском округе и в восточной части Пишпекского. Здесь они составляют главную, почти исключительную массу киргизского населения. Но отдельные мелкие роды отдела тагай имеются почти в каждой волости остальных районов, за исключением Ошского округа.

Киргизы адигне заняли исключительно северо-восточную часть Ошского округа. В других местностях Киргизстана они не встречаются.

Вместе с этим нужно признать, что род мунгуш, причисляемый Аристовым и др. исследователями к отделу адигне, если не географически, что по происхождению стоит совершенно обособленно. Допуская возможность возникновения рода мунгуш (по Аристову) „из разнородного сброда“, составившегося „под главенством остатков джагатаидских монголов, оставшихся верными кочевой жизни и нашедших убежище в горах между Кашгаром и Ферганою после падения власти джагатаидов“,[2] все же ни один киргиз рода мунгуш не причисляет себя к адигне. Родословные сказания определенно ставят Мунгуша наравне с Тагаем и Адигне, считая, что все они братья. Вследствие этого, несмотря на тесное соседство с родами адигне, несмотря на сравнительную малочисленность мунгушей, верней было бы считать их самостоятельным отделом, тем более, что „кости“ их разные.

Род могол также не может быть включен в состав адигне по кости: Аристов указывает, что мунгуш, могол, мунгал и др. подобные названия по форме своей близки к монгольским именам, [3] что заставляет думать, что роды эти представляют смешанную массу с большой примесью монгольской крови. Существующие легенды о происхождении этого рода говорят следующее:

В отдаленные времена жили три брата, Адигне, Тагай и Мунгуш, и сестра их Нааль-Идже. Будучи еще девушкой 15—16 лет, при помощи и покровительстве старшей жены Адигне она завязала тайные интимные отношения с одним из рабов (по некоторым легендам имя его Куке). От этой связи у нее родился мальчик. Нааль, боясь гнева своего старшего брата, подговорила отца ребенка унести его из дому и где-нибудь оставить. Мальчик утром был унесен и оставлен в поле. В тот же день Адигне выехал на охоту и, случайно наткнувшись в поле

---

[1] Опыт выяснения этнического состава, отд. отт., стр. 47. (У Аристова „адгене“; так же у Л. В. Ошанина—см. выше стр. 234). Ред.

[2] Там же, стр. 48.

[3] Там же.

на ребенка, приказал отнести его жене на воспитание. Через некоторое время Адигне стало известно истинное происхождение ребенка, но он отнесся к этому весьма снисходительно. Таким образом возник род могол.

Действительно, если придавать значение вышеприведенной легенде, то можно предположить, что отец Могола, раб Адигне, был монгольского происхождения.

Интересно отметить, что во всех родословных сказаниях киргиз на ряду с именами Адигне, Тагая и др. неизменно фигурирует единственная женщина—Нааль. Стало быть род могол прямо не родственен по кости адигне. Но так как он весьма малочисленен, распределяется небольшими островками-группами среди адигне и резко не противопоставляет себя отделениям последнего, то нет оснований выделять его в самостоятельный отдел.

Отдел адигне можно разбить на следующие главнейшие отделения: бурю, джору, баргы, кара-багыш, сартдар и могол (мунгол), последнее с только что указанными оговорками. Отделение бурю, насчитывающее 20 подотделов, распределяется, главным образом, в Наукатской, Турукской, Ак-джарской, Кашгар-кишлакской и Кипчагайской вол. Ошского округа. Аристов говорит, что „от рода бюрю могло произойти имя бурут, которое калмыки, а за ними и китайцы, дают всем кара-киргизам“.[1]

Можно ли, однако, допустить, что этот род, весьма малочисленный и проживающий теперь отдельными, территориально обособленными группами, так или иначе дал в свое время имя всему киргизскому народу. Известно, что по крайней мере основные массы калмыков не доходили до юго-восточной части Ферганы, где, нужно думать, отделение бурю проживает издавна. Впрочем, о былой численности этого отделения, о месте его постоянных кочевок исторические сведения отсутствуют.

Отделение джору, разбиваясь на 2 рода: ача-тамга и ай-тамга или как их называет Ситняковский—„ача-джури“ и „ай-джури“,[2] встречается в 7 волостях Ошского округа: Ак-буринской, Кашгаркишлакской, Куршабской, Кара-ташской, Узгенской, Алайской и Турукской. Обычно же киргизы эти роды разбивают на более мелкие части, которых насчитывается более 20.

Отделение баргы считается главным и наиболее уважаемым среди киргиз отдела адигне. Аристов предполагает, что „имя главного рода баргы, барге, может иметь соотношение с именем монголь-

---

[1] Там же.

[2] Ситняковский, Н. Ф. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области. Изв. Турк. Отд. ИРГО Т. II, вып. I. Ташкент, 1900, стр. 101. Ред.

ского племени баргут, которое Березин производит от монгольского б а р а г у н—правый, западный".[1]

По родословным сказаниям, записанным в Ошском округе, от рода баргы происходит кара-мерген, затем качка и уже далее он распыляется на еще более мелкие роды, которых С и т н я к о в с к и й насчитывает 8, но нужно считать их не менее 15. А р и с т о в же, ссылаясь на описание военных действий 1876 г., упоминает только два рода из отделения баргы—ульджаке (олджаке) и сераляк (очевидно, сартар, или же неправильно показанный в отделении б а р г ы род сарылар мунгушей), „прервавшие торговые сообщения между Ферганою и Кашгаром". [2] Главная масса киргиз отделения баргы располагается в Алайской, Гульчинской и Кипчагайской вол. Ошского округа, более мелкие группы встречаются в вол. Турукской, Кашгар-кишлакской, Куршабской и Ак-буринской того же округа.

В Материалах всероссийских переписей (Перепись населения в Туркестанской Республике. Вып. IV-й. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г.) [3] значится, что „входящий в его [баргы] состав крупный род Сартар встречается в северной части Наманганского у., на левом берегу р. Узун-ахмат". Но родословные сказания указывают, что сартар (сарджар) не является подродом баргы, а представляет из себя самостоятельное отделение адигне. Киргизы этого отделения преимущественно входят в состав населения Турукской, Гульчинской и Алайской волостей Ошского округа. Сарджар по количеству населения род некрупный и, живя постоянно бок о бок с баргы, он почти слился с ним и безусловно до некоторой степени сроднился по крови.

Отделение к а р а - б а г ы ш встречается в Кипчагайской, Яссинской, Узгенской, Куршабской, Ак-буринской и Ак-джарской вол. Ошского округа. Наиболее распространен входящий в его состав род тенгизбай.

Отдел т а г а й (двоюродный брат) состоит из 12-ти отделений, богорстон, койлон, кылджыр (сары-багыш), кара-чоро, саяк, азыкчерик, монолдор, конграт, багыш, кукум-багыш и чон-багыш.

Отделение б о г о р с т о н делится на множество мелких родов, из которых наиболее значительным и известным является солто. Местом расселения киргиз этого рода служит, главным образом, Пишпекский округ, а именно Беловодская, Пригородная, Сукулукская, Лебединская и Токмакская волости.

Отделение к о й л о н весьма немногочисленно и встречается только в Джаляль-абадском округе, главным образом, в Майлисайской волости. Чаще всего это отделение называется джедыгер (по имени сына Койлона); оно распадается на 4—5 более мелких родов.

---

[1] Цит. соч., стр. 48.

[2] Там же.

[3] Ташкент, 1924, стр. 47. Р е д.

Отделение кылджыр занимает весь Каракольский округ, Быстро-реченскую и Токмакскую волости Пишпекского округа и Кенкол-карагырскую вол. Джаляль-абадского округа. В настоящее время имя кылджыр (собственное) почти никогда не употребляется, а заменяется названием „сары-багыш" (желтый олень), данным кылджыру вследствие каких-то пока неизвестных причин. Это отделение делится на 2 главнейших рода: орозбакты и даулес. Орозбакты точно также приобрел иное название, „бугу", т.-е. „марал", которое и утвердилось за ним навсегда. Загряжский приводит легендарные сведения о происхождении этого названия, которое сводится к тому, что один из сары-багышей, охотясь за маралами, убил рогатое животное, оказавшееся затем человеком с рогами марала; искупив вину женитьбой на дочери убитого, тоже имевшей рога, он этим самым положил начало роду бугу. [1] По другой версии, приводимой Аристовым, у Кылджыра „был сын с рожками на голове, почему отец и назвал его Бугу".[2] Этот род проживает в Каракольском округе и делится на много более мелких частей. Род даулес живет, главным образом, в Пишпекском, в зап. части Каракольского и в небольшом количестве в Джаляль-абадском округе и, в свою очередь, разбивается на много подродов.

Отделение кара-чоро тесно связывается с отделениями саяк, азык и черик. Относительно него существует следующая легенда, циркулирующая среди киргиз со времен владычества кокандских ханов: Тагай, будучи в затруднительном положении, прибыл в Фергану лично к хану. Переговоры затянулись на долгие месяцы. Ожидая решения дела, Тагай совершенно выбился из средств, голодал и сильно обносился. Однажды хан увидел грязного, оборванного Тагая, узнал его и велел привести к себе в дом, вымыть, одеть и, наконец, женить на узбечке. Таким образом до окончания решения дела Тагай жил во дворце хана со своей молодой женой. Незадолго до рождения сына он получил весьма благоприятный ответ от хана и решил немедленно же возвратиться домой. Жене же он оставил небольшой кинжал, чтобы, если родится сын, он мог бы найти своего отца. Вскоре в самом деле родился мальчик, названный Кара-чоро, который, выросши, решил отыскать своего отца Тагая. Взяв кинжал, он двинулся в путь. В дороге к нему в разное время присоединились три человека, получившие впоследствии, сохранившиеся доныне, названия: Саяк (скиталец, бродяга), Азык (с продовольствием) и Черик (с большим животом). Придя к Тагаю, Кара-чоро был узнан отцом по кинжалу. Его спутников тоже приняли весьма радушно. Монолдор и Конграт считаются приемышами Тагая.

---

[1] Загряжский, Г. Кара-киргизы. (Этнографический очерк). „Турк. Ведомости", 1874 г. № 41. Ред.

[2] Цит. соч., стр. 49.

Саяки живут в Тонской, Чоринской (от саяковского подрода чоро), Чоктальской вол. Каракольского округа, Беловодской вол. Пишпекского округа и Джаляль-абадской, Базар-курганской, Майлисайской, Арымской, Мустурской, Кенкол-карагырской и Сусамырской вол. Джаляль-абадского округа, а также в солидном количестве в пределах Китая (см. ниже). Можно вполне согласиться с Аристовым, что „главные кара-киргизские роды всегда относились к саякам с некоторым пренебрежением“ [1] и даже более—между саяками и остальными родами искони ведется вражда, порой скрытая, а иногда выливающаяся в открытые выступления. Впрочем, такой момент отметил и Аристов, описывая порабощение в 1863 г. саяков киргизами родов солто (солту) и сарыбагыш, продолжавшееся до 1868 г., когда саяки были освобождены путем вмешательства русской администрации. [2] Аристов допускает возможность считать саяков остатками древних кочевников зап. Тянь-Шаня се'йцев, сохранившихся благодаря труднодоступности рельефа занимавшейся ими территории нижн. Нарына и Джаман-давана.

Отделение **азык** распределяется в вол. Баястанской Джаляль-абадского округа, Токмакской Пишпекского округа и Иссенгуловской и Загорной Каракольского округа. Повидимому, первоначальное место кочевок этого рода было по соседству с саяками (Загорная вол.—верховья р. Нарын), а проживающие в Пишпекском и Джаляль-абадском округах азыки являются лишь выходцами оттуда. Названия ассык и кучук носили два из пяти аймаков народа „нушиби“, проживавшего в VI веке на землях, где в начале V века кочевали усуни, и некоторые из них входили тогда в состав тюркского ханства, простиравшегося „от Великого океана до Черного моря“. Нет основания сомневаться, что это киргизские роды азык и кучук, сохранившиеся до сих пор (кучук по родословным сказаниям является весьма известным подродом азыка).

Отделение **черик** располагается в Шаркратминской и Чаштюбинской волостях (р. Ат-баш) Каракольского окр. Кроме того, черики в большом числе проживают в настоящее время в китайских владениях (см. ниже). У Аристова имеется важная заметка, что „китайцы, в 1759 году, нашли оток [волость, род] дзирик (чирик) с старшиною Юмат'ом, в числе 200 семей, между западными бурутами“. [3]

Отделение **багыш**, разделяясь на 2 главнейших рода—кутлук-сеид и чичар, кочуют преимущественно в Джаляль-абадском округе в вол. Арымской, Багышской, Баястанской, Чаткальской и Кутлук-сеидской, а также Кара-буринской и Куркуреуской вол. Пишпекского округа. Аристов говорит, что „колено багыш или чонбагыш обитает главным образов в Фергане, на склонах Наманганского хребта“. [4]

---

[1] Цит. соч. стр. 51—52.

[2] Там же, стр. 52.

[3] Там же, стр. 51.

[4] Там же, стр. 50.

Таким образом он отождествляет эти 2 имени. Но это неправильно, хотя бы потому, что в местах расселения багышей или поблизости можно найти группы киргиз, именующих себя чон-багышами, а в Кашгарии (Китай) чон-багыши представляют из себя весьма солидную массу (см. ниже), да и не было еще случая, чтобы багыши именовали себя когда-нибудь чон-багышами.

Некоторые киргизы (мулла Мама и др.) Ошского округа, весьма основательно знающие родословные сказания киргиз этого округа, утверждают, что Багыш, Чон-багыш и Кукум-багыш—суть сыновья (отделения) Адигне. По словам Наливкина, „в Наманганском уезде их [киргиз] два рода: багыш и сару; первые называют себя ун (правые), вторые—сул (левые). Оба рода считают себя выходцами из Алая, причем багыш пришли сюда раньше сару, отчего и получили название ун.“ [1] Если они действительно выходцы из Алая, то является непонятным, каким образом они могли очутиться там. Насколько известно, все более или менее значительные передвижения киргиз, вызванные захватами земель со стороны пришлых народностей (калмыки и пр.), никогда не отодвигали роды тагая южнее р. Кара-дарьи.

Отделение кукум-багыш встречается в Наманганском уезде.

Отделение мунгуш, как было сказано выше, занимает отдельные участки среди киргиз адигне и насчитывает до 20 важнейших родов. Мунгуши живут в следующих волостях Ошского округа: Араванской, Ак-буринской, Кашгар-кишлакской, Алайской, Турукской и Наукатской и в Джаляль-абадской волости того же округа.

К левому крылу (сол) следует причислить следующие роды: сару, кущу (кутчи), мундуз, кырк-угул, басыз и ктай.

Род сару живет в западной части Пишпекского округа в вол. Куркуреуской, Джаильгановской, Баутерекской, но небольшими группами встречается и в остальных частях округа, в вол. Лебединской и Токмакской, и даже имеется в Джетыогузовской вол. Каракольского округа. Главная же масса сару кочует в Джаляль-абадском округе в Арымской, Багышской, Баястанской, Чаткальской, Кырк-угульской и Саруйской вол. Несмотря на то, что род сару из выдающихся по численности в крыле сол, о нем почти умалчивают как китайские источники, так и позднейшие историки. В большинстве упоминаются лишь отделения этого колена, как например, алахчин и др.

Род кущу обитает в Джаляль-абадской, Наукентской, Багышской и Кутлук-сеидской вол. Джаляль-абадского округа, в Кенкольской, Каракольской и Токмакской вол. Пишпекского округа.

Колено ктай Аристов относит к чужеродным (ичкиликам). Не отрицая того, что „самое помещение ктаев в Александровском хребте указывает—откуда они пришли: из прилегающих к этому хребту долин

---

[1] Наливкин, В. П. Киргизы Наманганского уезда. „Турк. Вед.“ 1881 г. № 20.

рек Чу и Таласа, имя же удостоверяет, что это часть киданей, нашедших убежище у кара-киргизов после падения киданьского государства в начале XIII столетия"; [1] вернее, однако, было бы отнести этих иноплеменных ктаев к крылу сол.

Наливкин говорит, что кроме родов багыш и сару, „есть еще маленький род хытай, или вернее кутай (от кут—зад; этот род пришел позднее других), но он во всех отношениях, и административном и экономическом, слился с отделениями багышского рода кутлук-сеид и чичар".[2] Стало быть, если сару, по Наливкину, получили название сол потому лишь, что пришли поздней багышей, то из последней цитаты явствует, что и ктаи пришли туда поздней других. Род же сару в сущности также тесно соприкасается как с багышами, так и с другими родами крыла он, почему можно было бы, следуя указаниям Наливкина, выключить его из крыла сол. Аристов прямо указывает, что „род китай, кытай, хытай, ктай встречается главным образом в крыле сол, на Таласе", [3] а Смирнов, причисляя к крылу сол род или союз каратал, разбивает его на 3 ветви: ктай, кощи и джуваш.[4] Ктаи теперь обитают в Карабуринской, Беловодской, Сукулукской и Токмакской вол. Пишпекского округа и в Багышской вол. Джаляль-абадского округа.

Род мундуз разместился в Джаляль-абадской, Аимской, Базаркурганской, Массинской и Кырк-угульской вол. Джаляль-абадского округа, Беловодской и Токмакской вол. Пишпекского округа (незначительное количество); небольшая группа киргиз этого рода зарегистрирована в Джетыогузовской вол. Каракольского округа.

Род басыз, обитающий в Кугартской и Чанкентской вол. Джаляль-абадского округа, мало известен этнографам. Пока имеются лишь краткие сведения о местах его расселения. Поэтому отнесение этого рода Аристовым [5] и другими к крылу он (отдел. тагай) является недоказанным и по всей вероятности ошибочным. Вернее было бы думать, что басыз, являясь мелким, но самостоятельным родом и живя всегда в тесном соприкосновении с родами крыла сол, входит тоже в состав этого крыла, на что указывает и Ситняковский.[6]

Род кырк-угул, причисляемый Смирновым [7] и другими к крылу сол, распределился в 3 волостях Джаляль-абадского округа: Кырк-угульской, Кызыл-джарской и Саруйской.

Племя ичкилик обитает в юго-западной части Ошского округа, за пределами его (на юг и запад) и в большом количестве в китайских

---

1 Аристов. Цит. соч., стр. 42.
2 Наливкин, цит. соч.
3 Цит. соч., стр. 41.
4 Смирнов, Е. Сыр-Дарьинская область. Спб. 1887 (стр. 324. Ред.).
5 Цит. соч., стр. 51.
6 Цит. соч., стр. 106.
7 Цит. место.

владениях (см. ниже). Киргизы ичкилики иногда производят это название от слова ечки, коза. Но, как справедливо замечает Аристов, это название подходило бы к киргизам, кочующим в более труднодоступных горных местностях, нежели кочевья современных ичкиликов.[1] Большей же частью они утверждают, что слово ичкилик означает „потусторонний“, „пришедший издалека“. Вместе с тем Аристов говорит, что „родовое имя ички встречается несколько раз в „Шейбаниаде“, а потому возможно происхождение имени союза или группы ичкилик от имени какого-нибудь вождя из рода ички“.[2]

Он же, касаясь происхождения ичкиликов, говорит: „Отсутствие в именах известных подразделений ичкиликов имен кара-киргизских родов и костей удостоверяет их иноплеменность, непринадлежность по происхождению к кара-киргизам“, и далее: „в именах делений ичкиликов нет известных тюркских племенных и родовых имен. Поэтому можно с вероятностью полагать, что ичкилики составились из сброда разных пришельцев, не сохранивших своих народных и родовых именований“. Аристов полагает, что „в составе ичкиликов имеются потомки сейцев (вероятно саков)..., а также частицы тибетцев“.[3] Опровергать мнение, что ичкилики являются пришлым, инородным и весьма смешанным племенем было бы слишком преждевременно. Напротив, взгляд Аристова кажется наиболее правдоподобным, но для большего его подтверждения нужны серьезные антропологические исследования.

Ичкилики разбиваются на следующие главнейшие роды: канды, тюелес, теит, найман, (яу)кесек, бостон, найгут, кыпчак, ават.

Род канды обитает преимущественно в Ошском округе: в Ичкиликской, Найманской, Яукесек-бостонской вол., но встречается довольно значительными группами и в Араванской, Кашгар-кишлакской, Куршабской, Наукатской вол., а также в Чанкентской и Аимской вол. Джаляль-абадского округа.

Род тюелес располагается главным образом в Узгенской и Ичкиликской вол. Ошского округа и численно уступает всем прочим ичкиликским родам.

Теиты занимают главным образом земли в нижней части Алайской долины, входящие в состав Найманской вол. Ошского округа. Там они живут совместно с найманами и кыпчаками. Отдельные группы этого рода имеются и в Куршабской, Наукатской, Ичкиликской и Найгут-кыпчакской волостях, а также в небольшом количестве в Джаляль-абадской вол. Кроме того, они, по Ошанину[4]

---

[1] Цит. соч., стр. 45.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 44—45.

[4] „Кара-таиты“. Ошанин, В. Ф. Каратегин и Дарваз. Изв. ИРГО. 1881, вып. 1, стр. 48. О теитах в дол. Мук-су упоминает Н. Л. Корженевский (Долина Мук-су и ее ледники. Труды Гидрометеор. Отд. Средазмета. Т. I, в. 1. Ташкент, 1927, стр. 28, прим. 1). Ред.

и Материалам всероссийских переписей 1917 г., встречаются в Каратегине и на Памире.[1]

Главное ядро найманов живет в Найманской вол. Ошского округа. В других же волостях: Араванской, Наукатской, Ичкиликской и Ляйлякской, затем в Баястанской вол. Джаляль-абадского округа они проживают в сравнительно небольшом количестве. По приводимым Аристовым данным найманы имеются и на Памире.[2]

Роды кесек или яу-кесек и бостон составляют Яукесек-бостонскую вол. Ошского округа. Они имеются еще в Араванской вол., а также встречаются в Наукатской вол. Ошского округа и Аимской вол. Джаляль-абадского округа. Родословные сказания эти два рода связывают через одно поколение их, указывая тем самым на довольно близкое их кровное родство. Частица „яу" иногда употребляется перед именем кесек и означает, по словам киргиз, что Кесек был враг своему брату (двоюродному); но, повидимому, если в действительности и существовала между ними вражда, то она дальше отдельных личностей не пошла, так как киргизы яукесек и бостон издавна живут вместе без видимых столкновений. Род кесек, по сведениям Аристова и др., имеется и на Памире.[2]

Роды найгут и кыпчак составляют Найгут-кыпчакскую вол. Ошского округа. Кыпчаки живут еще небольшими группами в Куршабской, Найманской, а также Джаляль-абадской и Аимской вол. Джаляль-абадского округа, при чем на ряду с теитами, найманами и кесеками встречаются и на Памире.

Киргизы, приводя родословные сказания, утверждают, что Найгут и Кыпчак были братья, что, якобы, подтверждается постоянным тесным сожительством этих двух родов.

В самой западной части Ошского округа имеется род ават,[3] кочующий в Ляйлякской вол., а в Чапкулукской вол. бывш. Ходжентского уезда—род чапкулук, о котором упоминает Кушакевич и называет пять его отделений.[4]

Киргизы в своих родословных сказаниях часто, как указывалось выше, связывают некоторые роды между собой общим родоначальником. Таким же образом они связывают и 2 отдела, адигне и тагай.

Родословные, составленные в разное время и со слов разных лиц, в основе своей почти всегда совпадают вплоть до родоначальников, по-

---

[1] Цит. „Материалы", стр. 49.

[2] Указание Аристова (цит. соч., стр. 46) подтверждено переписью 1917 г. (цит. „Материалы", стр. 50). Найманов встретил в дол. Мук-су Н. Л. Корженевский (цит. место, см. стр. 283, прим. 4). Ред.

[3] Переписью 1917 г. и переселенческими статистиками зарегистрированы, как абагат (цит. „Материалы", стр. 49). Ред.

[4] Кушакевич, А. А. Сведения о Ходжендском уезде. Зап. ИРГО по Общ. Геогр. Т. IV. Спб. 1871, стр. 230—231. Ред.

ложивших начало отделам или крупнейшим родам. Однако, они почти всегда резко расходятся в именах и принадлежности к тому или иному поколению более отдаленных родоначальников, связывающих оба крыла киргиз. Для точного определения этих связывающих звеньев безусловно необходим обширный материал в виде легенд, сказаний, песен и проч. Одно только можно с достоверностью сказать, что родоначальниками, от которых обычно начинают делить роды на он и сол считаются Агул (Агувул) и Кабул (Кугувул). Агула относят к правому крылу (он), а Кабула к левому крылу (сол). Промежуточные же поколения, еще более отдаленные, почти всегда различно указываются в разных родословных.

Киргизы, как было сказано выше, довольно солидными массами проживают на территории Китая и Афганистана. В Кашгарском районе главным образом обитают роды кесек, найман, теит и кыпчак; в Учтурфанском, Аксуйском и Кучарском районе—чон-багыш и черик, а в Кульджинском—род бугу. В Афганистане, в приграничной полосе имеется значительное количество киргиз рода катаган, считающих себя потомками Саяка, а также встречаются кочующие группы кесеков, найманов, теитов и кыпчаков.

Еще в пятидесятых годах прошлого столетия в литературе встречались упоминания, что государственная граница, совпадающая в районе расселения главных масс киргиз с границей естественной, далеко не служит еще пределом киргизских кочевий. Так „обыкновенно на картах означают границы Дикокаменной Орды [каракиргиз] снежными хребтами“ Иссык-куля; „но Киргизы не признают этих пределов и кочуют беспрепятственно... на восток до китайской пикетной дороги (из Кульджи в Ак-су), на юг до независимых мелких владений Бадахшана и Каратигена, на запад до Коканда и Ташкента, а на север до высоты гор Кунги Ала-Тау и по вершинам речки Чарына“ („Сведения о дикокаменных киргизах“ в Зап. ИРГО, кн. 5, 1851 г. стр. 141). Аристов же приводит по этому поводу замечание позднейших исследователей. Он говорит, что в одной книге, содержащей описание путешествия на Памир, [1] „между прочим, помещены не лишенные интереса сведения о родах памирских кыргызов и их кочевьях“: киргизы в „этой части центральной Азии делятся на четыре главных рода—найман, кипчак, таит и кисек. У найманов четыре отделения“, из коих два—мурза и киак—состоят в китайском подданстве. По тем же данным „кипчаки делятся на три подразделения: сарт, киргиз-кипчак и кара-байтал; отделение сарт состоит частию в русском подданстве, частию в китайском и кочует главным образом“ в Кашгарском районе; „там-же обитают и киргиз-кипчаки; кара-байтал, которым прочие кыргызы оказывают большой почет вследствие их древнего и славного происхождения, принадлежат большею частию к русско-подданным, но есть их немного и в китайском“. „Таиты делятся

[1] The Pamirs by the Earl of Dunmore, vol. II. (London, 1893) pp. 113—122.

на два клана: кара-таит и сарт-таит; первый кочует на Каракуле, в Караташе, но зимует в русских владениях и принадлежит к русско-подданным; второй кочует на Мургабе, Ранкуле и Алай-памире и признает русское и китайское подданства. Кисеки делятся на 3 небольших клана": один из них „бостан признает на половину русское, на половину китайское подданство и кочует в Сарыколе на Тагарме, в Шахидулла, на Тагдумбаше и Алай-памире".[1]

Таким образом, очевидно, что и род бостон имеется в некотором количестве в пределах Китая.

---

[1] Аристов. Цит. соч., стр. 46.

СПИСОК

главнейших киргизских групп по округам и волостям Киргизстана.

1926 г.

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Пишпекский	Карабуринская	Сол	Сару	Джеты-уру
	"	"	Ктай	—
	"	Он, тагай	Багыш	—
	Куркуреуская	Сол	Сару	Сольпи
	"	"	"	Тоглок-баш
	"	"	"	Джеты-уру
	"	"	"	Ольджо
	"	"	"	Шекер
	"	Он, тагай	Багыш	—
	Джаильгановская	Сол	Сару	Саткей
	"	"	"	Балас-арча
	"	"	"	Ак-бай
	"	"	"	Баур
	"	"	"	Кичке
	"	"	"	Барак
	Баутерекская	Сол	Сару	Джавагы
	"	"	"	Ак-джол
	"	"	"	Оготур
	"	"	"	Кельде-чангыл
	"	"	"	Баркы
	"	"	"	Барын
	"	"	"	Агынай
	"	"	"	Бешмоин
	Кенкольская	Сол	Кущу	Мамбет
	"	"	"	Токтук
	"	"	"	Бекмурат
	"	"	"	Телаймат
	"	"	"	Сульпияк

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Пишпекский	Каракольская	Сол	Кущу	Канкельды
	"	"	"	Бурге
	"	"	"	Бурго
	"	"	"	Саватар
	Беловодская	Он, тагай	Богорстон (солто)	Асан
	"	"	"	Чильпак
	"	"	"	Бектен
	"	"	"	Каратай
	"	"	"	Итике
	"	"	"	Суу-мурун
	"	"	"	Кара-сакал
	"	"	"	Оразбай
	"	"	"	Адарбек
	"	"	"	Кучкач
	"	"	"	Качке
	"	"	"	Дустбай
	"	"	"	Бектай
	"	"	"	Мамбет
	"	"	"	Багышан
	"	"	"	Байкучук
	"	"	"	Кочкорбай
	"	"	Монолдор	—
	"	"	Саяк	—
	"	Сол	Ктай	—
	"	"	Мундуз	Каман
	Пригородная	Он, тагай	Богорстон (солто)	Чалаказак
	"	"	"	Толек
	"	"	"	Когой
	"	"	"	Накай
	"	"	"	Джалан-найза
	"	"	"	Кашкабаш
	"	"	"	Сарыбан
	"	"	"	Ак-бура
	"	"	"	Мукулай
	"	"	"	Бука
	"	"	"	Кулболды
	"	"	"	Чонмурун
	"	"	"	Кара-мерген
	"	"	Монолдор	Канай

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Пишпекский	Сукулукская	Он, тагай	Богорстон (солто)	Бешкурук
	,,	,,	,,	Джакшимбет
	,,	,,	,,	Ак-бура
	,,	,,	,,	Бек-мурза
	,,	,,	,,	Толек
	,,	,,	,,	Джумабай
	,,	,,	,,	Чалаказак
	,,	,,	,,	Ишкожо
	,,	,,	,,	Шалта
	,,	,,	,,	Карасакал
	,,	,,	,,	Джарпан
	,,	,,	,,	Темир
	,,	Сол	Ктай	—
	Лебединская	Он, тагай	Богорстон (солто)	Байсеит
	,,	,,	,,	Тогузак
	,,	,,	,,	Алыбай
	,,	,,	,,	Айтыке
	,,	,,	,,	Джилкайдар
	,,	,,	,,	Авул
	,,	,,	,,	Коджокельды
	,,	,,	,,	Джергазар
	,,	,,	,,	Токольдош
	,,	,,	,,	Джетыкашка
	,,	,,	,,	Ак-кулак
	,,	,,	,,	Карагул
	,,	,,	,,	Есенбай
	,,	,,	,,	Толек
	,,	,,	,,	Джалгаш
	,,	,,	,,	Суу-мурун
	,,	,,	,,	Шабек
	,,	,,	,,	Молтовар
	,,	,,	,,	Джангурчи
	,,	,,	,,	Чимчик
	,,	,,	,,	Дуйшем
	,,	,,	,,	Уку
	,,	,,	,,	Сулейман
	,,	,,	,,	Ногой
	,,	,,	,,	Алдыяр
	,,	,,	,,	Эсыркемыш
	,,	,,	,,	Бердыш
	,,	,,	,,	Атай
	,,	,,	,,	Борсолдой
	,,	,,	,,	Ноно
	,,	,,	,,	Кенембай

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Пишпекский	Лебединская	Он, тагай	Богорстон (солто)	Сарымсак
	,,	,,	,,	Сарман
	,,	,,	,,	Агыт
	,,	,,	,,	Байбагыш
	,,	,,	,,	Айкор
	,,	,,	,,	Темирберды
	,,	Сол	Сару	—
	Быстрореченская	Он, тагай	Сарыбагыш (даулес)	Чертке
	,,	,,	,,	Эсюк
	,,	,,	,,	Таздар
	,,	,,	,,	Акчаву
	,,	,,	,,	Чечей
	,,	,,	,,	Чагандак
	,,	,,	,,	Джантай
	,,	,,	,,	Авача
	,,	,,	,,	Эвыке
	,,	,,	,,	Токтоку
	,,	,,	,,	Итигул
	,,	,,	,,	
	Токмакская	Он, тагай	Сарыбагыш (даулес)	Джетыген
	,,	,,	,,	Джантай
	,,	,,	,,	Аюке
	,,	,,	,,	Бешкалмак
	,,	,,	,,	Алмакучук
	,,	,,	,,	Куват
	,,	Сол	Сару	Барын
	,,	,,	Мундуз	
	,,	Он, тагай	Азык	—
	,,	Сол	Ктай	—
	,,	,,	Кущу	—
	,,	Он, тагай	Монолдор	—
Каракольский	Тургенская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Сеид-казы
	,,	,,	,,	Ондон
	,,	,,	,,	Кара-такия
	,,	,,	,,	Сарке
	,,	,,	,,	Шапак
	,,	,,	,,	Кучук-отузул
	,,	,,	,,	Сабатар-маймулу

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Каракольский	Тургенская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Ондон-соно
	,,	,,	,,	Сопо
	,,	,,	,,	Ишей-сопо
	Тюпская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Шапак
	,,	,,	,,	Бер-назар
	,,	,,	,,	Боур
	,,	,,	,,	Тогуз-бай
	,,	,,	,,	Шукур
	,,	,,	,,	Тенгизбай
	Джетыогузовская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Тылекмат
	,,	,,	,,	Чабандай
	,,	,,	,,	Сасбак
	,,	,,	,,	Бер-назар
	,,	,,	,,	Данияр
	,,	,,	,,	Кавак (кабак)
	,,	,,	Сарыбагыш (даулес)	—
	,,	Сол	Сару	—
	,,	,,	Мундуз	—
	,,	Он, тагай	Черик	—
	,,	,,	Конграт	—
	Барскаунская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Джильдын
	,,	,,	,,	Бапа
	Тонская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Джакшылык
	,,	,,	,,	Кыдык
	,,	,,	,,	Арык-тукум
	,,	,,	Саяк	—
	Учакинская	Он, тагай	Сарыбагыш (даулес)	Кыдырбек
	,,	,,	,,	Бай
	,,	,,	,,	Талтар
	,,	,,	,,	Надыр-бек
	,,	,,	,,	Учаке
	,,	,,	,,	Кара
	,,	,,	,,	Сарт
	,,	,,	,,	Чончарык
	,,	,,	,,	Ниязбек
	,,	,,	,,	Орман
	,,	,,	,,	Азват

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Каракольский	Учакинская	Он, тагай	Сарыбагыш (даулес)	Чертке
	,,	,,	,,	Тюлькю
	,,	,,	Монолдор	—
	Он-арчинская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Джаманак
	,,	,,	,,	Токтогул
	Нарынская	Он, тагай	Сарыбагыш (даулес)	Ишим
	,,	,,	,,	Манап
	,,	,,	,,	Джетыген
	,,	,,	,,	Кельдыке
	,,	,,	,,	Надыр-али
	,,	,,	Сарыбагыш (бугу)	Молой
	,,	,,	,,	Чечей
	,,	,,	,,	Суан
	,,	,,	,,	Джарвок
	,,	,,	,,	Чагалдак
	,,	,,	,,	Тувай
	Шаркратминская	Он, тагай	Черик	Чолок-тума
	,,	,,	,,	Ку-суюк
	,,	,,	,,	Кара-тукум
	,,	,,	,,	Туркмен
	,,	,,	,,	Алагуз-баки
	,,	,,	,,	Уч-урук
	,,	,,	,,	Бала-кира
	,,	,,	,,	Орто-кира
	Чаш-тюбинская	Он, тагай	Черик	Ак-чувак
	,,	,,	,,	Ангыдын
	,,	,,	,,	Кара-бостон
	,,	,,	,,	Джангы-черик
	,,	,,	,,	Майли-баш
	,,	,,	,,	Кейке
	,,	,,	,,	Сары-губюн
	,,	,,	,,	Кончой
	,,	,,	,,	Сасан (сазан)
	,,	,,	,,	Кува (кава)
	,,	,,	,,	Алик
	,,	,,	,,	Тору
	,,	,,	,,	Узун-калпак
	,,	,,	,,	Алдаяр
	,,	,,	,,	Дувана

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Каракольский	Иссенгуловская	Он, тагай	Сарыбагыш (даулес)	Куюн
	,,	,,	,,	Чала-манап
	,,	,,	,,	Чертке
	,,	,,	,,	Иссенгул
	,,	,,	Азык	—
	Чоринская	Он, тагай	Саяк	Чоро
	,,	,,	,,	Ымон
	,,	,,	Монолдор	Кадан-монол-дор
	,,	,,	Басыз	—
	Загорная	Он, тагай	Азык	—
	Чоктальская	Он, тагай	Саяк	Бакачи
	,,	,,	,,	Куртка-мерген
	,,	,,	,,	Бастер
	Курмектинская	Он, тагай	Сарыбагыш (бугу)	Талыбай
	,,	,,	,,	Токоч
	,,	,,	,,	Токобай
	,,	,,	,,	Токой-улу
	,,	,,	,,	Алдаяр
Ошский	Араванская	Он, мунгуш	Мунгуш	Ерке-кашка
	,,	,,	,,	Мангыт
	,,	,,	,,	Тулейкен
	,,	,,	,,	Кок-ятык
	,,	,,	,,	Улу-катын
	,,	Ичкилик	(Яу)кесек	—
	,,	,,	Канды	—
	,,	,,	Бостон	—
	,,	,,	Найман	—
	Ак-буринская	Он, мунгуш	Мунгуш	Джапалак
	,,	,,	,,	Тулейкен
	,,	,,	,,	Кодакочун
	,,	,,	,,	Джуош (джуваш)
	,,	Он, адигне	Кара-багыш	Бакал
	,,	,,	Баргы	Барын
	,,	,,	Джору	Мурзакул

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Ошский	Кашгар-кишлакская	Он, адигне	Джору	Барак
	,,	,,	Баргы	Монок
	,,	,,	,,	Бек-джар
	,,	,,	,,	Кинджекул
	,,	,,	,,	Конграт
	,,	,,	,,	Савай
	,,	,,	,,	Тоуке
	,,	,,	,,	Алтыбай
	,,	Он, мунгуш	Мунгуш	Сарылар
	,,	,,	,,	Джиль-кельды
	,,	,,	,,	Сарай
	,,	,,	,,	Кутчи (кутчу)
	,,	,,	,,	Джуош (джуваш)
	,,	,,	,,	Кодакучун
	,,	Ичкилик	Канды	Кыдырша
	,,	Он, адигне	Бурю	Буйля-бурю
	Куршабская	Ичкилик	Бостон	Бозала-бостон
	,,	,,	Канды	Кыдырша
	,,	,,	,,	Кара-сыдык
	,,	,,	,,	Ургы
	,,	Он, могол	Могол	Атаке-могол
	,,	,,	,,	Бабыр-могол
	,,	Он, адигне	Джору	Акылбек
	,,	,,	,,	Кайнар
	,,	,,	,,	Тасма
	,,	Ичкилик	Кыпчак	Кара-куназ
	,,	,,	,,	Курама-кыпчак
	,,	,,	Теит	Кара-теит
	,,	Он, адигне	Баргы	Таз-баргы
	,,	,,	Джору	Тасма
	,,	,,	Кара-багыш	—
	,,	Сол	Мундуз	—
	Караташская	Он, адигне	Джору	Ана-тамга
	Узгенская	Он, адигне	Джору	Тасма
	,,	,,	Кара-багыш	Тенгизбай
	,,	Ичкилик	Тюелес	—
	Яссинская	Он, адигне	Кара-багыш	Тенгизбай
	,,	Сол	Басыз	—
	Ак-джарская	Он, адигне	Кара-багыш	Мурзаке
	,,	,,	,,	Досмат
	,,	,,	Бурю	—

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Ошский	Кипчагайская	Он, адигне	Баргы	Таз-баргы
	,,	,,	,,	Сары-баргы
	,,	,,	,,	Кара-баргы
	,,	,,	,,	Булаш
	,,	,,	Кара-багыш	Тенгизбай
	Гульчинская	Он, адигне	Баргы	Конграт
	,,	,,	,,	Савай
	,,	,,	,,	Тоуке
	,,	,,	,,	Бакал
	Алайская	Он, адигне	Баргы	Кокчи (улу)
	,,	,,	,,	Монок
	,,	,,	,,	Тоуке
	,,	,,	,,	Савай
	,,	,,	,,	Олджеке
	,,	Он, мунгуш	Мунгуш	Джуош (джу-ваш)
	,,	Он, адигне	Джору	Калдай
	Турукская	Он, адигне	Баргы	Катран
	,,	,,	,,	Качибек
	,,	,,	,,	Монок
	,,	,,	,,	Кокчи
	,,	,,	Бурю	Баиш
	,,	,,	,,	Бабаке
	,,	,,	Джору	Абдал
	,,	,,	,,	Калдай
	,,	,,	,,	Кырбаш
	,,	,,	,,	Сатыбай
	,,	Он, мунгуш	Мунгуш	Тулейкен
	,,	,,	,,	Кодакочун
	,,	,,	,,	Теске
	,,	,,	,,	Татар
	Наукатская	Он, адигне	Бурю	Атаке
	,,	,,	,,	Ходжаке
	,,	,,	,,	Алике
	,,	,,	,,	Кара-баш
	,,	,,	,,	Булюк-сарт
	,,	,,	Баргы	Тлеке
	,,	Он, мунгуш	Мунгуш	Ерке-кашка
	,,	,,	,,	Кош-тамга
	,,	Ичкилик	(Яу)кесек	Бурю-баш
	,,	,,	,,	Чучун
	,,	,,	Найман	—
	,,	,,	Канды	—
	,,	,,	Теит	—

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Ошский	Ичкиликская	Ичкилик	Канды	Ургу
	,,	,,	,,	Додон
	,,	,,	,,	Толман
	,,	,,	,,	Медресе
	,,	,,	,,	Докан
	,,	,,	,,	Кенджетукум
	,,	,,	,,	Култай
	,,	,,	,,	Кара-тума
	,,	,,	,,	Аджикул
	,,	,,	,,	Айтемир
	,,	,,	,,	Нарбото
	,,	,,	,,	Джумак
	,,	,,	,,	Мамат-юсуп
	,,	,,	,,	Казыбек
	,,	,,	,,	Тулу-тунна
	,,	,,	,,	Чурук
	,,	,,	,,	Бурбаш
	,,	,,	,,	Каранай
	,,	,,	,,	Сары-канды
	,,	,,	,,	Уйлар
	,,	,,	Тюелес	Меркет
	,,	,,	,,	Муркут
	,,	,,	Найман	Нарай-найман
	,,	,,	Теит	Арык-теит
	Найгут-кыпчакская	Ичкилик	Кыпчак	Джаманан
	,,	,,	,,	Ходжам-чукур (шукур)
	,,	,,	,,	Аманак
	,,	,,	,,	Кармыш
	,,	,,	,,	Тур-айгыр
	,,	,,	,,	Таз
	,,	,,	Найгут	Моуканай
	,,	,,	,,	Кара-муюн
	,,	,,	,,	Найман
	,,	,,	,,	Манаш
	,,	,,	,,	Чинатан
	,,	,,	,,	Ак-назар
	,,	,,	,,	Буджей (буджой)
	,,	,,	,,	Чардагай
	,,	,,	,,	Шага
	,,	,,	,,	Логман
	,,	,,	,,	Чирчи
	,,	,,	Теит	—

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Ошский	Ляйлякская	Ичкилик	Ават	Токмак
	"	"	"	Уста
	"	"	"	Джой
	"	"	"	Гуджен
	"	"	"	Чолой
	"	"	"	Алатакы
	"	"	"	Ишкара
	"	"	"	Могол
	"	"	"	Ботоп-джанат
	"	"	Найман	Раим
	"	"	Канды	Сары-канды
	Найманская	Ичкилик	Найман	Кон (кун)
	"	"	"	Тума-тукум
	"	"	"	Босторгой
	"	"	"	Чандеке
	"	"	"	Бюо (бюэ)
	"	"	"	Уркунчи
	"	"	"	Чошка
	"	"	"	Тентек
	"	"	"	Кара-найман
	"	"	"	Сары-бай
	"	"	"	Боткачи
	"	"	"	Ходжа
	"	"	"	Боз
	"	"	"	Бе
	"	"	"	Коко
	"	"	Канды	Буйга
	"	"	"	Уйгур
	"	"	"	Чиргоу
	"	"	Теит	Кызыл-баш
	"	"	"	Галча-кызыл-бай
	"	"	"	Зарип
	"	"	"	Наурус
	"	"	"	Баркы
	"	"	"	Чегитур
	"	"	"	Кыдырша
	"	"	"	Кара-теит
	"	"	"	Чоюрок
	"	"	"	Джамантал
	"	"	Кыпчак	—
	Яукесек-бостонская	Ичкилик	(Яу)кесек	Берг-джар
	"	"	"	Султан-сары
	"	"	"	Термен

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Ошский	Яукесек-бостонская	Ичкилик	(Яу)кесек	Кальдар
	,,	,,	,,	Турчак
	,,	,,	,,	Таш-кесек
	,,	,,	,,	Булгатай
	,,	,,	,,	Битек
	,,	,,	,,	Назар-битек
	,,	,,	,,	Чоок
	,,	,,	,,	Дырберды
	,,	,,	,,	Кара-чуши
	,,	,,	,,	Сазан
	,,	,,	,,	Турсункул
	,,	,,	,,	Уразмат
	,,	,,	Бостон	Баймат
	,,	,,	.	Карджауды
	,,	,,	Канды	Кара-канды
	,,	,,	,,	Каранай
	,,	,,	,,	Чирак-тамга
	,,	,,	,,	Туркмен
Джаляль-абадский	Джаляль-абадская	Ичкилик	Кыпчак	Кызыл-аяк
	,,	Он, мунгуш	Мунгуш	Мангыт
	,,	Ичкилик	Тюелес	—
	,,	Он, могол	Могол	—
	,,	Сол	Мундуз	—
	,,	,,	Кушу	—
	,,	Он, тагай	Саяк	—
	,,	Ичкилик	Теит	—
	Кугартская	Он, тагай	Багыш	
	,,	Сол	Басыз	—
	Чанкентская	Сол	Басыз	Клыч-тамга
	,,	,,	,,	Тебей-чакмар
	,,	,,	,,	Ой-живак
	,,	Ичкилик	Канды	—
	Аимская	Ичкилик	(Яу)кесек	—
	,,	,,	Тюелес	—
	,,	,,	Кыпчак	—
	,,	Сол	Мундуз	—
	,,	Ичкилик	Канды	Кыдырша
	Базар-курганская	Сол	Мундуз	Таталтай
	,,	,,	,,	Утомыш
	,,	Он, тагай	Саяк	—

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Джалаль-абадский	Массинская	Сол	Мундуз	Дорга
	Наукентская	Сол	Кущу	—
	Майлисайская	Он, тагай	Койлон (джедыгер)	Асан
	,,	,,	,,	Усен
	,,	,,	,,	Кульджабаш
	,,	,,	Саяк	—
	Арымская	Сол	Сару	Сатыкей
	,,	,,	,,	Барын
	,,	,,	,,	Тюнтурт
	,,	Он, тагай	Багыш	—
	,,	Он, адигне	Сартдар	—
	,,	Он, тагай	Саяк	—
	Мустурская	Он, тагай	Сарыбагыш	Калмак
	,,	,,	Саяк	—
	Кенкол-карагырская	Он, тагай	Сарыбагыш	—
	,,	,,	Саяк	—
	Сусамырская	Он, тагай	Саяк	—
	Багышская	Он, тагай	Багыш	Чичар
	,,	Сол	Сару	Барын
	,,	,,	Ктай	—
	,,	,,	Кущу	—
	Баястанская	Ичкилик	Найман	Узун-етте
	,,	Он, тагай	Азык	Кучук
	,,	,,	Багыш	Кутлук-сеид
	,,	Сол	Сару	—
	Чаткальская	Он, тагай	Багыш (кутлук-сеид)	Ак-тонды
	,,	,,	,,	Сарыктай
	,,	,,	,,	Чертеней
	,,	,,	,,	Мунгал
	,,	,,	,,	Ак-куйнак
	,,	,,	,,	Кыпчак
	,,	,,	,,	Чальке
	,,	Сол	Сару	Барын
	,,	,,	Кущу	—

Название округа	Волость	Крыло и отдел	Отделение	П/отделение
Джаляль-абадский	Кутлук-сеидская	Он, тагай	Багыш (кутлук-сеид)	Мунгол
	,,	,,	,,	Кыпчак
	,,	Сол	Кущу	—
	,,	Он, могол	Могол	—
	Кызыл-джарская	Сол	Кырк-угул	Беш-каман
	,,	,,	,,	Агнай
	,,	,,	,,	Чаргана
	,,	,,	,,	Барке
	,,	,,	,,	Пишендер
	,,	,,	,,	Кырк-роу
	Кырк-угульская	Сол	Кырк-угул	Кельдей
	,,	,,	,,	Мачак
	,,	,,	Сару	Тампагар
	,,	,,	,,	Саткей
	,,	,,	Мундуз	—
	Саруйская	Сол	Сару	Юл-якши (джол-джакши)
	,,	,,	,,	Кашка-таман
	,,	,,	,,	Чуке
	,,	,,	,,	Тогуз-бай
	,,	,,	,,	Анда
	,,	,,	,,	Гетыру
	,,	,,	,,	Оготыр
	,,	,,	,,	Мусбурчак
	,,	,,	Кырк-угул	—

Э. А. Шмидт.

Материалы по родовому составу казакского населения юго-западной части Чимкентского уезда.

Предлагаемые в этой заметке вниманию читателя материалы о расселении казакских родов в пределах юго-западной части Чимкентского уезда [1] являются результатами моей поездки туда летом 1922 года.[2] Поездка была предпринята по поручению Этнографической Комиссии при СНК Туркреспублики и имела целью собрать материал для составления этнографической карты. В свое время собранные сведения и этнографическая карта посещенного мною района были представлены в Этнографическую Комиссию, но в виду ее ликвидации остались неизданными.

В этой заметке я, вместе с собранными мною тогда данными о расселении казакских родовых групп в посещенном мною районе, привожу также их ураны и тамги. Кроме того, мною были собраны сведения о том, в пределах каких родовых групп возможны или невозможны браки. Все эти данные приведены в прилагаемых таблицах.

Родовой состав казакского населения обследованных мною местностей уже был, в другой только форме, опубликован в „Материалах по киргизскому землепользованию" Переселенческого Управления.[3] Там для каждого населенного пункта приводится название „родоначальника" (т. е. название населяющей его родовой группы). Данные „Материалов" относятся к 1910 году и при сличении с моими записями дают возможность отметить происшедшие с того времени изменения. Я привожу эти данные во всех тех случаях, когда приводимые „Материалами" названия местностей совпадают с указанными в моих записях.[4] Ошибки при ото-

[1] Волости: Акташская, Казыгуртовская, Сарыкульская и Сырдарьинская.

[2] Все приводимые сведения относятся к этому времени. Произошли ли с тех пор какие-нибудь изменения, мне неизвестно.

[3] Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд. Т. I—II. Ташкент. 1908—1910. Т. I, стр. 134—158, Казыгуртовская волость. Т. II, вып. 2, стр. 320—349 и 356—374, волости: Акташская, Сарыкульская и Сыр-Дарьинская. (Поаульные таблицы).

[4] Здесь интересно будет отметить, что для Казыгуртовской волости данные моих записей и „Материалов" абсолютно расходятся. По моим сведениям, во всей этой волости живет один только род шегір (Старшей Орды). Между тем шегір не упоминается в „Материалах" ни при одной из зимовок этой волости. Каких либо подразделений у рода шегір мне установить не удалось.

ждествлении местностей вполне возможны, в виду очень неточной транскрипции географических имен в „Материалах“ и в виду происшедшего с тех пор переформирования административных аулов (старшинств).

Сведения собирались мною расспросным путем; из указанных в таблице местностей мною были посещены не все, а главным образом те из них, в которых именно в то время находились председатели волисполкомов. Обычно к председателю волисполкома вызывались лица, знающие родовой состав волости, со слов которых и производились записи. Имена дававших мне сведения лиц следующие: в Акташской волости—Нар-Мухаммад Ирекбаев (з. Бадам), Касымбек Саменов, Аралбай Табулов, Зульфукар Джангабаев, Аспан Егизбаев, Мухаммад Султанов (з. Кара-бастау); в Казыгуртовской волости: Тастамбек Есенкулов, Норумбет Есенкулов (Ат-булаkтың-басы); в Сарыкульской волости: Исламкул Тюрягельдиев (ур. Оiҕанаk); в Сырдарьинской волости: Ислам Бердалиев, Ахмат Джаманкараев, Телиш Тасыпов, Каскарбек Сегизбаев (Аk-булаk-арыk). Кроме поименованных, в сообщении интересовавших меня сведений обычно участвовали в большей или меньшей степени почти все присутствовавшие.

Во время сбора сведений встал вопрос, что принять за „населенное место“. Конечно, единственным определенным пунктом оседлости казакского населения является зимовка. Естественно было бы и принимать ее за „населенное место“. Вначале я так и вел записи—по зимовкам. Потом оказалось, что это неудобно, так как зимовки не имеют особых наименований, а называются либо по имени родовой группы, ее населяющей, либо по имени какого-нибудь уважаемого родовича, либо по имени местности или урочища, в котором она расположена. В виду такой неопределенности я потом стал, для ясности, принимать за населенные пункты урочища или местности, в которых расположены зимовки.[1]

Названия родовых делений, местностей и т. п. записывались фонетической транскрипцией, принятой в изданиях В. В. Радлова. В транскрипции несомненно имеется ряд недочетов, вызываемых недостаточным знакомством с казакским языком и отсутствием опыта в фонетических записях. Некоторая непоследовательность (например чередование *ч* и *ш* или ы̆ и ў) вызывается неопределенным произношением этих звуков, вследствие чего они в различных случаях воспринимаются различно.[2]

---

[1] В „Материалах“ Переселенческого Управления название зимовок приводится по аксакалу, а рядом приводится название местности, в которой они расположены.

[2] Насчет звука *ш* можно сделать общее замечание, что он произносится в этой местности средне между *ч* и *ш* с отклонением в ту или другую сторону, чаще в сторону *ч*. Нельзя ли в этом видеть влияние соседнего узбекского (сартского) языка, как предположил проф. С. Е. Малов?

Перехожу теперь к таблицам. Первая дает список родов[1] с их подразделениями и указывает населяемые ими местности, отдельно для каждого подразделения. Рядом указываются названия родовых групп, населяющих ту или иную местность по данным упоминавшихся уже „Материалов“ Переселенческого Управления.

К этой таблице нужно сделать несколько примечаний. Так, родовые группы кереі и wak обозначены у меня, как колена рода арƃын. Между тем почти всеми исследователями они считаются либо за два отдельных самостоятельных рода, либо за образующие вместе один самостоятельный род.[2] Исключение составляет родословная таблица, приложенная к „Материалам по киргизскому землепользованию района р. Чу и низовьев р. Таласа“ (Ташкент, 1915), которая приводит таракты, уак и керей как колена рода арƃын. Интересно, что у кереі и wak, по Гродекову, существуют ураны акджул и караходжа, т. е. как раз ураны рода арƃын.[3] Казаки посещенного мною района считали kаракесек, кереі и wak потомками Арƃына от второй жены, между тем как kуандŷk и сӧŷндŷk считались потомками его от первой жены.

В виде самостоятельных отдельных родовых групп, стоящих вне Орд, мною приводятся kоца, тӧрӧ и тӧlӧңŷт. Первые два составляют так называемую „белую кость“ и обычно известны под именем ходжей и султанов. Тӧlӧңŷт же едва ли можно отнести к „белой кости“, хотя они и занимают такое же обособленное положение. Это—бывшие слуги и джигиты у тӧрӧ. По мнению Радлова, таковыми вначале вероятно были военнопленные телеуты.[4] Гродеков[5] приводит их название в форме туленкуты и считает, что это название выходит из употребления, чего я сказать не могу—оно еще существует, хотя со времени издания книги Гродекова прошло более 35 лет. Левшин считал, что они „принадлежат вообще к простому народу, и пользуются одинакими с ним правами“.[6] Может быть, это и так, но во всяком случае их, равно как и представителей „белой кости“ kоца и тӧрӧ, можно считать

---

[1] Название род, равно как и другие наименования родовой терминологии, употребляется мною совершенно условно, просто для обозначения известной единицы в ее отношении к ее подразделениям, так как четко установленной в этом отношении терминологии я в литературе не нашел.

[2] Левшин. Описание киргиз-казачьих орд и степей, ч. III, Спб. 1832, стр. 9. По его данным в состав Увак-Гирейского поколения входит еще род тараклы. Срв. также Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей (Живая Старина, год шестой, Спб., 1896), стр. 353 сл., 369, 371. Отдельными родами Средней Орды считает уак и керей также Тынышпаев (Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925, стр. 3).

[3] Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Ташкент, 1889. Приложения, стр. 2.

[4] Опыт словаря тюркских наречий, III, 1262. Срв. также Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен, стр. 372.

[5] Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, стр. 6.

[6] Описание киргиз-казачьих орд и степей, ч. III, стр. 12.

как бы за отдельные родовые единицы, роды, стоящие вне Орд. Такого же, повидимому, взгляда придерживался Аристов, говоря о составе Букеевской Орды. Перечислив входящие в нее роды, он продолжает: „кроме этих 16 родов, в букеевской орде есть роды султанский (потомки ханского дома, чингизиды), ходжей (духовенство), тюленгутов (дружинники и бывшие рабы чингизидов)...“ [1]

Вторая таблица заключает в себе список тамг и уранов, употребляемых казакскими родами юго-западной части Чимкентского уезда. Тамги в этом районе—понятие всем известное и до сих пор в ходу, в отличие от некоторых других местностей, в частности Ташкентского уезда (в северной его части), где при опросе приходилось сперва объяснять, что такое тамга.

Не все записанные мною ураны и тамги совпадают с указываемыми у других авторов. Так, уран рода сёргеlе по Гродекову [2] и Тынышпаеву [3]—туганаз, а не бахтіар, как записано у меня. По моим записям тоҕанас—уран шалдар, одного из подколен р. сёргеlе. Уран кыпшаk, вместо записанного у меня оібас, у Гродекова [4] в форме уйвас, а у Тынышпаева [5]—айбас. Для teleў Тынышпаев [6] приводит ураны тулпар и аргымак, а Гродеков [7] вдобавок еще ханзада. Уран тӧрӧ, по Тынышпаеву,[8]—архар, а среди арҕынов—аблай и среди найманов—санхай. Уран тӧlӧңӱт ни у кого не упоминается.

Переходя к тамгам, отмечу, что тамга рода сёргеlе в Ташкентском уезде мне показывалась другая, а именно ⌗ сёрге-тамҕа, а в другом месте—ϒ аір-тамҕа. У Гродекова [9] приводятся целых 4 тамги рода сёргеlе и все отличные от приведенных мною. Еще другие варианты встречаются у Тынышпаева.[10]

Приведенная у меня тамга рода наіман (балта-тамҕа) по всей вероятности тамга не всего рода наіман, а только его колена балталы̆.[11] Для рода наіман Тынышпаев [12] и Гродеков [13] (по Левшину) приводят совершенно другие тамги.

---

1 Заметки об этнич. составе тюркских племен, стр. 385.

2 Киргизы и каракиргизы, приложения, стр. 2.

3 Материалы к истории киргиз-казакского народа, стр. 29.

4 Цит. место.

5 Цит. место.

6 Цит. соч., стр. 30.

7 Цит. место.

8 Цит. место.

9 Киргизы и каракиргизы, приложение № 2. Список тамг.

10 Цит. соч., стр. 29.

11 См. Тынышпаев, Мат. к истории, стр. 29. Также Гродеков, Киргизы и каракиргизы, приложение № 2. Список тамг.

12 Цит. место.

13 Цит. место.

Для рода kоңрат Гродеков [1] и Тынышпаев [2] единогласно дают тамгу ⊓ (босага).

Тамгу рода kыпшаk Тынышпаев [3] изображает || (кос-алп), а Гродеков [4] дает оба варианта: | и ||. Первый дается также Левшиным.[5]

Третья таблица—экзогамический брак между казакскими родами—должна дать представление о том, внутри каких родовых групп можно или нельзя заключать браки. Зависит это, повидимому, от численности данной родовой группы и отчасти от того, имеет ли она дальнейшие подразделения или нет. Как известно, казаки принадлежат к числу народностей с резко выраженным экзогамическим браком, и вступить в брак с девушкой своего колена (или другого какого родового подразделения) считается у них предосудительным.

Исключение составляет так называемая „белая кость", представители которой, несмотря на отсутствие теперь у нее всякого значения, все-таки избегают отдавать своих дочерей за простых казаков. Так мне рассказывали казаки в посещенной мною части Чимкентского уезда. Гродеков же уже несколько десятков лет тому назад писал, что „браки заключаются ныне между белою и черною костью беспрепятственно". [6]

У тӧlӧңӳт брак внутри их рода возможен.

В заключение интересно привести еще замечание, помещенное в „Материалах по киргизскому землепользованию": браки совершаются между всеми родами безразлично, хотя предпочитают выдавать девиц за членов своей Орды.[7]

---

[1] Цит. место.

[2] Цит. место.

[3] Цит. место.

[4] Цит. место.

[5] Описание киргиз-казачьих орд и степей, ч. III. Тамги, или знаки, употребляемые киргиз-казаками вместо подписей и клейм. (Таблица).

[6] Киргизы и каракиргизы, стр. 5.

[7] Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа, Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915, стр. 17.

Таблица 1-я.

Расселение казакских родов в юго-западной части Чимкентского уезда.

№№ по порядку	Род	Колено	Подколено	Места расселения	Название родовой группы, населяющ. данную местн. по данным „Материалов“ Пересел. Упр.
	Старшая Орда				
1	Cĕpгele	Baiöly̆	Elібаі	зим. Сасык	Сергеле
				з. Ӱш-бастау-ашшы̆	Сергеле
				з. Чанак	Сергеле
			Аітбозум	з. Сасык	Сергеле
			Ц̧аң̧абаі	з. Ӱш-бастау-ашшы̆	Сергеле
				з. Тоҕӯнас	
			Шалдар		
			1. Коісоі	з. Сасык	Сергеле
				з. Еспені-кызыл-ц̧ары	
				з. Тоҕанас-кара-мурун	
				з. Шубар	Сергеле
			2. Чоман	з. Бӯгӯн-ц̧ары-булак	
			3. Коң̧ур	з. Кöl-бастау	Сергеле
			Ц̧аідак		
			1. Алпар	з. Бöрӯ-ц̧ар	
				з. Ӱш-кудук	Сергеле
			2. Турсунаі	з. Кеікімен	Сергеле
			3. Ітемген	з. Сауршы̆	Сергеле
				з. Чöрӯк	Сергеле
				з. Аң̧кыі	
			Батыр		
			1. Кудаі-берді 2. Бердібаі	з. Ак-булак	Сергеле

№№ по порядку	Р о д	Колено	Подколено	Места расселения	Название родовой группы, населяющ. данную местн. по данным „Материалов“ Пересел. Упр.
		Ўштамғалы	Акко̆ңўрдўк		
			1. Ц̧еңеlдi	з. Кызыл-сеңiр	Сергеле
				з. Аi-кöl	Сергеле
			2. Маңлаi	з. Кызыл-сеңiр	Сергеле
				з. Аi-кöl	Сергеле
			3. Ўшкара	з. Сауршы̆	Сергеле
			4. Коц̧амбердi	з. Ак-тас	Сергеле
				з. Кара-бастау	Сергеле
				з. Сасык	Сергеле
			5. Кудас	з. Аi-кöl	Сергеле
			Тутамғалы	з. Тутамғалы	
			Каiшы̆лы	з. Ашшы̆	Сергеле
2	Шегiр			Ц̧енишке-саi	Абдрас
				Кара-кыjа	Абдрас
				Ат-булак	Байназар
				Ашшы̆	
				Кара-тас	Чимир
				Ц̧еlбiiке	Акмантей
				Маiрам-ата-саi	Манчлай
				Кара-тас-саi	Минджасар
				Ц̧антакты-саi	
				Аңрата-саi	
				Че.тер-ата-саi	Кармыс
				Кöздў-ата-саi	Дженет
				Lеңер-саi	Байсакал
	Средняя Орда				
3	Арғын	Куандўк	Алтаi	з. Ак-саi	
				з. Кара-бастау	
			Бöршö	з. Бадам	Сергеле
			Темiш	з. Бадам	Сергеле
		Сöўндўк		з. Кара-тöбö	
		Каракесек		з. Тастак	
		Керei		з. Бадам	Сергеле
				з. Куру-бöрўц̧ар	
		Wak		з. Ак-саi	
		Тобуктў		з. Куру-бöрўц̧ар	

№№ по порядку	Род	Колено	Подколено	Места расселения	Название родовой группы, населяющ. данную местн. по данным „Материалов“ Пересел. Упр.
4	Наіман	Балталы̆		з. Куру-бӧрӯ-цар	
				з. Бок-каінат	
				з. Тумсук	
		Шегідік		з. Куру-бӧрӯ-цар	
				з. Бок-каінат	
		Тоң̧улат		з. Куру-бӧрӯ-цар	
				з. Шубар	
5	Коң̧рат	Кӧшӯк		Ак-булак-арык	
				ур. Бок-тӧ̄лӧн	Конрад
				оз. Туздуң̧-дӧңӯ	
				Узун-кудук	Конрад
				Тӧрт-кӧ̄l	Конрад
				Сӯткӧт	
				ур. Ц̧еңіl-чаҕанак	Конрад
				ур. Аіҕуруз-шыккан	
		Токбулат		Токбулат-арык	
				ур. Оіҕанак	
				ур. Аман-цар	
				ур. Іт-арка	
				Кара-сеңір-кудук	
				ур. Кара-гӯl	Конрад
				Аі-коца-кудук	
				ур. Ц̧ау-токкан	
		Ц̧андар	Кара	Бӧрӯ-цар	
				ур. Заҕуl	
				ур. Караспан	Утес
				ур. Оіҕанак	Каракултай
				оз. Сары-кӧ̄l	Сюттыбай
				ур. Ц̧анама	Конрад
			Чорапал	Бӧрӯ-цар	
				ур. Кескен	Конрад
			Ц̧олдервіс	ур. Кескен	Конрад
			Сарымбет	Кӧк-кӧl	
			Кӧ̄lӧгӧн	Такыр-гӧl	Конрад
			Подколено неизвестно	ар. Кара-тӧбӧ̄	
				Бакырша-саі	

№№ по порядку	Род	Колено	Подколено	Места расселения	Название родовой группы, населяющ. данную местн. по данным „Материалов“ Пересел. Упр.
				ур. Ц̧еңіl-шаҕанаk	Конрад
				ур. Kӧk-kӧl	
				ур. Тар-тоҕаі	Конрад
				Бӧршўк	
				Kызыл-ц̧ар	Конрад
		Алҕыі		Тесі̆п-арыk	
				ур. Баіраҕум-тоҕаі	
				ур. Баі-тоҕаі	Конрад
				ур. Раң̧ды-тоҕаі	Конрад
				ур. Шеттi-тоҕаі	
				Ц̧аң̧а-kудуk	Конрад
				Kос-kудуk	Конрад
				Тас-kутан-kудуk	Конрад
				кол. Местегет	
				Kум-kудуk	
				Караның kудуkы	
		Kуlшаҕаш	Тассары̆	Таздар-арыk	
				Сары̆-арыk	
				ур. Ӧрпӧk	
				ур. Топшаkты	
			Дўсӧмбӧ	ур. Kараспан	
			Ц̧ортпас	Ц̧аң̧арыk	Утемыс
				Еспе-саі	
				ур. Карҕалы	Утей
				Ц̧арты̆-тӧбӧ	Конрад
				Ц̧енkіl	
			Подколено неизвестно	ур. Ц̧аңсаk	
				ур. Ц̧ары̆	
				ур. Сазан-тӧбӧ	
				ур. Kӧk-сараі	Конрад
				ур. Kара-ц̧антаk	
				ур. Ц̧олбарсты̆	
				Kос-теін	
6	Кыпшаk	Кулан		з. Kуру-бӧрўц̧ар	
				з. Орда-басы	

№№ по порядку	Род	Колено	Подколено	Места расселения	Название родовой группы, населяющ. данную местн. по данным „Материалов“ Пересел. Упр.
	Младшая Орда.				
7	Телеў			Телеў-арык	
	Вне Орд.				
8	Коц̣а			Коц̣а-арык ур. Коц̣а-тоҕаі ур. Дарбаза ур. Ц̧еңіl-шаҕанак	 Ходжа Ходжа
9	Тöрö			Тöрö-арык ур. Ц̧еңіl-шаҕанак	
10	Тölöңўт			ур. Ц̧еңіl-шаҕанак	

Таблица 2-я.

Ураны и тамги казакских родов, населяющих юго-западную часть Чимкентского уезда.

№№ по порядку	Род	Колено	Подколено	Уран	Тамга: Изображ.	Тамга: Название	Примечания
	Старшая Орда						
1	Сёргеlе			бахтіар	☓	сёрге-тамҕа	
		Баiölў	Еlібаі Аітбозум Ц̧аңабаі Шалдар Ц̧аідак Батыр	еlібаі баітемір ц̧аңабаі тоҕанас даубаі еспулаі			
		Ўштамҕалы			Ψ	аір-тамҕа	В Ташк. у. мне называли уран ц̧абаі

№№ по порядку	Род	Колено	Подколено	Уран	Тамга Изображ.	Тамга Название	Примечания
			Акконӳр-дӳк	tailak			
			Тутамђалы	акшабдар			В Ташк. у. мне называли уран акмрза
			Каiшылы	баiсӳгӳр			
2	Шегiр			акпан			В Ташк. у. мне называли уран tölö
	Средняя Орда.						
3	Арђын			акцол, каракоца	○ ○	кöз-тамђа	
4	Наiман			каптађаi	⏢	балта-тамђа	
5	Коҥрат			алатау	|	кöсöӳ-тамђа	
		Кöшӳк		торђоут	♀	дöҥölöк-тамђа	
		Токбулат		калау			
		Цандар		табылды, карынтаi			
			Кара		○ ○	дöҥölöк-тамђа	
		Алђыi		бекмӳрза, саурамбаi			
6	Кыпшак			оiбас	|	еliп-тамђа	
	Малая Орда.						
7	Teleӳ			teleӳ (?)			
	Вне Орд.						
8	Коца			коца-ахмат			
9	Тöрö			аблаiхан			
10	Тölöҥӳт			аблаiхан			

Таблица 3-я.

Сведения об экзогамическом браке среди казакских родов юго-западной части Чимкентского уезда.

№№ по порядку	Род	Родовые подразделения	
	Старшая Орда.		
1	Сĕргеlе	Elібаі Аітбозум Ц̧аңабаі	Брак невозможен в пределах этих трех подколен.
		Шалдар	Брак невозможен внутри этого подколена.
		Ц̧аідаk Батыр	Брак невозможен в пределах этих подколен.
		Аkköң̧ÿрдÿк	Брак невозможен внутри этого подколена.
		Тутамђалы	” ” ” ” ”
		Каішы̆лы	” ” ” ” ”
2	Шегір		Брак невозможен внутри этого рода.
	Средняя Орда.		
3	Арђын	Алтаі	Брак невозможен внутри этого подколена.
		Бöршö	” ” ” ” ”
		Теміш	” ” ” ” ”
		Сöўндўк	Брак невозможен внутри этого колена.
		Каракесек	” ” ” ” ”
		Кереі	” ” ” ” ”
		Wak	” ” ” ” ”
		Тобуkтў	” ” ” ” ”
4	Наіман	Балталы̆	Брак невозможен внутри этого колена.
		Шегідік	” ” ” ” ”
		Тоң̧улат	” ” ” ” ”
5	Коң̧рат	Кöшўк	Брак невозможен внутри этого колена.
		Тоkбулат	” ” ” ” ”
		Ц̧андар	” ” ” ” ”
		Алђыі	” ” ” ” ”
		Куlшађаш	” ” ” ” ”
6	Кыпшаk	Кулан	Брак невозможен внутри этого колена.
	Младшая Орда.		
7	Телеў		Брак невозможен внутри этого рода.

Н. Н. Иомудский Караш-хан оглы.

Из народного предания туркмен.

О родословной туркмен-иомудов.

I.

Старые туркмены на заданный им вопрос: „Каково твое происхождение?“ обычно отвечали: „У меня есть за пазухой моя родословная“—и, если это было необходимо, извлекали из-за пазухи сверток, тщательно замотанный в пропитанный потом и засаленный от долгой носки на теле платок. Там оказывалась тетрадка из пожелтевшей бумаги, вдоль, поперек и по полям исписанная мелким почерком; видно было, что эта тетрадка много раз прочитывалась не только ее владельцем, но и многими другими, как хорошо грамотными, так и малограмотными; о последнем свидетельствовали следы полосок от пальцев, которыми читавшие тщательно водили по строчкам, сделав промежутки между ними гладко лоснящимися.

Когда эта тетрадка от времени, от носки ее за пазухой и от частого чтения приходила в ветхость, то ее переписывали; переписанный экземпляр носили за пазухой, но подлинник не уничтожали, а прятали, в прежнее время—в хуржум, а в позднейшее—в сундук на хранение. Эта тетрадка переходила по наследству и тщательно хранилась старшим в семье, как родовая реликвия.

Эта-то тетрадка и была родословной (седжре) племени, рода или колена. По обыкновению, автор родословной своего имени не называл, и подписей там никаких не было; также остается неизвестным, было ли это творением одного лица или коллективным. Только в редких случаях, когда родословная писалась по повелению кого-нибудь из властителей, ставилось имя последнего.

Однако, мы говорим не об этих родословных, составленных отдельными владетелями или по повелению правительства, а исключительно о народных родословных (седжре), имеющих широкое распространение в глухих степях среди масс народа. Родословные эти пишутся особым стилем, в довольно причудливой форме, напоминающей несколько древне-библейские сказания; в конце описания известного периода непременно стоит фраза, как бы заменяющая точку: „Это слово в этом

месте пусть стоит". Затем очень часто встречается восклицание-обращение, вроде: „Ой люди, хорошо вкладывайте в свои уши!" (т.-е. хорошо слушайте). По этим обращениям и по начальным словам периодов— „Да будет всем известно"... видно, что авторы родословных желали, чтобы таковые стали достоянием всего народа, чтобы каждый туркмен знал о своем происхождении и твердо помнил его.

Данные этих родословных обыкновенно совпадают с историческими литературными данными, однако, имена крупных исторических лиц и, особенно, легендарных героев часто заменяются их прозвищами (лакам).

С половины XIX столетия число таких родословных значительно уменьшилось, и далеко не у каждого туркмена можно найти за пазухой седжре его народа; эти родословные большей частью хранятся теперь в сундуке у ахунов, хорошо грамотных людей и любителей старины, которых имеется среди туркмен немалое количество. Эти родословные ревниво охраняются их владельцами, показываются не всякому желающему и на руки другому лицу никогда не выдаются, а лица. имеющие на руках такую родословную, опираются на нее в случае каких либо споров среди родов, как на непреложный документ.

Хотя родословных теперь на руках имеется ограниченное количество, но в народе всегда точно знают, у кого родословная имеется и где ее можно найти. Если владелец родословной вам доверяет и вы желаете иметь у себя на руках экземпляр таковой, то он вам даст возможность переписать эту родословную или сделает это сам, но только у него на дому, и не разрешит вам взять его экземпляр и унести куда либо для переписки.

Как-то давно, в Астрабадской провинции, в ауле Омчалы на реке Гюрген, в библиотеке известного всем в этом районе Нури-ахуна я рассматривал старинные книги, имевшиеся у него в большом количестве и доверчиво им предоставленные мне для обозрения. Среди этих книг я нашел пожелтевшую от времени старую тетрадку, старательно сшитую из особой глянцевитой бумаги (вроде пергаментной) и исписанную крупным красивым арабским почерком. Текст оказался туркменским, а в заголовке стояло: „Родословная иомудов".

С разрешения Нури-ахуна, тогда же сын его Кочек снял копию с этой родословной, и сам ахун подарил мне этот переписанный экземпляр.

По словам Нури-ахуна, эта родословная составлена была очень давно (к сожалению, даты ее написания на тетрадке не имелось). Досталась она ему от предков по наследству, но сам он не мог установить даже приблизительно времени написания этой родословной, сообщив мне, что и отец его, давно умерший, также не знал, когда и кем она была написана.

Нури-ахун также не знал, является ли принадлежащая ему родословная подлинником или копией. Он сообщил мне, что у туркмен вообще не пишется на такого рода документах копия это или подлинник, также не ставится даты написания родословной или снятия копии с нее; в этих родословных далеко не всегда имеется имя ее автора, по той простой причине, что автором обыкновенно является не одно лицо, так как целый ряд лиц принимает участие в ее создании в течение многих и многих лет. В далеком прошлом какой либо грамотный почтенный туркмен, интересующийся своим прошлым, путем расспроса начинает собирать сведения о своих предках и разных событиях их жизни и все это записывает; все сведения собираются из устных преданий, а также из найденных разновременно писем, записей и других письменных источников; эти записи такого первобытного изыскателя тогда же становятся достоянием всех его сородичей, а часто и всего племени, так как туркмены чтят память своих предков и чрезвычайно интересуются самыми ничтожными сведениями, касающимися прошлого их отцов, предков и всего рода. Как скоро разойдется слух, что у кого либо имеется запись или сведения о прошлом его рода, это лицо беспрерывно посещается туркменами, его расспрашивают, записи его многократно читаются, запоминаются, переписываются, размножаются и быстро распространяются в народе. Сам изыскатель принимает во всем этом живейшее участие, он горд своей ролью, а потому охотно читает свои записи и рассказывает всем желающим обо всем, что только он знает о прошлом.

Нередко полученные им сведения и записи исправляются, пополняются, если он получает надлежащие и достоверные указания от своих слушателей или таких же, как и он, добровольцев - изыскателей, и в конечном итоге, в течение нескольких лет у этого изыскателя получается исправленная и отличающаяся достаточной достоверностью историческая запись о происхождении его предков, его рода и о сопровождавших их жизнь наиболее выдающихся событиях. Если эта запись не является просто описанием отдельного исторического эпизода или события, то она и получает название „седжре“ (родословная).

Необходимо указать, что у туркмен предание всегда крепко хранилось в памяти многих лиц и передавалось из поколения в поколение. Всегда бывали такие туркмены, которые специально посвящали себя собиранию преданий, отлично запоминали их, охватывая огромный период в прошлом. Эти любители прошлого обращались в специалистов; они почти никогда не оставались на одном месте, а бродили по всей степи, посещая различные роды туркмен, и при первом удобном случае охотно повествовали всем и каждому о прошлых временах. Всюду в степи они были желанными гостями, и всегда вокруг них толпился народ, жадно слушая сказания про своих отцов, легенды об их происхождении и о героическом их прошлом, чтобы передать об этом своим детям и сороди-

чам. Кроме того, скитаясь вечно по необозримым степям, эти собиратели преданий отлично знали современную жизнь всех родов, все крупные события и происшествия, а потому были не только хранителями преданий, но и бытописателями современной жизни.

Туркмены, носители преданий, обладают поразительной памятью и знают события за сотни и десятки сотен лет; их сведения о прошлых событиях и именах настолько точны и правдивы, что всегда совпадают с научными историческими данными, и приходится удивляться, как правильно предания фиксировали прошлое со всеми его деталями.

Как на яркий пример я укажу на одного старика туркмена, живущего в наши дни. Это Ходжа Назар Куль Сеид Мамед оглы, туркмен-иомуд рода бага, живущий на колодце Кара-чагил, у ст. Ягман Джебельского района, у подножия Больших Балханов. Ему под 80 лет, он на оба глаза почти слепой, но и теперь еще бродит по степи и ловит в капканы диких животных и птиц. Он знает прошлое иомудов за восемь веков, любит рассказывать о нем, и до сих пор народ охотно собирается слушать его повествования. Знание исторических имен и событий у него поразительное.

Мне удалось записать и издать рассказанную им легенду о прекращении течения реки Аму-дарьи в Каспийское море и об Узбое; данные этой легенды поражают своей точностью и интересом. [1] Рассказам его нет конца.

Родословные и в данное время еще не потеряли своего значения, и многие туркмены хранят их и дорожат ими. „Седжре" впоследствии будет интересовать туркмен несомненно только с точки зрения исторической, но в данное время среди всей массы туркмен „седжре" играет существенную роль, так как эта масса живет в условиях родового быта, и почти вся жизнь туркмен еще регулируется родовым началом как в области экономической, так и в общественно-бытовой. Помимо этого, туркмены вообще любят изучать свое происхождение до мельчайших подробностей и извилин своих родословных линий и устанавливать родство по кости как между отдельными лицами, так и между группами, коленами, родами и племенами.

Родословная часто очень точно указывает имена родоначальников, а затем по нисходящей линии имена отцов и матерей и их происхождение, а потому часто бывает возможно установить по родословной те пути, по которым происходит прилив посторонней крови к туркменам, и то, чем вызваны и на чем основаны существующие группировки.

По родословной также вполне возможно выяснить историческое происхождение наименований родов, племен. Она же нам раскрывает тайные до сих пор смысл и значение этих родовых и племенных имен

---

[1] Издано в ташкентском журнале „Наука и Просвещение" за 1922 г. август и сентябрь, № 1, стр. 7.

и названий. Из родословной мы устанавливаем, что эти имена и названия не являлись случайными, а объяснялись каким либо событием и имели определенное значение в жизни того или иного рода, колена, племени.

II.

Перед нами родословная туркмен-иомудов, экземпляр которой (копия рукописи) был получен нами от Нури-ахуна.

В этой родословной подробно перечислено и поименовано все потомство прямого родоначальника туркмен-иомудов, которые и свое родовое наименование получили именно от этого родоначальника, носившего имя Иомуд. В родословной кратко говорится о предках Иомуда, а затем подробно перечисляются все его сыновья, внуки, правнуки и все нисходящее потомство их до наших дней, но только по мужской линии.

Мы не будем здесь излагать генеалогию иомудов, а остановимся на самой родословной и отметим ее особенности.

Предание говорит, что туркмены-иомуды, как и все остальные роды туркмен—теке, сарыки, салыры, геокланы, емрели, чаудур, эймир, карадашли, диеджи и др.—суть тюрки племени огуз.

Ближайшим общеизвестным родоначальником туркмен предание и народные сказания называют Салыр-казана и отмечают, что он был человек благоразумный и гениальный. Салыр-казан имеет в потомстве прозвище Таухан-тюрк, так как он происходит из ветви Таг-хана, одного из сыновей Огуз-хана.

Среди туркмен пользуются большой популярностью и твердо сохраняются в памяти имена двух сыновей Салыр-казана, а именно: Сююн-хан и Эссен-хан. Все современные туркмены считают себя ближайшими потомками именно этих двух сыновей Салыр-казана и делят себя на детей Сююн-хана и Эссен-хана.

Иомуды считают себя детьми Сююн-хана, у которого было еще прозвище „Алп". О нем в народе существует много легенд, и его личные качества служат и ныне мерилом твердости воли и характера, как это отражено в некоторых поговорках и пословицах.

Во все времена у туркмен был принят и чрезвычайно распространен обычай давать многим и очень многим, кроме имен, еще и прозвища—лакам. Обычно прозвища даются мужчинам, но иногда и женщинам. Одна туркменская пословица („мужчина без прозвища не бывает, женщина без осуждения не бывает") определенно указывает на это. Эти прозвища во многих случаях совершенно вытесняют имена, которые со временем забываются, и данное лицо все знают не по имени его, а по прозвищу. Прозвища даются неизвестно кем и часто отражают или характер человека, носителя этого прозвища, или его внешность, его достоинства, недостатки физические или моральные, или

события в его жизни, или вообще какие либо особенности данного лица, резко выделяющие его из окружающей среды.

Весьма часто род или колено и вообще родовая группа нисходящего потомства данного лица получает свое название по такому прозвищу своего предка, и это название имеет историческое значение.

Прозвища выдающихся лиц попадают в пословицы и поговорки, и тогда такие прозвища становятся именами нарицательными.

Так, например, Сююн-хана прекрасно знают вообще туркмены, но особенно твердо прямые его потомки—иомуды, теке и др., которые, как видно из родословной, всегда называют себя детьми Сююн-хана, а геокланы —детьми Эссен-хана. Между тем прозвище Сююн-хана—„Алп", судя по той же родословной, как будто утратилось, и народным массам уже неизвестно. Однако, мы встречаем в поговорке туркмен это имя—Алп, как нарицательное, обозначающее человека сильного духом, волей и вообще крепкого. Поговорка в переводе гласит: „Мое сердце лошади взято, а мой дух Алпа обратился в воду". Это изречение требует некоторого пояснения: у туркмен единицей меры крепости сердца служит крепость сердца лошади, как высшая мера; единицей меры бодрости и душевных сил человека служат духовные силы Алпа, так же, как высшая мера, идеал. Вследствие этого, когда с кем либо случится несчастие, и он утратит бодрость, энергию, его душевные силы будут разбиты, и он потерпит крушение, а по туркменски „сердце его погибнет", и этот человек не является заурядным, то, желая сильнее выразить величину утраты, туркмены говорят: „У него погибло сердце лошади, а дух Алпа обратился в воду".

Названия различных родовых групп туркмен возникали постепенно, и обычно это название было именем или же прозвищем кого либо из предков. При этом неизвестно, почему родовым группам нередко присваивалось название по имени какого либо предка, ничем особенным не выдававшегося, а не другого, имевшего особо выдающиеся качества и весьма популярного в туркменских преданиях.

Так, например, имя известного в истории Огуза было присвоено тюркам и составляло племенное название, но со временем утратилось. Салыр-казан, по преданию, родоначальник туркмен, но его именем называется только небольшая группа туркмен—салыр. Далее, ни Сююн-хан или Алп, ни Эссен-хан не дали своего имени ни одному из родов, тогда как по имени их потомков и до сего времени называются *целые роды—теке, иомуд, сарык и др.*

И в потомстве Иомуда по нисходящей линии есть целый ряд более мелких родовых делений, которым присвоены названия по именам отдельных лиц из потомков Иомуда, но далеко не всегда выдающихся.

Туркмены внимательно следят за чистотою своей крови, знают подробности о примесях посторонней путем брака в их роду, а потому и в родословной иомудов мы встречаем подробные указания на

то, кто и какого происхождения была жена того или иного родоначальника; особенно внимательно указывается, была ли жена такого-то предка чистой туркменкой (иг) или посторонней крови.

Вследствие долгого исторического соприкосновения и борьбы туркмен с арийцами-иранцами и захвата в плен иранских женщин (персианок), постоянно совершались браки туркмен с последними, а потому приток персидской крови среди туркмен был особенно значителен.

Однако, жены-персианки всегда отмечаются и носят особое название—„кырнак", что-то вроде „наложницы", хотя с ними тоже совершался брак (никах) по обряду мусульман-суннитов, и этот союз туркмена с персианкой не бывает просто сожитием, а есть брачный союз; как сама кырнак, так и ее дети от туркмена всегда были на правах законных жены и детей, но с некоторыми ограничениями в своем общественном положении. Дети такой кырнак носили название „куль", в отличие от чистокровных туркмен—„иг".

Бывали случаи, что в плен попадали персианки очень знатного рода, даже царского, и такие пленницы обыкновенно доставались самым видным туркменам, начальникам рода, а потомство от этого брака впоследствии составляло самостоятельную родовую группу, но в преданиях все-таки сохранялось свидетельство (сказание), что вся эта родовая группа—„кули".

Надо сказать, что у туркмен только жены персианки назывались „кырнак" и ограничивались в правах, а жены татарки, узбечки и другие не носили этого названия и были равноправны с женами туркменками.

В родословной вообще о женах родоначальников упоминается только в случаях особенных и когда это имеет важное значение или для истории, или для определения чистоты крови. Так, например, о женах Салыр-казана, Эссен-хана и других мы в родословной ничего не находим, но о женах Сююн-хана или Алпа мы находим в этой же родословной целое повествование, из которого узнаем, что Алп имел двух жен „иг" и одну „кырнак". Эту „кырнак" звали Кара-гёз, и была она дочерью шаха из Ирана.

Далее предание упоминает, что от Кара-гёз родился сын, по имени Теке, от которого и происходит род теке. Современные теке не совсем согласны с этим и даже протестуют против этого, из чего можно заключить, что у туркмен существовало особое отношение к „кырнак" и ее потомству— куль", как к существам, которые не равны чистокровным туркменам.

Обратного явления—когда чистокровная туркменка выходит замуж за перса, вообще арийца, и от этого брака происходит потомство нечистокровных туркмен—вообще не бывает, так как женщину-туркменку—иг—никогда не выдавали замуж ни за перса, ни за метиса—куль.

В предании иомудов мы находим единственный, исключительный случай, когда туркменка иг вышла замуж за куля, хотя и знатного по происхождению. Это необычайное для туркмен явление произошло под давлением особо серьезных обстоятельств и по личной воле взрослых женщин, без ведома отца, мужа или братьев, которых при этом событии не было; это событие носило характер сделки; предание сохранило его нам в следующей версии.

Алп неожиданно умер, а еще при жизни своей он для сохранности зарыл в землю большое богатство—деньги, золото и серебро. О том, что после смерти осталось огромное богатство зарытым в землю, знали все его близкие и родные, а особенно его жены, но где оно было зарыто—никто из них не знал, кроме одного раба (куля) Алпа, по имени Кара-бўра. Последний был пленником Алпа, по происхождению своему—иранец, фарс очень знатного рода. Кара-бўра пользовался полным доверием Алпа, был близок к нему и всюду его сопровождал. Он зарывал эти богатства совместно с Алпом и знал, где они были погребены.

Все наследники Алпа обратились к Кара-бўра с просьбой указать место, где зарыты богатства и помочь их найти. Кара-бўра не скрывал, что ему известно местонахождение сокровищ, но решил воспользоваться этим обстоятельством для улучшения и закрепления своего положения. Он согласился указать, где лежат богатства и добыть их, при условии, если одна из вдов Алпа (Сююн-хана)—иг—согласится выйти за него замуж, и затем его будущее потомство мужского пола будет признано равноправным с сыновьями Алпа. На семейном совещании постановили, что старшая вдова Алпа должна выйти замуж за Кара-бўра, чтобы спасти для всей семьи зарытое богатство, и ей пришлось согласиться выйти за „куля". По выходе замуж вдовы Алпа за Кара-бўра, последний добыл богатства из земли, и его поделили по обычаю, но оставили часть и для возможного в будущем сына Кара-бўра. Через несколько времени у вдовы Алпа от Кара-бўра родился сын, и его назвали Е м р е л и. Его посчитали братом сыновей Алпа, то есть тюрком, как бы „игом". Затем потомство Емрели образовало самостоятельный род—емрели, который называет себя туркменами и считает себя близким туркменам-иомудам, так как их мать—вдова Алпа—была также матерью Иомуда. Живут емрели в Хорезмине, у Ильяли. Однако, другие туркменские роды, прямые потомки Алпа, признают род емрели только молочными братьями—„сюитляш", как имеющий общую с ними мать, но разных отцов.

Родословная, точно указывая происхождение каждого родоначальника и его потомства и определяя, насколько они чистокровны или нет, так же точно определяет, какие роды принадлежат по своему происхождению к туркменской народности, а какие, не будучи туркменами, просто поселились между ними и со временем приняли племенное название туркмен.

В данное время в Хорезмине, среди родов иомудов ветви карачука, самостоятельно проживает отдельная родовая группа по имени машрык. Они сами называют себя туркменами-иомудами, рода чони. По виду, языку, обычаям и пр. они с первого взгляда не отличаются от туркмен, и все их признают таковыми. Однако, присмотревшись, можно заметить, что они кое в чем отличаются от иомудов, и последние, желая уточнить их происхождение, часто говорят о машрыках „туркмен-калмук".

Из родословной мы действительно узнаем, что машрыки произошли от родоначальника Будуза, а этот Будуз—калмук, который с другими семьями калмуков проживал среди иомудов. Когда эти семьи ушли куда-то, то калмук Будуз остался один со своей семьей и окончательно поселился среди иомудов, причислив себя к родам чони. У Будуза было шесть сыновей, потомство которых образовало шесть колен рода машрык, по именам сыновей Будуза, а именно: Ала-гёз, Адык-бай, Назар-бай, Нефера, Зают и Тахдари, но несмотря на то, что род машрык совершенно ассимилировался с туркменами, даже по истечении нескольких веков эти же туркмены, не зная их прошлого, продолжают видеть в них „калмуков".

С другой стороны, туркмены рода эймир давно ушли на восток от своих сородичей, поселились среди узбеков и таджиков. Последние их также ассимилировали, но все же называют их туркменами еще и теперь, и о принадлежности их к туркменам тоже говорит родословная.

III.

Относительно иомудов родословная точно и вполне определенно говорит, что они являются нисходящим потомством „одного человека", по имени Иомуд, жившего в конце XII или начале XIII столетия. Родословная поименно перечисляет всех детей Иомуда по мужской линии, разделяя их на колена и другие группы и приводя историческую справку об образовании этих групп, о выдающихся лицах и многих событиях из истории взаимоотношений этих групп.

Что же касается восходящей линии иомудов, то здесь есть недоговоренность и неточность. Определенно известно, что родоначальником иомудов был тюрк Иомуд, и его нисходящее потомство образовало самостоятельный род, получивший название по имени своего предка Иомуда. Также определенно известно, что Иомуд происходит от Сююн-хана, сына Салыр-казана, но не установлено, является ли Сююн-хан отцом Иомуда или дедом, так как иногда в преданиях о Иомуде говорится— „сын Сююн-хана", а иногда отцом Иомуда называют некоего Келами. Больше вероятности, что Келами был действительно отцом Иомуда, а Сююн-хан—дедом или прадедом, и если Иомуд тем не менее называется „сын Сююн-хана", то это не должно удивлять нас, так как у туркмен обык-

новенно говорят—„сын“ (оглы) как по отношению сына, так и по отношению внуков и вообще более отдаленного прямого мужского потомства.

Также точно установлено, что потомки Сююн-хана—родоначальники ныне существующих крупных самостоятельных родов теке, сарык, салыр – были единокровными братьями Иомуда и происходят от одного предка, как и потомки Эссен-хана: геокланы, чоудуры, кара-дашли, диеджи и другие.

Предание указывает, что у Иомуда был родной брат, сын Келами—Култак, но он куда-то исчез, потомства от него не осталось, и имя его не сохранилось в нисходящем потомстве.

По преданию, Иомуд удалился из своей отцовской семьи и отправился бродить по известному в то время туркменам свету (очевидно по степям Азии), и родословная об этом повествует так:

„Да будет известно всем, что один человек, называемый Иомудом, отбившись от своего народа, пришел к дедушке Эрсари (Эрсари-баба). Последний принял Иомуда, который долго пас скот у Эрсари-баба и работал у него. Эрсари-баба присмотрелся к Иомуду и однажды спросил его: „Происхождение твое каково? Ты „иг“ или „куль“? Иомуд ответил: „Если ты мое происхождение хочешь узнать, то у меня за пазухой есть мое седжре, его надо смотреть“. Эрсари-баба, прочитав седжре Иомуда (ему прочли, не сам читал), увидел, что происхождение его в корне чистокровно. После этого Эрсари-баба задумался, каким образом женить Иомуда, а женить его обязывал обычай. Иомуд был принят Эрсари-баба, как „огулык“ (вроде усыновленного), а потому Эрсари-баба обязан был приобрести жену Иомуду. Прежде всего Эрсари-баба об этом совещается со своей женой, о которой родословная ничего не говорит, но которая по преданию была очень сильной женщиной. Он сказал жене: „Надо отдать ему свою дочь в жены, так как его происхождение чисто“. Жена ответила: „Конечно, вместо того, чтобы постороннему отдавать свое имущество (калым), отдадим за него свою дочь“.

Из данных родословной таким образом явствует, что туркменская женщина в отдаленном прошлом имеет значение в решении семейных дел, а жена Эрсари-баба отличается практичностью: калым платить не придется, да и Иомуд останется в доме, как даровой работник.

Эрсари-баба отдал Иомуду свою дочь, ибо убедился из седжре, что происхождение его чистокровно. Благодаря этому браку, всем детям (нисходящему потомству) Иомуда—Эрсари приходится „баба“, а дочь его является прародительницей всех иомудов, кроме одной родовой группы, и случилось это так.

Живя и работая у Эрсари-баба, Иомуд тайно сожительствовал с одной из четырех „кырнак“ Эрсари-баба, а именно с кырнак по имени Кара-кумсы. К тому времени, как Иомуд женился на дочери Эрсари-баба, как раз стала обнаруживаться беременность Кара-кумсы, и необходимо было предотвратить гнев Эрсари-баба и скандал. И вот, взяв

себе в жены дочь Эрсари-баба, Иомуд в первую же ночь держал с ней совет и настаивал: „Когда завтра твой отец спросит тебя—„дитя, что бы ты хотела получить от нас?“—ты ему говори: „буду довольна, если ты нам дашь белую верблюдицу (ак-мая—особая порода) и кырнак, называемую Кара-кумсы“.

Действительно, на следующий день Эрсари-баба у дочери своей спросил: „Теперь, что получив от меня, ты будешь довольна?“ Дочь ответила; „Если дашь мне кырнак Кара-кумсы и ак-мая, то я буду довольна“. Отец ей отдал и Кара-кумсы, и ак-мая. Через пять месяцев у Кара-кумсы, родился сын (от Иомуда), ему дали имя Ушак, что означает—малютка, маленькое дитя, и конечно не считали его „игом“, а признали „кулем“, так как мать его была кырнак.

В дальнейшем мы видим, что потомство Ушака, составившее отдельную родовую группу из шести колен, по именам шести сыновей Ушака: Кара-боюн, Касак, Тевела, Темеш, Хаджи и Барак (весь обросший шерстью, волосами), поселилось обособленно и не пользуется полностью правами туркмена ига (например, за туркмена ушака не выдадут девушку туркменку иг).

Настоящее имя Ушака осталось нам неизвестным, а он и его потомство всеми называются по его прозвищу—„малютка“.

Седжре устанавливает определенно происхождение Ушака от кырнак, а отсюда и правоограничения. Из этого видно, какое огромное значение в туркменском быту седжре имеет не только для одного лица, но и для целых поколений в течение многих веков.

У Иомуда от его жены иг наконец рождаются два сына (о дочерях родословная ничего не говорит)—Кутлы-темир и Öутлы-темир. Оба они моложе своего не единоутробного брата Ушака, но обычаем они поставлены выше, старше Ушака, так как оба они иги, а потомство их составляет основные родовые группы туркмен.

Имя Иомуда составило родовое или племенное название всего его нисходящего потомства, а имена Кутлы-темира и Öутлы-темира, хотя и известные всем иомудам, не были закреплены в родовых наименованиях. Напротив того, рядом с этими именами появляются новые: потомство Кутлы-темира образовало три рода (или колена—уруха) под именем кара-чука, а потомство Öутлы-темира образовало также три рода (уруха) под именем байрам-шали. Таким образом, все огромное потомство Иомуда, до полумиллиона, в данное время составляет три группы: 1) три колена рода байрам-шали, 2) три колена рода кара-чука, 3) шесть небольших колен рода ушак; из них только последний род носит имя своего родоначальника. Колена рода байрам-шали следующие: салак, окуз и ороучи (холостой-одинокий, бык и русак), а колена кара-чука—чони, шереб-шердат и башли-кара.

В последующем все эти роды размножились, раздробились на более мелкие деления, и каждое из этих делений получило свое опреде-

ленное название от имен и прозвищ своих отцов (родоначальников); родовые группировки эти очень крепки, сохраняют определенную родовую связь между собою, в зависимости от близости своего родства, и селятся кучно, группами, по родовым делениям.

Не перечисляя всех этих делений, мы только обратим внимание на некоторые особенности, отмеченные преданием в родословной иомудов.

У Иомуда насчитывается до 20 поколений, и все они населяют компактно территорию по восточному берегу Каспийского моря, до Хивы, Кизил-арвата и на юге до Гюргена. Образование самостоятельных колен и других группировок происходило постепенно, в зависимости от количества рождавшихся мужского поколения. Как только появлялось большое потомство у определенного лица, то, как видно из родословной, немедленно образовывалась самостоятельная группа, которая выделялась в отдельное колено и получала название по имени или прозвищу своего родоначальника. Это делалось само собою, естественно, а не по чьему либо решению.

Наблюдаются такие явления: у Шереба, правнука Иомуда, было две жены, и от каждой родилось по два сына: от первой—Шердат (он же Анна-доулет) и Башли-кара, и очень большое потомство их, особенно Шердата, образовавшее много колен и других родовых делений (тире и тайфа), называется „крупный шереб", а от второй жены родились сыновья Каррови и Бехельке (потомство их, численно значительно меньшее, называется „мелкий шереб").

Таким образом, на родовые деления и их наименования влияли не только разность отцов-родоначальников, но и разность матерей, даже если они все были чистой крови (иг).

Иомуды вообще не признавали власти соседних государств, а особенно власти Персии, но, как видно из родословной, наступали такие времена и обстоятельства, когда роды иомудов вынуждены были смиряться и ставить себя в зависимость от ненавистной для них власти соседних государств и вести с последними переговоры. И в родословной мы находим указание, хотя не совсем искреннее и точное, на такой факт, случившийся в самом начале XVI века. Роды „крупного шереба", сыновья Шердата (Анна-доулета)—Джафар-бай, Илгай и Бага, чем-то стесненные, начинают вести „политику", „на время признают" власть иранского правительства, называемого ими, по своему обыкновению, просто „Каджаром", т. е. по родовому признаку династии, и как бы покорно обращаются к нему с просьбой.

Родословная об этом говорит так: „Три брата, старший и младшие—Илгай, Джафар-бай и Бага—в то время, п о с о в е т о в а в ш и с ь (это в родословной подчеркивается), решили: „давайте, будем просить у Каджара-тюрка политических прав (а м а л ь)". Затем, придя к Каджару, просили у него а м а л ь (следовательно, иногда родоначальники бывали в Тегеране при дворе). Каджар же дал Бага „бекликни" (право управ-

ления), Илгаю—„векилликни“ (представительство) и Джафар-баю—„аксакаллыкни“ (почетное посредничество)“.

У рода бага пять колен: акчали, бегли, нехдали, караджа-сöйгули и чапарли; из них четыре колена получили свое название от имен внуков Бага, сыновей Хан Мамед Акча, а пятое колено—чапарли, хотя и принадлежит к роду бага, но находится и до сих пор в несколько изолированном положении, так как родоначальник их не был внуком Бага, а был приемышем, и в роду этого не забывают в течение целых веков.

Родословная об этом говорит так: „Однажды к Бага пришел какой-то неизвестный молодой человек—чужеродец и остался жить у него; он выполнял всякую домашнюю работу, жил тихо, и никто у него даже не спрашивал имени. Сын Бага—Хан Мамед Акча—посылал этого юношу к своему сыну Бегу, а этот последний также посылал его по своим поручениям; таким образом, этот юноша-чужеродец исполнял в действительности обязанности посыльного—„чапара“, а потому его и называли Чапаром, а колено его носит название „чапарли“ (посыльный)“.

Таким образом, название этого колена по своему смыслу указывает на род деятельности и прозвище его родоначальника, а известная обособленность—на его чужеродное происхождение.

В данное время большой род „джафар-бай“ делится на четыре колена по именам четырех сыновей Джафар-бая: Яр-али, Нур-али, Шир-али и Мир-али.

Для выполнения всех своих общественных повинностей, включительно до защиты своей страны и решения вопросов войны и мира со своими соседями, этот род разделяет себя на известные общественно-политические группы, называемые „онлык“ (от слова „он“—десяток, но в „онлык“ входят тысячи людей, и это название является именем собственным, утратив значение десятка). Казалось бы, что все четыре колена, т. е. потомки четырех сыновей, должны пользоваться одинаковыми общественно-политическими правами, и каждый представлять собою $2^1/_2$ „онлыка“, ибо „онлык“ имеет и много обязанностей, и много прав, хотя бы право представительства, как среди иомудов, так и в соседних странах. Однако, в действительности одно колено, т. е. один сын, Нур-али, представляет собою пять „онлыков“, а другие пять „онлыков“ представлены остальными тремя сыновьями—Яр-али, Шир-али и Мир-али; получается неравенство, и образовалось оно путем историческим. Об этом так повествует родословная:

„Семья Нур-али была большая, сильная и притесняла семью Яр-али. Последний видел со стороны сыновей Нур-али несговорчивость и отчужденность, а потому Яр-али созвал своих братьев Шир-али и Мир-али и сказал им: „Нур-али и его дети нас чуждаются и притесняют, а потому давайте, соединимся вместе и будем действовать заодно“. Решили устроить совещание.

Во время своего собрания и совещания они зарезали одну пегую козу, а потому их с тех пор стали называть „Ала багыртлак“ (пегая печеночная) [у пегой козы на том месте, где находится печень (багыр), всегда бывает белая шерсть (пятно), и такая коза называется „пегая печоночная“ (ала багыртлак)].“

С указанного события все эти три колена—яр-али, шир-али и мир-али—сохраняют свое прозвище ала-багыртлак и, согласно договору о совместных действиях, как бы вошли в состав одной группы под главенством яр-али, а потому все вместе представляют только пять онлыков, а не семь с половиною; шир-али и мир-али отдельных онлыков не представляют, а нур-али противопоставляется трем братьям, т. е. трем коленам; очевидно, они были слабы и их было мало. Кроме того, эти пять онлыков носят название яр-али, а имена шир-али и мир-али отсутствуют; в эти пять онлыков входят еще колено пришельцев из теке—бурказ и еще кое-какие мелкие колена.

Между прочим, колено бурказ образовалось среди иомудов случайным образом: бурказ—одно из колен рода теке; одна группа бурказ, сделавшись кровниками, спасаясь от кровавой мести, бежала к иомудам, поселилась среди яр-али и со временем, размножившись, образовала целое колено, вошедшее в состав пяти онлыков отделения яр-али.

Нур-али имел большое потомство, из которого образовалось много колен и родовых групп; большинство детей и внуков Нур-али носили вместо имен—прозвища, при чем имена некоторых совершенно утратились и почти забылись. Например, сын Нур-Али Анна-доулет прозывался Иоллы (дорожный), Мухаммед прозывался Кӧр (слепой). Внуки Нур-али, сыновья Иоллы, прозывались—Кельте (короткий), Караджа (черненький) и Караинджик (черноголенный) и т. д. Все эти прозвища давались не случайно, а каждый раз по какому-нибудь поводу или случаю, при чем в родословной мы далеко не всегда находим объяснение этих случаев и поводов. Однако, иногда родословная приводит интересную историческую справку из предания. Так, например, предание рассказывает о том, как возникло прозвище колена „караинджик“.

Однажды среди иомудов рода джафар-бай происходили скачки—т о й (торжество). Во время скачки какая-то серая лошадь обогнала всех других лошадей и заметно вынеслась вперед; лошадь эта была породистая, серой масти, но все четыре ноги, начиная от колен и до копыт, были черного цвета; эта часть ноги называется „инджик“, а так как они все были черные, то лошадь была названа черноголенной. Когда эта лошадь обогнала всех остальных, то никто не знал, кто ее хозяин; других примет не было, а потому толпа народа, бывшая на скачках, начала кричать: „Караинджик чекты (выскочила черноголенная), караинджик, караинджик“. После этого за хозяином этой лошади, взявшей первый приз, так и осталось прозвище „Караинджик“. Затем узнали, что хозяином этой лошади был средний сын Анна-доулета,

внук Нур-али, но все-таки за всем коленом и до сего дня сохранилось название не по имени родоначальника, а по его прозвищу- -„Кара-инджик".

Небезынтересно самое происхождение имен. Среди колена чукан существует имя одного из родоначальников небольшой группы—Инер-молла-сары; *наведя о нем справку в преданиях*, мы узнаем, что этот человек был огромного роста и напоминал верблюда, а потому был прозван „инер" (самец-верблюд); но затем он оказался грамотным и имел светлые волосы, а потому к имени „инер" немедленно прибавили „молла-сары" (грамотный-желтый), а в целом имени его—„Инер-молла-сары" (верблюд-самец-грамотный-желтый) отмечены все его качества.

В нашу задачу не входило перечислять все имена по родословной и давать их перевод и значение: нам хотелось только отметить особенности и значение родословной и осветить процесс образования родовых делений и их названий.

Полагая, что и приведенный выше анализ родословной уже дает некоторые не лишенные интереса сведения, позволим себе на этом закончить, чтобы не выходить за поставленные нашей статье рамки.

А. А. Диваев.

Казакские пословицы.

Казакские пословицы, как пословицы других народностей, складывались и вырабатывались в течение веков и являются результатом работы коллективного народного ума. В них отражаются взгляды народа на различные предметы, явления и отношения окружающего его мира.

Казакская степь помогла своим сынам долгое время сохранять в неприкосновенности и первоначальной чистоте национальный характер и обособленный народный облик.

Казакских пословиц в настоящее время собрано около четырех тысяч. Многие из этих пословиц, по своей живости и меткости, прямо таки просятся на полотно искусного художника, чтобы после каждого взмаха его кисти оставлять на картине живой тип казака во всех проявлениях его кочевой и вольной жизни.

При классификации пословиц по содержанию составилась бы не одна сотня отделов.

Здесь мы даем только несколько десятков пословиц, касающихся женщин, мулл, богатых и бедных, стариков и молодых, дурных и хороших людей и т. п.

Пословицы приведены в казакском подлиннике и сопровождаются русским переводом.[1]

---

[1] Из числа сообщаемых автором пословиц пять были уже опубликованы на казакском языке, но в русской транскрипции в „Киргизской хрестоматии", составленной Я. Лютшем (Ташкент, 1883), а именно 22 и 39—в главе I (Ак-мечеть казагынынг макалы) под №№ 128 и 183, а 17, 19, 22 (вторично) и 47—в главе III (Туркестан, Шимгент, Аулие-ата казагынынг макалы) под №№ 99, 147, 107 и 105. Пословицы 7, 8, 28 и 30 также имеются у Лютша (гл. I №№ 161, 90, 176 и 22), но в других вариантах; 16 приведена тем же автором лишь частично в гл. III (№ 138) и (в другой редакции) в гл. I (№ 143), а 34, также частично и в несколько ином варианте, имеется у него в гл. I под №№ 99 и 124.

Пословицы 13, 39 и 40 в переводе вошли в одно из самых ранних собраний казакских пословиц, сделанное Ш. Ибрагимовым и напечатанное в „Туркестанских Ведомостях" под заглавием „Материалы по этнографии Средней Азии" („Т. В." 1870 г. №№ 1 и 6. Впоследствии это собрание вошло в „Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Под ред. Н. Маева. Вып. III. Спб. 1874, стр. 393—397).

Пословицы, приведенные автором за №№ 7, 12, 13, 14, 22, 28, 30, 38, 39, 40 и 47, были помещены в русском переводе в книге Н. И. Гродекова: Киргизы и кара-

Здесь кстати замечу, что большинство пословиц в тексте составлены в рифмованной форме.

1 ۇل تاپپاعان قاتىننان ىلاقتاعان ەشكى ارتىق.

Чем женщина, не рожающая сыновей, лучше коза, которая ягнится.

2 قالعان كوڭىل جىبىمەس، وت جاقسادا مۇزبەن تەڭ؛
جاقسى قاتىن الساڭىز، قارتايعانشا قىزبەن تەڭ.

Раз остыло сердце, больше не размякнет: хоть огнем подогревай— а все будет как лед; женишься на хорошей женщине, она до старости будет равна девице.

3 كەدەيلىگىڭدى اعايىنىڭ بىلدىرەدى-قادىرىڭنىڭ بار جوعىن قاتىنىڭ بىلدىرەدى

По родне можно судить о твоей бедноте, по поступкам жены твоей можно судить, пользуешься ли ты уважением или нет.

4 توركىنى جاقىن قاتىننىڭ توبەسى جارىق.

У женщины, у которой живут родители по близости. голова бывает с трещиной.[1]

5 قويلى قاتىن قۇيرىق جەيدى، بايلى قاتىن تاياق جەيدى.

Женщина, имеющая баранов, лакомится курдючным салом, женщина. имеющая мужа, лакомится палкой.[2]

6 بۇرىنعىنىڭ قىزدارى قىرمىزى قىزىل جىبەكتەي-ەندىگىنىڭ قىزدارى تۇبى تۇسكەن شەلەكتەي.

Девицы былых времен были подобны ярко-красному шелку, современные же девицы подобны ведру без дна.

киргизы Сыр-Дарьинской области (Ташкент, 1889, стр. 261 сл.) под №№ 366, 14, 23, 20, 335, 380, 242, 66, 118, 135 и 570 (648). Перевод пословиц 23 и 34 также имеется у Гродекова (№№ 472 и 21), но у автора они печатаются в несколько более полных вариантах.

Пословица 16 представляет собою соединение четырех пословиц, опубликованных в переводе Гродековым под №№ 49 и 87 и автором под №№ 26 и 73 в его „Этнографических материалах", изданных в Ташкенте в качестве отдельных оттисков из „Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области" (первая в издании 1893 г., стр. 83, вторая—1895 г., стр. 121). Перевод пословиц 8 и 17 помещен также в указанных „Этнографических материалах" 1895 г. под №№ 99 и 70 (стр. 122 и 121), при чем перевод первой дан там в другой редакции. Перевод второй пословицы опубликован автором, кроме того, в № 113 „Турк. Ведомостей" за 1906 г. в статье „Киргизские пословицы" (под № 25).

Пословица 50 встречается у Абулгази в предисловии к его „Родословной тюркского племени" (ср. пер. Г. Саблукова, Казань, 1854, стр. 2). Ред.

[1] То-есть она часто имеет возможность посещать своих родителей и жаловаться на свекра и свекровь.

[2] То-есть получает большею частью от мужа побои.

7 ەتىگىڭ تار بولسا ەلدىڭ تىنىشتىعىنان نە پايدا - قاتىنىڭ دولى بولسا زامانىڭ تىنىشتىعىنان نە پايدا؟

Если сапог твой жмет ногу, что пользы. что народ живет спокойно; если жена к тебе враждебна, что пользы, что ты живешь в эпоху покоя.

8 ەكى موللا ٴبىر كىسى، ٴبىر موللا جارتى كىسى

Двое мулл равны одному человеку, а один мулла равен половине человека.

9 ەكى مىرزا بازاردان جولىعادى، ەكى موللا مازاردان جولىعادى.

Два щедрых человека на базаре встречаются, двое мулл на кладбищах встречаются.

10 ولەڭدى جەردى ٴوگىز جەيدى، ٴولىمدى جەردى موللا جەيدى

Сочной травой лугов пользуется бык; в стране, где свирепствует мор—наживается мулла.

11 اقىماق بىلمەس اتىنىڭ ارىعانىن، كوسە بىلمەس جاسىنىڭ قارىعانىن.

Дурак не сознает, что у него лошадь устала, Кöсе[1] не замечает своего преклонного возраста.

12 اقىماققا ٴىس تاپسىرعان، جىبىڭ ٴۇشىن جوعالتقانمەنەن ٴبىر.

Поручить дураку дело—значит потерять конец нити.

13 وتىز تىستەن شىققان ٴسوز، وتىز رۋعا كەتەر.

Слова, вылетевшие сквозь тридцать зубов, распространятся среди тридцати родов.

14 ەكى ادام ەستىسە جەتى ىقلىمعا جەتەر.

Что слышали два человека, будет известно семи частям света.[2]

15 الىستان اربالاعانشا جاقىننان دوربالا.

Чем возить на телеге издалека, лучше брать торбой вблизи.

16 ٴيت قۇتىرسا، يەسىن قابادى - شىمشىق قۇتىرسا بۇركىتكە شابادى؛ بۇركىت قارتايسا تىشقانشى بولادى - قۇل قۇتىرسا قۇدىققا قارماق سالادى.

Взбесится собака—кусает хозяина, воробей взбесится—нападает на беркута, состарится беркут—становится мышеловом,[3] взбесится раб—закидывает в колодезь удочку.

17. جاياۋدىڭ شاڭى شىقپاس - جالعىزدىڭ ٴۇنى شىقپاس

Пешеход не пылит, одинокий молчит.

---

[1] Человек, не имеющий от природы ни усов, ни бороды. У казаков такие люди *считаются хитрыми и на их счет существует много интересных сказок.*

[2] По понятиям мусульман вообще существует семь частей света.

[3] Мышелов—маленькая хищная птица.

18 الداعا جاعامىن دەسەڭ، ازانىڭ بولسىن.
بەندەگە جاعامىن دەسەڭ قازانىڭ بولسىن.

Хочешь быть угодным богу—кричи азан, хочешь быть угодным рабам (божьим)—имей котел.

19 كوسەۋىڭ ۇزۇن بولسا، قولىڭ كۇيمەس.
اعايىنىڭ كوب بولسا ادام تيمەس،

Если у тебя длинная кочерга—не обожжешь рук, если будешь иметь много родни—никто (тебя) не тронет.

20 ەتتىڭ ٴبارى قازى بولماس.
ٴيتتىڭ ٴبارى تازى بولماس.

Не всякое мясо годно для начинки казы́ (колбасы), не всякая собака может быть гончей.

21 ٴيتتىڭ بوعى ٴدارى بولسا، دارياعا تىشادى.

Если собачий кал понадобится для лекарства, собака испражняется в Дарью.

22 ەردى نامىس ولتىرەر - قوياندى قامىس ولتىرەر.

Доброго молодца самолюбие убивает, зайца камыш убивает.

23 ەسكىسىز جاڭا بولماس - جامانسىز جاقسى بولماس.

Без старого (платья) нового не будет, без дурного хорошего не будет.

24 ەكى كەمە باسىن ۇستاعان سۋعا كەتەر

Тот, кто держится за кормы́ двух лодок, потонет в воде.

25 وتكەلىم سايازدەمە،تاياعىڭ سالىب بويلات.
ٴىسىم ماقۇل دەمە، اعايىنعا ويلات.

Не говори, что брод мелкий, переходи, промеривая своей палкой; не говори, что дело на мазях, а поручи его продумать родственникам.

26 ايرىلما جۇرتىم ٴۇيىرىڭنەن، ايرىلساڭ ۇيىرىڭنەن،ەكى قولىڭ كەتپەس بۇيىرىڭنەن

Не разлучайся, мой народ, с своим косяком; разлучишься с косяком, не оторвешь рук от бедер своих.[1]

27 بالاسى كوب بولسا، ۇرىس باستايدى - جىلقىسى كوب بولسا، قونىس باستايدى

Кто имеет много сыновей—начинает драку, кто имеет много лошадей—едет во главе перекочевки (аула).

28 وت بەن ويناما - كۇيەرسىن، قويان مەن ويناما شارشارسىن

Не играй с огнем—обожжешься, не играй с зайцем—утомишься.

[1] Подбочениваться на бедра нехорошая у казаков примета, ибо это проделывают только причитающие по мужу вдовы.

29 ٴورتى كۇشتى بولسا، دارىانىڭ ورتاسىنداعى قامىستى وت شالادى.

Если полымя сильное--то и камыш (растущий) по средине Дарьи сгорит.

30 جامان اتقا جال بىتسە، جانىنا تورسىق بايلاتپاس ـ جامان كىسىگە مال بىتسە، جانىنا قوڭسى قوندىرماس.

Если тощая лошадь отрастит себе гриву, то не допускает привязать сбоку турсука (с кумысом); если у дурного человека размножится скот, он не допускает к себе кочевника.

31 تاۋ بەلگىسى تاس بولار ـ باي بەلگىسى اس بولار.

Признаками гор служат камни, признаками богатства служат обильные кушанья (богатого человека).

32 ماي ساسىسا تۇز سەبەر ـ تۇز ساسىسا نە سەبەر؟

Испортится масло—подсыплешь соли, испортится соль, чего подсыплешь?

33 ٴار كىم جولداس بولادى اماندىقتا، ٴبىر كۇن تاستاپ قاشادى جاماندىقتا.

Всякий тебе становится спутником, пока ты благополучен; всякий убегает от тебя без оглядки, когда тебя постигнет несчастье.

34 ەر قادىرىن ەر بىلەدى، زەر قادىرىن زەرگەر بىلەدى، ٴسوز قادىرىن تاپقىر بىلەدى.

Цену доброго молодца знает добрый молодец; цену золота знает золотых дел мастер; цену умных слов знает мудрец.

35 تاۋدا تۋعان قۇلىننىڭ ەكى كوزى تاستا بولادى، اشارشىلىقتا تۋعان بالانىڭ ەكى كوزى استا بولادى.

У жеребенка, родившегося в горах, взоры обращены бывают к камням; у ребенка, родившегося в период голода, взоры обращены на съедобное.

36 باي بالاسى ماقتانسا، جىلقىدان جورعا ٴمىندىم دەيدى ـ ٴبي بالاسى ماقتانسا، پارادان شاپان كيدىم دەيدى.

Если вздумает похвастаться сын богача, он говорит: „я выбрал из своих табунов иноходца и поехал на нем“; если хвастается сын бия (судьи), он говорит: „я облачился в халат, полученный во взятку“.

37 اقىل باستان شىعادى، اسىل تاستان شىعادى.

Умные мысли исходят из головы, драгоценные камни добываются из камней.

38 تامام جۇلدىز جيىلىپ ايعا جەتپەس، تامام كەدەي جيىلىپ بايعا جەتپەس.

Все звезды, вместе взятые, не сравняются с месяцем; все бедняки, взятые вместе, не сравняются с богатым.

39 كولدە جۇرگەن قوڭىر قاز ٴشول قادىرىن بىلمەيدى، شولدە جۇرگەن بۇلدىرىق كول قادىرىن بىلمەيدى.

Плавающий на озере сизый гусь не знает цены безводной знойной степи; бегающая в безводной степи куропатка не знает цены озера.

40 ٴولى ارىستاننان ٴتىرى تىشقان جاقسى (ارتىق)

Чем мертвый лев, лучше живая мышь.

41 جاقسى مەنەن جاماننىڭ اراسى - جەر مەنەن كوكتەي؛ وقىعان مەنەن ناداننىڭ اراسى كۇن مەنەن تۇندەي.

Разница между хорошим и дурным такая же, как между небом и землей; разница между ученым и неучем такая, как между днем и ночью.

42 قۇدايىم بەرەيىن دەسە، جۇدرۇققا تاس سىنادى - قىلمايىن دەسە بۇلامىققا ٴتىس سىنادى.

Если бог захочет дать,—от удара кулака разбиваются камни; если бог не захочет дать,—кушая болтушку, поломаешь зубы.

43 بۇ زاماننىڭ ٴىسىن ەستى كىسى بىتىرمەيدى ەپتى كىسى بىتىرەدى

Дела современной эпохи решают не умные люди, а ловкие люди.

44 كورپە سالعانعا كورپە سال، اتاڭنان قالعان قۇل دا بولسا.

Подстилающему под тебя одеяло (оказывая почет), подстилай и ты одеяло, если б даже он был унаследованный тобою от отца раб.

45 اتىڭ ارىق بولسا ٴبىر شاپ، وتىنىڭ از بولسا ٴبىر جاق

Если лошадь у тебя тощая, проскачи один раз; если дров у тебя мало, топи один раз.

46 ٴۇيى جىرتىقتى تامشى جەيدى، اعايىنى از قامشى جەيدى.

У кого дырявая юрта, того пожирают дождевые капли; у кого мало сородичей, тот пожирает нагайки.

47 زورسىنعانعا قۇداي بار، سوم تەمىرگە بالعا بار.

На гордеца есть бог, на твердое железо есть молот.

48 ايدىڭ جارىعى توگەرەگىنە تۇسەدى، وزىنە تۇسپەيدى

Свет от луны падает вокруг нее, а не на нее.

49 قارعانى قايىرىپ قازعا سالساڭ، قاق ەتىپ بوققا تۇسەدى - ەسەكتى وتقا ايداساڭ بوققا كەلەدى.

Если ворона метнешь на гуся, то он, каркнув, сядет на го...; если осла погонишь на хорошую траву, он норовит идти на навоз.

50 جەتىم ٴوز كىندىگىن ٴوزى كەسەدى.

Круглый сирота сам себе режет пупок.

М. С. Андреев.

Чильтаны (چهل تن) в средне-азиатских верованиях.

Среди различных народностей Туркестана—таджиков, сартов, узбеков, киргизов, жителей Восточного Туркестана—мне неоднократно приходилось наталкиваться на довольно распространенное и очень любопытное верование в существование таинственного общества особых существ, людей, видимо, обладающих сверхъестественной силой, большим знанием, провидением и скрывающих свое существование от непосвященных. Как показывает самое их название—„ч и л ь т а́ н“ (из перс. چهل تن)—„с о р о к ч е л о в е к“, „с о р о к с в я т ы х“, их всегда сорок. Число это никогда не изменяется, так как в случае смерти кого-нибудь из них они тотчас же пополняют число, выбирая себе для этого подходящего человека из обыкновенных смертных. Они ведут очень праведную, безупречную жизнь; хотя они и могут проживать, по обычным воззрениям, среди обыкновенных людей, но все же тщательно скрывают свою принадлежность к чильтанам и стараются ничем не отличаться при этом от окружающих их непосвященных. Книжное их название обыкновенно „риджаль-аль-ғайб“ (رجال الغيب)—„люди сокровенные“.

Относительно похищения чильтанами людей с целью пополнить свое число существуют в разных местах различные воззрения. В некоторых местах Туркестана думают, что чильтаны похищают для этого только младенцев. Матери даже предпринимают некоторые ритуальные предосторожности, обращаются к чильтанам с молитвой и приносят им жертвы, чтобы предохранить своих младенцев (умирающий младенец, если он хорош, отправляется в таком случае к чильтанам). Но существует наряду с этим и мнение, что чильтаны похищают взрослых людей, видимо, в расцвете сил. Один старик из селения Тарнак, Туркестанского участка, сообщил мне следующее:

„Был у нас даже такой случай. Много лет тому назад раз пропал один юноша. Прошло лет семь или восемь после этого, как неожиданно он вернулся и рассказал, что был похищен чильтанами и пропадал все это время у них, сделавшись одним из их числа. Однажды он совершил следующий проступок. Ему поручили резать приготовленную для еды рыбу. Нарезая порции, он заметил один жирный кусок и оставил себе. Это было совершенно достаточно для исключения его из числа чильта-

нов. Он был удален и возвращен к своей прежней жизни. Чильтаны бывают люди исключительной справедливости и твердых и хороших правил. Ежегодно, или от времени до времени, один из них умирает, и тогда они ищут по земле и похищают кого-нибудь из тех, кто им внушит доверие и нравится. Их, как видно из самого имени, с о р о к человек. Помимо этих „чиль тан“, образуя старшую категорию над ними, имеется еще „һ а ф т т а н“ (هفت تن)—с е м ь ч е л о в е к, над которыми, еще выше в иерархическом порядке, расположены „с е т а н“ (سه تن)—„т р и ч е л о в е к а“, а над последними, стоя выше всех, находится „о д и н“—„ј а к т а н“ (يك تن). В его руки передана высшая власть и он распоряжается судьбами людей, царей и царств, такою властью снабдил его господь. Когда он умирает, на его место избирается один из трех. По выбытии одного из них, вакансия заполняется одним из семи, а на смену каждого из последних выбирается один из сорока.“

Даже в далеком и глухом Язгулеме, в верховьях Аму-дарьи, мне приходилось наталкиваться на то же представление о чильтанах: „их сорок, и они пополняют свое число среди юношей чистых, хороших. Выбранного ими человека они п о х и щ а ю т, при чем он исчезает, пропадает, но не умирает“. В том же Язгулеме, однако, существует рядом с этим выражение у женщин при виде смерти ребенка, что „он отправился к чильтанам“. Подобное выражение в особенности применяется, если случится, что ребенок пропал без вести. Наряду с этим имеются там же представления, отражающие книжные влияния. „Миром управляют они“, говорил мне в сел. Мотраун местный казий мулла Наиб, говоря о чильтанах. По его словам, среди них имеются четыре главных, —„kутб“ („полюсы“—قطب), управляющие четырьмя странами горизонта: востоком—Абдур-Рахим-и Машрики (عبدالرحيم مشرقى), севером—Абдур-Рашид-и Шимали (عبدالرشيد شمالى), западом—Абдуль-Карим-и Магриби (عبدالكريم مغربى) и югом—Абдуль-Джалиль-и Джануби (عبدالجليل جنوبى).

Это последнее представление, видимо, широко распространено в Туркестане. На ташкентском базаре, в книжных рядах, например, в особенности несколько лет тому назад, часто можно было встретить эти имена, красиво написанные большими буквами и отлитографированные на отдельных полосах бумаги. Благочестивые люди их покупали, чтобы наклеивать у себя в доме по направлению четырех стран света, дабы иметь постоянную помощь этих четырех могущественных kутбов, ограждающих дом от несчастий.

Очень интересный рассказ, живо рисующий народные представления о том, как протекает жизнь чильтана, проживающего среди людей, мне пришлось слышать в Ташкенте от одного старика штукатура. Этот рассказ настолько характерен, что я позволю себе привести его целиком из моей записи (1922 г.):

„Много значат в этой жизни существование святых людей и благодать („шарофат“—شرافت), связанная с их присутствием. Есть такие святые люди, что иногда, сидя около огня, возьмут да положат свои ноги в огонь, и те производят впечатление на посторонних, что горят; а потом вынет—и ничего. Вот один такой человек существовал, как юродивый, в селении Занги-ата (в окрестностях Ташкента, верстах в 17 от города по самаркандскому тракту).[1] Он был на вид совершенно необыкновенный—длинные волосы, брови, которые, спускаясь, закрывали глаза, произносил он какие-то непонятные и странные выражения, которые нужно было понимать иносказательно. Ходил в рубище. Однажды мы отправились туда компанией человек в 15—20, чтобы совершить паломничество к нему. Среди нас был один, который относился к этому недоверчиво и сомневался—стоит ли тратить время на посещение какого-то диваны (юродивого, сумасшедшего). Когда мы пришли к Султану (так он назывался), как он примется нас ругать.—„Моя собака лучше вас“, говорит. А от сомневавшегося он так и отказался взять его приношение: —„Отнеси его и отдай такому-то (فلان). Мне оно не нужно, как не нужна и твоя вера в меня“. Нам всем стало ясно, что он был настоящий святой и провидец. Он был чильтан,—так говорили все. Чильтан—это великое явление. Он (очевидно, рассказчиком уже было выпущено в этот момент, вероятно, под впечатлением некоторых народных верований, то обстоятельство, что „чиль тан“ представляют из себя сорок святых, а не одного) может делать очень многое. Его главное местопребывание около Хазрат-Султана (т. е. у могилы Ходжи Ахмада Ясави в г. Туркестане). Там же где-то находится „о д и н“. Он представляется сидящим в уединенном помещении у самой могилы святого (вероятно, в „чилля-хона“—подземном помещении для созерцаний) и оттуда управляет миром“.

В народных воззрениях Туркестана, однако, встречаются в этом отношении и варианты. В некоторых местах, ближе к Кашгару, склонны считать, что „ӏак тан“ находится при могиле Аппак-ходжи в Кашгаре, в то время, как в других районах встречается мнение, что местопребывание „о д н о г о“—у могилы другого славящегося в Средней Азии святого—Баһо-уд-дина, в окрестностях г. Бухары.

В Ташкенте мне встретился вариант, видимо книжного происхождения, согласно которому „о д и н“ („кутб“) находится постоянно там, где расположен „п у п з е м л и“ („йирның кентаки“—يرنينگ كينتاكى), т. е. в Мекке. Оттуда он управляет всем миром. „С е м ь“—„һафт тан“ обходят кругом весь мир, наблюдая за тем, что делается на свете, и затем доносят ему о том, что они видели. Он—высшая инстанция для направления всех дел.

Представление об обходящих весь свет—„с е м е р ы х“, видимо, широко распространено в мусульманском мире, отсюда их название—

[1] Ср. выше (стр. 165 сл.) статью В. А. Ш и ш к и н а: Мазары в Занги-ата. Р е д.

„сайях“ (سیاح)— „путешествующие“. Считается, что в каждом месяце, в определенные дни они могут быть в той или другой определенной стороне горизонта, и поэтому знающие люди, главным образом, конечно, муллы, тщательно избегают, начиная какое-нибудь дело или отправляясь в путешествие и пр., выходить или приступать к делу, оборотясь лицом в ту сторону горизонта, где в данный момент должны находиться „чильтаны“. Как мне объясняли в Ташкенте, это неудобство может быть обойдено тем, что выходят или начинают дело, оборотясь в противоположную от чильтанов сторону, и потом уже, проделав первоначальное движение в этом направлении и доказав тем свое почитание чильтанов, дальше поворачивают в нужную сторону. Итти же в ту сторону, где находятся чильтаны, значило бы итти против, выказывать им свое враждебное или непочтительное намерение, становиться „каршй“ (قارشی)—противящимся, действующим насупротив. И они тогда могут наказать.[1]

Так как знать это направление очень важно, то имеются особые таблицы, приспособленные для легкого и быстрого отыскания нужной стороны. На стр. 338 помещена одна из них, встреченная мною в Ташкенте в туземном обиходе, написанная от руки. К надписям присоединяю русский перевод.

Для пользования этой таблицей ее нужно обратить западом на запад. Имеющиеся в восьми квадратах цифры указывают числа месяца, когда чильтаны находятся в данном направлении. В силу этого, напр., 4, 12, 19 и 27 числа каждого месяца нельзя отправляться прямо на запад, 5, 13 и 20 на северо-запад и т. д.

Такие таблицы, видимо, широко распространены в мусульманском мире. С некоторыми небольшими отклонениями и дополнениями я встретил ту же справочную таблицу в „Кянз-уль-Хусейн“ (كنزالحسين)—сборнике различных примет, заклинаний, заговоров, гороскопов и пр.,[2] довольно часто встречающемся в Бухаре и Туркестане. Там имеется даже специальная небольшая глава, содержащая в себе „Правила о том, как нужно узнавать в какой стороне находятся люди сокровенные“ (قاعدۀ دانستن جهات رجال الغیب).[3]

---

[1] Как мне, однако, говорили в Ташкенте, опасно выступать по направлению на чильтанов только людям, которые знают, где чильтаны находятся, и которые раньше в своих действиях с этим считались. Те же, которые этого не подозревают, хотя бы и выступали при отправлении в сторону чильтанов, их гнева не возбуждают.

[2] Составлен на персидском яз. в Индии Сейид Гулам Хусейном, бывшим астрологом и гадателем при дворе наваба в Лякнау (Lucknow), в 1250 г. х. (1833—1834 г.). Бомбейская литография 1899 г. (ташкентская—1331 г. х. Ред.). Имеется также перевод на местное ташкентское турецкое наречие, изданный литографским способом в Ташкенте (без обозначения года. Ред.).

[3] Подобная же таблица приведена А. А. Диваевым в поэме „Алпамыс-батыр“ в примечании на 44 стр. (Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Том X. Ташкент, 1902). Там же некоторые подробности о делении „ғайбиранов“ (о них см. ниже, стр. 344) на семь категорий. Ред.

О распространении верования в „людей сокровенных“ (رجال الغيب) среди индийских мусульман можно судить также по книге „Qanoon-e-Islam or the Customs of the Moosulmans of India“,[1] где приведена совершенно такая же таблица, как и помещенная ниже, а также имеются и другие сведения о распознавании местонахождения этих таинственных лиц. Между прочим там приведено следующее их определение: „R i j a l-o o l-g y b is also named M u r d a n - o o l - g y b. These are a class of people who are mounted on clouds, and remain together each day in a different part of hemisphere“.

نيرت (ЮГО-ЗАПАД) ۲۵-۱۷-۱۰-۲ (2, 10, 17, 25)	مغرب (З А П А Д) ۲۷-۱۹-۱۲-۴ (4, 12, 19, 27)	بائب (СЕВЕРО-ЗАПАД) ۲۰-۱۳-۵ (5, 13, 20)
جنوب (Ю Г) ۲۶-۱۸-۱۱-۸ (8, 11, 18, 26)	دانستن رجال الغيب (КАК) НАХОДИТЬ ЛЮДЕЙ СОКРОВЕННЫХ	شمال (С Е В Е Р) ۳۰-۲۳-۱۵-۳ (3, 15, 23, 30)
اگنی (ЮГО-ВОСТОК) ۲۴-۱۶-۹-۱ (1, 9, 16, 24)	پورب (В О С Т О К) ۲۹-۲۲-۱۴-۷ (7, 14, 22, 29)	ایسان[2] (СЕВЕРО-ВОСТОК) ۲۸-۲۱-۴ (4, 21, 28)

[1] London, 1832, стр. 395—401.

[2] Должен сказать, что данное слово мне не знакомо, и в его воспроизведении я мог ошибиться, так как написано оно было довольно неясно.

Присутствие других трех слов, означающих северо-запад, юго-запад и юго-восток — بائب-نيرت-اگنی, по моему мнению, достаточно ясно указывает на индийское происхождение этой таблицы. Эти слова встречаются не только в индустани, но свойственны и санскриту. Слово نيرت, напр., (नैरृत) обозначает и юго-запад, и имя повелителя юго-западного угла (P l a t t s, J. A Hindustani Dictionary. London. Second edit. [B ö h t l i n g k, O. u. R o t h, R. Sanskrit-Wörterbuch. 4-ter Theil. St. Pet. 1862—65. S. 187 и 325. Р е д.]).

По сообщаемому Малькольмом в его „History of Persia"[1] мнению Фериште, мусульманского писателя из Индии, имеются четыре степени святости: малая (sogrâ), средняя (wâsittâh), большая (kubrâ) и высшая (uzmâh). Постоянное неизменное число святых в мире—356 чел.; они занимаются оказанием помощи другим и врачеванием душ. Они делятся на следующие шесть категорий: 1) 300 ч. — ابطال, т. е. пустые, заблудшие, 2) 40—ابدال благочестивые, 3) 7—اسياح—„текучие воды"[2] (running waters), 4) 5 ч.—اوتاد—сваи, опоры благочестия, 5) 3 ч.—قطب—полюсы и 6) 1 ч.—قطب الاقطاب—полюс полюсов.

Порядок замещения, в случае смерти кого либо из них, тот же, о котором сообщалось выше, т. е. вакансия в высшей категории пополняется одним из членов непосредственно следующей низшей. Только девять человек трех высших категорий обладают властью возлагать право поучения на других, являясь сами совершенными учителями.

В مواهب للدنيه сообщаются некоторые варианты и дополнения.[3] По одному цитируемому источнику ابدال—„благочестивых" 40 человек. Из них 20 проживают в Сирии (شام) и 20 в Ираке. По другому, там же приводимому авторитету, градация суфийских святых идет в следующем порядке: 1) نقبا (ед. ч.—نقيب)—300 ч., 2) نجبا (ед. ч.—نجيب)—70 чел. живут в Египте (مصر), 3) بدلا (мн. ч. от мн. ч. ابدال)—40 чел. проживают в Сирии, 4) اخيار—7 чел.—не имеют определенного места, путешествуют, 5) عمد—4 чел.—им подвластны север, восток, юг и запад, и каждый из них ведает одной из этих стран света, 6) غوث, находящийся в Мекке и непосредственно обращающийся к богу.

По сведениям, приводимым Джами в его „Нафахат-уль-унс",[4] святых первой категории, которые и сами не знают о своей благодати, не подозревают об этом и другие люди, среди которых они живут, бывает 4000 человек. К следующей, более совершенной категории подвижников принадлежит 300 чел., которые называются „ахйар" (اخيار). Еще более высокую за ними степень по святости занимают сорок, называемые „абдал" (ابدال). Семь лиц следующей степени посвящения именуются „абрар" (ابرار), а четыре лица, находящиеся над ними — „аутад" (اوتاد). Трое следующих — „атkиja" (اتقيا) и, наконец, последний, стоящий выше всех—„kутб" (قطب) или „гаус" (غوث).

---

[1] Vol. II, стр. 291. London, 1829. См. также Словарь турецко-татарских наречий Лазаря Будагова, т. II, Спб., 1871, стр. 58—59.

[2] К сожалению, я не мог справиться непосредственно в труде Фериште и познакомиться с объяснением этого слова. В других мусульманских источниках мне встречалось оно только в значении „путешественники", что находится вполне в соответствии с функциями этих святых.

[3] Пользуюсь переводом на турецкий язык. Изд. 1322 г., Константинополь.

[4] Пользуюсь бомбейской литографией, изд. Кутб-уд-дина, 1284 г. х. (Ташкентская литография О. А. Порцева, 1915 г., стр. 17, со ссылкой на „Кашф-аль-Махджуб" Джуллябия. Ред.).

„Они все знают друг друга и в своих поступках нуждаются в разрешении друг друга“.[1]

Джами также приводит и сведения другого источника (из كتاب فتوحات مكيه),[2] согласно которому по числу семи поясов (اقليم) земли существуют семь лиц, называемых „абдал“, избранных господом из своих рабов. Каждому из них всевышний поручил попечение об одном из поясов земли и управляет землей через них. Их главное местопребывание, повидимому, Мекка, так как цитируемый автор [3] упоминает, что он встречался там с ними в святилище— رجال هفتگانه‌را ابدال گفته است و درانجا ذکر کرده است که حق سبحانه . تعالی زمین‌را هفت اقلیم گردانیده است وهفت تن از بندگان خود برگزیده وایشانرا ابدال نام نهاده وجود هراقلیمی‌را بوجود یکی ازآن هفت‌تن نگاه میدارد و گفته‌است که من درحرم مکه با ایشان جمع شدم و بر ایشان سلام کردم و ایشان بر من سلام گفته اند....

Это древнее исламизированное верование в семь высших духов, ангелов, охраняющих каждый из семи кешваров, встречается и в народных верованиях, но оно, вероятно, имеет основой книжные представления. В Ташкенте мне приходилось встречаться с рассказом, что чильтаны обходят кругом весь свет в течение 8 дней, возвращаясь на 9-й день к своему гросмейстеру для дачи ему отчета. Рассказчик не мог мне подробно объяснить, но, по его словам, одновременно, с противоположной чильтанам стороны, двигается, тоже кругом света, какой-то вредный для человечества верблюд, и только благодаря чильтанам его губительное влияние парализуется.

Как любезно сообщил мне А. А. Семенов, „одна из старейших попыток представить иерархию святых избранников тасаввуф'а принадлежит известному автору كشف المحجوب, шейху Абуль-Хасан-б. Осман-уль-Джулляби'ю (ум. в 456/1063—64 г. или, по другой версии, в 464/1071—72 г.).[4] Нередко эти رجال الغيب относятся к специальному роду святых из этой иерархии, называемых چهل تن или نجباء (от арабск. نجيب— превосходный, что в суфийских персидских сочинениях переводится словом برگزيده—избранник); они незримы людям и стоят во главе всего, что содействует исправлению и улучшению человеческих

[1] Подробную характеристику иерархии رجال الغيب на основании арабских и персидских источников см. у Blochet, M. E. Etudes sur l'ésotérisme musulman в Journal Asiatique за 1903 г., стр. 37—101 отд. оттиска. Литература по этому вопросу указана в статье Goldziher'a, E. I. I, 71, под словом ABDAL. Ред.

[2] Нафахат, цит. место; имеется в виду соч. الفتوحات المكّيّة (Мекканские откровения) известного мусульманского мистика и философа Мухйиддин ибн-ал-'Араби (умер в 1240 г. н. э.). Литературу о нем см. E. I. II 385-а и Nyberg, H. S. Kleinere Schriften d. Ibn al-'Arabi, Leiden 1919, введение. Ред.

[3] Т. е. Ибн-ал-'Араби. Ред.

[4] См. كشف المحجوب, Самарк. изд. 1330 г. х., стр. 242—243.

дел, разрешают людские трудности и сомнения и распоряжаются по своему усмотрению действиями тварей. Другие отождествляют رجال الغيب с семью святыми вышеназванной иерархии, которые именуются نجباء, третьи под именем چهل تن разумеют категорию святых той же иерархии, называемую ابدال, и т. п.[1] В виду важного значения „невидимых мужей“ в человеческой жизни явилась идея их умилостивления и, в случае нужды, их вызова. Суфийская литература дает нам любопытные формулы для этого. С этой целью нужно сделать 7 шагов в ту сторону, где находятся риджаль-аль-гайб, и приветствовать их обеими руками с почтением и благопристойностью, затем совершить 7 поклонов и произнести следующую арабскую формулу: „Во имя бога милостивого и милосердного! Да будет мир над вами, о, невидимые мужи! О, святые духи, окажите мне вашу помощь, призрите на меня [вашим благостным] взором! О, наблюдающие, о, вожди, о, великодушные, о праведные, о, заместители, о, столбы веры, о гаус, о кутб, помогите мне в этом деле! Да спасет вас всевышний бог в этом мире и в будущей жизни; заклинаю [вас] Мухаммедом, да благословит и спасет господь всевышний его, его потомство и его сподвижников!“

بسم الله الرّحمن الرّحيم السلام عليكم يا رجال الغيب ويا ارواح المقدسة اغيثونى بغوثة وانظرونى بنظرة يا رقباء و يا نقباء ويا نجباء و يا ابدال ويا اوتاد ويا غوث ويا قطب اغيثونى فى هذا الامر سلمكم الله تعالى فى الدّنيا والاخرة بحق محمد صلى الله تعالى عليه وآله واصحابه وسلّم

„Затем надо побыть некоторое время с полным сосредоточением мысли о них, потом повернуться к ним спиною и, отныне, полагаясь на них, считать их своими покровителями. И так делать утром и вечером“.[2]

Среди встреченных мною народных образов можно отметить следующие представления.

В Матче (самая верхняя часть долины Зарафшана) в селении Обурдан мне пришлось слышать про верование, что чильтаны собираются вместе по ночам. Днем же они пребывают в образе обыкновенных людей, и окружающие их не подозревают, кто они. Степени чильтана можно достичь только воздержанием от земных благ, главным образом, отречением от страстей.

В сел. Сурхкят, в той же Матче, мне рассказывали, что чильтаны, кроме того, являются помощниками Хызру. Самым высшим лицом в их иерархии, „одним“ — jактаном, является бог. Должен сказать, однако, что это единственный случай, когда мне

---

[1] Подробности см. в كتاب كشاف اصطلاحات الفنون, т. II, стр. 840—847.

[2] جواهر غيبى, Сейид-Музаффар-Али-Шаха. Лякнау (Lucknow) 1304; стр. 664—667; там же указан и другой способ обращения к رجال الغيب.

пришлось встретиться с данным определением и притом в глухой деревушке этой заброшенной страны.

В числе отхожих промыслов в бедной Матче, расположенной в глубине гор, где жители принуждены помогать себе теми или другими заработками в равнинах, можно упомянуть, как характерное для некоторых селений ремесло, своего рода специальность—изготовление сластей—„хальwогарй“ (حلوا گری) или „хальwō-фрушй“ (حلوا فروشی). Любопытно, что пирами (پیر), т. е. небесными покровителями этих кондитеров („хальwōгáрь“) являются чильтаны, в силу чего веничек, которым сбивается халва, делается из сорока прутьев.[1]

Совершенно неожиданную, однако, репутацию составили себе чильтаны в долине Ях-су (Восточная Бухара). Здесь таджики их называют „чильтан ķараķчй“, т. е. „воры-чильтаны“. В сел. Сеw-Копа я слышал рассказ о том, что они разгуливают по ночам, похищают скот у людей и отводят его в глухие места, где его режут и им питаются. Тем не менее они и там пользуются репутацией святых. Непосредственно людям они не вредят и для людей невидимы. Если у них ктонибудь умирает, они похищают мальчика и заменяют им исчезнувшего товарища. Их сорок.

Среди татар Уфимской губернии мне встречалось представление, что детей похищают не чильтаны, а „семь спящих отроков“ (ефесских), называемых в мусульманском мире, как известно, Асхāб-и Кахф (اصحاب کهف). Они это делают точно также, чтобы пополнить свое число в случае смерти одного из товарищей. Подобное верование среди населения Туркестана в отношении „спящих отроков“ мне встречать не приходилось, хотя к Асхāб-и Кахф принято обращаться в некоторых случаях с молитвой, приносить им жертвоприношение. Например, пред наступлением родов в Ташкенте пишут на бумажке имена этих семи отроков пещеры и привязывают, как амулет, к животу роженицы для отогнания злых духов.

Верование, что чильтаны, как и отроки ефесские, тоже проживают в пещере, находясь там в числе сорока, мне встретилось среди пангазцев, жителей сел. Пангаз, Ферганской обл. В Ташкентском уезде в предгорных селениях мне рассказывали, что чильтаны живут в горах, находясь постоянно вместе в числе сорока. В пище они не нуждаются, так как по их молитве все, что им нужно, им посылает бог.

Очень загадочного, повидимому, происхождения является крайне любопытный и тщательно скрываемый обычай, почему-то называемый „чильтан-базм“, т. е. „пляска чильтанов“. Насколько мне известно, он наблюдался пока только в Ташкенте и отмечен М. Ф. Гаври-

---

[1] О значении отдельных представителей رجال الغيب, как покровителей местностей, городов, селений и ремесл см. v. Kremer, A. Geschichte d. herrschenden Ideen d. Islams, Leipzig, 1868, стр. 170 и 173. Ред.

ловым, любезно поделившимся со мною своими наблюдениями. Обычай этот имеет место среди женщин.

Весною, когда становится уже совершенно тепло, и местное население переселилось из города на лето в пригородные сады, то, воспользовавшись отсутствием мужей, находящихся по различным делам в городе, женщины уславливаются и собираются вечером в саду, где им никто не может помешать, и устраивают нечто вроде игры в жмурки. Одной из них завязывают глаза и она начинает ловить остальных, et mulier, quam capere ei contigerat, comprehenditur, atque illa quae ceperat, mulieri captae penem corio factum, quem in manu tenuerat, in genitalia imprimit.[1]

Число женщин-участниц теоретически должно быть сорок, но на практике, как доводилось слышать М. Ф. Гаврилову, их часто бывает меньше. Этот странный обычай настолько скрывается и, может быть, так ограничен в своем распространении, что, видимо, далеко не все туземное население Ташкента, мужчины, по крайней мере, знает про его существование.

Уже после того, как мною была написана и сдана в печать данная статья, мне встретилось предание о происхождении сартов, сообщенное покойным П. А. Комаровым,[2] где говорится, что существующий среди них обычай группового общения между женщинами на почве amor lesbicus имеет репутацию происхождения от дьявола. Иблис (сатана) посоветовал женщинам „собираться вместе на брачные сборища, проще сказать, на радения „чильтан-базм“ из сорока женщин и „чиль-духтарон“—сорока девиц (atque invitavit, ut feminae simulacra penis e pelle facerent atque etiam per eadem conjugio imitato libidines obtinerent)“.[3]

Верование в чильтанов встречается и среди киргизов и казаков. Последние, не вполне, очевидно, понимая персидское название „чильтан“ (چهل تن), что само по себе уже означает „сорок святых“ („чиль“—сорок), прибавили еще „сорок“ по киргизски и выговаривают „kырk шиль-тан“. Несмотря, однако, на это двойное численное

---

[1] За любезную помощь в переводе на латинский язык приношу благодарность Э. Э. Фингеру.

[2] Газета „Русский Туркестан“, 1899 г. № 85.

[3] Ср. Форель, А. Половой вопрос. Пер. Фукса. Спб., 1906, в. I, стр. 286—289.

В параллель с приведенными женскими собраниями можно упомянуть об аналогичном обычае среди мужчин, имеющем место тоже в некоторых местах Туркестана, о котором мне любезно сообщил гр. Мир-Гиясов. Обычай этот называется „курпá-і махаббáт“ (کورپهٔ محبّت), т. е. „покрывало любви“ и практикуется иногда мелкими ишанами, устраивающими зикр (радение). В момент экстаза над толпой, совершающей радение (обычно в мечети), опускают широкое и легкое покрывало, скрывающее радеющих от взоров друг друга и окружающих. Радение продолжается под этим покрывалом, при чем на почве истерии и экстаза происходят явления гомосексуализма.

определение, самое представление об их числе очень неустойчиво и сбивчиво. Мне попадались киргизы, которые принимали „кырk шиль-тан" за одного человека, и таких, видимо, не мало. О чильтанах упоминается и в некоторых произведениях киргизской народной поэзии, например, в былине Кыз-Жипек.[1] Киргизы называют чильтанов также „кырk шиль-тан ḳайбиран" или, подобно татарам, просто „ḳайбиран".

Последнее название, несомненно, происходит из персидской формы—„ḳаіб јаран" (غایب یاران), т. е. „скрытые друзья". Казанские татары, напр., верят, что они помогают заплутавшимся одиноким путникам находить дорогу в пустынной местности.[2] Они могут принимать всевозможный вид, например, собаки или другого животного, ребенка, старика и пр. Нищему иногда не решаются отказать в подаче просимой им милостыни, так как за его видом может скрываться „ḳайбиран", желающий испытать того, к кому он обращается за подаянием.

В Афганистане, в одной из долин Гиндукуша, в разветвлении долины Хинджан, ведущем на пер. Саляньг, в сел. Чандарон мною записан на местном таджикском (персидском) говоре следующий рассказ про происхождение чильтанов, который привожу в переводе:

„Жил-был один царь, у которого не было детей. Проходил мимо маляньг (юродивый, факир). Схватил царь его за полу и стал просить, чтобы маляньг помолился о том, чтобы бог дал ему сына.—„Не стремись иметь сына", ответил маляньг,—„потерпишь неприятности, позор тебе будет из-за сына". Царь не успокоился, продолжал умолять и не отпускал маляньга. По близости стояло засохшее дерево. Маляньг его потряс, и с него упало яблоко.—„Отнеси его жене и дай ей, чтобы съела", сказал маляньг. Царь так и сделал.

Через 9 месяцев и девять часов у жены царя родилось что-то круглое. „Господи", взмолился царь, „я просил у тебя сына, а что же ты мне дал?" Раздался голос творца: „Распори это". Распорол царь то, что родила жена, и оттуда вышли сорок малюток. Посмотрел царь и видит, что один из сыновей красивый, а у остальных вид плохой. Взял он тридцать девять сыновей и спрятал в одном месте, чтобы избежать насмешек от народа, а одного, красивого, сохранил, чтобы показать, когда

---

[1] Изд. Турк. Госизд., 1923. Любезно указано мне преподавателем казакского языка на Восточном Факультете Ср.-Азиатск. У-та Г. Галимджановым. Упоминание о нахождении чильтанов, как „ḳайбиран", имеется также, как сообщено мне А. А. Диваевым, в записанной им былине „Алпамыс-батыр". (См. выше, стр. 337, прим. 3. Ред.).

[2] Как очень любезно сообщил мне А. А. Семенов, в персидской шиитской космогонии словом رجال الغیب обозначаются двенадцать апостолов тринадцатого скрытого имама аль-Мехди, которые являются невидимыми руководителями и помощниками людей в самых затруднительных случаях их жизни. Они выводят заблудившегося в пустыне путника на дорогу, доставляют жаждущим в пустыне воду и пр. Эту миссию они выполняют до прихода аль-Мехди. В просторечии они называются просто гайб (غیب) или гаус (غوث).

к нему придет народ с поздравлениями. Когда он потом хотел показать, то оказалось, что и этот исчез.

Опечалился, впал в тоску царь, сделался диваной (сумасшедшим, юродивым) и ушел в пустыню. Видит в пустыне—стоит куполообразное здание, закрытое со всех сторон. Извнутри слышатся крики. Пошел царь после этого снова к маляньгу. „Говорил я тебе, царь“, сказал маляньг,—„не проси ребенка, сделается тебе худо от разлуки с ним—не послушался ты меня“. Пошел маляньг к куполообразному зданию и сказал: „Выходите, дети мои!“ Отвалился один угол здания, и вышли сорок сыновей. Пошли они в город, прошли на базар. Они были голые, и люди отворачивались при встрече с ними из-за их наготы. Фрукты ли, или какие-нибудь другие продукты они отнимали и поедали. С воплями пришел народ к маляньгу: „Ты что же—маляньг или чудовище?[1] Ведь ты привел несчастье и разорил наше имущество“. Закричал маляньг [близнецам]: „Пойдемте, дети мои!“ Эти сорок и маляньг стали сорок одним маляньгом. Вышли они из города и ушли, и привязалось к этому городу несчастье (болезнь), стали помирать люди и животные. Взмолились [господу]: „Все, что случилось, это по вине маляньга“.

Пошли [разыскивать] и нашли маляньга сидящим в одном углу, подсели к нему: „Привязалась к нашему городу беда, а ты—отражатель воли божией. Устрой так, чтобы отвратить от нас эту беду“. Закричал *маляньг „hӯ“* [2], *и появились [те] сорок детей. Пришли в город.* Беда, что [там] находилась, удалилась от действия их силы.[3] Приобрел город здоровье и благополучие. А этот маляньг и те сорок и суть те самые сорок чистых чильтанов“.

Для характеристики народных воззрений на чильтанов среди более образованных классов населения Туркестана можно привести следующий рассказ, слышанный мною в Ташкенте.[4]

В Бухаре, в медресе Кукальташ преподавал в старые годы мударрис Сарымсак-ахун, славившийся своей ученостью. Большое число учеников старалось попасть к нему учиться. К нему заходил иногда один дивана (юродивый), в лохмотьях, самого отвратительного вида. Входя, он еще издали кричал: „Эй, Сарымсак!“... И учеников ученого мударриса очень шокировало то, что сам мударрис при этих словах момен-

---

[1] В оригинальной записи: „ту маlаньг астӣ, jō balṓ?“ Balṓ (بَلا) — демоноподобное существо, ведьма, пожирающая людей.

[2] Обычный возглас дервиша (هو—„он“, т. е. бог).

[3] В записанном мною тексте стоит: „ōн чі balṓ буд, аз дам-і īјṓ чап шют“— آن چه بلا بود از دم ایشان چپ شد. „Дам“ (دم) — „дыхание“, действие духовной силы через дуновение. Такое „дыхание“, физическое дуновение, употребляется и до сих пор в Средней Азии ишанами, заклинателями и пр. для передачи вместе с ним и духовной силы, своей благодати.

[4] Любезно сообщен мне Сайид Камалем, практикантом ташкентского наречия при Вост. Факультете САГУ.

тально вскакивал с места и подбегал к диване, почтительно сложив на животе руки и слегка склонив туловище, полный внимания к тому, что он скажет. Ученики негодовали.

Однажды дивана сказал мударрису: „Если хочешь посмотреть на то, что я тебе собираюсь показать, приготовься пойти вечером вместе“. В назначенное время дивана зашел за мударрисом и повел его за город. Они долго шли и потом подошли к какому-то мазару, окруженному деревьями. Было уже совершенно темно. Дивана приказал мударрису не двигаться с места и ожидать его, а сам пошел по направлению к мазару. Долго ждал его Сарымсак-ахун и под конец потерял всякое терпение. Чтобы выяснить, что случилось с диваной, он решил пойти в том же направлении, куда ушел тот. Осторожно продвигаясь, он заметил впереди какой-то свет. Прячась под деревьями, он приблизился и увидел, что около могилы святого сидят человек сорок различных людей и при свете горящего светильника ведут беседу. Там же сидит и дивана. Из подслушанного разговора выяснилось, что у присутствующих умер один из их среды и они вели совет, кого выбрать вместо него. Дивана предложил избрать Сарымсак-ахуна.—„Этого заносчивого мударриса-то, который так горд своей ученостью? Нет, на это мы не согласны“, возразили некоторые. Каждый затем начал выставлять и хвалить своего кандидата. Раздосадованный и огорченный неблагоприятными отзывами о нем, Сарымсак-ахун встал и ушел домой. Когда он потом увидел дивану, то на его расспросы последний объяснил, что то были чильтаны и что происходил выбор нового члена на освободившуюся вакансию. „А так как ты мне друг, то я и старался замолвить словечко за тебя“, прибавил он. „Каждый, ведь, старается придвинуть золу к своей [пекущейся] лепешке“.[1]—„Кого же выбрали“, полюбопытствовал мударрис.—„А вот, если хочешь посмотреть, приходи завтра на рассвете к городским воротам. А я встану на противоположной стороне улицы, чтобы не было заметно, что я тебе показываю“.

Еще были видны последние звезды, когда пошел Сарымсак-ахун к городским воротам. Сначала не было никого. Потом стали понемногу подходить женщины, дети, неся на продажу молочные продукты, так как здесь было место, где их продавали. Показался один очень хорошо одетый, красивый молодой человек, видимо из очень знатного дома. Подошел, купил чашку катыка (кислого молока), вынул замечательно изящную, ценную фарфоровую чашку, перелил туда катык и крикнул носильщика („хамбол“—حمّال). Подошел какой-то жалкий старик в лохмотьях, дрожа в них от утреннего холода.—„Сможешь ли ты донести и не разобьешь ли—ведь чашка очень дорогая“, спросил юноша.—

[1] Пословица—„ḣар ким уз кумо̆чига́ куль тарта́р“—هر کیم اوز کوماچیگا کل تارتار т. е. „каждый тащит золу к своему кумочу“. Кумо̆ч—лепешка, пекущаяся в золе от костра.

„Донесу, господин, не беспокойтесь!“ Только что они тронулись юноша впереди, а старик сзади,—как, пройдя несколько шагов, старик споткнулся, упал, и чашка разлетелась в куски, катык разлился. Старик поднялся, прося прощения, а юноша на него бросился и нанес ему несколько ударов по голове, отчего старик покатился в грязь. Негодующий юноша ушел, а старик с трудом поднялся, измазанный грязью, и стал вытирать кровь, текущую у него по лицу.

—„Ну, что, видел“, спросил Сарымсак-ахуна подошедший дивана.— „Вот этот старик и есть тот, кого в прошлый раз выбрали. А этому юноше угрожало большое несчастье („āфӓт“—آفت), которое нависло над ним. Нужно было его отвратить. И вот новый чильтан, под видом носильщика, нарочно бросил на землю и разбил его драгоценную чашку, чем отвлек несчастье, поразившее таким образом вместо юноши его чашку“.

Обычны воззрения, главным образом, конечно, книжные, что чильтаны бывают из мусульман. Но мне встречалось также утверждение среди народа, что чильтаном может быть всякий сам по себе хороший человек и вне его религиозных верований, могут быть и не мусульмане.

Очень любопытная деталь в образе чильтанов встретилась мне в апокрифической истории Тимура, написанной на персидском языке и довольно распространенной в Туркестане.[1] Сообразно ей можно предположить, что чильтаны—м а с о н ы, так как имеют во время своих собраний вид каменьщиков.

Согласно повествованию, отец Тимура, Тарагай Багадур, прежде чем жениться на матери Тимура, приходит к знаменитому подвижнику того времени и святому Бухары (شیخ العالم), и тот предлагает ему посмотреть между пальцами его руки. „Когда он посмотрел, то увидел, что [подходят люди] все одетые в зеленое и белое, к а ж д ы й и з н и х н е с н а с п и н е к и р п и ч и и и з в е с т ь. Святой шейх указал, что это люди сокровенные („мардáн-и ғайб“). Тарагай Багадур спросил: „Кто же из них кутб (гросмейстер, „полюс“)?“—„Кутб умер“, сказал святой шейх. Тарагай Багадур заметил, что он знал большую часть этих людей. Каждый из них внешне занимался каким-нибудь ремеслом, а внутри они являются людьми сокровенными“.

بیا ما بین انکشت ما نظر کن چون نظر کرد دید که همه سبز پوشان و سفید پوشان بر پشت هر یکی خشتی و کچی میارند حضرت شیخ تعیین میکردند ایشانان مردان غیب اند ترغای بهادر پرسید که قطب کدام است حضرت ایشان کفتند قطب مرده است اما ترغای بهادر میکفت اکثر آن مردمرا میشناختم هر کدام اینها بظاهر بکسب کاری مقیّد بودند اما در باطن از مردان غیب بوده اند.

[1] Имя автора этого сочинения неизвестно, не обозначено оно и в имеющейся у меня рукописи этой „Тимур-нама“ (تیمور نامه), а также в литографированном ташкентском издании этого сочинения (литография Гулам Хасан Арифджанова, 1331 г. х.), выпущенного под претенциозным заглавием تیمور نامهٔ کلیات فارسی.

По рассказу в книге дальше следует, что чильтаны выбирают шейха своим кутбом, а он обусловливает свое согласие на принятие этой степени тем, что в одну ночь чильтаны строят для него великолепное здание под ханака (خانقاه).

В том же самом сочинении имеется также отдельная глава под названием: „Рассказ о встрече Тимура с людьми сокровенными"—داستان واخوردن رجال الغیب بصاحبقران.

Приведенный выше образ чильтанов с кирпичами и принадлежностями каменьщиков в руках встречается, как передавал мне ташкентец Гулам Зафари, и в устных народных рассказах (мне самому эта форма представлений не попадалась). По его словам, в связи с этим чильтаны пользуются также репутацией чудесных строителей зданий и, иногда, проявляют свое содействие, помогая в постройке нуждающимся.

А. Л. Троицкая.

Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда.

Описанию первых дней ребенка и связанных с ними обрядов среди оседлого населения Туркестана посвящены две небольшие работы В. П. и М. В. Наливкиных и Н. Худояр-хана. Между тем известно, какое значение имеет для этнографа изучение обрядовой стороны жизни ребенка и как подчас сильно она различается по отдельным районам.

Предлагаемый очерк, отнюдь не претендуя дать законченную картину детской жизни, имеет целью представить в более или менее систематическом виде результаты расспросов и личных наблюдений автора, сделанных в Ташкенте и в Чимкентском уезде. Даже теперь можно указать, какую существенную роль во всех этих обрядах имеет мотив охраны ребенка от злых духов, в особенности в некоторые моменты его жизни. Подробности существенно различаются даже в узких пределах собранного материала.

Ребенка и мать все время оберегают от злых духов, от которых грозит серьезная опасность сначала матери при родах, затем ребенку. При родах матери угрожает „албасты". Одна женщина рассказывала, как она увидела албасты. Ничего не подозревая, она мела двор. Оглянулась —видит сидит женщина величиной с собаку. Сидит по-собачьи. Длиннейшие груди обвисли по сторонам, волосы желтыми космами спустились на лицо. Сидит и усмехается. Перепуганная женщина бросила веник и убежала. Когда она вернулась, никого не было.

Албасты многие видят и знают. Когда женщина родит, то албасты старается не выпустить послед. Если ей это удается, то она продвигает постепенно послед к горлу роженицы и душит ее, как говорила одна очень опытная „доя", повитуха, в с. Карамурте.[1]

Ребенку угрожает опасность в Ташкенте от аджины,[2] в Карамурте от момо, в Сайраме[3] от дэрд'а.[4]

---

[1] Карамурт—небольшой кишлак в 25 в. от Чимкента.

[2] Аджина представляется в виде женщины громадного роста с косматыми желтыми волосами. См. Наливкины, В. и М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886 г., стр. 146, 171.

[3] Сайрам большой старый кишлак в 12 верстах от Чимкента. (Ср. выше, стр. 151 сл., статью П. П. Иванова: К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Ред.).

[4] Дэрд (درد)—буквально значит болезнь. Слово персидское.

Вспоминается случай в Ташкенте. Около одной роженицы собралось много женщин. Болтали, сидя около сандала[1] за чаем и угощением. Молодая мать лежала поодаль с ребенком. Говорили о только что кончившихся трудных родах, о количестве вышедшей крови и прочее. Показывали знающим старухам ребенка.[2] Одна из них, обратив внимание на желтый цвет лица младенца, покачала головой. Остальные предавались мечтам о предстоящем положении ребенка в колыбель. Строили всевозможные планы. Через несколько дней выяснилось, что ребенок умер. Смерть его приписали аджине.

Первые сорок дней ребенка считаются особенно опасными для его жизни,[3] и все силы повивальной бабки и женщин направлены на предотвращение опасности. В Карамурте повивальная бабка с уверенностью говорила, что существует дэрд. Это никем не видимое существо, но чрезвычайно опасное для ребенка. Если оно тронет ребенка (дэрд теккǽ), то спасения нет. У ребенка начинается подергивание конечностей; кисти рук сжимаются с такой силой в кулачки, что их ничем нельзя разжать; рот перекашивается; ребенок обязательно умирает. В Сайраме смерть многих новорожденных также приписывается дэрд'у.

Мать, начиная говорить о будущем, непременно добавит „чillæ сэхlæсӯ́н“ или же „худо́ сэхlæсӯ́н“, т. е. „пусть сохранит сорокадневие“ или „пусть сохранит бог“. В течение всех сорока дней ночью в помещении, где спит мать с ребенком, не тушат огня. Ребенка никогда не оставляют одного в это время, а если мать и выйдет, то всегда оставит кого-нибудь с ним. В Ташкенте был такой случай: после долгого перерыва в детях родился мальчик. Отец и мать были счастливы. Положили ребенка в колыбель. Через несколко дней он умер. Мать приписала его смерть аджине, так как на 11-й день ей пришлось оставить ребенка одного. Она упрекала за невнимание к себе и ребенку окружающих, поставивших ее в безвыходное положение, когда ей некого было оставить вместо себя. В течение сорока дней мать никуда не выходит со двора и не выносит ребенка, никому не показывает его, кроме самых близких лиц, боясь сглаза. Повивальная бабка, специально приглашенная на роды, живет в доме пациентки до положения ребенка в колыбель и наведывается потом до истечения 40 дней. В первые дни с роженицей спят 5-6 женщин. В эти дни постоянно можно слышать рассказы о попытках аджины пробраться к ребенку. В течение 40 дней роженица соблюдает диэту: не ест жирного, ест мало мяса, сахару, фруктов, избегает яиц. Пьет

---

[1] Сандал—углубление в полу; в него накладываются горячие угли, сверху над ним ставится стол на низких ножках и покрывается сверху стеганым одеялом. Сандал употребляют во время холодов. Все размещаются вокруг столика, засовывая ноги в яму и покрывая их сверху краем одеяла.

[2] Ребенок в течение 40 дней показывается только близким.

[3] См. Наливкины, В. и М. цит. соч. стр. 171, где сказано о шести опасных неделях, и Худояр-хан, Н. Некоторые обычаи и суеверия у сартов, связанные с рождением ребенка, отд. отт. из „Этнографического Обозрения“, кн. 80 (М. 1909), стр. 3.

чай с молоком, ест кушанья, относящиеся к „холодной“ пище, как аталя,[1] хурдо,[2] ун-ош [3] и другие. Особенно строго выдерживается диэта в первые дни до положения в колыбель, затем 20 дней менее строгая и, наконец, ослабленная 40 дней. Все сорок дней мать и ребенка окуривают травой исрык‘ом [4] Первые дни три раза в день. Окуривает доя, шепча такие слова:

исрык̕ ісмǽн дēдīlǽр,
сізі̕ бізгǽ дēдīlǽр,
ішікдǽн кеlгǽн бælōгǽ
kælkо̄́н исрык̕ дēдīlǽр.

—

Исрык испандом называют;
про вас говорят, что вы для нас;
на беду, вошедшую в дверь,
исрык—щит, говорят.

Бабка зажигает исрык обычно в совке и обводит им вокруг головы и тела матери три раза, поднимает подол ее рубахи и старается, чтобы дым попал между ног; вокруг ребенка обводит также три раза.

Чилля (چلّه) разделяется на малую и большую („кичик чилля“, „катта чилля“). Малая чилля равняется первым 20-ти дням, большая—все 40 дней. В чилле необходимо выделить моменты, отмеченные либо специальными обрядами, либо особым торжеством, а именно: 1-й день ребенка, 3-й день, отпадение пуповины, 5-ая, 7-ая и 9-ая ночи, положение в колыбель, конец малой чилли и конец большой чилли.

1-й и 3-й день ребенка.

Тотчас после родов доя перевязывает пуповину (кендык̕) мягкой кисейкой, [5] выковыривает из перевязанного конца пуповины кровь иголкой, присыпает солью и перекладывает ватой.[6] Покончив с родами, доя прибирает все в комнате, моется сама, моет ребенка. Роженица

[1] Аталя—род киселя из муки, поджаренной на сале.

[2] Хурдо—похлебка из риса, приправленная кислым молоком.

[3] Ун-ош—лапша, сваренная на воде; сдабривается кислым молоком. Относительно диэты см. также у Наливкиных, цит. соч., стр. 171.

[4] Исрык обладает свойством отгонять злых духов. По персидски наз. اسپند (Peganum Harmala L.). В Туркестане употребление исрык'а очень распространено, его не только жгут, но и привешивают на стенах дома. См. относительно окуривания исрык‘ом после родов у Н. Худояр-хана, стр. 2. Н. Худояр-хан упоминает об окуривании смесью чеснока с красным перцем (там же). Последнего я не встречала.

[5] Пуповина перерезается бритвой на точильном бруске. Брусок впоследствии кладется под одеяло роженице, бритва откладывается и не употребляется. Пуповина оставляется длиною в $^{1}/_{2}$ аршина.

[6] Худояр-хан (цит. соч.) на стр. 3 говорит, что доя, отрезав пуповину и завернув ее в чистую тряпку, прижимает ее вместе с ребенком к своей груди. Ср. Наливкины, стр. 171.

обмывается сама после выхода последа.[1] Помощница повивальной бабки или мать роженицы, которая, если жива, всегда присутствует при родах, готовит в это время на кухне аталя. Роженица должна ее поесть. Убрав все, доя начинает мыть ребенка—садится над тахарат-ханой,[2] вытягивает свои ноги в таз. На ноги сажает, придерживая одной рукой, ребенка и в таком положении моет, не погружая в воду, а поливая. Сначала моет ребенка мылом. В воду мать кладет деньги (обычно 20 к. серебром) или кольцо. В Ташкенте кладут деньги, в Сайраме в воду ничего не кладут, в Карамурте иногда в первый раз кладут кольцо. Кольцо или деньги повитуха берет себе. Вымыв ребенка мылом,[3] она поливает его густым раствором соли и водой с глиной; последняя берется со стены дома,[4] толчется и заливается водой. Соль и землю кладут в воду, чтобы предохранить ребенка от высыпаний. Искупав ребенка, бабка пеленает его в старые, но чистые тряпки [5] и кладет справа около матери, накрыв чашваном. [6] В Карамурте и Сайраме на ребенка надевают так называемую ит-куйнак (*собачья рубашка: круглая тряпка с вырезом посредине для головы*) и запеленывают.

Рот ребенка смазывается коровьим маслом, затем мать дает ребенку грудь. В изголовье роженицы кладется лепешка.

По выходе последа (юлдаш) доя закапывает его с ōшиќ,[7] если родился мальчик, и с куклой, если—девочка, в той же комнате в углу или у порога, выбирая места, где меньше ступают.

В Ташкенте доя, закапывая послед, изображает рвоту; делается это для того, чтобы ребенок меньше отрыгивал. Утрамбовывая землю, она отплевывается три раза и приговаривает: jɔмо́н kēlmæril, jæхшӣ́ bōlγil—не окажись дурным, стань хорошим.

---

[1] Наливкины, стр. 171.

[2] Тахарат-хана—углубление в полу, прикрытое сверху кирпичами, со стоком и отверстием в середине, служит для совершения омовения. Уровень настилающих кирпичей ниже уровня пола.

[3] Наливкины (стр. 175) упоминают, что перед купаньем лицо и голову ребенка намазывают катыком; в Ташкенте моют мылом.

[4] Туземные постройки в Туркестане обычно либо каркасные, либо глинобитные. Глина смешивается с соломой (саманом), и ею обмазывают стены.

[5] Иногда тряпки берутся из одежды старых людей, чтобы ребенок прожил дольше.

[6] Чашван—сетка из конского волоса, надеваемая женщиной на лицо при выходе на улицу (из перс. چشم بند или چشم بان). Ребенка держат под чашваном в Карамурте и Сайраме все 40 дней; до положения в колыбель прикрывают им ребенка, а после положения в колыбель накидывают чашван на перекладину колыбели. В Ташкенте закрывают только до положения в колыбель.

[7] Ōшик—косточка из ноги барана; в ошички играют мальчики.

В Карамурте приговаривают:

та̄ш дак бо̄лсу́̄н,
тему́̄р дæк бо̄лсу́̄н,
ӣт дæк тiш|ǽб тӯрсу́̄н!

—

Пусть будет, как камень,
пусть будет, как железо,
пусть, как собака, закусит и держит!

В случае, если дети умирали, или был большой перерыв в них, послед вешается в глиняном кувшине с ошиk или куклой на плодовое дерево.[1] В Карамурте делают то же, помещая послед в тыкве с куклой или ошиk на плодовом дереве или в хлебном амбаре, выбирая места, менее всего посещаемые людьми. Такое средство считается действительным. В Ташкенте одна повивальная бабка рассказывала, что после того, как она повесила послед на дерево, у женщины начали родиться дети все живые, тогда как прежде умирали один за другим.

В тот же день к знакомым и родственникам посылают „суюнчи“ (вестник радости) сообщить о радостном событии. Посланца оделяют подарками. Дают халат, деньги.[2]

Днем приходят женщины с поздравлениями. Каждая приносит сласти (сухие фрукты, сахар), блюдо с пловом, лепешки и сарпа [3] (отрез на рубашку матери, принадлежность детского костюмчика). Уходящую, в свою очередь, наделяют лепешками, сластями — нельзя отпустить ее с пустыми руками. В первый день посещают наиболее близкие родственницы. Большинство женщин приходит в следующие дни. Первую неделю вокруг роженицы всегда масса народа, многие остаются ночевать. Чем больше людей, тем меньше опасность от злых духов. На третий день отец ребенка устраивает угощение мужчинам.

Отпадение пуповины.

Пуповина отпадает летом на третий день, зимой на пятый. Отпавшую пуповину доя завертывает в тряпку и кладет около матери и ребенка. При положении в колыбель пуповину привязывают внизу (справа)

---

[1] Худояр-хан упоминает, что послед „закапывают на чистом месте или, поместив в глиняный кувшин, вешают на дерево, находящееся против дома новорожденного“ (цит. соч., стр. 3).

[2] Худояр-хан, говоря о суюнчи, на стр. 5 упоминает, что посланный не берет себе подарков, не оставляет у себя, а вручает роженице. Та, посоветовавшись с мужем, часть отдает бабке, остальное делит между слугами и бедными родственниками. Наливкины (стр. 172) пишут, что суюнчи получает вознаграждение в размере нескольких копеек.

[3] Сарпа — (из перс. سرتاپا) называют одежду, что дарят на праздниках — отрез на рубаху. Иногда сарпа состоит из полного костюма, а иногда только из нескольких аршин материи.

в изголовьи колыбели, где она остается до тех пор, пока ребенок не подрастет.

В Ташкенте момент отпадения пуповины ничем не отмечается. На ребенка надевают рубашку [1] с круглым вырезом и снимают ее только в конце 20 дней при купании. Первую рубашку ребенка, называемую „ит-куйнак“ или „чилля-куйнак“, оставляют для последующих детей и больше не надевают.[2]

В Карамурте в день отпадения пуповины доя моет ребенка (так же как в первый день; в воду ни денег, ни кольца не кладут), надевает на него рубашку, повязывает платок с тремя нашитыми перьями филина (укки),[3] на ручки и ножки навязывает скрученные белую с синей нитки [4] минчак (буквально минчак—бусы), похлопывает ребенка белой и синей тряпками и приговаривает:

бісміллǣ́і ррæхмǣ́ні ррæхі́м!
маны́ң̡ kōлы́м емǽс
бібі́ пǣтімǽ, бібі́ зуʰрá kōлы́,
ума́й-ана́, kамба́р-ана́ kōлы́,
тāш дак kыл,
тēмӯ́р дæк kыл,
сутīгǣ́ аγа kыл (?)

—

Во имя бога милостивого и милосердного!
не моя рука,
рука биби Фатымы, биби Зухры,
рука матери Умай,[5] матери Камбар,
сделай как камень,
сделай как железо,
в отношении молока сделай его старшим братом (?)

---

[1] Рубашки маленьких детей не подшивают в подоле. Объясняют тем, что если подшить рубашку, то дети не будут больше родиться. Говорят, что можно подшивать тогда только, когда появится следующий ребенок. Однако это не всегда выдерживается. Первые год-два ребенок ходит с неподшитым подолом. Иногда грудным детям выпускают боковые швы наружу. Покрой рубашки тот же, что у взрослых.

[2] Наливкины (стр. 174) упоминают, что первая рубашка надевается на ребенка на 6-й, 7-й день.

[3] Перьям филина приписывается свойство отгонять злых духов; они считаются также средством от сглаза. Особенно распространены перья филина в Карамурте. Их нашивают на колыбель, их носят (в косах на спине) беременные женщины. Из них делают султаны в 1/2 аршина длины на тюбетейки детей.

[4] В Ташкенте иногда также навязывают нитки для того, чтобы ребенок был упитанный.

[5] Умаі — добрый дух, хранитель младенцев, дух, который берет душу умерших. Обыкновенно говорят умаїнäзі и др. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречей, т. I, Спб. 1893, стр. 1788 и Мелиоранский, П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина, З. В. О. т. XII. Спб. 1899, стр. 71 § 31.

Бабка надевает ит-куйнак (первую рубашку) на шею собаке. Здесь строго различается пол: если ит-куйнак с девочки, то надевается на самца, если с мальчика, то на самку. [В Ташкенте ит-куйнак (var. чилля-куйнак) надевают на собаку (самку) в случае бесплодия]. Надевая, приговаривает:

бісміллǽі ррæхмǽ̄ні ррæхі́м!
мў̆бæрǽк бо̄лсў́н,
чаkало̄́kым кæттǽ бо̄лсў́н!

—

Во имя бога милостивого и милосердного!
да станет благословенным! [1]
пусть мой младенц станет большим!

Вечером бабка мажет ребенка сажей. Некоторые повитухи мажут только пупок, другие—лоб, виски, подбородок, ладони рук, подошвы ног, пупок, шею сзади, под мышками. Мажет со словами:

бісміллǽі ррæхмǽ̄ні ррæхі́м!
дɔɣ, дɔɣ, дɔɣ!
емлæмǽ̄к мæндǽ̄н,
kаты́б kалмák сæндǽ̄н!

—

Во имя бога милостивого и милосердного!
пятно, пятно, пятно!
мазать-то буду я,
затвердеть должно тебе!

В случае, если на пупке образовалась язвочка, то зажигают белый и синий пилики [2] и золой от них присыпают пораженное место. В Карамурте после отпадения пуповины ребенка купают каждый четверг.

Опасные ночи.

Самой опасной ночью считается пятая, затем седьмая и девятая. Вокруг роженицы собираются женщины; некоторые не спят всю ночь и не позволяют спать роженице, коротая ночь в разговорах, пении, игре на дутаре.[3]

Муж в эту ночь никогда не уходит со двора. В одном доме муж собрался идти под вечер по делу. Жена остановила его, напомнив, что сегодня пятая ночь. Он покорно остался дома.

В Карамурте устраивается специальное угощение на пятый день, называемое „бешинчи́ ахшо́м“ (пятый вечер). Женщины собираются

---

[1] Одновременно مبارك بولسون значит также „поздравляю“.

[2] Пилик—лучинка камыша, обмотанная тряпкой или ватой, промасленной в растительном масле. Употребляется для ритуальных целей.

[3] Дутар—двухструнный музыкальный инструмент.

с утра, приносят с собой лепешки, сухие фрукты, катлома (тонкие лепешки, жареные на масле). С утра идет стряпня. Готовя угощение, доя и хозяева приговаривают:

дæрд ӯјгǽ кірмæсӯ́н,
балаγá тēгмæсӯ́н.

—

Пусть дэрд не войдет в дом,
пусть не тронет ребенка.

Вечером повивальная бабка мажет ребенка сажей.

В Ташкенте на пятую ночь впервые мажут ребенку сажей лоб, виски, под подбородком, подошвы ног, ладони рук. В Сарайме только лоб. Некоторые повитухи заменяют смазывание сажей орехами: берут 11 орехов, разбрасывают их на ночь в два угла комнаты, на утро орехи отдают детям. Прежде в Ташкенте разводили ночью на дворе костер, подсыпая в огонь порох.

На седьмую и девятую ночь проделывается то же самое, но далеко не всегда. Особенно опасной считается все же пятая ночь.

Положение в колыбель.[1]

Одним из наиболее важных моментов в жизни новорожденного считается положенче в колыбель.

После положения в колыбель опасность со стороны злых духов сильно уменьшается. Накануне положения в колыбель мать моется. В этот же день шьют все необходимое для колыбели: тюфячки, одеяла, подушки и пр.

Незадолго до назначенного дня колыбель покупается отцом. Если ребенок не первенец, то „бешик" (колыбель) переходит к нему от старших детей. Кладут в колыбель, когда ребенку исполнилось 7, 9, 11 или 13 дней, чаще всего на 9-й день

День выбирается хороший, легкий.[2] В случае, если родится первенец и родители жены живы, то теща дарит бешик со всем приданым, и устраивается большой праздник, именуемый „бешик-туй" (праздник колыбели).[3] Часто бывает, что бабушка не может собраться с деньгами, тогда торжество откладывают, ребенка кладут в колыбель обычным порядком, а затем через год, два, иногда и больше, устраивается „бешик-туй."

Положение в колыбель совершается либо рано утром, либо в послеполуденный „намаз дигар". Слишком поздно избегают класть, стараясь все

[1] Наливкины, стр. 173-174; Худояр-хан, стр. 3.

[2] Самые счастливые дни: четверг, пятница; самые дурные: вторник, среда. В дурные дни никогда не начинают дела, не моют головы, не стирают белья.

[3] Худояр-хан, стр. 4.

закончить засветло. Собираются исключительно женщины. Когда положение в колыбель не сопровождается праздником, то приглашаются только самые близкие родственницы.

В Ташкенте я видела положение в колыбель.

Было лето. К вечеру все вышли во двор перед домом около айвана (*навес перед домом*), разостлали одеяло для роженицы, поставили низенький столик, накрыли дастарханом, расположили подносы с сухими фруктами, сахаром, сластями, орехами, наложили лепешек. Все разместились вокруг столика. Маленькие дети бродили, зарились на сласти, исподтишка воровали. Отец был тут же. Доя вынесла из комнаты готовый бешик и поставила слева от роженицы. Взяв совок с углями, наложила в него исрык и окурила мать и ребенка. Сохраняя самое серьезное выражение лица, даже торжественное, она взяла камышинку, накрепила на нее две белых, две синих полоски материи, промаслила, зажгла. Огонь ярко вспыхнул. Обводя огнем вокруг колыбели справа налево, шептала:

xæl5́c, xæl5́c, бælōдǽн xæl5́c,
егælæpí kēlди́ īтlæpí kōч!

—

Освобождение, освобождение, от беды освобождение!
хозяева пришли, собаки прочь!

Сбросила еле тлеющие тряпки в совок. Немного пепла отделила в горшок колыбели. Повитуха взяла брусок,[1] положила его поперек и спросила: „шундоk (так?)“—„jōk (нет),“ энергично запротестовала бабушка. Бабка тогда кладет брусок вкось. Опять вопрос, опять протест. В третий раз брусок примеривается вдоль колыбели—„ha (да)“—соглашается бабушка. Брусок кладется под подушки в изголовье. То же проделывается с осколком зеркала, бритвой, гребнем.[2] Туда же кладут перец, лук, маленькую лепешку из пресного теста. Отец самодовольно ухмыляется, мать радуется. Доя берет ребенка и, примерив его три раза, укладывает в колыбель. Умелые руки быстро привязывают младенца к колыбели.[3] Мать дала грудь ребенку. Доя и бабушка осыпали ее сластями. Все бросились подбирать урюк, кишмиш. Особенно старались ребятишки, женщины не отставали.

---

[1] Брусок, бритва берутся непременно те, что употреблялись при родах.

[2] Гребень обычно лежит под подушкой ребенка. Если ребенок, лежа в колыбели, кривит голову, то гребень подкладывается с той стороны, куда он сворачивает голову. Накалываясь, ребенок начинает держать голову прямо.

[3] Бешик ставится на пол и никогда не подвешивается. Полукруглые спинки его соединяются перекладиной, на которой нарезаются свободно вращающиеся кольца для развлечения ребенка, навешиваются бусы, амулеты. Колыбель можно раскачивать из стороны в сторону, что достигается полукруглым срезом досок, к которым прикреплены ножки. В дне делается дыра, куда вставляется глиняный горшок. Сверху горшок накрывается деревянной круглой дощечкой с отверстием же. На дно колыбели кладется тюфяк, набитый обычно просом, сверху ряд ватных подстилок (каждая подстилка имеет

Повитуха взяла две лепешки и дала их чуть-чуть откусить матери. Ребята их вырвали из рук и, споря и ссорясь, убежали. Скоро вернулись, возвратив лепешки. Их разломали на мелкие кусочки и роздали каждому (сласти и лепешки во время положения в колыбель приносят счастье). Мать и бешик опять осыпали сластями, бросали деньги. Последние повитуха брала себе.

После положения в колыбель бабка получает материи на рубаху, деньги и отпускается домой. Уходит домой и мать роженицы.

В Карамурте и Сайраме порядок положения в колыбель тот же, что и в Ташкенте, хотя есть незначительные отклонения. В Карамурте кладут ребенка в колыбель утром. Здесь особенно строго следят за счастливыми и дурными днями. Доя берет пустой бешик. Положив на его перекладину 3 кусочка ваты (два по краям, один по середине), зажигает их. Настилает тюфячки, одеяло и пр. Обводит зажженными белой и синей тряпками вокруг колыбели, приговаривая:

халáс халáс hарнī бæлōдáн халáс
кӧзі́ јаманы́-кӧзі јамандáн халáс, халáс,
тілі́ јаманы́ тілі́ јамандáн,
кырk kаургасыдáн халáс,
отуз умуртkасыдáн халáс.

—

Освобождение, освобождение, от какой бы то ни было
беды освобождение!
если будет дурноглазый, освобожу от дурноглазого,
если будет злоязычный, освобожу от злоязычного;
от сорокареберного—освобождение!
от тридцатипозвоночного—освобождение!

Хлопает по бешику чашван'ом, куском белой и синей материи (последнюю берет себе), веником, которым вычищается зола из под котла, калошем.[1]

В изголовьи колыбели под подушку кладут точильный брусок, бритву, серп, лук, красный перец, коран. Когда ребенка положат, роженица держит, закусив, лепешку во рту (на лепешку в трех местах положено коровье масло), лепешку изо рта в рот берет бабка, приговаривая „кус, кус". Затем отдает детям. Бешик осыпают сластями.

отверстие), подушка для ног, подушка для головы. Сбоку к особой полке навязывают две полосы материи (пояса), ими прикрепляют ребенка. Один пояс идет через ноги, другой через руки. Пояс, обведя через ребенка, пропустив подо дном колыбели, закрепляют на перекладине тесемками. Сверху колыбель накрывают пологом, состоящим из двух половин. Моча спускается в горшок через деревянную трубочку, вставленную между ног ребенка.

[1] В Ташкенте, если пользуются временно чужим бешиком, во время туев, в гостях, и если бешик долгое время не был в употреблении, его очищают таким образом: одна из женщин берет чашван матери, похлопывает им по перекладине справа налево, шепча про себя заклинания, крутит им и, дав матери поплевать на него, отбрасывает; то же проделывает с ичигами.

В Сайраме положение в колыбель заканчивается иногда так: доя, положив ребенка, садится верхом на колыбель и, обращаясь к присутствующим говорит: „сатыw-ал!“ ساتيب آل (покупай). Каждая дает какую-нибудь мелочь повитухе. Аналогичный обычай существует у казаков Ташкентского уезда—там повитуха садится верхом на колыбель, делая вид, что понукает лошадь, ударяет нагайкой три раза по колыбели. В день положения в колыбель дается имя ребенку. Дает отец, дед, иногда бабушка или кто-нибудь из почтенных лиц.[1]

Близнецов мальчиков всегда называют Хасан и Хусейн, девочек—Фатима и Зухра.

Что касается бешик-туя, то он обставляется всегда очень торжественно. Из дома родителей жены идет процессия (утром) с нарядным бешиком, корзинами с угощением, лепешками, сластями, пирожками разных сортов. Иногда приглашаются специальные сурнайчи (флейтисты). Войдя в дом дочери, все передают дастарханчи.[2] Бешик торжественно вносят во двор две женщины, держа над головой. Бешик осыпают сластями. Кроме угощения и бешика, родители матери шьют целое приданое внуку или внучке. Делают подарки, обычно одеждой, дочери и зятю. Доя также получает вознаграждение. Все время идет еда. Одно кушанье сменяет другое. Дастарханчи снуют взад и вперед, раздавая подносы с сухими фруктами, сластями, лепешками. Со своей стороны родители ребенка оделяют отрезами материи бабушку, родственников жены, почетных гостей, бабку.

Когда бешик-туй совпадает с действительным положением в колыбель, то ребенка кладут вечером, когда гости разойдутся, и останутся только самые близкие. Ребенка толпе не показывают, опасаясь сглаза.

После положения в колыбель, ребенка начинают пудрить землей: берут глину со стены дома, толкут, завязывают в кисейку и припудривают между ногами, подмышками, шейку. Кроме того, смазывают там же бараньим салом. Делается это через день: один день присыпают, на другой мажут, на следующий снова присыпают и т. д.

Конец 20 дней („кичик чилля“).

В Ташкенте и Сайраме ребенка купают второй раз в конце 20-ти дней. Если мальчик, то его купают на 18-й день, чтоб калым платил меньше, если девочка, то на 20-й, чтоб калым взяла больше. Купает обычно доя. Если последняя почему либо не придет, то сама мать или кто-нибудь из близких. Моет так же, как и в первый раз. Если моет повитуха, то в Ташкенте в воду кладут деньги. В Сайраме вообще денег в воду не опускают. В Карамурте ребенка начинают купать после отпадения

[1] Наливкины, стр. 173—174.

[2] На семейные праздники всегда приглашаются дастарханчи (церемониймейстеры) —они ведают всем торжеством. В каждом квартале имеются свои дастарханчи (мужчина и женщина), избираемые жителями. Их присутствие на праздниках обязательно.

пуповины. В конце малой чилли доя похлопывает ребенка белой и синей тряпками. В Сайраме проделывают то же. После двадцати дней опасность потерять ребенка уменьшается. В Ташкенте одна женщина говорила, что „момо—аджина“ (т. е. бабушка аджина) после двадцати дней уходит от ребенка и не угрожает ему больше.

Конец 40 дней (чилля).

В Ташкенте и Сайраме этот день ничем не отмечается. В Карамурте напекают 40 лепешек, сзывают женщин. Доя разрезает ножом нитки на ручках и ножках ребенка, надетые в день отпадения пуповины, приговаривая:

бісміллǣ́і ррæхмǣ́ні ррæхі́м!
сары́k тішlі́к бо̄лсӯ́н.
аk чо̄чlі́к бо̄лсӯ́н.
höмріӊ ӯзӯ́н бо̄лсӯ́н
Різkі́ӊ бара̄бо̄́н бо̄лсӯ́н!

—

Во имя бога милостивого и милосердного!
пусть станет желтозубым,
пусть станет седым,
пусть жизнь твоя будет продолжительна,
пусть у тебя будет обильная (فراوان) пища!

После этого нитки заменяются бусами.

После 40 дней и мать и ребенок могут выходить из дому. В течение всех сорока дней отец видит ребенка, и даже требуется, чтобы ребенок спал между отцом и матерью.

Во время сорока дней существует ряд запретов, которые строго выполняются. Так в Карамурте в первые три дня, до отпадения пуповины, нельзя входить к роженице с мокрыми волосами или шить. В Сайраме роженица не должна говорить кошке „пшт“, собаке „кет“ [1] до отпадения пуповины. При роженице не упоминают слов: калй́д, kулу́п, ангушворá, чичворá—ключ, замок, наперсток, пирожок формой замкнутого кольца. В Карамурте этих слов не упоминают до конца 40 дней, в Ташкенте и Сайраме—первые дни.

После сорока дней ребенка не оберегают от злых духов, считая, что опасность миновала. Только в тех случаях, когда мать принуждена возвращаться с ребенком в темноту, она мажет ему сажей лоб и старается закрыть его лицо платком.[2]

---

[1] „Пшт“, „кет“—значат «брысь» и «пошла», когда гонят собаку или кошку.

[2] Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность М. С. Андрееву, К. К. Юдахину и И. И. Зарубину за те ценные указания, которыми я имела возможность воспользоваться во время своей работы.

И. И. Зарубин.

Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги.

В литературе по этнографии оседлого населения Средней Азии до сих пор почти не уделялось внимания описанию обрядовой стороны детской жизни. Одновременно публикуемая работа А. Л. Троицкой „Первые сорок дней ребенка (чилля)“[1] и более ранние работы супругов Наливкиных и Худояр-хана,[2]—вот все существенное, что имеется по вопросу. Притом эти работы далеко не имеют исчерпывающего характера и посвящены исключительно оседлому турецкому населению сравнительно крупных центров. Жизнь ребенка горных иранцев, в других отношениях более или менее описанных, почти не затронута этнографическим исследованием, если не считать более или менее случайных упоминаний. Между тем известно, какой большой интерес представляет обрядовая сторона детской жизни для этнографии.

*Попытку частичного заполнения этого пробела представляет следую*щее изложение. Оно основано на наблюдениях и расспросах, сделанных в 1915—1917 гг. в Шугнане, понимая под последним всю область распространения шугнанских и рушанских говоров. Наблюдения производились преимущественно в шугнанских селениях Хороге и Поршниве. Главными осведомителями были шугнанцы Гулом-Али из с. Поршнив, Саид-Шо-Фозыль оттуда же, рушанец Имом-Назар из с. Вамар, бартангцы Абдурраим и Сафар из с. Сипондж и житель с. Нусур аксакал Кабул. Полученные сведения, по возможности, проверялись личными наблюдениями и сведениями из других источников.

Как только роженица чувствует приближение родов, она тотчас заявляет об этом матери или старшей родственнице, говоря, что она беременна (pōc-bēmōr, ziryōt-bēmōr). Мужчины уходят из дома, а на их место приходят женщины—пожилые и опытные из родственниц и односельчанок. Роженица снимает с себя панталоны, оставаясь в одной рубашке, и опускается на пол перед очагом, над углублением в полу, служащим для стока нечистот (čālak). Если это углубление, как иногда бывает, небольших размеров или вообще жилое пространство тесно, то роженица помещается посреди дома, под отверстием в потолке (rūzm). Во всяком случае роды происходят на полу; только в орошорском районе

[1] См. выше, стр. 349 сл. Ред.

[2] О них см. выше, стр. 349—350. Ред.

рожают на нарах против входа (čarwō-nūx), что объясняется, очевидно, тем, что здесь эта часть нар служит также для корма скота, и отпадает опасение загрязнить нары нечистотами родильницы. Очевидно, по этой же причине в орошорской области под родильницу ничего не подкладывают, тогда как в Шугнане под нее подставляют небольшое корыто (xex̌t).

Рожают, сидя на корточках, слегка приподнявшись. За роженицей (zēča) помещается бабка (pīr-zēča); она поддерживает роженицу за талию с обеих сторон. В Орошоре обычно роженица опирается на плечи двух женщин, находящихся перед ней, бабка (pīr-zēča) отсутствует.

Если роды затягиваются, обращаются к мулле: он на тонком куске (или трех кусках) бересты (bruǰ, bẹruǰ), служащей вместо бумаги, пишет молитву. Этот tix̌tōv (так называется береста с написанной на ней молитвой) тщательно вымывается в воде, пока совершенно не сойдут чернила. Вода выпивается родильницей, а береста сжигается на очаге. Иногда, кроме того, берут от муллы tumōr—молитву, написанную на длинной полосе бумаги—и обвязывают ею вокруг живота родильницы.

Помимо того, при затяжных родах или неправильном положении младенца, прибегают к более непосредственным мерам: бабка разминает живот родильницы, или даже просто руками извлекает младенца. Конечно, бывают несчастные случаи со смертельным исходом, чаще для ребенка.

По появлении ребенка, его подхватывает одна из ближайших пожилых родственниц. В Шугнане ребенок всю жизнь называет ее матерью (nan) и должен относиться к ней с соответствующим почтением; в Орошоре она также считается „старшей матерью“ (xaydar nan), но с этим именем не связывается особенных знаков внимания.

Бритвой перерезывают пуповину, и ранка присыпается мелким порошком из растертых на камне жженых ядрышек горького абрикоса и перевязывается. В самых верхних селениях орошорской области пуповина просто перевязывается, без присыпки.

В Орошоре новорожденного обмывают, вытирают до-суха, употребляя для вытирания какую-нибудь ветошь (ее потом выбрасывают в воду), и закутывают тряпками, голову повязывают платком. В других местах ребенка не обмывают, а обсыпают золой, вытирая ее излишек. Голову (а у мальчиков и половые части) заворачивают в мелко сваленную овечью шерсть, пропитанную маслом; при этом берут исключительно черную шерсть: мясо черного барана считается более горячим, а потому и черная шерсть приносит больше тепла. Поверх шерсти голову закутывают в платок и повязывают узкой пеленкой; на тело надевают рубашку, и, наконец, запеленывают в несколько тряпок, так что получается бесформенная масса—wīx̌ták. Под ребенка подкладывается пеленка с насыпанной на ней просяной мукой для впитывания выделений.

Еще до наряда новорожденного или во время его ребенку повязывают красной шерстяной нитью кисти обеих рук или, по крайней мере, одной правой. Определенного назначения эта нить не имеет; она держится, пока не оборвется сама, дней двадцать, иногда дольше. (Нужно заметить, что жеребятам также, тотчас после рождения, повязывают ноги красной шерстяной ниткой.) Иногда мальчикам, кроме того, в это же время повязывают шею несколькими (обычно от 3 до 7) волосами, выдернутыми из хвоста жеребца. Эти волосы остаются в течение 7 дней и имеют значение специального оберега против детской болезни (kẹlé), состоящей в разбухании горла и языка; она происходит, между прочим, будто бы, от того, что кто-нибудь проедет мимо дома верхом на жеребце, и он заржет.

Родильница остается на месте еще некоторое время, пока из нее выходит послеродовая жидкость. Потом роженицу вытирают, завязывают тряпками и кладут на нары, подложив под нее побольше ветоши и лохмотьев, как для мягкости, так и ради послеродовых выделений, делающих женщину нечистою. Ребенка кладут рядом с матерью. Корыто, если оно употреблялось, уносят и тщательно вымывают, пользуясь им впоследствии исключительно для ухода за скотом.

В Орошоре и на Бартанге мать и новорожденного кладут на самое почетное место в доме—нары против очага (называемые ōdam-nūx по-орошорски, x̌a-nūx—по-бартангски) головой к главному столбу (x̌a-sẹtan); в Рушане и собственно Шугнане родильница занимает обычное место.

Для охраны матери от альмасте в Шугнане вешают на перекладину при входе в дом (buč-kaγ̌ij) уздечку от жеребца, которая остается в течение 7 дней после родов. Иногда с этой же целью оставляют в доме собаку. Кроме того, все это время роженица выходит из дому не иначе, как в сопровождении 2—3 подруг, также из опасения альмасте. В Орошоре также на 7 дней и с той же целью привязывают к главному столбу (x̌a-sẹtan) охотничий пояс и книгу. В Рушане первые три ночи рядом с родильницей кладут охотничий пояс и книгу, а на Бартанге—уздечку, нож и книгу. Кроме того, в последних районах, а также в Шугнане, в день рождения ребенка, перед наступлением ночи насыпают на плоский камень немного пороху и зажигают его под отверстием в потолке (rūzm) и перед дверью, специально, чтобы не проникли дивы и парэ (это называется dōré sūz δēd).

Отца новорожденного одна из присутствующих женщин (по-орошорски muwdaxōgár „поздравительница“) тотчас извещает установленной поздравительной формулой: mubōrák tur vēd, puc tund sut или rezīn tund sat „да будет на тебя благословение, у тебя родился сын или дочь“ (в Шугнане), mubōrák tar puc или mubōráki ōšbáj „благословение на сыне или стряпухе“ (в Орошоре) и mubōráki tirandṓz или mubōráki alwōbaz „благословение стрелку или благословение стряпухе“ (в Рушане и на Бартанге). Отец отвечает: xudō mubōrák „благословен бог“. При рождении сына

зажиточные отцы обычно одаривают вестницу более или менее ценным подарком, иногда то же делают, даже если родилась дочь (по-шугнански muydaxōyūna). При рождении сына в Орошоре, а иногда и в Шугнане, отец немедленно стреляет в воздух из ружья для избавления ребенка от джиннов и дивов. Если нет ружья и нельзя его достать, берут небольшой кусок навоза из хлева, кладут его на камень и с размаха ударяют другим камнем по этому куску. Раздается громкий звук подобный звуку выстрела. Для усиления звука предварительно на кусок навоза плюют. В Шугнане, сверх того, делают в качестве оберега, в частности от болезни kẹlé, luk-at-parδinc, т. е. небольшую деревянную модель дверного замка. Этот luk-at-parδinc помещается под изголовием ребенка в течение 7 дней, при чем по три, по четыре раза в день его вынимают и опять кладут на место, каждый раз троекратно выдвигая и вдвигая засов (luk) из замка (parδinc).

В Орошоре и по Бартангу также немедленно по получении известия о рождении ребенка отец берет в чашку немного свежего коровьего масла и несет его к халифе или мулле. Тот читает молитву, трижды дует на масло и возвращает отцу, который в свою очередь передает чашку поздравлявшей его женщине. Она уносит масло домой, и там им кормят новорожденного. При этом принимаются меры к защите от дурных влияний: принимая и передавая чашку с маслом, отец прикрывает ее ладонью, а „поздравительница“ (muwdaxōgár) несет ее домой под рукавом. Впрочем, в Шугнане и Рушане молитвы над маслом не читаются, и им кормят ребенка без особых предосторожностей; следят только за свежестью и доброкачественностью масла и тщательно разминают его пальцами, прежде чем дать ребенку. На Бартанге и в Рушане стараются, чтобы человек, впервые дающий масло ребенку, имел в живых обоих родителей. В Орошоре впервые кормит ребенка „поздравительница“ (muwdaxōgár), трижды, с призыванием имени божьего во избавление от бед, вводя понемножку масла в ротик младенцу. Исключительно маслом его кормят три дня, пока мать считается нечистою, и от ее молока ребенок может умереть. Если у матери скопится много молока, его отдаивают и в Орошоре отдают собакам, а в Шугнане выплескивают на стены дома (изнутри или снаружи, безразлично, лишь бы не на землю); самый черепок, в который отдаивается молоко, как нечистый, не может ни для чего служить и выбрасывается. Впрочем, в Рушане иногда мать с первого же дня кормит ребенка грудью, если уверена, что от ее молока он не умрет.

Получив поздравление, отец, однако, не входит еще в дом. Только когда женщины все приберут и вычистят, они зовут мужчин. При входе пожилые и грамотные читают молитву, остальные ограничиваются словами: mubōrák vēd „да будет благословение“. Отец, если он человек степенный и знает обряд, подходит к родильнице и, коснувшись концами

пальцев ее лба или изголовья, подносит их к устам и ко лбу (совершает зиорат). Застенчивый неловко садится поодаль.

Лицо ребенка не видно: оно закрыто платком.

Уход за новорожденным и родильницей не сложен. Ребенка дважды в день перепеленывают над очагом, когда разведут огонь, т. е. утром и тотчас после захода солнца. Мука для вбирания нечистот меняется каждый раз; через три дня она заменяется растертым в порошок овечьим или коровьим пометом, переменяемым так же часто все время, пока ребенок не в колыбели.

Родильница соблюдает известную диэту: первые 10—20 дней ее преимущественная пища состоит из пшеничного киселя, политого маслом (mul), каши из дробленого льняного семени с молоком (kōčé), пшеничного хлеба, похлебки; зажиточные употребляют в пищу также молоко, масло, яйца, орехи, мясо. Ограничения в пище обусловливаются исключительно гигиеническими соображениями.

Детская смертность в Шугнане очень значительна, и причины ее усматриваются в матери, почему принимаются особые меры, чтобы обезопасить ребенка как в утробе матери, так и после рождения.

Когда у женщины не выживают дети, она, еще не будучи беременной, обращается к мулле. Тот делает ей 80 t i x̌ t ō v (см. выше), из которых больная (женщина, у которой умирают дети, считается больной, одержимой) ежедневно, утром и вечером, берет по одному, вымывает его тщательно в воде, воду выпивает, а бересту сжигает на очаге. Так продолжается 40 дней, в течение которых она воздерживается от сношений с мужем, постится, ограничиваясь только обычной похлебкой и хлебом. Через 40 дней воздержание оканчивается; мулла дает больной yēkal (ар.-перс. هيكل) т. е. ряд молитв, написанных на длинном бумажном свитке, длиною в рост человека, или еще больше, до концов пальцев вытянутых рук. Женщина его обшивает и носит первые три дня на шее, затем пришивает к рубашке с правой стороны груди или к правому плечу. При наступлении беременности, берут от муллы 5 t i x̌ t ō v и с ними поступают, как сказано, в течение трех дней, с такими же воздержаниями. Так поступают ежемесячно в течение всей беременности. Кроме того, больной женщине (т. е. такой, у которой дети не выживают) в течение всей жизни рекомендуется воздерживаться от употребления в пищу мяса горных козлов (кииков) и птиц, а также яиц. То же относится и к ее выжившим детям, по крайней мере, до времени их возмужалости. Специально против выкидыша, в дополнение к перечисленному, употребляется „пояс парэ“ (p a r e-b a n d); он состоит из обычного tumōr'a, (см. выше), привязанного к нитке или тесьме, опоясывающей стан женщины. „Пояс парэ“ (pare-band) имеет назначением защиту плода от козней парэ и удержание его в утробе матери. Поэтому, как только ребенок выношен благополучно нормальный срок, роженица разворачивает t u m ō r, тщательно вымывает его, чтобы изгладилось все напи-

санное, и выбрасывает и бумагу и воду, чтобы „пояс парэ“ не сохранил своей силы дольше времени, и дитя не осталось бы в утробе матери больше 9 месяцев. Ибо наряду со средствами против выкидыша необходимо принимать и меры против „прилипания“ плода.

Довольно распространено мнение, что плод, начиная с 4—5 месяца, может „прилипнуть“ к утробе матери и остановиться в своем развитии, иногда надолго, на год—на два и даже больше, при чем беременная в таком случае не может разрешиться. Иногда „прилипание“ может прекратиться само по себе, но чаще против него принимают меры. Из них самой действительной является следующая. Средних размеров тыквенный сосуд с неშироким горлышком наполняют ватой, к обнаженному животу беременной прикладывают блин (fitir), к нему тыквенный сосуд, вату выжигают. Получается гигантских размеров банка, и живот беременной, вместе с блином, втягивается в нее. Через некоторое время бабка, производящая операцию, отрывает эту банку. Обычно при этом беременная лишается чувств, но тем не менее операцию повторяют в течение 3-х дней. Это средство действительно будто бы только в том случае, если „прилипание“ произошло не под влиянием парэ. В последнем случае прибегают к помощи t i x̌ t ō v, которые употребляются в течение 10 дней, и t u m ō r, которыми опоясывают шею и талию.

Также с целью охраны новорожденного, как только он появится на свет, ему, еще не обтертому, дают выпить воду из-под t i x̌ t ō v; то же на другой и на третий день, по два раза, всего пять раз. То же повторяют ежемесячно, пока ребенок не отнят от груди. Иногда прибегают и к другим средствам. В качестве одного из них употребительна моча красной коровы. Еще до рождения ребенка подыскивают подходящую мочу, и, окунув в нее небольшой кусок ваты, примачивают ею в нескольких местах только что обтертое досуха тельце ребенка.

Менее распространено лекарство, состоящее из мочи осла, печени выдры, чеснока и т. п. Все смешивается, и немножко смеси дается ребенку, как только он появится на свет.

Также для охраны ребенка против парэ его до годовалого возраста каждое утро примачивают смесью из чесноку, синей краски и материнского молока. Сюда же прибавляется иногда b a d b ū y—растение с очень сильным дурным запахом. Примачивают в 4-х местах: под мочками ушей, между бровями и между нижней губой и подбородком. Парэ будто бы боится этого состава, особенно его дурного запаха, и не вредит ребенку.

В крайнем случае в Шугнане прибегают к наиболее действительному способу, чтобы спасти ребенка. Как только он появится на свет, присутствующие женщины закрывают его платком или тряпками так старательно, чтобы мать никак не могла его увидать, и только что вытертого и запеленутого засовывают его в рукав халата и подают в отверстие в потолке (rūzm). На крыше его уже поджидает женщина,

известная своим здоровьем (т. е. такая, у которой выживают дети). Она подхватывает ребенка, уносит домой и держит у себя до 3-го дня. На третий день утром ребенка приносят к матери, однако, тщательно закрывая его решетом. Мать сначала долго смотрит через отверстие решета и лишь тогда решается взять свое дитя и дать ему грудь. Но и то, чтобы совершенно его обезопасить, она должна предварительно, в течение первых дней, дать грудь щенку, чтобы тот с ее молоком принял на себя болезнь. Если не найдется нигде щенка, нужно, по крайней мере, с той же целью, отдоить молоко матери и дать его собаке (что, как было сказано, в Орошоре стало нормальным порядком).

На основе убеждения, что мать для обеспечения жизни своего ребенка должна дать своего молока кому-нибудь другому и тем спасти свое дитя, возникают своеобразные преступления. Если в доме есть еще грудной ребенок, родильница старается всеми правдами и неправдами дать ему своего молока. Но мать второго ребенка зорко его оберегает; поэтому первой матери удается дать ему своего молока не раньше, чем она покормит своего ребенка. В результате, по убеждению многих, могут умереть оба ребенка.

В Рушане и на Бартанге отнятие новорожденного от матери при тех же условиях делается несколько иначе.

При появлении ребенка на свет одна из женщин подхватывает его и уносит обычным путем (не через крышу) к себе, где держит три дня, все время на руках, не отпуская. Рано утром третьего дня она с ребенком по другой дороге приходит к дому родильницы, поднимается на крышу, топает ногой и слегка опускает в отверстие крыши ребенка, всунутого в рукав халата; в другом рукаве насыпано просо (в знак плодородия). Изнутри дома спрашивают: „Кто там?“—„Купцы“.—„Что продаете?“—„Детей и просо“.—„Мы покупаем“. Она совсем опускает халат с ребенком, и внизу его подхватывают: на Бартанге—мать непосредственно, в Рушане—кто-нибудь другой, кто уже от себя передает ребенка матери. В обоих случаях, прежде чем взять ребенка, мать предварительно смотрит на него через решето. Женщине, державшей у себя новорожденного, дарят какие-нибудь вещи, меновая стоимость которых равна среднему барану. На Бартанге выросший ребенок зовет эту женщину матерью.

На третий день по рождении ребенка повсеместно справляется праздник, называемый arayīm kal-zẹnḗd—„мытье головы третьего (дня)“ (в орошорской области), kal-zẹnēd—„мытье головы“ (в Рушане), wīnḗj yattōw—„приход на смотрины“ (на Бартанге) и просто arayūm—„третий (день)“ и mubōrak-bōd—„поздравление“ (в Шугнане). Суть праздника, *как показывают и его названия, заключается в очищении матери и в* возможности для посторонних видеть ребенка. С этого же дня мать может кормить ребенка. С утра режут барана и начинают праздничные приготовления. Приходят женщины, помогавшие при родах, и обливают

родильницу, начиная с головы, надевают чистую рубашку (панталон не надевают до 7-го дня). В Орошоре моют также и младенца. С этого времени родильница считается для своего ребенка уже чистой и впервые дает ему грудь. (Как было сказано, рушанские женщины, уверенные в себе, иногда кормят грудью с первого дня.) Собираются женщины-соседки по одной—по две из каждого дома. При входе каждая поздравляет: mubōrak vēd—„да будет благословение“, ей отвечают: xudō-mubōrak vēd—„да благословен бог“. Женщины размещаются вблизи родильницы, передают подарки: одну—две лепешки, яиц, проч., иногда что-нибудь более ценное на платьице младенцу—rūbinak „за лицезрение“. Их угощают тутом, орехами, абрикосами. Когда любопытные хотят посмотреть новорожденного, мать полушутя спрашивает, принесли ли „за лицезрение“ rūbinak, и при утвердительном ответе показывает малютку. Затем угощают бараниной и хлебом, и гости расходятся.

В Шугнане этот праздник, хотя преимущественно женский, утратил уже, как показывает и его тамошнее название, свой исключительный характер женского очищения. На шугнанском празднике могут присутствовать и мужчины, хотя только домашние или специально приглашенные; в Рушане и на Бартанге иногда в этот день устраивают большой tūy (торжество), стреляют в цель и проч. Но в орошорской области праздник сохраняет еще свой исключительно женский очистительный характер. Не только никто из посторонних мужчин не приходит, но даже муж родильницы уходит из дому. Приготовляют специальное угощение—kalzẹnēǐǰ „относящееся к мытью головы“—род киселя из пшеничной муки, молока и масла.

Обычно к этому же времени ребенку дают имя, что впрочем не приурочивается ни к какому определенному дню и не сопровождается никакими обрядами. Наречение определенного имени может быть отложено на продолжительный срок, если у женщины не выживают дети. В таком случае ребенок может остаться без имени (bē nōm) до семи, иногда даже до десяти лет. Но это исключительное явление.

Особых правил при наречении имени не существует. Преимущественно даются общемусульманские имена, но бывают и исключения. Если в семье умер кто-нибудь из старших родственников, вновь родившегося всегда называют именем умершего. При жизни родителей стараются называть детей так, чтобы имена мальчиков походили на имя отца, девочек—матери. Поэтому сыновей Γulōm-Alī зовут Qurbōn-Alī и Sayf-Alī; третьего сына зовут Xōǰa-Said по имени умершего перед его рождением деда.

Праздник седьмого дня (wuvdūm) первоначально, повидимому, заключался в положении ребенка в колыбель, но по различным причинам, частью экономическим, частью религиозным первоначальная связь между 7-ым днем (wuvdūm) и положением в колыбель (γūk wīδd в Шугнане,

šinak-wīδ на Бартанге и в Орошоре, šinak wūδ в Рушане) ослабела, и тем самым затемнился смысл праздника.

В Шугнане на 7-ой день роженица вновь совершает омовение и считается с этого времени уже чистой, хотя должна воздерживаться от сношений с мужем и, по возможности, не допускается к приготовлению пищи. Торжества не устраивается. В этот же день спрашивают у муллы или халифы о времени, благоприятном для положения ребенка в колыбель (γūk wīδd), и поступают сообразно полученному ответу. Большею частью, однако, положение в колыбель действительно совершается на 7-ой день или в один из следующих. В этот день пекут жертвенные хлебцы (puxtá), прежде чем положить ребенка в колыбель, воскуривают благовонную траву (sẹtẹráxm), но большого торжества не устраивают. Для того, чтобы положить ребенка в колыбель, приглашают подростка, безразлично, девочку или мальчика, но чистого, т. е. не жившего еще половой жизнью, предпочтительно хорошего поведения и имеющего в живых обоих родителей.

В Рушане положение в колыбель (šinak wūδ) приурочивается к 7-ому дню (wuvdūm), на Бартанге—к 5-ому; отдельно 7-ой день (wuvdūm) не справляется. При этом на Бартанге, предварительно, колыбель несколько мгновений держат над очагом, куда бросают благовонную траву (yōb). В обоих местностях, помимо 6—8 обычного размера жертвенных хлебцев (puxta), служащих для праздничной трапезы, пекут еще два маленьких специально для подростка или молодой женщины (половая „чистота“ требуется только в Шугнане), кладущих дитя в колыбель.

В орошорском районе праздник 7-го дня почти совсем оторвался от положения ребенка в колыбель: он называется wuvdīm kal-zẹnēd— „мытье головы седьмого (дня)“ и по содержанию является повторением праздника 3-го дня; начиная с 7-го дня родильница считается уже вполне чистою и допускается к приготовлению пищи. Положение в колыбель (šinak wīδ), как правило, совершается позже, потому что в Орошоре колыбели не изготовляются: их привозят с низовьев, временные люльки (wulčak) не употребительны, и в большинстве случаев после 7-го дня отец только начинает заботиться о приобретении колыбели. Самый обряд положения в колыбель совершается, как на Бартанге.

Постоянная колыбель (по шугнански γūk, в остальных районах šinak) довольно солидное сооружение, однотипное с сартскою и персидскою, и стоит сравнительно недешево, почему родители не всегда могут приобрести ее в нужное время. Поэтому повсеместно, кроме орошорского района, более бедные до ее приобретения кладут младенца во временную люльку (wulčak), устройство которой доступно для каждого.

Между столбами дома или летом между садовыми деревьями протягиваются две веревки, между которыми вставляются две деревянные распорки, не дающие веревкам перепутываться. Расстояние между распорками немного превышает рост ребенка. В промежутках между ними

к веревкам пришивается кусок плотной ткани, служащий основой люльки. На него кладется куча тряпья, и люлька готова. Ребенок крепко припеленывается. Однако, как только позволяют средства, ребенка перекладывают в постоянную колыбель. В Орошоре же временная люлька (wulčak) вовсе не употребляется.

При обряжении колыбели на дно ее кладут настил из жесткой прутьеватой травы (vẹdīrmīǰ), идущей также на вязку веников (vẹdīrm— „веник"). На траву кладется матрасик (kāɣan), набитый мелкой соломой (саманом), с отверстием, в которое вставляется глиняный горшочек для мочи ребенка (dulak). Плотно на края горшечка накладывается свитый из тряпок круг, а на него небольшая подушка, набитая просом (pinǰdōnak), также с отверстием против горшка. Затем следуют три пеленки: в ногах pō-bandák для обертывания ног, доходит верхним краем до горшечка; dast-bandak, в который заворачивается туловище ребенка, лежит повыше горшечка; kal-bōnak подкладывается под голову ребенка. Между краями горшечка и тряпичным кругом прочно укрепляются концы четырех свивальников (čōr-ǰulak), другие концы которых расходятся в разные стороны: один—вверх, под спину ребенка; другой—вниз, вдоль ног, проходя поверх двух упомянутых пеленок: pō-bandak и dast-bandak; третий и четвертый—в стороны, под ногами ребенка, заворачивая их сверху и проходя между ногами и трубочкой, служащей для стока мочи (x̌ufčak). Эта трубочка, изготовляемая для мальчиков из дерева, для девочек из кости козла, соответствующей полу формы, плотно прижимается к мочевым органам ребенка и направляет мочу в горшечек (dulak). На Шахдаре, впрочем, ни горшечек, ни трубочка для мочи не употребительны, а под ребенком остается присыпка из измельченного коровьего или овечьего помета, как было до помещения в колыбель. Сверху тельце ребенка прикрывается ватным одеялом (bōlax̌), а лицо—платком. Туловище и ноги ребенка плотно прибинтовываются к колыбели двумя широкими подбитыми ватой перевязями (poc-vax̌), так что он двигаться не в состоянии.

В колыбели проходит жизнь ребенка год—два, иногда три. Срок определяется различными причинами, часто даже потребностью в колыбели для следующего ребенка. В колыбели ребенок вовсе не двигается только первый месяц. Через месяц его уже не запеленывают, а только прикрепляют к колыбели при помощи ватных перевязей (poc-vax̌), вынимают по нескольку раз в день и на довольно продолжительное время. Постепенно ребенок больше и больше освобождается от колыбели, и окончательный выход из нее совершается почти незаметно.

Пока ребенок в колыбели, его будничная жизнь не перемежается почти никакими обрядами. В Шугнане мальчика впервые моют на 20-ый, девочку на 40-ой день; разница делается будто бы вследствие различия в крепости организма. В Рушане на 40-ой день женщина моет себя и

ребенка. В этот день ее навещают близкие родные, пекут несколько жертвенных хлебцев.

При неподвижном положении ребенка матерью принимаются меры к его нормальному физическому развитию. Особенно заботятся о форме головы. В матрасике (kāgan) устраивают ямку по форме головы. Кормя грудью, мать опускается на колени возле колыбели попеременно, то с одной, то с другой стороны. Если замечают, что голова чрезмерно выдается назад, под нее подкладывают завернутый в тряпье гребешок и оставляют его на несколько дней: над сильно выдающейся вперед или назад головой смеются, называя ее p ō č ū v - g i l (pōčūv—колодка для изготовления обуви). Также чрезмерно удлиненная кверху голова вызывает насмешки, считаясь афганской головой (afγōnẹ-gil). Напротив того, борозды и выдающиеся места на черепе рассматриваются как признак особой одаренности.

Заботы о наружности ребенка сказываются также в том, что мать ежедневно, по крайней мере, в течение первых месяцев, подводит ему глаза при помощи прибора, служащего для той же цели и взрослым женщинам (čere-at-bunč) и состоящим из двух небольших камней, обладающих красящими свойствами. Глаза подводятся как изнутри, так и снаружи. Это делается не только из эстетических, но также из гигиенических соображений: таким способом удаляется гной.

Если у ребенка глаза слишком светлые (kabūt-rang), мать несколько раз брызгает в них своим молоком, чтобы вытемнить их.

Когда прорезываются зубы, приготовляют кашу из размельченных пшеничных зерен (bōǰ); ее не дают ребенку, но прежде чем взрослые приступят к еде, ему мажут губы и десна: дескать, он уже созрел для пищи взрослых.

Ходить и говорить дети научаются в зависимости от индивидуальности. Особых приспособлений для обучения ходьбе не существует. Первые членораздельно произносимые слова, это—nan „мать“ и tat „отец“. Наибольшую произносительную трудность для детей представляют звуки глубоко заднеязычные (γ, x, q), межзубные (δ, ϑ), также ž и r; они почти всегда заменяются соответственно чрез g, x̌, k, d, s, z, l.

Когда ребенку исполнится год, справляются у муллы о благоприятном времени для первой стрижки волос. Раньше в назначенный день (по большей части в середине недели: в среду, четверг или пятницу, на восходе солнца или после полудня) устраивалось большое торжество. Теперь обряд справляется гораздо скромнее, но все же на k a l - t ū y— „праздник головы“ (в Шугнане) (по-орошорски kal-pẹxēd), по крайней мере для мальчика, приглашают хотя бы ближайших родственников. Пекут обычные лепешки (garδa); в середине одной проделывают небольшое отверстие (величиною в серебряный рубль). Ее кладут на голову ребенка (в Орошоре для этой цели употребляют не лепешку, а блин с таким же отверстием), и подросток (пол безразличен), имеющий в жи-

вых родителей и известный своим хорошим поведением, трижды подрезывает несколько прядок волос, просунутых чрез отверстие. В Рушане и на Бартанге, приступив к стрижке, обычно он заявляет, что ножницы не стригут: ему дают какой-нибудь незначительный выкуп, тогда уже подстригаются волосы. Затем отец или мать оканчивают стрижку, при чем редко стригут всю голову: обычно выстригают середину головы, спереди назад, оставляя с боков и сзади пряди волос (parčām), иногда только подстригают длинные волосы на лбу (обыкновенно так стригут девочек).

Остриженные волосы бережно заворачиваются в тряпочку и привязываются к веткам какого-нибудь фруктового дерева, обычно вишневого, будто бы для того, чтобы ребенок, подобно этому дереву, приносил плоды на благо окружающих. В орошорской области после приступа к стрижке, сделанного непорочным подростком, все присутствующие родственники поочередно выстригают по прядке волос и подают ее отцу. При этом каждый говорит, какой подарок (kal-savzé—„головная зелень“) он делает ребенку. Чаще всего это какое-нибудь плодовое дерево, откуда, очевидно, и название подарка, иногда даже небольшой кусок земли, но бывает и пара чулок. Этот подарок считается личной и полной собственностью одаренного и при разделе наследства, в случае смерти отца, не поступает в общую массу. В Шугнане этот обычай ныне вовсе не практикуется, в Рушане и на Бартанге вымирает.

Отнятие от груди происходит в возрасте от 1½ до 3 лет. Предварительно мать относит мулле печеное или вареное вкрутую яйцо, и мулла, очистив яйцо от скорлупы, на поверхности белка пишет молитву. Ребенка заставляют съесть это яйцо вместе с написанной на нем молитвой. Кроме того, мать натирает себе грудь сажей, а соски перцем, чтобы отпугнуть ребенка. Если у матери мало молока, ребенка начинают еще раньше прикармливать, обычно кипяченым молоком и мучной подболткой.

Обрезание (čulak x̌čix̌t sūr или tui čūl brōn в Шугнане, buškīvd в Рушане, xōnasūr на Бартанге и в Орошоре) совершается обычно в возрасте 5—7 лет, но иногда даже вскоре после 2-х лет, по климатическим и гигиеническим соображениям исключительно осенью; хорошим днем для операции считается среда. Раньше по этому поводу богатыми устраивался большой праздник с козлодранием, скачками и т. п., теперь ограничиваются приглашением более близких родственников и друзей, как мужчин, так и женщин. Все же, кому позволяют средства, режут барана или козла для угощения, и обязательно всеми печется несколько обычных лепешек (garδa), почитаемых жертвенными (puxta). Жертвенная трапеза может происходить безразлично до операции или после нее.

Операцию производит специальный мастер (ustōi čūlbur); его инструменты—бритва и две деревянных палочки: одна в виде плоской вилки (x̌ōgirdák), в промежуток между зубцами которой он просовывает

крайнюю плоть ребенка; другая с тупым закругленным концом (čaqák), на которую он натягивает крайнюю плоть, уже пропущенную через вилку (x̌ōgirdak). Заранее приготовляют сухой измельченный бараний или коровий помет и горшечек с теплым топленым маслом. Ребенка кладут на спину на нары. Мастер слегка разминает и растирает крайнюю плоть, чтобы она отставала от головки члена мальчика и свободно пройдя чрез вилку (x̌ōgirdak) натянулась бы на закругленную палочку (čaqak). Проделав все это, он берет в правую руку бритву, левой держит закругленную палочку (čaqak) и, в то время как один из присутствующих придерживает вилку (x̌ōgirdak), быстро отсекает крайнюю плоть. Ранку заливают теплым топленым маслом и сверху засыпают большим количеством измельченного помета, так что его образуется порядочная куча и не видно вовсе, сколько пролилось крови. Через некоторое время присыпку из помета (pax̌č) удаляют и рану перевязывают и забинтовывают. Если случаются нагноения, ранку притирают и присыпают измельченными в порошок жжеными ядрышками косточки горького абрикоса, или пеплом от жженой ваты, предварительно вымоченной в соляном растворе (x̌ūr paxta). Заживание иногда затягивается на целый месяц. Отрезанный кусочек кожи кладут на одну из поперечных балок, где сухо; по местным убеждениям, если кожица скоро засохнет, быстро заживет и ранка. Впрочем, в Орошоре отрезанная кожица просто выбрасывается. Иногда случается, что у ребенка крайняя плоть отсутствует, или так мала, что обрезание не может быть произведено. В таком случае говорят, что мальчика уже обрезали buzurgōn „святые" и firištagōn „ангелы" или парэ, и обряд не совершается.

Мастер получает за труд установленное вознаграждение: бритву, одну чашку местного мыла, что-нибудь, по усмотрению родителей мальчика, в количестве, равном по меновой стоимости одному барану, шерсть с целого барана и, кроме того, если в этот день был зарезан баран, то его шкуру, грудь, сердце и печень. Религиозный момент в обряде не заметен: молитв не читается, если не считать обычного после окончания всякого дела восклицания мастера: ōmin—„аминь" и ответа присутствующих: ullō akbar—„бог велик".

По совершении обрезания ребенок уже считается способным вступать в общественные отношения. Можно приступить к обучению его грамоте, ремеслам, можно женить (независимо от возраста).

Вместе с тем с совершением обрезания кончается младенческий период детской жизни.

Е. М. Пещерева.

Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда.[1]

В сел. Исфара Кокандского уезда имеется чрезвычайно любопытный весенний праздник, совпадающий как по смыслу, так и по внешности обряда с западно-европейским праздником „мая". Празднуется он во время цветения тюльпанов и приходится обычно между 10 и 20 апреля. Когда зацветают тюльпаны, собирается совет из почтенных людей, которые назначают день праздника. После этого рассылаются по окрестностям люди для того, чтобы заметить наиболее обильные цветами места, другие же идут по садам и выбирают тополя с широкой раскидистой кроной. В старое время, когда каждая махалля украшала свое дерево, выбирались они чрезвычайно тщательно, и намеченное дерево никому не показывалось. В последние годы число украшаемых деревьев сократилось до одного, двух.

В это же время хор репетирует песни, поющиеся во время праздника, а выбранные распорядители, в число которых входит запевало хора (сарнáкш)[2], занимаются сбором денег на праздник, при чем желающие приносят им сами и дают, кто сколько может. Накануне праздника рубятся отмеченные деревья, их привозят на арбах в селение. Вечером мужчины собираются на чŏрсӯ (центр базара) посмотреть на проводы ӆŏӆачі́,—молодых людей, идущих собирать тюльпаны. Собираются они в доме сарнакш'а и часов в десять вечера торжественно выступают в путь.

Впереди шествия идет человек с факелом, за ним идет хор. Все участники хора идут плотно сомкнутой группой, обняв друг друга за шею. Сарнакш идет перед хором, держась лицом к нему. За хором, тоже обнявшись, идут ӆŏӆачі́, окруженные со всех сторон провожающими. Шествие замыкается лошадьми, нагруженными провизией и кувшинами с водой, так как в тех местах, где собирают тюльпаны, воды нет.

---

[1] Настоящий материал был собран во время командировки в сел. Исфара, предоставленной мне Средазкомстарисом в апреле 1925 г. Предварительными, очень обстоятельными сведениями я обязана Пав. Порф. Архангельскому, который видел этот праздник в 1923 году.

[2] Сейчас запевалы происходят из одной семьи и передают свои знания от отца к сыну. Они одни твердо знают мотивы песен.

На чорсу́ хор останавливается и поет песню (№ 1), и затем шествие двигается дальше. Выведя ло̄лачӣ из центра селения, все провожавшие расходятся по домам. На следующий день с раннего утра тянутся на место праздника в сады нагруженные коврами, кошмами, самоварами и провизией арбы. Часов с десяти утра начинают ехать и итти пешком нарядно разодетые люди, и к полудню мужчин в селении совсем не остается—все они выходят на праздник. Женщины боковыми уличками пробираются к большой дороге и рассаживаются по крышам, откуда смотрят на идущих на праздник. Только самые бойкие пробираются поближе к месту праздника.

Самый праздник происходит в больших садах, сплошным кольцом окружающих Исфару. На пространстве двух-трех десятин располагаются веселыми группами люди, отовсюду слышится смех, кое-где танцуют. Все украшены цветами: тюльпаны воткнуты в чалмы, за тюбетейки, за пояса. В руках у всех также цветы. Часов с двух дня, ходившие за цветами люди, при участии поющих в хоре, начинают украшать деревья, которые еще с утра вывозятся из селения к месту сайля и кладутся неподалеку в садах. Если дерево слишком велико,[1] его обрубают снизу, затем рубят лишние ветви, а остающиеся очищают от листьев и мелких сучков. После этого все ветки обвязывают пучками тюльпанов так густо, что дерево превращается в сплошной красный букет. Процедура украшения дерева идет очень быстро и весело, по временам все участники ее испускают громким и дружным хором крик: „хо̄! хо̄о!“

По мере того, как украшение дерева подходит к концу, с места сайля подходят люди для того, чтобы нести дерево. Когда дерево готово, его поднимают с земли и, поддерживая палками крону, чтобы она не волочилась по земле, несут к месту сайля. Если дерево очень велико и нести его трудно, устраивается небольшой двухколесный каток, на который кладут ствол дерева и катят его, поддерживая крону палками. Перед деревом идет хор и музыканты (карнай и барабан).

На месте сайля за это время подготавливаются места для деревьев: посредине свободной от деревьев площадки роется небольшая яма, а по краям площадки раскладывают ковры и кошмы для сиденья. Центральное место, где ставится самое большое дерево, называется „кӯш-ӣ-кало́н“; там сидят устроители праздника и почетные гости.

При приближении деревьев все встают с мест и идут им навстречу. Деревья вносят в толпу, ставят на землю, и хор торжественно поет сначала две песни (№№ 1 и 2), затем продвигается дальше и поет следующие две (№№ 3 и 4). В это время, несмотря на то, что еще день, пускают фейерверк и стреляют из ружей.

---

[1] Деревья бывают большие,—до трех четвертей аршина в диаметре.

Наконец деревья доносят до места, все рассаживаются по местам. Устроителям праздника и сарнакш'у подносят халаты и в это же время начинают разносить угощение.[1]

В это время на свободном пространстве около деревьев, украшенных тюльпанами, пляшут бачи.

В последние годы, ввиду запрещения танцев бачей, эта часть праздника сильно сократилась.[2]

К вечеру народ начинает постепенно расходиться. Все возвращаются с пением песен, у многих в руках зеленые ветки. Почти все, войдя в селение, задерживаются на базаре, чтобы дождаться деревьев. Во всех чайханах организуются хоры, поющие один и тот же веселый плясовой мотив, при чем один хор старается перепеть другой и заставить его замолчать. По временам они все объединяются в один мощный

---

[1] Первое блюдо—„хаλ̀w-ī-тар" (род жирного киселя из масла, муки, воды и сахара или меда), второе блюдо—суп и третье—плов.

[2] Благочестивый исфаринский поэт Бобо Голиб, относящийся к празднику совершенно отрицательно, описывает его так:

Халк аро̆́ машхў́р булді̥
ісфарані̥ λ̀о̄λ̀асі̥.
Андіцо̆́н-ӯ Марђі̥λ̀о̆́н
Хуканда́ дӯр аwо̄засі̥.
Арзӯ́ ајλ̀а́б, кеλ̀ӯр
Атро̄фі̥да́н һар хі̥λ̀ цуwо̆́н,
Јако̄сі̥да́ кі̥ркта туђма́,
Кӯзда́ сурма́ ђо̄засі̥.
Но̄го̄һо̆́н, ја́хш-ӯ-јамо̆́н,
Јі́λ̀ чікі̥п саһро̄-ӯ цаһо̄н.
λ̀о̄λ̀а́ ӯзӯ́п, пі́р-ӯ-цуwо̆́н,
Бī ха́дд īрӯ́р, андо̄засі̥.
Куш-куш, јі́λ̀-јīλ̀ чікі̥б,
Чо̆́рбо̆́ђ аро̆́ мацλ̀і́с кі̥λі́б,
чо̆́ј-ӯ-шурбо̄ні̥ ічі́б,
О̄лді̥да́ ујна́р бачасі̥.
Бачага́ кокуλ̀ солі̥б,

. . . .

Шаўкӯ́н-у-һаңгома́ ајλ̀а́б,
Кела́дур гуλ̀ дастасі̥,
І̥зза́т-ӯ хурма́т біλ̀а́н
Мајхо̄нага́ такλ̀і́ф кіλ̀і̥б,
О̄ңга́ чӯ́н һамхо̄на́ булді̥
Асλ̀о̆́,о̄да́м то̄засі̥.
Ђо̄лі̥бо, һамсухба́т булма́
Бір да́мī но̄до̆́н īλ̀а́.

. . . .

. . . .

Среди людей стал известным
Исфаринский λ̀о̄λ̀а́ [праздник тюльпана].
В Андижане, Маргелане
И в Коканде [идет о нем] слава.

хор (поет 400—500 человек), под звуки которого танцуют в разных чайханах по нескольку танцоров зараз. После того как станет известным, что деревья уже внесли в селение, пение разом обрывается, все становятся на ноги и стоят молча, прислушиваясь к доходящему издали пению хора, сопровождающего деревья. Деревья вносят в селение, когда уже совсем стемнеет. Впереди несут факелы, и перед хором идут пляшущие юноши.[1] Деревья ставятся на чо̄рсу́ по углам. Хор, стоя посредине, поет песню (№ 1), после чего все расходятся. Этим заканчивается второй день праздника.

Следующий день праздника проходит в том, что мужчины и женщины отправляются на мазары. Женщины идут на мазар Ходжа-Абдулло́-і-Сурхі́, находящийся верстах в пяти на север от Исфары, мужчины же идут на мазар Ходжа-Абдулло́-і-Кабу́т-пӯш, расположенный верстах в четырех вверх по Исфаринской долине.

Охотно приходят на него
Из окрестностей [Исфары] всякие молодые люди;
На воротниках их по сорок пуговиц (молодые франты в Исфаре усаживают массой пуговиц воротник и перед рубашки),
А глаза подкрашены сурьмой.
[И] сразу [собираются] дурные и хорошие,
Толпой выйдя в поле
И стар и млад собирают тюльпаны,
[Собирают их] в безмерном количестве.
Выходят [из селения] обществами и семьями,
Собираются среди садов,
Пьют чай и едят суп,
А перед ними пляшет юноша.
Подвязав косы юноше,
. . . .
С шумом и криками,
Появляется букет цветов [дерево].
С честью и почетом,
Приглашая [их] в кабачек,
С ними сделались как бы родственниками
Самые лучшие [почтенные] люди.
О, Голиб, не будь собеседником
С глупцами ни одного мгновения.
. . . .
. . . .

К сожалению, в моей записи пропущены, повидимому, три строфы, которых мой осведомитель не знал.

[1] На том празднике, который мне пришлось видеть, на дереве, когда его принесли в чо̄рсу́, сидел юродивый. Мне сказали, что и раньше всегда было принято приносить старика или юродивого на дереве—„ради смеха". Но при этом я заметила, что юродивый особенно смешливого настроения не вызывал, наоборот, с ним обходились ласково, и когда дерево поставили на место и он стал слезать с него, несколько человек бросились ему помогать.

Мазар Ходжа Абдулло́-і-Сурхі́, на который идут женщины, стоит на довольно высоком холме, у подножия которого находится, также очень почитаемое, старое кладбище. Перед тем, как подняться на холм, женщины идут на кладбище и обходят вокруг одной определенной могилы три раза, при этом намеренно одним краем платья метут землю вокруг могилы. От множества проходящих таким образом женщин дорожка вокруг этой могилы превратилась в желобок. Это делается в виде „боча́-тала́б“ (молитва о ребенке) и „мак̇са́д-тала́б“ (молитва об исполнении какого-либо желания). После этого женщины поднимаются на холм к самому мазару, при чем, кроме провизии для устройства „худоі́“, несут также воду и дрова (котел заранее приносит шейх). После того, как жертвенная пища съедена, женщины копают рукой ямки около стен мазара и по находимым при этом предметам гадают о том, родится в этом году ребенок, или нет, и какого он будет пола. Если найдут плоды eleagnus'a (џігда́), просо, рис или сорго—родится мальчик. Если же находят пшеницу, маш (мелкий горошек), ниточку бус или живого червя (которого тут же съедают),—родится девочка.

Перед тем, как уходить с мазара, женщины сгребают три небольшие кучки земли, приговаривая при этом: ін гӯр-і-бо̄ʷо́м, ін гӯр-і-дадо́м, ін гӯр-і-худа́м“ („это могила моего деда, это—моего отца, это—моя“). Делается это для того, чтобы приобрести покровительство святого в день страшного суда для себя и для своих близких и не умереть на чужбине. [1]

Сойдя вниз, женщины купаются в реке, которая течет под горкой, и затем возвращаются домой, всю дорогу распевая песни и танцуя.

Мужчины отправляются на мазар Ходжа Абдулло̄-і-Кабут-пӯш. Часов в 10—11 утра уходят туда решительно все, так что к двенадцати часам дня на улицах уже никого не видно.

Угощение устраивается в складчину. Весь день проводят в пении и танцах и возвращаются обратно уже поздно вечером большой толпой, с факелами. Впереди идет хор. Вся толпа, придя на чо̄рсу́, размещается по чайханам, при чем все пространство улицы также занято людьми. По знаку сарнакш'а все стоящие на улице разом садятся прямо на землю. Хор поет песни (№№ 1, 2 и 3), после чего сарнакш снова дает знак толпе, и все начинают расходиться по домам.

Этим заканчивается третий и последний день праздника.

Специальных песен, поющихся во время праздника, всего четыре. Они помечены мною номерами в той последовательности, в какой они поются одна за другой; в такой же последовательности располагал мне их сарнакш-запевало, у которого я их записывала. Три из них называются „нак̇ш'ами“, в смысле „возглашение“. вероятно для того, чтобы подчеркнуть их торжественный смысл. При этм они почему-то обознача-

---

[1] Подобное верование существует и у казаков. См. Лыкошин, Н. С. Полжизни в Туркестане. П. 1916 г., стр. 221.

ются еще и так: большой, средний и малый. Объяснить смысл этого обозначения я затрудняюсь, потому что это не есть обозначение по пространности их, так как „малый“ (№ 3) гораздо длиннее „среднего“ (№ 4). Считать это обозначением по степени важности тоже нельзя, так как „малый“ поется чаще всего и имеет четыре разных мотива, тогда как „средний“ (№ 4) иногда совсем опускается. № 2 специального названия не имеет. № 1 имеет чисто религиозный характер и местами, повидимому, совершенно непонятен для поющих. Поется он на два, оба очень торжественные мотива. № 2 и № 3 поются в Фергане также и во время свадеб (№ 2—в Наманганском уезде, а № 3—в Исфаре и Ходженте). При этом № 3 сам по себе является сборным из разных четверостиший и даже на двух языках—узбецком и таджицком. Первое его четверостишие (1—4 стиха) принадлежит, повидимому, к „бачабо̄зі́“—плясовым песням, под которые танцуют бачи. Вариант его записан мною в Бальджуане. Ст. 9—16 поются в Ходженте во время свадьбы, когда молодую везут в дом мужа. Этот же № 3 поется детьми в Исфаре, когда они летом украшают в поле молоденький тополек васильками—„гу́λ-і-гандума́к“ и приносят его в селение, подражая празднику „λо̄λа́“ взрослых. Возможно, что в этой песне и остались последние намеки на весенний обряд. В одной из моих предварительных записей этой песни, правда, очень неполной, после ст. 16 имеется такой отрывок:

Мо карді́м ін гу́л-і-λо̄λа́
Бекішоі́м діл-і-ȝамгі́нро̄.

—

Мы устроили этот тюльпан [дерево],
Раскроем [для радости] опечаленное сердце.

Это двустишие, повидимому, также указывает на обряд. № 4, как я уже говорила, часто совсем опускается и значения не имеет.

Мотивы этих песен записаны В. А. Успенским, который ездил вместе со мной в Исфару; дальнейшая судьба этих записей мне пока не известна.

Накш-і-калōн (№ 1).

Īндį́ нáкį̆л áj, кі ȝамгузо̄́рім јо̄́х тўр,
Ка́ʷнум тіλага́нда кīна јо̄́рі̥м јо̄́х тўр.
Ка́ʷнум тіλага́нда кīна јо̄́рі̥м булса́,
Īга́м kо̄шіга́ узга́ ро̄́зі̥м јо̄́х тўр.
Аʷʷа́л зі худо̄́ гӯја́м, дујӯ́м зі расӯ́л;
јак но̄́м-і-Муха́ммадаш ба о̄ла́м маншӯ́р.
Аз бе̣ саʷрі̄́ ка́сі̄ ба ц̣о̄́јі̄ нарасі́д,
Аз са́ʷрӯ ба ц̣о̄́ расі́д Ајӯб-і-сабӯ́р.
јо̄́, kо̄ді̥р-і-зӯ́р ц̣аλо̄́λ (ذو الجلال), Суλто̄́н-і-карі́м,

Дармо̄нда́ ба ко̄́р-і-хе́ш-ӯ дар да́стом гі́р.
Ман рафта́м ба Шо̄ʰ-і-зінда́, сармẹ мо̄на́м
Аз ру́х-і-раʷо̄́м (روان)-і-хуца́ Дулдур-і-басі́р
Ін сыјрр-і-ту дар сі̄на-јӯ--hар (در سینهٔ هر) со̄хі́б-і-ро̄́з
Пајʷаста́ дар ін рахма́т ту бар hа́мма бо̄з.
О̄ді̄на́ ба бо̄зо́р шу́м (شلم) дар ʷа́kт-і-намо̄́з
Діда́м мӯ́рғі наша́ста бар сі̄на́-і-бо̄з.
О̄н мӯрғ-і-hаʷо̄́ мẹгујат о̄ʷо̄́з-і-даро̄́з:
„hар кас кі̄ сі̆та́м куна́д, сі̆та́м јо̣̄́ʷа́т бо̄́з“·
јо̄́, рабб, ба цамо̄́л-і-мустафо̄-і-арабі́,
Аз хурмат-і-шаст-у чо̄ру́м аʷло̄́д-і-набі́,
Шарманда́ масо̄́з-у марг мо̄́ро̄ тӯјаст,
Діʷо̄́л-і-лаха́д гірі́фтам пẹш-і-ру́ј.
О̄ја́нд фарі̄шта́ гу́р ба зі̄ фармо̄́н-і-худо̄́,
Wо̄́ј аз ман-у- ʷо̄́ј аз гур!
Шамші̄р-і-Алі́ kаʷзаш шаш тіғ-і-дӯса́р.
Пајхамба́р-і-мо̄ нашаста́ бо̄ло̄-і-мінба́р.
Ку́лфаш Хаса́н-ӯ-Хусајн, калі́таш Хајда́р.
Рӯз аст кі шафо̄ат куна́т пајхамба́р

Большой „накш“.

Теперь я расскажу, что нет у меня сочувствующего человека,
Нет у меня такого друга, какого желало бы мое сердце.
О,если бы был у меня друг, какого желало бы мое сердце!
Нет у меня другой тайны перед лицом господина моего.
Сначала (во-первых) я скажу о господе, во-вторых о пророке;
Одно его имя—„Мухаммад“ распространено по [всему] свету.
Никто не мог достичь [желаемого] от недостатка терпения,
Терпеливый Иов достиг [желаемого], имея терпение.
О могущественный, о совершенный, о царь милостивый!
Прими меня в свои руки, так как я бессилен в делах своих.
Я пойду к Шах-и-зинда и преклоню там голову

. . . .

Эта тайна твоя в груди каждого, обладающего тайнами.

. . . .

В пятницу я пошел на базар во время намаза,
И увидел какую-то птицу, сидящую на груди сокола.
Та небесная птица поет долгую песню:
„Всякий человек, который притесняет других, будет притеснен [сам]“.
О господи! ради совершенства пророка,

---

[1] Затрудняюсь перевести эти строки.

Ради чести шестьдесят четвертого потомка пророка,
Не устыди [меня], смерть мне—праздник,
Стена лахад'а встала пред моим лицом.
[И] придут в могилу ангелы по повелению бога.
Увы мне! Увы могиле!
У рукояти меча Али—шесть двухконечных лезвий.
Пророк наш восседает на кафедре.
Замóк его Хасан и Хусейн, ключ—Хайдар.
[И] есть день (день страшного суда), когда окажет [нам] заступничество пророк.

Песня, поющаяся после „Накш-і-калṓн“ (№ 2).

Мунча́ кӣчі́к булу́р му са́н!
Ді́лга́ чучу́к булу́р му са́н!
Заррагіна́ холі́ңг біла́н
О̄ла́мны куjдуру́р му са́н?
Бі̥р бі̥рінị̥ (برنینگ) ӣзі̥ біла́н
Ко̄j келадӣ kузӣ біла́н.
Бі̥р бі̥рі́ні́ (برنینگ) ӣзі́нị̥ ку́р,
hамсо̄jанị̥ (نینگ) kị̥зі̥нị̥ ку́р.
hамсо̄jанị̥ (نینگ) kị̥зі̥нị̥ ку́р,
Kо̄́шӣ біла́н кузі̥нị̥ ку́р.
jо̄́рат ман-у-jо̄́рат ман,
Ді́лхаста́-і-зо̄́рат ма́н.

Будешь ли ты такой маленькой!
Будешь ли ты любезной сердцу!
И своей, крохотной как атом родинкой,
Сожжешь ли ты мир?
Один по следам другого
Приходит овца со своим ягненком.
Посмотри на их следы (последуй их примеру),
Посмотри на дочь твоего соседа.
Посмотри на дочь твоего соседа,
Посмотри на ее брови и глаза.
Я твой друг, я твой друг,
Я твой опечаленный влюбленный!

Накш-і-хурд (№ 3).

О̄ума́д, о̄умада́т гарда́м!
Та́рз-і kо̄умата́т гарда́м!
Тӯ ба ін kа́дд-ӯ-рухсо̄́р
Шо́h-і-анџума́н бо̄ші́.

Калдi̥рӡо̄́ч kаро̄́ булӯ́р,
Каното̄i̥ ало̄́ булӯ́р.—
јо̣̄шлiкда́ берга́н каң̡гӯл,
Аjрылма̄с—бало̄́ булӯ́р.
Рафта́м ро̄ʰ-i-дӯр-о̄-дӯ́р,
Оʷарда́м нiхо̄́л-i-гул.
Iн гу́ла гiц̦о̄́ мо̄нíм?
—Дар хаʷлi̅́-i-мыјрзо̄́ гул.
Мыјрзо̄ гул-i-бе бо̄kа́ш,
Тӯ аң̡гӯ́р-у-ман то̄kа́ш: [1]
Аз бац̦о̄́-i-јаг аң̡гӯ́р
Ме̣печа́м ба һар шо̄ха́ш.
Мачi̅́т булса́, мадраса́,
Урто̄сiда́ јӯ́л булса́.
Бĭ̥р о̄дíл потшо̄́ булса́,
һар кiм сујганнi̥ о̄лса́.
јо̄kо̄́тi̥м со̄јга́ туштi̥,
Со̄јдi̥н суkсӯрла́р учшi̥.
Суkсӯ́р бу́јнi̥ шӯл јо̄́рi̥м
Мулло̄́ кузi̥мдi̥н учтi̥̅́.
Ӯл куча́да сан булса́ң̡г,
Бӯл куча́да ман булса́м.
Бо̄́ӡдi̥ гу́лi̅ сан булса́ң̡г,
Се̣баргасi̥̅́ ма́н бу̣лса́м.

Малый „Накш“.

Да покружусь я вокруг твоего прихода!
Да покружусь и вокруг твоего стана!
Ты при этом росте и лице
Будешь царем собранья.
Ласточка черная,
Крылья ее пестрые.
И если отданное в юности сердце
Не отделится,—будет беда!
Я пошел в дальний путь
[И] принес цветок.
Куда мы поставим этот цветок?
—[Мы поставим его] во двор Мирзы Гул‘я.
Мирза Гуль в своем саду.
Я виноград, а ты подставка для винограда:
Вместо виноградного куста,
Я обовью все ее жердочки.

[1] Правильно „Ман аң̡гӯ́р-у-ту то̄́kаш“; так поется в Ходженте.

О, если бы была мечеть [и] мадраса!
Если бы была между ними дорога!
Если бы был справедливый царь!
Если бы всякий брал [замуж] ту, которую он любит!
Яхонт мой упал в овраг,
Из оврага вылетели шилохвости.
[И] подобно шилохвостям
Улетела (скрылась) моя возлюбленная (муллӧ́) из моих глаз.
О, если бы ты была на той улице!
[А] я был бы на этой улице!
Если бы ты была цветком (розою) в саду!
Если бы я был там кашкой!

Н а k ш - і - м ī ј ō н ٠ á (№ 4).

Поется четвертым номером, но не всегда. Иногда его просто выпускают.

Ман јīƺлáп утáј!
Кучаλарī λṓј булсӯ́н.
Камі́ч кукарі́п чіλīміңгá нај булсӯ́н.
Чіλі́м ајтадý́р:
„Лахчá, мані̥́ (منینگ) бōшімдá дý́р.
hар јīрдá ōλáм
Заррá мані̥́ (منینگ) kōшіммá дý́р“.
јṓр-у-шō^{h}-і-саλōмáт!
јṓр-у-шō^{h}-і-саλōмáт!
Дӯ́ст-мі^{h}р-і́ хікōјáт!
Дӯ́ст-мі^{h}р-і́ хікōјáт!
Кӯλдá румṓλ,
Келаді̥́ кӯз јōші́.
Кӯз јōші́ біλáн
Румōλді̥́ хӯ́λ kі̥лсá булӯ́р.

С р е д н и й „Н а k ш“.

Пойду-ка я плача!
Пусть улица ее будет грязная,
Пусть камыш зазеленеет и станет трубкой в ее чилиме.
Чилим говорит:
„Горящий уголек у меня на голове.
И весь свет
Подобен атому в моих глазах“.

Друг и царь будь здоров!
Друг и царь будь здоров!
Повесть о любви к другу!
Повесть о любви к другу!
В руках [моих] платок,
Текут из глаз слезы.
Слезами из глаз
Можно смочить платок.

Филология.

„Ориенталист, желающий работать на востоке, должен обладать серьезной обще-научной подготовкой, чтобы, изучая язык, литературу или историю восточного народа, не подчиняться безусловно своим источникам, а вносить в исследование их приемы европейской науки, оставаясь европейским, а не азиатским ученым“.

(В. В. Бартольд. По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга. Туркестанские Ведомости 1902, № 33.)

С. Е. Малов.

Два уйгурских документа.

„Открытие в 1890 г.... санскритской рукописи на березовой коре положило начало изучению домусульманской культуры Восточного Туркестана —задаче, которой в настоящее время принадлежит одно из первых мест среди задач востоковедения, как науки".

В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Изд. 2, Ленинград, 1925 г., стр. 139, сравн. стр. 277.

За последнее,—перед войной 1914 г.,—время русскими, западноевропейскими и японскими экспедициями вывезено из Китайского Туркестана и Центрального Китая много старых рукописей, писанных различными шрифтами и на различных языках.[1]

Среди этих фрагментов оказалось не мало рукописей на турецком языке, писанных уйгурским, руническим (орхоно-енисейским), сирийским, брахми и др. алфавитами.

Древне-турецкие рукописи из Западного Китая имеются теперь во всех крупных центрах ориентализма. До сего времени уже издано и переведено большое количество этих рукописей, главным образом, буддийского и манихейского содержания.

На ряду с этими рукописями буддистов, манихеев и христиан громадный интерес и высокую научную ценность имеют небольшие уйгур-

---

[1] Ольденбург, С. Исследование памятников старинных культур Кит. Туркестана, см. Журн. Мин. Нар. Просвещ. 1904 г., ч. 353.

Он же. Русские археологические исследования в Вост. Туркестане, см. Казанск. Музейный Вестник, № 1—2 за 1921 г. Казань, стр. 25—30; (сравн. рец. на Каз. Муз. Вестник С. Е. Малова в Казанск. Библиофиле, № 2, Казань, 1921 г., стр. 87—88).

А. С[амойлови]ч. Рец. на: W. Radloff. Chuastuanit.., см. Живая Старина, вып. I—II, 1910 г.

Анучин, Д. Немецкие экспедиции в Средней Азии. Русские Ведомости от 1 мая 1913 г.

Он же. Археологические экспедиции в В. Туркестане, см. Землеведение, 1907 г. кн. III—IV.

Об экспедиции A. Stein'а см. заметку Д. И. Мушкетова в Изв. Рус. Географ. Общ., т. LII, 1916 г.. вып. II, стр. 193—194.

Малов, С. Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам, см. Известия Русск. Комит. для изучения Ср. и Вост. Азии, № 11, сер. II, 1912 г. Спб., стр. 99.

ские фрагменты юридического содержания из Турфанского оазиса в Восточном Туркестане.

Большое собрание уйгурских юридических документов имеется в Берлине (из экспедиции проф. А. Грюнведеля) и в Ленинграде в Азиатском Музее Академии Наук СССР[1].

Опубликованных документов немного. Акад. В. В. Радлов первый опубликовал два подобных документа в 1899 г.[2] Он же в 1905 г. издал часть документов, вывезенных из Китая проф. А. Грюнведелем в отчете последнего.[3] Четыре документа из этого собрания вторично перевел и издал A. v. Le Coq в 1918 г.[4] Кроме того, берлинское собрание уйгурских документов и документы Азиатского Музея обследованы акад. В. В. Радловым († 1918 г.) и напечатаны им в невышедшей еще до сих пор (август 1927 г.) книге—Uigurische Sprachdenkmäler. В ближайшее время это сочинение В. В. Радлова, с моими добавлениями, предполагается к выпуску в свет.

Ниже издаваемые уйгурские документы приобретены мною покупкой 29 марта 1914 г. в г. Турфане, во время моего второго путешествия по Западному Китаю от „Русского Комитета для изучения Ср. и Вост. Азии". По словам продавца, документы эти происходят из селения Астана.[5]

Первый документ (см. рис. 1) представляет из себя долговую квитанцию. Один уйгур купил от некоего Бэдрун'а просо за определенное количество сладкого вина. В обеспечение осенней уплаты вина за просо и написана эта бумага.

Памятник писан на желтой китайской бумаге китайской кисточкой; почерк—обычный курсив. Точки при буквах совершенно отсутствуют. В конце памятника, направо от последнего слова, имеется знак (рукоприкладство) должника—Окрюс-Тимура.

Документ этот, очевидно, был когда-то свернут „в трубочку", затем он был приплюснут и в таком виде, от времени, порван; отчего и получились симметричные пустоты вверху 5 и 10 и внизу 2, 5 и 10 строчек.

Размер всего документа 18×21 см.

---

[1] Отчет о деятельности И. Академии Наук.... за 1905 г. Спб., стр. 23.

Азиатский Музей Росс. Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка. Петербург, 1920, стр. 34—37 (сравн. рец. С. Е. Малова—Каз. Музейный Вестник, № 1, 1922 г., стр. 196—198).

[2] Klementz, D. Nachrichten über die von d. K. Akad. d. Wiss. zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. 1899, p. 55: Altuigurische Sprachproben... von Dr. W. Radloff.

[3] Grünwedel, A. Bericht über archäol. Arbeiten in Idikutschari... München. 1906. Abh. K. Bayer Akad. d. Wiss. 1 K., Bd. XXIV, 1 Abth.

[4] Le Coq, A. v. Handschriftliche uigur. Urkunden aus Turfan. Turan, 1918, p. 449-460. Сравн. рец. С. Е. Малова в Записках Коллегии Востоковедов, Ленинград, 1925 г.

[5] Об Астана см. Ольденбург, С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Спб. 1914 г.. стр. 22.

Второй документ (см. рис. 2) по содержанию интереснее; это— документ на куплю-продажу в вечное владение одной рабыни за 52 куска (хлопчатобумажной) материи.

При некоторых буквах имеются здесь точки (k̤, ṇ), при с (ш) они отсутствуют.

К памятнику приложена круглая печать в след. местах: внизу на 1—2 строч.; на 12—13 строч. (в середине) и на строч. 22—23 два раза (вверху и внизу). Рукоприкладства в виде креста поставлены в конце строчек 22, 24 и 27. В конце 26 строчки поставлена шестиконечная звезда (из двух треугольников, наложенных друг на друга). Весьма явственная горизонтальная черта посредине документа (на снимке) получилась от сгиба в этом месте подлинного документа.

Второй документ размером 34×54 см.

В качестве кредитора (док. 1) и купца (док. 2) является одно и то же лицо в обоих документах—Бэдрун. В числе свидетелей—Мысыр Кара (брюнет) и Бек Тимур упоминаются тоже в обоих этих документах. Следует прибавить, что во втором документе эти (?) свидетели именуются с прибавлением слова kуз (строч. 21, 22, 25 и 26). Лица, писавшие документ (писцы),—различные.

Оба документа важны как для истории турецкого языка, так и для знакомства с бытом древних уйгуров в Турфане.

Временем написания документов я считаю приблизительно XIII в. по р. хр.

При транскрипции не приняты во внимание некоторые написания слов, обусловленные скорописной манерой письма; напр., санап (2,7) в документе написано „снп“; вм. чам чарым (2,11) пишется „чм чрым“ и т. п. Принятые же „орфографические“ начертания, как „мн“ (т. е. мäн), „jмä (т. е. jäмä) и др. у меня здесь, в транскрипции, соблюдены с точностью написания в самом документе.

То, что заключено в скобки в транскрипции, то на документе отсутствует (изветшало) и представляет теперь здесь мою реконструкцию; скобки же в переводе заключают, кроме цифровых обозначений строчек документа, еще некоторые мои дополнения к переводу.

Клише для рисунков было выполнено по фотографическому снимку, сделанному Е. П. Саминовой, ассистентом-фотографом Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.

I.

1. Таkыkу jыл тöрдӳнч аі
2. тоkуз одуз kа манг а [. . . .] kа
3. Öкрӳс Тäмірга тӳс кä тарыk
4. кäргк болуп Бäдрӳн тін ікі
5. кӳ[рі тары]k алдым. К[ӳз]

6. jангыда одуз тäмбін бір kап
7. сӳчӳк kọ̈ні бірӳрмн. Біргінчä
8. бар jok болсар мн, інім Kусы
9. нынг тäгі läр бірlä kọ̈ні бірсӳн
10. lär. T[анук] Бг Тäмір. T[ану]k
11. Мысыр Kар а. Бу нысан мн
12. Ӧkрӳс Тäмір нінг ол.
13. Мн Јӧкäсірі бідідім.

П е р е в о д.

(1) В год курицы, четвертого месяца, (2) двадцать девятого (числа), когда мне... (3) Окрюс Тимуру, понадобилось просо, я (4—5) от Бэдрун получил две меры проса. (6—7) В начале осени я (за это) один мех

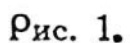
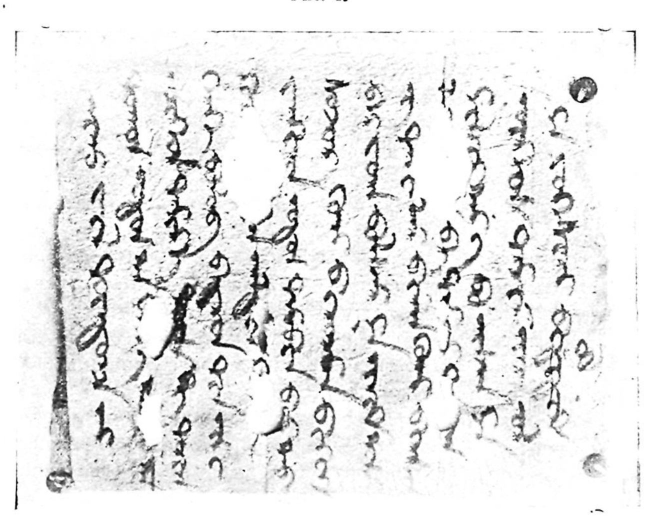

Рис. 1.

Уйгурская долговая квитанция (XIII в.).
Из Турфанского оазиса.

в тридцать мер сладкого вина правильно уплачу. (8) Если я умру до уплаты, то мой младший брат Кусы (9) с родственниками своими пусть правильно уплатит. (10) Свидетель Бек Тимур. Свидетель (11) Мысыр Кара. Этот знак мой (12),—Окрюс Тимура. (13) Я, Йокасири, написал.

П р и м е ч а н и я.

1. О животном цикле в турецко-монгольском летосчислении см. напр.: К а т а н о в, Н. Ф. Восточная хронология.... Казань, 1920 г., стр.

87 (219) и сл. (отд. отт. из Изв. Сев.-Вост. Археол. и Этнограф. Института., т. I); Пантусов, Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей...., вып. 3. Казань, 1901 г. и замечание акад. В. В. Бартольда, см. Эдуард Шаванн, некролог (Изв. Акад. Наук, 1918 г. или: Mél. Asiatiques, Петроград, 1921 г., стр. 1767 и сл. У Махмуда Кашгарского I, 289: تقاغو يلى)

2. Числительное выражено по старой системе счета, см. Radloff, W. Die Alttürk Inschriften, 1895. p. 398—399; Мелиоранский, П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина, см. Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., т. XII, вып. II—III, стр. 105—107.

3. Тӱс (чит. тӱш) выгода, придача, процент. Тӱс кä под процент; выражение это в документе как будто зачеркнуто, а потому у меня в перевод не включено. Вм. Тäмiргä и бiргiнчä (строч. 7) написано Тäмiгä и бiгiнчä; нельзя ли здесь, в такой записи видеть отражение действительного произношения этих слов в живой речи? Сравн. замены и исчезновение звука „р" в теперешних турецких наречиях Китайского Туркестана.

4. кäргк (нужно, необходимо)—обычно пишется так: кргäк.

5. В документе 69 (Uigur. Sprachd., p. 121—122) можно встретить выражение: ӱч кӱрi тарыk.

6. Тäмбiн и (в некоторых других документах) тäнбiн—название меры ёмкости. Проф. Б. Я. Владимирцов сообщил мне, что у монголов есть слово „тӱмпӱн" в значении „таз". Сравн. китайск. „тун" (медь) и „пын" (таз); см. Попов, П. С. Рус.-кит. словарь. Пекин, изд. 2, 1896 г. стр. 245 и 547.

8. Бар jok бол—обычное выражение в юридических документах для выражения небытия,—смерти.

8—9. О выражении „мой младший брат Кусы с родственниками"—я говорю в своей рецензии на соч.: Le Coq, Handschriftl. uigur. Urkunden; см. Зап. Коллегии Востоковедов, т. I, стр. 552—556, 1925.

Тäгi (род, семейство) употребляется и в турецко-рунической письменности; см. Dr. Radloff, W. Die Alttürk. Inschr. d. Mongolei, p. 332; 369.

10. К слову Бг сравн. во 2 док. строч. 21 и 26.

11. نشان (перс.) знак, клеймо; сравн. во втором документе строч. 22: нысан тамk а.

II.

1. [....j]ыл Арам аi бiр jангыk а kа манга [Бачан kа]
2. [jунглаk]лыk бöз кäргк болуп, Бäдрӱн тiн
3. äl[iг iкi] баk̤ лыk бöз алып, мäнiнг Асан
4. Тiгiн [ат] лыk̤ кӱнгӱм нi Бäдрӱн гä äliг iкi
5. баk̤ лыk бöз гä торk̤у томлуду садтым. Бу сатыk
6. бöз нi бiдiг kылмыс кӱн ӱз ä мн Бäдрӱн бiр
7. äксӱк сӱз тöкäl санап арылап бiрдiм. Мн

Рис. 2.

Уйгурский документ (XIII в.) на куплю-продажу рабыни.
Из Турфанского оазиса.

8. [Бач]ан јмä бір äксӳк сӳз тöкäl санап арылап
9. [а]лдым. Бу мн Бачан садмыш кісігä мäнінг ак̤ам,
10. інім, урук̤ум, ток̤мысым, он лук̤ум, јузlӳгӳм,
11. алымчым, бірмічім, кім кім м ä болуп, чам чарым
12. kылсарлар. Бу мн садмыш кісі гä мінг јыл тӳмäн
13. кӳн гä тäгі Бäдрӳн äркlіг болсун. Табласар, öсі
14. тудсун; табламасар, адын кісі гä öдкӳрӳ садсун.
15. Бу кісі гä чам чарым kылмасун. Абам бір öк
16. äркlіг бäг ісі ilчі јалавач кӳчін тудуп,
17. јулајын, алајын, тісäр läр, бу кісі тäг ікі кісі
18. біріп мä сöз läрі јорымасун. Чамлаkучы кісі
19. lар kор луk болсун болсун. Бу бідіг туда
20. Бäдрӳн kор суз болсун. Бу бідіг кä тануk
21. Чон̤аі, тануk Мысыр Кар а Куз, танук Бäг Тäмір
22. Куз, Јарак̤ Сылк̤ а. Бу нысан тамk а мн, Бачан нынг ол.
23. Мн, Алап, Бачан kа інчкä ајыдып, бідітім.
24. Бу нысан мн тануk Чон̤аі нынг ол.
25. Бу нысан мн тануk Мысыр Кар а Куз нынг ол.
26. Бу нысан мн тануk Бäг Тäмір Куз нынг ол.
27. Бу нысан мн тануk Јарак̤ Сылк̤ а нынг ол.

П е р е в о д.

(1) В год...., в месяц Арам, первого числа нового месяца, когда мне, Бачану, (2) понадобилась ходовая хлопчатобумажная ткань, я, взявши от Бэдрун пятьдесят две связки ткани, правильно и законно (3—5) продал Бэдрун'у за пятьдесят две связки ткани принадлежащую мне рабыню мою по имени Асан Тигин. Эту проданную (6) ткань в день совершения письменного условия я, Бэдрун, (7) без недочёта сполна, сосчитав и отмерив, дал. Я же (8) Бачан, без недочёта, сполна сосчитав и измерив, (9) получил. По отношению к этому человеку, проданному мною, Бачаном, мой старший и (10) младший брат, мои родственники и свойственники, мои десятники и мои сотники (11—12), мои клиенты, кто бы они ни были, пусть-ка попробуют делать споры и тяжбы! Над этим проданным мною человеком до тысячи лет и десяти тысяч (13) дней Бэдрун пусть будет властителем. Если понравится [ему рабыня] сам он (14) пусть держит [ее], а если она не понравится, пусть перепродаст другому человеку. (15) Этому человеку (т. е. Бэдрун'у) споры и тяжбы да не делают. Если же кто либо, (16) пользуясь силой влиятельного князя, дамы [его], вестника, посла (17), сказал бы: да возьму я и оттягаю [рабыню], то подобно этому человеку двух людей (т. е. рабов) (18) пусть дадут, и слова их да не распространяются. Люди спорщики (19—20) да будут в убытке, а Бэдрун, владея этим документом, да будет без убытка. На этот документ, свидетель (21) Чонай; свидетель Мысыр Кара (брюнет) Куз; свидетель Бек Тимур (22) Куз, [и] Ярак

Сылга. Эта печать—клеймо мое, Бэдрун'а. (22) Я, Алап, под диктовку Бачан'а, точно написал. (24) Этот знак мой—свидетеля Чонай. (25) Этот знак мой—свидетеля Мысыр Кара Куз. (26) Этот знак мой—свидетеля Бек Тимура Куз. (27) Этот знак мой—свидетеля Ярак Сылга.

На обороте документа приписка:

Бу бас бідіг Асан Тігін ңінг ол. Т. е. это—главный (?) документ относительно [рабыни] Асан Тигин.

Примечания.

1. Арам—первый уйгурский месяц в году. Встречается это название в ярлыках Золотой Орды и объяснялось раньше как арабск. محرم. Сравн. рам ai (Suvarṇaprabhāsa уйгурск. ред., изд. В. В. Радлова и С. Е. Малова, стр. 589,19).

2. јунглаk лыk ходовой, употребительный, см. Suvarṇaprabhāsa, стр. стр. 257,7 и 612,4; F. W. K. Müller, Uigurica III, 81,14.

3. Числительное alïг ікі пятьдесят два выражено по новой системе счета; сравн. в первом док. строч, 2: тоkуз одуз двадцать девять и в Suvarṇaprabhāsa, 301 стр.: ӳч алтмыс пятьдесят три. О системах счета в турфанских юридических документах см. Radloff, W. Uigur. Sprachd., p. 69—70.

5. Торķу томлуду правильно и точно; сравн. указан. соч. Лекока док. ТМ. 224 (D. 168) и у В. В. Радлова в Uig. Sprachdenk. док. 13, 57 и 61.

7. К слову арылап (измеривши, сосчитавши) сравн. в монгольск. арылхаху „вычитать“ (в арифметике), см. Ковалевский. О. Монг.-русск.-французский словарь, т. I. Казань, 1844 г., стр. 147.

11. Алымчы бірімчі должник и кредитор; сравн. у Махмуда Кашгарского, т. I, стр. 72.

12. Вм. kылсарлар в других документах здесь встречается более идущее к делу „kылмасунлар“ пусть не делают [препирательств, исков]; кроме того, писец в этом месте отступил от обычного словорасположения, сравн. Uig. Sprachd. док. 16, 30, 56, 57 и 61. Отчасти, пожалуй, этот условный период (kылсарлар) можно соединить с условным периодом в 17 строч.—тісäр lär, а после них уже будет затем (строч. 17): бу кісі тäг ікі кісі....

12—13. Выражение „тысяча лет и десять тысяч дней“ (т. е. вечно) заимствовано турками у китайцев; встречается оно и в памятниках тур.-рунической письменности.

16. ісі (чит. іші) дама, жена князя (монг. idem). У Махмуда Кашгарского I, 106:—ايشيلار дамы.

19—20. Корлуk убыточный, имеющий недостаток; kор (телеутск.) вред.; монгольск. хоро. В документе ошибочно написано два раза—„болсун“.

Е. Д. Поливанов.

О происхождении названия Ташкента.

Общепризнанной этимологии имени Ташкента [1] (tɔškænd, tɔškænt в иранизованном узбекском произношении) до сих пор не существует; бесспорным является лишь второй, иранский элемент слова—kænd, kænt „селение“.[2] Что же касается первой части (tɔš), то ее обычно объясняют: или 1)—следуя народной этимологии— из тур. تاش (узб. иранизов. tɔš) „камень“, понимая, следовательно, تاشکند как „Каменный город“, [3] или 2) из древнего названия данного района (и его центра)—„Шаш“ شاش или „Чач“ چاچ; следовательно, تاشکند возводится к „Шаш“ (resp. „Чач“)+-kænd, т. е. „Шаш-город“, при чем допускается „звукоизменение“ нач. š→t.

Слабые стороны обоих объяснений очевидны: 1) турецко-иранский гибрид „Каменный город“ принципиально мало вероятен в качестве имени города. А затем, какими реалиями объяснить эпитет „Каменный“? Что могло быть „каменного“ в старом Ташкенте? 2) постулируемый во втором объяснении переход t←š, конечно,—крупная натяжка, которую трудно принять даже, имея в виду ссылку на диссимиляционный фактор: š . . . š→t . . . š. К тому же следует заметить, что из двух дублетных форм شاش и چاچ исходной является, очевидно, вторая: چاچ Первая

---

[1] Произносимого tɔškænd, tɔškænt в иранизованных узбекских говорах (т. е. в самом Ташкенте, Самарканде, Бухаре и т. д.).

[2] Тот же элемент мы находим и в имени Самарканда—سمرقند, سەمەرقەند, sæmærqænd, с той только разницей, что k заменилось через q; причину этого изменения нужно, по моему мнению, видеть во влиянии турецкого (и, конечно, сингармонистического) диалекта покорителей Самарканда, которые, восприяв первую часть compositi в виде samar-, должны были подставить задние гласные, а вместе с ними и заднее q (ق), и во вторую часть слова: получилось, таким образом,—samarqand, откуда в успевших уже иранизоваться (и утративших, следовательно, сингармонизм) турецких говорах—(как и в таджикском, конечно) sæmærqænd.

[3] У Махмуда Кашгарского (ч. I, стр. 369) встречается форма تركن с объяснением: اسم الشاش. وهى البلدة التى منها ابوبكر القفال الشاشى. و اصله «تاش كند» اى بلدة من حجارة. У В. В. Бартольда (К истории орошения Туркестана, стр. 140) упомянута форма Тарбенд. Ред.

же объяснима из нее как результат влияния арабского языка: именно арабы, благодаря отсутствию в их языке звука č (چ) и должны были превратить چاچ в شاش.[1] (Правда, мне могут возразить, что не только арабы, но и казак-киргизы могли обусловить изменение چاچ→شاش ввиду характерного для их языка процесса č → š. Однако, форма شاش доходит до нас из той эпохи, для которой, если даже и можно признавать наличие предков казак-киргиз в данном районе, то никак нельзя считать уже осуществленным переход č → š в их языке.)

Таким образом, единственным (да и то, нужно сказать, слабым) мотивом, который можно выискать в пользу вышеприведенных этимологий, является допустимость в з а и м о д е й с т в и я их обеих: дескать, šaš- могло превратиться в taš-(resp. tɔš-) п о т о м у, что существовало турецкое слово taš (resp. tɔš) со значением („камень"), позволявшим осмыслить данное compositum. Но и тут ясно, что дело не обходится без большой натяжки (особенно, если не забывать, что tɔš принадлежит одному языку, а -kænd—другому), и останавливаться на таком предположении стоило бы т о л ь к о в т о м с л у ч а е, е с л и б ы н е л ь з я б ы л о н а й т и т р е т ь е г о в о з м о ж н о г о о б ъ я с н е н и я.

Таковое, однако, может найтись. Предлагаемая мною ниже этимология „تاژ-کینت→تاشکند taž-kent" „*taž تاژ→تاشکند + کند-" отнюдь, впрочем, не выставляется мною как окончательное решение вопроса. Это—одна из гипотез, и моей задачей является лишь объективное установление ее pro и contra из имеющихся в моем распоряжении данных.

Именно, я допускаю, что первым элементом имени Ташкента служило некогда этническое (или же с эволюцией первоначально-этнического значения—о чем см. ниже) название *taš (=„Таж") или *taž(i) (=„Таж(и)")—то самое, к которому, восходит современное наименование таджиков (tɔǯik تاجیک, تاجک).

Основанием для этого мне служит изложенная академиком В. В. Б а р т о л ь д о м („Таджики. Исторический очерк",[2] гл. II) история данного слова на средне-азиатской почве, устанавливающая: 1) древний звуковой состав основы—в виде *taž, с производным *taž-i, 2) исходное ее значение (в качестве имени арабского племени [Тай], затем наименования арабов-завоевателей вообще) и 3) эволюцию этого значения на средне-азиатской почве („арабы" → „мусульмане-завоеватели"→„персы" и в частности—„местные п е р с ы п о я з ы к у, т. е. т а д ж и к и").

Позволю себе процитировать названное место из работы В. В. Бартольда целиком: (стр. 98—99).

„Арабское нашествие 7—8 в.в. по Р. Х. изменило этнографический состав иранского населения Туркестана и создало для него новый термин. В до-мусульманской Персии, при династии сасанидов (3—7 в.в.),

[1] Китайская же транскрипция отражает форму چاچ, а не شاش.

[2] В сборнике „Таджикистан". Ташкент, 1925 г.

ближайшим географически к Персии бедуинским племенем было племя Тай; им же был построен город Хира, к западу от Ефрата (близ Хиры при исламе, как известно, возникла Куфа), впоследствии столица арабского княжества, находившегося в вассальской зависимости от Персии. Уже в 3 в. по Р. Х. один из сирийских авторов, писавший в Эдессе, употреблял слово „Тай". наравне со словом „саракины", для обозначения всех вообще бедуинов. От названия того же племени образовано средне-персидское или пехлевийское (пехлевийским называется персидский литературный язык эпох парфянской и сасанидской) и армянское т а ч и к в смысле „араб"; в мусульманскую эпоху мы видим более поздние формы т а з и к и т а з и; от первой образовано турецкое т е д ж и к. [1] Чередование букв з и дж указывает на звук ж; и действительно мы находим у Махмуда Кашгарского форму т е ж и к. Махмуд Кашгарский, как и другой турецкий автор XI в. Юсуф Баласагунский, употребляет это слово уже в значении „перс", но раньше турки называли таджиками арабов, на что указывает китайское д а - ш и „араб".

По понятиям того времени, принявший ислам тем самым становился арабом; когда бухарские вельможи в 728 г. сообщили арабскому наместнику Ашрасу об успехах мусульманской пропаганды в Туркестане, они употребили выражение: „все люди сделались арабами". Вполне естественно, что для турок теджиками (по турецкому произношению) были не столько люди арабской национальности, сколько приходившие к ним в степь представители ислама и мусульманской культуры, среди которых численный перевес, несомненно, скоро перешел к западным иранцам, так как число арабов, переселившихся в Среднюю Азию, не было значительно. Оттого для турок „теджицким" языком сделался персидский; когда турки завоевали мусульманские области и ближе ознакомились с двумя главными мусульманскими народами, арабами и персами, они сохранили слово „таджик" только для персов и стали отличать „таджиков" от арабов, хотя первоначально персы и, по их примеру, турки именно арабов называли таджиками. Очень вероятно, что и для согдийцев таджиками были не только арабы, но и персы-мусульмане, но примеров такого употребления слова „таджик" местными иранцами мы не знаем".

Самым важным в ф о н е т и ч е с к о м о т н о ш е н и и моментом является для нашей гипотезы установление звука ž (ж) в древней форме taž(-i).

Необходимо при этом, однако, дать себе отчет, к какому же языку принадлежало это древнее (со звуком ž) произношение. Это, конечно,—уже не арабский язык (в котором оригиналом для данного ž служило j). Несомненно, эта форма (с ž) не происходит и из турецкого языка, да она даже и не могла произноситься в древних типично-турецких наречиях (консонантизму которых ž было, как известно, чуждо),[2]

---

[1] Переход а→е в этой форме (или м. б. а→æ, если только æ было присуще данному турецкому наречию) объясняется, очевидно, сингармонистическим характером данного турецкого языка (ср., напр., в казак-киргизском: æke اكه ← a(ta)-ke, æper ايبر ← a(łы)b-ber и т. п. Подробности—в моей статье: Причины происхождения Umlaut'a в „Сборнике Турк. Вост. Института в честь проф. А. Э. Шмидта", Ташк. 1923. Стр. 120 сл.). Е. П.

[2] Современное казак-киргизское ž (←ǯ←нач. j), конечно,—весьма позднего происхождения.

хотя в таком, например, языке, как туркменский, и можно допустить преемство слова *taži (без изменения звука ž) из соседнего не-турецкого языка. [1]

Таким образом, в числе языковых мышлений, которым могла быть общей форма *taž(i), могли оказаться и представители древнего туркменского языка (который, как известно, занимал раньше площадь на с.-в. от нынешней территории современного туркменского языка и, значит, мог подступать к интересующей нас территории—древнего Чач'а).

Но ясно, что не туркменским языком создана эта форма (с звуком ž). Ее носителем должен был быть один из иранских языков Средней Азии, для которого ž являлось нормальным элементом консонантической системы. В нем-то и могло образоваться чисто иранское compositum: taž-kent или taž-i-kent→taž(i)-kent, давшее затем (благодаря оглушению ž→š перед следующим k)—taškent.

Какие же можно допускать семантические и реальные основания для того, чтобы считать правдоподобным возникновение термина „город Таж'ей" в применении к древнему Ташкенту? Ответ на это зависит от того, какое значение вкладывалось в термин taž(i) в момент, соответствующий образованию имени *taž(i)kent. Допустим обе возможности:

1⁰ что под именем „Таж(и)" понимались еще первоначальные его носители,—арабы, в частности арабы—завоеватели Средней Азии. Тогда имя „Тажского города (resp. селения)" могло быть дано,—со сто-

---

[1] В современном туркменском языке существует фонема ž, хотя словарные ее функции ограничиваются крайне небольшим количеством основ. Эта специфическая черта туркменской фонетики (т. е. наличие ž—по сравнению с другими тур. языками, которым, как например узбекскому, звукопредставление ž чуждо) вместе с другими особенностями туркменского консонантизма (к которым, в результате скрупулезного анализа, могут прибавиться и некоторые данные в области вокализма),—в частности наличием спирантов θ, ð (т. е. звуков типа английского „th") взамен обще-турецких s, z, может служить указанием на участие посторонней (не-турецкой) фонетики в формации туркменского языка, и именно—иранского влияния (в виде, может быть, хорезмийского языка). В частности, столь неожиданный с обще-фонетической точки зрения переход s→θ (resp. z→ð; кроме туркменского, этот переход известен мне лишь в истории ново-греческих говоров, да еще в бирманском языке) хорошо гармонирует с тем фактом, что индо-европейского *s, в большинстве позиций иранские языки уже не имели (например *septm̥ „7"→hafta→ перс. هفت hæft; ср. греческ. ἑπτά), тогда как звук θ (—иранской формации) им был хорошо известен. Те же, в общем, условия могут быть констатированы и для подстановки соответствующей звонкой иранской фонемы, т. е. ð на место тур. s.

Интересно отметить, что иранскую подпочву у туркмен склонен видеть и антрополог Л. В. Ошанин, приходящий к этому выводу совершенно независимо от вышеприведенных фонетических соображений, исключительно на основании антропологических данных, именно, на основании долихоцефаличности и туркмен и древних кочевых иранских народностей (тогда как все другие турецкие народности Средней Азии, кроме туркмен,—брахицефалы). [См. Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926, стр. 131 сл.]

роны местного иранского населения,—тому месту, где поселились арабские завоеватели Шаша и где, очевидно, были похоронены арабы, убитые при этом завоевании.

С исторической точки зрения, я думаю, тут нет ничего невероятного: 1) могилы арабских завоевателей сохранились поныне—в пределах самого туземного Ташкента, [1] 2) арабский состав населения не мог, конечно, уцелеть и должен был раствориться в туземной массе населения города, 3) в кышлаках, непосредственно примыкающих к Ташкенту, доныне живут отдельные узбеки, считающие себя потомками арабов-завоевателей.

2° допустим теперь, наоборот, что термин taž(i) имел уже свое второе значение,—т. е. означал представителей персидской речи (в частности, восточно-персидской или таджикской, в нашем смысле слова). Тогда „Таж-кент“ должно было означать: Таджикский город (resp. селение). Это, конечно, хорошо увязывается с тем обстоятельством, что несколько столетий тому назад в Ташкенте господствовала таджикская речь.[2] Но возникает вопрос: с чьей стороны Ташкенту могло быть дано название „Таджикского города“, если в древнем Шаше вообще говорили по-ирански? Или нужно предполагать, что это свое имя Ташкент, в качестве т а д ж и к с к о г о (т. е. восточно-персидского—по языку) селения, получил от представителей другого (уже не персидского) иранского языка? Но для такого предположения у нас нет никаких данных.

Поэтому, как будто, больше оснований представляется для допущения первой возможности (т. е. того, что taž(i) понималось в смысле „арабов-завоевателей“), хотя, повторяю, все это построение пока лишь чистая гипотеза.

Аналогией для предполагаемого мною (при данном именно понимании taž(i)—как „арабов“) происхождения имени تاشکند (с первоначальным смыслом: Арабский город) была бы, например, следующая конъектура: допустим, что через 1000 лет, когда русское население нынешнего Ташкента растворится в туземном, сможет уцелеть нынешнее название „Русский Город“ (или روس شهر?); если к этому временн произойдет и полное перемещение центра города в район нынешнего „Русского Города“, то слово „Русский Город“ (resp. روس شهر), естественно, может заменить собою и название всего города.

Мне кажется, нет невероятного и в том, чтобы подобный процесс имел место и в период после арабского завоевания,—по отношению к месту первоначального поселения завоевателей (*taž-kent), которое затем (вместе с падением значения старого „Шаша“, и вместе с ассими-

---

[1] По странной случайности,—в нескольких шагах от русского „братского кладбища“ воинов, павших при взятии Ташкента Черняевым.

[2] Благодаря чему местный узбекский говор и оказывается иранизованным (не сингармонистическим).

ляцией завоевателей туземному населению) могло превратиться и в туземный تاشکند. [1]

С вышесказанным предположением о происхождении первой части названия تاشکند (т. е. - تاش таш-→тэш-) из этнического имени завоевателей-арабов (تاژ *таж) вполне может быть согласовано и народное объяснение (Volksetymologie), встреченное мною в северно-узбекском районе (в июне 1926 года). Эта „народная этимология“ понимает تاشکند как „город Т а ш'а“, где Таш (تاش) оказывается личным именем богатыря, завоевателя древнего Шаш'а. Увязка с моей гипотезой возможна, и даже без особых натяжек,—если мы примем во внимание: 1) что современное нам коллективное языковое мышление могло разложить „تاش - کند“ только на „таш (resp. тэш в иранизованных говорах)+کند“, но никак не на „*таж+کند“,—ибо на звонкий *ж не могло сохраниться никаких указаний после ассимиляционного процесса ж-к → шк (تاژ - ک ← تاشک); 2) что персонификация этнического коллектива, связанная с переходом этнического названия (в данном случае: تاژ) в индивидуальное личное имя (в данном случае: تاش „Камень“ [2] как имя богатыря-завоевателя), является вполне нормальным процессом в фольклорном отображении исторических событий: завоеватели Шаш'а легко могли, следовательно, персонифицироваться в виде индивидуального героя - завоевателя (и основателя Ташкента), имя которого (تاش), абсорбированное из „تاش-کند“, оказывается, таким образом, рефлексом коллективного термина تاژ „Таж“.

---

[1] Ср. еще одну параллель: превращение цитадели, выстроенной (первоначально за чертой старого Ташкента) кокандскими завоевателями и носившей имя یەڭی ئوردا «Новая Урда» (в отличие от старой «Урды» Юнус-ходжи, что возле بەلەند مسجد), — в современный городской квартал «Урда» (обладающий, как известно, первостепенным значением и являющийся своего рода центром города). Допустим, что эта цитадель была бы названа не „Новой“, а „Кокандской Урдой“, как, может быть, она иногда коекем в первое время и называлась: тогда оказалось бы возможным вхождение имени завоевателей—кокандцев—в состав названия будущей центральной части города. А это как раз и есть то, что я гипотезирую для эпохи арабского завоевания (т. е. вхождение имени завоевателей—Таж'ей в название нового городского центра — taž-kent'а; при переходе значения к этому последнему старый „Шаш“ мог быть так же забыт, как забыта Старая Урда Юнуса-ходжи нынешними ташкентцами, знающими только кокандского происхождения „Урду“).

Наконец, укажу еще пример на происхождение названия областного (а в настоящее время—и столичного) центра от имени иноземных завоевателей (или, по крайней мере колонизаторов): это—эстонское название Ревеля: Tallinn, восходящее к tan-linn, т. е. „Датский город“ (linn значит „город“, а tan, по закону эстонской фонетики, соответствует основе Dan,—той же самой, что и в русском Дан-ия).

[2] Сравни греческое Πέτρα („Камень“).

К. К. Юдахин.

Некоторые особенности карабулакского говора.

Почти тридцать лет тому назад В. В. Бартольд писал: „Так как основным признаком народа является язык, то, как нам кажется, точное разграничение сартов и узбеков возможно только путем точного определения тех признаков, по которым наречие сартов отличается от узбекского". [1]

Несмотря на сравнительно большой срок, протекший с того времени, за который и само название „сарт" успело уже выйти из оффициального употребления, мы и сейчас еще не имеем достаточно материалов для точного определения этих языковых признаков. Если за это время много сделано в деле изучения других сторон края, то живой узбецкий язык [2] не может похвалиться оказанным ему вниманием. Материалов по живым узбецким говорам так мало, что едва ли есть возможность, как это делает И. И. Зарубин, установить „наличность, по крайней мере, четырех узбецких говоров: хивинского, ташкентского, ферганского и самаркандско-бухарского". [3]

Совершенно прав проф. С. Е. Малов, когда он говорит, что „Западный Туркестан далеко отстал по части изученности своих турецких наречий от Китайского Туркестана и провинции Гань-су". [4] Это утверждение прежде всего справедливо в отношении народных узбецких говоров.

Из трудов, имеющих касательство к узбецкой диалектологии, главнейшими можно признать следующие:

В. Наливкин и М. Наливкина: Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики. По наречиям Наманганского уезда. Казань, 1884.

[1] З. В. О. т. XI. вып. I—IV, стр. 354. В том же смысле выразился и А. Н. Самойлович в 1910 г. (К вопросу о сартах. Жив. Стар. 1910, вып. III).

[2] Здесь, как и в дальнейшем, я употребляю „узбек" и „узбецкий язык" вместо прежних „сарт" и „сартовский (сартский) язык".

[3] Зарубин, И. И. Список народностей Туркестанского края. Ленинград, 1925, стр. 14.

[4] Малов, С. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. Труды профессоров Ленинградского Института Живых Восточных Языков. [Теперь изданы: „Восточные Записки". Т. I. Ленинград, 1927 г.; срв. стр. 172. Ред.]

Работа эта, судя по заглавию (словарь „по нареч. Нам. у.", а грамматика „андежанского наречия"), должна бы в значительной мере носить диалектологический характер. Но, к сожалению, несмотря на всю свою практическую ценность (словарь, между прочим, продолжает и до сих пор оставаться лучшим из узбецких словарей), она теряет не малую долю значения из-за своей неточной и невыдержанной транскрипции. Кроме того, в словарь, видимо, вошли слова не только в узбецкой, но и в их кыргызской форме, что составителями не оговорено.

Н. Н. Пантусов: Материалы к изучению сартского наречия тюркского языка. Маргеланская сказка о старце и дочери купца (Уч. Зап. Казанск. Унив., кн. 12, 1899 г.) Текст вполне достаточный для общей характеристики говора. Некоторое беспокойство вызывает только предисловие Н. Катанова, предпосланное изданию текста, где он говорит: „Писание г. Пантусова я согласовал с писаниями то Лапина, то Наливкина..." Иными словами, первоначальная транскрипция записи была впоследствии, уже без объекта наблюдения, несколько изменена и, если так можно выразиться, „нейтрализована".

А. Н. Самойлович: „Вот—вагонный пассажир". Песенка-сатира ташкентских сартов. З.В.О. т. XIX. 1910 г., стр. 0159—0163. Коротенький текст, транскрибированный под диктовку ташкентца с рукописи. Это, насколько мне известно, первый транскрибированный текст, указывающий на характерный для иранизованных говоров очень открытый звук ɔ (у А. Н. Самойловича ɑ̊). Ошибочным является различение двух типов „а" (а—à) и двух типов „у" (у—ý), при чем „а", вообще в Ташкенте отсутствующий, и „à" (æ) иногда ставятся один вместо другого. Отмечен здесь и чуждый ташкентскому говору звук „ы", что, впрочем, может быть отнесено и за счет опечаток, так как А. Н. Самойлович указывает, что в сартовских наречиях „і" заступает место „ы" (сноска 5 к стр. 0161).[1]

П. Е. Кузнецов: Некоторые диалектологические особенности средне-азиатского наречия турецкого языка (так наз. узбекского, сартовского). Сборник Туркестанского Восточного Института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923 г. Здесь П. Е. Кузнецов приводит параллели из языка классического и современных диалектов ташкентского и ферганского. В части ташкентских примеров данные П. Е. Кузнецова далеко не всегда совпадают с данными проф. Е. Д. Поливанова. Так он смешивает „е" (закрытое) с „і", „о" (закрытое) с „у", „а" с „ä", „ы" с „і" (бірмас, укыјмäн, вместо несомненных бермäс, окіјмäн), но почему-то различает „н" и „нь" (мäн-сäн, но мень-сень). Нельзя не пожалеть, что автор нигде точно не локализует своих ферганских примеров и, тем самым, как бы исходит из наличия единого ферганского говора, с чем согласиться никак нельзя.

[1] Приходится пожалеть, что работа проф. А. Н. Самойловича—Пособие для изучения узбецких наречий—до сих пор остается в рукописи.

Совершенно особое положение занимают работы проф. Е. Д. Поливанова.

Первая его статья: Звуковой состав ташкентского диалекта (Журнал „Наука и Просвещение“ № 1. Ташкент, 1922, стр. 17—19) долго еще будет служить для нас, местных работников, образцом краткого, но четкого определения звукового состава того или другого узбецкого говора и пофонемной записи текстов. Главная ценность этой работы заключается в характеристике гласных ташкентского говора и в установлении их иранского происхождения.

Из других опубликованных работ проф. Поливанова можно назвать следующие:

1) Образцы фонетических записей ташкентского диалекта. Бюлл. Ср.-Аз. Гос. Унив. № 4, февраль 1924 г., стр. 87—90.

2) Введение в изучение узб. языка ч.ч. I и II. Ташкент, 1925—1926 гг.[1]

Эта работа, как и предыдущие, касается ташкентского диалекта.

Тем же автором готовится к печати еще ряд работ по узбецкому языку. [2]

Предварительное ознакомление со всеми работами проф. Поливанова, в том числе и с чисто учебнопрактическими, совершенно необходимо для каждого, кто пожелал бы заняться изучением узбецких говоров.

***

Узбецкий язык проф. Поливанов делит на две основные группы говоров (хивинско-узбецкое наречие занимает особое положение): 1) говоры иранизованные, [3] заменившие турецкий вокализм иранским и утратившие сингармонизм; 2) не-иранизованные, сохраняющие сингармонизм и турецкий состав гласных.

В направлении этих двух основных групп, по его мнению, и должна на первых порах вестись черновая работа: собирание материалов и предварительная их обработка.

Сам проф. Поливанов занимается говорами первой группы, направив некоторых из своих слушателей по Восточному Факультету САГУ, в том числе и меня, на обследование второй.

---

[1] Ч. III, Ташкент, 1927 г. Ред.

[2] Уже вышли из печати: Краткая грамматика узбекского языка. Ч. I и II. Ташкент—Москва 1927 г. Краткий русско-узбекский словарь. Ташкент—Москва 1926 г. Ред.

[3] Об иранских элементах в узбецком языке упоминалось и значительно раньше проф. Поливанова (см. 1. предисловие Катанова к указанной выше сказке Пантусова; 2. примеч. 5 к стр. 0161 упомянутого текста проф. А. Н. Самойловича; 3. Мелиоранский, П. М. Араб филолог о турецком языке. Спб. 1900, стр. LXI, прим. 5; отдельные замечания подобного рода встречаются и у других авторов), но ему принадлежит четкая и обоснованная формулировка того, о чем раньше говорили или предположительно, или только мимоходом.

Следуя указаниям проф. Поливанова, я в 1924 году посетил некоторые кишлаки Чимкентского уезда. В двух из них, в Манкенте и Карабулаке, мне удалось собрать небольшое количество текстов.

На этот раз я коснусь только говора Карабулака, где мне удалось пробыть несколько больше, чем в Манкенте, и говор которого представляет больше особенностей, чем манкентский.

Настоящая моя работа, совершенно не претендуя на исследовательский характер, имеет своей исключительной целью поделиться с интересующимися частью тех сырых материалов, которые мне удалось собрать.

Самостоятельную запись текстов мне пришлось вести впервые, а потому вполне естественно ожидать в них соответствующую долю неточностей.

Не считая для себя посильным дать транскрипцию более детальную, я ограничился только пофонемной записью.

При записи я пользовался знаками русского академического алфавита, которым записаны тексты В. В. Радлова.

***

Карабулак [1] находится в 25—30 верстах к в-с-в. от г. Чимкента и расположен близ левого берега р. Арыса. Существует он, по словам местных стариков, лет 200—250. Более подробных сведений об основании кишлака мне собрать не удалось, кроме того, разве, что все карабулакцы считают своих предков выходцами из нынешнего Туркестанского уезда. На это указывает и название групп, на которые подразделяют себя основные насельники Карабулака: 1) отрарлыk (выходцы из древнего Отрара), 2) ikанлыk (выходцы из Икана), 3) мäтlік и 4) чаҕалыk (Мäт и Чаҕа—небольшие селения в районе Икана. Так, по крайней мере, говорили мне карабулакцы и Б. П. Тризна).

Кроме этих основных групп, в Карабулаке есть еще небольшое количество позднейших пришельцев. Сюда относятся: ташкентцы (преимущественно торговцы) и казаки рода очаклы (ошakты). По языку из них выделяются только ташкентцы, которые сохраняют свой родной говор (только те из них, конечно, которые попали сюда уже взрослыми), казаки же вполне восприняли говор карабулакцев.

Основное занятие жителей—земледелие.

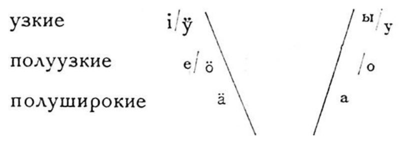
***

[1] Карабулак (kара-булаk, قارا بۇلاق)—„черный родник". Кишлак расположен по берегам речки, берущей начало из этого родника. От этого же родника он получил и свое название.

Звуковой состав.

Гласные.

Гласных звуков, в отличие от ташкентского, карабулакский говор насчитывает 9. В характере своем эти звуки ничем не отличаются от гласных казацкого (казак-киргизского) наречия, если не считать звука ä, который в говоре Карабулака, да и вообще в узбецком языке, более открытый, чем в казацком.[1] Звуковой состав казацкого наречия достаточно известен, а потому я позволю себе просто привести гласные карабулакского говора, не вдаваясь в их подробную характеристику.

Из них звуки о, ö и е могут стоять только в первом слоге слова, что как не раз уже отмечено проф. Поливановым, является существенным признаком узбецкого наречия, отличающим его от территориально соседящего с ним наречия казацкого. Звуки эти, следовательно, не могут принимать участия в формальных частях слова. [2] Как исключение, звук *о* регулярно появляется в суффиксе причастия н. вр.—дуҕон (< турҕан), при чем этот суффикс совершенно устойчив, не чередуется в зависимости от основы. Примеры: аладуҕон „берущий“, „долженствующий взять“, kыладуҕон—„делающий,“ „долженствующий делать“, берäдуҕон (от бер-„давать“), kelÿäдуҕон (от kel—„прибывать“) и т. д.

Все остальные, нерегулярные случаи нарушения закона относительно о/ö, е, зафиксированные в моих записях, нуждаются в проверке и дополнениях.

Одной из наиболее интересных особенностей карабулакского вокализма является наличие в нем отсутствующих во всех других известных нам узбецких диалектах, да и вообще редких в современных турецких языках, старо-турецких долгих гласных: ā, ō, ī (a:, o:, i:).

На эти долготы мне удалось записать только следующие немногие примеры.

1) āт (‖ āд)—„имя“, āды—„его имя“ (но ат—„лошадь“, аты—„его лошадь“, ат—„бросай, стреляй“);

---

[1] Звук ä (у Радлова ǟ) в казацком языке очень редок; еще реже встречается он в непервом слоге.

Разница между ä в казацком языке и ä (ä́) в узбецком отмечена проф. Самойловичем („Вот—вагонный пассажир“, примеч. 5 к стр. 0161).

[2] Яркой иллюстрацией в этом отношении для звука *е* служит замечание П. Е. Кузнецова в указанной выше его статье: „Личные местоимения من (мäн)—я, سن (сäн)—ты в Фергане, на родине Бабура, звучат по тюркски مين—мень سين—сень (транскрипция П. Е. Кузнецова), но в качестве личных глагольных окончаний они и там произносятся мäн и сäн“.

дадамын̧ а̄ды ташмат—„имя моего отца—Ташмат“.

дадамын̧ jахшы аты бар (‖ ба̄)—„у моего отца есть хорошая лошадь“.

2) а̄ч (‖ а̄ц, а̄ш, а̄ж)—„голодный“ (но ач—„отвори“).[1]

3) о̄т (‖ о̄д)—„огонь“, о̄ды—„его огонь“ (но от—„трава“, оты—„его трава“).

о̄дун—„топливо“.

пешін̧ о̄ды jok—„в печи нет огня“.

даланын̧ оты бар—„в поле есть трава“.

базарғa чыkып біj (<бір) араба о̄дун алдым (‖ а̄дым)—„выйдя на базар, я купил один воз дров“.

даладағы о̄дунны ӧjгä äккä (<алып-käl)

„дрова, что в поле, доставь домой“.

4) kīз—„девочка, девица, дочь“.

бу kīз кімін̧кі—„эта девочка чья?“.

паланчынын̧ kīзіні оғлума kондым.

„дочь такого-то я сосватал за своего сына“.

kīн—„ножны“.[2]

Считаю нужным подчеркнуть, что все случаи этих долгот мы имеем перед звонкими согласными (звонкость природы согласного в а̄т—„имя“ и о̄т—„огонь“ выявляется сейчас же, как только он попадает в положение между гласными, хотя и в абсолютном конце слова звонкость его часто улавливается).

Есть в карабулакском говоре и долготы позднейшего образования, явившиеся следствием стяжения дифтонга. К таким долготам относится о̄. Примеры:

то̄k „курица“ (но тоk—„сытый“); параллельно с этой существует и форма тауk:

тауғын̧ кäттäliгі ӧрдäгдäк—„величина курицы—с утку“.

со̄k—„холодный“, „холодно“ (но соk—„куй“, „бей“).

kо̄п < kауп < kабып дееприч. прош. вр. от гл. kап—„кусать“ (но kоп—„встань“).

то̄п < тауп < табып—от тап—„находить“.

О звуках ы и і, особенно же о втором, следует заметить, что они, как уже для узбецкого языка отмечалось проф. Поливановым, в закрытом слоге бывают обычно очень кратки, часто доходя до нуля.

Относительно звука ы необходимо еще добавить, что после j, ц, ч он близок к і. Если же я везде в словах заднего вокализма передавал это сочетание через jы, цы, чы, то это следует считать скорее моим теоретизированием, чем действительным акустическим восприятием.

Звук ы в начале слов встретился мне только в одном случае: ыссыk—„горячий, горячо“.

---

[1] Долгота звука а в слове ач—„голодный“—нуждается в дополнительной проверке. Все остальные долготы для меня сомненью не подлежат.

[2] Гласный в словах kīз и kīн воспринимался моим ухом как скольжение от ы к і, при чем едва заметное ы переходило в совершенно отчетливое и длительное і.

Согласные.

Относительно согласных карабулакского говора почти нечего прибавить к тому, что уже сказано проф. Поливановым о них в ташкентском диалекте. Здесь мы находим те же 22 согласных, что и в Ташкенте.

Выделить придется только пару л/l, которая в Ташкенте слилась в один звук l, тогда как в Карабулаке, как и во всех турецких наречиях, сохраняющих сингармонизм, это два звука, каждый из которых можно было бы считать самостоятельной фонемой: л для слов с задним, l с передним вокализмом.

Оговорки требует и задне-язычный носовой ң, который сохраняется в Карабулаке в своем чистом виде, тогда как ташкентцами [1] он воспринимается, как н+г.

Несколько записанных мною фактов указывают на наличие в Карабулаке еще звука ж. Но фактов этих у меня немного, получены все они от одного лица, а потому не исключена возможность, что и звук этот принадлежит только индивидуальному говору моего объекта.

Примеры:

а̄ж (‖ аж, ац, аш, ач)—„голодный“.

кеж (‖ кеч, кеш) „поздно“, „вечер“.

таж (перс.)—„корона“, „кокошник“.

тураж—мужск. имя.

Замечания по морфологии.

Карабулакский говор, как уже мельком было указано выше, принадлежит к группе говоров не-иранизованных и, следовательно, сохраняет закон сингармонизма, что влечет за собой чередование звуков формальных частей слова в зависимости от звукового состава основы его. Большая часть морфологических отличий карабулакского говора от ташкентского зависит от наличия в первом отсутствующего во втором сингармонизма, а потому в перечислении всех их нет никакой необходимости. Я остановлюсь только на тех из них, которые имеют самостоятельный, не зависящий от наличия или отсутствия сингармонизма, характер.

Род. пад. ың/iң при основе на согласный: атың (от ат—„лошадь“), iтiң (от iт—„собака“); но после гласных суффикс этот принимает обычную для большинства турецких наречий форму ның/нiң: атаның (от ата—„отец“), тепäнiң (от тепä—„холм“).

Исх. падеж дын (тын)/дiн (тiн), т. е. та форма, которую нам сохранила чагатайская письменность: тағдын, аттын, тепäдiн, iттiн (от тағ—„гора“, ат—„лошадь“, тепä—„холм“, iт—„собака“).

---

[1] Я беру за образец ташкентский, а не какой либо другой узбецкий говор исключительно потому, что только для этого говора мы, благодаря работам проф. Поливанова, имеем вполне надежные материалы.

После лично-притяжат. местоимений 1 и 2 л. ед. числа согласный суффикса дат. падежа выпадает: атым (моя лошадь), атың (твоя лошадь), д. п. атыма, атыңа.

Дат. п. местоим. личн. мӓн ‖ мен, сӓн ‖ сен, ул (оно же и указат.)— маңа, саңа, аңа.

Местоим. указат. бул—„этот“, ул—„тот“, принимая суффикс множественности, сохраняют конечный согласный и получают вставочный „а“ между основой и суффиксом: булалар (бул+а+лар)—„эти“, улалар (ул+а+лар)—„те“ (и „они“).

Суффикс просубстантивных притяжательных прилагательных (для узб. языка термин проф. Поливанова)[1]=род. п.+кі, при чем кі не чередуется: баланыңкі—„принадлежащий ребенку“, атамыңкі—„принадлежащий моему отцу“, ітіңкі—„принадлежащий собаке“, меніңкі—„мой“, сеніңкі—„твой“ и т. д.

Отметить эту форму я счел нужным только потому, что здесь она отличается полной прозрачностью своего строения.

Необычной для известных нам узбецких говоров является карабулакская форма прошедшего предварительного времени (термин проф. А. Н. Самойловича),[2] которая здесь до некоторой степени совпадает с османской. Примеры:

Основа бер—„давать“ kыл—„делать“.

Ед. число

1 бердім еді	kылдым еді
2 бердің еді	kылдың еді
3 берді еді	kылды еді

Множ. число

1 бердўгўдўк (<бердік едік)	kылдуғудуk (< kылдыk едік)[3]
2 берділіз еді	kылдыңыз еді
3 берді еді	kылды еді

Примеров для той же формы с отрицанием у меня, к сожалению, не записано.

---

[1] Проф. Поливанов, Е. Д. Введение в изучение узбекского языка, вып. 1. Ташкент, 1925, стр. 53.

[2] Самойлович, А. Н. Краткая учебная грамматика современного османского языка, Ленинград, 1925, стр. 80.

[3] В беглом произношении начальный гласный вспомогательного глагола будет не „е“, а „і“ (іді, а не еді); в зависимости от основы предыдущего слова гласные этого глагола могут быть задними и даже огубляются. Такое же явление, очевидно, наблюдается и в османском: ханӓніздӓ kул-удум, шінді олдум азадлы (Радлов, В. В. „Образцы“, т. VIII, 490,17)

Отпадение конечного *н* в суффиксах отмечено мною для следующих форм:

а) 1 и 2-е л. ед. ч. наст.-буд. вр., где суффиксы будут ма/мä, са/сä вместо обычных для узб. яз. мäн, сäн: kылама, kыласа (от гл. kыл—„делать“) берäмä, берäсä (от бер—„давать“); б) форма настоящего прогрессивного (примеры для нее см. ниже); в) пожелательное наклонение 3 лица—су, сӯ (вместо сун и др.): kылсу—„пусть он сделает“, бäсӯ || бесӯ (от бер) „пусть он даст“; [1] прич. прош. вр. от гл. *е* (|| ä)—„быть“: екä (|| äкä) вместо екäн, но встречается и в этой последней форме.

Настоящее прогрессивное (настоящее-прогрессив, по терминологии проф. Поливанова для узб. языка). [2]

Форма эта здесь употребляется в двух вариантах. Не рискуя этимологизировать ее, я ограничусь только приведением примеров.

kыл (делать)	käl (приходить)

Ед. число

	kыл (делать)	käl (приходить)
а) 1	kылjатма	käljäтмä
2	kылjатса (|| kылjасса)	käljäтсä (|| käljäссä)
3	kылjатты	käljäтті

Для множ. числа соответственно изменяются только личные окончания, почему я на него ни для этого, ни для второго варианта примеров приводить не буду.

б) 1	kылájтма	käläjтмä
2	kылájтса (|| kылájсса)	käläjтсä (|| käläjссä)
3	kылájтты	käläjтті

На отрицательную форму у меня примеров нет.

Несколько необычное явление представляет из себя карабулакская частица вопроса, которая здесь имеет форму на/нä: бар-на „есть ли, имеется ли“? алдым-на—„взял-ли я“? käldі-нä „пришел ли он“? и т. д.

Во всех турецких наречиях, насколько мне известно, эта частица имеет своим согласным губной (п, б, м). [3]

---

[1] Для живых турецких наречий это явление таблицами Катанова (Опыт исслед. урянх. яз., Казань, 1903) не отмечено.

[2] Проф. Поливанов, Е. Д. Введение в изуч. узб. яз., вып. I, стр. 80.

[3] Хотя комбинаторно губной элемент может отпадать; срав., напр., у В. Максимова (Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамане. Спб. 1867, стр. 82):

ننه‌سن اولمیه‌جکمی	ніна сäн öльмäяцяң-ңы
استر ایسه ویرمیه‌جکمی	істäр ісä вäрмäяцяң-ңы
بوزق اولدیغی بلمیه‌جکمی	бозуk олдуђу більмäяцяң-ңы

Транскрипция В. Максимова; у Максимова вместо „і“ везде ы с двумя точками наверху.

Не лишним будет отметить наличие в Карабулаке глагольной основы ол—„быть“ наряду с бол, при чем в употреблении первая значительно преобладает. В значении этих основ есть, видимо, какая-то разница, так как они никогда одна вместо другой не употребляются. Приведу несколько примеров на эти основы, воздержавшись пока от определения их функций. Впрочем, одно из назначений основы бол не подлежит сомнению: она употребляется во всех случаях приказаний и пожеланий.

1) toķумны јаман урса, от јаḳыр о л а д ы—„если плохо оседлать,—лошадь собьет спину“ (перевод вольный).

2) сӓміз ķoј ķыммат о л а д ы — „жирный (жирные) баран(ы) дорог(и)“.

3) а т о с а, чімгӓт барардым—„если будет лошадь, я в Чимкент поехал бы“.

4) базарда біј (< бір—„один“) јахшы ат кöрдім, пулум јӓткӓн јок—аламадым; пулум о ḳ а н д а, алардым—„на базаре я видел хорошую лошадь, (но) денег у меня не хватило, я не мог (ее) купить; если бы у меня были деньги, я бы (ее) купил“.

5) брӓў ķаун ӓккӓн ӓкӓ, о м а ј ķапты—„один (человек) сажал дыни, (но они) не вышли (толку из этого не получилось)“.

6) б о л д ы, кöтіңні ķыс!—„довольно, зажми свою задницу! (перестань! замолчи!)“

7) јол б о с у!—„да будет путь! (счастливого пути!)“

Наличие в карабулакском говоре основы ол представляет интерес в двух отношениях: 1) указывает на связь его с VI группой турецких наречий (по классификации проф. А. Н. Самойловича), о чем несколько слов будет сказано ниже; 2) позволяет высказать предположение, что в чагатайскую поэзию эта основа не обязательно должна была проникнуть книжным путем с запада, как принято думать, а могла быть взята и непосредственно из местного народного говора.

Все перечисленные отличия служат, мне кажется, достаточным основанием для выделения из узбецкого наречия особого карабулакского говора.[1] Территория этого говора едва ли может быть ограничена пределами только одного Карабулака, так как со значительной долей уверенности можно предположить, что те же диалектические особенности должны обнаружиться и в районах ближайшей родины карабулакцев, в некоторых кишлаках Туркест. уезда. Сюда же, по всей вероятности, должен будет войти и говор города Чимкента, в составе населения которого имеется достаточное количество отрарцев и иканцев.

Есть основания предполагать наличие говора, близкого карабулакскому, в кишлаках Андижанского у. На такое предположение невольно наталкивает свидетельство В. П. Н а л и в к и н а: „До сего времени

[1] Из слов жителей можно заключить, что внутри самого Карабулака имеются различные подговоры. Я обследовал две части кишлака, тöшкӓт и тік-кöчӓ, но здесь различия не обнаружил.

Наманганские жители нередко называют андижанских узбеков именем Андй, при чем утверждают, что они, Андй, одного происхождения с теми тюрками, которые и поныне населяют город Туркестан и его окрестности".[1]

Намек на какую-то особенность „анди" содержится и в историческом романе А. Кадыри.[2]

О месте карабулакского говора в классификации турецких языков следует сказать, что по совокупности признаков (в нем налицо: ajak, бол, таҕ, таҕлык, калҕан) он несомненно относится к IV—„таҕлык" чагатайской (юго-восточной) группе (по классификации проф. А. Н. Самойловича). [3] Но из приведенных выше фактов видно, что нашему говору свойственны и некоторые совершенно чуждые всем другим известным нам узбецким говорам признаки.

Главным из этих признаков будет наличие в Карабулаке глагольной основы „ол" [4] (в употреблении, как сказано выше, она преобладает над „бол").

Если к этому главному признаку прибавить некоторые другие, которые хотя и не имеют самостоятельного значения при классификации, но могут играть подсобную роль при признаке главном, то окажется, что отнесение карабулакского говора к IV-й группе требует небольшой оговорки.

Признаки эти следующие:

1) вариант родит. пад. на ың/ің;

2) наличие старо-турецких долгих гласных, которые обнаружены проф. Поливановым в тех же словах туркменского языка; [5]

3) форма прошедшего предварительного времени.

Все эти факты, несмотря на свою незначительность, все же требуют объяснения.

Я объясняю это так:

1) совокупность четырех перечисленных выше, не узбецких во всяком случае, фактов говорит за то, что в Карабулаке мы имеем дело с метисованным говором.

---

[1] Наливкин, В. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 6.

[2] ئوتكه‌ن كۇنله‌ر - ع. قادیری ч. II, стр. 11. Ташкент, 1925 г.

[3] Самойлович, А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.

[4] От признака ол/бол, как от нефонетического, проф. Самойлович, по имеющимся сведениям, в настоящее время уже отказался, но, не зная в подробностях его новой точки зрения, я всецело придерживаюсь упомянутой его печатной классификации.

[5] О долготах в туркм. языке мне известно из сообщения проф. Поливанова, сделанного им на одном из заседаний Турк. Отд. Русск. Геогр. Общ. В печати это сообщение не появлялось. [Срв. теперь: Поливанов, Е. Д. К вопросу о долгих гласных в обще-турецком праязыке. ДАН. 1927 г. В. № 7, стр. 151—153. Ред.]

2) В процессе метисации принимало участие одно из наречий VI-й группы.

Только огузы, имевшие некогда своим местопребыванием низовья Сыр-дарьи, где находится и ближайшая родина карабулакцев, могли оставить этим последним свое языковое наследие.

Итак, карабулакский говор, являясь одним из говоров узбецкого языка, входит вместе с ним в IV группу турецких наречий, но на ряду с этим следует, однако, отметить, что по некоторым своим признакам он обнаруживает близость к VI—„ол“ туркменской (юго-западной) группе.

* * *

Из собранных мною текстов ниже я привожу следующие:

1) Отдельные фразы. Записаны от разных лиц.

2) цўмäliк. Записано со слов карабулакца Туражбека Имам Махди Казиева. Возраст 30 лет; 3 года учился в русско-туземной школе; в Карабулаке живет почти безвыездно.

3) Рассказ о первом приходе русских в Карабулак. Записано со слов карабулакца kошаk äпäндi (известен только под этим прозвищем), муэззина мечети „кöк-мäчiт“. Возраст около 60 лет; грамотен слабо; много ездил по Туркестану.

4) Песенный материал. Объект тот же, что и для № 3. Ничего чисто карабулакского этот песенный материал в себе не содержит. Эти же песни буквально слово в слово мне приходилось слышать и в Ташкенте.

5) Сказка „гўl-kахkа“. Записана со слов карабулакца Мухитдина Тохтарова. Возраст около 35 лет; неграмотен; из Карабулака выезжал мало. Сюжет сказки, особенно же ее начало, указывает на казацкое заимствование (сравн. хотя бы казацкую сказку „Тўс саткан ташша“ по III тому „Образцов“ Радлова).

Время записи текстов—август 1924 года.

Тексты.

Фразы:

тäшкäндiн брäў кäгäн äкä (‖ äкäн, екäн) јумушыны пўтўрўп kајтып кеттi.	Один (человек) приезжал из Ташкента, (но) кончив свое дело, уехал обратно.
јолдаш öјiдä бар(‖ бā) на есä (‖ најсä)?[1]	Дома ли Йолдаш? А как, Йолдаш дома?
атаӊ шäрдiн кäldi нä есä?	Приехал ли твой отец из города? Ну как, приехал твой отец из города?

[1] есä—условн. накл. 3 лица ед. ч. от гл. е „быть“; часто употребляется вместо „äкäн“ после вопросительной частицы на/нä.

атың тішlämäс (тшlämäс) нä еса?	Твоя лошадь не кусается? А как, твоя лошадь не кусается?
базарҕа бардың на еді?	Ты на базар ходил?
ныҕыл (<німä kыл) дејсä?	Что прикажешь делать? В чем дело? Ну что тебе еще нужно?
біеге (‖ біегä)[1] кім (‖ кӳм) кірді іді (‖ кірдīді)?	Кто входил сюда?
сäміз kој kыммат олады.	Жирные бараны дороги.
даладын кēџ (‖ кеж, кеч, кеш) кälдім.	Я поздно прибыл с поля.
чапаныңны терс кіјдің.	Ты надел свой чапан навыворот.[2]
баланың hаклы (<ар. عقل) пäс.	Ум ребенка низок (ребенок глуп).
ітің hӧмурі (<ар. عمر) kыскa.	Жизнь собаки коротка.
ыссыk чај ічкäн адамың ічі аҕырмајды.[3]	У человека, который пьет горячий чай, живот не болит.
ішkорҕанда бу кӳндä іш кӳм турмајды.	В Ичкургане в настоящее время никто не живет.
чімгäттін кäläдуҕон адам бā на (<бар+на)?	Есть ли человек, который должен приехать из Чимкента? Ожидается ли кто-нибудь из Чимкента?
бӳгӳн kыладуҕон ішің бā на?	Есть ли дело, которое ты должен сегодня сделать? Есть ли у тебя на сегодня дело?
іші јоҕың ашы јоk.	У кого нет работы, у того нет пищи.
худај берä бесӳ (<берсӳн), тäwäрäктін кälä бесӳ.	Пусть (постоянно) бог дает, пусть (постоянно) из окрестностей (со всех сторон) поступает.[4]
діјkан-баба урсу сені.	Побей (накажи) тебя дедушка-дехкан.[5]

---

[1] біеге ‖ біегä < бу јергä.

[2] В Ташкенте это выражение в переносном смысле может еще значить: „заупрямиться, закочевряжиться". Для Карабулака этого значения я не проверил.

[3] Звук „ҕ" здесь настолько слаб, что иногда я воспринимал это слово, как „āырмајды".

[4] Выражение, часто произносимое гостем после вкушения пищи. Этим выражается пожелание, чтобы на гостеприимного хозяина милости сыпались со всех сторон.

[5] Подробных справок об этом интересном выражении мне, к сожалению, собрать не удалось.

сäтні (< ар. ساعة) kолума āдым (‖ алдым).	Я взял часы в руку.
чімгäт (‖ чімгäткä) барадуҕонда kаjсы jол білäн барамыз?	Какой дорогой поедем мы при поездке в Чимкент?
ет jеjдуҕонда нан білäн jеjсä нä, kуруk jеjсä нä?	Когда ты ешь мясо, то с хлебом ешь или сухим (без ничего)?
мäнä бу öкÿзің кäттäligi аттаk.	Величина вот этого быка с лошадь.
бу чапан меніңкі	Этот чапан мой.
бу менің чапаным.	Это мой чапан.
бу kаҕаз унуңкі.	Эта бумага его.
öjдäгі бÿjÿмнäріңні (< бÿjÿмläр) сыртkа аччыкып kоj	Свои вещи, что в доме, вынеси наружу.
унуң kылҕан kылыҕы маңа jаk-мады.	Сделанное им деяние (его поступок) мне не понравилось.
боза аџыды на?	Укисла (перебродила) ли буза?

Џÿмäliк (جمعهلك) [1]

џора башы [2] џÿмаliк башла енді, ʷах *болды: мäнä буҕдаj пішті* (‖ пшті). хоп, џÿмäliк башлаjма. сіз hам кöрÿнгäн џораҕа едä бер, мäн öзÿм hам едä берäмä: паланыңкі гäп [3] берäді, кеlä беріңіз енді. џÿмä намаз окуп бараjлык џÿмäliккä.	Џорабашы, начинай џÿмäliк, время *настало: вот (и) пшеница* (уже) поспела.—Хорошо, я начну џÿмäliк. И вы встречным товарищам (џора) говорите, и я сам буду говорить: „У такого-то дают гäп, приходите. Совершив пятничную молитву, пойдемте-ка на џÿмäliк“.
хаjр, џÿмäliккä бардук енді. kаны, пäтмÿсні (< рус. „поднос“) апчыk енді. ÿч ʷарадын kоj пäтмÿсні. е, анаʷ jiгiтläр тöт (< тöрт) ʷара боп (< болуп) kалды jоу! häр бір пäтмÿскä бір-бір чäjнäктін чаj [4] kоj; бір-бір піjаладын kоj.	Хорошо, вот мы отправились на џÿмäliк. Ну, теперь выноси подносы. Ставь подносы по-трое (один поднос на троих).—Э, ведь вон те ребята оказались вчетвером (около одного подноса)! Поставь на каждый поднос по одному чайнику чаю, по одной (чайной) чашке поставь.

[1] جمعهلك—„пятничное“. Так называются устраиваемые по пятницам на совместных началах угощения. Для устройства جمعهلك собирается компания (џора) в 20—40 человек; каждый участник обязан в назначенную ему пятницу устроить угощение для всей компании. Компания, обычно, подбирается так, чтобы в ее составе были шутник, певец, музыкант. Период جمعهلك в кишлаках Чимк. у. от начала сбора урожая хлебных злаков до начала весенних полевых работ.

[2] џора (букв. „подобный, равный“)—„товарищ, компанион по جمعهلك“; џорабашы—своего рода „тамада“.

[3] гäп—1) слово, беседа, разговор, 2)=جمعهلك

[4] чäjнäк, но чаj.

енді гōшні апчык; колыға суw куј-інбäр; [1] тōт бурчка тōт табак устуханны бōлӱп кој; шылпыңтајны [2] апчык.

Теперь выноси мясо; полей на руки воды; раздели на четыре блюда для четырех углов кости; неси лепешки (шылпыңтај).

е, тағарабашы, [3] казыдын, гōштін, картадын, [4] дӱмбäдін јетті läгänlік кäсіп тајарлап кој.

Эй, тағарабашы, нарежь и приготовь на семь блюд колбасы, мяса, толстой кишки, курдюка.

нанны тоғрасаңнар-чі! џорабашы, етні тоғра дäррäӱ, нарынны џукла, [6] јејміз. е, џорабашы, ендігі џӱмäгä џӱмälік берäдуғон адамға ашны ашат!

Крошите же лепешки! [5] Џорабашы, режь мясо; живо-живо вливай в нарын бульон, будем есть. Эй, џорабашы, корми [7] того, кто должен в следующую пятницу дать џӱмälік.

Рассказ о первом приходе русских в Карабулак.

орус карабулакка кälгäндä (|| кäгäндä), мізäмдä (<ар. ميزان) кälгäн äкäн, пешін hалатыда (<ар. حالة) кälгäн, карағул тäпäгä тішкäн (|| тшкан < тӱшкäн), зäмбäрäкні кōмгäн. кōмгäндін кäјін, мусулман адамлар тоғајға, каба-терекка кашкан, ој-ојға кізläнгäн. хатунлар кашкан џајларға хамырыны ала-кашкан.

Когда русские пришли в Карабулак, (то) пришли они в сентябре, в послеполуденное время пришли. Остановились в (местности) Караул-тепа, врыли (поставили) пушки. Когда врыли (пушки), мусульмане убежали в (местности) Тогай и Каба-терек, скрылись по ложбинам. Женщины *захватили свое тесто* туда, куда бежали.

ундын кäјін, бір (|| біј) ноғај олар екä.

Затем, был один татарин.

---

[1] Глагол бер—„давать" в форме бäр в Карабулаке очень редок.

[2] шылпың или шылпыңтај—лепешки, вареные в мясном бульоне.

[3] тағара (перс.)—большая чашка; тағарабашы—распределитель кушаний.

[4] карта—толстая кишка лошади—на открытии сезона جمعلك никогда не бывает, так как эта часть скоро портится, а потому съедается зимой, когда режут лошадей. Здесь рассказчик, видимо, просто хотел перечислить все наиболее вкусные кушанья, которые подаются на богатых جمعلك

[5] нан (для данного случая)=шылпың.

[6] В Карабулаке глагол џукла имеет значение: „поливать нарын (кушанье из мелко нарезанных вареных лепешек и мяса) бульоном". (Ср. алт. чок—„возлияние, кропление", Словарь Радлова, III, 2004; tel. „влажный, сырость, влажность"; k.kir—„бульон, суп", там же 2053).

[7] ашат—понудит. залог от малоупотребительного в узб. яз. глагола а ш а—„кушать". На гäп'ах глагол а ш а т имеет значение: положить горсть пищи (это делает џорабашы) в рот тому, чья очередь устраивать следующее угощение.

аkсаkал—ӱlkенläріміз, kазыларымыз, мојын сапіт [1]—käксälаріміз ошо ноƃајƃа: „кандаk кылып (‖ кып) kутуламыз, јарассаk (<јарашсаk) олады на?“ деjді.

Наши старшины-нáбольшие, наши старцы-старики тому татарину (говорят): „Каким образом мы избавимся, не помириться ли нам?“ говорят.

„јарассаңнар [2] олады“, деjді „ні бiläн јарашамыз, кандај аkыл (‖ hаkыл) бiläн јарашамыз?“ — тартуw бiläн јарашамыз, тартуw алып чыk“.

„Вам следует помириться“, говорит (татарин). „Как помиримся, каким умом (способом) помиримся?“ (говорят старики). „Подарками помиримся, выноси(те) подарки“ (говорит татарин).

ундын кејін, тартуw алып: kој алып, гӱрӱч алып, ӧкӱз алып, мäјiз алып—ул wахта kаныт јоƃ еді—, јаƃ алып, соkум [3] алып, андыƃа (<алдыƃа) јыkылып чыkады.

После того, взяв подарки: взяв барана, взяв рису, взяв быка, взяв кишмишу—сахару в то время не было,—взяв сала, взяв солонины (соkум), выходят (старики) к ним с поклоном (јыkылып).

äскар башылар тӧрäläр хоп сылап, зіјапат kылып, іззäт kылып, меjман kылып булаларƃа тон кіјгізäді; јахшылап hӱрмат kылып, іззäт kылып kајтарады.

Военачальники, чиновники, хорошенько обласкав их, угостив, оказав почести, угостив, надевают на них халаты; как следует уважив, оказав почести, отпускают обратно.

енді кеш (‖ кең) олуп, тӱн олады. турƃан·ңајƃа ӧт (‖ ӧд) јаkып, чімгäт кедäді.

Теперь свечерело и наступает ночь. (Русские) на месте, где стояли, зажигают огонь и уходят в Чимкент.

булар (‖ булалар) орусың кеткäніні білмäјді.

Эти об уходе русских не знают.

азанда kараjды, hеш бір нäрсä јоk: тӱјӱндä (‖ тӱндä) ӧд јаkып кедіп kапты.

На рассвете смотрят, ничегошеньки нет: ночью (русские) зажгли огонь и ушли.

ертагісі пешін hалатыда ешітäді: орус чімгäткä барып капты, деп.

На завтра в послеполуденное время слышат, (что) русские пришли в Чимкент.

ноƃај омаƃанда, булалар, аkыл тапамастын, kырылып кедäр екä.

Если бы татарина не было, эти (карабулакцы), не найдя ума, были бы уничтожены.

Песни.

асмандаƃы лачынны
алыб алƃым кäлäді;
ӧзім сӧјгäн јарымны
сатыб алƃым кäлäді.

Сóкола, что в небе,
Мне хочется поймать;
Милую, что люблю я,
Мне хочется купить.

---

[1] мојын-сапіт—перс. موی سفید—„седовласый“.

[2] Суф. множественности (лар/лäр), когда он следует за ң у меня записан в двух формах: ңар и нар. В действительности же, мне кажется, должна бы быть только одна из них, но, к сожалению, проверить этого я уже не имею возможности.

[3] соkум—1) убойный скот, 2) мясо, заготовленное впрок, 3) говядина.

алма гӱlі напарман
мӓн јарымны тапарма;
мӓн јарымны тапkан соң
оң бетідін ӓпӓрмӓ.

Цветы яблони молоденьки,
Я найду свою подругу;
А когда найду подругу,
В праву щеку поцелую.

halwан алып, дарҕа сал,
сачны улап, беlгӓ сал;
аҕан јарың јаш оса,
алдап—солдап јолҕа сал.

Взяв кумач, повесь на жердь,
Сплетя косу, брось на спину;
Если подруга, что взял ты, молода,
Ухитрись, наставь на путь (обманом и хитростью приучи к ласкам).

ӧрдӓкчӓ кӧlдӓ болур,
лачинча чӧlдӓ болур;
hашык јарны кӧзlӓрі
терміlіп јолда болур.

Водится уточка в озере,
Соколик водится в степи;
Глаза влюбленного друга
С ожиданьем пребывают на дороге (не покажется ли предмет любви).

јӧзӓlім, а јӧзӓlім (|| гӧзаlім)!
јӱрӱң баҕны кезӓјнӱң;
баҕыңызҕа суw тссӓ (< тӱшсӓ),
ӧрдӓк болуп сӱзӓјнӱң.

Красавица моя, красотка,
Пойдем-ка в сад, погуляем;
Если в сад придет вода,
Ставши утками, поплаваем.

шапталуның бојы пӓс
міwӓсінің kӧпідін;
бесаkалың [1] hаkлы пӓс
ӓkӓсінің [2] kӧпідін.

Рост персика низок
Из-за множества плодов;
Ум безбородого низок
Из-за множества поклонников.

гӱl kахkа.

біј бар ӓkӓ, біј јоk ӓkӓ, біј бајыңкі біј kїзі бар ӓkӓ, ікі падачысы бар ӓkӓ. падачысының бірі тӱш kӧрӱпті. тӱшідӓ... біріні̣ңкі... [3] біј јӱзідӓ ај, біј јӱзідӓ kӱн, ортасыда чолпан јулдуз.

Было—не было, у одного богача была дочь, было у него два пастуха. Один из пастухов увидел сон. Во сне (увидел, что) у него на одной щеке луна, на другой щеке солнце, (а) посредине звезда Венера.

hалыҕы тӱш kӧрмӓгӓн тӱш kӧргӓнгӓ: „сатаса-на тӱшіңні?" деп едіпті.
„баkып јӱргӓн малыңны бесӓң, сатама".
шуңа hалыҕы сатыпты.
бул јолҕа ч'шіпті.

Тот, невидевший сна, сказал видевшему сон: „Продашь ли"-де, „свой сон?"
— „Если дашь скот, который пасешь, продам".
За это тот продал.
Этот (купивший сон пастух) отправился в путь.

бајаҕы бајың kїзі біј јігіткӓ wада kыпты: „сен біlӓн мӓн kачама", деп. ул јігіткӓ едіпті: „палан хаузың башыҕа барып јат", депті.

Упомянутая дочь богача условилась с одним парнем: „Я", мол, „с тобой убегу". Тому парню сказала: „Пойди, ляг у такого-то бассейна (и жди меня)".

---

[1] бесаkал—1) безбородый, 2) бача (с появлением растительности на лице роль бачи кончается).

[2] ӓkӓ—1) старший брат, 2) поклонник, „обожатель".

[3] Это „біріні̣ңкі" я оставил без перевода, так как рассказчик вставил его, думая выразить другую мысль, но затем поправился.

јігіт хаузҕа јетмäстін ухлап kапты.	Парень, не достигнув бассейна, уснул.
бул kіз ікі атны алып, біј хорџуныңkі ікі башыҕа дӯнјäні салып, kіз јöнäді.	Эта девица, взяв двух лошадей, вложив в две стороны „хорджуна“ [1] ценности, девица отправилась.
алың енді, бајаҕы тӯш сатып-аҕан јігіт хаузың четігä кеіп ухлады. ухлајатkан јердä, һалыҕы kіз: „кептур“, деп, турҕузуб апты.	Ну так вот (алың енді), упомянутый, купивший сон парень, придя к берегу бассейна, уснул. Когда он спал, та девица, подумав: „Он пришел“, разбудила. (Они отправились в путь).
бул јӯрӯші тӯндä. азанда, таң аткандын кејін, kараса-бајаҕы ѡада kылҕан јігіт äмäс, біј таз падачы. „сöзгä салај“, деді: „бу зат-на есä, нäкäснä есä?“	Это их путешествие (было) ночью. Утром, когда рассветало, смотрит (девица)—не тот (это парень), который условился, (а) какой-то паршивец-пастух. Девица решила вызвать его на разговор (с целью выяснить): благородный он или презренный.
біј јергä баса, падачылар пада баkыбјатыпты. һалыҕы kіз етті јігіткä: „хоп, малны бузаулатып, kымран kып, јеб јатадуҕон јер äкä!“ јігіт сöллäмäді.	Когда дошли они до некоего места, (там) пастухи пасут стадо. Та девица сказала парню: „Хорошее (здесь) место (для того, чтобы) отелив [2] коров, сделать квашеное молоко (кымран) и есть его“. Парень не заговорил.
біј јергä барса јылkычы бала јылkы баkыбјатыпты.	Дошли (еще) до одного места; (там) мальчик-табунщик пасет лошадей.
(kіз) „јылkыны біјäларіні тоҕдуруп, kымыз kып, ічіп јатадуҕон јер äкä“, деп (едіпті). шунда јам kізҕа һалыҕы јігіт сöллäмäді.	(Девица) сказала: „(Вот отличное) место (для того, чтобы) ожеребив [3] кобыл, приготовив кумыс, пить (его). И тогда девице тот парень не ответил (сöллäмäді)“.
kіз äјтті: „мунуң тӯбі задäкä“, деп.	Девица сказала: „Он благородного происхождения“.
енді јана біј јергä барса, біј кöл бар екä. кöлің ічідä јатkан öрдäк білäн ҕаз екä.	Теперь вот, когда они пришли еще в одно место, (там) оказалось озеро; обитали на озере утки и гуси.
„шуңа“, деді, „kушны салып, добулҕуны чалып, öрдäк білäн ҕазны алып, атың kанџуҕасыҕа бајлап јӯрäдуҕон џај екä“.	„Место (это)“, сказала, „(такое, на котором хорошо бы) жить, пуская на них (плавающих в озере гусей и уток) птицу (ловчую), ударяя в барабан, [4] ловя уток и гусей, привязывая (их) в торока лошади.“

---

[1] Хорджун—переметная сума.

[2] Другого перевода для глагола „бузаулат“ (понуд. зал. от гл. бузаула—„телиться“) я никак подобрать не мог.

[3] Для этого места, как и для глагола „бузаулат“, я не мог придумать более подходящего перевода.

[4] добулҕу—маленький барабан, в который бьют для вспугивания дичи при охоте с ловчими птицами.

шунда һалыҕы таз ässä-ні![1] шундаᴋ оса, ᴋīз етті: „енді бу јахшы јерің баласы екä“, деді. шунуӊ біlӓн ікісі јӧнӓј беді (|| берді);

(И) тут тот паршивеџ хоть бы слово! Когда так случилось, девиџа сказала: „Теперь (несомненно, что) он дитя хорошего места, (т. е. человек благородного происхождения)“. С этим оба они продолжали ехать.

біј шäргä барып ч’шті.

Прибыли в один город и остановились.

брäўӊкі һаулы џујыны сатыб-ады (|| алды).

Купили у одного человека дом.

ул ч’шкäн шäріӊкі пашасы бар екä. „пашаныӊкі ешігігä барып, хызматыны ᴋыл; чыᴋып, кӧчäдін біј молланы алып кір“, деп, хатуны[2] етті.

В том городе, где они остановились, был џарь. Жена его (парня) сказала: „Иди к двери џаря и служи ему; выйдя, приведи с улицы муллу“.

һалыҕы таз чыᴋып, біј молланы äпкірді. молла ікісіні ерlі хатун ᴋып нікälӓб берді. алыӊ енді, бул јігіт барып, пашаныӊ хызматыны ᴋыла бесў.

Тот паршивеџ, выйдя, привел муллу. Мулла сочетал их браком. Ну, теперь пусть себе этот парень служит џарю.

пашаныӊ біј ʷазыры һалыҕыныӊ ӧјігä кäп кӧрсä, біттä[3] хатун турупты... апарін!

Один визирь џаря пришел в дом того (парня) и видит: стоит женщина... восхищение!

ул ʷазыр барып, пашаҕа äјтті: „тахсыр, сіз-äм хатун адым деп јўргäн екäнсіз; палан ʷазырыӊызны[4] біттä хатуны бар екä, мундај хатун еш џаһанда јоᴋ“. пашаҕа етті һалыҕы ʷазыр: „бул хатун сізгä лазым екä“.

Тот визирь пошел и сказал џарю: „Господин, и вы еще думаете (о себе): вот, мол, я взял себе жену! (Нет, вот) у такого-то вашего визиря есть жена, такой нет нигде в мире“. Сказал џарю тот визирь: „Эта женщина должна стать вашей“.

ал енді, паша етті: „мунуӊ тäдäррўсіні[5] ᴋандај ᴋыламыз?“ деп. пашаҕа етті һалыҕы ʷазыр: „тäдäррусіні ӧзіміз тапамыз“, деп.

Ну, а теперь џарь сказал: „Какие же способы мы примем для этого?“ Џарю сказал тот визирь: „Способы мы найдем сами“.

дегäндін кејін, ʷазырлар јыҕылып мäслäт ᴋыпты. мäслäт ᴋылып, һалыҕы јігітні чаᴋырып, етті: „бзіӊ пашамыз бетаб оды, уӊа јолбарысыӊ сўті (|| сўді) дары оды, кім барады? муӊа ешкім (|| ешкўм): „мäн барама“, деп, еткäн јоᴋ.

После того, как (визирь) сказал это, визири, собравшись, устроили совещание. Посовещавшись, позвали того парня и сказали: „Наш џарь заболел; лекарством ему оказалось молоко тигра; кто пойдет (за этим молоком)?“ На это никто „я“-де, „пойду“, не сказал.

---

[1] ässäні из äјтсä+ні=äјтсä-че—он хоть бы молвил!

[2] Здесь рассказчик, называя девиџу женой, забегает немного вперед.

[3] біттä из бір+тä. Частиџа „тä“ в Карабулаке встречается очень редко и употребляется только в подражание тäшкäнlік’ам для „шику“. Еще реже приходится наблюдать столь обычное для синтаксиса иранизованных узбеџких говоров персидское „кі“ (كه).

[4] Такая форма род. пад. (без конечного ӊ, т. е. совпадающая с винит.) совершенно необычна для Карабулака. Наличие ее в своей записи я отношу за счет своей описки.

[5] Арабск. تدارك.

алыҕы (|| hалыҕы) jiгiтка: „сäн бараса“, дедi.

jiгiт, ҕапа олуп, öjгä кäлдi. хатуны: „нiгä ҕапа оласа?“ дедi. „менi пашам jолбарсың сÿтiгä буjурды, кäктiн (|| кäхтiн) тапама, деп, ҕапа-ма“.

— ҕапа бомаjын-ак коj, — дедi уңа,—палан jергä барсаң, бij таҕыңкi jыракасында, бij тäшÿкiң iчiндä jолбарсыңкi пашасыныңкi аjаҕыҕа чöгäр[1] кiрiп jатыпты; шуны барып чöгäрiнi алсаң (|| асаң), тäдäррÿкiсiнi кылады. барҕан соң, бij чокалак казып iчiгä ч'ш, ÿстÿнi бäкiт, jолбарсың аjаҕы iчiгä сал; шундаҕ кылыб ал. шундаj[2] кылмасаң занах таптурадур“. бул барды алы(ҕы) еткäн jерiгä.

караса, бij тäшук. тäшукiн iчiгä jетiп кiрсä, jолбарсың пашасы jатыпты.

„ассаламу äлäjкiм“, деб еттi „кäл“, дедi jолбарс. „мäн тöупмä“ (|| тöп), дедi (jiгiт). „тöуп осаң, менiң аjаҕымдаҕы чöгäрнi алабiläсä-нä?“

(jiгiт) „алама“, деп, бij чокалак каздырды. чокалакың iчiгä т'штi, аҕзын бäкiттi, (jолбарсың) аjаҕын iчiгä салды, чöгарiн ÿшläп, тартыб ады. шунуң ацыҕы бiлäн jолбарс бij бакырды. кÿллi jолбарс jыҕылды.

„нiмä болды, паша?“ деп кäлдi. „hеш гäп jок“, дедi jолбарс; „бу адамзат тöп кеп, менiң аjаҕымдаҕы чöгäрнi ады, шунуң ацыҕыҕа hаjкырдым“.

hалыҕы адамны чокалактын алды. „нiмä сораjса?“ дедi паша.

„б'зäрiңкi пашамызҕа jолбарсың сÿтi дары бопты 'кä“ (<екäн).

jолбарсың пашасы jолбарсың бiрiгä еттi: „бар сÿдiңнi саҕдуруп беп кä (|| берiп кäл).

Тому парню сказали: „Ты пойдешь“.

Парень, опечалившись, пришел домой. Жена его сказала: „Что ты печалишься?“—„Меня царь мой командировал за молоком тигра, (а) где я его найду? Поэтому я печалюсь“.

Она ему сказала: „Брось-ка ты печалиться; если пойдешь туда-то, (там) в расщелине горы, в дыре лежит царь тигров, (которому) в ногу вошла заноза. Если, пойдя (туда), ты вынешь ему занозу, он найдет способ (разыскать молоко тигра). Когда дойдешь, вырой яму, ногу тигра внутрь ее вложи; так сделай. Если так не сделаешь, он причинит (тебе) вред“. Этот парень пошел в указанное место.

Смотрит—дыра. Когда, достигнув дыры, он вошел (в нее, там) лежит царь тигров.

Парень сказал: „Мир вам“.—„Иди (сюда)“,—сказал тигр. „Я знахарь“, сказал парень. „Если ты знахарь, можешь ли вынуть находящуюся в моей ноге занозу?“

Сказав: „выну“, (парень) заставил вырыть яму. Спустился в яму, отверстие ее закрыл, ногу (тигра) внутрь ее вложил (и), схватив занозу, вытащил. Тигр от боли рявкнул. Все тигры собрались.

(Тигры) пришли, говоря: „Что случилось, царь?“—„Ничего особенного“, сказал царь, „пришел человек-знахарь и вытащил из моей ноги занозу; я от боли рявкнул“.

Вытащили того человека из ямы.

„Что просишь (за труды)?“ сказал царь.

„Нашему царю оказалось целебным молоко тигра“ (сказал парень).

Царь тигров сказал одному из тигров: „Иди, надои твоего молока и дай (парню)“.

---

[1] чöгäр собственно значит пенек скошенной травы (камыша, люцерны и др.).

[2] Переход аҕ в аj в карабулакском говоре нередок.

алыҕыны міндӱрӱп (|| міңӱзӱп) алып, jӧнäді, кеlіп ӧзінің ӧjігä ч'шті.

Посадив того (парня на себя, тигр) отправился. Прибыв, остановился у себя дома.

jолбарсны ӧjігä kojды, сӱдін пашаҕа апарды. „паша тӱзälді“, деп, ʷазырлар тӧкʷäрді (<тӧкӱб jӱбäрді).

Оставил (парень) тигра в его доме, а молоко его понес царю. Сказав: „Царь выздоровел“, визири выплеснули (молоко).

шу орталыkта іккі äптä ӧтті. „пашамыз kajта аҕрыды“, деп, hалыҕы jігітні kajта мäсlätkä чаkырды. „гӱл-kахkа деганің гӱлі дары бопты, кім барып äпкä äді?“

Прошло две недели. Парня опять позвали на совещание, говоря: „Царь наш опять заболел. (Царю) оказался целебным цветок гӱl-kахkа, кто пойдет и принесет?“

ал, jігіткä: „сäн äп-кä“ деп, буjрук kыпты.

Вот, парню приказали: „Ты принеси“.

алыҕы jігіт ҕапа олуп ӧjгä кälді.

Опечалившись, парень тот пришел домой.

хатуны: „німäгä ҕапа оласа?“ деді.

Жена его спросила: „Почему ты печалишься?“

„маңа гӱl-kахkа тауп äпкälасä деjді, шуңа ҕапа одым.

„Мне говорят:—найди и принеси гӱl-kахkа, поэтому я печалюсь“.

хатуны: „муңа ҕапа болма“, деjді, „манау румалымны ал“, деjді, паланча jергä бар“ деjді, „паланча таҕың баҕрыда (|| баҕрында) біj там бар“, деjді, „шу тамҕа jаkыннаҕанда, башыңа румалны сал“ деjді.

Жена его: „Из-за этого не печалься“, говорит „возьми вот этот мой платок“, говорит, „иди в такое-то место“, говорит, „на склоне такой-то горы есть дом“, говорит, „когда приблизишься к этому дому, повяжи на голову платок“, говорит.

шунуң білäн jігіт jолҕа чыkып, jӧнäді. jол jӱрӱп, алыҕы ajтkан цajҕа jетті. jеткäндä kараса, біj таҕыңкі баҕрында hалы(ҕы) ajтkан там турупты. у румалны башыҕа салыбалды, шу тамҕа караj jӱрä беді (|| берді).

С этим парень, выйдя на дорогу, отправился. Шествуя, дошел он до указанного места. Когда он, дойдя, посмотрел: на склоне горы стоит указанный дом. Он повязал на свою голову платок и пошел по направлению к этому дому.

біj kіз чыkып, тамың kашыда чечіні jӱп отурды. kашында біj kарҕышчы kара kіз барäкä; анасы jам барäкä. ӱчісі турҕан екä.

У дома сидела девица и мыла свои волосы. Рядом с ней была черная девица-проклинательница. Мать ее (первой девицы) тоже была (здесь). Трое они находились (здесь).

kарҕышчы kара kізҕа kізің анасы: „кäljäткäн jігітні kарҕа“, деді.

Мать девицы черной девице-проклинательнице сказала: „Прокляни идущего сюда парня“.

башыны јӱп отурҕан kiз: „тураtур“, деді, „мӓн кӧрӓј“, деді, „менің ешім [1] румалы охшаjды“, деп турҕан јердӓ, јігіт јетіп кӓlді.

Мывшая свою голову девица сказала: „Подожди, я посмотрю“, сказала, „похоже, (это) платок моей подруги“. Когда она это говорила, парень подошел.

kараjды, ешісінін румалы. анасыҕа етті: „біз, ешім кімгӓ тӓгсӓ, б'з шуңа тӓгдӱk“, деп. јігіт іккісі јолҕа ч'шіп јӱрӓ бепті. ӧјгӓ кепті. [2] бiј дӓстӓ гӱl пашаҕа аппарыпты. паша муну јемӓстін, мундын ӓм тӱзӓlіпті. баҕанаҕы wазыры бул јігітің ӧјігӓ кӓліп kараса, баjаҕыдын hам зіјада хатун паjда бопты. бiј kахkа уруп kӱlсӓ, дӓстӓ-дӓстӓ гӱllӓр ачылыпты.

Смотрит (девица)—платок ее подруги. Матери своей сказала: „За кого вышла моя подруга, за того вышли и мы“. Выйдя с парнем на дорогу, они пошли. Пришли домой. Понес парень один букет цветов царю, (а) царь (уже) выздоровел, не евши этих (цветов), и от этой (болезни). Упомянутый визирь пришел в дом к этому парню. Когда пришел и посмотрел: появилась женщина еще превосходнее прежней. Захохотала—букеты цветов *расцвели.*

муны кӧрӱп пашаҕа јӱгӱрӱп барыпты: „е, паша, хатун алдым деп, таҕын hам јӱргӓн ӓкӓн сыз даҕы. [3] баjаҕыдын он hессӓ зіјада хатун *паjда бопты:* бiј kахkа уруп kӱlді ді, [4] дӓстӓ-дӓстӓ гӱllӓр ачылды; јӱрсӓ, тылла-і-марwаjдлар сачылды.

Увидя это, (визирь) побежал к царю (и говорит): „Вы еще воображаете, (что) вот-де, я себе взял жену, (нет, вот у парня) *появилась жена, в десять раз* превосходнее прежней: захохотала она—букеты цветов расцвели; пошла она—золото и жемчуги рассыпались.

бул хатун сіздӓк адамҕа лазым екӓ“.

*Эта женщина должна принадле*жать человеку, подобному вам“.

---

[1] ешi—подруга-сверстница. Что это „еши“, а не „еш“ (друг, безотносительно к полу) можно убедиться не только из притяжания 3-го лица „сі“ (ешісі), что могло появиться *и по аналогии с другими (как, например, бірісі—„один из них“; учісі—„трое* из них“; и даже хотінісі—„его жена“, как это сплошь и рядом наблюдается в Ташкенте), а главным образом из употребления этого слова в изоляции, когда оно звучит „ешi“. Это слово служит обращением друг к другу среди девочек и девиц-сверстниц. Есть в Карабулаке и игра под названием „ешi-ешi“, в которой принимают участие только девочки или девицы. Мужчина мужчину или женщина мужчину так никогда не называет. Слово „еш“ в Карабулаке неизвестно. В Ташкенте не знают „ешi“, а „еш“ употребляется исключительно в значении „послерод“, „послед“. (Срв. другой термин для „последа“ выше, в статье А. Л. Троицкой, стр. 352. Ред.).

[2] Здесь, несомненно, рассказчиком пропущен эпизод, где девица выявляет свою способность смехом вызывать цветение необходимых царю цветов.

[3] „сыз“ вместо „сіз“ здесь под влиянием следующего слова.

[4] Полная форма „кулді іді“ (из еді).

паша: „ны [1] ҕыламыз?“ деді. hалыгы wазыр етті: „бухараӊыз-(‖пукара)ҕа“, деді, „енді“, деді, „ōдун jыҕҕызыӊыз; тöкö [2] менің атамың анамың hалыны сурап кäl деп, öртäмäк кäрäк; шуның білäн кўjўп jok боп кедäді“.

Царь сказал: „Что же будем делать?“ Упомянутый визирь сказал: „Подданным вашим“, сказал, „прикажите набрать топлива; (и) только, сказавши (парню)— справься о здоровьи моих отца-матери, — следует подпалить, отчего он, сгорев, исчезнет“.

алыҕы jiгiтні чакырып алды. „біз сіззікідä конамыз“, деді, „зіjапат кылың“ деді.

Позвал царь упомянутого парня и сказал: „Мы будем у вас в гостях“, сказал, „угостите (нас)“, сказал.

„хоп, тахсыр“, деді—jугўрўп хатуныҕа кäлді: „пашалар [3] öjгä кäмäкчі оды“, деп.

„Хорошо, господин“, сказал (парень). Прибежал к своей жене, говоря: „Царь со свитой намерен придти в (наш) дом“.

хатуннары: [4] „паша кäгäндä“, деді, б'згä хабар бең (<берің)“, деді. „хоп“, деді да, пашаҕа jўгўрўп барды: „jўрўң, тахсыр“, деді пашаҕа.

Жены его сказали: „Когда царь придет“, сказали, „дайте нам знать“, сказали. Он сказал: „Ладно“, и побежал к царю. „Идите, господин“, сказал он царю.

паша wазырларны алып, кäлді. „паша кäлді“, деп, гўl-кахкаҕа хабар берді. гўl-кахка сўпўгіні алып, хаулыны сўпўрä берді. паша кеlіп, шундаj кöрдікі. . .! хатун кöрді пашаны; біj кўlді іді,—дäстä-дäстä гўlläр ачылды; jўрсä — тылла-і-марwаjдлар сачылды.

Царь, взявши визирей, пришел. (Парень) известил Гўl kахku, сказав: „Царь пришел“. Гўl kахka, взяв веник, подметала двор. Царь, придя, увидел такое, что . . .! Женщина увидела царя; засмеялась — цветы расцвели букетами; пошла—золото и жемчуги рассыпались.

паша есідін кедіп, біj чахтын есігä кälді. кіріп зіjапатларыны jеді. jеп боп. зіjапаттын kаj тышты. öjгä кеп, wазырлары білан мäсlät кыпты.

Царь, лишившись чувств, через некоторое время пришел в себя. Войдя (в дом), вкусил их угощений. Поевши, возвратились из гостей. Придя домой, устроил совещание со своими визирями.

ōдун jыгмакчы болуп, ōдун jыҕдырыпты. hалыҕы jiгiтні ōдун ўстігä чыkарып „менің ата-інäм hалыны сурап кäl“, деп, öртäп jўбäрмäкчі болды.

Решивши набрать топлива, велел набрать топлива. (Царь) решил, возведя упомянутого парня на топливо, подложив под него огонь, сказав — справься о здоровьи моих родителей,—подпалить.

---

[1] ны (из „ні, німä“) под влиянием следующего слова.

[2] Русское „только“, которое в ходу у карабулакцев, соседящих с русскими селами. Удивительно, что здесь, вопреки совершенно определенному закону, ö появляется не в первом слоге, несмотря на то даже, что на конце этого слова это о, как не стоящее под ударением, не сохраняется и в русском произношении.

[3] пашалар здесь не значит „цари“, а „царь и иже с ним“; царь здесь является только центральным лицом. Так, например: „досматлар кälді нä?“ значит: „пришел ли Досмат и другие, которые должны были притти с ним?“ Такая функция множ. числа свойственна всем известным мне узб. диалектам.

[4] „хатуннар“ так же, как и „пашалар“, может значить и „жены“ и „жена“.

һалыҕы ʷазыры: „енді бул öртäнгäндін кеjін“, пашаҕа, „сіз алмаj, бул хатунны кім алады?“ деіді.

Упомянутый визирь говорит царю: „Когда этот (парень) сгорит, если не вы, так кто же возьмет эту женщину?“

ōдунны jыҕды, алыҕы jігіткä äjтті: „менің ата·інäмдін хабар алып кä“.

Собрал (царь) топливо и сказал упомянутому парню: „Принеси весть о моих родителях“.

jігіт jӱгӱрӱп хатыныҕа (|| хатуныҕа) барды, хатуныҕа етті: „мені паша—ата інäмдін хабар алып бі (|| бер),—деп, ōдун jыҕып, шуны ӱстігä чыkазып, мені астымдын ōд kojмаkчы бола́jтты“.

Парень побежал к своей жене, сказал своей жене: „Царь, говоря—принеси весть о моих родителях,—собрав дрова, возведя меня на них, намеревается подложить под меня огонь“.

хатуны етті: „ҕам jемäң“, деп, етті. jӱгӱрӱп пашаҕа кälді. „хоп, біз баца кеlтӱраміз ішні“, деп, ōдуның ӱстігä чыkты.

Жена его сказала: „Не печальтесь“, сказала. Побежал (парень) к царю (и), сказавши: „Хорошо, мы выполним дело“, взошел на топливо.

паша астына ōд kojды. кöрäді, хатуннар, баj jаныпп кедіп бара́jтты; ӱчӱп чыkып, ікäʷі кöтäріп, ікäʷі [1] ікі kолтуҕыдын алып ч'шті.

Царь подложил под него огонь. Видят жены, муж (их) горит. Взлетевши, обе они, подняв (его) обе они, взявши его под руки, спустились (с костра).

ертäгісі паша хабар jубарды: „кälді нä?“ деп.

На другой день царь послал справиться: „Прибыл ли (парень)?“

jӱгӱрӱп чыkты: „кälдім“, деп.

Он выбежал, говоря: „Прибыл“.

„паша чалаjды“,[2] деді.

„Царь зовет“, сказал (посланный).

хатун äjтті: „атаң öтӱк тікіп отурупты, анаң чаkырыkчы екä, чаkырыk егіріп отурупты, деп, ет“.

Жена сказала (парню): „Скажи (царю, что) отец твой шьет сапоги, мать твоя—пряха, сидит и вертит прялку“.

кеlді, пашаҕа етті: „атаңыз öтӱкчі екä, баламыз б'здін хабар асу (|| алсу)“.

Пришел, царю сказал: „Отец ваш, оказывается, сапожник, мать ваша—пряха; пусть сын наш проведает нас (говорят они)“.

---

[1] От другого карабулакца я слышал, что слово ікäwі в Карабулаке не употребляется, заменяясь формой іккäläсі; он сказал так: ікäwі оҕанда, ja kазаkчаҕа, ja тäшкäнчäгä кäläді; іккäläсі оса кäрäк—„ікäwі будет или по-казацки, или по-ташкентски; (по-карабулакски) должно быть іккäläсі“.

[2] Глагол „чала“ звать, приглашать (в Ташкенте „чäрлä“).

паша јуртkа џар чаkыртыпты: „о̄дун јыҕ“, деп. јурт о̄дун јыҕды. о̄дуның устігä о̄зі чыkты. „атамың, анамың hалыдын хабар алама“, деп, астыдын о̄дны kојдурды.

Царь отдал народу распоряжение: „Наберите“, мол, „топлива“. Сам он взошел на топливо и, сказав: „Я навещу своих родителей“, приказал подложить огонь.

паша бір kӱ̊llä̈н јаныл, біј äптä-гä̆чä̆ пашадын дä̆рäк јоk.

Царь сгорел без остатка и в течение недели о царе нет сведений.

іккі ä̆птä̆дін кејін hалыҕы џігіт [1] пашаның онныҕа паша олды; махсады мурадыҕа јетті. [2]

После двух недель упомянутый парень стал вместо царя царем; своего желания-цели достиг.

[1] Здесь „џ“ вместо начального „ј“ несомненно под казацким влиянием. Вообще же в говоре карабулакцев этого явления не замечается.

[2] Употребленные в некоторых местах текста „гӱ̊l-kaxka“ ң и ҕ петитом поставлены там по техническим условиям и при чтении должны рассматриваться как обычные ң и ҕ. Ред.

Б. А. Пестовский.

Из поэтического творчества бухарских евреев.

Литература о бухарских евреях как на русском, так и на иностранных языках, крайне скудна.

О поэзии бухарских евреев почти ничего неизвестно. Можно только указать на работу акад. К. Залемана, издавшего поэму „Chudâidat" с параллельными текстами, напечатанными знаками еврейского и арабского алфавита с немецким переводом.[1] Эта поэма говорит о юноше-еврее, замученном за отказ принять мусульманскую религию. Несомненно, поэма может произвести впечатление и на европейского читателя, так как написана искренне и обладает несомненными литературными достоинствами.

Некоторые сведения о литературе бухарских евреев мы можем найти в статье С. Ц. „Бухара" в „Еврейской Энциклопедии". [2] Нужно упомянуть также о статье „Евреи в Бухаре", помещенной в журнале „Средняя Азия". [3] В последнее время над изучением бухарских евреев работали проф. А. А. Фрейман, И. Лурье, и З. Л. Амитин-Шапиро.[4] Из иностранных трудов следует упомянуть сочинения J. Wolff'a, W. Bacher'a, E. N. Adler'a и др.

Предлагаемое стихотворение принадлежит молодому бухарскому поэту Акилову. Не касаясь литературных достоинств стихотворения, мы должны признать, что оно интересно уже тем, что написано на диалекте, еще совершенно не изученном ни европейскими, ни русскими учеными.

В настоящее время, по заявлению Акилова, поэтическое искусство среди бухарских евреев находится в упадке; связь со старой литера-

---

[1] См. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersburg. VII Série, XLII. № 14 „Chudâidat", ein Jüdisch Bucharisches Gedicht.

[2] См. Еврейская Энциклопедия, т. V, стр. 119, Спб. Изд. Общества для научных еврейских изданий и издательства Брокгауза и Эфрон.

[3] См. „Средняя Азия", Ташкент, 1910 г. кн. II, перев. с французского А. Гарлицкого.

[4] См. Известия Росс. Акад. Наук за 1918 г., стр. 1279—82, статья А. Фреймана: Еврейско-персидские рукописи; Амитин-Шапиро: Женщина и свадебные обряды у туземных евреев—в Известиях ТОРГО т. XVII, 1925; Лурье был командирован Академией Наук СССР в Среднюю Азию для изучения быта туземных евреев.

турной школой, подражавшей персидской классической литературе, порвана. Акилов—поэт самоучка. Вот почему размер стихотворения не соответствует обычным правилам персидской метрики. Это образец самобытного народного творчества.

Приведем биографию этого поэта, едва ли не единственного в настоящее время среди бухарских евреев; записана она с его собственных слов.

Иахиэль А к и л о в родился в Старом Ташкенте в 1900 году. Отец его был раввином, табибом и дуаханом.[1] Иахиэль—самый младший, по счету 30-ый, ребенок у отца.

Учиться поэт начал 4 лет. 7 лет он поступил в школу. После школы поэт занялся самообразованием под наблюдением отца. В семье у них бывали представители местной еврейской интеллигенции, заезжие евреи из Палестины.

Стихи начал писать наш поэт 7 лет; 11 лет читал еврейско-персидких поэтов—Mawla Нашаhі́н, Maгilат Эстер, Шах Заде Суфі и др. До 1916 года писал религиозные стихотворения. Начал печататься в газете „Еврейско-таджикская Роста“, редактировавшейся Р. Б а д а л о в ы м в 1919—1921 гг. Акилов пробовал свои силы и как драматург. Он написал драму „Бухарская девушка“, рисующую страдания молодой бухарской еврейки, вынужденной родными выйти замуж за нелюбимого человека.

В настоящее время в издании Ср.-Аз. Комм. У-та вышла книжка Акилова „Дди о“ [2] (Ташкснт, 1927), посвященная раскрепощению женщины.

Приношу глубокую благодарность бывш. лектору персидского языка САГУ М и р з а И б р а г и м у за помощь в переводе стихотворения, О. А. С у х а р е в о й за просмотр этого перевода, проф. А. А. С е м е н о в у за просмотр текста и перевода и указания правил транскрипции, М. С. А н д р е е в у за окончательный просмотр и исправление транскрибированного текста. Без любезного содействия этих лиц не было бы возможно появление настоящей работы.

С ў́ з і ш і е̣ ш к.

Бylбў́lам парі́д зі дастáм,
Манӯ hajро̄́не шудáм.
Кумрі̄́ дар да̀сту даро̄вурдá,
Пў́шаjмо̄́не шудáм.

---

1 Дуахан—заклинатель болезней. (Ср. работы А. Л. Т р о и ц к о й: Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана—в № 10 „Бюллетеней Средне-Азиатск. Ун-та“, стр. 145—156 и З. Л. А м и т и н - Ш а п и р о: О народной медицине туземных евреев в Туркестане—в тех же „Бюллетенях“ № 13. стр. 1—18.

2 Правильнее было бы „Дади у“—„Его отец“.

Кумрі̑ hам хо̄ніш-і булбу́лу
На́до̄над,—маhпіhа́м,
Дар сура́ķе булбу́лам
Гарда́м гоја́м хаіро̄там.

Булбу́лам хушхо́ну бу́дӯ,
Ман сухта́м дар ђама́ш,
Па́рӯ ба̄л мето̄віду,
Аво̄з-і ђулђу́л аз нула́ш.

Ман садо́-і ђулђу́л-і булбу́л
Сува́h ме̣шунідам;
Аз аво́з-і шірінаш
Ма́сті шӣро̄б ме̣гардідам.

Булбу́ламро̄ ķафа́саш ре̣штẹгі
Зарӣнбо̄фта бӯд.
Џој-і о̄н ķумрі ге̣̄ріфту
Со̄хів-і зарбо́фт шуд.

Кај бӗķумрі̑hоі ķафа́сі
Зарніго́р зе̣ванда́ hаст.
Ма̄шу́ķам аз даст ра́фту,
Ман шудам дівōна́ маст.

Ђаіра̄там дар де̣l намо́нду,
Аз заіфо́н бад шуда́м.
Ман џуво́нім шуд бада́l,
Гар паhlаво́ні ху́б буда́м.

Ман чіро̄ танhо́hу мо̄нда́м?
Чашмhо́јам гашт сіјо,
Гош ķерӯ, lо̄lам зубо̄н,
Гардіду чо̄ра̄ чӣст моро̄?

Сад hазо́рам јо́ру дӯсто̄н
Доштáм—шон канӣн?
Ман чіро̄ тадбӣр нагоја́нд?
Дост хеч буда̄ст јакын!

Јошіа́т дар пір-і гашту́
Јеша́ кун тарк-і џеhо́н.
Гар буфа́мі,—ко̄р хурӯсам
Булбу́лам гашт мокіјо́н.

Перевод.

Горение любви.

Соловей улетел из моих рук, я остался пораженный; ко мне в руки попала горлица, я сожалею.

Горлица не умеет так петь, как соловей, мне досадно. По следам ищу соловья и не могу его найти.

Мой соловей так хорошо пел, я сгорел в горе. Крылья соловья были блестящи, прелестные звуки шли из его горла.

По утрам я слушал трели соловья, от его сладкого голоса я был пьян, как от вина.

У моего соловья была золототканная клетка. Место его захватила горлица и стала хозяином клетки.

Ну, подходит ли для горлиц золототканная клетка? Моя возлюбленная ушла из моих рук, я сделался безумным.

Мое сердце потеряло энергию, я сделался слабее женщины. Моя юность мне изменила, хотя я и был раньше молодцем.

Ах, зачем я остался одиноким? В моих глазах потемнело, уши оглохли, язык стал нем. Что мне делать?

У меня было 100.000 друзей, где же они? Отчего мне они ничего не советуют, значит дружба их ничто.

Твоя юность сделалась старостью. О, Иосиф (Иоше), отрекись от мира! Пойми, я сделался слепым петухом, а мой соловей сделался курицей.

П. Е. Кузнецов.

Продолжительность гласных в живом узбекском языке.[1]

Одно из необходимых условий говорить на каком-нибудь языке без акцента—это соблюдать свойственную данному языку продолжительность гласных. Посмотрим, какова эта продолжительность в узбекском говоре. Вот, для примера, сперва несколько отдельных слов: kӯл или (на казакский лад) kо̄л— قول —рука, руки („у“, „о“ долгое); kўл—قل—раб, невольник („у“—короткое); пӯл—پول—грош, деньги („у“—долгое); пўл—پل—мост („у“—короткое); тарык — تاریق—просо („а“, „ы“—полудолгие); kы̆ш̆ — قیش—зима („ы“—короткое), kалын قالین—глубокий, толстый, плотный („а“, „ы“—полудолгое); бо̄р—بار—есть, имеется („ɔ“—долгое); йоk—یوق— нет (слог полудолгий); тӱ̆шмэk—توشماق—спуститься, слезать, упасть („ӱ̆“—иррациональное, короче краткого); чаk^{ы}рāды̆ چاقیرادی—(по)зовет, (за)кричит, („ы “—иррациональное,—можно слышать даже произношение как бы с беглым „ы“—чаkрāды̆); эҕ^{ы}рāды̆ (эҕрāды̆)—آغیرادی—болит („ы“—иррациональное); б^{ы}р—بر—один, одна, одно („ы“—иррациональное), k^{ы}зыл — قزیل — красный (первое „ы“—иррациональное, второе—полудолгое).

Таким образом, в узбекских словах уже в отдельности можно различить долгие, полудолгие, короткие и иррациональные (весьма краткие) гласные звуки.

---

[1] Выводы из фонетической части работы автора „Учебник разговорного узбекского языка для русских“. Под узбекским языком разумеем здесь то, что еще так недавно называлось сартовским языком, т. е. иранизованный говор оседлого тюркского населения Западного Туркестана. В транскрипции мелкие буквы—выражают иррациональные, шопотные и вообще слабые звуки; по техническим условиям краткое и полудолгое „э“, иррациональное и краткое ӱ̆, краткое и полудолгое „а“ и „ä“, а равно долгое и полудолгое „ы“ не различаются в начертании.

[По современному состоянию изучения узбекского языка представляется собственно уже затруднительным говорить не только об узбекском языке вообще, как о чем-то вполне однородном, но и об иранизованном говоре оседлого населения Западного Туркестана, не приурочивая наблюдений к какому-нибудь более узкому определенному говору. В своем толковании продолжительности гласных в живом узбекском языке, а равно в некоторых других вопросах автор несколько расходится с точкой зрения проф. Е. Д. Поливанова. Срв.: Поливанов, Е. Д. Звуковой состав ташкентского диалекта. „Наука и Просвещение“, Ташкент 1922 г. № 1, стр. 17 след; он же. Краткая грамматика узбекского языка ч. I и II. Ташкент—Москва 1926 г.; он же. К вопросу о долгих гласных в обще-турецком праязыке. Докл. Ак. Наук. В. 1927 г., № 7, стр. 151 сл.; срв. также выше (стр. 401 сл.) статью К. К. Юдахина: Некоторые особенности карабулакского говора. Ред.]

Соотношение между продолжительностью гласных будет приблизительно таково: если средний, полудолгий[1] звук принять за 1 (единицу), то короткая гласная выразится—$^1/_2$, долгая—2, а иррациональная $^1/_4$, причем последняя, в зависимости от соседних согласных (глухих или звонких) может слышаться в одних случаях явственнее, в других—менее заметно; напр., в слове бырр—بر—один—„ы" звучит отчетливее, чем в слове чаkырāды̆ (почти чаkрāды̆)—چاقیرادی—зовет; точно так же „ў" в слове дўшмāн— دشمن (враг) слышится явственнее, чем в слове тўшің—توشینگ—слезай(те).

Для начинающих изучать узбекский язык на первых порах трудно уловить иррациональные и полудолгие гласные. Чтобы еще несколько уяснить вопрос, можно было бы составить пропорцию: $^1/_4 : 1 = ^1/_2 : 2$, т. е. иррациональные гласные так относятся к полудолгим, как короткие—к долгим. Но язык—не математика, и краткое произношение будет преобладать в нем; однако оно не должно вредить правильности выговора глубоких заднеязычных согласных (k—ق, ҕ—غ, х—خ) и отчетливости конечных звонких согласных в иностранных (арабских и персидских) словах: дäрд—درد (а не „дарт"на русский лад)—болезнь, ҕарб—غرب (а „не гарп")—запад, мäргь—مرگ (не „марк")—смерть, фэры̆ҕ—فارغ (не „фэрык)"—свободный и т. д.

Впрочем, когда ухо учащегося научится различать долгие гласные, то усвоение иррациональных и полудолгих гласных станет уже значительно легче (на коротких гласных мы не останавливаемся, потому что они преобладают и в других языках, в том числе и в нашем). Так как долгие гласные в узбекском языке скорее тождественны с французскими и немецкими, а еще более—с персидскими (в особенности с таджикскими), чем с нашими, то укажем с десяток случаев употребления их:

1) Заимствованные персидские и арабские слова с долгими гласными, в особенности когда эти гласные предшествуют конечным с о н о р н ы м согласным („р", „л", „м", „н"): тɔ̄р—تار узкий, тесный, зӯр—زور—сильный, эзɔ̄р—آزار—боль, огорчение, бɔ̄з—باز—еще, опять, пäрвäрдыгɔ̄р—پروردگار—промыслитель (эпитет бога), äмälдɔ̄р—عملدار—должностное лицо, äмīр—امیر—повелитель, эмир, äсрɔ̄р—اسرار—тайны, машҕӯl—مشغول—занятый (делом), сälɔ̄м—سلام—привет, мир, кäрīм—كريم— милостивый (бог), līkїн (lɔ̄kїн)—لاکن-لیکن—но, однако...

2) Чисто тюркские слова, в которых мягкое, глубокое (задненебное) „а" (в особенности ударенное) выговаривается как „ɔ̄", на иранский лад: бɔ̄р (вместо „бар")—بار—есть, имеется, kɔ̄р (вм. kар)—قار—снег, ɔ̄з (аз) — آز —мало, kɔ̄л (kал)— قال — оставайся, бɔ̄ш (кирг. бас) — باش—голова, ҕɔ̄з („kаз")—гусь и пр.

---

[1] Например, дифтонги „ай", „aw" и пр.

3) „а“, „ä“ предпоследнего, ударенного слога положительной формы настояще-будущего времени изъявит наклон.: kы̆лāмäн—قیلامن—(с)делаю, кĕлāмäн—کیلامن—(при)еду, иду, приду, бĕрāсäн—بیراسن—даешь, дашь, ўрāды̆—اورادی—(по)бьет.

4) То же в страдательном залоге приведенной формы от глаголов, корень которых оканчивается на плавные согласные „л“ и „р“: kы̆лнāды̆ (вм. kы̆лыңáды̆)—(قیلنادی) قیلنادی—(с)делается, бĕрlāды̆ (вм. бĕрыláды̆) (بیریلادی بیرلادی).

5) „ä“ долгое в отрицании эмāс,—ایماس—(не), в особенности в конце предложения: kы̆лгäн эмāс-мäн قیلگان ایماس من — я не делал [1], бу эдäм йахши эмāс—بو ادم یخشی ایماس—этот человек—не хороший, бэlасы йамэн-мāс بالەسی یمان ماس—у него (у нее) ребенок—не плохой.

6) Ударенный (последний) слог (положительного и отрицательного) причастия будущего времени в двойной форме, в одних случаях соответствующей нашему сослагательному наклонению, в других—многократному виду прошедш. времени изъяв. накл.: kы̆лāр-ды̆м, kы̆лāр-эды̆м и т. д. قیلار ایدیم—я сделал бы; я делывал, бĭlмāс—ды̆ң, бĭl-мāс-эды̆ң и пр. — بیلماس ایدینگ—ты не знал бы; ты не знавал... [Сравнить книжные формы: kы̆лáр-эрды̆м (кы̆лӯр-эрды̆м) — (قیلور ایردیم),— бĭlмäс-эрды̆ң — (بیلماس ایردینگ) и т. д.]

7) Деепричастие прошедшего времени, как составная часть прошедшего в настоящем: kōп-ты́ (кн. kэлы̆б-дӯр—قالیب دور)—(он) остался, кēп-сäн (кĕlĭп-сäн—کیلیب سن)—ты пришел, бӯп-ты́—(бӯлӯп-ты—بولوب دور)— этого довольно (букв.: „стало“, „сделалось“) и пр.

Оно же (дееприч. прош. вр.) от глагола йэтмаk—یاتمق— лежать, ложиться—в настоящем определенном (в настоящем длящемся): кĕlа йāп-ты̆ (ташк. ке-wот-ты)—он (уже) идет, kы̆ла-йāп-сäн—ты (сейчас) делаешь, бэра йāп-сы̆з—вы идете и т. д. (эволюция произношения кĕlа йэты̆б-дӯр—کیلایاتیب دور, kы̆ла йэты̆п-сäн--قیلا-یاتیب سن—, бэра йэты̆п-сы̆з— بارا یاتیب سز и пр.).

8) Обороты с اضافت, когда в конечном слоге определяемого гласная не короче полудолгой: (häр) wāкты кĭ,—(هر) وقتیکه—каждый раз, когда...., (häр) нема̄-йі-кĭ—(هر) نیمهٔ که—всё, что..., хӯдō-йі-тäōlэ— خدای تعالی—всевышний бог и др.

9) Такие случаи утраты и стяжения звуков, как в словах 1) чōр (чähōр) (перс.)—четыре: чэр дäрвиш—چهار درویش—„Четыре дервиша“ (сочинение), чōр кĭтэб—چهار کتاب—„Четверокнижие“ (учебная книга), 2) пāмlамэk (вм. фähäмlамаk)—(فهملامق)—понимать, считать за и др.

10) Когда ударенная гласная предшествует удвоенной (долгой) согласной: āммō —امّا— но, однако, hāммä — همّه—весь, вся, всё, и т. д.

[1] Но в другой отрицательной форме давно-прошедшего 1-го (кӯргāны̆м йоk и т. д. کورگانیم یوق-) удлинение приходится не на отрицании йоk, а на прич. прош. времени.

Посмотрим теперь, какою устойчивостью отличается продолжительность гласных во ф р а з а х:

1) hawlісы-дä немä бɔ̄р—نیمه بار حولیسیده—что есть у него во дворе (в доме)? Здесь, в зависимости от места в предложении, полудолгое „і“ слова hawlí становится почти коротким.

2) сы̆з-ны̆ тäнӣмадым ў этаңӣз-ны̆ тäнӣдым—سزنی تانیمادیم و آتانگزنی تانیدیم—вас я не узнал, а вашего отца узнал: „ў“ (книжное „вä“), полудолгое в отдельности и полудолгий же слог „дым“ слова тäнӣмады́м (даже короткий по другому, также встречающемуся, произношению тäнӣма́ды̆м) вследствие психического[1] ударения и паузы перед словом этаңӣз-ны̆ (по ташк. этäңӣз-ны̆), обращаются уже в долгие.

3) тӯйа мӣнäм ɔ̄т ў сыӷы̆р ў kōй[2] ў эчки hāммä-сы̆-ны сэтты̆—تویه مینام آت و سیغیر و قوی و ایچکی همّه‌سینی ساتدی—верблюдов, лошадей, коров, баранов, коз—всё он продал: здесь то же „ў“, в виду меньшей логической ударяемости на нем, становится почти коротким.

4) äc-сälɔ̄м äлайкӯм[3]—السلام علیکم—здравствуйте (мир вам!).

5) вä äла́йкӯм äс-сäлэм—وعلیکم السلام—здравствуйте и вы! долгое „ɔ“ слова сälɔ̄м в 4-м примере под влиянием логического ударения, делается еще протяжнее, в 5-м же примере слово сälɔ̄м лишено логического ударения, и звук „ɔ̄“ превращается в нем чуть не в полудолгий.

6) чэй пулы—چای پولی—„чаевые“: „ы“ слова пулы—полудолгое.

7) чэй пулы̆-ны̆ элāсы̆с—چای پولینی آلاسیز—получите „на чай“: так как слово пулы-ны в этой фразе логически менее ударяемо и стоит не в конце, то тот же звук „ы“ (первый) произносится в нем—попросту кратко.

8) waktым йоk—وقتیم یوق—у меня нет времени: слог wak слова wakt тут в целом полудолгий.

9) häp wāктӹ ки дуwэ окусä йӣӷlайды (по ташк. йаӷlӣйды—هر وقتیکه دعا اوقوسا یغلایدی—каждый раз, когда (он) молится (читает молитву), он плачет: здесь от логического ударения на слове wakты̆, слог wak становится в нем долгим.

10) kарап тӯрāды̆—قاراب تورادی—(постоянно) смотрит (наблюдает): полудолгий слог „рап“ слова kарап, поставленного в начале предложения и не оттененного логическим ударением, обращается здесь почти в короткий.

11) kара́п тӯрӯп-ты̆—قاراب توروبدی (литерат.—قاراب توروبدور)—наблюдает (теперь, в данную минуту, стоит и с м о т р и т): тот же слог „рап“ слова kарап здесь во всяком случае протяжнее полудолгого (смотря по интонации, он может быть даже долгим и тягучим, как бы kарāап тӯрӯп-ты).

---

[1] Логического.

[2] В отдельности с полудолгими гласными (эт, сыгыр—также сыр-кой).

[3] Можно слышать и произношение äссälэм äлайкӯм.

Следовательно, соотношение между продолжительностью гласных в отдельных словах несколько нарушается во фразах, в зависимости от места слова в предложении, от паузы и ударения. Для большего уточнения эти изменения можно было бы охарактеризовать приблизительно так: каждая гласная в предложении или увеличивается на $^1/_2$ своей продолжительности, или уменьшается на $^1/_4$ её, т. е.:

1) полудолгая гласная, с ударением, например, из 1 (единицы) обращается в $1^1/_2$, становится почти долгою, без ударения—обращается в $^3/_4$, становится почти короткою,

2) короткая гласная, с ударением из $^1/_2$ обращается в $^3/_4$ (чуть не в полудолгую), без него—в $^3/_8$ (приближается к иррациональной),

3) долгая гласная, с ударением из 2 обращается в 3, приобретает певучесть, без него—в $1^1/_2$, становится почти полудолгой.

Подобные колебания продолжительности одной и той же гласной слова обусловливаются, повторяем, соседними звуками, местом слова в предложении, связностью (слитностью) произношения, паузами и в особенности ударением, несмотря на то, что последнее, как в слове, так и во фразе, делается в узбекском языке с меньшею силой, чем в русском.

В заключение, заметим, что бо́льшая певучесть говора городского узбекского населения Западного Туркестана, сравнительно хотя бы с отрывистой речью киргиз-казаков, несомненно объясняется многовековым влиянием иранской фонетики на формирование произношения новейшего узбекского языка.

Экономика.

„На востоке люди живут и действуют под влиянием тех же побуждений, как и на западе, [и] в обоих случаях ход исторической жизни определяется преимущественно, хотя и не исключительно, экономическими условиями. Историкам востока по необходимости придется относиться к этим условиям с таким же вниманием, с каким относятся к ним исследователи истории Европы. Те приемы исследования, благодаря которым постепенно выясняется ход развития земледелия, промышленности и торговли в Европе, должны найти себе приложение и в наших работах."

(В. В. Бартольд. Об одном историческом вопросе. Средне-Азиатский Вестник. Ноябрь 1896 г. Ташкент. Стр. 53).

А. А. Гаррицкий.

Материалы по земледелию в Афганистане.[1]

Сухой климат Афганистана привел к необходимости искусственного орошения с самых давних времен, когда земледельцы начали селиться в равнинах и долинах, лежащих на небольшой высоте над уровнем моря. Для орошения служат воды рек и ручьев, несущие плодоносный ил, и воды колодцев и кяризов, не несущие ила, прозрачные и менее пригодные для орошения; колодезная вода, кроме того, часто бывает солоноватая.[2]

Самый обыкновенный вид ирригации в Афганистане—отвод проточной воды, которую поворачивают на поля, иногда очень просто, посредством рвов для спуска воды. Воду поворачивают на поля также с помощью запруд, устроенных поперек русла в маленьких водных протоках, и, не останавливая всего течения, заставляют свернуть только часть его.[3] Другой способ ирригации—при помощи кяризов.[4] Кяризами называются подземные источники, вода которых собирается в целом ряде последовательно вырытых колодцев и выводится подземными галлереями на земли, подлежащие орошению. Бурильщики кяризов бывают всегда персы, преимущественно из Хорасана; они чрезвычайно искусны в своем ремесле, трудном и подчас опасном.[5] Во всяком случае колодцы и кяризы дают очень мало воды для орошения. Расстояние между колодцами колеблется от 25 до 250 или 300 шагов.[6] Число колодцев и, таким образом, длина кяриза зависит от числа встречающихся по пути источников; колодцы обыкновенно

---

1 В виду чрезвычайно скудных сведений, имеющихся о земледелии Афганистана, настоящую статью следует считать попыткой суммировать тот немногочисленный материал, который составителю статьи удалось использовать. Кроме некоторых русских и европейских трудов, которые будут указаны в ссылках, составитель имел в своем распоряжении небольшую главу о земледелии в Афганистане из афганской географии на персидском языке и несколько афганских брошюр на персидском же языке, касающихся земледелия в современном Афганистане.

2 L'Univers, ou Histoire et Description de tous les peuples. Xavier Raymond. Afghanistan. Paris, 1848, стр. 6.

3 Ibid. стр. 57.

4 Сравни: Бартольд, В. Иран. Ташкент, 1926 г. стр. 36.

5 Срв. Вавилов, Н. И. Афганистан и перспективы наших экономических взаимоотношений. Международная Жизнь. 1925 г. № 3, стр. 3.

6 Raymond, стр. 58.

роют до тех пор, пока не появится вода или пока большая глубина колодца не заставит отказаться от продолжения этой работы. Местные жители рассказывают об одном кяризе, который был проведен на протяжении 12 миль, [1] но мы не знаем ни одного путешественника-европейца, посетившего этот кяриз. Расходы на такие трудные работы конечно очень значительны, но тем не менее богатые люди Афганистана не боятся давать на это свои деньги, потому что это дело создает им авторитет и дает право на почет и уважение со стороны населения. [2] Иногда даже бедняки собираются, чтобы рыть кяриз, а потом разделить между участниками те земли, которые он оросит. Кяризы в Афганистане наиболее многочисленны на западе и там они сильно размножились за последние полвека,[3] тогда как на востоке они очень редки. [4] Колодцы и пруды в Афганистане редки, а те, которые встречаются, снабжают главным образом питьевой водой. [5] Очень мало в Афганистане встречается больших водных резервуаров, и такие водохранилища обеспечиваются обыкновенно большими плотинами, переброшенными через долины. Такого рода водоем был устроен в Газни еще при султане Махмуде Газневидском. [6] Затем несколько таких водоемов встречается в горах Парапамиза. [7]

Значительная часть Афганистана лишена искусственного орошения или не нуждается в нем. Некоторые горные части и даже некоторые наиболее богатые долины орошаются только дождями; другие расположены около водоемов или по течению рек и сохраняют достаточно влаги для нужд растительности.

В Афганистане большая часть вод обязана своим происхождением таянию горных снегов и ледников; это обстоятельство представляет большие выгоды, ибо чем лето жарче и чем более почвы нуждаются в поливке, тем больше бывает воды в реках. В данном случае происходит то же, что и в Индии, Персии и Средней Азии, где по той же причине оказалось возможным обходиться иногда без плотин.[8]

---

[1] Raymond, стр. 58.

[2] Военно-статистический сборник. Вып. III. Составлен под общею редакциею Н. Н. Обручева, Спб. 1868 г. Авганистан, стр. 45. „Водопроводы (кяризы) устраиваются правительством, селениями или частными лицами с благотворительной целью. В первом случае за пользование платится подать; в некоторых местностях вода составляет общественное достояние". (Смотри также: Риттер, К. Кабулистан и Кафиристан, Спб. 1867, стр. 658).

[3] Furon, R. L' Afghanistan. Paris. 1926 г. стр. 96.

[4] Вавилов, стр. 5.

[5] Такого вида водохранилища-цистерны упоминаются у целого ряда путешественников. Срв., например, „Туркестанские Ведомости" 1888 год, № 1 „Три дня в Мазари-Шерифе", и Сборник Материалов по Азии, вып. XLVII. Спб. 1891. Сведения сообщенные разведчиком М.Р.Х. о городах Афганистана. Город Маймене. Стр. 104, 108.

[6] Raymond, стр. 59.

[7] Ibid., стр. 60. Бартольд, В. В. К истории орошения Туркестана, Спб. 1914 г. стр. 55.

[8] Сравни: Woeikof, A. Le Turkestan Russe. Paris, 1914 г. стр. 224.

Наибольшее значение в земледельческих районах Афганистана имеют следующие реки: Херируд, Мургаб, Чаршамбе, Каш, Адраскан, Хильменд, Аму-Дарья, Балх, [1] Хулюм, Кундуз, [2] Кабул. [3] Наибольшее половодье в реках Афганистана бывает в апреле и мае месяцах; начиная с июня месяца уровень воды в них падает, вследствие чего здесь уже с давних времен привыкли к постройке особого вида запруд. [4]

Главные оросительные системы Афганистана древни, так что время сооружения их, в большинстве случаев, неизвестно. Исключение составляют некоторые каналы, проведенные за последнее время. [5] Течение воды в каналах во время половодья бывает очень быстро, часто оно меняет направление, срывает плотины, одни поля затопляет, а другие оставляет без орошения. В большинстве ирригационных систем регуляторов не существует; когда нужно остановить течение воды в больших каналах или их главных разветвлениях, то это делается при помощи двух весьма примитивных приспособлений: с и п а й и к а р а-б у р а. [6] И то и другое приспособление требует громадных трудов, и если к ним еще прибегают, то только потому, что каналы поддерживаются натуральной повинностью, иногда с небольшой денежной приплатой, которая идет на приобретение необходимых материалов и на вознаграждение чиновникам. Денег этих не хватает, и исправность оросительных сооружений от этого страдает. Иногда в оросительных системах, выведенных из рек, уровень воды в каналах стоит ниже обрабатываемых земель, так что ее приходится поднимать посредством чигирей. [7]

В Афганистане так же, как и во многих странах Востока, применяются два способа орошения: первый [8] заключается в том, что все поле огораживается валом высотой в несколько сантиметров, и в эту ограду впускается вода, которая заливает все поле сплошным слоем; этот способ употребляется везде для рисовых полей; в некоторых местах, где воды достаточно, этот способ иногда применяется и к другим культурам. Способ этот ведет не только к напрасной трате воды: часто если почва глинистая, образуются солонцеватые болота, а это зачастую вынуждает бросать затопленные земли и переходить к разработке новых. Другой способ, [9] очень часто применяемый в Афганистане, заключается

---

1 О б р у ч е в, стр. 46.

2 О б р у ч е в, стр. 47.

3 جغرافیه آفغانستان стр. 33—49.

4 R a y m o n d, стр. 60.

5 Ibid., стр. 61.

6 Сравни: W o e i k o f, A. Le Turkestan, стр. 227; Б а р т о л ь д, В. В. К истории орошения Туркестана, стр. 55.

7 Большая Советская Энциклопедия, т. IV, стр. 76; В а в и л о в, стр. 6.

8 R a y m o n d, стр. 60; сравни: W o e i k o f, стр. 228; Я в о р с к и й, И. Л. Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. т. I. Спб. 1882 г. стр. 174.

9 R a y m o n d, стр. 61. Сравни: W o e i k o f, стр. 228.

в том, что поле разделяется на гряды, между которыми пропускают воду; этот способ гораздо рациональнее и требует несравненно меньше воды, чем первый.

Обязанность следить за распределением воды между селениями лежит на агентах управления земледелием, а в помощь им население выбирает особых лиц.[1] Эта примитивная организация была более или менее достаточна при прежней экономической системе, но в настоящее время, когда значительно увеличилась численность населения, когда проводятся новые дороги, когда вздорожали продукты питания и, наконец, когда многие землевладельцы обогатились и, благодаря этому, могут пользоваться благосклонностью агентов, ведающих распределением воды, положение дела изменилось. Богатые, пользуясь благосклонностью администрации, получают воды больше, чем им следует, а остальные для защиты своих интересов прибегают иногда к насилию: происходят кровавые схватки, иногда даже убийства.[2] Культура риса и хлопчатника много способствовала подрыву искони существовавшего порядка распределения воды. Посевы риса по древнему обычаю должны были производиться только на болотистых землях и получать воду только после остальных посевов.[3] Правда, родственники эмиров, ханов, крупных сановников и должностных лиц присваивали себе право возделывать рис и на других землях, но такие посевы сначала не занимали больших пространств. За последние годы высшая администрация предоставила дело собственному течению, согласно местным обычаям, и культура риса в связи с этим несколько сократилась. Сокращение площади рисовых посевов особенно заметно там, где имеются большие каналы, выведенные из рек, главным образом в житнице Афганистана—Хератской долине. Можно было бы положить предел чрезмерному развитию рисовых посевов, отказавшись раз навсегда от древнего обычая, который не позволяет отделять воду от земли.[4] В некоторых местах Афганистана установился обычай платить налог с земли пропорционально получаемой воде; с применением такой системы площадь рисовых посевов кое-где значительно сократилась, и рис стал возделываться, главным образом, на землях естественно заболоченных, которые получают очень немного или вовсе не получают ирригационной воды. Если бы Афганистан оказался не в состоянии доставить своему населению необходимое количество риса, то имеется возможность привезти рис из Индии и Персии.

---

[1] نظامنامهٔ زراعت للمی ۱۳۰۲, стр. 1—6.
نظامنامهٔ وظایف مامورین زراعت مربوطهٔ وزارهٔ تجارت ۱۳۰۲, стр. 1—9.

[2] Кабул. Путевые записки Сэр Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Часть I. Москва. 1847 г., стр. 223; Риттер. Кабулистан и Кафиристан, стр. 658.

[3] Raymond, стр. 60.

[4] Woeikof, стр. 230.

В Афганистане не отмеривают определенного количества поливной воды на каждое поле, и земледелец просто на глаз судит, что поле полито достаточно.[1] Мутная вода, залив поле, отлагает частицы глины и ила, которые очень быстро затягивают всю поверхность, так что просачивание замедляется, и поле быстрее заливается. Земледелец, видя, что поле залито водой, переводит воду на следующее поле. [2] Если поливка производится прозрачной, чистой водой, то эта вода просачивается быстрее, а потому ее нужно больше, чтобы насытить почву, а вместе с большим количеством воды поле получает и большее количество вредных для растительности солей. Кроме того, растения, при прочих равных условиях, испаряют больше воды на сырой почве, поэтому на участке, орошенном чистой водой, воды испаряется больше, и раствор солей на нем будет более концентрирован, при чем концентрация эта еще увеличивается, если вода уже отстаивалась некоторое время в каком-нибудь озере, луже или запасном бассейне, где она подвергалась испарению. Кроме того, вода этих бассейнов просачивается в окружающую почву и растворяет в ней соли.[3] Все изложенное объясняет почему население предпочитает орошение мутными водами.

Когда афганцы приступают к устройству новых оросительных каналов, они придают им такой уклон, который давал бы возможность всем осадкам доходить до орошаемых земель, нуждающихся в них; [4] при устройстве задерживающих бассейнов через них не пропускают всю воду, а только ненужный в данный момент избыток ее, как, напр., воду зимнюю и воду больших половодий.

Количество воды, необходимое для различного рода посевов, в Афганистане установлено очень не точно, и в этом отношении существуют очень значительные различия; при этом совершенно не принимается во внимание проницаемость почвы и подпочвы.

Хотя применяемые в Афганистане средства и способы орошения работают прекрасно, все же их слишком недостаточно для орошения всех удобных для обработки земель [5] и для создания обширной оросительной сети.

Согласно древней традиции, как и по шариату,[6] земля в Афганистане считается принадлежащей богу, право же распоряжения ею принадлежит эмиру; тот, кто обрабатывает землю, имеет право пользования ею, но обязан платить подать, которая является в одно и то же время и рентой, и налогом. По обычаю земледелец не имеет права

---

[1] Raymond, стр. 60.

[2] Сравни: Woeikof, стр. 234.

[3] Сравни: Ibidem, стр. 235.

[4] Raymond, стр. 60.

[5] Niedermayer, O. Afganistan. Leipzig, 1924 г., стр. 38 след.

[6] Сравни: Шмидт, А. Э. Шариат и право водопользования в Средней Азии. Народное Хозяйство Средней Азии, 1926 г. № 8—9, стр. 1.

располагать урожаем раньше, чем уплатит подать; если урожай не удался или если тем или другим способом хозяину земли удалось ускользнуть от надзора чиновника или арендатора податей, то он не лишался земли, но долг с него взыскивался принудительным порядком.[1] Шариат, т. е. писанное право, основанное на коране, и других священных первоисточниках, содержит правила, во многом соответствующие этим древним местным обычаям, например, в вопросе об оживлении мертвой земли:[2] тот, кто оросил землю или насадил деревья на пустом месте, приобретает право пользования этой землей для себя и для своих потомков.

Отсутствие документов, продажность чиновников и местные обычаи создали такой хаос в правилах землевладения, что разобраться в них было бы крайне трудно.[3] Обращение к свидетелям приводило к злоупотреблениям богачей, так как свидетели в Афганистане были продажны. Теперь афганское правительство, вышедшее на путь реформ, пытается положить конец всем этим беспорядкам.[4] Предполагалось обложить все обрабатываемые земли, кроме вакуфов, одинаковыми налогами, т. е. уничтожить все те привилегии, которыми пользовались некоторые земли, и значительно облегчить тяготы налогов, падавших на остальные земли. Степи, пастбища и горные леса заняты кочевниками; пользование пастбищами—общественное, постройками же, возведенными на зимних стойбищах, и деревьями, посаженными кочевниками, —личное и наследственное. Некоторая часть кочевников переходит мало по малу к оседлому состоянию, и вошло в обычай, что обработанные ими земли закрепляются за ними на тех же основаниях, как и земли оседлого населения; остальные земли, занятые в настоящее время кочевниками, считаются принадлежащими тому роду, который кочует в данном районе.[5] Иногда споры, возникающие из-за принадлежности земли, разбираются смешанными комиссиями из представителей заинтересованных родов, и спорные вопросы разрешаются на основании свидетельских показаний. В Афганистане господствует почти исключительно мелкая собственность и мелкая культура; владения в 80—100 танапов (20—25 десятин) рассматриваются как крупные поместья и встречаются редко.[6] Громадное большинство владений повсеместно гораздо мельче. Туземная земельная мера, „танап“, не имеет точно определенной величины и различна в различных местах. Даже в крупных землевладениях

---

[1] Raymond, стр. 60; Обручев, стр. 45.

[2] Шмидт, А. Э. Шариат и право водопользования в Средней Азии, стр. 5; Woeikof, стр. 238.

[3] Raymond, стр. 60.

[4] نظامنامهٔ وظایف مامورین زراعت, стр. 1—12; نظامنامهٔ زراعت للمى, стр. 1—7; تعلیمات تفریق وظائف حکام و مامورین متعلقه آن ۱۳۰۲ §§ 1—5.

[5] Обручев, стр. 45; Риттер. Иран. Часть I. Спб. 1874 г., стр. 340.

[6] Рейснер, Л. Афганистан. Страны Востока. 1925 г., стр. 69.

не существует обширных культур, и исключения в этом отношении редки; земли большей частью сдаются в аренду или за деньги, или из части урожая (дольщикам). [1]

Такая сдача земли из части урожая—очень древнего происхождения, и обычное право, определяющее отношение собственника земли к арендатору, иранского происхождения, но видоизменено шариатом; [2] обыкновенно собственник дает землю, семена, скот и земледельческие орудия, а дольщик (чайрикер)—свой труд. За последние десятилетия число дольщиков возросло вследствие добровольной или вынужденной продажи земель; причиной этому, отчасти, является культура хлопка, которая требует затраты значительного капитала и урожайность которого подвержена большим колебаниям. Земледельцы занимают деньги на ростовщических процентах, и земля часто в конце концов переходит к ростовщику; этот последний большей частью не желает ее сам обрабатывать и оставляет на земле прежнего ее хозяина, но уже в виде дольщика.[3] Количество вакуфной земли не выяснено, но оно довольно значительно. [4]

Всех земледельцев современного Афганистана можно разделить на следующие пять классов: [5]

1) собственники, которые обрабатывают свою землю сами,

2) арендаторы, которые обрабатывают землю других и платят владельцу определенную сумму деньгами или условленным количеством продуктов,

3) бозгары, которые участвуют в обработке земли вместе с владельцами, как арендаторы, [6]

---

[1] Raymond, стр. 60.

[2] Ibid., стр. 61.

[3] Большая Советская Энциклопедия, т. IV, стр. 76; Raymond, стр. 60.

[4] „Английская газета «The Englishman» сообщает:... „эмир Абдуррахман, отлично понимая то значение, которое имеет духовенство в Афганистане, решил одним ловким ударом подчинить его всецело правителям Афганистана; с этой целью он передал все земли, недвижимую собственность и капиталы, принадлежащие афганскому духовенству, в ведение правительства, казиям и муфтиям приказал выдавать ежемесячно из государственной казны жалованье". Туркестанские Ведомости 1907 г. № 54.

[5] Raymond, стр. 57; Рейснер. Афганистан. Страны Востока. 1925 г. стр. 69: „Институт частной собственности на землю на ряду с родовой пользуется признанием. Остатками старого коллективного владения являются пастбища и богарные земли, находящиеся в общем пользовании племени или общины. Пастбища обычно подлежат периодическому переделу". И далее: „В северном и северо-западном Афганистане после захвата края афганцами, под воздействием налоговой и переселенческой политики Кабула (передача лучших земель афганским колонистам), наблюдается постепенный распад среднего крестьянского хозяйства и параллельный рост крупного землевладения путем образования афганского поместного слоя из туземной крестьянской массы. В коренных областях Афганистана (Кабул, Кандагар) на формах землепользования до сих пор, лежит отпечаток племенной организации."

[6] Рейснер, стр. 69.

4) батраки без собственности, которые работают на земле других и для других, получая за это жалованье,

5) наконец, остатки покоренного населения—бывшие рабы, которые живут на землях своих владельцев и работают, не получая никакой платы. [1]

В общем земля в Афганистане разделена более ровно, чем во многих странах. Там есть большое количество небольших собственников, которые обрабатывают земли сами со своей семьей и несколькими работниками за плату.[2] Род стоит во главе управления племени и ведает разделением земли. [3] Неурожаи и другие причины иногда заставляют и теперь владельцев продавать свои земли.

Иногда земля покидается из-за привычки к передвижению или из-за других каких-нибудь обстоятельств. Чаще всего земля покидается в результате применения закона о разделе земли в определенных долях между детьми, согласно с требованиями мусульманского права. [4] Последствием этого является образование очень маленьких долей, так что владелец такой маленькой доли часто не может ею жить. Многие бывают принуждены или передать свою землю братьям, или продать ее. Покупатели находятся между теми, кого в прежние времена обогатила война, а теперь земледелие, коммерция или даже общественные обязанности. Цены на землю, например, в Кабуле от 10 до 12 раз превосходят сумму годичного ее производства. [5] Число арендаторов в обычном смысле слова в Афганистане незначительно. Общая продолжительность арендного договора обыкновенно один или два года и никогда не бывает больше пяти лет. [6] Такса ренты, платимой владельцу, очень разнообразна. В безводных районах она составляет десятую часть валового производства земли; в долинах рек она равняется от трети до половины производства, а в соседстве с большими городами двум третям. [7] Арендаторы, принадлежащие ко второй из приведенных нами категорий, платят владельцу исключительно только ренту за пользование землей. На землях, обрабатываемых бозгарами, обыкновенно владелец снабжает бозгара семенами, скотом, земледельческими орудиями.[8] Бозгар дает только свою работу. Однако, иногда бозгар входит

---

[1] Никулин, Л. Четырнадцать месяцев в Афганистане, 1923 г., стр. 44. Только в 1921 году было отменено рабство в Афганистане.

[2] Raymond, стр. 57.

[3] Ibidem.

[4] Ibidem.

[5] Ibid., стр. 58; Рейснер, стр. 69: „В Афганском Туркестане лучший танап поливной земли стоит 100 рублей; танап земли „ляльми" обходится от 15—26 рупий".

[6] Raymond, стр. 58.

[7] Большая Советская Энциклопедия, т. IV, стр. 76; Рейснер, стр. 69; Raymond, стр. 58.

[8] Рейснер, стр. 69; Raymond, стр. 58.

частно в издержки; иногда даже он сам снабжает всем за исключением семян. Часть бозгара в урожае колеблется от $^1/_{10}$ до $^1/_2$. Поденщики на содержании бозгара получают за сезон, который продолжается 9 месяцев, с весеннего равноденствия до зимы. Они кормятся и часто даже одеваются теми, кто их нанимает; чаще они получают, как плату, некоторое количество зерна, которое колеблется от $2^1/_2$ менов (почти 200 ф. зерна) и нескольких рупий, до 10 менов (800 ф.) и нескольких рупий; когда платят только деньгами, им дают чаще всего от 30 рупий, не считая пищу и одежду. В некоторых местах, где руки дороги, платят поденно довольно большими суммами.[1]

Большая часть почвы Афганистана имеет степной характер; колючки и травы, среди которых верблюжьи колючки занимают первое место, растут одинокими пучками на равнинах. Тамариск в этих местах почти единственное древовидное растение. Эта степная флора проникает далеко в горы, и лишь в более высоких районах имеется альпийская растительность. Только в нагорьях северо-восточной части Афганистана можно найти более богатую древесную растительность, хвойную и лиственную, местами образующую настоящие леса. В более высоких местах обильных водой северных склонов горных систем имеются богатые травами и низкорослыми растениями места, прекрасные пастбища для кочевников, покидающих весной засыхающие степи и уходящих сюда. [2]

Сухой воздух Афганистана, недостаточная влажность почвы и почти полное отсутствие удобрения в местностях вне орошенных долин дают возможность использовать для обработки только незначительную часть земель.[3] Имеется, однако, полная возможность использовать горный рельеф страны и увеличить плодородность низменных мест.

На склонах гор центрального Афганистана, не подвергающихся непосредственному влиянию солнца, долгое время сохраняется так много влаги, что есть полная возможность заниматься земледелием без искусственного орошения. Там, где есть возможность круглый

---

[1] Риттер, Кабулистан и Кафиристан, стр. 659; Рейснер, стр. 69: „Оплата сельского батрака колеблется от 100 до 120 рупий в год на всем готовом". Raymond, стр. 58.

[2] Niedermayer, Afganistan, стр. 39. Фюрон несколькими словами так характеризует Афганистан: „Эта страна очень холмистая и бесплодная, обитаемая только в широких долинах, доступных для культуры". Furon, R. Afghanistan, стр. 95.

[3] Вавилов, стр. 5: „Приблизительно $^3/_4$ всего Афганистана составляют горные области, с небольшими площадями по узким долинам рек, пригодными для культуры преимущественно малоценных хлебов (пшеницы и ячменя)".

Furon, стр. 95: „Орошаемые долины очень выгодны для обработки. К несчастью, области, которые некогда были цветущими, как, например, Бактрия, долина Газни и Сеистана, были опустошены войнами и покинуты своими обитателями. Ирригационные системы исчезли, и пустыня сменила поля пшеницы. Организованные работы по ирригации могли бы дать новую жизнь этим местностям с плодородной почвой".

год получать воду—налицо богатая культурная жизнь: здесь процветают полеводство и садоводство. [1]

В Афганистане замечается большое различие в способах и в производительности возделывания земли в зависимости от искусственного орошения.[2] Там, где такое орошение существует с давних пор и где ирригационные каналы находятся в порядке,—сельско-хозяйственная производительность очень велика: с маленького пространства получаются обильные урожаи. Затем следует целый ряд понижающихся в смысле интенсивности культуры ступеней, кончая кочевниками, которые на громадных пространствах едва находят достаточно корма для своих стад. [3] Что касается севооборота, то он также очень разнообразен: [4] вблизи городов практикуется то, что в Европе называется свободным севооборотом, который не подчиняется определенным правилам и зависит от состояния рынка. Необходимо здесь упомянуть об особом виде севооборота, включающем даже дровяной и строительный лес. Таким способом выращиваются преимущественно тополь и ива, которые благодаря жаре, продолжающейся в среднем от 7—9 месяцев в году, и обильному орошению, растут очень быстро: в 12 или 15 лет выростает строевой лес. [5] В богатых водою долинах прекрасно растут деревья. Кроме наиболее распространенных, быстро растущих и дающих строевой лес—тополя и ивы, в изобилии встречаются карагач, чинар, дуб, береза, ясень, лавровое дерево, кипарис и др. [6]

На склонах гор воздух насыщен запахом одиноко растущего можжевельника и других смолистых кустарников. Во всех культурных оазисах часто встречаются миндаль, фисташковое дерево и орех.

Из полевых злаков первое место занимают пшеница и ячмень, которые прекрасно вызревают во всех областях Афганистана, главным же образом в больших горных долинах. [7] В теплых и богатых водою долинах возделывают рис, однако, далеко не удовлетворяющий всем нуждам Афганистана, кукурузу, сахарный тростник.[8] На полях выращиваются: табак, мак и индиго. Незначительная часть культурной земли отведена под хлопок и лён. Наравне с ними встречаются и европейские стручковые растения, как, например, бобы и чечевица. [9]

---

[1] Niedermayer, стр. 38.

[2] Raymond, стр. 59.

[3] Ibid.

[4] Большая Советская Энциклопедия, т. IV, стр. 76: „По тщательности подготовки почвы, сложности севооборота, земледелие стоит в общем на большой высоте, приближаясь в наиболее культурных областях (долины Кабула, Герируда, Хильменда) к огородной, грядковой культуре“.

[5] Raymond, стр. 59.

[6] Niedermayer, стр. 39; جغرافیه آفغانستان, стр. 173.

[7] Niedermayer, стр. 38.

[8] Furon, стр. 95; جغرافیه آفغانستان, стр. 171.

[9] Niedermayer, стр. 39; جغرافیه آفغانستان, стр. 170, 171.

Поля обычно не огораживаются, между тем как огороды и сады всегда окружены стеной из лёсса или глины; [1] в них выводятся различные огородные овощи, дыни, виноград, деревья разных пород и нередко люцерна. Кроме того культивируются: салат, шпинат, желтая и красная свекла, лук, чеснок, редька, огурцы, изредка картофель; из пряностей: шафран, майоран, укроп, тмин, анис. [2] Многие сорта растут дико в горах. Когда имеется достаточно воды, в особенности вблизи городов, удается снимать две, иногда даже три жатвы в год; [3] начинают большей частью с озимой пшеницы или ячменя, или чечевицы, гороху и фасоли, сеют осенью, а собирают летом.[4] Затем сеют хлопок и джугару, затем ячмень и, наконец, в том же году сеют маш, а на следующую весну просо или яровую [5] пшеницу. [6] Или же посев делается весной, а жатва производится осенью.[7] Она состоит из риса, маиса, проса и т. д. После того как поле в течение нескольких лет остается под люцерной, на нем сеют лён, хлопок, дыни и иногда джугару. Обычно хлопок сменяется хлебными растениями, но, с возрастанием цен на хлопок, его начинают сеять несколько лет подряд. Рис, как уже указывалось, сеют большей частью на заболоченных полях, непригодных ни для какой иной культуры. В некоторых местах, например, по рекам, разливающимся и дающим обильное орошение, после нескольких лет рисовых посевов земле дают отдых, затем сеют другие злаки, а затем снова рис.[8]

Весенние посевы на неполивных землях, называемые „богара", чаще всего производятся на востоке Афганистана, но встречаются они и в других районах. [9] Однако, наибольшее значение для Афганистана [10]

---

1 Raymond, стр. 59.

2 Niedermayer, стр. 39.

3 Niedermayer, стр. 39; Furon, стр. 95; جغرافیه آفغانستان, стр. 170; Raymond стр. 59.

4 Погорелов, М. Афганистан. Война и Революция. 1925 г., стр. 164.

5 Нашему термину „яровая" соответствует афганский термин — „хериф", а „озими"—афганский термин „реби". Риттер. Кабулистан, стр. 659.

6 Raymond, стр. 59.

7 Niedermayer, стр. 39.

8 „Только у беднейшей части населения земля остается вместо двух лет один год под паром. Обычно один год сеется посев весенний, а другой год—осенний". Raymond, стр. 59.

Относительно удобрения полей сообщения исследователей расходятся: так, у Нидермайера (Afganistan, стр. 39) указано, что „удобрения совершенно не знают", а у другого автора указывается, что „в районах, где удобрение обильно, собирают два сбора в год. Удобрение состоит из навоза, золы, старых обломков разных вещей. Не употребляют навоза верблюда, потому что опыт показал, что он содержит сильную дозу селитры". (Raymond, стр. 60).

9 Niedermayer, стр. 39; в Большой Советской Энциклопедии, т. IV, стр. 76, указано, что „посевы „ляльми" (богара) крупного значения в хозяйстве страны не имеют". Едва ли это правильно, если принять во внимание сообщение профессора Вавилова, что из 1.000.000 десятин—500.000 десятин приходится на неполивные земли. Смотри Вавилов, стр. 5.

10 Raymond, стр. 59.

имеет другой вид посевов, так наз. „пайзех“ (падение листьев), который чаще всего встречается в западной части Афганистана. В высоких местностях, особенно в горах, есть районы, где жители сеют весной и собирают только одну жатву осенью. Разные сорта зерен сеются в очень различных пропорциях. Пшеница является основным продуктом питания жителей в большей части Афганистана.[1] Ячмень обыкновенно сеется только в качестве корма для лошадей. Просо местами служит также для приготовления хлеба. Местами в Афганистане едят хлеб из маиса, который в восточной части страны встречается только в садах.[2] Рис изобилует во многих местах; лучший рис встречается на юге Афганистана.[3] Овес встречается только в диких районах Афганистана: его не культивируют.[4] В некоторых районах сеется хлопок.[5] Местами сеют клещевину, которая называется „баданджир“.[6] Масло из нее приготовляется обыкновенно на месте. В достаточном количестве встречается также кунжут, горчица и другие растения, служащие для изготовления масла.[7] На востоке Афганистана часто встречается марена;[8] употребляющийся в Индии сорт марены—вывозится из Афганистана. Сеют ее летом на земле, очень заботливо вспаханной и приготовленной; ее листья служат пищей животным, а из корня добывается краска. Между прочим, на краску идет корень не ранее трех лет. Вонючая камедь[9] очень обыкновенна на востоке Афганистана; ее длинные листья срезаются близко к стволу, и сок собирается в чашки; он твердеет и делается как опиум. После этого его держат некоторое время на солнце, очищают и в готовом уже виде употребляют в пищу в виде приправы.[10]

---

[1] „Продукция зерновых культур сосредоточена преимущественно на севере“. Вавилов, стр. 6; جغرافیه افغانستان, стр. 170.

[2] Raymond, стр. 60.

[3] Ibid., стр. 61.

[4] Furon, стр. 96; Niedermayer, стр. 39.

[5] جغرافیه افغانستان, стр. 171.

[6] Ibid.; Raymond, стр. 60.

[7] جغرافیه افغانستان, стр. 171; Вавилов, стр. 6. В настоящее время возделывание маслянистых растений постепенно сокращается, так как хлопковое масло вытесняет всякие другие. (Срв. Woeikof, стр. 251).

[8] Обручев, стр. 47: „Марена в Кандагарском и Газнийском округах употребляется на месте для окраски шерстяных тканей, а частью вывозится“. „Марена встречается двух сортов: родут-кукри и родут-нури, последний главным образом в Кандагаре“. Вестник Российского Общества Садоводства, 1878 г. № 7, Туркестанский Сборник, т. 239; Raymond, стр. 60.

[9] Raymond, стр. 60; Туркестанский Сборник, т. 239.

[10] Raymond, стр. 60.

Земледельческие орудия довольно примитивного свойства,[1] но очень хорошо приспособлены к условиям почвы и климата; так, местный универсальный инструмент—кетмень прекрасно приспособлен к местному земледелию.[2]

Прежде чем пахать землю, ее всякий раз орошают. Афганский плуг довольно тяжел и делает глубокие борозды, при чем, соответственно с характером почвы, афганские землеробы никогда не запрягают более пары быков[3] Посев делается рукой. Вместо бороны употребляют просто доску. После посева некоторые земледельцы поливают землю еще раз и довольно долго оставляют зерна лежать на поверхности земли. На первую зелень обыкновенно выгоняют скот. После этого поливают еще раз; в некоторых же местах производят иногда еще третью поливку зимою. Обыкновенно снег с посевов счищают в течение зимнего сезона, где это возможно.[4] Зима достаточно дождлива для того, чтобы поддержать необходимую влажность. Весенние дожди необходимы для пшеницы, но они не исключают для земледельца необходимости орошения. В некоторых местах посевы орошают три раза в месяц до тех пор, пока хлеб не начнет созревать.[5] Жатва производится серпом, служащим также и для срезания травы. Для молотьбы не употребляют цепов, а для этого пользуются быками или деревянным валом.[6] Веют зерно так же, как и в Европе, и когда веяние заканчивается, собирают зерно в цилиндрические корзины, стоящие на деревянных подставках и обмазанные землей, чтобы предохранить зерно от действия воздуха и сырости. Иногда зерно сохраняют в больших кувшинах, зарытых в землю или же в мешках из верблюжьей шерсти; в городах встречаются большие амбары для хранения зерна.[7] Зерно в Афганистане мелют в водяных, ветряных и ручных мельницах. В Афганистане в некоторых местах в течение четырех месяцев бывает довольно постоянный ветер,[8] а пото-

---

1 Furon, стр. 96: „Афганские крестьяне пользуются примитивным плугом, а иногда плуг заменяется искривленными ветками. Землю больше роют, а не пашут, садясь на плуг, чтобы своей тяжестью дать возможность деревянному плугу глубже захватывать землю. То, что действительно можно назвать, плугом—встречается только в окрестностях Кабула“.

2 Raymond, стр. 59.

3 „Иногда плуг тащат ослы, а в Шарабаке и Сеистане буйволы“. Raymond, стр. 59.

4 Ibidem.

5 Ibidem.

6 Raymond, стр. 61.

7 Ibidem.

8 Никулин, Л. Четырнадцать месяцев в Афганистане, стр. 8: „Этот же ветер дует сто двадцать дней в году в Герирудской долине, внезапно срываясь около четырех часов дня, с неослабевающей силой дует до позднего вечера, сотрясая глиняные дома и стены, чтобы потом также внезапно прекратиться до следующего дня“.

му не удивительно, что кое-где встречаются развалины ветряных мельниц, указывающие на то, что последние не так давно были в большом употреблении. Особенно много вышедших из употребления мельниц в районах Кабула и Газни.[1] Во всяком случае по остаткам старых мельниц можно судить об их устройстве, отличающемся от устройства европейских мельниц. Крылья скрывались обыкновенно в здании, и ветер передавался через отверстия по очереди каждому крылу. Жернов находился ниже крыльев на той же вертикальной оси. Водяные мельницы в Афганистане построены по тому же принципу: колеса расположены горизонтально, а лопасти наискось внутри мельницы, но уже под жерновом, который вращается на той же самой оси, что и колесо. Колесо не бывает обыкновенно больше 4-х футов в диаметре. Такого рода мельницы употребляются в Афганистане повсеместно.[2]

Благодаря разнообразным сельско-хозяйственным условиям, цены на землю в Афганистане конечно очень сильно колеблются; земли, которых оросить нельзя, продаются очень дешево, в то время как цены на земли, пригодные для орошения, в населенной местности, а в особенности поблизости крупных населенных пунктов, бывают очень высоки.[3]

Что касается до культуры растений на больших высотах, то на высоте 3000 метров возделывается небольшое количество ячменя, пшеницы, маша, сурепицы; на высоте 3600 метров опыты показали, что редиска, репа и иногда картофель могут еще вызревать; выше этого нет уже никакой культуры.[4]

Что касается до разновидностей главнейших злаков, культивируемых в Афганистане, то афганцы различают три вида пшеницы: белую, красную и черную. Интересно отметить, что колосья пшеницы здесь после созревания не осыпаются, так что представляется возможным откладывать жатву на три или четыре недели.[5] Ячмень бывает двух сортов: двурядный и шестирядный; в противоположность пшенице, он очень легко осыпается, так что его снимают, обыкновенно, еще не вполне созревшим.[6] Просо в Афганистане встречается в двух разновидностях, принадлежащих к метельчатому или обыкновенному сорту проса. Его солома, очень питательная, идет на корм для животных.[7]

---

[1] Raymond, стр. 61.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem; смотри выше стр. 444 примечание 5.

[4] Борнс (по словам Риттера, Кабулистан, стр. 86), правда, указывает, что на высоте 10.000 футов он находил жителей, пашущих землю, как только снег сойдет с гор; произрастание злаков под палящими лучами солнца здесь было так быстро, что хлеба, посеянные в конце мая, созревали и убирались в начале октября.

[5] В Хератском районе упоминаются два сорта пшеницы: „зафарани“ и „шах-нази“, которые ценятся различно: первый сорт 1 р. 09 к., а второй 1 р. 21 к. Смотри: Торговля России с Востоком. 1925 г. № 6—8, стр. 35; Raymond, стр. 59.

[6] Raymond, стр. 59.

[7] Furon, стр. 96.

Самым ценным из злаков является рис,[1] идущий на приготовление любимого на востоке кушанья—палау. Богатые люди едят его каждый день, бедные же могут позволить себе эту роскошь только в большие праздники.[2]

Сорго, которое в Афганистане называется джугарой—то самое растение, которое в Северной Африке носит название „дурро“ и очень распространено в Индии, Китае и во всей Средней Азии в местностях с недостаточным орошением. Растение это достигает $3^1/_2$—4-х метров высоты; зерна его служат пищей для наиболее бедной части населения; иногда им кормят также лошадей и домашнюю птицу. Урожайность джугары очень большая, при чем она не боится присутствия в почве некоторого количества соли.[3]

Табак сеется в Афганистане почти везде.[4]

К числу наиболее важных продуктов земледелия принадлежит люцерна и один сорт клевера, называемый „шафтал“.[5] Персидское название люцерны „бишка“,[6] а на пушту ее называют „шпаста“.[7] Сеют ее обыкновенно осенью, и зимой она остается под снегом; в некоторых районах ее сеют весной. Люцерну оставляют расти обыкновенно 5 лет без нового посева; некоторые исследователи утверждают, что она может продолжать расти таким образом до 10 и даже 15 лет; она требует хорошего удобрения. „Шафтал“ сеется чаще весной, чем осенью; два месяца спустя после того, как он поднимется, его можно срезать одним или двумя отавами в год. Шафтал продолжает расти без нового посева редко более одного года, и никогда более трех лет. Эти два растения скармливаются животным зелеными; лишь небольшую часть оставляют на сено для зимы.[8]

Приводим местности, где, по имеющимся в нашем распоряжении данным, сеются различные злаки:

Пшеница—засевается главным образом в следующих местах: В Хератском округе, в округе Бадхыз, Обе, Каррух, Гуриян, Себзевар. В булюках: Атешан, Джуи-Ноу, Энджир, Карбар, Алунфжан, Шафлан, Гузрэ, Атван-Тизан, в окрестностях Херата, в Балхе, в Ходжа-Нахре, Таш-Кургане, Гейбаге, Хураме, Буйни-Кара, Кишинды, Камерде, Бамияне, Дара-Юсуфе, Екка-Уленге, Гори, Доши, Баклане, Хинджане, Андерабе, Гурбенде, Кабуле, Джелалабаде, Газни, Кандахаре, Сеистанской низменности, Ханабаде, Кундузе, Нарын-Ишкашиме, Хосте, Ференге, Хазрет-Имам-

---

1 جغرافیه آفغانستان, стр. 170; Raymond, стр. 60.

2 Обручев, стр. 47; Raymond, стр. 60.

3 Сравни: Woeikof, стр. 250.

4 جغرافیه آفغانستان стр. 170; Raymond, стр. 59.

5 Raymond, стр. 59.

6 Ibid.

7 Ibid.

8 Ibid.

Саибе, Таликане, Немек-Абе, Ферхаре, Верседже, Аргу, Яфтеле, Тешгае, Раге, Джерме, Хаше.

Ячмень засевается в следующих местах: Хератский округ, Бадхыз, Обе, Каррух, Гуриян, Себзевар. Булюки: Атешан, Джуи-Ноу, Энджир, Карбар, Алунфжан, Шафлан, Гузрэ, Атван-Тизан, вся Хератская долина, Ходжа-Нахр, Таш-Курган, Гейбаг, Хурам, Буйни-Кара, Кишинды, Камерд, Бамиян, Дара-Юсуф, Екка-Уленг, Гори, Доши, Баклан, Хинджан, Андераб, Гурбенд, Кундуз, Нарын-Ишкашим, Хост, Кабул, Джелалабад, Газни, Кандахар, Сеистан, Ханабад, Ференг, Хазрет-Имам-Саиб, Таликан, Немек-Аб, Ферхар, Верседж, Яфтель, Тешгай, Раг, Джерм, Хаш.

Клевер упоминается в следующих местах: Ходжа-Нахр, Таш-Курган, Гейбаг, Хурам, Буйни-Кара, Кишинды, Камерд, Бамиян, Дара-Юсуф, Екка-Уленг, Гори, Доши, Баклан, Хинджан, Андераб, Гурбенд, Кундуз, Нарын-Ишкашим, Хост, Кабул, Газни, Кандахар, Сеистан, Ференг, Хазрет-Имам-Саиб, Херат.

Рис упоминается в следующих местах: Ходжа-Нахр, Таш-Курган, Гейбаг, Хурам, Буйни-Кара, Кишинды, Камерд, Дара-Юсуф, Екка-Уленг, Гори, Доши, Баклан, Хинджан, Андераб, Гурбенд, Кундуз, Нарын-Ишкашим, Хост, Ханабад, Ференг, Хазрет-Имам-Саиб, Таликан, Ферхар, Тешгай, Джерм, Сеистан, Балх, Хератская долина.

Джугара упоминается в следующих местах: Хератская долина, Ходжа-Нахр, Таш-Курган, Гейбаг, Хурам, Буйни-Кара, Кишинды, Камерд, Дара-Юсуф, Екка-Уленг, Доши, Гори, Баклан, Нарын-Ишкашим, Хост, Ханабад, Андераб, Хазрет-Имам-Саиб, Кундуз, Таликан, Тешгай.

Чечевица, маш, горох или маис упоминаются в следующих местах: Ходжа-Нахр, Таш-Курган, Буйни-Кара, Кишинды, Камерд, Бамиян, Дара-Юсуф, Екка-Уленг, Гори, Доши, Баклан, Нарын-Ишкашим, Хост, Ханабад, Андераб, Хазрет-Имам-Саиб, Таликан, Аргу, Тешгай, Кабул, Хератская долина.

Сахарный тростник упоминается только в Ханабаде, Кабуле [1] и Джелалабадском районе.[2]

Хлопок возделывается в западной части Афганского Туркестана, по левому берегу Аму-Дарьи, в Ханабаде, Гори, Хазрет-Имам-Саибе, Кундузе, Таликане, Тешгае, по среднему течению р. Кабула, на землях Бенгали (недалеко от границ Индии), в районе Ахча, Меймене, Шибырган, Андхой, западном Сеистане, в районе Кандахара и Газни, по среднему течению реки Хильменда, в Хератской долине и в Джелалабадском районе.

Марена упоминается в Кандахаре и Газни.

---

[1] Furon, стр. 96; Вавилов, стр. 5.

[2] Риттих, П. А. Афганский вопрос. 1905 г., стр. 40: „Абдуррахман говорит, что он ввел культуру сахарного тростника в Кандагаре".

Лён—в Ханабаде, Хазрет-Имам-Саибе, Таликане, Немек-Абе, Ферхаре, Аргу, Раге, Джерме.

Хена—в Ханабаде.

Кунжут—в Ханабаде, Хазрет-Имам-Саибе, Кундузе, Таликане, Раге, Херате.

Дыни и арбузы—в Ханабаде, Дейх-Вейране (здесь встречаются лучшие сорта дынь Афганистана, называемые кендек, эмири, яхши беги, Таш Мухаммед кусэ), Хазрет-Имам-Саибе, Таликане, Хератской долине.

Просо упоминается в Андерабе, Хосте, Ференге, Гори, Таликане, Ферхаре, Тешгае, Гейбаге, Хураме, Хератской долине.

Бобы—упоминаются в виде сортов мушенг и шахуль в Андерабе, Хосте, Ференге, Гори, Ферхаре, Верседже, Хаше, Хератской долине.

Паток упоминается в Хосте и Ференге.

Манна—в Хератской долине.

Шафран—в Хератской долине.

Асса фетида—во всем Афганистане, преимущественно же в Кандахаре, Хератском районе, на берегах Хильменда, в Бамияне и Сайгане.[1]

Индийская конопля—в Кандахаре, Газни и Кабуле.[2]

Ревень—в Кандахаре, Газни и Кабуле.[3]

Табак—повсеместно, а особенно в Хератской долине.[4]

Бенг—в Хератской долине.

Особый сорт зерна, называемый мендо,—в Хератской долине (из него приготовляют черное, горькое масло, идущее на освещение и лекарства).

Шафтал (для корма скота)—в Хератской долине.

Гумиластик—особенно в Хератской долине.

Площадь всего Афганистана равняется 597.000 кв. верст.[5] Общая площадь поливных и неполивных культурных земель Афганистана равняется до 1.000.000 десятин,[6] из них поливных до 480.000 десятин, неполивных более 500.000 десятин. Лёссовидные, глубокие почвы северного Афганистана легко доступны культуре. Большие площади земель заняты

---

[1] Риттер. Кабулистан и Кафиристан, стр. 85. Асса фетида (Ferula assa foetida Linn.) по персидски „унгузе", по санскритски „гинга", „гингу". (Смола, называемая „чертов кал"). Обручев, стр. 48.

[2] جغرافیه آفغانستان стр. 170; Обручев, стр. 47.

[3] Обручев, стр. 47.

[4] „*Табак потребляется в огромных количествах местным населением.* В западном Афганистане разводятся три сорта его: кандагарский, балхский и мансурабский. Последний считается лучшим, но не продается. В Герате табак дает два сбора в год. От первого получается лучший лист". Обручев, стр. 47.

[5] Сравни: Statesman's Year-book. 1926 г., стр. 637; Вавилов, стр. 4.

[6] Вавилов, стр. 4.

здесь под культурами хлопка и риса.[1] Около 400.000 десятин заняты на севере под богарные посевы пшеницы, ячменя и бахчевых растений. Около $^{2}/_{3}$ всех поливных земель Афганистана приходится на северный Афганистан.[2] Главными центрами земледельческой культуры в Афганистане являются две провинции: Афганский Туркестан и Хератская.[3]

Искусственное орошение оазисов Афганского Туркестана, вызывая к деятельности самоё по себе плодородную почву страны—лёсс, позволяет жителям в больших размерах заниматься земледелием, которое является главным видом деятельности указанного района. Из хлебов в Афганском Туркестане возделываются главным образом пшеница и ячмень, из кормовых трав—клевер. Растут здесь также в большом количестве рис, хлопок, табак, просо и джугара.

Мазар-и-Шерифский район, селения которого расположены на искусственных разветвлениях реки Балха, обеспечивает хлебом свое население вполне и даже вывозит значительный излишек в другие районы.[4]

Вообще надо отметить, что в Афганистане земледелие является основным занятием чаще всего там, где население наиболее густо, где отмечается определенная склонность к оседлости и где имеется искусственное орошение.

Благодаря наличию указанных условий в предгорьях северной равнины, в Кабулистане[5] и в Хератском районе почти совершенно нет пустопорожних земель. Всякий лоскут, годный к возделыванию, здесь вспахан.[6]

Урожайность хлебов в Афганистане зависит главным образом от того, орошается ли искусственно земля или нет. Посевы под дождь, т. е. неполивная культура земли называется „деймэ“,[7] поливная—„аби“.

[1] Вавилов, стр. 4.

[2] Вавилов, стр. 5—6; Обручев, стр. 46.

[3] Обручев, стр. 46. Вопреки заявлению Обручева, что в Хератской провинции не бывает неурожаев, сведения о неурожае в этой провинции приводятся в № 28 Туркестанских Ведомостей за 1903 год.

[4] Raymond, стр. 59. Иногда встречаются указания на упадок земледелия в недалеком прошлом, как, например, в Туркестанских Ведомостях за 1888 г. в № 1 в статье „Три дня в Мазар-и-Шерифе“.

Рейснер считает, что „Гератский, Мазар-и-Шерифский и Каттагано-Бадахшанский районы—являются житницей Афганистана. $^{2}/_{3}$ посевной площади поливного земледелия и более $^{3}/_{4}$ богарных земель приходятся на эти районы“. Смотри: Торговля России с Востоком 1925 г. № 5—7, стр. 2.

[5] Риттер. Кабулистан и Кафиристан, стр. 657; Furon, стр. 95; Обручев, стр. 45.

[6] Raymond, стр. 57; Риттер. Кабулистан и Кафиристан, стр. 657.

[7] Встречается еще и другое название: „ляльми“ и „аби“. Это деление на „ляльми“ и „аби“ весьма важно по отношению к поземельной подати, размер которой зависит от того, к какому из двух разрядов относятся облагаемые ею земли. Так, в Афганском Туркестане земли „ляльми“ обложены натуральной податью в $^{1}/_{10}$ сбора, а земли „аби“ в $^{1}/_{4}$. Срв. Снесарев, А. Е. Афганистан. 1921 г., стр. 158, 159; Риттер. Кабулистан и Кафиристан, стр. 659; Свентицкий, А. С. Экономическое взаимоотношение России с Афганистаном. Торговля России с Востоком. 1923 г. № 3—4, стр. 20.

Неполивное земледелие распространено среди кочевых и полуоседлых племен, главным образом в центре и на востоке Афганистана, на возвышенных плато и в горных долинах.[1] Поливное земледелие распространено в долинах рек и вокруг многочисленных родников и ручейков горных склонов. Урожайность на неполивных полях зависит от количества выпадающих осадков.

В хороший год сбор урожая в Афганистане бывает от сам семь до сам десять, средний—сам четыре-семь, а в плохой год едва собирают на семена, а то и одну солому.[2] Кочевники сеют хлеба мало, только для своей потребности, и в случае недостатка покупают в более богатых местах, преимущественно в Хератской долине и в Афганском Туркестане. Урожайность на поливных полях значительно выше: так, пшеница и ячмень дают при среднем урожае сам 15—20,[3] а при хорошем—сам 30 и более; преимущественно сеется пшеница, которая относится к ячменю как 2 : 1, а к рису как 3 : 2.[4]

Во всей Хератской провинции в 1893 г. было снято пшеницы 2.218.750 пудов, ячменя—1.099.800 пуд. и риса—900.000 пудов.

В 1908 году там же было собрано: пшеницы—3.184.136 пудов, ячменя—1.592.073 пуда и риса—489.022 пуда.

К сожалению, отсутствие статистических данных по земледелию Афганистана не дает возможности делать сводки и выводы; лишь только случайные отрывочные данные по некоторым пунктам дают нам возможность сделать попытку суммировать хоть то, что есть.

Так, нам известно, что в 1893 году в округе Гуриян было собрано пшеницы—78.750 пуд., ячменя—39.000 пуд.; в том же округе в 1908 г., т. е. через 15 лет, было собрано пшеницы 638.130 пудов и ячменя—319.067 пудов.

В Хератском округе в 1893 году было собрано 1.417.500 пудов пшеницы, 700.000 пудов ячменя и 900.000 пудов риса.

В 1908 году, т. е. через 15 лет, там же было собрано 2.546.006 пудов пшеницы, 1.273.006 пудов ячменя и 485.014 пудов рису.

Житницей Афганистана считается Хератская долина.[5] Действительно, мы имеем данные, что в 1908 году по всей долине было собрано пше-

---

[1] „Так, например, между Ханабадом и Файзабадом, столицей Бадахшана, сосредоточены значительные (до 100.000 десятин) площади неполивных культурных земель (богара)". Вавилов, стр. 5.

[2] Сборник материалов по Азии, вып. XLVII, стр. 120; Кабул. Путевые записки Борнса, ч. I, стр. 224.

[3] Сравни: Рейснер, Афганистан, стр. 68: „В Северном Афганистане (область Меймене) пшеница при засеве 1 пуд. 15 фунтов зерна на танап дает урожай в 15—19 пудов на богарных землях. На землях „аби" на засев идет 2 пуда 30 фунтов зерна. Урожай получается сам 10". О хороших урожаях в центральной части Афганистана и в Кабульском округе срв. Туркестанские Ведомости 1907 г. №№ 93 и 96.

[4] Срав. Вавилов, стр. 4 и 5; Сборник материалов по Азии 1891 г., стр. 121.

[5] Вавилов, стр. 5.

ницы и ячменя 5.500.000 пудов, риса 541.000 пудов, маиса, проса, гороха, эрзена и пр. зерен 507.000 пудов, особого рода зерна, называемого в Афганистане „мендаб"—49.000 пудов, соломы — 5.500.000 пудов, сена—68.000 пудов, неочищенного хлопка—190.000 пудов, териака—7.700 пудов, табаку—37.000 пудов. Кроме того, в Хератской долине было расположено в 1908 году 4264 танапа садов с фруктовыми деревьями.

Вот уже из этих небольших данных можно видеть, что в главном центре земледелия Афганистана, в Хератском и Гуриянском округах, сборы пшеницы и ячменя за 15 лет увеличились, в Гуриянском округе более чем в восемь раз, а в Хератском округе немного менее чем в два раза; что же касается риса, то его посевы там же за 15 лет уменьшились почти на 50%.[1]

Приводим данные в таблицах о площадях земли под посевами злаков в некоторых местах Афганистана.

Общая таблица некоторых площадей поливных и неполивных земель Афганистана в 1924 г.

Название районов	Площадь в десятинах земель без искусств. орошения	Площадь в десятинах земель с искусств. орошением	Площадь в десятинах всей обрабатываемой земли	Общая площадь в квадратных верстах
Весь Афганистан	500000	480000	980000	597000[2]
Северный Афганистан (Каттаган, Бадахшан, Афг. Туркестан и Хератская провинция)[3]	400000	320000	720000	—
Бадахшан	—	—	3000[4]	—

---

[1] Рейснер на стр. 69 указывает, между прочим, на цены некоторых злаков, которые интересно здесь отметить: „Цена на пшеницу за 2 п. 30 фунт. (афганский сир)—5 рупий в конце 1924 года. В 1914 году сир пшеницы стоил в Афганистане всего 2 рупии".

[2] Вавилов, стр. 5.

[3] Рейснер на стр. 68, указывает, что „В Гератской провинции площадь искусственно орошенных земель превышает 90.000 десятин, а площадь поливных земель Афганского Туркестана исчисляется в 400.000 десятин".

Ту же цифру 90.000 десятин орошаемой земли, но в Хератской долине, а не во всей провинции, дают А. Е. Снесарев (Афганистан, стр. 84) и П. А. Риттих (Афганский вопрос, стр. 30).

[4] Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926 г. Перевод под редакцией профессора А. А. Семенова, стр. 91.

Площадь земли в десятинах, занятая под пшеницу и ячмень в некоторых местностях Кабульской провинции в 1907 году:

Название местности	Площадь посевов пшеницы в десятинах	Площадь посевов ячменя в десятинах
Кишинды	8000	4000
Камерд	5000	4000
Бамиян	6250	5000
Гурбенд	5000	3000
Итого	24250	16000

Площадь земли в десятинах, занятая под пшеницу и ячмень в некоторых местах Бадашхана [1] в 1907 г.

Название местности	Площадь посевов пшеницы в десятинах	Площадь посевов ячменя в десятинах
Гори, Доши, Баклан	8000	5000
Хинджан	1000	—
Андераб	6000	3750
Нарын-Ишкашим	8000	5000
Хост	5000	2500
Итого	28000	16250

Площадь земли в десятинах, занятая под пшеницу и ячмень в некоторых местах Афганского Туркестана в 1907 г.

Название местности	Площадь посевов пшеницы в десятинах	Площадь посевов ячменя в десятинах
Ходжа-Нахр	27500	26875
Таш-Курган	6250	3500
Гейбаг и Хурам	12000	8000
Буйни-Кара	4000	3000
Дара-Юсуф	10000	8000
Екка-Уленг	8000	5000
Кундуз	2500	2000
Итого	70250	56375

[1] К сожалению в упомянутой выше чрезвычайно интересной книге (Каттаган и Бадахшан) нет никаких статистических данных о земле.

Площадь земли в десятинах, занятая под пшеницу и ячмень в некоторых местах и районах Хератской провинции в 1893 г.

Название местности	Площадь посевов пшеницы в десятинах	Площадь посевов ячменя в десятинах
Хератская провинция	110937	54990
Хератский округ	70877	35000
Бадхыз, округ	1350	6750
Обе, округ	3375	1687
Каррух, окр.	4500	2250
Гуриян, окр.	3937	1950
Себзевар, окр.	14750	6750
Итого	209724	109377

Площадь земли в десятинах, занятая под пшеницу и ячмень в некоторых местах и районах Хератской провинции в 1908 г.

Название местности	Площадь посевов пшеницы в десятинах	Площадь посевов ячменя в десятинах
Хератский округ	127300	63650
Гуриян, окр.	31906	15953
Булюк Атешан	4508	2254
Булюк Джуи-Ноу	9376	4688
Булюк Энджир	27044	13522
Булюк Карбар	9286	4645
Булюк Алунфжан	14329	7164
Булюк Шафлан	9579	4785
Булюк Гузрэ	34989	17494
Булюк Атван-Тизан	18185	9092
Итого	286502	143247

Вся Хератская долина—275.000 десятин.

Площадь земли в десятинах, занятая под клевер в некоторых местах Афганистана в 1908 г.

Название местности	Площадь посевов клевера в десятинах
Ходжа-Нахр	13425
Таш-Курган	1500
Гейбаг и Хурам	1000
Буйни-Кара	1000
Кишинды	25
Камерд	750
Бамиян	1000
Дара-Юсуф	250
Екка-Уленг	1750
Гори, Доши, Баклан . . .	750
Андераб	1500
Гурбенд	3750
Кундуз	2000
Нарын-Ишкашим	1500
Хост	750
Итого	30950

Площадь земли в десятинах, занятая под посевы риса, джугары, чечевицы, маша, проса и гороха в некоторых местах Афганистана в 1908 году.

<table>
<tr><th rowspan="2">Название местности</th><th colspan="3">Площадь посевов в десятинах</th></tr>
<tr><th>Рис</th><th>Джугара</th><th>Чечевица, маш, просо, горох</th></tr>
<tr><td>Ходжа-Нахр . . . .</td><td colspan="3">5200</td></tr>
<tr><td>Таш-Курган . . . .</td><td colspan="3">1550</td></tr>
<tr><td>Гейбаг и Хурам . . . . .</td><td>—</td><td colspan="2">2250</td></tr>
<tr><td>Буйни-Кара . . . .</td><td>4000</td><td colspan="2">750</td></tr>
</table>

Название местности	Площадь посевов в десятинах		
	Рис	Джугара	Чечевица, маш просо, горох
Кишинды	100		
Камерд	1500		
Бамиян	—	—	2000
Дара-Юсуф	2750		
Екка-Уленг	1500		
Гори, Доши, Баклан	5000	1500	
Хинджан	2500	—	—
Андераб	3500	—	—
Гурбенд	3300	—	—
Кундуз	3750	—	—
Нарын-Ишкашим	2000		
Хост	2500		
Хератский округ (1893 г.—9000)	4890	—	—
Булюк Атешан	265	—	—
Бул. Джуи-Ноу	628	—	—
Бул. Энджир	1471	—	—
Бул. Карбар	224	—	—
Бул. Алунфжан	812	—	—
Бул. Шафлан	464	—	—
Бул. Гузрэ	809	—	—
Бул. Атван-Тизан	173	—	—
Окр. Гуриян	40	—	—
Хератская долина	5410	—	—

В Афганистане имеются земли, которые производят некоторое количество хлопка [1] и могут, при условии расширения ирригации и обес-

[1] См. выше, стр. 452, местности Афганистана, где возделывается хлопок. جغرافیه آفغانستان, стр. 171; Свентицкий, Экономические взаимоотношения России с Афганистаном, стр. 19: „Хлопководство довольно слабо в силу недостаточно подходящих условий для произрастания хлопка".

печения спроса, значительно увеличить посевы хлопка. Главным потребителем афганского хлопка должен быть СССР.[1]

Культура хлопка проникла в Афганистан из Индии. Возделывается главным образом сорт Gossypium herbaceum,[2] происходящий из Индии и дающий короткое, грубое волокно, трудно отделяющееся от коробочки; волокно это служит для выделки тканей довольно низкого качества.[3] Мало-по-малу начался ввоз хлопка в Россию через бывший русский Туркестан, но более или менее значительного развития торговля эта достигла только в 1915 году.[4]

К концу войны северных и южных штатов Сев. Америки в 1863—65 годах, когда цена на хлопок поднялась в десять раз, Россия стала искать хлопок в другом направлении.[5] Однако, ко времени русского завоевания Туркестана культура хлопка и торговля им в Афганистане находились в упадке, и хлопок производился только для собственного потребления.[6] До второй половины 80-х годов прошлого столетия в северных и северо-западных провинциях Афганистана, несмотря на громадную площадь годной под культуру хлопка земли, последний засевался в очень незначительном количестве, не хватавшем даже на выделку кустарным способом тканей туземного производства, недостаток каковых пополнялся подвозом английской мануфактуры.[7]

С проведением Средне-Азиатской железной дороги, по мере проникновения по ней наших хлопчатобумажных тканей в Афганистан, ткани эти, благодаря дешевизне сравнительно с английскими, стали постепенно вытеснять дорогие английские, а затем и ткани местного производства. Благодаря этому посевы хлопка в северных провинциях Афганистана сократились,[8] тем более, что русские фабрики предпочитали закупать хлопок в Соединенных Штатах.

В начале 1890 годов спрос на ср.-азиатский хлопок стал настолько велик, что это не ускользнуло от внимания пригранчных жителей Афганистана и побудило их увеличить запашки под хлопок.[9] Когда же русская туркестанская администрация заинтересовалась культурой хлопка

---

[1] Вавилов, стр. 3.

[2] Woeikof, стр. 255; Киреевский, И. Флора наших средне-азиатских владений по алфавитному порядку туземных названий растений. Спб. 1874 г., стр. 46; Обручев (стр. 47) отмечает в Херате, кроме белого хлопка, еще коричневый, правда в небольшом количестве.

[3] Furon, стр. 95. Срв. Ковалев, Е. П. О хлопковой промышленности Авганистана, Сборник Средне-Азиатского Отдела Общества Востоковедения, вып. I. Спб. 1907, стр. 200.

[4] См. таблицу на стр. 463.

[5] Woeikof, стр. 256.

[6] Raymond, стр. 58; Furon, стр. 96; Ковалев, стр. 198.

[7] Ковалев, стр. 198.

[8] Ibid.

[9] Ibid.

и введением лучших сортов, чем тот местный, который возделывался в Туркестане, это обстоятельство имело значение и для афганского хлопководства: ежегодно увеличивавшийся спрос на хлопок вызвал спрос на таковой и в Афганистане.[1] Начался вывоз хлопка, а это, со своей стороны, поставило на очередь вопрос об улучшении качества хлопка. Заинтересованные этим вопросом круги проектировали воздействовать на Афганистан в смысле распространения и там сорта хлопка, называемого „Upland" (Gossypium hirsutum), наиболее распространенного в Америке, с успехом введенного в России примерно с 1880 года.[2]

Привоз хлопка сырца, так называемой „гузы", стал с каждым годом увеличиваться. Приводим таблицу вывоза из Афганистана в Россию хлопка в пудах и стоимость его в рублях.[3]

Годы	Количество пудов	Стоимость в рублях	Годы	Количество пудов	Стоимость в рублях
1890	320	576	1900	48000	68000
1892	2624	4722	1901	53738	126779
1894/5	650	980	1902	58149	139355
1896	9399	11279	1903	67592	191573
1897	33074	39689	1904	60970	168185
1898	25670	31804	1905	5335	10798
1899	19402	23282			

На стр. 463 приводим данные о привозе из Афганистана хлопка-сырца за последние годы перед революцией (1914, 1915, 1916 и 1917 гг.) через пограничные таможенные пункты (на какую сумму в рублях).

Сплошных больших хлопковых плантаций в Афганистане не существует.[4] Владелец нескольких танапов земли выделяет под посев хлопка 1—2, много 3 танапа, остальные идут под посевы хлебных или кормовых злаков.[5] До сих пор в Афганистане сеется хлопок туземных пород, не отличающихся ни обилием сбора, ни высокими качествами волокна.[6] Причины, почему в Афганистане не засеваются плантации семенами американских сортов хлопка, кроются в малой культурности населения, привычке к унаследованным способам обработки плантаций, непонимании

---

1 Woeikof, стр. 256.

2 Ibid.

3 Ковалев, стр. 199.

4 Большая Советская Энциклопедия. Т. IV, стр. 76; Ковалев, стр. 200.

5 Ковалев, стр. 200.

6 Ibid.

Таблица ввоза хлопка сырца из Афганистана в Россию за 1914—1917 гг. [1].

Через какие пограничные таможенные пункты	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Пендинскую таможню . . .	178000	268000	192000	14000
Патта-Кисарскую таможню . .	249000	318000	325000	520000
Келифскую таможню	6000	11000	74000	66000
Айваджскую заставу	408000	911000	601000	910000
Бассагинскую заставу	173000	315000	355000	174000
Чушка-Гузарскую заставу . .	59000	99000	66000	71000
Сарайскую заставу	19000	34000	30000	7000
Чубекскую заставу	5000	5000	16000	5000
Всего из Афганистана вывезено хлопка на . . .	1097000 [2]	1961000	1659000	1767000 [3]

[1] Гаррицкий. А. Торговля в Афганистане. Новый Восток. 1925 г. № 10—11, стр. 11.

Рейснер, на странице 69, указывает, между прочим, что „производящим хлопок районом является: Афганский Туркестан, в особенности область Меймене и Гератская провинция. Цены на хлопок в 1924 году были—за пуд очищенного хлопка значительными партиями 19 рупий, гузы—3 рупии. В розницу за те же сорта 20 рупий и $3^1/_2$ рупии“.

Вавилов, на стр. 6, говорит: „В довоенное время производство хлопка в Гератской провинции доходило до 50.000 пудов волокна. Районы Балха, Мазар-и-Шерифа, Таш-Кургана и Гейбага приблизительно в 3—4 раза превосходят по производству хлопка Гератскую провинцию“.

Большая Советская Энциклопедия. Т. IV, стр. 77: „В 13 году стоимость вывоза хлопка достигла 1.064.000 р. В 1923 году ввезено 4586 п. на 116.000 рублей“.

Рейснер считает, что Хератская провинция и Афганский Туркестан дали в 1913 году около 200 тыс. пуд. хлопка сырца в Россию. Смотри: Торговля России с Востоком. 1925 г. № 5—7, стр. 2.

[2] „В 1914 году в Россию было ввезено из Северного Афганистана через Бухару и другие пункты 187.932 п. волокна“. Смотри Вавилов, стр. 6.

[3] Надеждин, В. Итоги торговли с Афганистаном (за 1925—26 год). „Правда Востока“. Ташкент, 1926 г. 12/XI № 261 (1157): „Хлопка волокна импортировано за этот год 16.567 пудов, в то время как средний довоенный ввоз составлял 177.004 пуда сырца, т. е. в расчете на сырец около 30% довоенного ввоза. Это объясняется тем, что товарного хлопка афганский рынок в настоящее время дает незначительное количество. Основная масса урожая идет на местную выработку кустарных хлопчатобумажных тканей. Кроме того, часть урожая Северного Афганистана вывозится на юг для кабульской государственной фабрики „Машин-Ханэ“.

своей выгоды, а главное—в местном административном строе.[1] Дело в том, что в Афганистане нельзя было приступить к сбору урожая хлопка, пока назначенный для взимания правительственного сбора специальный чиновник не определит степени урожая.[2] Один такой чиновник назначался на сравнительно большие участки, которые он мог объехать не ранее 2—3 недель.[3] Между тем, благодаря одинаковым климатическим и почвенным условиям, хлопок начинает вызревать одновременно на всех плантациях участка. У более грубых, туземных сортов хлопка созревшие коробочки, хотя и трескаются, но створки их раскрываются не настолько широко, чтобы содержимые в коробке волокна могли вывалиться; созревшие коробки этого хлопка, имея грубый стебелек, могут держаться на стволе довольно долго, тогда как коробки южного, американского хлопка, быстро созревая, настолько широко открывают тонкие свои створки, что содержимое в них волокно, при малейшем перезревании, выпадает на землю, где, запылившись, портится или же, при довольно частых и сильных в Афганистане ветрах, вырывается из коробки и разносится в разные стороны.[4] Такой хлопок, конечно, не может дожидаться приезда чиновника, а должен быть собираем немедленно по мере вызревания. Хозяин же поля, позволивший себе приступить к сбору урожая до определения его степени чиновником, не только лишался всего урожая, но, иногда, и всего имущества, которое поступало в казну эмира.[5]

Собранный с полей в Афганистане хлопок обыкновенно доставлялся в Россию в совершенно необработанном виде, в естественных коробочках, слывущих у туземцев под общим названием „гуза".

Культура хлопка чрезвычайно выгодна, но подвержена случайностям не только вследствие колебания урожайности, но и вследствие изменчивости цен.[6]

Соединенные Штаты стоят далеко впереди в отношении производства хлопка, а потому сбор хлопка в них оказывает решающее влияние на цены. Если плохой по количеству или по качеству урожай хлопка в других странах совпадает с хорошим урожаем в Соединенных Штатах и вследствие этого—с низкими ценами на хлопок, то это вызывает катастрофу среди засевающих хлопок; они запутываются в долгах и, иногда, вынуждены бывают продавать свои земли ростовщикам, которые выдают им задатки.[7] После таких годов площадь хлопковых посевов естественно сокращается. Кроме цены на хлопок, площадь хлоп-

---

1 Ковалев, стр. 200.

2 Ibid. Сравни: Снесарев, стр. 158.

3 Ковалев, стр. 201.

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Сравни: Woeikof, стр. 258.

7 Ibid.

ковых посевов стоит в зависимости также и от цен на хлеб и на клевер: если эти последние цены значительно возрастают, то земледельцам выгодно увеличивать площадь этих посевов и сокращать посевы хлопка.[1]

Вопрос о переходе на лучшие сорта хлопка сводится к тому, чтобы ввести разновидность с возможно длинным и тонким волокном, которая в то же время давала бы обильный урожай и созревала по возможности рано, так как поздно созревающим сортам грозят ранние заморозки.[2] Поздние весенние заморозки опасны, ибо заставляют откладывать посев, хотя бы из-за этого растение запоздало в своем развитии к осени.[3]

Батман афганского хлопка (в среднем 8 пудов) с доставкой его к ближайшей русской таможне обходился скупщикам в 1906 г. от 9 руб. до 10 р. 50 к. Таможенную пошлину платил покупатель—с батмана она равнялась 3 р. 20 к. (40 к. с пуда) и еще 40 коп. в пользу Бухары, итого 3 р. 60 к. Расходы на приказчика по закупке хлопка—80 к. с батмана. Если сюда прибавить доставку для очистки, то в общем батман афганской гузы стоил 14—16 руб. Очистка стоила от 4 р. 20 к. до 4 р. 80 к. за батман. Следовательно один батман афганской гузы с очисткой обходился от 18 р. 20 к. до 20 р. 80 к., а так как из одного батмана гузы, по очистке ее, получалось не более одного пуда 30 ф. чистого спрессованного хлопка, то и выходило, что один пуд очищенного афганского хлопка обходился от 10 р. 40 к. до 12 р.[4] Такая цена превышала стоимость туркестанского хлопка, и этим объясняется то обстоятельство, что хлопковый вопрос в Афганистане не получил такого интенсивного развития, как в Туркестане.[5] Временами спрос на афганский хлопок почти совершенно прекращался. Афганские же земледельцы, не уясняя себе причин отсутствия спроса, продолжали засевать значительные площади под хлопок. Сбор собирался большой, но иногда оставался непроданным, а это разоряло земледельцев и подрывало доверие к культуре хлопка. Несомненно, что такое уменьшение спроса на афганский хлопок у нас отражалось вообще на развитии нашей торговли с Афганистаном. Этим обстоятельством всегда очень удачно пользовалась Англия и наводняла своими товарами даже Северный Афганистан.

---

[1] Woeikof, стр. 259.

[2] Поэтому самые обширные хлопковые плантации находятся там, где заморозки позднее. Срв. Вавилов, стр. 5.

[3] Сравни: Woeikof, стр. 261.

[4] Ковалев, стр. 201. Рейснер, в журнале Торговля России с Востоком в № 5—7, на стр. 3, дает интересные данные: „Хлопок в Гератском районе исключительно местных семян, разделяется на 2 сорта: анардаре и гератский, собирается для продажи на рынке до 15 тыс. пудов. Цена 17½ рупий пуд. Пошлина и фрахт до Кушки 2 рупии, так что с доставкой на нашу территорию обойдется 19½ рупий или 10 червонных рублей“.

[5] Сравни: Woeikof, стр. 254—265.

Количество хлопка, производимого Афганистаном, может значительно возрасти и почти полностью забираться на потребность фабрик СССР. Количество производимого Афганистаном хлопка может быть увеличено различными способами и прежде всего увеличением урожайности, которая в настоящее время в среднем не превышает 20 пудов с десятины. Хотя афганские земледельцы очень хорошие работники и превосходно пользуются своим кетменем для разрыхления земли и уничтожения сорных трав, хотя они прекрасно знают цену лёсса, как удобрения, но все же хлопковая культура несомненно истощает землю.[1] Недостаток воды иногда тоже значительно понижает урожайность; недостаток этот зависит от плохого состояния ирригационных систем, и страдать от него приходится в особенности в богатые снегами годы, так как обильное таяние снега вызывает сильное половодье, во время которого главные каналы промывают себе новые русла и оставляют без воды часть земель, ранее орошавшихся ими. Часто урожай понижается также благодаря чрезмерной поливке, которая благоприятствует развитию листвы, но не семян и волокна.[2] В Афганистане чрезмерная поливка не только понижает количество волокна, но и замедляет созревание, увеличивая таким образом опасность осенних морозов. Борьбой с указанными недостатками можно добиться более высокой урожайности, но помимо этого, увеличение производства хлопка в Афганистане может быть достигнуто путем расширения хлопковых посевов при условии, что оно не повлечет за собой сокращения площади посева хлебных и кормовых растений, ибо это может повести к повышению цен на хлеб и на фураж, если одновременно не будут построены железные дороги, связывающие хлопковые районы с местностями, богатыми хлебом и травами. Но зато сокращение площади, отведенной под маслянистые растения, могло бы быть сделано в Афганистане без всякого ущерба, при чем хлопковое масло могло бы заменить все другие масла.[3] Однако, значительного распространения хлопковых посевов можно ожидать только от расширения ирригации, ибо в Афганистане имеется несколько миллионов танапов, которые могут быть орошены, а постепенный переход в будущем к более усовершенствованным орудиям мог бы облегчить обработку этой земли, и культура хлопка от этого выиграла бы больше, чем другие культуры.

Существует еще много местностей, незначительных каждая в отдельности, которые в совокупности дали бы некоторое количество танапов, где постройка новых ирригационных сооружений повлекла бы за собой развитие хлопковой культуры.

---

[1] Сравни: Woeikof, стр. 263.

[2] Ibid.

[3] Сравни: Вавилов, стр. 9, о значении для увеличения посевов хлопка в Афганистане усиления ввоза нашего керосина.

Хлопковая культура в Афганистане несомненно имеет будущее,[1] но нельзя льстить себя надеждой на скорое его осуществление, так как правительство Афганистана не хочет и не может еще взять на себя производство крупных работ; что же касается частной инициативы, то бюрократия умеет поставить ей препятствия; это тем более легко, что дело идет о крупных проектах, до которых еще не дошел Афганистан по пути своих реформ.

Приводим таблицу площадей хлопковых посевов и урожая в 1908 г. в Хератской долине.

Название булюков и селений	Площадь посева хлопка в десятинах	Урожай хлопка в пудах	Название булюков и селений	Площадь посева хлопка в десятинах	Урожай хлопка в пудах
Булюк Атешан.			Бай-Мурган	20,5	410,5
Туран	144	2898	Бэйт-ул-Эмун	30	604
Туниян	174	3477	Даулет-Ханэ	48	966
Булюк Джуи-Ноу.			Бачэ-Мурад	34	676
Пэле-Пири	48	966	Чунгэр	24	483
Рабати-Сурх	35	698	Кулдурбаз	46	917,5
Рабати-Пир-Задэ	14	281,5	Гулаб	35	698
Кяризэк	42	845	Бачэ-Мусун	14	289,8
Рабати-Гуриян	16	314	Пул-Рейинэ	22	434,5
Мэхэллэи-Ситучэ	42	845	Хилиэ-Дузан	18	362
Ноу-Бадам	38,5	773	Чарсэнг	30	604
Сунниян	48	966	Бэрамун	34	676
Кадиступ	30	604	Хауз-Кэрбас	14	289,8
Келаи-Хаджи-Адем-Хан	8	169	Шалбафан	22	434,5
Пашдан	72	1449	Хауз-Султан	43	869
Шидай-Бала	42	845	Бачэ-Зубэндэ	34	676
Шидай-Паин	18	362	Синун	54	1087
Шади-Джан	24	483	Тэлавэ	24	483
Казер-Гах	79	1575	Азазан	53	1063
Итого	874,5	17550,5	Сэраи-Ноу	42	845
Булюк Энджир.			Джелалабад	18	362
Кэтини	845	1690,5	Джебраил	48	966
Кушкэк	24	483	Эввэлэ-Вэли	26,5	531
Террияк	60	1207	Хошруд	96,5	193,2
Судэх	24	483	Шали-Бэтирэ	60	1207
Мэдж-Гэндэк	18	362	Чэхарбачэ-Туркха	30	604
Удран	121	2415	Келатэи-Дупуштэ	14	289,8
Нэвин-Бала	60	1207	Пулэ-Салар	30	604
Нэвин-Паин	42	845	Итого	1791	33705,1
Буздан-Энджир	30	604	**Булюк Карбар.**		
Суристан	121	2415	Гейзане-Сэнгэр	42	845
Гердаб	42	845	Кабабиян	48	966
Булэндаб	35	698	Гэвэлиун	14	289,8
Картэни-Бала	99	1980	Мэхэллэи-Сарбан	60	1207
Картэни-Паин	24	483	Рабати-Кайниха	18	362
Бачэ-Нэзэргах	18	362	Чэхарбачэ-Феризэ	38,5	773
			Мильдан	29	579,5
			Сэрэ-Кучэ	24	483

[1] Сравни: Вавилов, стр. 9; Назаров, С. Деятельность Главного Хлопкового Комитета в странах Востока. Торговля России с Востоком. 1925 г. № 8—10, стр. 7—8.

Название булюков и селений	Площадь посева хлопка в десятинах	Урожай хлопка в пудах
Калаи-Афганха . .	6	121
Софиян	65	1304
Хэрдэзун	46	917,5
Дугабад . .	108,5	2173,5
Див-Узбек . . .	26,5	531
Абе-Джэлиль . . .	42	845
Калаи-Ядгар . . .	48	966
Калаи-Ходжэха . .	2	48
Калаи-Хебиб-Гав . .	18	362
Пугрэ	13	241,5
Джесанэ	29	579,5
Калаи-Гушнэ . . .	13	241,5
Могул-Баччэ . . .	17	338
Сэрхиз	84,5	1690,5
Кушки-Баде-Сэба .	24	483
Рабати-Пириян . .	7	145
Саг-Сэлман . .	79	1575
Мэхэллэи-Бабаджи . .	96,5	1932
Рабати-Сурхэк . .	18	362
Калаи-Али-Хан .	5	96,5
Сэнги-Бэст . .	30	604
Итого . .	1051,5	21026,8
Булюк Алунфжан.		
Буздан-Хасан-Хан . .	54	1087
Гунбэдэ-Пэнбэ . .	30	604
Джельварчэ . .	102,5	2053
Геразан	86	1715
Хиндеван . . .	109	2173,5
Хаджэ-Сурлиэ . . .	18	362
Калаи-Хаджи-Ага-Хан .	34	676
Калаи-Туркан . . .	43	869
Джигарэ . . .	14	289,8
Мэргэз . . .	26,5	531
Хэртэшан	96,5	1932
Дэргэрэ	90,5	1811
Кэфейлан . . .	66	1328
Калаи-Какер . .	6	121
Буздан-Алунфжан .	54	1087
Феррашан . . .	90,5	1811
Шинан	54	1087
Калаи-Гэра . . .	24	483
Дэст-Гирд . . .	48	966
Джигэртун . . .	42	845
Кэбэрэун . . .	35	698
Шагалиян . . .	30	604
Эрбабад	18	362
Ашурабад	42	845
Кэмизан	30	604
Чири	72	1449
Бадэк	51	1014
Асия-Гуль	18	362
Джефэрабад . . .	48	966
Рабати-Кэшмир . .	30	604
Чэхар-Ханэ . .	14	289,8
Салэхабад	35	698
Кэйзан-Чэшлиэ . .	13	241,5
Итого . .	1524,5	30568,6

Название булюков и селений	Площадь посева хлопка в десятинах	Урожай хлопка в пудах
Булюк Шафлан.		
Шафлан	84,5	1690,5
Дэргэрэ	26,5	531
Шахабад	42	845
Гульмир	54	1087
Мэнзил	96,5	1932
Дашан	144	2898
Бичэги	121	2415
Дэргэрэз	35	698
Итого . .	603,5	12096,5
Булюк Гузрэ.		
Гуль	35	698
Нишин	79	1575
Курт	175	3502
Сиявушан . . .	241,5	4830
Мэхэллэи-Хошаб . .	24	483
Урдбах	54	1087
Рузебах	121	2415
Мэнзил	9,5	193
Чэхар-Бурджэк . .	84,5	1690,5
Сэноу-Гирд . . .	109	2173,5
Зиярэтгах	217	4347
Малан-Зиярэтгах . .	18	362
Курун	144	2898
Исбагун	72	1449
Куфун	72	1449
Гули-Шах	42	845
Хасанабад	72	1449
Калаи-Мустоуфи . .	18	362
Нагуван . . .	30	604
Гульбафа . . .	24	483
Пэхрэ	72	1449
Калаи-Сурхэ . . .	6	121
Джефэр-Худри . .	2	48
Итого .	1802,5	34513
Булюк Атван-Тизан.		
Кили-Гирд	48	966
Ахундан	24	483
Гушмир	144	2898
Дэхи-Тэппэ . . .	54	1087
Калаи-Векил . . .	30	604
Катинчэ	109	2173,5
Урдухан	38,5	773
Чахи-Гуфтар-Хан . .	23	459
Мэзэс-Мирза-Кучек .	40	798
Келатэи-Мирза-Кучек .	2	48
Феррашан	60	1207
Фэрджай	72	1449
Атван	121	2415
Тизан	79	1575
Куччэнэк	48	966
Дэхи-Каси	18,5	373
Диказн	18	362
Дэхи-Минар . . .	30	604
Чэккэ	42	845
Калаи-Гуфтар-Хан . .	60	1207
Итого . .	1061	21292,5

Селения округа Гуриян, орошаемые особыми каналами, отводящими к ним воду из Херируда.

Название селений	Площадь посева хлопка в десятинах	Урожай хлопка в пудах	Название булюков и селений	Площадь посева хлопка в десятинах	Урожай хлопка в пудах
Руч	24	483	Иэрунабад	84,5	1690,5
Сэбул	18	362	Гуриян	314	6279
Мимзэк	14	289,8	Гэзу	54	1087
Шекибан	84,5	1690,5	Рабати-Турк	18	362
Угэ	13	241,5	Сер-Асия	7	148
Шадэ	54	1087	Мэхэллэи-Ахундха	14	289,8
Калаи-Кука	8	169	Мэхэллэи-Чэхарбах	13	241,5
Калаи-Сэфэр-Хан	30	604	Мэхэллеи-Кази	13	241,5
Дэхэнэ Шарэндэк	7	145	Истиван	9,5	193
Рабати-Афганха	42	845	Калаи-Джоухер	14	289,8
Келатэи-Ализия	14	289,8	Дэгэргун	9,5	193
Кулахи-Дэраз	15,5	314	Зенг-Сия	—	—
Зэнгабад	19	386	Келатэи-Кази	35	698
Кусан	96,5	1932			
Тирпул	13	266	Келатэи-Мирза-Мэхэммэд-Али	18,5	273
Калаи-Мустафа-Бек	24	483	Шэбэш	11	217
Кизил-Ислам	29	579,5	Рувэнэк	84,5	1690,5
Калаи-Буният-Хан	6	121			
Гулингхап-Шир-Хан	7	148	Итого	1460	29202,5
Каларе-Эввэл	14	289,8			
Каларе-Дуюм	5	97			
Зинделжан	223	4468	ВСЕГО по всей Хератской долине [1]	**10168,5**	**199955,5**

За последние годы, в период реформ, в Афганистане было организовано министерство торговли, в состав которого входит и „управление земледелием“; [2] это управление заботится о развитии земледелия, основывает практические школы по земледелию, организует опытные поля, прорывает новые оросительные каналы, ведает распределением воды, заботится об охране лесов, производит новые древонасаждения.[3] Начальник управления земледелием назначается непосредственно эмиром, а другие чины управления в провинциях, областях и уездах (хукумат-и-калян) избираются „совещанием по выбору чинов министерства торговли и утверждаются эмиром“.[4] Председателем этого „совещания“ является сам министр, а членами входят начальник управления земле-

[1] См. примечание 3 на стр. 456.

[2] Гаррицкий. Торговля в Афганистане, стр. 12.

نظامنامهٔ تشکیلات اساسیهٔ آفغانستان ۱۳۰۲ §§ 57, 58, 59, 61, 62.

نظامنامهٔ وظایف, стр. 1—12.

نظامنامهٔ زراعت للمى, стр. 1—7

[3] نظامنامهٔ تشکیلات, § 59.

نظامنامهٔ وظایف, стр. 2.

[4] نظامنامهٔ تشکیلات, § 61.

делием, заведывающий письмоводством, личным составом, отчетностью и делопроизводством.[1] При генерал-губернаторах провинций состоят особые чиновники, так называемые управляющие земледелием,[2] которые заботятся о развитии земледелия в провинции, о распространении усовершенствованных приемов обработки земли, наблюдают за охраной имеющихся лесов и насаждением новых. В дальнейших административных подразделениях Афганистана иногда не бывает особых чиновников по ведомству земледелия, и обязанности таковых несут хакимы области или уезда.[3] Некоторые из этих обязанностей хакимы выполняют самовластно, а некоторые с одобрения и утверждения совещательного собрания участка.[4]

1 Ibid., § 62.

2 نظامنامهٔ وظایف, стр. 4.

3 نظامنامهٔ تشکیلات, § 133, пункт 9.

Ibid.; نظامنامهٔ وظایف, стр. 10 и 11

Г. Н. Черданцев.

Методы описания экономических районов.

1. Под экономическим районом мы будем понимать определенную часть земной поверхности с прилегающими к ней частями атмосферы и недр, которая отличается от других совокупностью экономических признаков, придающих этой территории характер особого экономического ландшафта, и представляет собой хорологическую совокупность элементов хозяйствования и отраслей хозяйственной деятельности, объединяемых районным хозяйством. При таком понимании экономический район представляет собою интерпретированный, при посредстве экономики, натуральный ландшафт и объясненное с помощью географии хозяйство. Экономический район—единая реальная совокупность, которая выявляется во вне, и как система территориально взаимодействующих экономических явлений, и как система хозяйственных целей. Поэтому познать экономический район возможно, изучая распространение территориально привязанных и взаимно обусловленных экономических явлений и исследуя одновременно особенности районного хозяйства, как территориально фиксированной и составляющей известное единство части народного и мирового хозяйства.

2. Вопрос о методах описания экономических районов, несмотря на чрезвычайно широкое развите экономико-географической литературы, до настоящего времени остается без всякой общей систематической проработки. Между тем, этот вопрос представляет весьма значительный как теоретический, так и практический интерес. Каждый, кто знаком с существующей экономико-географической литературой, не может не отметить крайней пестроты, которую она обнаруживает во всех основных элементах, существенно необходимых во всяком экономическом описании. Эта пестрота, помимо индивидуальных и неизбежных особенностей самих авторов, а также различных взглядов их на самый объект описания, в значительной степени объясняется отсутствием проработанных методов экономического описания вообще и экономических районов в частности. Тем не менее существующие методы исследования экономических районов, казалось бы, во всей их совокупности, дают в руки автора, излагающего добытые при их посредстве результаты, широкую возможность всестороннего и научно удовлетворительного разрешения

задачи. Исторический, статистический, экономико-описательный, балансовый, центрографический и бюджетно-финансовый методы, со всеми их разновидностями и частностями, при современном уровне научного охвата экономико-географических явлений, могут дать ответы на всю сумму вопросов, которые предъявляются при научном описании экономических районов. Однако, самое описание оказывается зачастую не в силах отобрать необходимые ему группы явлений и их систематизировать, выделить необходимые и достаточные признаки явлений, выдержать последовательно принципы научного описания, надлежаще использовать представляемые технические средства описания и, наконец, построить тот тип описания, который необходим для целей, поставленных себе автором.

3. Понимая под методами научного описания совокупность приемов и положений, при посредстве коих добытый исследовательскими методами материал получает форму законченного научного описания, мы в последующем кратко остановимся на следующих четырех вопросах: 1) общих принципах научного описания, 2) цели, которую преследует описание экономических районов, 3) программе описания и, наконец, 4) технических приемах и средствах такового. При этом в целях экономии места, мы опустим всю критическую часть и ограничимся сжатой формулировкой намечаемых нами положений, исходя из указанного выше понимания экономического района. Эти четыре вопроса, по нашему представлению, охватывают весь круг методики научного описания, поскольку, по крайней мере, дело касается экономических районов. Вопросы об общих принципах и цели научного описания, разумеется, далеко выходят, в их общей постановке, за пределы нашей задачи, но здесь они взяты не столько в целях полноты и связи их с другими поставленными вопросами, сколько в целях конкретизации их в применении к рассматриваемому объекту описания. Несомненно далее, что цель, которую может ставить себе описание экономических районов, будет влиять определяющим образом на программу самого описания и, в значительной степени, также на те технические приемы и средства, которые при этом должны быть использованы.

4. В методике научного описания экономических районов самыми общими и довольно элементарными должны явиться следующие принципы: 1) полнота описания, 2) точность, 3) целостность и 4) показательность.

Требование полноты научного описания предполагает, что последнее дает все необходимое и ничего лишнего. В отношении экономических районов полнота описания предполагает трактовку района не только как совокупности отраслей хозяйственной деятельности, входящей в состав районного хозяйства, но и как хозяйственной территории, представляющей особый экономический ландшафт. Вместе с тем совокупность отраслей хозяйственной деятельности не должна быть описана только сама в себе, в рамках района, но должно быть установлено ее соотношение с народным и, в соответствующих случаях, с мировым хозяйством. Эконо-

мический же ландшафт района равным образом не может быть изображен вне сопоставления его с окружающими его экономическими ландшафтами других районов. С другой стороны, за границами описания остаются все те *группы признаков, которые не связаны непосредственно* с означенными совокупностями явлений.

Точность описания требует, чтобы описываемые группы явлений характеризовались только совершенно необходимыми и в то же время достаточными признаками, находящимися во внутренней связи. Для описания экономических районов этот общий принцип приобретает особое значение в виду, во первых, множественности признаков, предлагаемых результатами исторических, статистических, бюджетно-финансовых и др. исследований, во вторых, вследствие различной степени общности признаков и наличия, на ряду с признаками первичного характера („признаками-показателями" какой-нибудь одной стороны явления), ряда комбинированных признаков (признаков „индексного", „фокусного" и т. п. характера) и, наконец, в третьих, вследствие того, что мы не имеем методологически проработанного учения о взаимоотношении отдельных признаков и их групп, и значимости их для описаний тех или иных явлений. Экономическая семиотика, учение о необходимых и достаточных признаках экономических явлений, имеет перед собой широкое поле для методологической работы, до каковой все попытки уточнения применяемых признаков в описании экономических явлений неизбежно будут носить характер более или менее далекого лишь приближения к оптимальному положению. Так, если мы возьмем, например, группу транспортных явлений и пожелаем охарактеризовать экономический район в транспортном отношении, то мы встретимся прежде всего с разнородными видами транспорта, для которых мы не имеем единых и общих показателей, далее мы будем иметь ряд весьма разнообразных и разной степени общности абсолютных и относительных признаков, характеризующих отдельные его виды, наконец, все эти признаки не будут увязаны с другими группами экономических явлений. Тем не менее, в этом, относительно, простом случае мы все же в состоянии выбрать более необходимые и достаточные признаки для транспортной характеристики района. Таковыми в отношении железных дорог будут, например, признак степени их распространенности в отношении к территории и к населению (показатели длины дорог на 1000 кв. клм. и на 10.000 жителей), степень развития на них грузооборота и т. д. При этом, однако, нас будет интересовать, на ряду с этими статистическими данными, и время возникновения железных дорог, и их местоположение, и финансовые результаты железно-дорожного хозяйства и т. д. Словом, и в этом, относительно более простом, комплексе явлений весьма нелегко отобрать все необходимые признаки, предоставляемые нам отдельными методами исследования, и представить их в связи не только друг с другом, но и с другими группами явлений.

5. Но даже при соблюдении полноты и точности описания у нас еще должна быть выдержана и целостность его. Под целостностью описания экономического района мы понимаем увязку всех элементов описания в динамический порядок взаимодействующих хозяйственных систем и форм, ландшафтное размещение коих может истолковываться причинно. Район, как реальная совокупность, в описании должен представить целостную систему идей, из этого описания вытекающих. Вне этого требования описание представит лишь совокупность механически соединенных данных об отдельных отраслях хозяйства, отдельных хозяйственных территориях, но не явится описанием экономического района, как такового.

Наконец, общим принципом описания является его показательность. Показательность описания предполагает, что выводы будут сделаны читателем из совокупности систематически изложенных фактов, но не положения автора будут доказываться при помощи подбираемого для этого фактического материала. Описание, как это неоднократно отмечалось, ничего не доказывает, оно показывает. В отношении описания экономических районов это требование имеет то специальное значение, что те или иные предпосылки актуальной экономической политики всегда неизбежно будут влиять в смысле сдвига научного описания на те или иные „прикладные" рельсы. Но, помимо того, показательность описания экономических районов, в виду комплексного характера и отсутствия единого метода технических способов их характеристики, предполагает особенно тщательное и эффективное в научном отношении использование применимых именно здесь технических приемов и методов, в основе своей статистико-картографического, центрографического и, отчасти, балансового характера. Не удивительно поэтому, что в отношении описаний экономических районов проблема технических средств и способов, делающих описание более показательным, приобретает особое самостоятельное значенне.

6. Переходя к вопросу о целях, которые может ставить себе описание экономических районов, следует различать таковые—а) по направлению, б) по объему и в) по характеру описания. Описание экономических районов может преследовать или теоретико-познавательную цель, или прикладную (практическую) задачу. В том и другом случае, даже при включении в описание одних и тех же элементов, и их пропорциональность, характер последовательности и сочетания, отбор признаков явлений будут различны. Описание экономического района, в целях проведения системы практических мероприятий народно-хозяйственного значения, например, операционного или перспективного плана хозяйства, и экономико-географическое описание того же района поэтому не будут тождественными. Описание далее по объему может быть— а) общим, охватывающим все стороны хозяйственной жизни района, и б) специальным, имеющим в виду лишь какую-нибудь отрасль хозяй-

ства (сельское хозяйство, промышленность, транспорт, торговля и т. д.). Здесь уже и самый отбор элементов описания будет различен, а вместе с тем не одинакова будет и степень дробности и численности признаков, выбираемых в том и другом случае. Наконец, по самому характеру описания, также можно ставить себе или выполнять различные задания. Между научным и научно-популярным описанием, а также различными типами последнего будет лежать грань, которая обусловливает собою совершенно разные типы описаний—в одном случае, строго научного, в другом, осложненного элементами повествовательного характера, требованиями сюжетности и т. д.

Отмеченное разнообразие целей будет оказывать, само собою понятно, влияние на программу описания. Ниже мы приводим опыт построения в ее основных элементах схематической программы общего описания экономического района, преследующей только экономико-географическую цель. При этом нами имеется в виду район в собственном смысле слова, т.-е. „малый" район, характеризующийся известной однородностью естественно-исторических условий, образующих целостный натуральный ландшафт, и представляющий соответственное хозяйство, отличающееся также известным единством и общностью черт.

Программа описаний экономического района включает в себя неизбежно и элементы естественно-исторического описания. Эти элементы берутся, как готовые данные изучения природных условий района, и являются для экономиста своего рода предпосылкой построения экономического описания.

7. Программа описания экономического района.

А. Естественно-исторический ландшафт района: 1. Орография, 2. Климат. 3. Генетическая морфология. 4. Гидрография. 5. Динамическая морфология. 6. Почвы. 7. Растительность. 8. Животный мир. 9. Генетическая антропогеография. 10. Этнография. 11. Общая характеристика естественно-исторического ландшафта района в сопоставлении его с окружающими и типовыми ландшафтами. 12. Природные рессурсы района (энергетические источники, полезные ископаемые и их центры).

Б. Экономический ландшафт района: 1. Территория и центр поверхности. 2. Размещение населения по территории (главные признаки—плотность, населенные пункты, центр населенности). 3. Местоположение сети электростанций и линий передач электроэнергии. 4. Территориальное размещение отдельных категорий земель и угодий (и их центры). 5. Распространение форм землепользования и его размеры. 6. Размещение систем полеводства. 7. Распространение культур (их центры) и урожайность. 8. Распространение животноводства, его видов и форм (центр животноводства). 9. Территориальное размещение добывающей и обрабатывающей промышленности (домашней, кустарной и фабрично-заводской, и их центры). 10. Местоположение и распространение путей сообщения сухопутных (железно-дорожных, автомобильных, гужевых и

вьючных-верховых), водных (морских и озерно-речных—пароходных и парусных), воздушных (авио-линии), портов, пристаней и станций в связи с размерами их грузооборота и пассажирского движения. 11. Местоположение и распространение средств связи (радио, телеграф, телефон). 12. Расположение сети пунктов торгового обмена (оптовых складов, базаров, ярмарок) в связи с размерами их товарооборота. 13. Расположение сети банковских и кредитных учреждений. 14. Местоположение и распространение сети опытных станций, а также сети школ и больниц. 15. Общая экономико-ландшафтная характеристика района в сопоставлении со смежными и типовыми районами. 16. Экономический профиль района в сопоставлении с другими районами.

В. Районное хозяйство: а) 1. Трудовые рессурсы района с общей характеристикой утилизации труда в динамическом разрезе.

2. Сельское хозяйство района.

3. Добывающая и обрабатывающая промышлнность и промыслы.

4. Транспорт (сухопутный, водный и воздушный).

5. Радиотелеграф, телефон, почта.

6. Торговля и потребительская кооперация.

Все хозяйственные отрасли берутся в динамическом разрезе с сопоставлением цифровых показателей отдельных признаков за ряд лет. Основные моменты, отмечаемые по всем отраслям—занятая рабочая сила, техно-экономическая и др. стороны производственных процессов, продукция в материальном и ценностном выражении, основной и оборотный капитал, себестоимость единицы продукции, рынки сбыта, цены, валовая и чистая прибыль. В подлежащих случаях определяются также тарифы и скорость оборота.

7. Денежное обращение района (количество денежных средств в обращении в его конъюнктурных колебаниях, соотношение с товарной массой, характер поступления денег в оборот и оттока из оборота и т. д.). 8. Банковское и кредитное хозяйство (наиболее важные черты районного банковского и кредитного хозяйства). 9. Коммунальное строительство. б) 10. Формы и типы единичных хозяйств района, их классификация и сопоставление во времени с целью определения динамики развития. 11. Бюджеты единичных хозяйств и их классификация. в) 12. Баланс производства и потребления района в сопоставлении с балансами за предшествующие годы. 13. Баланс внешнего товарооборота также в сопоставлении за ряд лет. 14. Баланс труда района (тоже). 15. Бюджет района (государственный и местный) в сопоставлении его с бюджетами предшествующих лет.

Г. Роль района в краевом (областном), народном и, в соответствующих случаях, мировом хозяйстве.

Изложенная схема исходит из идеи самостоятельного значения экономического описания вопросов территориального размещения хозяйственных явлений и их центров и выделения особо вопросов описания районного хозяйства. Кроме того, познание хозяйственного положения района невозможно без ознакомления с природой и типами единичных хозяйств района, а также характером его основных балансов и соотношения районного хозяйства с народным и, в подлежащих случаях, с мировым хозяйством, вытекающего из географического разделения труда, специализации районного хозяйства и существующего обмена. Вся схема имеет в виду представить хозяйство района в динамическом разрезе. Необходимо дать в описании основные линии хозяйственного развития в прошлом. Период, за каковой берутся прошлые данные по экономике и привлекается история хозяйства к уяснению его существующего положения и основных черт его развития, не может быть точно указан, но этот период, в целом, не будет выходить за рамки времени генезиса и развития существующих хозяйственных систем и форм, хотя в отдельных случаях будут представлять чрезвычайно актуальное и плодотворное значение и исторические экскурсы в отдаленное прошлое. Так, например, существующее положение и значение ирригации не будут ясными для ряда районов без освещения, хотя бы в общих чертах, факта многовековой истории ее существования. Значение *определенных культур экономики района, например,* хлопка, получит совершенно иное освещение при наличии исторических сведений о давней привычке населения к означенной культуре, благоприятствуемой совокупностью естественно-исторических условий и т. д. В приведенной схеме, в целом, опущены признаки, подлежащие отбору в указанных общих элементах описания, поскольку эта работа требует длительных коллективных усилий ряда исследователей.

8. Технические приемы и средства описания в применении к экономическим районам имеют, как отмечено выше, особое значение. Описание экономического района помимо универсального средства—печатного слова, необходимо предполагает широкое использование всех тех средств и технических приемов, которые разработаны картографией, статистикой, учением о балансах и т. д.

Технические приемы и средства описания в отношении экономических районов могут ставить своей задачей: 1) иллюстрировать цифровые показатели графическими способами—линейными, плоскостными диаграммами (стереограммы естественно выпадают), 2) представить количественное изменение экономических явлений во времени и пространстве—в цифрах, в форме статистических таблиц и при помощи графических приемов и т. д., 3) дать точные изображения объектов, имеющих экономическое значение, например, характер растительного покрова, орудия и средства производства, типы животных и т. д.), 4) представить в синтезированном виде район во всех его основных природных элементах,

а также экономических, при помощи карт, картограмм, картодиаграмм, и 5) облегчить, а в известных случаях и сделать возможным анализ развития и соотношения явлений (например, кривые).

Графическая статистика в ряде международных конгрессов разработала весьма разнообразные приемы графического изображения статистических величин, и эта разработка продолжается и поныне. В отношении же экономических районов применение технических методов и средств описания может быть формулировано в следующих общих положениях: а) необходимо развитие широкого применения картографического материала и изжитие „нигилистического“ отношения к таковому, так как и натуральный, и экономический ландшафт не могут быть описаны без широкого применения карт, картограмм и картодиаграмм, б) устранение случайного и произвольного характера графических материалов и органическое слияние таковых с текстом описания, в) унифицирование и своего рода стандартизация графических элементов описания с целью отбора наиболее показательных и устранения произвольных и ненаучных, г) введение в практику и более широкая разработка способов построения диаграмм на основе объединения многих признаков явления, д) приложение основных статистических таблиц по всем группам описываемых явлений, е) приложение хронологических дат основных фактов хозяйственной истории района.

* * *

По широте географического охвата хозяйственных явлений, многовековой исторической традиции хозяйственных форм, многогранности и контрастности своего хозяйства Средняя Азия требует изучения ее экономики в районном разрезе. Этот большой, комплексный район может быть экономико-географически познан только как совокупность малых экономических районов, объединяемых единством экономического ландшафта и общностью районно-хозяйственных черт. Лишь во взаимодействии отдельных районов перед нами выпукло и в соотвествии с живой действительностью выявится экономико-географическое лицо Средней Азии. Для исследования и определения черт этого лица необходимо применение всех методов исследования, среди которых—по отношению к этой стране старой культуры—почтенное место занимает исторический метод. Равным образом, вследствие тех же основных черт своей экономики, Средняя Азия представляет собою объект, экономико-географическое описание которого представляет значительные трудности, и для преодоления их особое значение приобретает поэтому выдержанность методов описания. Но в то же время, вероятно, именно эта широта, сложная многогранность и контрастность природы и старой культуры многих средне-азиатских районов дали Средней Азии ряд отдельных блестящих исследований и описаний в различных отраслях и, в частности, в области истории культуры и хозяйства населяющих ее народов.

Библиография.

„Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время, благодаря Кауфману, вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественно-историческом и статистическом отношениях; но были также приняты меры для изучения быта населения и его прошлого... Значительное количество статей по изучению края было помещено в оффициальной газете «Туркестанские Ведомости», основанной в 1870 г.“

(В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Спб. 1911, стр. 228.)

Е. К. Бетгер.

Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете „Туркестанские Ведомости“ за время ее существования (28 апреля 1870—15 декабря 1917).

Составитель настоящей работы имел уже однажды случай наметить те задачи, которые стоят перед современной средне-азиатской библиографией и которые, на его взгляд, надлежит разрешить в ближайшее же время.[1] К числу таких неотложных библиографических задач относится, по его мнению, составление исчерпывающего указателя к „Туркестанским Ведомостям“. В предисловии к одной своей работе[2] составитель дал краткий обзор тех, увы безуспешных, попыток, которые уже более 30 лет тому назад предпринимались в этом направлении местными библиографами, а также сообщил об имеющихся уже в литературе (mirabile dictu не в русской) указателях к „Ведомостям“ за некоторые годы. Там же он указал на предпринятый им труд по составлению полного указателя к названной газете, а в самой работе дал выдержку из него, приведя заключенный в „Ведомостях“ материал по Таджикистану. Так как составление намеченного исчерпывающего указателя потребует, конечно, довольно продолжительного времени, то опубликование таких выдержек представляется составителю вполне целесообразным, тем более, что на издание столь большой работы вряд ли можно надеяться в ближайшие годы. В виду этого он счел полезным в настоящем Сборнике поместить главу из будущего „Указателя“, охватывающую те дисциплины, изучению которых посвящена научная деятельность высокоуважаемого Василия Владимировича Бартольда. При этом составитель имел в виду лишь материал, относящийся ко времени до русского завоевания.

Работая над настоящей „Росписью“, составитель старался, где можно, раскрыть псевдонимы или найти авторов неподписанных статей, при чем источниками ему послужили: Сведения о Средней Азии и рус-

---

[1] Насущные задачи средне-азиатской библиографии. Доклад на 1-ой Средне-Азиатской Конференции по изучению производительных сил в апреле 1926 г. в Ташкенте.

[2] Перечень помещенных в „Туркестанских Ведомостях“ статей и заметок, относящихся до областей, ныне входящих в Таджикистан. Ташкент. 1926, стр. 5 сл.

ском Туркестане. Статьи неоффициальной части Туркестанских Ведомостей 1886 г. №№ 1—51 (Ташкент, 1886), передовая, посвященная 25-летию „Т. В.“ в № 30 этой газеты за 1895 г., где приведен список сотрудников за время 1870—1895 гг., и статья (*Н. В. Дмитровского?*): К кончине Н. А. Маева (в № 3 „Т. В.“ за 1896 г.), в которой помещена библиография принадлежащих ему статей. Кроме того, составитель имел счастливую возможность воспользоваться любезным содействием М. С. Андреева, В. Л. Вяткина, Н. Г. Маллицкого и А. А. Семенова, которые отчасти указали ему на написанные ими самими (без подписи или под псевдонимами) статьи, отчасти помогли раскрыть некоторые псевдонимы других авторов. Составитель считает своим приятнейшим долгом выразить им за это свою глубокую признательность.

Как известно, часть напечатанного в „Турк. Вед.“ литературного материала была опубликована в некоторых изданиях. Из числа вошедших в настоящую „Роспись“ статей были перепечатаны следующие: №№ 5, 7, 8, 9 и 10 в Сборнике материалов о Русском Туркестане и странах Средней Азии (из Туркест. Вед. за 1870 год). (Ташкент. 1871); №№ 2, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 18, 19, 20 и 21 в Материалах для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Издание Туркестанского Статистического комитета под редакциею Н. А. Маева. Вып. II (Спб. 1874); №№ 1, 9, 12 и 14 в III выпуске тех же Материалов (Спб. 1874); № 65 в V выпуске (Спб. 1879); №№ 12, 24, 33-а и 35 в Сборнике статей касающихся Туркестанского края А. П. Хорошхина. (Спб. 1876); №№ 153, 155, 157, 158 и 160 в сборнике: Сведения о Средней Азии и русском Туркестане. Статьи неоффициальной части Туркестанских Ведомостей 1885 г. (Ташкент, 1885); №№ 165, 167, 168, 171 и 172 в том же сборнике за 1886 г. (Ташк. 1886); №№ 176, 177 и 179 в том же сборнике за 1887 г. (Ташк. 1889); № 94 в книге Г. А. Арандаренко: Досуги в Туркестане 1874—1889 (Спб. 1889).

При пользовании „Росписью“ необходимо принять во внимание следующее: 1) материал расположен в хронологическом порядке; 2) каждая статья или заметка снабжены после текста порядковым номером, под которым они значатся в индексах, помещенных в конце „Росписи“; 3) индексов два—авторский и предметный; 4) номера, на которые имеются ссылки в тексте, означают №№ газеты за данный год, а числа без №№—соответствующее цифровое обозначение статьи или заметки; 5) принятые в тексте сокращения означают: ВИ—внутренние известия, ИЗ—известия и заметки, ИИ—иностранные известия, МИ—местные известия, МХ—местная хроника, ОО—официальный отдел и ПК—по краю.

Правописание, в пределах, допускаемых новой орфографией, оставлено всюду без изменений.

В заключение составитель приносит сердечную благодарность постоянному и незаменимому товарищу по библиотечной и библиографической работе Н. А. Бурову за ценнейшие советы и участие, проявленное им к настоящей работе.

1870.

№№ газеты

1 Коран Османа. [А. Л. Кун.] 1

2, 3 Джизак и Самарканд. Н. М[аев].
О самаркандских памятниках в № 3. 2

3 ИЗ Древние рукописи в Самарканде [библиотека Тамерлана]. 3

6 Ученые изыскания г. Радлова в долине Заравшана.
Значение слова „сарт". 4

10 Балхан и старое русло Аму-Дарьи. Костемеревский. 5

11 Краткие исторические сведения о прежних отношениях Бухары к Шахри-Сябсу. Бар. Аминов. 6

13 Историческое обозрение Шахрисябза. И. Бекчурин. 7

14 Древний торговый путь в Среднюю Азию. А—ц. 8

14 ИЗ Армянские предания о библиотеке Тамерлана. 9

17 Краткие исторические заметки о происхождении бекств: Ургутского, Магианского, Фарабского и Кштутского и о их управлении до присоединения их к русским владениям. 10

1871.

3 Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 год. М[аев].
Поправки в №№ 4 и 5. 11

9, 10 Народы Средней Азии (историко-этнографические этюды). А. Хорошхин. 12

12 ОО О запрещении производить разведки археологических редкостей без особого разрешения. 13

14 Родословная Мангитской династии. А. Г[ребенкин]. 14

15, 16 О Кульдже. Н. А—в.
Исторические сведения в № 15. 15

17 Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа. Н. М[аев].
О самаркандских памятниках. Гробница Тимура. 16

20 ИЗ [Среднеазиатские вопросы на II археологическом съезде в Спб.] 17

22 Заметки о Когистане. [А. Гребенкин.] 18

28 Несколько страниц из истории Хивы. А. Бутаков. 19

35 Из Кокана (корреспонденция). А. Федченко.
Древности Узгента. 20

43—45, 48 Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву. 21

1872.

№№ газеты

3—7 От Самары до Ташкента. Путевые заметки. Н. М—в [Маев].
О развалинах Джанкента (Янгикента) в № 5. 22

4 С. Петербург (корреспонденция). Н. М—в [Маев].
Доклад Федченко в Географическом Обществе, между прочим, об Узгенте. 23

8, 11—13, 44, 47 и 1873 г. № 11 Самарканд. (Листки из памятной книжки.) А. Хорошхин.
История и древности в №№ 11 и 12. 24

14 ИЗ Из Каракола [о древних поселениях на Иссык-Куле]. 25

16 ИЗ [Распоряжение ген.-губ. Кауфмана о реставрации древних памятников Самарканда и Туркестана.] 26

18 Последние дни жизни Тамерлана: поход его на Китай (с персидского). М. Г. Богданов. 27

35 Очерк истории Кокана, с 1841 по 1864 год. Султан А. Нурекин. 28

35 ИЗ [Рассказ шемахинского жителя об Аму-Дарье.] 29

39 Сношения России с Среднею Азиею при Петре Великом. Н. Маев. 30

1873.

4 Кульджинские владения до занятия их русскими войсками. Г. Бородин. 31

7 Саманидский диргем 284 г. гиджры. П[антусов]. 32

13 Древний арык от Сыр-Дарьи до Бухары. Н. Иванов. 33

14—16, 18 Кизыл Кум. А. Хорошхин.
В № 18—VII. Исторический очерк Кизыл-кумов. 33-а

16 ИЗ Нумизматические приращения [музея Турк. Отд. Имп. О-ва Люб. Ест., Арх. и Этн.]. 34

19, 21, 24, 26, 27 Очерки Ташкента. А. Хорошхин.
Исторические сведения в № 19. 35

27 Джизакско-Чиназская Голодная Степь и памятники бывшей в ней оседлости. Бар. Аминов. 36

35 Прокламация гр. Перовского к азиатским народам. 37

40 Заметки о Хивинском ханстве. А. Кун. 38

40 Описание печатей хивинских ханов. А. Кун. 39

42 Несколько слов о важности вакуфных документов خط وقفيه в историческом отношении. М. Ростиславов.
К статье Заметка в № 50. Продолжение статьи см. в № 49 под другим названием. 40

43 К сведению нумизматов. Н. П[антусов].
Монеты и камеи. 41

44 Следы христианства в Туркестане. Н. П[антусов].
Добавление от редакции там же. Ответ Н. П. в № 45. 42

44 ИЗ [Библиотека Тимура.] 43

50 Научные работы во время хивинского похода. 44

1874.

2, 3, 6, 9, 11, 12, 14 Культурный оазис Хивинского ханства. А. Л. Кун.
Город Хазар-Асп [история]—№ 2. IV. От Ильялы до Куня-Ургенча [древности Куня-Ургенча]—№ 6. От Чимбая до Рахманберды-бий базара [гробница св. Султан-Ваиса]—№ 11. X. От Гурлена до Шавата [древний Кят]—№ 12. XII. От Ургенджа до Ханков [древности в Шах-Абас-Вали]—№ 14. 45

№№ газеты		
19, 20	Очерк постепенного русского движения на восток. П. Зенков.	46
19	ИЗ [Находка медного котла в озере Иссык-куль.]	47
20	ИЗ [Находка 90 монет в Семиреченской области.]	48
28, 37	ИЗ [Находка 612 монет в г. Туркестане.]	49
45	ИЗ [Доклад Л. Н. Соболева по исторической этнографии и географии древнего Харезма.]	50
49	ИЗ [Находка глиняных бурханов и шишаков в верховьях р. Дергелан в Семиреченской области г. Копыловым.]	51

1875.

1—3	Две недели в Шахрисябзе. Н. М[аев]. В № 2—Разв. Ак-сарай.	51-а
2	ИЗ [Книга Иуды Черного со сведениями по истории бухарских евреев.]	52
5, 6	От Шахрисябза до Бухары. (Путевые заметки.) Н. М[аев]. В № 6—Разв. [Рабат-и] Мелик.	52-а
5	ИЗ [Словарь Средней Азии.]	53
16	К вопросу о родственной связи средне-азиатских народов между собою. Н. М—в [Маев].	54
22	Заметка. Г[раменицкий, Д. М.] О древностях в Туркестанском крае.	55
22	ИЗ [Конгресс ориенталистов в Спб.]	56
27	Предание о царице Биби-Ханым. М. Ростиславов.	57
27	Об археологических изысканиях в Зеравшанском Округе. М. Ростиславов.	58
30	Страница из истории Хивы в XII и XIII в.	59
34	Праздник (تماشا) в Зенги-ата. Ю. Казбеков. Описание мазара.	60
40	ИЗ [Численный состав населения Коканского ханства по Times'у.]	61
42	ИЗ [Находка развалин города в Закаспийском отделе.]	62
46	ИЗ [Находка остатков древнего города во время движения отряда Ломакина к Чикишляру.]	63

1876.

1	Китайское владычество в Средней Азии. Н. М[аев].	64
2—7, 10—14, 17	Очерки Гиссарского края. Н. Маев. Исторические сведения в №№ 10 и 17.	65
8	Открытие развалин древних городов Мешед и Местериан, в Туркмении.	66
8	ИЗ [О необходимости устройства музея в Ташкенте.]	67
12	Архив Кокандского хана. Н. П[антусов].	68
12	Чтение А. Л. Куна о Ферганской долине. О состоянии б. Кокандского ханства.	69
12, 20, 30	От комитета для устройства международного конгресса ориенталистов в России.	70
16	О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве, в последнее время Худояр-хана. Н. П[антусов].	71

№№ газеты		
16	Международный конгресс ориенталистов в России.	72
16	ИЗ [Древности в окрестностях Ташкента. Древний город Шаркия. Монеты.]	73
17	Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. Н. П[антусов].	74
17	ИЗ [Шведская археологическая экспедиция в Среднюю Азию.]	75
21	Иске Той-тюбе. ***	76
24	Поездка к развалинам Шара-кия. Д. К. Зацепин.	77
26—28	Новейшая история Бухарского и Кокандского ханств. Л. Соболев. Окончания нет.	78
26	ИЗ [Осмотр Кауфманом учрежденного в Ташкенте музея и состояние последнего.]	79
28	Заметка о Ташкентском музее. Н. М—в [Маев].	80
28, 37	Описание наиболее замечательных рукописей из числа приобретенных генерал-лейтенантом Г. А. Колпаковским в г. Коканде. Н. П[антусов].	81
30	Теварихи-Шахрухие (материалы для истории Кокандского ханства). *** [Н. Пантусов.] Начало и конец статьи см. 81.	82
31, 35, 39, 44, 48	ИЗ [Поступления в Ташкентский музей.]	83
31, 38, 45	ИЗ [Конгресс ориенталистов в Спб.]	84
40,42—44	Международный конгресс ориенталистов.	85
43	Еще по поводу археологических изысканий в Зеравшанском округе. М. Ростиславов.	86
46	Газат дер мульки Чан. (Война в китайской провинции). غزات درملك چين Описание илийской рукописи муллы Биляля.	87
48	ИЗ [Присоединение Ташкентского музея к Турк. Отд. Имп. О-ва Люб. Е. А. и Э.]	88

1877.

1	ИЗ [О желательности осмотра семиреченских древностей.]	89
2—5	Туркестанский край в 1876 году (обозрение). Н. Маев. О музее и археолог. находках в № 5.	90
3, 8, 11, 18, 22, 27, 35, 48	ИЗ [Поступления в Ташкентский музей.]	91
6	ИЗ [Сообщение об открытии в Казани IV археологического съезда.]	92
6	ИЗ [Составление сборника известий мусульманских писателей о Золотой Орде.]	93
10	Халифа Хасан. Биографический очерк. Г. А—ренко [Арендаренко].	94
18	ИЗ [Сведения по истории Тибета, представленные в Парижское Географическое О-во аббатом Дегодэном.]	95
19	ОО 4-й Археологический Съезд.	96
19	ИЗ [Находка русских монет начала XIX в. в Кульджинском районе.]	97

№№ газеты

22 ИЗ [Конкурс на лучшее сочинение на тему: „Судьбы арийской цивилизации в Индии".] 98

42 ИЗ [Узгент.] Ю. Г. 99

47 ИЗ [Защита магистерской диссертации Н. И. Веселовским: „Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве".] 100

1878.

1 ИЗ [Доклад Уйфальви де-Мезо-Коведж в Географическом О-ве об этнографическом и археологическом путешествии в Туркестан.] 101

10, 22, 36, 47 ИЗ [Поступления в Ташкентский музей.] 102

12 ИЗ [Археологическая находка близ кишлака Намданак Кураминского уезда.]
Монеты. 103

28 Мангытская династия ныне царствующая в Бухаре. Н. В. 104

48 ИЗ [Н. В. Ханыков. Некролог.] 105

51 ИЗ [Список ост-индских генерал-губернаторов и вице-королей 1772—1876.] 106

1879.

2 ИЗ [Реферат г. Лодыженского о торговых и дипломатических сношениях московского государства с Индией.] 107

8, 10 Поездка в Западный Китай. П. Матвеев.
Исторические сведения в № 9. 108

12 Заметка о древних урочищах Туркестанского края. Г[раменицкий, Д. М.]. 109

13 Новая книга о Средней Азии [Уйфальви]. Г[раменицкий, Д. М.]. 110

34, 35 Русские невольники в среднеазиятских ханствах. Н. Веселовский. 111

37 ИЗ [Находка развалин древнего города Мия в горной Бухаре.] 111а

43 Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае. *** 112

47—49 Тип национального индийского государства. С. Идаров.
См. 118. 113

50 Приблизительное маршрутное расстояние между городами Азии в фарсангах и о Мавераннахре, по восточным источникам. Ю. Казбеков. 114

50 ИЗ [Издание Н. Н. Пантусовым рукописей Газат дер мулки чин и Тарихи-Шахрухие.] 115

1880.

4 Археологические раскопки в Лепсе. Е. Трусов. 116

5 ОО Проект устава ташкентского публичного музея. 117

10, 12, 13 Тип национального индийского государства.
См. 113. 118

№№ газеты		
22	ИЗ [Рецензия на книгу Boulger'a „Средне-азиатские портреты“.]	119
34	Михаил Николаевич Ростиславов (некролог). М. В.	120
40, 41	ИЗ [Командировка г. Уйфальви в Туркестан для научных исследований.]	121
50	ИЗ [Рецензия на издание: „Оренбургская губерния, с принадлежащими к ней местами, по ландкартам Красильникова и топографии П. И. Рычкова, 1755 года“.]	122

1881.

1, 7—9 11—14	Библиографическая заметка. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. I v. le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja; II v. le Syr-Darïa, le Zérafchâne, le pays des Sept-rivières et la Sibérie-occidentale. Par Ch. E. de Ujfalvy de Mezökövesd. 1878—1879. Д. Иванов.	123
23, 47	ИЗ [Рецензии на издание Н. Н. Пантусова كتاب غزات در ملك چين.]	124
35,37—39, 45, 46, 51	Экскурсия в за-Нарынские горы, в 1879 году. А. Фетисов. Развалины Таш-Рабат в № 51.	125
49	ИЗ [Ханские дворцы в Коканде.]	126

1882.

5, 6	ИЗ [Сообщение о кончине В. В. Григорьева.]	127
7	ИЗ [Переход библиотеки В. В. Григорьева к А. Л. Куну.]	128
16	О древнейшем названии Ферганы. Ложное учение Мездека.—Персидский царь Кубад и его сын Нуширван.—Узгент.—Древнее название Ферганы Гар-хана. Ю. Казбеков.	129
20	Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотова и его статейный список пребывания в Хиве. 1669—1670. Н. Веселовский.	130
30	ИЗ [Развалины г. Нисы около Асхабада.]	131
50	ОО Приказ по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства 13 декабря 1882 г. № 312 [об упразднении Ташкентской публичной библиотеки и о передаче научных книг и книг по Средней Азии в Ташкентский музей.]	132

1883.

40	ИЗ [Предполагаемая реставрация мечети Азрет в г. Туркестане.]	133
42	ИЗ [Раскопки на Афросиябе в Самарканде под руководством подполк. В. В. Крестовского.]	134

№№ газеты		
49	ОО Приказ по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства 4 декабря 1883 г. № 243 [об учреждении при Ташкентском музее книгохранилища и об образовании особого Комитета для наблюдения за библиотекой и музеем.]	135
49	ОО Правила для пользования книгами из имеющегося при музее книгохранилища.	136

1884.

1	Заметка о Ташкентском музее. В. Соколов.	137
2, 6, 12, 31, 44	ИЗ [Поступления в Ташкентский музей.]	138
4	ОО Журнал Наблюдательного за музеем и книгохранилищем Комитета [6 января 1884 г.].	139
5	ОО От Ташкентского музея.	140
5	ОО Программа дальнейшего развития и устройства Ташкентского музея.	141
7	ОО Протокол заседания Наблюдательного за музеем и книгохранилищем Комитета, 6-го января [1] 1884 г.	142
11	ИЗ [Старинный курган в Сергиопольском уезде и находка в нем древних предметов.]	143
12	Из Намангана. О развалинах Ахсы.	144
16	Впечатления посетителя Ташкентского музея. Р.	145
26	Раскопки в кишлаке Ахсы. Кап. Брянов.	146
28,29—31	Значение названия „сарт". Н. Остроумов.	147
31	ОО Приказ по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства 2 августа 1884 г. № 197 [о восстановлении Ташкентской публичной библиотеки и об образовании Наблюдательного Комитета.]	148
31	ОО Правила Ташкентской публичной библиотеки и находящегося при ней музея.	149
31	ИЗ [Грамота б. кокандского хана Сеид-Магомед-Худояр-хана, поступившая в музей.] Абду-Сатар-хан.	150
33	ИЗ [Древний медный стол в Мало-Алматинском выселке.]	151

1885.

2	ИЗ [Прибытие в Туркестан проф. Н. И. Веселовского с археологическими целями.]	152
3,—5	Учебная экскурсия в Самарканд. С. Граменицкий и В. Ошанин. Описание памятников в № 4.	153
6	ИЗ [Старый Серахс.]	154
7	Древний усуньский город на берегу оз. Иссык-куля.	154-а
9, 11—13	Поездка в Мерв. Л. Синицын. В № 11—Разв. Калта-минар около Чарджуя. В № 13—Древние города Байрам-али-кала и Гебр-кала. Разв. Султан-Санджармазы.	155

[1] Читай: февраля.

№№ газеты

21 ИЗ [Меручак (древний Мерурул) на р. Мургаб.] 156

26 Новая книга об Александре Великом. М. Л ю т о в. Перевод Арриана Chinnok'ом. 157

34 Меры по воспрещению производства археологических раскопок в крае. Н. Е м е л ь я н о в. 158

43 ИЗ [Приезд Н. И. Веселовского для производства археологических раскопок на Афросиябе и в Ахсы.] 159

45, 49 Жанкент (Жангиткент). Е. А л е к с а н д р о в. 160

49 Мерв по английским источникам. 161

51 ИЗ [Древние мусульманские монеты и медаль, найденные Н. Н. Пантусовым около Талгара.] 162

1886.

1 ИЗ [Находка двух христианских кладбищ около Пишпека и Токмака в Чуйской долине.] 163

3 ИЗ [Древний Мерв.] 164

9 Языческие и христианские древности в Семиречье. 165

15 ИЗ [Доклад г. Никольского „О сирийских надписях в Семиреченской области".] 166

17 Археологическая находка близь Ташкента. [Е. Т. С м и р н о в.] 167 Глиняные гробы.

18, 19 Несторианство в Средней Азии. М. Л ю т о в. 168

24 ИЗ [Домусульманское кладбище в окрестностях Ташкента.] 169

37 ИЗ [Раскопки Н. Н. Пантусова на древних несторианских кладбищах близ Пишпека и Токмака.] 170

40 Библиографическая заметка. [„Краткая история Кокандского ханства", составил В. Наливкин.] А. С. 171

46 Памятники несторианства в Средней Азии. А. С. 172

48 ИЗ [Вопросы проф. Н. И. Веселовского по археологии Туркестана для VII археологического съезда в Ярославле.] 173

49 ИЗ [Сказание о проведении арыков Тимуром.] 174

1887.

1 ОО Приказ по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства 31 декабря 1886 г. № 162 [об упразднении Наблюдательного Комитета при библиотеке и музее.] 175

15 Библиографическая заметка. I. Сокращенная история России. كتاب انتخاب تواريخ مملكت روسيه 176

28 Раскопки могильных курганов близь Ташкента. 177

29 ИЗ [Археологическая экспедиция Нефедова в киргизскую степь.] 178

31 Еще о раскопках близь Ташкента. Л. 179

37 ИЗ [Башня Бурана около Токмака и находка сосуда с золотыми монетами]. П. З[е н к о в]. 180

41 ИЗ [Древние пещеры в холмах Пендинского оазиса.] 181

1888.

№№ газеты		
8, 9	Заметки врача П. В. Путилова о жизни русских и сартов в Туркестанском крае. О музее в № 9.	182
24, 25	Закаспийская область в археологическом отношении.	183
26	Библиографическая заметка [о переиздании „Топографии Оренбургской губернии“ Рычкова]. Н. Дмитровский.	184
33	Возобновление мечети Ходжа-Ахрар, в Ташкенте.	185
46	А. Л. Кун. Н. М—в [Маев].	186

1889.

2	Самарканд при Тимуридах. С.	187
5, 6	Великие завоеватели Средней Азии: Александр двурогий и Тимур хромой. С. Л—ский [Лидский].	188
28	ИЗ [Поиски библиотеки Тамерлана Мэкензи Уоллосом.]	189
29	Библиографическая заметка. Султаны Кенисара и Садык. Е. Т. Смирнова. Ташкент, 1889. Н. М—в [Маев].	190
38—40	Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника. Н. Аристов.	191

1890.

12	Легенды Средней Азии. Степняк.	192
21	ИЗ [Две легенды об озере Искандер-куль.]	193
22	Из Ура-тюбе. Н. Лыкошин. О древностях Шахристана.	194
24	Библиографическая заметка. Н. М—в [Маев]. О каталоге рукописей турк. публ. б-ки Каля.	195
31	ИЗ [Некролог проф. И. П. Минаева.]	196
38—40	Александр Великий в Туркестане. М. Лютов.	197
47	ИЗ [Древние хивинские монеты с берегов Аму-Дарьи.]	198
52	ИЗ [Сообщение В. А. Жуковского „О древностях закаспийского края“ в Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва.]	199

1891.

5	ИЗ [Международный конгресс доисторической археологии и антропологии.] См. 213.	200
18	ИЗ [Находка древностей в Токмакском уезде.]	201
19	ИЗ [Карта Средней Азии IV в. до Р. Х. на выставке топографических работ.]	202
21	ИЗ [Древний подземный город около Керков.]	203
22	Наука у арабов. Багдадская школа. [Пер. с франц. Э. Мюллера.] Окончания нет.	204
23	ИЗ [Древние средне-азиатские монеты, найденные в Самарской губ.]	205

№№ газеты

35, 36	С берегов Иссык-Куля. Н. Зеланд. О древностях и древних поселениях.	206
39	Е. Ф. Каль (некролог). Н. М—в [Маев].	207
40	К вопросу об Иссык-кульских древностях. А. Галкин.	208
40	ИЗ [Доклад д-ра Билью о потомках греков в Афганистане.]	209
47	Из Верного. *** Древности в курганах.	210

1892.

2	О древних божествах в ведический период. Н. К. Емельянов.	211
11	ИЗ [О рукописях А. Л. Куна.]	212
11, 35	ИЗ [Международный конгресс доисторической археологии и антропологии.] См. 200.	213
26, 29, 36	Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства пред завоеванием его русскими. Саттар-хан Абдул Гафаров. См. 230.	214
29	К вопросу о начале города Ташкента. Д. Эварницкий.	215
30	Вблизи Памиров. (Путевые заметки.) К. К. Казанский. М. пр. о Мармаджан-Датхе, „Алайской царице".	216
31	Коллекция древностей Акрым Аскарова. Д. Эварницкий.	217
33	Когда стали собирать древности в России. Д. Эварницкий.	218
35	ИЗ [О проекте реформы в номенклатуре народов Азии.]	219
42	Библиографический листок. Отчет Импер. Арх. комиссии за 1882—1888 год. Спб. 1891. А. Р[оманович].	220
42	ИЗ [Археологическая рекогносцировка Д. И. Эварницкого.]	221
43	ИЗ [Сообщение Н. Ф. Петровского о буддийских памятниках в Кашгаре.]	222
44	Заметка по поводу статьи: „К вопросу о начале города Ташкента". Н. Петровский.	223
44	К вопросу о народности и значении слова сарт. Д. И. Эварницкий.	224

1893.

40	Мамаевка (Корр. „Турк. Вед."). Находка древнего клада.	225
46	Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении. М. Андреев.	226
50, 52	Из поездки в селение Мамаевку. Н. Остроумов.	227
54	МХ [Помещение в музее круглого глиняного стола из Мамаевки.]	228

№№ газеты

1894.

№№ газеты

43, 44 Туркестанский край в XIII веке. (По рассказу китайского путешественника.) В. Бартольд. 248

47 МИ В. В. Бартольд. [Возвращение в Ташкент из поездки по Семиречью и Кульджинскому краю.] 249

48 Вместо ответа г-ну Лапину. В. Бартольд. 250

56 Александр Македонский в Туркестане. Взятие Газы, Кирополиса и пяти других городов.—Скифы. (Перевод §§ 17 и 18 книги Шварца.) 251

64 Музей Академии Наук. 252

64 Опись предметов, желательных для Музея Этнографии и Антропологии при Императорской Академии Наук. 253

67 ОО От Императорской Археологической Комиссии [о находках]. 254

1895.

4 МИ Новые издания. Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники.
Выход в свет. 255

7 Всемирный потоп и великое переселение народов. F. v. Schwartz. Sündfluth und Voelkerwanderung. Stuttgart. 1894. В. П. 256

15, 16, 18, 26, 28 Азиатская библиография. Н. Дм[итровский]. 257

22 МИ Новая книга. Автобиография Тамерлана. 258

24 МИ Автобиография Тамерлана. 259

30 Еще о слове „сарт“. В. Бартольд. 260

40, 42, 46, 54, 60, 64, 80, 81, 84, 89, 93 Мусульманская наука в Мекке. (Из книги „Мекка“ von Dr. Snouk Hurgronie. Гаага, 1888—1889. Т. II, гл. 3, стр. 200—294.) В. Бартольд.
См. 279. 261

44 МИ Археологическая экспедиция [гр. А. А. Бобринского]. 262

52, 58 Библиографическая заметка. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете, т. XII, выпуски 3, 4, 5 и 6. Казань. 1894—95 гг.—т. XIII, в. I. Н. Лыкошин. 263

52 МИ Ученая экспедиция [гр. А. А. Бобринского]. 264

62 ВИ Самаркандская ученая экспедиция. 265

64 В интересах археологии. Ташкент, 2 сентября. (Передовая.) 266

71, 72 Самарканд по запискам Султан-Бабура. В. Островский. 267

71 Самаркандская хроника. Раскопки. 268

76 Библиографические заметки. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда. По распоряжению Г. Военного Губернатора Самаркандской области Графа Н. Я. Ростовцева переводил С.-А. Лапин. Самарканд. 1895. 269

82 МИ Археологическая находка. [Джагатайские монеты XIV в.] 270

83 Приказ по административно - полицейскому управлению Ферганской области. 2 ноября 1895 г. № 238 [об учреждении Ферганского Областного Музея]. 271

№№ газеты		
83	От Комитета Ферганского Областного Публичного Музея.	272
87	ОО Устав Туркестанского кружка любителей археологии.	273
87	Туркестанский Кружок Любителей Археологии. (Передовая).	274
87	МИ Члены учредители Туркестанского Археологического Кружка.	275
91	Открытие Туркестанского Кружка Любителей Археологии.	276

1896.

3	Самаркандская хроника. 30 декабря. О предполагаемом открытии в Самарканде отдела Турк. Кружка люб. арх.	277
7, 10	МИ Кружок Любителей Археологии. Заседание 22 января.	278
12, 24, 76, 77, 87, 90, 96, 98	Мусульманская наука в Мекке. См. 261.	279
13	Библиографическая заметка. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда. С.-А. Лапина. Самарканд. 1895. Н. Ф. П[е т р о в с к и й].	280
17	Археологический Кружок. Заседание 26 февраля.	281
20	Еще о книжке г. Лапина (письмо в редакцию). В[я т к и н, В. Л.].	282
25	МИ Кружок Любителей Археологии. Заседание 1 апреля.	283
36	Еще о христианстве в Средней Азии. В. Б а р т о л ь д.	284
43	МИ Заседание Туркестанского Кружка Любителей Археологии [3 июня с рефератом В. В. Бартольда „Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии.“] Н. Л—ъ [Лыкошин].	285
55	Самаркандская хроника. Заседание Статистического Комитета: меры по охране памятников древности, решение открыть музей.	286
57	Открытие музея при Самаркандском Областном Статистическом Комитете. Ю. О. Я[к у б о в с к и й]. М. пр. о сообщении В. Л. Вяткина о Ходжа Ахраре.	287
61	МИ Археологическая экскурсия [на холм Шаш-тюбе около Ташкента]. Н. Л ы к о ш и н.	288
63, 67	„Насаб-нама“ (родословие), как исторический материал. Н. Л ы к о ш и н.	289
66	МИ Заседание Кружка Любителей Археологии [26 августа].	290
72	Хивинское посольство в Индию в 1872 г.	291
88	Маргеланские письма. II. О книге: „Восточные Заметки“. Л. К. Ю. [Н. В. Д м и т р о в с к и й.] В примечании о Коране Османа.	292
94	Архивное исследование (о „маршруте“ Шлагинтвейта). В. О ш а н и н.	293
95	Первое годичное общее собрание членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии [11 декабря]. Л[ы к о ш и н, Н. С.].	294

1897.

№№ газеты

3 ОО Циркуляр Главного Штаба 31-го октября 1896 г., № 245 [об Имп. Археол. Комиссии]. 295

9 ИИ Колыбель Будды. 296

13 К вопросу о последних христианах в Средней Азии. В. В я—н [Вяткин]. 297

14 Заседание Туркестанского Кружка Любителей Археологии [17 февраля]. Л[ы к о ш и н, Н. С]. 298

22 ВИ Н. Ф. Петровский в Археологическом Обществе. 299

30, 33 Шахи-Зинда. (Легенда). В. В[я т к и н]. 300

34 МИ Заседание Туркестанского Кружка Любителей Археологии [5 мая]. *** 301

40 Библиографические заметки. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Об-ства. Т. VIII. 339—344. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг. с 17 фототипическими таблицами. Зап. Имп. Акад. Наук. VIII серия по ист.-фил. отд. т. I. № 4. 151 in 8°+17 фот. табл. Спб. 1897. Цена 3 р. 302

44 Библиографическая заметка. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Том XIII, выпуск 4. Казань. 1896.—Т о ж е, т. XIII, вып. 6. 303

49 Библиографическая заметка. История Бухары. Соч. Мухаммада Наршахи. Перевод с персидского Н. Лыкошина под редакцией В. В. Бартольда, приват-доцента Спб. университета. Ташкент, 1897. 304

51 Письмо в редакцию [по поводу 302]. В. Б а р т о л ь д. 305

57 Библиографическая заметка. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Т. XIV, вып. 2. Казань, 1897. 306

60 Библиографическая заметка. Н. Н. Пантусов. Древности Средней Азии. 1) Китайский победный памятник на горе Гедынь-шань. 2) Каменный бурхан в Токмакском уезде Семиреченской области. С рисунками, чертежами и таблицами. Казань. 1897. 11 in 8°+5 таблиц. 307

61, 62, 64 Бухарский книжный рынок. В. В[я т к и н]. Исторические сведения в № 61. 308

64 МИ В Археологическом кружке. Заседание 29 августа. 309

68 Современные вандалы. Ташкент, 18 сентября. [Передовая: о расхищении самаркандских памятников.] 310

68 Самаркандские памятники после землетрясения 5 сентября. (Письмо в редакцию). Н. Щ е р б и н а-К р а м а р е н к о. 311

69 ИИ Конгресс ориенталистов в Париже. 312

71 МИ Распоряжение [бар. Вревского об охранении древних самаркандских мечетей, разрушившихся после землетрясения 5 сентября]. 313

№№ газеты		
72	Письма в редакцию. Ип. Альбовский [и] Щербина-Крамаренко. По поводу расхищения самаркандских древностей.	314
75	Письмо в редакцию. В. Залусский. По поводу 314.	315
76	XI конгресс ориенталистов.	316
77	В Кружке Любителей Археологии. Заседание 16 октября.	317
81	МИ Сообщение [Щербина-Крамаренко о работах в Средней Азии].	318
82	МИ Новая книга. [Хронологическая таблица мусульманских династий. Сост. Н. Н. Пантусов.]	319
83	В Археологическом Кружке. 1) Архитектурные памятники Туркестана. 2) Орхонские письмена. Н. Маллицкий. Поправки в МИ № 84.	320
89	МИ Находка [слитка золота с надписью на тюркском языке].	321
90—92	Наши первые шаги на Аральском море. А. Р[оманович].	322

1898.

3	О Ходжа Ахраре. В. В[яткин].	323
13, 14, 35, 37, 40	Туземец о русском завоевании. В. Бартольд.	324
30	МИ В Археологическом Кружке. Заседание 21 апреля.	325
34	Х-й том „Записок Восточного Отделения Имп. Русского Арх. О-ва" (1896 год) Спб. 1897. Н. Маллицкий.	326
41	Библиографическая заметка. „Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872—1897 года". Спб. 1897. Н. Маллицкий.	327
48, 52	Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде. В. Каллаур. Камни с надписями.	328
54	ОО Приказ по Туркестанскому краю 16 июля 1898 г. № 127 [об учреждении Наблюдательного Комитета при турк. публ. б-ке и музее].	329
55—58	Дервишизм в Туркестане. Евг. Смирнов.	330
66	Из области истории. Хронологическая таблица мусульманских династий. Составил д. член Турк. кр. люб. арх. И. И. Трофимов. Издание Турк. кр. люб. арх. Ташкент. 1897. В. В[яткин].	331
68, 71	По Туркестану. А. С. Осмотр самаркандских памятников ген.-губ. Духовским—в № 68; Курбан-джан-датха („Алайская царица") и ее дети—в № 71.	332
68	Что такое река Джаля? Н. Маллицкий.	333
70	Археологическая экскурсия г. Пантусова в Семиречьи. Надписи и фигуры на камнях.	334
70	Крушение купола Биби-ханым (корр. „Турк. Вед.").	335

№№ газеты		
71	Новые приобретения музея.	336
71, 72	Ишаны и Суфизм. Н. Маллицкий.	337
73, 74	Герат при тимуридах. В. В[яткин].	338
76	Из далекого прошлого Средней Азии. А. Чайковский. Далекое прошлое Туркестана. С.-Петербург. 1896 г. Цена 1 рубль. А. Г. Серебренников.	339
78	Первый путешественник по Азии. (К 600-летию памяти Марко Поло).	340
79	Шейх Абу Юсуф Хамадани. В. В[яткин].	341
83	Библиографическая заметка. Вл. Череванский. Две волны. Историческая хроника. С.-Петербург. 1898. Н. Остроумов. Поправки в № 84.	342
84	Из области науки. Поездка с научною целью в верховья Аму-Дарьи [А. А. Бобринского, Н. В. Богоявленского и А. А. Семенова].	343
87	МИ Археологический кружок. Заседание 16 ноября.	344
88, 90, 91	Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие. Н. Маллицкий.	345
92	Рангкульская пещера и Чарак-Таш. Л. О.	346
94	Завещание Шейха Абду Халыка Гыдждувани В. В[яткин].	347
94	МИ Археологический кружок. Заседание 11 декабря.	348
96	Краткий отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии за третий год его существования.	349

1899.

1	У соседей. Бренные останки Будды.	350
9	Мечеть Биби-ханым. Профессор Н. Веселовский.	351
10	Об упорядочении местной географической номенклатуры. Н. М[аллицкий].	352
16	Audiatur et altera pars. Самаркандский хроникер. По поводу меч. Биби-ханым.	353
20	Профессор Вальтер о старом русле Оксуса.	354
21	Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями, В. Бартольд, приват-доцент С.-Петербургского Университета. Спб. 1899 г. XV+344, цена 2 рубля. М[аллицкий, Н. Г].	355
26	МИ В археологическом кружке [заседание 31 марта]. Н. М[аллицкий].	356
27	Страница из истории Ташкента в XVII столетии. Н. Маллицкий.	357
30	Письмо в редакцию. Н. Веселовский. О меч. Биби-ханым и самаркандских памятниках.	358
32	Из области истории. В. В[яткин]. По поводу книги Стэнли Лэн-Пуля, см. 355.	359

№№ газеты

33 О транскрипции восточных имен и слов. Е. Т. Смирнов. 360

35, 38, 42 Женщина по киргизской былине „Кобланды". Туземец. 361

36 „Туркестанский альбом", К. П. Кауфмана. Л. К. Ю. [Н. В. Дмитровский.] 362

42 Ответ г-ну В. В. В. Бартольд. 363

43, 46, 47 В горах Гиссарского хребта. (Из поездки в Восточную Бухару). Н. Щербина-Крамаренко.
О Макшеватской пещере. 364

50 Открытие Ферганского Областного Публичного Музея и городской Библиотеки в г. Новом-Маргелане. 365

50 МИ Дар музею [26 древних монет]. 366

56 Международный конгресс ориенталистов [XII-й в Риме]. 367

77 Экстренное заседание общего собрания членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии, состоявшееся 25 сентября 1899 года. 368

78 О значении слова „лянгарь" (لنكر) 369

79 О месте будущего археологического съезда. Н. Петровский. 370

81 Еще о значении слова „лянгарь". М[аллицкий, Н. Г]. 371

83 Имам Мухаммад аль-Бухари. В. В[яткин]. 372

87 Ответ г. В. Бартольду. В. В[яткин]. 373

88 Ров Тамерлана. (Предание). Д. Н. Джетбысбаев.
Необходимая поправка в № 99. 374

90 Заседание общего собрания членов Туркестанского Кружка любителей археологии, состоявшееся 9 ноября 1899 года в зале Генерал-Губернаторского дома. 375

92 Хорхут Аулиэ. (Легенда). Н. Джетбысбаев. 376

94 Догадка о прошлом Отрара. Н. Лыкошин. 377

1900.

1, 5 Отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии с 11 декабря 1898 года по 11 декабря 1899 года. [Год четвертый.] 378

3 По поводу статьи „Догадка о прошлом Отрара". В. Бартольд. 379

6 Надпись из Рушана. (Inscriptio Ruschanensis nov. reperta). Н. Маллицкий. 380

10 По поводу возражения профессора Бартольда. Н. Джетбысбаев.
Об Отраре. 381

14 Бухарские святыни. (Мазар Багауддин.) Н. Ситняковский. 382

15—17, 20 Заброшенный уголок. Н. Руднев.
Окончания нет.
Разв. укр. „Чардара" на бер. Сыр-Дарьи — в № 15. Разв. древних городов, м. пр. Сют-кента — в № 16. Разв. Джаар-тюбе — в № 17. Разв. древнего города Узун-Ата — в № 23. 383

№№ газеты		
100	Отчет о деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии с 11 декабря 1899 г. по 11-е декабря 1900 года. [Год пятый.]	401
101	К исторической географии ташкентского района. В. В [я т к и н].	402
103, 104	К истории Ташкента под кокандским владычеством. Н. М а л л и ц к и й.	403

1901.

1	МИ [Письмо В. В. Бартольда вице-председателю Турк. Кружка люб. арх.] По поводу диспута.	404
2, 4, 6, 10, 13, 16, 17	Развалины города Канки. Е. С м и р н о в.	405
8	ОО Правила Туркестанской публичной библиотеки и музея.	406
20, 24, 25	Предание о Хазряти-Исмаил-Ата. А. Д и в а е в.	407
23	МИ [Собрание членов Турк. Кружка люб. арх. 19 марта.]	408
28, 29, 31, 35	Единицы ценности у первобытных народов. Н. О с т р о у м о в.	409
33	Библиография. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археолог. О-ва. т. XIII. в. I. Спб. 1900.	410
33	Библиография. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1735 и 1736 года. Том II. Составил А. И. Добросмыслов. Оренбург. 1900.	411
39, 41	Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета - Ясави. (Перевод с персидского). А. Д и в а е в.	412
44	Библиография. Записки Вост. Отдел. Имп. Русск. Географического [1] Об-ства, т. XII, вып. II—III. А. Д и в а е в.	413
45	Несколько слов о „рисаля“, т. е. посланиях или поучениях ремесленникам. Петр К о м а р о в.	414
46	К статье „Единицы ценности у первобытных народов“. Петр К о м а р о в.	415
54	МИ Туркестанский кружок любителей археологии. [Организация коллекции русских монет в Ташкентском музее.]	416
56	Библиографическая заметка. [История Имп. Русск. Археол. О-ва за первое 50-летие (1846—1896 гг.) Н. И. Веселовского.] И. Я г е л л о.	417
68, 73, 74, 77, 78	Дивана-и-Машраб и его наставники. Н. Л ы к о ш и н. См. 426 и 508.	418
76	МИ [Заседание Турк. кружка люб. арх. 18 сентября.]	419
86	Библиографическая заметка. [Этнографическое Обозрение 1901 г. № 1.] А. Д и в а е в.	420
92	Еще о развалинах городов в Китайском Туркестане.	421

[1] Явная опечатка: след. Археологического.

1902.

№№ газеты		
88	ПК Древние изображения [бл. перевала Кугарт].	448
92	Точка опоры. В. В[яткин]. О концентрации мус. рукописей в Турк. публ. библиотеке.	449
94, 96	Исторические сведения об Аральском море. Л. Берг.	450
99	Ферганское землетрясение 80 лет тому назад. (Из сочинения Мунтахаб-ут-таварих).	451
102	Ферганское землетрясение 280 лет тому назад. В. В[яткин].	452

1903.

6	В археологическом кружке. Заседание 15 января.	453
7	МИ [„Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва“ вып. IV за 1902 г.]	454
8	Землетрясение в Ургуте столетие тому назад.	455
15	МИ [„Известия о-ва археол., истории и этногр. при Имп. Казанск. Ун-те“ вып. 1—3 т. XVIII. Казань, 1902.]	456
20	К истории Хорезма в XVI веке. В. Бартольд. Поправка в № 31.	457
24	Библиография. Martin Hartmann. Der islamische Orient. Berlin, 1899—1902. 8⁰. Н. Катанов.	458
32	МИ [Комитет для изучения Средней и Восточной Азии о туркестанских древностях. Субсидия кружку люб. археологии.]	459
35	Раджаб-хан. В. В[яткин]. Из истории Бухары XVIII в.	460
36	ПК [Экспедиция А. Грюнведеля и Г. Гута в Вост. Туркестан.]	461
51	Аланг-асар и Алп. Алибий [И. В. Андреев]. Легенда, связанная с древней каменной постройкой около Аулие-ата.	462
63	ПК [Отпуск 400 руб. О-вом для изучения Средней и Вост. Азии на составление плана городищ в окрестностях Самарканда.]	463
66	Библиография. Известия общества арх., истории и этногр. при Имп. Казанск. Ун-те, т. XIX, вып. 2 (1903 года).	464
76	МИ [Сообщение о выходе в свет труда В. В. Бартольда „Историко-географический обзор Ирана“. Спб. 1903.]	465
77	МИ В археологическом кружке. Заседание 22 сентября.	466
80—82	Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. В. Бартольд.	467
80	МИ [Находка двух камней с сирийскими надписями в Ташкенте.]	468
87, 88, 91, 94	О глиняных гробах. И. Т. Пославский.	469
88, 101	МИ [Персидская рукопись ильм-и-тибб, XV в.]	470
88	ПК [Развалины древнего городища „Бистам“ около жел. дороги на Оренбург на 394 в.]	471
97, 106	ПК Клад [в Кош-курганской вол. Ташкентск. уезда].	472
105	МИ В археологическом кружке. Заседание 17 декабря.	473

1904.

№№ газеты		
10, 31	Поперег Кызыл-кумской пустыни. (От Чимбая до Перовска). И. Беляев. Археологические памятники в № 31.	474
13 20	ПК [Сбор этнографического и исторического материала МИ среди кара-калпаков и кара-киргиз И. А. Беляевым.]	475
15	Еще историческая справка о Балхаше.	476
16	Главная черта всех походов на Индию прошлого времени (по лекции А. Е. Снесарева).	477
22	МИ [Приезд американского геолога Пемпелли для археологических раскопок.]	478
29	МИ В географическом обществе. Доклад А. Е. Снесарева о Болоре.	479
37	Айша-биби. Галий-Аскар Калинин. О гробнице ок. Аулие-ата. Легенда.	480
37	Библиография. Профессор В. В. Бартольд. „Историко-географический обзор Ирана". С.-Петербург. 1903 года. А. Снесарев.	481
39	Из периодической печати. [Реферат В. В. Бартольда „О народном движении в Самарканде в 1365 году" в Вост. Отд. И. Р. Арх. О-ва.]	482
40	МИ [Сообщение Н. Ф. Февралева „Вторжение монгольской конницы в Иран и Туран."]	483
41, 47, 52, 57	Поездка на озеро Иссык-куль. Л. Берг. О подводных развалинах в № 52.	484
45	Джу-и-арзиз. (К вопросу об истории ирригации в Туркестане.) В. Бартольд.	485
56	ПК [Разрешение раскопок в Отраре.]	486
61	Документы на освобождение невольников (перевод с персидского). А. Диваев.	487
69	МИ [О статье г. Ленца о глиняных сосудах с коническим дном.]	488
73	Интересная рукопись [Махтум-кули]. И. Беляев.	489
73	ПК [Раскопки в Отраре.]	490
79	ПК [Продажа поддельных древностей в Самарканде.]	491
80	Библиография. Ежегодник Ферганской области. Том III. Выпуск 1904 года. Новый Маргелан 1904 года. 196 стр. А. Снесарев.	492
84	ПК [В. В. Бартольд о самаркандских археологических находках в газ. „Самарканд".]	493
89—93	Религия и обычаи горцев Западного Памира. А. Снесарев. Сведения по истории Памира в №№ 90 и 91.	494
108	ПК [О змее (аждахар) в туркестанской мифологии в связи со статьей Н. С. Лыкошина в газ. „Самарканд".]	495
109	МИ [Выход в свет „Протоколов Турк. Кружка люб. археологии".]	496
118	ПК [Раскопки В. В. Бартольда на Афросиябе в Самарканде.]	497
140	Незаменимые люди. Ю. Я[кубовский]. Г. А. Панкратьев—любитель-фотограф, автор снимков самаркандских памятников.	498

№№ газеты		
147	Из биографии Ходжи-Ахрара. В. В[яткин].	499
156	ОО Приказ по Туркестанскому краю 27 октября 1904 г. № 275 [об упразднении Наблюдательного Комитета при т. публ. б-ке и музее].	500
158	ПК [Расхищение кирпича с раскопок, производимых В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным.]	501
161, 164	Новый труд по истории мусульманства. Профессор С. Глаголев. „Ислам" Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1904 года. 204 стр. И. Кр—ский.	502
162	ПК [Доклад В. В. Бартольда о работах по изучению древностей Самарканда в Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва.]	503
166	В археологическом кружке. Заседание 12 ноября.	504
176	Письмо в редакцию. В. Бартольд. По поводу 503.	505

1905.

7	МИ [Поступление в Турк. публ. б-ку издания корана Османа.]	506
50	МИ В археологическом кружке. Заседание 28 марта.	507
53	Дивана-и-Машраб. См. 418 и 426.	508
54, 55, 60, 63	О глиняных сосудах с коническим дном. И. Пославский.	509
54	ПК [Находка археолог. предметов благодаря размыву Сыр-Дарьи в Ташк. уезде; бугор Канка.]	510
55	ПК [Раскопки В. Л. Вяткина в Самарканде.]	511
57	Заметка [о бугре Канка]. Н. Ф. Петровский. Поправка в МИ № 58.	512
58	Библиографическая заметка. [Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва т. XVI. вып. I.]	513
64	МИ [Анализ вещества, содержащегося в сосуде с коническим дном.]	514
66	ПК [О времени, к которому относятся развалины городов по Ангрену и Сыр-Дарье.]	515
82	ПК [Находка монет В. Л. Вяткиным на Афросиябе.]	516
87	МИ [Сообщение о книге Н. Ф. Катанова о войнах шейха Богаутдина против инородцев Зап. Сибири.]	517
96	ПК [Реставрация самаркандских памятников; отсутствие средств.]	518
96	ПК [Командировка худ. Гурдженко для осмотра мечети Ахмада Ясави в г. Туркестане.]	519
96	ПК [Могильные плиты в урочище Сайфун-ата около ст. Милютинской.]	520
104	ПК [Работы худ. С. Д.[1] Дудина на мазаре „Шахи-Зинда".]	521
111	Кулябское бекство и его население. Д. Н. Логофет. Остатки старых городов.	522
113	МИ [Приезд Н. И. Веселовского в Туркестан с археологическою целью.]	523

[1] Опечатка: след. С. М.

№№ газеты

114 ПК [Недостаточность сумм на ремонт меч. Тилля-кари.] 524

130 О бороллайских письменах. Петр Комаров. 525

134 Самаркандские наброски. Ю. Я[кубовский].
О памятниках старины. Поправка в № 138 МИ. 526

149 ПК [Следы оросительных сооружений в дол. р. Сыр-Дарьи.]. 527

180—182 Первое десятилетие Туркестанского кружка любителей археологии. Н. С. Лыкошин. 528

189 Один из драматических эпизодов кокандской истории (Покушение на жизнь Алим-хана). М[аллицкий, Н. Г.]. 529

189 МИ В археологическом кружке.
Заседание 23 декабря. 530

1906.

1 МИ [Монеты, поступившие в Музей археол. кружка.] 531

1 ПК [Письмо П. А. Комарова по поводу бороллайских исследований.] 532

5 МИ [По поводу покушения диваны на Алим-хана кокандского.] 533

9 ПК [Обращение старинной русской монеты в горной Бухаре.] 534

16 МИ [XVI т. Записок Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. О-ва.] 535

19 МИ [Перевод „Кандии малой“ В. Л. Вяткиным.] 536

20 Нумизматическая загадка. Н. А. Б—ский [Бендерский].
По поводу старинной русской монеты в горной Бухаре. 537

20 МИ [Заметка Гартманна о надгробном камне 230 г. х. в Турк. музее.] 538

23 Письмо в редакцию. М. Насирбеков.
По поводу 538. 539

26 ПК [Покража части подсвечника из мечети Хазрета Ходжи Ахмада Ясави в г. Туркестане.] 540

29 К истории таранчинского господства в Илийском крае. 541

35 Еще о нумизматической загадке. В. Кинд. 542

46 Остатки древней культуры в горах Алатау [Чимкентск. уезда]. Н. В. Ковалев. 543

53 ПК [Холм Пушт-и-Мамед возле Пскента.] 544

63 К вопросу об изучении местных языков. В. Бартольд. 545

66, 71 МИ } [Ремонт мечети Хазрет Султана Ясави в г. Тур-
68, 79 ПК } кестане.] 546

81 П. М. Мелиоранский. (Некролог). В. Бартольд. 547

82 Заметка. Н. Ф. Петровский.
О меч. Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. 548

83, 84 Взгляды ученых мусульман на женщину. Н. Катанов. 549

93 Историческая справка. В. В[яткин].
По поводу 548. 550

94 По поводу „Исторической справки“. Н. Петровский. 551

95 Из прошлого. (Предание о Таш-акыре). Алибий. [И. В. Андреев].
Развалины около Аулиеата. 552

№№ газеты		
99	Заметка в ответ Н. Ф. Петровскому. В. В[яткин]. По поводу 551.	553
101	МИ [Поддельные древности из Самарканда.]	554
105	Экспедиция д-ра Штейна в восточный Туркестан [с археолог. целями].	555
114	ОО Приказ по Туркестанскому краю 26 июля 1906 г. № 274 [об учреждении Наблюдательного Комитета при т. публ. б-ке и музее].	556
114, 139	МИ } Астанкул-бек кушбеги бек гиссарский.	557
120	МИ [Могила мусульманского святого (сына Ходжи Ахмада Ясави) во дворе Ташк. военн. госпиталя.] Поправка МИ № 125.	558
120	МИ [Раскопки при работах по распланировке Никифоровских земель в Ташкенте.]	559
121	МИ [Доставка в Сыр-Дарьинское, Самаркандское и Ферганское областные правления 737 вакуфных документов с ханскими печатями.]	560
121	ПК [Древние городища—„асары"—в Казалинском уезде.]	561
125	Хазрет Султан (Ходжа Ахмад Ясави, Султан Арефин, туркестанский мистик и святой XII столетия). М[аллицкий].	562
126	Ходжа Ахмад Ясави. Алий-Аскар Калинин.	563
134	ОО Правила Туркестанской публичной библиотеки и музея.	564
141	ОО Приказ по Туркестанскому краю 16 сентября 1906 г. № 353 [о проекте Восточного Института в Ташкенте].	565
143	Восточный Институт в Ташкенте. Подп. Ягелло.	566
150	МИ В археологическом кружке. Заседание 2 октября.	567
157	Среднеазиатские демократы XIII и XIV столетия. [По статье В. В. Бартольда „Народное движение в Самарканде в 1365 году".] [Н. Г. Маллицкий.]	568
164	Еще о бородайских письменах. Петр Комаров.	569
165	К проекту восточного института. В. Бартольд.	570
174	Библиография. [XVII т. в. I. Записок Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва.]	571
174	МИ [Находка двух каменных наконечников стрел в Каратау и их предполагаемая демонстрация в Турк. кружке люб. археологии.]	572
176	Заметка [об орудиях каменного века]. Н. Ф. Петровский.	573
180	Еще о каменных орудиях. А. Симонов.	574
187	МИ В археологическом кружке. Заседание 11 декабря.	575

1907.

4	[Обращение заведующего турк. публ. библиотекой и музеем И. П. Зыкова с просьбой о содействии музею.] То же в №№ 43, 47, 50, 55, 63, 80 и 88.	576
4	МИ [Результаты поездки И. А. Беляева в Бухару.]	577

№№ газеты		
7	О находке орудий каменного века. И. Пославский.	578
15, 16	Происхождение Чингиз-Хана и его завоевания. Перевод с персидского. (Из рукописи „Тарихи-Муким-Ханы"). А. С—ъ.	579
18	МИ [„Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии" № 6.] О мечети Ахмеда Ясави в Туркестане и древностях Самарканда.	580
26	Царица Алая. И. Ф[илиппов].	581
28	Библиография. [„Протоколы заседаний и сообщения членов Турк. кружка люб. археологии."]	582
35	МИ [Археологическая экскурсия И. А. Беляева в Ташкентский уезд.]	583
36	МИ [Заседание турк. кружка люб. арх. 27 февраля.]	584
41, 43, 46–48	К вопросу о преподавании сартовского языка на местных курсах. Н. Остроумов. Исторические сведения в № 41.	585
41, 44, 48	МИ [Сообщение кап. Павлова „История Афганистана в связи с краткой историей всего Ирана (Персии)".]	586
56	МИ [Собрание членов Турк. кружка люб. археологии 11 апреля.]	587
57	Письмо в редакцию. А. Семенов. По поводу 587.	588
58	Ташкент, 17 апреля. [Передовая: о необходимости ремонта меч. Ходжи Ахмеда Ясави.]	589
62, 63	„Бегство" Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан. (По архивным данным.) А. Семенов.	590
66	МИ [Дар Н. Ф. Петровского Турк. кружку люб. арх.— собрание тюркских рукописей „Рисаля".]	591
69	МИ [Собрание членов турк. кружка люб. археологии 8 мая.]	592
71, 72	Мятеж в Веллоре. [Индия]. [В 1806 г.]	593
75	МИ [О направлении пожертвований на ремонт мечети Ходжи Ахмеда Ясави.]	594
86, 89, 92, 96, 99	Бухарские и хивинские посольства в Россию и русские посольства в Бухару и Хиву. Н. Остроумов.	595
87	Родословная эмиров Афганистана.	596
92	ПК [Развалины укрепления на берегу Зеравшана.]	597
106	Автор Хидаи. Н. С. Лыкошин. В примечании сведения о Клыч-Бурханиддине Узгентском.	598
159	О восшествии на бухарский престол эмира Музаффара и об обряде поднятия на кошме. В. В[яткин].	599
166	МИ [Проект постройки нового здания для музея за счет продажи дач генерал-губернатора и управляющего его канцелярией.]	600
172, 173	Самарканд (Корр. „Турк. Вед."). О последствиях для самаркандских памятников землетрясения 8 октября.	601
223	МИ [Общее собрание членов Турк. кружка люб. археологии 12 декабря.]	602

1908.

№№ газеты		
10	Виктор Романович барон Розен. Н. Остроумов.	603
22	Памяти барона В. Р. Розена. И. Крачковский.	604
39	МИ [Раузат-ус-Сефа, VI т.—рукопись XVI в., поступившая в музей.]	605
66	МИ [Ремонт меч. Шейхантаур в Ташкенте и Хазрет Ясави в Туркестане.]	606
82	Клыч-Бурханиддин, сын Саид-Камаледдина. (Узгентский Георгий Победоносец.) В. Орлов.	607
115	МИ [Общее собрание членов Турк. кружка люб. арх. 26 мая.]	608
116	МИ [Выход в свет 12 вып. „Протоколов заседаний Турк. кружка люб. арх.“]	609
146	Самарканд. (Корр. „Турк. Вед.“) О состоянии самаркандских памятников.	610
164	МИ [Остатки древнего моста XV в. в Ташкенте.]	611

1909.

67	МИ [Выход в свет 13 вып. „Протоколов Турк. кружка люб. арх.“]	612
72	МИ Заседание археологического комитета.	613
82	МИ [Выставка древних изделий из Средней Азии в СПБ.]	614
103	Памяти Николая Федоровича Петровского. (По случаю полугодовщины со дня его смерти.) А. Се—ов [Семенов].	615
131	† Николай Николаевич Пантусов.	616
140	МИ [Выход в свет „Сборника в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина“.]	617
144	МИ [Открытие для осмотра собрания предметов старины и местных изделий А. И. Добросмыслова.]	618
147	Династия каджаров.	619
201, 204, 207, 214, 219, 221, 229, 235, 262	Ташкент. (Исторический очерк). А. Добросмыслов.	620
213	Лекция А. А. Лаврова „Древняя история Туркестана“.	621
220	В Туркестанском кружке любителей археологии. Заседание 14 октября.	622
252	Самаркандская обсерватория. Эспе.	623
260	К открытию „Самаркандской обсерватории“. В[яткин].	624
269	МИ Заседание кружка любителей археологии.	625
274	Сообщение [вице-председателя турк. кружка люб. арх. Й. Т. Пославского о сотрудничестве с кружком].	626

1910.

12	МИ Усиление средств Туркестанского музея.	627
25	Астана-баба. Б. Л. Мавзолей около Керков.	628

№№ газеты		
32	Археологические находки. Афанасий Никитин [М. С. Андреев]. Глиняные гробы.	629
61	Памяти Л. С. Барщевского. Ю. О. Якубовский.	630
105	Лянгар. [Древние здания.] Б. Л.	631
114—116	Карши. Б. Л. Древности в № 116.	632
132	Хазары и иудеи [по книге H. Kutshera Die Chasaren].	633
162 приб.	ПК Попытка возвратить в туркестанскую мечеть украденный тамерлановский подсвечник.	634
164, 165	Макшеват. Б. Л.	635
223, 227, 231, 233	Очерки Гиссарского края. Каратаг—Гиссар. Б. Л. Исторические сведения в № 223.	636
250	Художественные памятники Средней Азии. М. И. Дворжицкий. О необходимости поддержки самаркандских памятников.	637
254	Заседание археологического кружка [8 ноября]. Г. Юлин.	638
255	Перевод и объяснение „жалованной грамоты“ Тимура, данной в 780 г. гиджры (соответ. 1378—1379 г. христ. эры) потомкам Абу-Муслима в Хоразме (Хив. ханство). Н. Остроумов.	639
266	Четвертый поход Тимура на Хорезм. Л. Зимин.	640
274	Разъяснение в дополнение к переводу „Жалованной грамоты“ Тимура. Н. Остроумов.	641
285	Вакуфные документы. Л. Зимин.	642
292	В Императорском русском археологическом обществе. Сообщение 16.XII С. Ф. Ольденбурга об экспедиции 1909—1910 г. в Китайский Туркестан.	643

1911.

14	МИ К археологическому изучению Туркестана.	644
15 приб.	МИ К постройке в Ташкенте Туркестанского музея.	645
24	Тамерлановская библиотека. Д. Н. Логофет.	646
28	МИ Сообщение о разведочной экспедиции Китайского Туркестана. С. Ф. Ольденбург в Русск. Геогр. О-ве.	647
28	МИ Научные труды по истории Туркестана. О продолжении полк. Серебренниковым труда по истории Туркестана.	648
34	МИ Археологическая находка. Глиняная ваза около Ходжента.	649
62	Некоторые подробности о происхождении и первых действиях Абу-Муслима аль-Хорасани.	650
73	МИ Археологический Институт в Туркестане.	651
87, 88, 91, 99, 107, 111	Экскурсия кадет Ташкентского Наследника Цесаревича кадетского корпуса в Самарканд и Бухару. М. Леев [Малеев]. Описание самаркандских памятников в №№ 88, 91, 99 и 107.	652
110 приб.	МИ Ремонт мечети [Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане].	653
161	МИ Остатки китайских дорог в Ташкентском уезде.	654
161	МИ Древности Ташкентского уезда.	655

№№ газеты		
173	О святом шейхе Хованд-Тахуре. М. Гаврилов.	656
185 приб.	МИ Осмотр мечети Ахмеда Ясави [в г. Туркестане].	657
195	Корреспонденция. Гор. Туркестан. Р. О необходимости ремонта меч. Ахмеда Ясави	658
212	Мечеть Ахмеда Яссави. Р.	659
231	МИ Памятник Улуг-Беку.	660
231	МИ Раскопки Афросияба.	661
231	МИ „Екатерининские" деньги в Бухаре.	662
232	МИ Раскопки старого Термеза.	663
233	МИ Самаркандские древности. [Упадок.]	664
235	Самаркандские древности. С. Иванович.	665
240	Славянские племена в Бухаре. С. Иванович.	666
240	МИ Старинные монеты [из Термеза].	667
255	Шугнан, Вахан и Рушан и славянские племена в Бухаре. Д. Н. Логофет.	668
258	МИ Сооружение памятника Мирзе Улуг-беку.	669
259, 262, 264	Путешествие по Старой Бухаре. В. Ерещенко. Также о Рабат-и-Малик около Кермине.	670
264	Охрана древности. Обозреватель. По поводу законопроекта о комитсте по охране древностей.	671
267	Легенды о Кампыр-Дувале. С. Иванович.	672

1912.

4	МИ Археологическая полемика [о находке монеты и наконечника стрел в Семиреченск. области].	673
27	„Иссык-Куль". Путевой очерк. Сергей Прохожий. Легенды о провале. Остатки.	674
38	Ходжа-Султан-Ахмет Яссови. (Киргизская легенда). Ю. Новицкий.	675
46	МИ Туземец-археолог [Палва́нов].	676
52	К заметке „Туземец-археолог". Полк. Н. С. Лыкошин.	677
75, 80, 85, 87, 91, 92, 94, 95, 97, 98, 100	Мир Ислама его прошлое и современное положение. Н. Остроумов.	678
96, 98, 101—103	Главные мусульманские имамы-законоведы. А. Н. Кондратьев.	679
103—105, 116, 118, 120, 126, 133	Распространение ислама в пределах нынешнего Туркестана. Мих. Лавров.	680
132	Памятники мусульманской древности в Туркестанском крае. Николай Путинцев.	681
135	Катта-Курганский уезд в археологическом отношении. Ф—ц.	682
156 приб.	МИ Интересная находка. [Монета ср.-аз. ханств начала XIX в.]	683
161 приб.	МИ Интересная находка. [Древности в сел. Антоновке Семиреч. обл.]	684
164, 173	Нечто археологическое. Б. Л. О закаспийском кружке люб. арх. и о закаспийских древностях.	685
181	МИ Археологическая находка [в Верном].	686

№№ газеты

186 О старине в Закаспии. Б. Л. 687

187 приб. МИ Археологическая находка. [Котлы около Верного.] 688

188 Очерки Кашгарии. I. Немного истории. А н т а р. 689

192 Страничка из истории Туркестана в 1812 г. М. Г а в р и л о в. 690

192 приб. МИ Самаркандские древности. В.
Печальное состояние. 691

198 „В Самарканде". (Из моих скитаний). А н т а р. 692

203 Древности Туркестана [города]. М. 693

204 приб. МИ Занесенный песком кишлак. [В Кокандском уезде.] А. 694

219 Историческое прошлое нашего шелководства. В е с п а. 695

222 приб. МИ Остатки древнего города [на границе Чимкентского и Аулиеатинского уездов]. 696

236 Происхождение слова „Сарт". М. Г а в р и л о в. 697

241 приб. Русские не выдумывали слова „сарт". Н. О с т р о у м о в. 698

252 В Туркестанском кружке любителей археологии. Н. М о к ш а н ц е в.
Заседание 8 ноября. 699

257—259 Каратагское землетрясение. М.
О повреждении самаркандских памятников в №№ 257, 258. 700

280 В археологическом кружке. Z.
Заседание 11 декабря. 701

285—286 Ходжент (Из моих скитаний). А н т а р.
Исторические сведения в № 285. 702

1913

11 МИ Азиатский отдел при Академии Наук [пополнение его]. 703

26—30 Прошлое Туркестана.
История торговли в № 26. 704

26 Туркестанский кружок любителей археологии. О ш и н.
Заседание 29 января. 705

51 Заседание Туркестанского кружка любителей археологии [4 марта]. Z. 706

84 приб. МИ 1000-летний юбилей [похода славян в Среднюю Азию]. 707

94 приб. МИ Редкая командировка [П. П. Фетисова в Ср. Азию для обмера и зарисовок разрушающихся памятников]. 708

96 Заседание Туркестанского Кружка любителей археологии [30 апреля]. 709

106 Сношения России с Бухарой и Хивой. Сообщение С. В. Ж у к о в с к о г о в о-ве русских ориенталистов. 710

138 приб. МИ Изучение старины. [Предполагаемый приезд в Самарканд г. Борншюллера (sic) из Германии.] 711

171 Искандер Зулькарнейн. Легенда об Александре Македонском. Д. К. 712

185 МИ Охрана памятников в Туркестане. 713

200 Герман Вамбери (некролог). 714

202 Памяти Арминия Вамбери. Н. О с т р о у м о в. 715

203 Древности в окрестностях г. Ташкента. А. С. 716

№№ газеты

210, 211 Работы по орошению земель в Самаркандской обл. Юрий Могилев.

О древнем канале через Туркестанский хребет в № 210. 717

221 Религиозный орден Накшбенди. Сид эль ходжа Абед-эд-Дин Мохамед-бен-Мохамед Бога-эд-Дин эль Бохари эн-Накшбенди. (Пер. с франц.) А. Гарлицкий. 718

245 МИ Ремонт мавзолея и гробницы. [Сулдурхан-Мазы (sic!) в Ферг. обл.[1]] 719

253 приб. МИ Просьба археологической комиссии.

О высылке ей подсвечника из мечети Ходжи Ахмада Ясави в Туркестане. 720

257 приб. МИ Редкая археологическая находка.

Гранитные чаши. 721

263 К орошению южной части Голодной степи. Юрий Могилев.

Древние оросительные системы. 722

279 приб. Заседание Туркестанского кружка любителей археологии. З . . .

11 декабря. 723

1914.

6 приб. МИ Памяти ученого [ассигнование на памятник Улуг-Беку]. 724

12 Древний серебряный рудник „Кух-и-сим". П. С. Назаров. 725

30 приб. МХ Археологическая находка. [Пещера около Хумсана; монеты времен Омара.] 726

37 приб. Заседание археологического общества. N. 727

37 приб. МХ Варварское отношение к памятникам старины. 728

42 приб. МХ Возрождение общества археологов [в Закаспии]. 729

49 Первобытная история турецко-монгольских племен А. Башмаков. 730

59 Интересный доклад. Памятники Тимуридов.

Доклад П. П. Фетисова о самаркандских памятниках. 731

59 приб. МХ Научная командировка [турк. кр. люб. арх. Л. А. Зимина к развалинам Куня-Пейкенда]. 732

61 „На развалинах Анау". Антар. 733

61 Интерес к Туркестану. Из туркестанской экспедиции [П. П. Фетисова—о самаркандск. памятн.]. 734

62 приб. МХ Желанный гость. [Предполагаемый приезд акад. В. В. Бартольда.] 735

---

[1] Султан-Санджар-Мазы в Узгенте (?).

№№ газеты

63 МХ Заседание археологического общества [17 марта]. А. И—в. 736

80 МХ Командировка [Ф. А. Изын-Бека для археол. зарисовок]. 737

102 Пятидесятилетний юбилей и „История Туркестана". А. И в.
Похвальный отзыв о книге Н. Павлова. 738

111 МХ Среди археологов. [Заседание кр. люб. арх. 20 мая.] А. И—в. 739

119 МХ Охрана памятников [проект установления охраны памятников старины в Турк. крае]. 740

131 Охрана памятников старины в Туркестане. Ч. Р. 741

136, 137 Эпоха монгольских завоеваний. А. Башмаков. 742

142 Городище Афрасиаб. Ч. Р.
Необходимость охраны. 743

150—152 По поводу одной научной поездки [Кастанье в Ахсыкет]. Л. Зимин. 744

163 Ответ г. Кастанье. Л. Зимин. 745

202 МХ В археологическом о-ве. А. И—в.
Заседание кр. люб. арх. 8 сентября. 746

205 МХ Издание специальной брошюры.
Л. А. Зимин о Пейкенде. 747

257 † Ген. лейт. Илья Титович Пославский. Н. М—в. 748

258 Последнее прости Илье Титовичу Пославскому. Н. Остроумов. 749

261 МХ Новая книга о Китайском Туркестане [С. Ф. Ольденбурга об экспедиции 1909 г.]. 750

1915.

1 МХ В Туркестанском кружке любителей археологии [заседание 30 декабря]. А. М—т т. 751

4 Памяти И. Т. Пославского. 752

45 Из воспоминаний об Илье Титовиче Пославском. Л. Зимин. 753

46 قسقهچه تورك تاتار تاريخى [Казань 1915. Краткая история тюрков-татар]. А. Диваев.
Одобрительная рецензия. О Тимуре. 754

130 Доклад ген.-лейт. А. С. Галкина. [Движение русских в Ср. Азию до 1865 г.] 755

174 МХ Доклад Л. А. Зимина [об археол. поездке в Бухару]. 756

193 МХ Доклад акад. Бартольда „Улуг-бек и Ходжа-ахрар." [В Вост. Отд. Русск. Арх. О-ва.] 757

209, 210, 212, 213 Восточный вопрос. Л. Зимин.
Взаимоотношения Европы и Азии. 758

№№ газеты

236 Экскурсия в Мургабское Государево имение и в Самарканд учеников Ташкентского реального училища в мае 1915 года. А. Ростковский.

О самаркандских памятниках. 759

249 Юбилей научно-литературной деятельности А. А. Диваева. К. Т[имаев]. 760

1916.

11, 17, 27 Тарихи-Туркестан [История Туркестана Алим-ходжиева]. Гр. Андреев. 761

20 Последние дни Худояр-хана. А. Диваев. 762

45 MX Ценная находка [монет эпохи Искандер-хана Шейбанида]. 763

46 „История Шугнана". Доклад А. А. Семенова в Турк. археологическом кружке. А. С. 764

72 В Закаспийском кружке любителей археологии. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского Кружка любителей археологии и истории Востока. Выпуск I. (1914/1915) Антикварий [А. А. Семенов].

Поправка в № 74. 765

87 К библиографической заметке „Протоколы Зак. Кр. люб. арх. вып. I" в № 72 „Турк. Вед." за текущий год. Антикварий [А. А. Семенов]. 766

117 MX Приезд В. В. Бартольда. 767

188 Археологическая находка в Самарканде. Самаркандец.

Склепы около мазара Ходжи-Ахрара. 768

204 Библиографическая заметка. Слученовский. Самарканд и его прошлое. 48 стр., цена 50 коп. В. В[яткин]. 769

217 В Географическом обществе. Мушаджар. А. С.

Доклад В. Э. ф. Эгерта в соед. заседании Турк. Отд. Русск. Геогр. О-ва и Турк. Кр. люб. арх. 770

264, 265 Загир-Эддин-Мухамад Бабур, завоеватель. Эдуард Холден. С англ. перев. Н. Гр[инкевич]. 771

1917.

3 Абубекр Ахмеджанович Диваев. (К изданию его литературно-научных трудов по этнографии Туркестанского края). Ев. Васиневский. 772

ИНДЕКС АВТОРОВ И ПЕРЕВОДЧИКОВ.

Квадратные скобки при фамилиях и инициалах показывают, что таковые не даны в соответствующих местах „Турк. Вед.“, а заимствованы составителем из других источников. Такие же скобки при цифрах означают, что данная статья или заметка в тексте не подписана и принадлежность ее тому или иному автору установлена составителем. Цифры указывают тот порядковый №, под которым статья или заметка значатся в „Росписи“.

ИНДЕКС ИМЕН И ПРЕДМЕТОВ.

Цифры указывают порядковый №, под которым статья или заметка значатся в „Росписи“.

ADDENDA.

К стр. 69.

О шиитстве см. теперь также Strothmann, R. Shi'a. Enz. d. Isl. IV, 376—385.

К стр. 78—79.

Английский купец Jonas Hanway, посетивший Персию при жизни Надира, сообщает, что Надир в Мугани обусловил свое согласие принять престол тремя условиями: 1) корона должна была стать наследственной в его семье; 2) никто не должен был давать приюта в своем доме членам низложенной династии и не должен был потворствовать мятежу; 3) должно было быть прекращено устройство шумных манифестаций в память смерти Хусейна, а для ликвидации несущественных, по мнению Надира, разногласий между шиитами и суннитами должно было быть созвано совещание представителей обеих сторон. Срв. The Revolutions of Persia. Vol. II: Containing the History of the celebrated Usurper Nadir Kouli, from his birth in 1687, 'till his death in 1747. By Jonas Hanway, Merchant. London, 1753 (An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea; with the Revolutions of Persia. Vol. IV.), стр. 125 след. (Указанием на этот источник я обязан любезности Е. К. Бетгера). По сообщению Fraser'а, тоже современника Надира, в рескрипт Надира в Мугани было включено еще и требование, чтобы шииты отказались от обычной у них после произнесения символа веры формулы поминовения 'Али: „'Али друг аллаха", которая подчеркивает преимущественное право 'Али на халифат. Срв. James Fraser. The History of Nadir Shah, Formerly called Thamas Kuli Khan, The Present Emperor of Persia. London, 1742, стр. 124 след.

Об избрании Надира срв. также повествование другого его современника, армянского католикоса Авраама, присутствовавшего в Мугани. (Brosset, M. Collection d'historiens arméniens. Спб. 1876, т. II, стр. 299—303.) У него же (стр. 300) см. и о включении запрета демонстраций в память Хусейна в условия избрания Надира. (Трудами Fraser'а и Brosset я смог воспользоваться благодаря содействию Е. К. Бетгера).

К стр. 78 прим. 1 и стр. 80.

Отрицательное отношение Надира к шиитскому духовенству нашло себе отражение и в том, что, как сообщает Fraser (цит. соч., стр. 120), Надир в Мугани обласкал и одарил всех, кроме мулл.

К стр. 80 прим. 3.

По Hanway (цит. соч., стр. 126) народ в Мугани пожелал выслушать мнение главы духовенства именно по вопросу о прекращении манифестаций в память смерти Хусейна, которые, как известно, и по сию пору являются моментом самого яркого проявления шиитского фанатизма, особенно подчеркивающим враждебное отношение к суннитам. Представ пред лицом нового государя, муллабаши, как повествует Hanway, сказал ему: „Не дело земных князей давать указания, как должно почитать бога неба и земли; у нас есть свой закон, заповеданный божественным авторитетом через посредство пророка, и им мы руководствуемся. А так как все изменения в вопросах религии чреваты очень опасными последствиями, я надеюсь, что не будет принято никаких мер к тому, чтобы омрачить блеск Ваших побед таким шагом, который в такой степени может нанести ущерб благополучию правоверных". (Срв. также Fraser, цит. соч., стр. 118). Казнь чрез удушение вскоре заставила навеки замолчать этого муллабаши (Hanway, стр. 127; Fraser, стр. 118).

К стр. 82 прим. 1.

Как повествует Hanway (цит. соч., стр. 257), посещение Надиром могилы Абу Ханифы, видимо, было воспринято, как выражение его желания стать последователем школы этого суннитского имама, и это естественно доставило великую радость Высокой Порте.

А. Э. Шмидт.

К стр. 114.

В числе урочищ (мауза) по Шейхантаурской части пропущено Дегриз (Дироз)—„литейщики котлов", соответствующее такому же названию махалля той же части. Расположено это урочище к северу от христианского кладбища; находившиеся здесь виноградники фирмы „Наследников коммерции советника Н. И. Иванова" получили название дачи Дегресс (искаженное Дегриз), и на винах, выделывавшихся там, на хорошо оборудованном заводе, всегда изображалось слово „Дегресс" или „Degress". Это была одна из лучших и наиболее известных марок туркестанских вин.

Мистическое название другого урочища Шейхантаурской части, Чильдохтуран,—„сорок (святых) дев",—на топографических планах города было искажено в „Чильдык-туран" и даже в „Туран-чильдык".

Н. Г. Маллицкий.

К стр. 122 прим. 2.

М. А. Терентьев (История завоевания Средней Азии. Т. III. Спб. 1906, стр. 304), говоря об основании ташкентской публичной библиотеки, относит его к 1868 г.

К стр. 125 прим. 1.

О Якуб-беке см. еще: Пантусов, Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей илийского округа. Вып. 6. Стихотворение о Якуб-беке, государе Кашгарии, и о событиях его времени. Казань, 1901. (В предисловии Н. Ф. Катанова, стр. 3—6, приведена библиография) и Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, сайрамца. Изд. Н. Н. Пантусов. Казань, 1905. (Рецензия В. Б[артольда] в ЗВО ИРАО т. XVII, стр. 0188—0195).

К стр. 170.

Другую легенду о постройке мечети над могилой Зимга-Ате (Зенготе) (sic) в городе Зенгот (sic) записал Н. В. Сорокин. (Природа и человек в Средней Азии. Исторический Вестник. 1888 г., июль, стр. 122).

Ред.

К стр. 171.

Со времени написания статьи и до окончания печатания Сборника в свет вышли труды Б. П. Денике: Искусство Средней Азии, Москва, 1927 г. и В. Л. Вяткина: Памятники древностей Самарканда, Самарканд, 1927 г. В первом, кроме краткого описания (стр. 38—39), воспроизведен „старинный снимок с памятника" (рис. 13). В описании В. Л. Вяткина (стр. 30—32) сообщается на основании его последних исследований, что „вход в склеп находится в юго-восточном углу центральной залы."

М. Е. Массон.

К стр. 219 прим. 6.

Китаби-Коркуд В. В. Бартольда см. еще ЗВО т. XV.

К стр. 328 прим. 1.

Пословица № 22 в тексте и переводе опубликована автором на стр. 47, прим. 2 изданной им киргизской поэмы „Алпамыс-батыр". (Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. X. Ташкент, 1902). Кроме того, пять из приведенных пословиц встречаются в казакском тексте в „Христоматии Тарту" (составил по материалам А. А. Диваева М. Джумабаев. Ташкент, 1924), а именно: №№ 16 (в несколько ином варианте) и 17 на стр. 197, №№ 13 (также в ином варианте) и 22 на стр. 201 и № 34 (частично) на стр. 198.

К стр. 430.

В статье П. Е. Кузнецова транскрипция узбекских слов арабскими буквами по техническим условиям приведена только в старом правописании. В рукописи имелась транскрипция и по новой орфографии.

Ред.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЛИЧНЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ.

(Составил Е. К. Бетгер).

При пользовании настоящим Указателем следует иметь в виду, что в него не вошли имена и названия, упомянутые в Обращении и Предисловии, а также в статье 35 (кроме введения), снабженной собственными индексами. Кроме того, в Указатель не включены:

I из личных имен:

а) имена и фамилии, встречающиеся в заглавиях цитируемых изданий;

б) фамилии лиц, которым посвящены Сборники, приводимые в ссылках;

в) фамилии коммерческих издателей;

г) фамилии участников настоящего Сборника, коль скоро они находятся перед статьей или после примечаний в Addenda в качестве подписей;

д) имена, употребленные в приложении к другим лицам в виде эпитетов, сравнений и т. п. (напр. „второй Искандер“);

е) имена святых и пр., фигурирующие в молитвах, заговорах и т. п.;

ж) имена отцов в сложных восточных наименованиях.

II из географических названий:

а) страны, местности, реки и пр., входящие в состав заглавий цитированных трудов;

б) места издания цитируемых сочинений.

Помимо географических имен в собственном смысле, в Указатель вошли, в соответствии с общим характером книги, также названия исторических и археологических памятников (мазаров, мавзолеев, медресе, ворот и т. п.).

Указания некоторых участников книги на свои прежние труды без упоминания фамилий, с употреблением лишь местоимений (напр., „см. нашу статью“, „я об этом говорю в моей работе“) составитель рассматривал как обычные ссылки и фамилии таких авторов внес в Указатель под соответствующими страницами.

В виду того, что настоящая книга является не монографией, а сборником, в ней совершенно естественно наблюдаются разночтения собственных имен, как личных, так и географических, в зависимости от принятого тем или иным автором написания. Поэтому составитель не счел себя вправе сводить в одно различные транскрипции одних и тех же имен, а поместил каждую особо с приведением относящихся к ней страниц, снабдив их лишь ссылкой на другие написания („см. также“). В тех же случаях, когда одно и то же имя имеет два или более параллельных названия, одно из них принимается за основное и сопровождается указанием страниц, а от остальных делается ссылка на это основное имя („см.“).

Географические названия, начинающиеся с прилагательных (типа „Средняя Азия“) в Указателе не изменены и помещены в нем под первым словом (не „Азия, Средняя“).

В восточных именах личных, сложных с Абу-, аль- (ал-) и ибн-, эти последние не приняты во внимание, и такие имена следует искать под вторым словом.

При размещении имен в алфавитном порядке знаки радловской транскрипции приравнены к русским следующим образом: ä=а, ҕ=г, h=х, i=и, k=к, l=л, ң=нг, ö=о, ӱ̆=у, џ=дж, w=у.

Русские буквы *и*, *і* и *й* при размещении слов не различаются.

В квадратных скобках заключены сведения, почерпнутые составителем не из соответствующей статьи, а из сторонних источников.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ И АВТОРСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ.

Страница	Строка	Напечатано	Следует
4	20 сн.	Ходжа Ислам	Ходжа Яхъя
93	23 сн.	строка 7	строка 17
162	5 сн.	E. Le Strange	G. Le Strange
187	6 сн.	خضرت	حضرت
219	8 св.	правивших	правившего
224	16 св.	древних персов	персов
395	3 св.	tɔškænt	tɔškæn(t)
396	18 сн.	*taš	*taž
399	5 св.	сохранились поныне	указываются и ныне
415	7 св.	толстой	прямой
415	12 сн.	толстая	прямая
419	6 св. (1 столбц.)	ц̧уjыны	ц̧аjыны
493	16 св.	232	233
528	21 сн.	423	424

ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И ИРАНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ.

1. Таджикистан.

Сборник статей под редакцией проф. Корженевского. Ташкент. 1925 г. in 8⁰. Стр. 290. С картой Таджикистана и двумя схемами. Цена 3 руб.

2. Каттаган и Бадахшан.

Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике, состоянию военных сил и маршрутам. С приложением 34 карт. Составил Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Перевод с персидского под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. А. А. Семенова. Ташкент. 1926 г. in 8⁰. Стр. X+248. Цена 3 руб.

3. Истоки реки Танымас.

Предварительное сообщение о научных результатах экспедиции 1925 года на Памиры. Ташкент. 1926 г. in 8⁰. Стр. 30. С 3 фототипическими таблицами и 7 схемами и чертежами. Проф. Н. Л. Корженевского. Цена 75 коп.

4. К материалу по Средне-Азиатской керамике.

Проф. М. С. Андреева. Запись экспедиции от общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, работавшей в пределах Таджикистана летом 1925 года. Ташкент. 1926 г. in 8⁰. Стр. 18. С 6-ю фотографиями на паспарту. Цена 75 коп.

5. Выработка железа в долине Ванча.

Проф. М. С. Андреева. Из материалов, собранных экспедицией общества для изучении Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 года. Ташкент. 1926 г. in 8⁰. Стр. 17. С 6-ю рисунками и одной фотографией. Цена 50 коп.

6. К догматике памирского исмаилизма.

Проф. А. А. Семенова. Данные по основным положениям исмаилитской догматики. С двумя портретами Ага-и-хана. Ташкент. 1926 г. in 8⁰. Стр. 51. Цена 90 коп.

7. Иран.

Акад. В. В. Бартольда. Исторический обзор. Ташкент. 1926 г. in 8⁰. Стр. 122. Цена 1 р. 70 коп.

8. По Таджикистану.

Проф. М. С. Андреева. Материалы по экспедиции 1925 года в Таджикистан. Ташкент. 1927 г. in 8⁰. Стр. 83. С приложением статей Е. М. Пещеревой и М. Е. Массона. С 21 фотограф. Цена 1 р. 50 коп.

9. Средне-Азиатский поэт и суфий Хувайдо.

Проф. М. Ф. Гаврилова. Ташкент. 1927 г. Стр. 29. Цена 40 коп.

Находятся в печати:

1. По этнологии Афганистана.

Проф. М. С. Андреева. С 10 иллюстрациями.

2. Орнамент горных таджиков верховьев реки Аму-Дарьи.

Проф. М. С. Андреева. С 45 иллюстрациями.

3. Политическое устройство Афганистана.

С. Н. Бялковского. Общий очерк.

Кроме того имеется на складе:

В. В. Бартольд И. И. Умнякова. По поводу 30-летия профессорской деятельности. Ташкент. in 8⁰. 1926 г. Издание САГУ. Стр. 28. Цена 50 коп.

Цена 7 руб.

Издание Общества для изучения Таджикистана
и иранских народностей за его пределами.
Ташкент, Иканская 1.